

СИМОНА ВЕЙЛЬ

Тетради
1933–1942

ТОМ I

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИВАНА ЛИМБАХА

SIMONE WEIL

Cahiers

1933–1942

nrf

Gallimard

СИМОНА ВЕЙЛЬ

Тетради

1933–1942

*Перевод с французского,
составление и примечания
Петра Епифанова*

Том I
1933 – октябрь 1941

Издательство Ивана Лимбаха
Санкт-Петербург
2016

УДК 1 (44) (091) «19» = 161.1 = 03.133.1

ББК 87.3 (4Фра) 6-021*83.3

В 26

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»*

*Перевод осуществлен на средства СПб РОО «Возвращение»
в память о переводчице Галине Арсеньевне Островской*

В 26 Вейль Симона. Тетради 1933–1942: В 2 т. / Пер. с франц., сост. и примеч. П. Епифанова; статьи П. Епифанова и О. Панкратьева. — СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2016. Т. 1: 1933 – октябрь 1941. — 560 с.

ISBN 978-5-89059-269-9 (общ.)

ISBN 978-5-89059-270-5

Воплотившая в себе образ героя своего трагического времени — героя абсолютного поступка среди безнадежности, абсурда и богооставленности, — Симона Вейль (1909–1943) не только снискала славу великого религиозного философа, прошедшего путь от марксизма и атеизма до предельных форм христианского аскетизма, но и стала тем кьеркегоровским «рыцарем веры», парадоксализм мысли и действий которого стал своего рода фундаментом нравственного выживания европейской цивилизации после двух мировых войн. Первый русский перевод избранных «Тетрадей» Симоны Вейль, снабженный подробным историко-культурным и философским комментарием, наконец-то вводит это уникальное, равнозначное «Опытам» Монтеня и «Мыслям» Паскаля собрание идей, в российский интеллектуальный читательский обиход.

*Текст «Тетрадей» Симоны Вейль
печатается с учетом авторской пунктуации*

© Петр Епифанов, перевод, составление,
статья, примечания, 2016

© О. В. Панкратьев, статья, 2016

© Н. А. Теплов, дизайн обложки, 2016

© Издательство Ивана Лимбаха, 2016

Список используемых сокращений

- AD — Simone Weil. *Attente de Dieu*. P.: Fayard, 1966.
- CSW — *Cahiers Simone Weil*. Ежеквартальное издание, посвященное исследованию жизни, трудов и идей Симоны Вейль; выходит во Франции с 1978 г.
- CEC — Simone Weil. *Œuvres complètes* / Sous la dir. d'A. Devaux et F. de Lussy. P.: Gallimard. Издается с 1989 г.; на сегодняшний день вышло 7 томов, включающих 12 отдельных книг.
- P — Simone Weil. *Poèmes, suivis de «Venice sauvée»*. Lettre de Paul Valéry. P.: Gallimard, 1968.
- PG — Simone Weil. *La Pesanteur et la Grâce*. P.: Plon, 1991.
- Q — Simone Weil. *Œuvres* / Sous la dir. de Florence de Lusse. P.: Gallimard, 1999. (Collection «Quarto»).
- SP — Simone Pétrement. *La vie de Simone Weil (avec des lettres et d'autres textes inédits)*. P.: Fayard, 1997.
- ТБ — Симона Вейль. Тяжесть и благодать / Пер. с фр. Н. Ликвинцевой; сост., коммент. Н. Ликвинцевой, А. Шмаиной-Великановой. М.: Русский путь, 2008.
- Ф — Симона Вейль. Формы неявной любви к Богу / Пер. с фр. П. Епифанова и Н. Ключаревой; сост., вступ. статья, коммент. П. Епифанова. СПб.: Свое издательство, 2012.

Библия. Книги Ветхого Завета

- Быт — Первая книга Моисеева: Бытие
- Исх — Вторая книга Моисеева: Исход
- Лев — Третья книга Моисеева: Левит

Числ	— Четвертая книга Моисеева: Числа
Втор	— Пятая книга Моисеева: Второзаконие
Нав	— Книга Иисуса Навина
1 Цар	— 1 Книга Царств
Иов	— Книга Иова
Пс	— Псалтырь. Нумерация псалмов дается двойная: 1) по греческому переводу Семидесяти, церковно-славянскому (разных редакций) и Синодальному русскому переводу, и 2) по каноническому для иудаизма Масоретскому тексту Библии и сделанным с него переводам на новоевропейские языки (английской King James Bible, французскому Louis Segond и др.; этой нумерации придерживалась и Симона Вейль).
Притч	— Книга Притч Соломоновых
Прем	— Книга Премудрости Соломоновой
Еккл	— Книга Экклезиаста или Проповедника
Песн	— Песнь песней Соломона
Ис	— Книга пророка Исаии
Иер	— Книга пророка Иеремии
Иез	— Книга пророка Иезекииля

Книги Нового Завета

Мф	— Евангелие от Матфея
Мк	— Евангелие от Марка
Лк	— Евангелие от Луки
Ин	— Евангелие от Иоанна
Деян	— Деяния Апостолов
Иак	— Послание апостола Иакова
1 Петр, 2 Петр	— Первое и Второе послания апостола Петра
1 Ин, 2 Ин, 3 Ин	— Первое, Второе и Третье послания апостола Иоанна Богослова
Иуд	— Послание апостола Иуды
Рим	— Послание апостола Павла к Римлянам
1 Кор, 2 Кор	— Первое и Второе послания апостола Павла к Коринфянам
Гал	— Послание апостола Павла к Галатам

Ефес	— Послание апостола Павла к Эфесянам
Флп	— Послание апостола Павла к Филиппийцам
Кол	— Послание апостола Павла к Колоссянам
1 Фес, 2 Фес	— Первое и Второе послания апостола Павла к Фессалоникийцам
1 Тим, 2 Тим	— Первое и Второе послания апостола Павла к Тимофею
Тит	— Послание апостола Павла к Титу
Флм	— Послание апостола Павла к Филимону
Евр	— Послание апостола Павла к Евреям
Откр	— Откровение апостола Иоанна Богослова
LXX	— Греческий перевод Библии, т. н. Семидесяти толковников (Септуагинта).
СП	— Синодальный перевод Библии на русский язык (1876), и переиздания.
DK	— Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch und Deutsch von Hermann Diels. Herausgegeben von Walther Kranz. Weidmannsche Buchhandlung, Berlin, 1910.
БАУ	— Брихадараньяка-упанишада
ИУ	— Иша-упанишада
КУ	— Катха-упанишада
КнУ	— Кена-упанишада
МУ	— Мундака-упанишада
МяУ	— Мандукья-упанишада
ПУ	— Прашна-упанишада
ЧУ	— Чхандогья-упанишада
ШУ	— Шветашвара-упанишада
БхГ	— Бхагавад-Гита

Условные обозначения

В примечаниях используются обозначения и номера тетрадей и страниц, принятые во французских и переводных изданиях «Тетрадей». Например, K1 — тетрадь I, K2 — тетрадь II, и т. п. Ki1 — неизданная тетрадь I (т. е. не вошедшая в первые издания, осуществленные издательством «Ploп» в 1951–1954 и 1970–1974), и т. п.

Аббревиатура ms. с номером в квадратных скобках означает страницу рукописи оригинала.

[] — текстуальные вставки Симоны Вейль в свои прежние записи, продолжающие размышления над темой или пояснительные.

[...] — части текста в цитатах, выпущенные Симоной Вейль.

власть — курсивом выделяются слова и фразы, подчеркнутые в оригинале одной линией, а также некоторые понятия философии индуизма, приводимые Симоной Вейль на деванагари или в латинской транскрипции.

ТРУД — увеличенным шрифтом выделяются слова и фразы, подчеркнутые в оригинале двойной линией.

[] — пояснения переводчика, переводы иноязычных текстов.

<также>, Д<етёф> — дополнения текста, делаемые для большей связности; раскрытие сокращений имен.

(...) — фрагменты текста, выпущенные переводчиком. В основном, это заметки и записи по точным наукам, математические и физические формулы, или записи, повторяющие прежние.

По возможности воспроизводятся индивидуальные обозначения, применяемые Симоной Вейль, как фигурные: || ↑ † } и др., так и буквенные, с использованием латинского и греческого алфавита.

Два предисловия

Предисловие читателя

Популярность Симоны Вейль в Европе и Америке 1950–1960-х гг., которая достигла своего пика к мятежному 1968 году, а затем заметно пошла на спад, была иной, нежели обычно бывает популярность философов и писателей; в ней видели прежде всего... икону. Ошеломленная невыносимой реальностью двух мировых войн, переходами от разочарования к разочарованию, еле опомнившаяся цивилизация искала альтернативы и канонизированной духовности и морали христианских церковных институций, и светским образам рыцарей прогресса и филантропии, на которые была щедра идеология второй половины XIX века. «Чума» и «Миф о Сизифе» Альбера Камю выдвинули образ нового героя человеческой трагедии, героя абсолютного поступка во мраке безнадежности и абсурда. Образ Симоны Вейль как нельзя лучше пришелся ко времени, совмещая все три названных типа: святого в традиционном христианском смысле, светского подвижника-борца и персонажа в чисто экзистенциалистском вкусе. Возможно, именно третий подход к ее личности был, при всей условности, наиболее верным: в ней действительно жил кьеркегоровский «рыцарь веры», бросающийся в безнадежный прыжок над пропастью¹. Однако пока-

¹ С. Кьеркегор описывает этот тип в эссе «Страх и трепет», размышляя над библейским эпизодом жертвоприношения Авраама: «На вопрос „Почему?“ у Авраама нет иного ответа, кроме того, что это испытание, искушение, выдержанное им ради Бога и ради себя самого. Оба эти определения не отвечают одно другому в общепринятом языке. Согласно этому языку, когда человек творит нечто несогласованное с общим,

зательно, что слово «святость» применительно к Симоне прозвучало из уст таких людей, сформированных еще XIX веком, — как Андре Жид, Франсуа Мориак, Томас С. Элиот, Габриэль Марсель, чья зрелость выпала на первую мировую войну, а старость — на вторую, кому просто необходимо было, уходя из жизни, видеть луч надежды на человечество. С подачи этих уважаемых людей, хотя, конечно, помимо их намерения, образ Симоны немедленно был подвергнут стилизации. Появилась икона воплощенной самоотверженности, абсолютной отдачи себя служению миру и ближним... Среди текстов Симоны каждый разряд читателей мог выбрать нечто по вкусу — кто выступления 1930-х годов по социально-политическим вопросам, кто афоризмы из сборника «Сила тяжести и благодать», а кто — религиозно-этические статьи последнего периода ее жизни. Ее тексты могли привлекать и верующих, и неверующих: привлекал ведь не тот или иной положительный вывод из ее сочинений, но сама установка — мужественный путь одиночки среди отсутствия всякой земной надежды, солидарность со всем живым при резком отстранении от любых коллективных форм борьбы за «высшую истину» и «всеобщее счастье»². Самым горячим почитателем ее памяти и активным распространителем ее трудов во Франции 1950-х годов был уже упомянутый Альбер Камю — как известно, атеист. Экзистенциалисты приветствовали друг

про него говорят, что вряд ли он делает это ради Господа, подразумевая, что он делает это ради себя. Между тем парадокс веры лишен этого промежуточного звена — общего. С одной стороны, он выражает собой высший эгоизм (совершая ужасное ради себя самого), с другой — абсолютнейшую беззаветность, совершая это ради Господа. И тут один рыцарь веры ничем не может помочь другому. Единичный человек или становится сам рыцарем веры, взяв на себя парадокс, или никогда им не становится» (пер. С. и Н. Исаевых). Сочувственные ссылки на этот трактат Кьеркегора встретятся нам в «Тетрадах».

² В середине 1950-х гг., в ходе кризиса коммунистического движения, вызванного смертью Сталина, XX съездом КПСС и подавлением восстания в Венгрии, Симона приобрела в общественном мнении новые симпатии благодаря своему бескомпромиссному антисталинизму. Одновременно, в связи с распадом колониальных империй, усилился интерес к ее статьям 1930-х гг. по колониальному вопросу.

друга поверх барьеров веры и неверия: ситуация, навряд ли возможная прежде³. Симона была посмертно зачислена в тот же круг, и не без оснований. Но поскольку нужен был именно типический герой, типический представитель определенной позиции, мало кого интересовала Симона настоящая, во всех ее жизненных проявлениях, в целостности и сложности ее внутреннего мира. Нет ничего проще, чем прочертить линию «жития» Симоны: в 26 лет — уход преподавательницы философии на завод, в рабочую среду, в 27 — на испанскую войну, в 32 — участие в зарождающемся движении Сопротивления (эпизодическое, но важен сам факт), в 33 — отъезд в Лондон, в ставку «Свободной Франции», в 34 — смерть, вызванная истощением и переутомлением. (Часто подчеркивается, что из чувства солидарности Симона разрешала себе есть не больше, чем заключенные в лагерях — что, по совести говоря, является скорее попыткой придать возвышенный смысл ее анорексии.) Между этими датами — напряженный интеллектуальный труд, сострадание ко всем униженным и оскорбленным на свете, участие в профсоюзной борьбе, публикации против фашизма и колониализма, жестокое самоограничение, наконец, приход ко Христу через мистическое озарение... Все это, взятое по отдельности — правда; но при этом не было никакого «жития», а была живая жизнь девушки из небедной семьи, девушки закомплексованной, самовольной, индивидуалистичной, взбалмошной, плохо приспособленной к самостоятельному существованию — но при этом одаренной чудесным сердцем, чудесным умом и, что не менее важно, на редкость зоркой и развитой совестью. Разговоры о самопожертвовании чрезмерны: да, Симона помогала делом, средствами или моральным участием множеству людей; но это не было самопожертвованием, ибо она не жила экономически самостоятельно и вообще не вполне принадлежала себе, находясь под неотступной родительской опекой. Вырваться из-под этой опеки у нее хватало решимости и энергии лишь ненадолго. Отчасти по этой причине, а отчасти по слабости здоровья, подвиги ей не удавались: труд в цеху ограничился менее чем тремя месяцами, военный опыт составил несколько дней; чтобы кончилась разочарованием и про-

³ Ср.: Ж.-П. Сартр в статье «Экзистенциализм — это гуманизм» (1946).

валом работа у де Голля, и рухнули все связанные с ней планы, хватило примерно тех же трех месяцев. От Симоны, как от одаренного ребенка, с детства ждали многого. Приученная соответствовать ожиданиям, она могла каторжно работать, преодолевая мучившие ее с отроческих лет тяжелые головные боли; зато любое подчинение начальству, коллективу и внешней дисциплине было для нее невыносимо. При этом она, как самая обычная женщина, свой идеал мужчины видела, кажется, в военном. По-детски обожаемый герой современности — Лоуренс Аравийский⁴; любимый литературный герой — офицер-наемник Жаффье, выведенный ею самой в пьесе «Спасенная Венеция». Решаюсь предположить, что если бы единственный военный, с кем Симону близко свели жизненные обстоятельства, генерал де Голль, имел в себе хоть крупинку от Лоуренса и был способен вызвать у нее хоть капельку чистого восхищения, она не умерла бы в августе 1943 года. В судьбе Симоны не случилось ни одного полноценного романа (в чем тоже сказались особенности ее детского воспитания), но чувственные увлечения отнюдь не были ей чужды. «Тетради» дают представление о ее пристрастиях в лирической поэзии: на первом месте здесь стоит любовная лирика, причем обращенная не только к противоположному полу. Это и страстные признания Сафо, и стихотворения Кристофера Марло и Теофиля де Вио, и сонеты Шекспира, — из чего следует, что, даже отрицательно относясь к гомосексуализму как субкультуре (о чем Симона говорила прямо), в каком-то возвышенном варианте она была способна сочувствовать любви и такого рода.

⁴ «Если вы хотите представить себе чудесное сочетание подлинного героя, совершенно трезвого мыслителя, художника, эрудита и, сверх того, святого в своем роде, прочтите его „Семь столпов Премудрости“. (...) Никогда, насколько могу знать, после „Илиады“ не писали еще о войне с такой искренностью, с таким полным отсутствием декламации — хоть героической, хоть наводящей ужас. Словом, я не знаю, ни в одну историческую эпоху, ни одного исторического персонажа, в котором реализовалось бы до такой степени то, чем я хотела бы восхищаться. Воинский героизм есть нечто довольно редкое; трезвый ум — еще реже; соединение же того и другого почти не встречается» (письмо Ж. Постернаку, 1938; SP, p. 455; пер. мой. — П. Е.).

«Тетради» показывают Симону как человека с большей отчетливостью, чем ее законченные статьи. Они позволяют почувствовать живую плоть ее мысли во взаимодействии с массой крупных и малых, случайных и неслучайных условий, в которых эта мысль существовала. Надо отметить, что «Тетради» не являются просто записными книжками, хранилищем всевозможных заметок для памяти. Не предназначенные для печати, они велись так, как если бы предполагалось, что они будут прочитаны неким мысленным собеседником из других времен. Что Симона максимально серьезно думала о собеседниках из будущего, прочитывается в ее письме к матери, написанном за месяц до смерти из больницы в Мидлсексе:

«Я имею некую растущую внутреннюю убежденность, что во мне есть *золотой запас, который следует передать дальше*. Но то, что я вижу в моих современниках, все больше убеждает меня: никто не хочет им владеть.

Это цельный слиток. Все, что прибавляется к нему, немедленно сплавляется с остальным. По мере того как слиток растет, он становится все компактнее. Я не могу дробить и раздавать его мелкими частями.

Чтобы принять его, требуется усилие. Но предпринять усилие — это ведь так тяжело! Некоторые смутно чувствуют присутствие чего-то такого. Но им достаточно высказать несколько похвал моему интеллекту, и на этом их совесть бывает полностью удовлетворена. (...)

Что касается потомков — даже если когда-нибудь снова родится поколение с мускулами и способностью мыслить, печатные труды и рукописи нашей эпохи к тому времени, несомненно, исчезнут материально.

Меня это не беспокоит. *Золотая жила неисчерпаема...»⁵*

Выделенные нами слова ясно говорят, как Симона оценивала то, чем обладала. Справедливы ли эти притязания? Чтобы об этом судить, остается последовать ее совету: попытаться представить

⁵ Цит. по: Крогман А. Симона Вейль, свидетельствующая о себе / Пер. М. Бента. Челябинск, 2001, с. 150. Перевод выверен для настоящего издания.

ее мысль *сколь возможно полно и разносторонне*, совершая *усилие внимания*, к которому она постоянно призывает.

Сохраняя многое от живого мыслительного процесса, редко доходя до окончательных формулировок, Симона по-своему организовывала текст, подсказывая определенное направление мысли будущему собеседнику. Обрамление в виде выписок из священных текстов, из любимых стихов, из греческой драмы, без чего не обходится ни одна тетрадь, тоже, несомненно, делается для читателя, чтобы сообщить ему необходимый настрой. Перед нами произведение определенного, имеющего устойчивые принципы, жанра, оригинальность которого для XX века состоит в том, что записные книжки и дневники писателей и философов этого времени, выходившие при их жизни, специально обрабатывались для печати. В поколении Симоны к напечатанию стремились все, любые «неформалы» и «нон-конформисты», монахи-трапписты и босые кармелиты, искатели универсальной традиции в суфизме и дзэн. При взгляде на «Тетради» Симоны Вейль поневоле вспоминаются произведения весьма далекие от нее как по своему пафосу, так и географически, — рукодельные книжицы русских футуристов.

Специфика жанра кажется связанной, кроме всего остального, с учительским призванием Симоны. Ее педагогический талант и обаяние как учителя, лектора, умевшего найти язык для любых возрастных и социальных категорий, отмечены всеми, кто был свидетелем ее преподавания. Как всякий хороший учитель, Симона не считает излишним повторение, возвращение к пройденному на новом уровне. «Тетради» ни в коей мере не близки к конспектам лекций, где должны присутствовать готовые выводы, а материал — систематизирован; но в них есть что-то от журнала лабораторных работ.

Еще одно важное замечание. В течение 1930-х годов, сотрудничая в левой прессе, Симона успешно занималась политической аналитикой и внимательно следила за опытами других публицистов, работавших на этом поле. После июня 1940 года условия вишистской цензуры не оставляли возможности продолжать такую работу в легальной печати. Но в неблагоприятных внешних обстоятельствах Симона открыла для себя новые возможности. Теперь ей не надо было втискивать мысль в узкие рамки газетной колонки, строго держась конкретной злободневной темы. Размышления о корнях,

о природе, о динамике события или явления теперь можно было доводить до куда более глубоких материй, связанных с психологией, философией поступка, собственно антропологией. Антропология сливается с богословием: Симона весьма плодотворно работает с христианским догматом воплощения Божественного Логоса. Отсюда ее мысль возвращается к политике на новом уровне, рассматривая, например, такое явление как война одновременно в плане метафизики и аскетики. Многие страницы «Тетрадей» кажутся написанными в качестве наставления будущему политику. Притом, что, посвятив изрядную часть сил и энергии своей юности политической борьбе на «низовом» уровне, Симона не имела опыта руководства масштабными общественными движениями, многие ее суждения в этой области замечательно сочетают трезвость и пронизательность с духовной глубиной. Сам настойчиво предлагаемый ею метод «многопланового прочтения» факта, нравственного выбора, поступка и, в частности, политического деяния представляется весьма плодотворным.

Отдельная тема — источники и подспорья размышлений Симоны в этико-политическом поле. Это ряд исторических сочинений, как, например, мемуарные записки французских деятелей XVII века — маршала де Сен-Симона и кардинала де Реца; впрочем, некоторые из важных исторических источников не названы — как, например, «История Флоренции» Макиавелли, прочитанная ею гораздо раньше 1930–1940-х годов. Среди источников философских, как это хорошо видно, почетное место принадлежит «Бхагавад-Гите»: знакомство с ней совпало для Симоны с событиями, которые она переживала исключительно остро — судебным процессом над ее братом Андре в начале мая 1940 года⁶ и вторжением немец-

⁶ Андре Вейль (1906–1998) — выдающийся французский и американский математик. По окончании Высшей нормальной школы (1928) работал преподавателем Мусульманского университета в Алигархе (Индия). Самостоятельно овладел санскритом, с глубоким интересом относился к древнему духовному наследию Индии. Встречался с М. Ганди. В 1933 г. вернулся во Францию, в 1934 г. получил место профессора Страсбургского университета. Здесь, вместе с А. Картаном, К. Шевалле, Ж. Дьедонне и др. участвовал в работе группы математиков под коллективным

ких войск во Францию в середине того же месяца. В период эвакуации Симона смогла изучить «Бхагавад-Гиту» в подлиннике. Но тому, кто хотел бы полнее представить среду жизненных и книжных впечатлений, в которой двигалась ее мысль, стоит учитывать и другие весьма важные источники: в первую очередь, «Опыты» Монтеня (его трехтомник она выписала из Парижа сразу же, как только Вейли нашли жилье в Марселе) и историко-психологические этюды Толстого в «Войне и мире», к которым имеются прямые отсылки в ее черновиках начала 1930-х годов (в «Тетрадах» сочинения Толстого упомянуты лишь обмолвкой). Влияние обоих этих авторов на Симону, имевшее место, вероятно, еще в ранней юности, — неоднозначное, но бесспорно глубокое, — заслуживает внимательного изучения.

И еще одна весьма важная особенность «Тетрадей», которую читатель и сам постепенно обнаружит и осознает, но лучше отметить ее предварительно. Время формирования Симоны как личности, почти совпавшее с Первой мировой войной было отмечено устремлением духовного поиска за пределы всего формализованного и установленного, любых концепций и обобщенных понятий, за грань предмета, явления, логики, синтаксиса слов, наконец, слова как такового. Процесс, первым глашатаем которого выступило искусство, начавшись с кубизма в живописи, развивался во всей европейской культуре. Русскому читателю, в связи с этим, прежде всего, памятни художественная эволюция Кандинского, радикаль-

псевдонимом «Николя Бурбаки». В 1939 г. арестован в Финляндии, где находился с научными целями, по ложному обвинению в шпионаже в пользу СССР, выслан, а в январе 1940 г. подвергнут заключению и суду во Франции за уклонение от призыва в армию. На суде в мае того же года приговорен к пяти годам тюрьмы (приговор заменен на отправку в действующую армию). После «Дюнкерской катастрофы» вместе со своей частью переправился в Англию. В 1941 г. вернулся во Францию, демобилизовался и выехал в Соединенные Штаты вместе с женой и пасынком. Работал в университете Лихай (Массачусетс), затем в Сан-Паулу (Бразилия), университете Чикаго и в Принстонском институте перспективных исследований. Всемирно известен работами в области алгебраической геометрии, анализа и теории чисел.

ные опыты Малевича и родственные им поэтические поиски Хлебникова, Крученых и других кубофутуристов (самоназвание этого литературного течения напрямую отсылает к кубизму в живописи), вплоть до «Поэмы конца» Василиска Гнедова (1915), представлявшей собой чистый лист бумаги, а в устном исполнении — взмах рукой. То, что это явление имело религиозную природу, подтверждал сам Малевич, говоря об открываемой в его творчестве новой религии Бога, присутствующего через Свое отсутствие, который опознается как «Бог истинный» тем, что Он «ничего не знает, ничего не видит и ничего не может»⁷. Тот же порыв — видеть присутствие в отсутствии — сказался и в анализе традиционного искусства, чему способствовало знакомство европейцев с такими древними явлениями, как минимализм японских хайку, насыщенные созерцанием пустые пространства на китайских акварелях. Созвучно этому направлению мысли любимый Симоной Поль Валери определял музыку как «способ выйти из молчания и вернуться в него». В самой музыке роль молчания была оценена принципиально по-новому в творчестве американского композитора Джона Кейджа. Для Симоны «молчание» и «пустота» становятся универсальными категориями, обнимая буквально все — от естествознания через эстетику и этику поднимаясь до теологии: само Слово Божие у нее определяется как «молчание Бога». Абсолютное молчание Бога, одна мысль о котором могла быть разрушительной и даже убийственной для верующего человека прошлого, для Симоны становится откровением и даром — обретаемой на дне бессилия и отчаяния «драгоценной жемчужиной»⁸.

Это состояние ума нам стоит помнить и при чтении «Тетрадей». Они так писались, именно такого ждут и восприятия — через отрешение, через молчание. Если кто-то решится изучать тексты Симоны Вейль в надежде вынести из них нечто действительно важное, то ему уместно прислушаться к ее мыслям о принципах любого изучения. Может показаться удивительным, что к простому анализу информации она подходит с евангельскими мерками и чисто аскетическими требованиями. Но в ее глазах рассмотрение

⁷ Из трактата «Искусство» (1924).

⁸ Из статьи «Любовь к Богу и несчастье» (1942; Ф, с. 323).

каждой частной проблемы, даже столь малой, как геометрическая задача, интерпретация физических наблюдений или перевод с иностранного языка, содержит в себе «образ драгоценного блага. Будучи маленьким фрагментом частной истины, оно являет чистый образ Истины единственной, вечной и живой, той Истины, которая некогда возгласила человеческим голосом: «Я есмь Истина». Пóнятое таким образом, каждое учебное упражнение подобно священному таинству»⁹.

«Дело будущей невесты — ожидать. Раб ожидает и бодрствует у ворот, пока его господин пирует. Прохожий не приглашает сам себя на брачный пир и не просит, чтобы его пригласили. Его вводят туда почти против ожидания. Его дело лишь надеть подобающую одежду. Человек, который узнал, что на поле зарыто сокровище, продает все, что имеет, чтобы купить это поле. От него не требуется перерыть все поле лопатой, чтобы выкопать сокровище, — для него достаточно продать все свое имение. Желать только Бога и отказываться от всего остального — вот единственное, что нужно для спасения. (...)

Такое поведение обозначается греческим словом *ὑπομονή* (...) Это — ожидание, неуклонное хранение внимания и верности, которое продлится столько, сколько будет нужно¹⁰, и способно выдержать любой удар. (...) Активно искать — вредно не только для любви, но и для понимания, ибо законы понимания подобны законам любви. Надо просто ожидать, когда решение геометрической задачи, когда смысл греческой или латинской фразы проникнет в душу. Это еще более верно для нового научного открытия, для хорошего стихотворения. Поиск приводит к ошибке. Это относится ко всякому истинному благу. Человеку не надо делать ничего другого, как ожидать блага и уклоняться от зла. (...) Среди превратностей, из которых составляется человеческая жизнь, во всех ее областях, подлинная добродетель состоит в сопротивлении, в отказе от зла, — во всяком случае, именно так она проявляется.

⁹ Из статьи «Размышления о пользе учебных занятий в воспитании любви к Богу» (Ф, с. 331; источник евангельской цитаты — Ин 4:16).

¹⁰ В оригинале: «L'immobilité attentive et fidèle qui dure indéfiniment». Перевод выверен для настоящего издания.

Но это ожидание блага и истины есть нечто более сильное, чем любые поиски»¹¹.

«Внимание есть усилие — может быть, труднейшее из усилий — но усилие негативное. (...) В нашей душе есть что-то такое, что сопротивляется истинному вниманию сильнее, чем тело сопротивляется усталости. Это «что-то» намного ближе к злу, чем к плотской природе. Поэтому каждый раз, когда мы поистине прилагаем внимание, мы разрушаем в себе зло. Если прилагать внимание с этой целью, то четверть часа внимания будет стоить многих добрых поступков.

Внимание заключается в следующем. Мы останавливаем свою мысль и держим ее в состоянии готовности, не занятой чем-то другим и способной принять внутрь себя свой предмет. При этом мы держим в себе, в непосредственной близости от мысли, но на более низком уровне и вне контакта с нею, различные приобретенные знания, которыми нам предстоит воспользоваться. Эта мысль, по отношению ко всем частным и уже сформулированным мыслям, должна быть как человек на вершине горы, который, глядя перед собой, охватывает взглядом одновременно, не рассматривая по отдельности, множество лесов и полей. Прежде всего, мысль должна оставаться незанятой, в ожидании, и не искать более, но быть готовой воспринять во всей нагой истине тот предмет, который сейчас в нее войдет»¹².

Обычно — если речь идет не о людях занимающихся философией профессионально или о студентах-гуманитариях в период сессии — человек, взявший с полки или прилавка философскую книгу, не кладет ее через пять минут обратно в одном из трех случаев: либо он случайно натывается в книге на проблему, которая представляет для него большой личный интерес; либо его привлекает яркий стиль изложения, броско заявляющий об авторской индивидуальности; либо автор претендует на обладание всеобъемлющей системой или методом, и читатель уже знает некоторое

¹¹ Из статьи «Формы неявной любви к Богу» (Ф, с. 253–255).

¹² Из статьи «Размышления о пользе учебных занятий в воспитании любви к Богу» (Ф, с. 327, 329–330).

количество авторитетных людей, которые ему относились всерьез к этой авторской претензии. Нам (переведенной мною книге и мне, переводчику) *рассчитывать* ни на первое, ни на второе, ни на третье практически не приходится. Остается уповать на случай, который нередко сводит человека с книгой так же, как сводит человека с человеком. Итак, если после пяти, десяти, пятнадцати минут раздумья, какими-то таинственными судьбами, вы все же решили оставить эту книгу на своем столе, я считаю долгом вас поблагодарить, но и еще и еще раз напомнить несложные советы автора, помещенные выше. Тихое, неспешное, безмолвное внимание, готовность к открытию, которое нам, *возможно*, нечаянно и негаданно предстоит сделать — вот то, что пригодится нам с вами больше всего. Как при чтении этой *трудной* книги, так и во всех делах, путешествиях, встречах нашей жизни.

Предисловие переводчика

Во время работы над переводом «Тетрадей» меня не раз охватывало чувство, что я взялся за дело, далеко превышающее мои способности переводчика и истолкователя. Ведь в моих руках — не готовый философский трактат, но собрание записей, подчиненное многомерной, далеко не всегда очевидной логике; и моя задача — не просто передать средствами иного языка, но и попытаться реконструировать мысль автора, умственная сила которого безмерно превосходит мою.

В один из таких критических периодов меня вернула к продолжению труда посмертно вышедшая книга лекций Владимира Бибикина о дневниках Льва Толстого¹³. От книги лекций Владимира Вениаминовича передалось захватывающее чувство проникновения во вселенную мысли другого человека, т. е. в нашу общую вселенную, отраженную его глазами, затем глазами интерпретатора — моего современника — и совершенно обновившуюся для меня. При чтении книги захватывала радость путешественника, впервые

¹³ Бибикин В. Дневники Льва Толстого. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2012.

сошедшего с корабля на еще не исследованный остров и постепенно вбирающего в себя его воздух, ландшафт, растительный и животный мир... Чистая радость неизведанного, лишенная страха и имеющая в себе что-то райское. Мне вспомнились в связи с этим слова из одного письма матери Симоны, Сельмы Вейль, в котором она в 1913 году описывает свою четырехлетнюю дочь: «Симона развилась невероятно. Она следует за Андре повсюду, интересуется всем, что он делает, и как ему, так и ей дни кажутся слишком короткими. Они замечательно влияют друг на друга: он ей покровительствует, помогает ей забираться туда, куда ей трудно самой, очень часто ей уступает, и она, проводя с ним все дни напролет, становится все более живой, веселой, смелой. Почти каждый раз, как позволяет погода, мы проводим с ними дни на этих больших лугах, окруженных соснами, которые делают местность очаровательной. Дети собирают цветы, ловят бабочек (и тут же их отпускают — они вообще очень жалостливы к животным) и постоянно заняты тем, что они называют „научными путешествиями“; они более всего счастливы, когда находятся достаточно далеко от всех и могут вообразить, что они одни посреди дикой природы»¹⁴.

Подобным путешествием — не взрослым, «серьезным» научно-исследовательским предприятием, но детским «научным путешествием» — стала с этого момента для меня работа над моим переводом; я смог заниматься им дальше, уже не комплексуя по поводу недостатка способностей и компетентности. Я буду считать свое дело сделанным, если хотя бы что-то подобное сможет почувствовать на страницах этой книги и читатель. Мир «Тетрадей» обширен и подчас загадочен, и не удивительно, если сначала у нас возникнет чувство растерянности. По мере нашего собственного роста этот мир будет раскрываться для нас, и мы сможем пользоваться его богатствами при решении встающих перед нами задач.

Два десятка тетрадей, которые вела Симона в Марселе, Нью-Йорке и Лондоне, составляют большую, но не бóльшую часть ее сохранившегося рукописного наследия, имеющего «рабочий» характер, то есть не оформленного в статьи. Кроме них, существуют другие комплексы записей, объединенных по времени и тематике,

¹⁴ Цит. по: SP, р. 19–20 (пер. мой. — П. Е.).

среди которых наиболее известен обширный «Заводской дневник» 1935 года. Из таких комплексов я включил сюда только небольшой, но весьма интересный «Испанский дневник» (1936). От «периода тетрадей» (кроме первой, все они относятся к 1940–1943 годам) сохранилось также немало блокнотов, записных книжек и записей на отдельных листках, часть содержимого которых, попутно отредактированная, переносилась в тетради. Текст «Тетрадей» изменялся и позднее: Симона делала вставки и дополнения так, чтобы их можно было легко отличить от первоначального текста. Эти и другие, о которых речь пойдет после, технические правила работы над текстом, которым Симона следовала довольно строго, показывают, что она отнюдь не считала «Тетради» неупорядоченным хранилищем «смеси», записей по всякому поводу и на всякий случай. Она сама придавала им ценность именно в виде цельного комплекса. Это подтверждается тем фактом, что в мае 1942-го, отправляясь в плавание через Атлантику, она не взяла тетради с собой в США, но оставила их доверенному и сведущему лицу — философу Гюставу Тибону¹⁵. По общим свидетельствам марсельских друзей Симоны, покидая Францию, она почти не надеялась снова ступить на родную землю, всерьез полагая, что земные дни ее подходят к концу. При этом она, конечно, не могла знать, когда и как ей предстоит умереть; не могла она знать и того, достигнет ее корабль

¹⁵ Гюстав Тибон (1903–2001) — выходец из крестьян Прованса. Первые навыки интереса к прекрасному, к поэзии и к философствованию получил от своего отца, однако по причине бедности семьи был вынужден оставить школу в 13-летнем возрасте. В юности много странствовал по Европе, после военной службы вернулся в родное селение, где прожил долгую жизнь в крестьянском труде, самообразовании и философских занятиях. Католик, державшийся при этом в стороне от церкви, почитатель Платона и Ницше; по политическим убеждениям роялист. Последнее, впрочем, не помешало его искренней дружбе и интенсивному обмену идеями с Симоной Вейль. В 1947 г. Тибон подготовил к печати «Силу тяжести и благодать» (собрание фрагментов из «Марсельских тетрадей» Симоны), а позднее вместе с о. Перреном издал книгу «Симона Вейль, какой мы ее знали» (1952). Уже в старости называл встречу с Симоной самым значительным событием своей жизни; в поздних работах развивал многие ее идеи.

американского берега, или станет жертвой торпедной или воздушной атаки. Перед лицом неизвестности Симоне хотелось знать, что ее записи будут сохранены, найдут читателя, и мыслительная работа, начатая в них, будет когда-либо продолжена. Вот как она писала об этом Тибону в прощальном письме:

«Дорогой друг,

похоже, теперь действительно настал момент прощаться. Мне будет нелегко часто получать от Вас вести. Я надеюсь, что судьба сохранит этот дом в Сен-Марсель, в котором живут трое любящих друг друга людей. Это что-то столь драгоценное. Человеческое существование — вещь до того хрупкая и незащищенная, что я не могу любить кого-нибудь и не дрожать за него. Я до сих пор не могу воистину смириться с тем, что все другие, кроме меня, человеческие существа не будут сполна хранимы от всяческого несчастья. Это серьезный недостаток в долге послушания воле Бога.

Вы говорите, что в моих тетрадях Вы нашли, в придачу к тем вещам, о которых Вы думали, еще и другое, то, о чем Вы не думали, но чего ожидали; тогда это принадлежит Вам, и я надеюсь, что, претерпев в Вас некоторое изменение, однажды оно появится в одном из ваших произведений. Потому что для этих мыслей, конечно, предпочтительнее связать свою судьбу с Вашей, чем с моей. У меня такое чувство, что моя судьба здесь никогда не будет благой (не потому, что не здесь она должна быть лучше: в это поверить я не могу). Я не тот человек, соединить судьбу с которым будет благом. Люди это всегда более или менее предчувствовали, но, — не знаю, в силу какой тайны, — мысли, кажется мне, обладают меньшей проницательностью. Тем, что пришли мне в голову, я не желаю ничего больше, кроме хорошего местожительства, и я буду очень счастлива, если они поселятся под вашим пером, сменив форму так, чтобы отражать ваш образ. Для меня этим немного уменьшились бы чувство ответственности и давящий груз мысли о том, что я неспособна, по причине разных моих недостатков, служить истине — такой, какой она мне предстала, поскольку мне кажется, что порой она утомляет меня своим появлением, — по неподающему избытку милосердия. Вы примете все это, я полагаю, с той же простотой, с какой я Вам это говорю. Для того, кто любит истину, в операции письма рука, держащая перо, и связанные с ней

душа и тело, со всей их социальной оболочкой, — вещи микроскопического значения. Бесконечно малые N-ой степени. По крайней мере, это та степень значимости, которую я придаю, в связи с этой операцией, не только своей личности, но также вашей и любого уважаемого мною писателя. (...)

Я не знаю, говорила ли я Вам об этих тетрадах, что Вы можете читать какие угодно отрывки из них кому угодно, но что ни одну из них не стоит оставлять ни в чьих руках... Если в течение трех или четырех лет у Вас не будет обо мне известий, считайте, что Вы их получили в полную собственность.

Я говорю Вам все это, чтобы уехать с более свободной душой. Я сожалею лишь о том, что не могу доверить Вам все то, что еще ношу в себе и что еще не получило развития. Но к счастью, то, что во мне, либо не представляет ценности, либо пребывает вне меня, в совершенной форме, в некоем чистом месте, (...) откуда всегда может вновь спуститься»¹⁶.

В последние слова приведенного фрагмента стоит еще раз вчитаться. Симона говорит о том, что, по крайней мере, часть ее мыслей, как полагает она, может быть отражением неких высших и бессмертных истин. Да, эти истины, думает она, «всегда могут вновь спуститься» и посетить другой ум; однако за те из них, что она считает открытыми ей, она несет полную ответственность, и именно поэтому вверяет свои записи тому, кто способен сохранить их и передать дальше.

Всего через четыре года после смерти Симоны, в 1947 году, небольшая часть материала «Тетрадей» стараниями Тибона и его друга, ставшего также и другом Симоны, — священника-доминиканца Жозефа-Мари Перрена¹⁷, вышла в издательстве «Plon»

¹⁶ Perrin J.-M., Thibon G. Simone Weil telle que nous l'avons connue. P., 1967, р. XIII–XIV. Цит. по: ТБ, с. 9 (пер. Н. Ликвинцевой).

¹⁷ Жозеф-Мари Перрен (1905–2002) — почти полностью потерял зрение в возрасте одиннадцати лет. В 1927 г. вступил в орден доминиканцев, в 1929 г. возведен в священный сан. Вел большую церковно-общественную работу; организатор христианского социального движения мирян «Caritas Christi» (1937). Во время оккупации, будучи аббатом монастыря в Монпелье, укрывал евреев, за что в 1943 г. был арестован гестапо.

в виде отдельной книги. Сборник под названием «*La Pesanteur et la Grâce*» («Сила тяжести и благодать»), собственно, и положил начало посмертной известности Симоны Вейль. До наших дней он остается наиболее часто переиздаваемой и переводимой ее книгой.

И сами Тибон с Перреном, и другие почитатели Симоны (в первую очередь — Камю, весьма много сделавший для распространения ее мысли) хорошо понимали недостаточность такого издания. Уже в 1951 году началась публикация «Тетрадей» как таковых, ставившая целью максимально полное воспроизведение текста. Трехтомные «Тетради» вышли в 1951–1954 годах в издательстве «Plon» и были переизданы там же в 1970–1974 годах. С течением времени в поле зрения исследователей попадали всё новые рукописи. Работу увенчали изданные в 1994–2006 годах четыре книги VI тома Полного собрания сочинений Симоны Вейль, куда «Тетради» вошли во всем сохранившемся объеме, вместе с более мелкими собраниями черновых записей того же периода. Снабженные комментариями и критическим аппаратом, они занимают более 2600 страниц убористой печати.

Теперь, по завершении этой многолетней кропотливой работы, можно сказать, что мысль Симоны Вейль предстала в своей естественной последовательности, максимальной полноте и множестве контекстов. Это открывает широкие возможности как для академического исследования, так и для философской рефлексии.

При составлении книги «Сила тяжести и благодать» Тибон и Перрен пошли по пути, наиболее привычному для французского философского дискурса: они составили собрание произвольно разнесенных по темам афоризмов. Этот жанр имеет во Франции давнюю и богатую традицию, восходящую к «Максимумам» Ларошфуко, «Мыслям» Паскаля и «Характерам» Лабрюйера. Но, как правило, авторские сборники афоризмов строятся соответственно задачам, которые автор ставит перед собой: так построены, например, прижизненные публикации афоризмов наставника

Отпущенный из-под ареста по недостатку улик, был вынужден скрыться. Не прекращал служение духовника и проповедника до глубокой старости.

Симоны — Алена (Эмиля Шартье)¹⁸, высоко ценимого ею поэта Поля Валери¹⁹, а также самого Гюстава Тибона. Совсем иное дело, когда высказывания умершего мыслителя чужая рука изымает из их контекста, расставляя, классифицируя по собственному усмотрению и создавая, таким образом, новый контекст. В результате таких операций подлинная мысль автора может предстать в перелицованном, урезанном и затемненном виде. В особенности этот прием кажется ненадежным в отношении таких мыслителей-«однодумов», к которым принадлежала Симона. При углубленном

¹⁸ Ален (псевд.; наст. имя и фам. Эмиль Огюст Шартье; 1868—1951) — французский философ, литератор, публицист. Ученик Жюль Ланьо. Закончил Высшую нормальную школу, с 1893 по 1933 г. преподавал философию и риторику в ряде учебных заведений, в т. ч. с 1909 г. в лицее Генриха IV в Париже, где в 1925–1927 гг. училась Симона. Не отказываясь от пацифистских убеждений, добровольцем принял участие в Первой мировой войне. Выступал как публицист в различных периодических изданиях, в том числе на злободневные политические темы. Опубликовал несколько сборников эссе и афоризмов (*propos*), посвященных широкому кругу проблем философии, морали, науки, искусства, педагогики, актуальным социально-политическим вопросам. В 1934 г. стал одним из главных основателей «Комитета бдительности интеллектуалов-антифашистов» («Comité de Vigilance des Intellectuels antifascistes»). Не прекращал литературную деятельность до конца жизни, несмотря на тяжелую болезнь. Влияние личности и преподавания Алена на профессиональный выбор Симоны было решающим, отзвуки его мысли различимы и в ее сочинениях.

¹⁹ Поль Валери (1871–1945) известен не только стихами и прозой, но и как автор многочисленных эссе и афоризмов, посвященных искусству, истории, литературе, музыке. Писал стихи с юности, входя в круг Стефана Малларме, первый поэтический сборник издал только в сорок шесть лет («Юная Парка», 1917), но уже в 1920-е годы получил общественное признание в качестве лучшего современного поэта Франции. С 1924 г. — президент Французского Пен-клуба, с 1925 г. — член Французской Академии. Во время немецкой оккупации был удален с поста секретаря Академии за речь памяти Анри Бергсона. Летом 1937 г. Симона, высоко почитавшая Валери как поэта и мыслителя, послала ему свое стихотворение «Прометей», на которое получила одобрительный (с оговорками) ответ.

изучении оригинала «Тетрадей» мы убеждаемся в невозможности разделить этот единый, сплошной поток размышлений, наблюдений, переживания жизни как таковой, где религия, философия, эстетика, политика и повседневное поведение слиты вместе, нерасторжимы. Эту слитность хорошо понимали и сами издатели сборника «Сила тяжести и благодать», знавшие и любившие Симону как человека. Название, данное ими книге, несколько озадачивающее того, кто впервые берет ее в руки, выбрано весьма удачно. Соотношение «силы тяжести», то есть законов физического существования, и «благодати», то есть сверхъестественного начала, действующего, по мнению Симоны, посредством самих же физических законов, — в духовном мире человека, в его поступках, поведении, творчестве, смерти — вот постоянный предмет размышлений Симоны на протяжении последних пяти лет ее жизни. Интерес к этой обширной теме сводит в «Тетрадах» воедино огромную массу разнообразного и разнородного материала, связывая размышления о Боге, религии, морали, поэзии, музыке, физике, математике, организации индустриального и сельского труда, политике, войне, деньгах — со стихотворениями, записями разговоров, народными песнями, и наконец, с физическими, химическими, математическими формулами и схемами. Эту тематическую целостность Тетрадей издатели отразили в заглавии сборника. Но его структура и последовательность не дают читателю понять это столь же ясно, как понимали они сами. Мысль Симоны показана вне всякого развития и взаимных связей, и ее даже порой трудно прочесть, потому что составители не разъясняют своеобразную терминологию Симоны и не знакомят читателя с особенностями ее стиля. Высказывания Симоны иногда даются в урезанном виде; стоящие по соседству, связанные общей мыслью, фразы порой попадают в разные разделы книги.

Отдельная непростая и деликатная тема — политико-идеологическая составляющая в критериях отбора материала для книги «Сила тяжести и благодать». Ограничусь констатацией того, что, при всех благих намерениях публикаторов, проведенный ими отбор сослужил не самую добрую службу репутации Симоны, в частности, дав повод для расхожего обвинения в «юдофобии», носившей у нее, якобы, характер навязчивой идеи. В сборнике практически

полностью обойдена, затушевана связь с великими течениями восточной мысли — прежде всего, с ведической, даосской, буддийской, иранской традициями — а вне этой связи антропология Симоны остается неясной.

Первое издание «Тетрадей» Симоны Вейль в русском переводе предпринято именно для того, чтобы в восприятии российского читателя мысль и человеческий облик Симоны не оказывались раздробленными на противоречивые, трудно совместимые части.

В нашу книгу включены: ранняя тетрадь № 1 с разрозненными записями с 1933 по 1938 год, «Испанский дневник» августа-сентября 1936 года и восемь из тринадцати «Марсельских тетрадей» 1940–1942 годов. За ними следует текст, не входящий в «Тетради», но непосредственно вытекающий из них по содержанию и по времени — «Комментарии к пифагорейским текстам», созданный в самые первые дни по отбытии из Марселя, в марокканском лагере для перемещенных лиц Аин-Себа. Завершает наш сборник произведение совсем в другом жанре, но тесно связанное с «Тетрадиями» по времени, тематике и общему направлению мысли, в «Тетрадах» регулярно упоминаемое. Мыслительный и нравственный поиск, который ведется в «Тетрадах», продолжается здесь художественными средствами. Это единственный опыт Симоны в драматургии — неоконченная трагедия «Спасенная Венеция».

За пределами подборки остались еще пять Марсельских тетрадей, а также записи эмигрантского периода жизни Симоны — шесть Нью-Йоркских тетрадей и последняя, Лондонская. Надеюсь, что однажды и они увидят свет в русском переводе.

Настоящее издание, хоть и стремится к максимальной точности в передаче текста, но все-таки не претендует на статус научного в полном смысле слова. К тому же, в нем опущена большая часть записей, касающихся точных наук.

Перевод выполнен по изданию ЕС, где «Тетради», как уже говорилось, занимают четыре части шестого тома. Не имея возможности ознакомиться непосредственно с рукописью, в прочтении текста, в его распределении по абзацам, в выделении отдельных фрагментов я следовал издателям ЕС. «Тетради» содержат записи хоть в какой-то степени и обработанные, но все же не чистовые и не предназначенные для печати. Они оставлены — едва ли не со-

знательно — как сырой, рабочий материал для тех, кто решится продолжить движение по пути размышлений, намеченному Симоной. Записи такого рода обычно не выдерживают строгую логическую последовательность в распределении текста по абзацам и по страницам; интерпретатор текста подчас бывает вынужден восстанавливать, домысливать ее сам. В некоторых, весьма немногих, случаях логика мысли Симоны, как я ее прочитывал, побуждала меня разделять абзацы иначе, нежели это сделано во французском издании.

Цитаты на греческом, латинском, немецком, английском, итальянском, испанском и других европейских языках, если они невелики по объему, даются на языке оригинала (именно так их обычно выписывала Симона Вейль) с параллельным переводом. Когда они слишком пространны, помещается только перевод, что всегда бывает оговорено. В переводе, за редким исключением, даются выписки из санскритских текстов, которые Симона чаще делает на деванагари, но иногда пользуется и латинской транскрипцией.

В случаях, когда мне были доступны несколько русских переводов того или иного философского или поэтического текста, цитируемого Симоной, я выбирал из них более буквальные. Например, перевод «Илиады» Вересаева я предпочитал переводу Гнедича, несмотря на общепризнанные художественно-стилистические преимущества последнего, а перевод «Фауста», выполненный Холодковским, — переводу Пастернака. Также и в других случаях я, по возможности, выбирал версии, яснее передающие ту мысль, которую прочитывала в текстах сама Симона Вейль. Нередко приходилось делать переводы самому.

Библейские цитаты даются, в основном, по Синодальному переводу. Выписки из Нового Завета Симона обычно делает на греческом, сопровождая собственным переводом или парафразом. В таком виде их воспроизвожу и я. Указываются, когда это нужно, семантические различия между переводом Симоны и Синодальным текстом.

Число выписок из самых разнообразных источников в «Тетрадах» огромно; далеко не всеми ими она пользуется в письменных рассуждениях, но все они так или иначе обогащают ее мысль и чувство. Подчас Симона выписывает строки, которые ее просто

восхищают или волнуют. Некоторые из них она повторяет в записях многократно, будто не желая с ними расставаться. Во всяком случае, эти фрагменты являются важной частью мыслительного процесса, ее духовного мира; более того, в их выписывании видится нечто вроде духовного упражнения, медитации. Оформление «Тетрадей», как уже говорилось выше напоминает своеобразный ритуал: их обложки, форзацы, первые и последние страницы всегда бывают заполнены повторяющимися цитатами на греческом и санскрите, которым придается определенное символическое значение. Я ограничивался наиболее характерными из них, имея в виду художественную или интеллектуальную ценность, а также относительную редкость цитируемых текстов.

Олег Панкратьев

Симона Вейль и опыт Богоотсутствия

Центральной темой размышлений Симоны Вейль является опыт богоотсутствия, чрезвычайно важный для религиозной мысли и, особенно, теологии XX века. Знаменитая метафора Ницше «Бог мертв» была услышана именно верующими, чья вера прошла через собственную смерть внутри секулярной культуры, или то горнило сомнений, о котором говорил Достоевский. Именно здесь предсмертный вопль Христа «Боже мой, Боже мой! Зачем ты меня оставил?» получил свое особое звучание, столь важное для понимания проблемы атеизма — проблемы, чаще всего ускользающей от самих атеистов. Глубоко впитав в себя слова Ницше, христианская мысль идет путем, противоположным тому, которым шел Фейербах в «Сущности христианства». Уже не атеисты пытаются понять христианство лучше самих христиан, а христиане начинают понимать атеизм глубже самих атеистов. Этим путем, причем, одной из первых, идет и Симона Вейль: «Все проблемы, которые встают перед неверующими, должны ставить перед собой христиане — и вторые даже больше»²⁰. Атеизм становится проблемой для современных христиан именно потому, что его основу составляет опыт Богоотсутствия: «Тот, в ком нет Бога, не может почувствовать его отсутствия»²¹. Бог умирает в том, в ком живет. Габриэль Марсель справедливо связывает слова Ницше «Бог

²⁰ К6, ms. 48, т. 2, с. 125.

²¹ ТБ, с. 55.

мертв» с чистотой его детской веры²². Проблема атеизма — это религиозно-философская проблема. Для секулярного атеистического сознания, начисто оторванного от своих религиозных корней, теряет смысл не только разговор о смерти Бога, но и сам атеизм. Согласно с гегелевской диалектикой пророчество о том, что отмирание веры в Бога неминуемо приведет и к отмиранию атеизма (отрицание отрицания), имеет и свою обратную сторону, указывающую на их сущностную связь. Атеизм живет отрицанием Бога, в котором он жизненно заинтересован, ярким свидетельством чему явилось так называемое *онтологическое доказательство атеизма* у Бакунина: «Если Бог существует, то у человека нет свободы, он — раб. Но если человек может и должен быть свободен, то значит Бога нет»²³. Когда атеист произносит «Бога нет», он, сам того не ведая, исходит из знания о Том, Кого нет, то есть Бога — в противном случае, его отрицание не имеет смысла. Как говорит современный христианский философ Константин Иванов: «Нельзя спорить с атеизмом прямолинейно и формально, заявляя на атеистическое „Бога нет“ „христианское“, по сути общерелигиозное, „Бог есть“. „Кого нет?“ — надо спросить, вскрывая подсознательную смысловую основу атеизма»²⁴. В современном богословии, прошедшем через опыт атеизма, отрицание Бога неотделимо от Его утверждения, о чем говорит другой христианский мыслитель, ученик Льва Карсавина Анатолий Ванеев: «Боготрицание — это динамический и потому именно отрицательный момент богоутверждения. Вот что должно быть „точкой экстаза“ современного религиозного сознания: полнота богобытия не уничтожается отрицанием, а выявляется через отрицание»²⁵. Симона Вейль одной из первых наиболее остро почувствовала религиозную основу боготрицания,

²² Марсель Г. Ницше: человек перед лицом смерти Бога // Марсель Г. О смелости в метафизике. СПб., 2013, с. 97.

²³ Цит. по: Зеньковский В. История русской философии: В 2 т. Л., 1991., т. 1, ч. 2, с. 57.

²⁴ Иванов К. Открытое христианство. СПб., 2009, с. 13.

²⁵ Ванеев А. Два года в Абези. В память о Л. П. Карсавине. Брюссель, 1990, с. 193.

неотделимого от богоутверждения: «Из двух человек, не имеющих опыта Бога, тот, кто Его отрицает, может быть, ближе <к Нему>»²⁶. Атеист, отрицающий Бога, может быть куда более восприимчив к Его отсутствию, чем верующий к Его присутствию. Столкнувшись с этим парадоксом, теология XX века пришла к очень важному выводу: Богу принадлежит не только Его присутствие, но и Его отсутствие, не только Бытие, но и Его собственное Небытие. Опыт отсутствия Бога не менее, а в чем-то и более значим, чем опыт Его присутствия. У Симоны Вейль контакт человека с Богом возможен только в чувстве отсутствия: «Контакт с творениями нам дан в чувстве присутствия; контакт с Богом — в чувстве отсутствия. В сравнении с этим отсутствием, присутствие становится бóльшим отсутствием, чем само отсутствие»²⁷. Атеизм соответствует чувству отсутствия Бога, без которого невозможно подлинное богопознание. Вот почему Симона не только не противопоставляет себя атеистам, но и говорит о собственном атеизме: «Я неизбежно являюсь атеистом той частью своей души, которая не приготовлена для Бога. Из людей, чья сверхъестественная часть души не пробуждена, правы атеисты, а верующие неправы»²⁸. Эти слова требуют особого внимания, поскольку именно здесь мистическая сторона богоотсутствия самым тесным образом соприкасается с проблематикой новоевропейского атеизма. Каким образом «неприготовленная часть души» может претендовать на свою правду? С точки зрения, предшествующей Новому времени духовной традиции, базирующейся на глубоком сознании иерархии, которое подразумевает иерархичность сознания, подобное утверждение было бы лишено всякого смысла. Не только в Средние века, но и в античности, неготовность человека к восприятию истины, превышающей его способности, требовала подчинения духовному авторитету, как и подчинения чувства разуму. И только в Новое время, когда сознание иерархии было разрушено (о чем не раз говорит и сама Симона), а на авансцену вышел не нуждающийся в авторите-

²⁶ K5, ms. 39, т. 2, с. 20.

²⁷ K6, ms. 55, т. 2, с. 142.

²⁸ K6, ms. 62, т. 2, с. 139. Ср. там же примеч. переводчика.

тах, замкнутый на себе индивидум, «неподготовленная часть души» получила право на собственную правду, выражающую себя в переживании. Экзистенциальный пафос атеизма исходит из переживания отсутствия Бога, переживания, вырванного из контекста иерархического сознания, внутри которого оно могло занять соответствующее ему место.

Бог открывается современному человеку в остром переживании Его отсутствия, как и смысл — в остром переживании отсутствия смысла. Интеллектуальная чувствительность новоевропейских теологов к сокровенности Бога не в последнюю очередь связана с характером новой науки, не нуждающейся в «гипотезе Бога». Расколдовывание мира, лишение его всякого намека на тайну, парадоксальным образом приводило к тому, что Сокровенный Бог начинал переживаться в качестве еще большей Тайны, присутствующей в мире через свое отсутствие. На Бога уже указывал не мир, как у апостола Павла (Рим 1, 20), а переживание пустоты, указывающей на отсутствие Бога в мире, о чем одним из первых заговорил Паскаль. Именно Паскаль использовал обращение к переживанию пустоты с апологетической целью пробуждения в человеке нужды в Боге: «Напрасно старается человек наполнить эту образовавшуюся пустоту всем его окружающим, прибегая к отсутствующим вещам за помощью, в которой отказывают ему вещи присутствующие. Те и другие не в состоянии помочь ему, так как эта бездонная пропасть может быть наполнена только предметом бесконечным и неизменным, т. е. самим Богом»²⁹. В «Тетрадах» Симоны Вейль обращение к пустоте заявляет о себе с не меньшей остротой: «Надо заново показать мир — то, что в нем пустота — чтобы мир почувствовал нужду в Боге»³⁰. Мир, о котором идет речь, и есть, по меткому выражению Хайдеггера, мир, ставший картиной, за рамками которой остается все, что не попадает в поле зрения позитивной науки. Пробудить нужду в Боге — значит, прежде всего, выйти за рамки этой картины. Однако выход за рамки картины мира подразумевает выход к Ничто, так как мир, ставший картиной, представлен во всей своей исчерпывающей

²⁹ Паскаль Б. Мысли. М., 1994, с. 117.

³⁰ K5, ms. 36, т. 2, с. 17.

полноте, противопоставить которой можно только «пустоту». Бог, вынесенный за рамки картины мира, переживается именно как пустота или Ничто. Свершается, как говорит Константин Иванов, самоотрицание божественной Тайны в предельной полноте ее проявления как позитивной, фактической, бестайной реальности³¹. Это Бог в крайней точке богоотрицания, о котором Кириллов скажет Ставрогину: «Его нет, но он есть», — или в той крайней точке богоотсутствия, где Бог становится Ничто, а ничто — Богом. Только если у Кириллова Бог, которого нет, выражает собой чуждую человеку, ужасающую его или *ничтожащую* силу хайдеггеровского Небытия, «боль страха смерти», но никак не любовь, то для Симоны Вейль, напротив, сама любовь к Богу и есть любовь к Богу, в определенном смысле, несуществующему, поскольку, как говорит она, из всего существующего нет ничего, что было бы вполне достойно любви³². Это совсем не значит, что Симона хочет говорить о Боге в терминах неоплатонической апофатики. Уже следующая цитата покажет, что для нее важно совершенно другое: «Если мы любим Бога, как несуществующего, Он проявит Свое существование»³³. Существование Бога для нас не является причиной любви к Нему, напротив, оно есть следствие этой любви. Бог — не факт, принуждающий нас к своему признанию одним фактом своего существования. К Богу еще в большей степени относится то, что Симона говорит о таинствах веры: «Таинства веры не надо ни утверждать, ни отрицать, но полагать их выше <всего>, что мы утверждаем или отрицаем»³⁴. Мы только унижаем тайны веры,

³¹ Иванов К., Шаронов В. 30 бесед о вере и неверии. СПб., 2014, с. 235.

³² ТБ, с. 141. Ср. также К4, ms. 93, с. 374: «Я полностью уверена, что Бог есть, в том смысле, что я полностью уверена, что моя любовь не иллюзорна. Я полностью уверена, что Бога нет, в том смысле, что я полностью уверена, что ничто из реального не похоже на то, что я могу представить, произнося это имя, поскольку я не могу представить Бога. Но Это самое, то, чего я не могу постичь, не есть иллюзия. — Эта невозможность дана мне более непосредственно, чем чувство моего собственного существования».

³³ ТБ, с. 45.

³⁴ К6, ms. 64, т. 2, с. 141.

делая их объектом утверждения или отрицания, тогда как им подобает быть предметами созерцания³⁵. «Не принимать эти таинства как истины, ибо это невозможно, но признавать, что этим таинствам, которые мы любим, подчинено все, что мы принимаем как истины»³⁶. Существование Бога подразумевает не власть факта, а власть смысла, открывающуюся не по принуждению, а по любви, озаряющей разум: «Вера — опыт того, как разум озаряется любовью. Истина как свет блага; благо выше сущностей. Орган в нас, которым мы видим истину, — разум; орган в нас, посредством которого мы видим Бога, — любовь...»³⁷. Бог реален настолько, насколько реальна любовь к Нему. Онтологическое доказательство, как справедливо замечает Симона, «не является доказательством для понимания как такового, но только для понимания, одушевленного любовью, — это доказательство являет нам не просто реальность Бога, но также и догматы о Троице, Воплощении и Страдании»³⁸. Атеист, отталкивающийся от *факта* отсутствия Бога в мире, опирается, сам того не сознавая, на платоническую, стоящую над фактами идею Бога, находящуюся выше всякого утверждения и отрицания. Если бы идея Бога была для него «всего лишь идеей», весь пафос атеизма сошел бы на нет. Напротив, атеист переживает Идею Бога как реальность, на которую и направлено его отрицание. Чем с большим пафосом и настойчивостью отрицается существование Бога, тем с большей силой утверждается реальность Его Идеи, пусть и во всей ее чуждости. Отличие веры от неверия, таким образом, не в утверждении или отрицании Бога, а в любви к Богу, даже как несуществующему. Мало того, вся логика размышлений Симоны Вейль подводит нас к тому, что любить Бога можно лишь имея в виду Его отсутствие, поскольку именно оно лишает нас возможности рассматривать Бога как средство. Отсутствующий Бог уже не может быть любим лишь в качестве Спасителя или Утешителя, обращаясь к нам своей пустотой: «Избавиться от ве-

³⁵ ТБ, с. 162.

³⁶ К6, ms. 64, т. 2, с. 140.

³⁷ К6, ms. 66, т. 2, с. 142.

³⁸ Комментарии к пифагорейским текстам (т. 2, с. 321).

рований, заполняющих пустоту, подслащающих горечь. От веры в бессмертие, от веры в полезность грехов. От веры в предопределенность хода событий — короче, от тех утешений, которых обычно ищут в религии. Любить Бога сквозь разрушение Трои и Карфагена — и без утешения»³⁹. Жизнь верующего должна ориентироваться не на то, что Бог есть, а на то, что Его нет: «Выполнять всевозможный труд, прилагать всевозможные усилия ради Бога и думая при этом, что Он не существует»⁴⁰. Подобные высказывания могут показаться крайне максималистскими, и это нужно признать, увидев в них, тем не менее, особенность новоевропейского, доктринального характера веры — особенность, связанную с новой свободой и новой ответственностью. Уже Лютер говорит, что христианину важно иметь убеждения⁴¹. Христианская вера проходит через индивидуальное сознание, выдвигающее к ней свои особые требования, подобные тем, что выдвигает Декарт к нашей мысли. Императив веры Симоны Вейль — делать все ради Бога, но при этом думать, что он не существует, — исходит из ситуации радикального безбожия, внутри которой даже верующий вынужден мыслить и действовать так, как будто Бога нет. Требование Симоны обращено к верующим, чтобы они пережили пустоту Богоотсутствия, которая полнее и реальнее любой полноты.

«Бог, которого нет, но Он есть», «Бог, присутствующий и отсутствующий одновременно» — все это, пользуясь словами Люсьена Гольдмана⁴², определения трагического сознания, сущностно связанного с процессами новоевропейской секуляризации и, особенно, с философским деизмом, вытеснившим Бога-Творца за пределы Его творения. Такое понимание Бога в эпоху *совершеннолетия мира и безрелигиозного христианства* наиболее остро выражено у известного лютеранского богослова Дитриха Бонхёффера: «Перед Богом и с Богом мы живем без Бога. Бог позволяет

³⁹ ТБ, с. 32.

⁴⁰ K4, ms. 115, с. 395.

⁴¹ Лютер М. О рабстве воли // Лютер М. Избранные произведения. СПб., 1994, с. 188.

⁴² Гольдман Л. Сокровенный Бог. М., 2001, с. 44.

вытеснить себя из мира на крест, Бог бессилен и слаб в мире, но именно в этом и только через это Он с нами и помогает нам»⁴³. Новое время, изгоняющее Бога из всех сфер жизни и знания, заново открывает Христа Распятого. Трагический Бог Нового времени, вытесненный со сцены мира, парадоксальным образом присутствует на этой сцене в качестве взгляда безучастного зрителя и, вместе с тем, на Кресте. Не имея никакой возможности вмешаться в происходящее действие, Он может только страдать и сострадать. Это Бог, у которого, как скажет Бердяев, власти меньше, чем у полицейского⁴⁴. Симона Вейль, несомненно, подписалась бы под этими словами. Идея всемогущего Бога ей глубоко чужда прежде всего потому, что выражает собой проекцию на Бога ложного, *слишком человеческого* представления о божественности: «„Как мы и о богах думаем, и о людях знаем, — цитирует Вейль Фукидида, — в силу природной необходимости, они всегда удерживают полноту власти, которой располагают“ (...) Не так с христианским Богом»⁴⁵. «Не использовать всю полноту власти, которой мы обладаем — значит выносить пустоту», что противоречит всем природным законам и на что способна лишь благодать⁴⁶. Напротив, в Христе распятом человек видит Бога, отрекающегося от своей власти. И нигде так Бог не далек от человека, как на Кресте: «Чтобы мы почувствовали расстояние между нами и Богом, надо было, чтобы Бог стал распятым рабом. Потому что мы ощущаем расстояние лишь по отношению к тому, что ниже нас. Воображению гораздо легче поставить себя на место Бога-Творца, чем на место распятого Христа»⁴⁷. Вот почему «только Крест не может быть подделан воображением»⁴⁸. Трансцендентность Бога открывается не в Его предельной удаленности от нас, а, напротив, в предельной

⁴³ Бонхёффер Д. Сопротивление и покорность. М., 1994, с. 264.

⁴⁴ Бердяев Н. Истина и откровение. СПб., 1996, с. 55.

⁴⁵ ТБ, с. 39.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, с. 122.

⁴⁸ Там же, с. 120.

близости соприкосновения с Ним: «Опыт трансцендентного; это кажется противоречием, и однако трансцендентное познается не иначе как в соприкосновении, так, чтобы наши способности <воображения> не смогли его подделать»⁴⁹. Здесь вновь мысль Симоны пересекается с мыслью Бонхёффера, четко отделяющего трансцендентность Бога от ограниченности наших познавательных способностей: «Запредельность Бога — это не запредельность нашей способности познания. Гносеологическая трансцендентность не имеет никакого отношения к трансцендентности Бога. Бог трансцендентен посреди нашей жизни»⁵⁰.

Учение о трансцендентном Боге касается самого нерва западного богословия, а именно, откровения сокровенной Божественной тайны. Самое таинственное в Божественной тайне — не ее сокровенность, а ее полная открытость в Иисусе Христе, о чем, опираясь на теологию Карла Барта и Карла Ранера, говорит видный католический богослов, кардинал Вальтер Каспер: «В акте откровения Бог не отменяет своей тайны; Он не снимает с нее покров, чтобы мы были с этого момента в курсе относительно Него. Напротив, откровение состоит в том, что Бог открывает свою сокровенную тайну, а именно тайну своей свободы и своей личности. Таким образом, откровение есть откровение сокровенного Бога»⁵¹. Апофатическая интерпретация сокровенности Божественной тайны как непостижимости Бога приводит к иррационализму и полному непониманию сути Божественного откровения. Сокровенность Бога, по Касперу, подразумевает не потустороннего и далекого абсолютного Бога, а присутствующего среди земных отчуждений, открывшегося Бога. Именно открытость Божественной тайны у Каспера, подобно трансцендентности Креста у Симоны, есть суд над гордыней человека, стремящегося стать как Бог, и над всеми человеческими представлениями о Боге: «Поэтому Божественное откровение является судом над всеми самодельными идолами, над

⁴⁹ К6, ms. 70, т. 2, с. 146.

⁵⁰ Бонхёффер Д. Соппротивление и покорность, с. 203.

⁵¹ Каспер В. Бог Иисуса Христа. М., 2005, с. 166.

нашими представлениями о Боге и над всеми абсолютизациями, которые не освобождают, а закрепощают нас»⁵². И, все же, открытость Бога для Симоны — это открытость Его пустоты, которую мы не можем заполнить никаким воображением, подобно тому, как мы не можем заполнить нашим воображением пустоту голода или пустоту, образованную отсутствием близкого друга, не говоря уже о его смерти. Откровение пустоты или Небытия Бога, как подчеркивает Константин Иванов, и есть предел Божественной Тайны, чье «Небытие слепо переживают позитивисты, воспринимающие реальность как бестайную. Но для христиан Небытие Тайны есть ее крайняя таинственность и потому высшее ее выражение»⁵³. Вот почему Бог открывается Симоне как Бог опустошенный, отсутствующий, изгнанный из мира на крест, и любое другое понимание Бога будет для нее ложным: «Уподобляться Богу — но Богу распятому»⁵⁴.

Как и у Леона Блуа, взгляд Симоны обращен к распятию. В предсмертном крике Иисуса «Боже Мой, Боже мой! Для чего ты меня оставил?» она усматривает истинное доказательство божественности христианства. Особенно ярко говорится об этом в письме о. Кутюрье: «Пусть Гитлер умрет и воскреснет хоть пятьдесят раз, я не стану смотреть на него как на Сына Божьего. А если бы в Евангелии вовсе не было упомянуто о воскресении Христа, мне было бы только легче поверить. Мне достаточно одного Креста... Крест воздействует на меня так же, как на других Воскресение»⁵⁵. Крест обладает своей особой, трагической убедительностью, выраженной уже словами ап. Павла, не желавшего знать ничего, кроме Христа распятого (1 Кор 2:2). Достаточно обратиться к «Сущности христианства» Фейербаха, чтобы убедиться, насколько глубоко один из отцов современного атеизма восприимчив ко всему, что касается Христа страдающего. В крайне сциентистском по духу проекте

⁵² Каспер В. Бог Иисуса Христа, с. 174.

⁵³ Иванов К. Открытое христианство: Письма, статьи, выступления разных лет. СПб., 2009, с. 195.

⁵⁴ K6, ms. 28, т. 2, с. 105.

⁵⁵ Ф, с. 476.

демифологизации христианства Рудольфа Бультмана отчетливо читается христианство Голгофы, выраженное языком хайдеггеровской экзистенциальной аналитики, не говоря уже о разрабатываемой Томасом Альтицером теологии смерти Бога. «Распятое Я Господа, — говорит Йозеф Ратцингер (папа Бенедикт XVI), — реальность столь полная, что все отступает на задний план»⁵⁶. Скандал, шок Креста, остро пережитый Тертуллианом и Кьеркегором, разрушает все человеческие представления о божественном всемогуществе, что Симона выражает гениальной по своей простоте фразой: «Христа убили в ярости на то, что Он был всего лишь Богом»⁵⁷. Определение «всего лишь Бог» относится к трансцендентному Богу, что, казалось бы, исключает прямое указание на Христа. Однако, для Симоны Вейль подлинная трансцендентность Бога открывается, как уже было сказано, в Его предельной имманентности, от которой человек всеми силами пытается отгородиться ложными представлениями о трансцендентном. Бог, совлекший с себя свою божественность, Бог, ставший человеком, оказывается всего лишь Богом, которому человек не может простить Его бессилия, в свете которого разоблачается ложная божественность самого человека: «Представлять себе Бога всемогущим — это представлять самого себя в состоянии ложной божественности»⁵⁸. «Откровение учит, — говорил за несколько десятилетий до Симоны Леон Блуа, — что один Бог беден, и его единородный Сын — единственный нищий»⁵⁹. Только Сам Бог может открыть человеку свою нищету. Нищий Бог или Бог, опустошивший Себя, — это и есть подлинный Бог откровения. Сверхъестественность Бога подразумевает не сверхсилу, а «силу, в немощи совершающуюся»⁶⁰. Сама благодать для Симоны — это «закон нисходящего движения» и то, что кажется падением для человека, является возвышением для Бога: «Закон

⁵⁶ Ратцингер Й. Введение в христианство: Лекции об Апостольском символе веры. Брюссель, 1988, с. 157.

⁵⁷ К6, ms. 40, т. 2, с. 117.

⁵⁸ К6, ms. 137, т. 2, с. 204.

⁵⁹ Блуа Л. Кровь бедняка. М., 2005, с. 58.

⁶⁰ 2 Кор 12:9.

нравственного тяготения заставляет нас падать к небу»⁶¹. Самое трудное в христианстве — верность опустошившему Себя Богу: «Трудно быть верным Христу. Это означало верность пустоте. Куда легче быть верным до смерти Наполеону. Куда легче это было позднее быть верными для мучеников; потому что уже была Церковь — сила, с данными ей обетованиями в земной истории. Умереть можно за то, что сильно, но не за то, что слабо; или, по меньшей мере, за то, что будучи в настоящий момент слабо, сохраняет ореол силы. Верность Наполеону на острове Св. Елены не была верностью пустоте. Когда умирают за то, что сильно, смерть теряет свою горечь. И в то же время — свою награду»⁶². Слова Симоны о верности пустоте, как и о нисходящем движении благодати, пересекаются с мыслями Макса Шелера, для которого изначальное соотношение между высшими и низшими формами бытия, как и ценностей, характеризуется положением: «Низшее изначально является мощным, высшее бессильным»⁶³. Однако следующие за этим слова немецкого философа о том, что каждая высшая форма, бессильная относительно более низшей, осуществляется силами низшей формы, уже неприемлемы для Симоны, согласно которой, всегда важна не цель, какой бы высокой она ни была, а уровень энергии, направляющей к цели: «Добродетельное действие может стать низменным, если нет свободной энергии на том же уровне»⁶⁴. Сверхъестественная благодать не только заполняет пустоту, но, как добавляет Симона, сама ее и создает. Любая попытка смешать нисходящее движение благодати с воодушевляющим и заполняющим внутреннюю пустоту природным инстинктом, особенно, с социальным чувством, вызывает у нее самый резкий протест: «Как ни глупа теория Дюркгейма, смешивающая религиозное с социальным, в ней, однако, кроется истина: та, что социальное чувство похоже на ошибающееся в самом себе чувство религиозное. Они

⁶¹ ТБ, с. 32.

⁶² K5, ms. 35, т. 2, с. 17.

⁶³ Шелер М. Положение человека в космосе: Избранные сочинения. М., 1994, с. 171.

⁶⁴ ТБ, с. 29.

похожи, как поддельный алмаз — на настоящий, так что люди, не имеющие дара различения духов, успешно обманываются этим сходством»⁶⁵. Частая подмена веры социальными чувствами отчасти объясняет, почему Симона так и осталась вне католической церкви: «Социальные чувства имеют сегодня такое влияние, они так способны возвышать вплоть до высших проявлений героизма в страдании и смерти, что я сочту благом, если несколько овец останутся вне овчарни, ради свидетельства, что любовь Христова есть, по своей сути, совершенно другая вещь»⁶⁶. Эти слова, написанные в переиод, когда социальные чувства в виде фашистской и коммунистической идеологии, все более и более овладевали массами, не теряют своей актуальности и сейчас, когда серьезный разговор о церкви подменяется у нас разговорами о соборности и росте национального самосознания, а разговор о христианстве — крайне идеологизированными разговорами о духовности, которым как раз и следует противопоставить слова Христа: «Блаженны нищие духом» (Мф 5:3). Обращение Симоны Вейль к божественной пустоте — это ответ на любую попытку самопревознесения человека, единственным средством от которого может быть только глубокое понимание того, что есть христианское смирение.

Смысл христианского смирения, разговорами о котором так часто злоупотребляют в церкви, отнюдь не в смирении человека перед божественным величием, а в явленности божественного величия в смирении Христа, о чем пишет и православный богослов Александр Шмеман: «Гордыня. Она от того, что человек думает (и его так учат все «религиозники»), что смирения требует Бог или, иными словами, что Бог, потому что Он Бог, может быть «гордым», а нам — ничтожной твари — подобает быть «смиренными». Отсюда вывод — религия «унижает» человека и т.д. На деле же, конечно, смирение как раз Божественно, и его как Божественное, как суть Божества являет Христос. Слава и величие Божие в Его смирении»⁶⁷. Ничто так не отделяет человека от Бога, не отталки-

⁶⁵ Ф, с. 394.

⁶⁶ Там же, с. 425.

⁶⁷ Шмеман А. Дневники: 1973–1983. М., 2005, с. 95.

вает от Него, как искаженное представление о божественном величии. «Мы должны опустошить Бога от Его божества, чтобы любить Его» — говорит Симона. «Никто не приходит к Богу Творцу и Вседержителю, не пройдя через Бога, обнаженного от своего божества. Если же идут к Богу напрямую, приходят к Иегове (или Аллаху, как Он описан в Коране)»⁶⁸. Иегова для Симоны — это естественный, природный, гордый Бог, бесконечно возвышающийся над своим творением. Напротив, Бог-Творец — это Бог, опустошающий Себя ради своего творения, Бог, «отрекающийся быть всем», или, скрывающий Себя ради существования всего: «Бог мог творить только сокрывшись. Иначе ничего бы не было, кроме Него»⁶⁹. «Отсутствие Бога — самое чудесное свидетельство совершенной любви»⁷⁰. Творец не просто дарует бытие своему творению, но как бы уступает ему место, ожидая от него того же: «Бог может любить в нас лишь это согласие удалиться, чтобы уступить Ему место, так же как Он Сам, Творец, удалился, чтобы уступить нам бытие»⁷¹. Весьма показательно, что сказанное Симоной не противоречит новоевропейской деистической установке на устранение Бога из мира, а придает ей глубоко религиозное звучание. Смерть Бога в мире, ставшем картиной, начинает пониматься, как смерть Бога ради мира — мотив, крайне важный и для философии позднего Карсавина, обращающегося к Небытному Богу в своих «Терцинах»: «Так Ты меня из ничего воззвал, чтоб жил в Тебе Твоей я смертью вечной»⁷².

Творение мира подразумевает самоустранение всемогущего Бога-Творца в качестве свободного дара, предполагающего жертвенную благодарность через отказ: «Бог дал мне бытие, чтобы я вернула Ему его. Если я приму этот дар, он окажется скверным и роковым, и только отказ выявит его ценность»⁷³. Смысл данных

⁶⁸ К6, ms. 134, т. 2, с. 202.

⁶⁹ К6, ms. 51, т. 2, с. 129.

⁷⁰ ТБ, с. 138.

⁷¹ Там же, с. 69.

⁷² Цит. по: Ванеев А. Два года в Абези, с. 285.

⁷³ ТБ, с. 69.

слов Симоны может быть раскрыт лишь исходя из понимания той роли, которую в отношениях человека и Бога играет благодарность. Вера в Бога-Творца рождается из благодарности, отсутствие которой ставит Его в один ряд с творением, о чем говорит ап. Павел: «потому что познав Бога как Бога, они Его, как Бога, не прославили и не возблагодарили... и изменили славу нетленного Бога в подобие образа тленного человека, и птиц и четвероногих и пресмыкающихся» (Рим 1:21–23). Неблагодарность творения по отношению к Творцу значит забвение Творца как Творца и присвоение Его дара. Это же еще в большей степени можно отнести к боговоплощению: злоупотребление совершенно верной по своей сути сосредоточенностью на человечности Христа в ущерб идее Богоотцовства, являет собой неблагодарность человека по отношению к Богу и присвоение Его дарственной жертвы. Пример подобной неблагодарности представляет собой, в частности, «Теология смерти Бога» Альтицера, снимающая трансцендентность Бога-Отца в Смерти Христа, воплотившегося и воплощающегося в человечестве. Смерть Бога во Христе — это не диалектическое снятие, а жертвенный дар, требующий величайшей Благодарности. Вот почему и Симона Вейль, с одной стороны, так часто в своих «Тетрадах» обращается к грехопадению Адама, вкусившего плоды с древа познания, т. е. присвоившего их, чтобы быть «как Боги», а с другой, цитирует слова Павла об Иисусе: «Который, будучи в образе Божиим, не счел для Себя хищением быть равным Богу» (Фил 2:6), т. е. не присвоил дарованное Ему богосыновство. Благодарность требует ответной жертвы, подразумевающей отказ от того, что стало твоим: «Мы обладаем лишь тем, от чего отказываемся. Все то, от чего мы не отказываемся, от нас ускользает. В этом смысле мы ничем — чем бы это ни было — не можем обладать иначе как через Бога»⁷⁴. Речь не идет об отказе от дара, а как раз о принятии дара через отказ от его присвоения. В данном контексте следует понимать и следующие слова Симоны в письме отцу Перрену: «Если бы мое вечное спасение лежало передо мной на столе, и мне достаточно было протянуть руку, чтобы обрести его, я не сделала бы этого до тех пор, пока не осознала, что получила соот-

⁷⁴ Там же, с. 62.

ветствующее повеление»⁷⁵. Дар, которого мы недостойны (а спасение и есть такой дар), может быть принят только с величайшим смирением перед волей дарителя.

Чистота любви к Богу мерится нашей способностью благодарить Его даже там, где это труднее всего — в страдании: «Любовь к Богу бывает чиста, когда радость и страдание в равной степени побуждают нас к благодарности»⁷⁶. Проблема, точнее, тайна страдания пронизывает собой большую часть размышлений Симоны Вейль. Именно в страдании опыт Богоотсутствия выражает себя с наибольшей остротой: «Несчастье делает Бога отсутствующим на время, более отсутствующим, чем мертвый, чем свет в абсолютно темном каземате»⁷⁷. В момент несчастья, как крайней степени страдания, «в человеке не остается ни малейшего места для Бога, даже у Христа, у которого мысль о Боге стала лишь ощущением оставленности»⁷⁸. Крик Христа «Боже мой, Боже мой! зачем Ты меня оставил!» — это крик страдания, выражающий собой полноту отсутствия Бога. И как бы мало человек ни вспоминал о Боге, перед лицом страданий он вспоминает о Нем, хотя бы для того, чтобы лишний раз убедиться в Его отсутствии. «Почему все так?» — единственный вопрос сраженного несчастьем, перед бессмысленностью его страданий: «Почему? Почему все так? Несчастный, как ребенок, спрашивает у людей, у вещей, у Бога (даже если он не верует), у кого угодно»⁷⁹. Повышенная чувствительность человека Нового времени к страданиям связана с тем, что страдания утратили для него какой-либо смысл. Проповедь сострадания в светском гуманизме неотделима от ощущения бессмысленности самих страданий. Великий инквизитор Достоевского выразил именно эту нигилистическую тенденцию светского гуманизма, внутри которой человека можно только жалеть, но не уважать. Эта тенденция нашла свое философское обоснование в шопенгауэровской

⁷⁵ Ф, с. 403.

⁷⁶ К6, ms. 61, т. 2, с. 139.

⁷⁷ Ф, с. 279.

⁷⁸ ТБ, с. 116.

⁷⁹ Ф, с. 320.

этике сострадания, против которой и восстал Ницше. Желание Лейбница в его «Теодицее» оправдать Бога, сняв с Него ответственность за зло, имеет своей обратной стороной утрату религиозного смысла страдания. Оправдание Бога очень быстро переходит в обвинение. Заступивший в свои права новоевропейский субъект, устами Ивана Карамазова, начинает требовать отчета у Творца о страдании невинных детей, не принимая Его творения. Невинность страданий становится синонимом их бессмысленности. Размышления Симоны Вейль о страдании – это ответ не столько на проклятые вопросы Ивана, которые невозможно обойти, сколько на его бунт, представляющий собой отвод глаз от глубины собственных страданий: «Бунт, это — отвести глаза. Иван Карамазов. Принятие есть не что иное, как некая степень, качество внимания. Страдая плотью, мы не можем оторваться мыслью от того, что мы страдаем, и, мечтая об этом <освобождении>, рвемся, как на цепи. Иов: „Боже, хоть на мгновение оставь меня!“. Тот, кто принимает собственное страдание, освещает его светом внимания»⁸⁰. И какими бы непереносимыми ни были наши страдания, мы их переносим уже только потому, что они есть: «Невозможность перенести то, что есть. Однако на самом деле мы это переносим, поскольку это есть»⁸¹.

Важно при этом, что Симона не только не обходит стороной бессмысленность страданий, но и доводит ее до предела, говоря о несчастье. Несчастье сваливается на человека вопреки его желанию и не просто вырывает его из естественной среды, но низводит до уровня вещи: «Несчастье — это не состояние души. Это — когда душа стирается в порошок механической жестокостью обстоятельств. В том, что человек в своих собственных глазах из человека превращается в перерезанного пополам червяка, извивающегося по земле»⁸². «В сущности, несчастье есть разрушение личности, переход в безымянное состояние. Как любовь побудила Христа обнажиться от своей божественности, так несчастного

⁸⁰ К6, ms. 141, т. 2, с. 209.

⁸¹ К5, ms. 48, т. 2, с. 28.

⁸² Ф, с. 313.

горькая участь обнажает от его человечности»⁸³. К человеку, сломенному несчастьем, будь то рабство, плен, утрата социального статуса, не испытывают не только уважения, но и жалости: «Слишком большое несчастье ставит человека ниже людской жалости (...). Жалость спускается до определенного уровня и не идет ниже. (...) Те, кто находятся столь низко — имеют ли они сами жалость к себе?»⁸⁴. Жалость или сострадание, чувства столь важные для гуманистической этики, оказываются бесчувственными перед подлинной глубиной человеческого горя. Вот почему жалость так часто оборачивается презрением к человеку: «Жалость превращается во враждебность, если ее объект переходит или выше, или ниже определенного уровня несчастья»⁸⁵. Симона, таким образом, указывает на сущностную ограниченность этики сострадания. По-настоящему сострадать может только Христос: «Один Христос способен на сострадание; поэтому, пребывая на земле, Он сам не получил его. Чтобы сжалиться над Христом Несчастливым, понадобился бы другой Христос»⁸⁶. Подлинное сострадание неотделимо от полноты страдания. Напротив, светский гуманизм претендует на полноту сострадания именно потому, что не переносит саму мысль о страдании. «Что может — спрашивает Симона — яснее обнаружить слабость нашей веры, чем то, как запросто мы обходим проблему при любом разговоре о несчастье, даже в христианской среде?»⁸⁷. Изнеженное светским гуманизмом ухо современного человека не хочет ничего слышать о страдании. При этом гуманизм, обязанный своим появлением христианству, как бы странно это ни звучало, куда ближе к ветхозаветному пониманию Бога как Судьи. Бог, только сострадающий человеку, но, неспособный избавить его от страданий, по светским меркам, отнюдь не гуманный Бог. Когда Симона в восстании против Бога из-за людских несчастий, на манер Виньи или Ивана Карамазова, видит представление

⁸³ Ф, с. 309.

⁸⁴ K4, ms. 114, с. 393.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Ф, с. 312.

⁸⁷ Там же, с. 317.

о Боге как одном из земных владык, она несомненно права, но лишь с одной оговоркой: это восстание против Бога, который перестал быть владыкой или судьей, — против Бога, о котором ницшевский Заратустра скажет последнему папе: «Когда он был молод, этот Бог с востока, тогда был он жесток и мстителен и выстроил себе ад, чтобы забавлять своих любимцев. Но наконец он состарился, стал мягким и сострадательным, более похожим на деда, чем на отца, и всего больше похожим на трясущуюся старую бабушку. Так сидел он, поблекший, в своем углу на печке, и сокрушался о своих слабых ногах, усталый от мира, усталый от воли, пока наконец не задохнулся от своего слишком большого сострадания»⁸⁸. Бессильный, сострадательный Бог одинаково неприемлем как для Ницше, так и для Ивана. Вопрос лишь в том, не скрывается ли за этим бессилием и безволием Бога Его подлинное всемогущество и суверенная воля? Нисходящее восхождение Бога на крест не значит ли Его возвышение над любым человеческим представлением о божественной силе? Когда Бонхёффер говорит, что религиозность указывает человеку в его бедах на могущество Бога в мире, а Библия — на бессилие, на страдание Бога, он добавляет: «Помочь может лишь страждущий Бог»⁸⁹, т. е. Бог, чья сила проявляется в Его страдании. И все, что может предложить Симона Ивану Карамзову, это созерцание Креста: «Когда мы видим подлинное несчастье, — единственное, что позволяет нашей совести смириться с ним, это созерцание Креста Христова. И ничто другое. И этого одного — достаточно»⁹⁰. Нас отделяет от Бога не его крайняя удаленность в нашем страдании, а отведение глаз от Креста: «Люди, пораженные несчастьем, лежат у подножия Креста — почти на самом большом расстоянии от Бога, какое возможно. Не следует думать, что самым большим расстоянием является грех. Грех — это не расстояние. Это неправильное направление взгляда»⁹¹. Созер-

⁸⁸ Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Собр. соч.: В 2 т. М., 1990, т. 2, с. 188.

⁸⁹ Бонхёффер Д. Соппротивление и покорность, с. 264.

⁹⁰ Ф, с. 317.

⁹¹ Там же, с. 284.

цание креста требует смирения не по отношению к страданиям, причиняемым Богом-тираном, а по отношению к страдающему Богу. Только страдающий Бог, не впадая в тиранию по отношению к человеку, способен возвыситься над всеми нашими представлениями о добре и зле, над которыми не дано возвыситься Всемогущему Богу, чье всемогущество исключает страдание. И лишь к страдающему Богу относятся слова Симоны: «Ложный Бог превращает страдание в насилие. Истинный Бог превращает насилие в страдание»⁹². Кьеркегор, отталкиваясь от истории Авраама, говорит о Боге, находящемся выше всех наших этических оценок или, выражаясь языком Ницше, «по ту сторону добра и зла». Однако в полной мере Бог торжествует над добром и злом лишь на Кресте. Только имея в виду Крест Христов, человек, вслед за Иисусом, может сказать: «Да будет воля Твоя». И только в свете Креста Симона, всецело принимая слова Ивана, отказывающегося от высшей гармонии во имя «слезинки хотя бы одного замученного ребенка», говорит страшные для светского сознания слова: «Бог так хотел. И в силу такого довода я приму не только слезинку ребенка, но даже мир, который будет сплошным злом»⁹³. Мы не живем в лучшем из возможных миров, как полагал Лейбниц, но это не довод против любви к Богу. Любить Бога — значит принимать зло, которое от Него исходит: «Когда мы любим Бога сквозь зло как таковое, это значит, мы любим, в самом деле, именно Бога, <а не что-то другое>»⁹⁴. Не оправдывать Бога, выступая в роли его адвокатов или судей, выносящих ему оправдательный или обвинительный вердикт, не снимать с Него ответственность за зло, но «любить Бога через зло как таковое. Любить Бога через зло, которое мы ненавидим, именно ненавидя это зло. Любить Бога как автора зла, которое мы ненавидим в эту минуту»⁹⁵. Отвергать зло в мире невозможно без отрицания мира, полного несчастий и страданий.

⁹² ТБ, 103.

⁹³ Там же, с. 106.

⁹⁴ К6, ms. 143, т. 2, с. 210.

⁹⁵ К7, ms. 71, т. 2, с. 275.

Пафос Симоны удивительным образом перекликается с высказываниями яркого православного мыслителя Константина Леонтьева: «Терпите! Всем лучше никогда не будет! Одним будет лучше, другим станет хуже. Такое состояние, такие колебания горести и боли — вот единственно возможная на земле гармония! И больше ничего не ждите»⁹⁶. И хотя левая анархистка Симона никогда бы не приняла леонтьевского воспевания силы, опирающейся на церковь власти, ее мысли о страдании, несомненно, созвучны мыслям русского «нищешанца до Ницше». Причем, как и у Леонтьева, страдание или несчастье у Симоны сущностно связано с красотой: «Есть только два острия, способных пронзить нашу душу насквозь — несчастье и красота. Хочется беспрестанно плакать кровавыми слезами, когда думаешь, сколько сокрушило несчастье — а они ведь могли извлечь из него пользу. Но если смотреть на вещи более хладнокровно, нет безумнее расточительства, чем пренебрежение красотой мира»⁹⁷. Иногда может показаться, что, подобно «философу реакционной романтики», Симона впадает в эстетский имморализм: «Море не становится в наших глазах менее прекрасным из-за того, что на нем, как мы знаем, иногда тонут корабли. Напротив, от этого оно еще прекраснее»⁹⁸. Такое исключительное значение, придаваемое красоте, не случайно, поскольку красота, ограниченная в Новое время сферой эстетики, оказывалась, тем самым, «по ту сторону добра и зла», что еще в большей степени позволяло видеть в ней выражение Божественной тайны, неподсудной человеческим оценкам. Именно в этом ключе высказывается Карл Барт о музыке Моцарта, применительно к лиссабонскому землетрясению: «1756–1791. Годы, когда Бог оказался под обстрелом критики, и даже богословы — после лиссабонского землетрясения — были бессильны его защитить. Перед лицом этого испытания Моцарт обрел в Боге мир, далеко превосходящий

⁹⁶ Леонтьев К. О всемирной любви // Константин Леонтьев, наш современник. СПб., 1993, с. 179.

⁹⁷ Ф, с. 322.

⁹⁸ Там же, с. 289.

все рассуждения, вопрошания, хвалы и упреки... Он слышал то, что и ныне слышат имеющие слух, но что мы не сможем услышать до конца времен — Провидение в его целостности... Вслушиваясь в творение в его целостности, не превозносясь над ним и не порицая его, он не просто создавал собственную музыку, но воспроизводил в своей музыке гармонию творения — двойственную и все же гармоничную хвалу Богу»⁹⁹. Музыка Моцарта, выражающая гармонию творения, возносила хвалу Богу именно тогда, когда человек всего более требовал от Него отчета, вызывая на суд автономного разума. Отбросив все наши нравственные оценки перед музыкой, выражающей гармонию творения, тем более мы должны отбросить все наши нравственные претензии по отношению к Творцу. И, словно продолжая Барта, Симона Вейль говорит о музыке, выражающей «высшую гармонию — гармонию Креста, внутренне оправдывающую собой гармонию Божественного творения, но отнюдь не самого лучшего из возможных миров: «Крик Христа и молчание Отца создают стройность высшей гармонии. Любая музыка может быть лишь подражанием тому, что бесконечно отдаленно напоминают самые звучные наши гармонии, одновременно раздирающие слух и сладостные. Всецелое мироздание, включая такие мелкие его крупницы, как наши жизни, есть звучание этой высшей гармонии»¹⁰⁰. Музыка, чтобы ее *услышать*, требует от человека глубокого, смиренного молчания, но еще большего молчания требует от него музыка *высшей гармонии*, выражающая молчание Бога. Здесь замолкают не только все наши слова, но и внутренние суждения и оценки. Отрицание Симоной целесообразности мира, хотя и укладывается в парадигму новоевропейской науки, прежде всего, имеет в виду отрицание всех *наших целей*, которые мы хотим навязать Богу применительно к Его творению, столкнувшись с несчастьем. Все наши «зачем?» и «почему?», направленные к Богу, не только исходят из целесообразности мироздания, но предполагают услышать ответ, который мы заранее хотим услы-

⁹⁹ Барт К. Вольфганг Амадей Моцарт. М., 2006, с. 11.

¹⁰⁰ Комментарии к пифагорейским текстам (т. 2, с. 352).

шать, тогда как Бог дает ответ, который выше любого ответа — Его молчание: «Наш мир лишен целесообразности. Душа, раздираемая несчастьем, непрестанно кричит, вопрошая об этой цели, но упирается в пустоту. Если она не отказывается любить, для нее наступает день, когда она услышит — не ответ на вопрос, который она выкрикивает, ибо его нет — но молчание... как что-то безмерно более полное значения, чем любой ответ, как само слово Божие. И тогда она знает, что отсутствие Бога здесь и есть Его, Бога, сущего на небесах, присутствие здесь втайне»¹⁰¹.

Опыт Богоотсутствия, наиболее остро переживаемый в страдании есть опыт молчания Бога. Сам Христос есть Его молчание. Однако это молчание еще надо расслышать, не обманывая себя ложной абстракцией, свидетельствующей не столько о молчании Бога, сколько о нашей собственной глухоте: «Тот, кто способен не только кричать, но еще и слышать, услышит ответ»¹⁰². Еще нужно стучаться в эту дверь, чтобы она открылась, даже если мы считаем ее распахнутой настежь и ничего от нас не скрывающей. Молчание Бога должно стать молчанием, выражаемым красотой мира, а не паскалевским молчанием пространств. Как бы предупреждая вопрос, можно ли о чем-то молить Бога, отвечающего нам молчанием, Симона указывает на глубокое различие между мольбой, обращенной к человеку и мольбой, обращенной к Богу: «Молить человека — это безнадежная попытка напряжением воли передать свою систему ценностей разуму другого человека. Напротив, молить Бога — это попытка впустить божественные ценности в свою душу»¹⁰³. Молчание Бога активно — оно меняет прислушивающегося к нему. И ничто так не говорит о проникновении божественных ценностей в человека, как глубокая радость, при которой он, забывая о себе, о своем страдающем «я», смотрит на Бога сквозь мир, полный страданий. Божественное молчание останется для нас иллюзией, фигурой речи, если не наполнит радостью, которая,

¹⁰¹ Ф, с. 322.

¹⁰² Там же, с. 321.

¹⁰³ ТБ, с. 53.

как скажет Ницше, глубже страдания — радости, которая и будет ответом на наши «зачем?» и «почему?»: «Но чтобы расслышать божественное молчание, надо быть принужденным тщетно искать цели на земле. И только две вещи имеют власть к этому принудить: или несчастье или чистая радость, даруемая чувством красоты. Красота имеет эту власть, ибо, не содержа никакой частной конечной цели, она дает властное чувство присутствия этой цели. Есть <для этого> только два пути — несчастье и сильнейшая чистая радость; но несчастье — путь самого Христа»¹⁰⁴.

Невозможно созерцать красоту лишь как что-то внешнее, — красота, как и страдание, требует внутреннего причастия, которое есть не только причастие миру, но, прежде всего, причастие страдающему Христу. Образ музыки, выражающий у Симоны высшую гармонию, крайние полюса которой — крик Христа и молчание Отца, имеет еще один очень важный смысл применительно к страданиям: музыка проникает нас, — по отношению к ней мы уже не можем оставаться сторонними наблюдателями, пафосно возвращающими билет Богу перед лицом чужих страданий, забыв о своих. Если бы красота мира не была смешана с болью, она бы никогда не смогла пронзить нас насквозь. Если радость обращает нас от собственного «я» к миру, то страдание, напротив, обращает нас на самих себя, но лишь для того, чтобы в нас вошел мир: «Пусть с каждым страданием в тело входит вселенная»¹⁰⁵. «Сквозь каждое ощущение чувствовать мироздание. Важно ли, удовольствие это будет или боль? Когда нам сжимает руку после долгой разлуки человек, которого мы любим, разве важно, если он сжал ее слишком сильно, и я чувствую боль?»¹⁰⁶ Только физическая боль способна не просто примирить нас с мировой необходимостью, но и открыть ее внутреннюю красоту: «Одна и та же истина через физическую боль — касается наших чувств, через математическое доказательство — сообщается нашему рассудку, и через красоту — воспламе-

¹⁰⁴ Комментарии к пифагорейским текстам (т. 2, с. 352).

¹⁰⁵ K3, ms. 4, с. 238.

¹⁰⁶ K3, ms. 4–5, с. 239.

няет в нас способность к любви. Поэтому перед Иовом, когда несчастье разорвало завесу его плоти, столь явственно открылась красота мира»¹⁰⁷. Подобные высказывания не должны пониматься как констатация факта, что, несомненно, только оттолкнет от них. Речь идет не о факте, а о таинстве страдания, в котором только и может открыться внутренняя красота мира и царствующей в нем необходимости. Необходимость, перед которой смиряется Бог и есть в своей основе не что иное, как смирение Бога. Законы математики, как и законы природы, имеют своей основой *божественный кенозис* и любовь Бога к своему творению. В геометрии греков Симона видит «самое блестящее из пророчеств, предвозвестивших пришествие Христа»¹⁰⁸. Вопреки столь популярному, с легкой руки Шестова, тертуллиановскому противопоставлению Афин и Иерусалима, она говорит о христианской основе греческой философии и науки: «Удивительна, невыразимо упоительна мысль о том, что именно любовь к Христу, жажда познать Его так развили у греков метод доказательства»¹⁰⁹. Словно продолжая мысль Симоны, о христианском понимании Бога философов или вечной геометрии вселенной будет говорить и такой авторитетный богослов, как Йозеф Ратцингер, касаясь мистического озарения Паскаля: «В отличие от Бога, вновь целиком канувшего в математическое, он (Паскаль. — О. П.) пережил опыт Купины и понял, что Бог только потому может быть вечной геометрией Вселенной, что Он есть творческая любовь, пылающая Купина... В этом и состоит смысл опыта, что Бог философов существует совершенно иначе, чем думали философы, не переставая быть тем, что́ они нашли»¹¹⁰. Законы математики, как и законы мироздания в целом, ужасающие «подпольного человека» у Достоевского бессмысленной очевидностью своих «дважды два», не сводятся к фактам нашего сознания, но имеют свою мистическую, христианскую основу. Слова

¹⁰⁷ Ф, с. 303.

¹⁰⁸ Комментарии к пифагорейским текстам (т. 2, с. 323).

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Ратцингер Й. Введение в христианство, с. 100.

«подпольного человека»: «дважды два есть уже не жизнь, а начало смерти»¹¹¹, при всей их экзистенциальной значимости, могут быть прояснены только в свете христианского учения о божественном кенозисе. Необходимость, со всеми ее законами и «дважды два», существует лишь смертью или самоопустошением Бога, что и позволяет Симоне сделать крайне важный для современной христианской мысли вывод: «Понятие необходимости, как общая материя искусства, науки и всех родов физического труда — вот те врата, которыми христианство может войти в светскую жизнь и шаг за шагом проникать во все ее области. Ибо Крест есть сама необходимость, в соприкосновении и с самой низшей, и с самой возвышенной частью нас самих»¹¹². Христос подчиняет Себя необходимости, не только принимая смерть на кресте, но и превращаясь в вещество: «Он обнажает Себя от Своей божества, <сначала> став человеком, а потом становясь мертвым телом и веществом (хлебом и вином)»¹¹³. Сравнение Симоной присутствия Бога во зле с его присутствием в евхаристическом хлебе — не простая аналогия. Таинство евхаристии, укорененное в смерти Христа, приобщает к Его плоти, которая есть плоть всего мира. Крест подразумевает глубокое доверие к необходимости, и только там, где опыт Богоотсутствия достигает своей полноты, оставляя Иисуса наедине с физическими законами, — можно говорить о полноте Его совершенства или святости: «Когда в человеке природное начало в состоянии оторванности от любого плотского побуждения и полной лишенности божественного света совершает поступок, соответствующий тому, который был бы вызван божественным светом в случае его присутствия — это полнота чистоты. Это центральный момент Страстей»¹¹⁴. Страдания Христа, обнажающие его немощь, обнажают и Его святость. Благодать не дает силу, а

¹¹¹ Достоевский Ф. Записки из подполья // Полное собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990, т. 5, с. 118.

¹¹² Ф, с. 319.

¹¹³ К7, ms. 135, с. 203.

¹¹⁴ ТБ, с. 79.

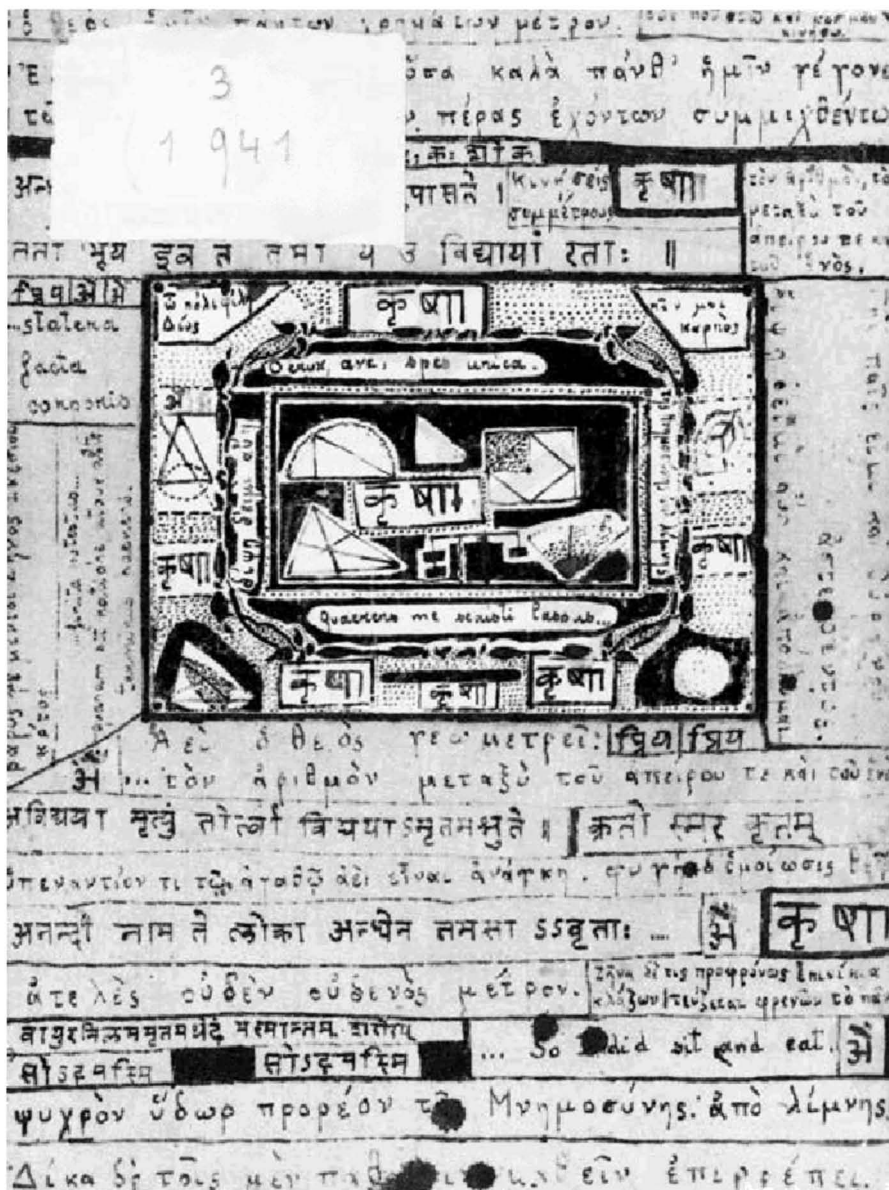
лишает ее. Соединение или Брак души с Богом, как метко говорит Симона, это «изнасилование по согласию», о котором нельзя просить, которого нельзя желать, но на которое мы, однако, соглашаемся¹¹⁵. И, тем не менее, она молит об этом «изнасиловании»: «Чтобы я не могла послужить никакому своему желанию ни одним движением тела, ни даже намеком на движение, как человек полностью парализованный. Чтобы я была неспособна ничего ощутить, как тот, кто совершенно слеп, глух и лишен трех основных чувств. Чтобы я была нечувствительна к любым проявлениям горя или радости и неспособна любить ни живое существо, ни вещь, ни даже самое себя, как до конца выжившие из ума старики»¹¹⁶. Что скрывается за этой молитвой о послушании, доведенном до абсурда, после которого «необходимо поглупеть» Паскаля звучит уже не так шокирующе? Только одно: абсурд немощей плоти, сквозь которую светит Божественная тайна. Любой дар ниже этой немощи в тот момент, когда она выражает телесное присутствие Бога в Его отсутствии. Слово *misère* («немошь», «у-божество») приобретает у Симоны смысл, совпадающий с первичным значением русского эквивалента, — смысл предельной близости к Богу, которую, как замечает она, может открыть только благодать. Однако именно в немощи или убожестве действие благодати более всего скрыто от нас за покровом необходимости, которая для Симоны и есть покров Бога. Был ли князь Мышкин идиотом-эпилептиком или святым? Не заявляет ли о себе в лице этого очень спорного персонажа *христианство* Богоотсутствия, требующее нового языка, выходящего за рамки противопоставления природы и благодати? Не подразумевает ли святость, чудо и благодать, прежде всего, нашего *прочтения*, как бы сказала Симона, а не констатации факта? Если понимание чуда есть вместе с тем чудо самого понимания, то никакая верность естественным законам и фактам не помешает видеть чудо там, где его не видит наука. Опыт отсутствия Бога неотделим от величайшей свободы — свободы интерпретации, которая еще не стала нашей главной ответственностью, требую-

¹¹⁵ *Ф*, с. 144.

¹¹⁶ Там же.

щей благодарности за эту свободу. Именно эта интеллектуальная «свобода христианина» позволяет Симоне видеть сокровенное присутствие Христа там, где Его не видит сознание, смиряющееся перед фактами науки: в «Илиаде» Гомера или «Бхагавад-Гите», в греческой трагедии или в народных сказках, у пифагорейцев, Платона и стоиков. Сознательно оставаясь христианкой вне церковных стен, она видит Бога в Его отсутствии, как причащающийся видит мистическое присутствие Бога в хлебе причастия.

ТЕТРАДИ I-IV

Тетрадь I (K1)

Париж, 1933–1935 и 1937–1938(?)

Первая в комплексе «Тетрадей» Симоны Вейль стоит особняком от остальных. В отличие, например, от тетрадей марсельского периода (1940–1942), записи в которых делались очень плотно, по несколько раз в день, отражая чрезвычайно интенсивную работу мысли, эта тетрадь велась с большими перерывами на протяжении нескольких лет. Поскольку Симона иногда делала записи в обоих направлениях — с начала и с конца — здесь не всегда легко датировать разные блоки записей. Как правило, это делается по беглым, обычно сокращенным упоминаниям людей, с которыми она общалась на протяжении 1933–1935 гг. Некоторые из этих имен весьма известны и памятливы в истории: Лев Троцкий, Борис Суварин, Виктор Серж, Огюст Детёф и др.

Записи отражают не какую-то одну последовательную нить размышления, но несколько разных цепочек. По причине их фрагментарности, по ним трудно представить, насколько интенсивной жизнью жила Симона Вейль в те годы, когда эта тетрадь заполнялась. Симона много писала для левой печати (обычно это были издания анархо-синдикалистские, профсоюзные и так наз. «свободных коммунистов», стоящих вне обоих главных течений в мировом коммунизме — сталинизма и троцкизма) на самые разнообразные темы: о положении и нуждах рабочих, о колониальном вопросе, о событиях в Германии, о кризисе левого движения в Европе, вызванного как усилением германского нацизма и итальянского фашизма, так и гегемонизмом Сталина. В тетради почти не нашла отражения преподавательская

работа Симоны в лицеях городов Осера (1932–1933), Роанна (1933–1934), Буржа (1935–1936) и Сен-Кантена (1937). Конспекты ее лекций по философии сохранены отдельно. В виде лишь нескольких разрозненных заметок оставил здесь свой след предпринятый ею в декабре 1934 — июле 1935 года эксперимент. Симоне было стыдно радеть о благе рабочих со стороны, ей необходимо было познать их жизнь и труд непосредственно, изнутри, как можно полнее. В начале декабря 1934 г. она сняла комнату на промышленной окраине города (ул. Лекурб, 228) и поступила на работу на один из заводов акционерного общества «Альстом». Изнурительный, дорого стоивший ее здоровью, но по-человечески богатый опыт месяцев, проведенных в цехах «Альстома» и «Карно», подробно зафиксирован ею в весьма обстоятельном «Заводском дневнике» и целом ряде попутно написанных статей и заметок.

Лишь самые последние по времени записи в тетради связаны с печатными работами предвоенного периода: это заметки, использованные в статье «Илиада, или Поэма о силе» (1938, опубл. 1940). Они могут быть отнесены к 1937 и 1938 годам.

Тот специфический «жанр», подчиненный единству замысла и своим принципам, который объединяет «Тетради» 1940–1942 гг., в Тетради №1 еще лишь начинает складываться. Она, похоже, была предназначена в основном для того, чтобы сохранять мысли, отложенные впрок. Весьма интересно видеть, как позднее некоторые из них будут развиты и претворены в нравственно-религиозных поисках Симоны военного периода.

[Обложка, форзац и 1-я страница покрыты многочисленными поэтическими выписками. Авторы: Гомер, Эсхил, Софокл, Ювенал, Теренций, Лукреций, Гораций, Гете, Бодлер, Верлен. Наполовину выписано стихотворение Ст. Малларме «Морской бриз», чрезвычайно органичное для Симоны, которое, так же как и следующий за ним фрагмент из «Од» Горация, предпосылаем всему тексту «Тетрадей» в качестве эпиграфа.]

Бежать, бежать! туда, где птицы опьянели
От пены и небес, от пены в небесах!
Ни старые сады в сверкающих зрачках
Уже не сдержат дух, взалкавший океана. (...)

А мачты, может быть, взыскующие бури, —
С тех самых кораблей, потерянных в лазури
Без мачт, без мачт, без всех блаженных островов...
Но сердце, вслушайся в напевы моряков¹¹⁷!

<Гораций, Оды, I, 7>

Тевкр, когда покидал Саламин и отца, как изгнанник,
Все же вином увлажнил свои кудри
И, возложивши на них венок из тополя веток,
Так обратился к друзьям огорченным:

«Нас куда бы ни мчала судьба, что родителя лучше,
В путь мы пойдем, о соратники-друзи, —
Где предводителем Тевкр, где боги за Тевкра, крушиться
Нечего: ведь Аполлон непреложно

Нам обещал на земле обрести Саламин неизвестный.
Вы, храбрецы, что со мною и раньше
Много горя снесли, вином отгоните заботы, —
Завтра опять в беспредельное море!»¹¹⁸

[ms. 2] Ценность — страдание.

Я верю в то, что страдание имеет ценность настолько, насколько делается все, чтобы его избежать [честными способами].

[ms. 4] Формы *власти* — или, скорее, стремления к власти. Когда борьба за власть идет с большим непостоянством и большой жестокостью, страсти живы и просты; никогда не теряется живой контакт с естественными нуждами; счастье и несчастье занимают больше места, внутренние терзания — меньше. [Гомер — Софокл¹¹⁹].

Когда власть стабильна, то для большой массы рядовых участников (мы сейчас не говорим о простом народе) любовь становится первостепенным средством ГОСПОДСТВОВАТЬ — это также время лести... [Расин]. [Дон Жуан...¹²⁰]

Люди 1660 года были менее всего способны понимать Гомера.

В периоды большой жестокости, при том что женщин похищали... могла существовать чистейшая любовь: Андромаха.

Ἕκτορ ἀτὰρ σύ μοί ἐσσι πατήρ καὶ πότνια μήτηρ
ἦδὲ κασίγνητος, σὺ δέ μοι θαλερὸς παρακοίτης¹²¹.

И именно по той причине, что любовная интрига <была> неизвестна.

Напротив, когда любовь становится инструментом господства, эта чистота почти вовсе невозможна; именно поэтому идиллические пары у Расина так холодны и фальшивы. Зато Роксана...¹²²

Omnia servilia pro dominatione¹²³.

То же самое происходит с дружбой.

οἶδα, ὦγαθὲ Καλλίκλεις, εἰ μὴ κωφός γ' εἰμί, ... ἀποκτενεῖ μὲν,
ἂν βούληται, ἀλλὰ πονηρὸς ὢν καλὸν κάγαθὸν ὄντα¹²⁴.

[ms. 5] Список искушений (прочитывать каждое утро).

ИСКУШЕНИЕ ЛЕНИ (чрезвычайно сильное).

Не быть малодушной перед течением времени. Никогда не откладывать то, что решила сделать¹²⁵.

ИСКУШЕНИЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Бороться только с теми трудностями, с которыми ты сталкиваешься на деле. Позволять себе, в том, что касается чувства, лишь то, что соответствует реальному обмену¹²⁶, или поглощено мыслью на уровне вдохновения. Безжалостно отрезать всё, что есть воображаемого в чувстве.

ИСКУШЕНИЕ ПРЕДАННОСТИ.

Подчинять внешним вещам и людям всё субъективное, но никогда — субъект, то есть, <свое> суждение. Никогда не обещать и не давать другому больше, чем ты потребовала бы от тебя, если бы ты была — он (?)¹²⁷.

ИСКУШЕНИЕ ГОСПОДСТВА¹²⁸.

ИСКУШЕНИЕ УВЛЕЧЕНИЯ ЗЛОМ¹²⁹.

Никогда не отвечать на зло реакциями, способными это зло умножить.

[ms. 7] Психология поведения¹³⁰ — только она и годится, но при решающем условии не слишком ей верить. Все, что может быть помыслено об условиях человеческого существования, выразимо в терминах поведения — даже свобода; даже свободно действующая мысль (проблемы), или наиболее благородные чувства (платоническая любовь...). Приучать себя описывать все это, никогда не упоминая о душе, духе и т. д. Не подлежит этому только тот, кого нельзя помыслить, потому что он сам есть мыслящий¹³¹.

Труд — идеальный: аналог проблемы, разрешаемой в действии.

Препятствия: Мир не-определен (значит, все виды элементов не даны — однако постижимы по аналогии).

Часть, которую получает живое тело трудящегося, существенно загадочная.

Часть, которую получают другие люди, неизвестные по своей сущности.

Первобытные люди — их действия подчинены загадочным божествам, которыми они населяют природу, но которые в реальности имеют жилище в самом их теле.

Рабочий — напротив; чудеса живого тела суть лишь минимальная часть того, что он делает; и — никаких богов.

Труд и математика.

Трудность: при *фактическом* исполнении не соблюдается последовательность от простого к сложному — план и дом...

Порядок вещей *не есть* порядок мысли¹³².

Математика — изучает переплетение конечного и бесконечного...

Математика — род действия, при котором можно пользоваться только знаками (ср. курс философии, читанный в Роанне¹³³).

Законы — единственный источник свободы. Поэтому на уровне первобытных религий всё, что есть правило (магические формулы и обряды, табу), составляет большой прогресс.

Сходство современной науки со схоластикой: манипуляция знаками...

Переход от нынешней системы к системе децентрализованной, очень трудный, даже если учесть (только) объективные условия, — невозможен, потому что для этого потребовалось бы сознательное сотрудничество властей и угнетенных. Власти не сделают ничего, чтобы самим себя умалить: (в таком слу-

чае) они хотели бы того, что не в их силах, по причине соперничества. И...

Машина работает по свойственным ей законам вплоть до того, что ломается.

Не быть сообщником. Не лгать — не оставаться слепым.

Ловушка из ловушек — количество. Когда метод ускользает от индивида, этим методом овладевает общество.

Ряд для изучения *вблизи* (без чего это будет только литературой...): алгебра — счетная машина — машины обыкновенные...

Природа разума сталкивается с природой вещества *дважды* — сначала в отношении между мыслью и знаками — потом в отношении между теорией и ее приложением. Изучать некое равновесие...

То, чем мы обладаем (наука... машины, инструменты), состоит <в той же пропорции> к этой чаемой цивилизации <будущего>, как грубая и эмпирическая «наука» египтян — к греческой мысли. Она (цивилизация будущего. — П. Е.) должна стать чем-то аналогичным «греческому чуду».

Что из существующего в мире более всего противоположно чистоте? Поиск *интенсивности*. ἔξ καὶ δέκα¹³⁴.

[ms. 8] Всякий человек — Протей¹³⁵. Дружба — награда тому, кто держит его в объятиях, не теряя веры, пока он примет человеческий облик...

Все инструменты суть орудия, предназначенные трансформировать случай в необходимость; или, по меньшей мере, *выполнить ее долю* в случае. Труд и «закрытый сосуд»¹³⁶...

Инструменты: изготовители *серий*.

Пример — парусные суда.

1-е судно прочно
2-е судно непрочное.
Так и для всех орудий.

Парадокс: все изображения прямой *в равной степени* далеки от совершенной прямой. Но при этом они приближены к ней *больше или меньше*. Это идет далеко...

Зависимость индивида по отношению к обществу: пропорциональна специализации.

<Зависимость> общества по отношению к индивиду: обратно пропорциональна автоматизации необходимых действий.

Понятие необходимости исчезло. В науке она предстает лишь как правило игры (неудачи исследования); а в технике...

Действие *после* открытия метода.

интуиция Спинозы: пропорциональное четвертое¹³⁷...

Можественное действие ради единого метода.

Делимое действие (и даже разделенное между многими людьми) ради единого метода.

(Или, скорее, *по необходимости* разделенный — каждый жест должен выполняться по отдельности...)

Переход от мира знаков к реальному миру — посредства: изготовленные предметы...

[Ряд орудий применительно к этой идее?..]

Знаком того, что *труд* — если он не бесчеловечен — делается для нас, это радость — радость, которую не уменьшает даже изнурение...

Рабочие неохотно выказывают эту радость, потому что им кажется, что, проявляя ее, они рискуют уменьшением зарплаты!

«Диалектика». Понятие, которое следовало бы вывести из инверсии противоположностей, это понятие РАВНОВЕСИЯ. Но именно этого-то понятия не придумали те, кто присвоили себе «научный социализм». Платон — напротив...¹³⁸

Задача: критический инвентарь теоретических и технических ценностей нашей цивилизации, чтобы сделать его частью продуманной мысли.

[ms. 9] Коллектив мощнее индивида во всех областях, кроме единственного: мыслить.

Коллектив по определению сильнее индивида. Ср. у Замятина: «право» индивида против общества так же смешно, как «право» грамма против тонны¹³⁹. У индивида есть лишь одна сила: это мысль. Но не так, как понимают ее плоские идеалисты — сознание, мнение и т. д. — Мысль является силой и, следовательно, дает основу праву только в той мере, в какой она принимает участие в жизни материальной.

Усиления и ослабления социального угнетения следовало бы изучать, имея в виду не только эксплуатируемых, но также и привилегированных (век Перикла...¹⁴⁰). (...)

Методика труда, основанная на аналогии? (чтобы было нужно заново продумывать...)¹⁴¹

Критерий.

Некоторые понятия можно сохранять в памяти сами по себе.

Другие только в виде формул.

В 1-м случае ты применяешь их, как зрячий; — во 2-м вслепую, и это как внутри науки, так и <переходя> от науки к технике.

Наука и ее применения:

1) Наука как *чистая игра ума* вне прикладного использования.

2) Отношение «наука — прикладное использование»: сделать труд не более могущественным, но более сознательным и методичным — впрочем, это должно сделать его и более эффективным. «Ищите прежде всего царствия небесного и праведности его, и все остальное будет вам дано сверх того»¹⁴².

В наше время, наоборот, наука — игра для самих ученых и собрание рецептов для технических специалистов.

Физическая любовь и труд.

Труд: чувствовать во всем своем «я» существование мира.

Любовь: чувствовать во всем своем «я» существование другого существа? Но при условии, что нет желания обладать, ни даже похоти в собственном смысле слова. Конечно, так ни у кого не бывает, насколько мне известно. (Даже у Жюль Ромена¹⁴³...) [но Валери... сравнение с плаванием¹⁴⁴...] Не удовольствие, но радость.

ἀλλ' ἐγώ...¹⁴⁵

Конечно, это было бы единственной чистой формой. И надо, чтобы физическая любовь хотя бы теоретически могла быть чиста. Было бы слишком горько, если бы даже творение нового человеческого существа было запятнано... Это загрязнило бы всю жизнь. Утешительно быть в состоянии представить себе это, хотя бы идеально, в аспекте совершенно чистом. Жизнь не должна быть искалечена, чтобы быть чистой.

Воспринимать того, кого любишь, всей чувствительной поверхностью, как пловец — море. Жить внутри вселенной, которая есть он. По случаю (провиденциальному случаю) это глубинное стремление, корнящееся в детстве (в материнском чревоношении), совпадает с инстинктом, который называют половым — который является посторонним по отношению к любви (иначе только в детском мышлении). Поэтому для любви необходима чистота. А неверность ее марает. Где есть *нужда*, *вожделение* — там есть и то, что оскорбляет.

[ms. 10] Определение радости (которого нет у Спинозы): радость есть не что иное как чувство реальности...¹⁴⁶

Печаль есть не что иное как ослабление или исчезновение этого чувства.

Сумасшедшие не радостны.

Оставаясь в печали в течение большого времени, продолжительным образом, человек становится немного безумен. (...)

Действие, направленное на материю, и действие между людьми:

homo naturae parendo imperat ¹⁴⁷	}
omnia serviliter pro dominatione ¹⁴⁸	

[ms. 11] «Илиада»: отчаяние — вот пружина войны. Жесткий труд над собой души, принужденной адаптироваться к ситуации, где *все* ее устремления вчистую и запросто перечеркиваются.

Подобная ситуация, собственно говоря, невообразима <со стороны>. Все, что воображает себе <о войне> «штатский» человек, — ложь.

Цели войны забываются; надо добиться войны, чтобы перечеркнуть *все* цели. Они продолжают существовать не *хотя* абсурдны, а *потому что* абсурдны.

Это отчаяние присутствует повсюду, где человек *приносится в жертву*.

[ms. 12] Два внутренних препятствия, которые надо преодолеть.

Малодушие перед бегом времени (мания откладывать — лень...)

Иллюзия, что время мне само собой принесет мужество, энергию... Обыкновенно бывает наоборот (недостаток сна). Сказать себе: а если я всегда буду оставаться такой, какова я сейчас?..

Никогда не откладывать на неопределенное время. Отложить только до точно установленного момента. Даже в случае невозможности (головные боли) — пытаться.

Упражнения: тщательно, до минуты, подсчитывать случаи злоупотребления временем.

Ты живешь в грёзах. Ждешь, что будешь жить...

Надо выработать привычку. Дрессировка.

Различать те вещи, ради которых я могу отложить, и те... Начать дрессировку с малых дел, для которых не требуется вдохновения.

Мысли о В<икторе> С<ерже>¹⁴⁹...

Каждый день делать два или три дела, к которым не чувствуешь расположения, во время по произвольному выбору, но четко определенное.

Достичь автоматической, без усилий, пунктуальности.

Недостаток гибкости воображения. Препятствие, которое надо преодолевать методически. Второй экран между реальностью и тобой. Гораздо труднее. И тут нужно совсем другое, нежели дрессировка... Но весьма драгоценное.

Дисциплина внимания для ручного труда — не рассеиваться, не мечтать. Не витать в облаках. Непрестанно наблюдать за тем, что делаешь, не уходя в это с головой. Другая дисциплина для упражнения понимания, поддерживаемого воображением. Еще одна — для размышления. Ты почти не обладаешь первой и второй, а разве что третьей. Цельный человек обладает всеми тремя. Ты должна стать цельным человеком.

Твое видение аналогий, соответствий и т. д. — и теория групп? И платоновские идеи?

[ms. 13–17. Пустые страницы]

[ms. 18] Согласование непосредственной интуиции и умозаключения = прочитывать одно в другом.

Например, кусочки картона, в которых проделаны отверстия, и (видный сквозь них) рисунок ткани.

Универсальный способ «прочтения»?

Партионная работа при сдельной оплате: постоянно принудительно удерживать внимание на машинальном действии¹⁵⁰.

Это что-то адское. Но иначе и быть не может при абсолютно неквалифицированном труде. Без этого принуждения внимание полностью рассеивалось бы. Это привело бы к значительной потере не только времени, но и самого качества. Даже машины будут в опасности от такого невнимания.

Напротив, для работ, требующих очень высокой квалификации, сдельщина вредна.

Какая изошренность: заставлять мысль постоянно находить приятным порабощение тела! Чтобы выдержать это, надо искалечить свою душу. Иначе ежедневно будешь чувствовать, будто сам себя живьем раздробляешь на куски.

[ms. 19] Если нуждаешься в дружбе, которая была бы источником вдохновения, тебе следует думать о неизвестном друге. О друге, который был у тебя на 15-м году. Решительно оставить надежду, что N будет для тебя чем-то большим, нежели только тень друга: он принадлежит, он сам себя обрекает на то, чтобы принадлежать к царству теней. Не в твоей власти вывести его из пещеры — ты можешь попытаться, но какими словами¹⁵¹? Во всяком случае, надо запретить себе к этому стремиться. В будущем больше не следует допускать, насколько возможно, порывов сердца столь безудержных, как к С<юзанне> Г<ошон>¹⁵² и N, без дружбы целиком и на деле взаимной. Такие вещи свойственны подросткам. Научись быть одинокой; может быть, это поможет тебе заслужить настоящую дружбу. У тебя никогда не было ее с 16 лет, кроме одного года (и даже меньше) — и сколь он был изнурителен. Научись переносить одиночество светло и радостно. Иначе тебе придется себя презирать. А что касает-

ся N, скажи себе относительно него те же слова, что и относительно С<юзанны>. Страдать, в крайнем случае, ради него, но не страдать им. Подумай, что если ты сейчас умрешь — умрешь в разладе с собой. Какой стыд! Даже хорошо, что N не стал тебе настоящим другом. Ты не заслуживаешь того, чтобы он им стал¹⁵³.

[ms. 20] Воля. Любое дело сделать нетрудно, когда нас воодушевляет ясное сознание долга. Но беда в том, что в момент страдания это ясное сознание пропадает, остается лишь невыносимое чувство боли.

Но верно и обратное: когда принимаешь решение, твой долг — перед тобой, а страдание пока еще далеко. Воля не могла бы одержать победу, если бы ей пришлось бороться напрямую с силами, превышающими ее. Все искусство воли состоит в том, чтобы, пользуясь моментом, пока борьба еще не началась, определить относительно нашего намерения объективную ситуацию, в которой мы окажемся, будучи слабы.

«Дрожишь, скелет; будешь дрожать еще сильнее, когда узнаешь, куда я тебя поведу»¹⁵⁴.

Поскольку воля есть мысль, ее единственное оружие состоит в возможности охватить разные моменты времени, тогда как тело ограничено только настоящим. В конечном счете, речь идет о том, чтобы не допускать страсти в поток нашего мышления.

Не «принимать решения», но сначала связать себе руки.

[ms. 21] *Математика.*

*Галуа*¹⁵⁵. Важная мысль:

«Я думаю, что упрощения, производимые изяществом вычислений, имеют свой предел; думаю, что придет время, когда алгебраические преобразования, предвидимые в умозрении аналитиков, не будут больше иметь ни времени, ни места для дальнейшего умножения, так что придется довольствоваться тем, что их предвидели. Не хочу сказать, что в анализе не было бы ничего нового без этого пособия, но думаю, что когда-нибудь все это будет исчерпано.

Смело пускаться в вычисления, группировать действия, разделять их на классы по их сложности, а не по форме — такова, по моему мнению, миссия будущих геометров, таков путь, на который я вступил в этой работе.

...Здесь производится анализ анализа, здесь высшие исчисления, выполненные до сих пор, рассматриваются как частные случаи того, что было полезно и необходимо исследовать, но теперь будет пагубным не оставить их ради исследований более обширных. Еще придет время выполнить вычисления, предвиденные этим высоким анализом и классифицированные сообразно их трудности, но не по форме, когда их (вычислений. — П. Е.) потребует специфика вопроса» (Писано в Сент-Пелажи в декабре 1831, в возрасте 20 лет). (...)

[ms. 22] Работники заводов Северного района¹⁵⁶ (?) — Костюм, бордовый галстук, седые волосы.

— Они хотят контроля из-за подстрекательства и разгула. Свобода нарушена. Это конец всему! Вы правы: они делают то, что им противно, *они не берут заказов, даже когда они есть*¹⁵⁷. — У нас единогласно проголосовали за резолюцию... Если столько будет везде, им придется уступить. А если так пойдет, останется только закрыть всё. — Да, а что, больше нечего терять. Иначе потом будешь как капитан, которого заперли в рубке, а экипаж хозяйничает на капитанском мостике.

— Хозяин — существо, которое все ненавидят. — Однако именно он дает жить всем. — Странная несправедливость. — Да, его все ненавидят. А раньше уважали. Во времена моей молодости. Этого больше нет. Даже здесь, среди мастеров... — Подлецы хорошо постарались. Но они поплатятся за это¹⁵⁸.

[ms. 23]

Гомер — Илиада.

Сила.

Сила превращает человека в вещь. Прежде всего, в буквальном смысле слова: убивая его. Человек, которого смерть в один момент делает неодушевленной вещью: Илиада пять раз рисует эту картину.

А те по равнине лежали,
Больше для коршунов, чем для супруг своих милые видом¹⁵⁹.

...вся голова, столь прекрасная прежде,
Билась в пыли. В то время врагам громовержец Кронион
Дал над трупом его надругаться в его же отчизне¹⁶⁰.

С этим контрастирует, явившись на миг, тот утраченный
мир, где человека ценят и любят:

Не было в мыслях у глупой, что Гектор, вдали от купаний,
Чрез ахиллесовы руки смирён совоокой Афиной¹⁶¹.

Сила, способная убивать, может, даже и не убивая, делать
еще живого человека вещью. Нестерпимое состояние: смерть
при жизни. Но тому, кто слабее, не оставляется выбора между
этим состоянием и состоянием трупа.

Будешь, невольница, в Аргосе ткать для другой, или воду
Станешь носить из ключей Мессейды или Гипперей:
Необходимость заставит могучая, как ни печалься¹⁶².

Быстро отсюда их всех увезут в кораблях быстролетных,
С ними со всеми — меня. И сам ты, о сын мой, за мною
Следом пойдешь, чтобы там неподобную делать работу,
Для господина стараясь свирепого...¹⁶³

Посередине между одним и другим — тот, кто еще не стал
трупом, но вот-вот им станет:

Так Приамов блистательный сын обращался к Пелиду
С словом мольбы; но в ответ неласковый голос услышал...¹⁶⁴

У Ликаона мгновенно расслабили колени и сердце.
Выпустил пику из рук он и на землю сел, распростерши
Обе руки¹⁶⁵.

[ms. 24] Это существо (слабый), которого в одно мгновение можно превратить в вещь, оказывает на рефлекс сильного не больше воздействия, чем присутствие вещи.

Плакать тогда об отце захотелось Пелееву сыну.
За руку взяв, от себя старика отодвинул он тихо.
Плакали оба они. Припавши к ногам Ахиллеса,
Плакал о сыне Приам, о Гекторе мужеубийце.
Плакал Пелид об отце о своем, и еще о Патрокле.
Стоны обоих и плач по всему разносились дому¹⁶⁶.

Со своей стороны, слабый, поскольку ему опасно любым образом напомнить о своем существовании, сам подражает в своем поведении инертной вещи:

В ставку великий Приам незаметно вошел...¹⁶⁷

<Сафо. Гимн к Афродите; в оригинале греч.>

Светлопрестольно-бессмертная Афродита,
дочь Зевса, плетельщица сетей, тебя умоляю,
томленьем и горечью не изнуряй мне,
владычица, душу.

Но предстань мне, как некогда прежде,
моленья мои издавеча услышав,
приклонялась и, отеческий дом оставляя,
выходила, златую

колесницу запрягши. Несла тебя милая стая
воробушков легких над черной землею
в частом трепете крыльев, с неба
путями эфира.

Вмиг прилетали они; и ты, о благая...¹⁶⁸

В полусне. (Роман в стиле Мориака¹⁶⁹?)

Семья. Отец, постоянно провозглашающий цитаты из Библии. У матери было много детей, из которых большинство умерло, но из всех она безмерно любила одну дочь. Дочь беременна. (Не замужем? Или брошена?) Сын, у которого на одном глазу не раскрываются веки (или на обоих?) [Вполне добрый малый]. Дочь-подросток, невинная, у нее — подруга того же возраста: персонаж Ж. Непрерывные, удушающие споры. В квартире, по другую сторону пересекающего ее коридора, буржуазная гостиная, мебель, подобранная без всякого вкуса, где есть возможность побыть в одиночестве. И девочки уходят туда всякий раз, когда им бывает невыносимо противно и тошно; от этого гостиная — центр действия романа — становится пронизана отвращением.

Сцена. В комнате (с окнами на улицу), где собралась семья, утомительный спор. Мать, со своей бессознательностью, изображающая материнскую любовь (искренне по отношению к дочери, но другим ее никогда не доставалось). Сын, крупный, плотный, умница, но безобразный внешне из-за своих сросшихся век и еще более — желчный. Отец ни во что не вникает, его ничто не интересует; библейские изречения. Сын принимается язвительно его передразнивать. «Когда этот доблестный пьяница Жонатан...». Друзья отца (пришедшие откуда?), святоши, как и он, тотчас входят толпой и начинают кричать. Девочки, пользуясь замешательством, убегают в гостиную. Но и она внушает им тошноту.

[ms. 25] Может ли быть дружба между тем, кто сидит в пещере, не понимая этого, и тем, кто пытается из нее выйти? Только тень дружбы. Однако, это как раз случай...¹⁷⁰ Но Сократ говорил, что отдал бы все, чтобы обрести хотя бы тень друга. У меня есть хотя бы эта тень...

Достигать того, чтобы человек был как можно менее пассивен — т. е. умножать связи между причинами и следствиями:

наука — только теория труда — и искусство: символ труда (греческий храм). Искусство: труд, не продиктованный *пользой*.

Произведение искусства: точка равновесия между человеком и природой.

Искусство: следы действия, при котором человек и природа встречаются *на равных* (включая, в природе, страсти: та-нец).

Эпопея: реванш человека над судьбой. Ахилл в своем шатре...¹⁷¹ щит...¹⁷² сравнения.

Смысл известного пассажа из «Горгия» о геометрии («ты забываешь...»)¹⁷³. Порядок вещей не допускает никакого *бесконечного* расширения; мир (κόσμος!¹⁷⁴) целиком покоится на *мере* и *равновесии* (итак, «геометрическое равенство»), стало быть, это касается и города. Любое действие «чрезмерно».

[На полях:] «Филеб»: древние говорили, что мир есть ткань, составленная пределом и беспредельностью¹⁷⁵.

В связи вот с какой идеей можно сблизить науку и искусство — это «идея» блага.

Сравни у Монтескье: повиноваться и повелевать равным себе¹⁷⁶.

γεωμετρίας γὰρ ἀμελεῖς...
ибо ты пренебрегаешь геометрией...¹⁷⁷

Амбициозный человек полностью забывает понятие об отношении.

Глупый народ, с которым мощь моя меня сковала,
Увы! Сама моя гордость нуждается в твоих руках!¹⁷⁸

Гегель: Хозяин и работник¹⁷⁹.

Единственное, что вразумительно в пресловутой «диалектике», это понятие об отношении, которое выведено куда более

ясно у Платона, чем у Гегеля. Что же до пресловутого «отрицания отрицания», это достойная смеха выдумка.

Довоенные «Мысли» о Прометее¹⁸⁰. Конечно, кто-то из первых лиц в государстве может бросить праведника в каземат на всю его жизнь и больше о нем не думать; потеряв власть, он, продумавши все заново, и сам может стать мудрым, праведным и святым... Но тот праведник в каземате — он-то не пробудет долго праведником, потому что сойдет с ума. Или, во всяком случае, ослабеет, оподлеет, будет молить о пощаде (М...¹⁸¹). Так что тиран, имея власть погубить не только его тело, но и душу, будет ко всему прочему в морально привилегированном положении, сравнительно со своими противниками? Мысль невыносимая.

Всегда рассматривать людей у власти как опасные *вещи*. *Всемерно* держаться от них подальше, когда это возможно делать, не презирая саму себя¹⁸². И, если однажды ты будешь вынуждена, чтобы не впасть в подлость, разбиться об их могущество, считать себя побежденной природой вещей, но не людьми. Например, можно быть в темнице и в оковах — а можно быть пораженной параличом и слепотой: разницы никакой¹⁸³. И т. д., и т. д.

Во власти ужасно то, что она предполагает неограниченность. Это ужасно для тирана, которого это делает безумным. Но это ужасно и для раба. Найдется ли на свете такой стойк, которого не сделают порочным даже самые простые жестокости — голод, удары — если он подвергается им по абсолютному произволу? («The Taming of the Shrew»¹⁸⁴) Счастье, что существует общественный порядок. Величие законов, даже самых бесчеловечных. Избегать любой ценою ситуации, когда ты только игрушка. Если же попадешь в такую ситуацию, предать себя ей, как болезни.

[ms. 26] Тайна человеческого существования в том, что между человеком и обступающими его силами природы, «которые

его бесконечно превосходят»¹⁸⁵, не существует равновесия, когда он находится в бездействии; оно существует лишь в действии, которым человек воспроизводит свою жизнь: в труде.

Сам Платон — всего лишь *предтеча*. Греки знали толк в искусстве, в спорте, но не в труде. Господин есть раб раба, и в этом смысле можно сказать, что раб¹⁸⁶ мастерит господина. (Гегель...)

«Смесь конечного и неопределенного» имеет смысл только относительно размеров человеческого тела. (В этом отношении верно, что «*πάντων ἄνθρωπος μέτρον*»¹⁸⁷.) Но человеческого тела действующего, т. е. соединяющего причину со следствием.

Человек творит вселенную вокруг себя в труде. Вспомни, каким взглядом ты окидываешь поля после дня жатвы... Как непохож он на взгляд прогуливающегося, для которого поля — только фон декорации! А ведь именно *в этом* состоит мощь истинного памятника перед Вселенной, которая его окружает (ср. слова Пьера де Краона)¹⁸⁸.

(Ты обладаешь — здесь — неистощимым источником радости...)

[Никогда не забывай, что у тебя есть всецелый мир, что вся целиком жизнь лежит перед тобой. Что для тебя жизнь может и должна стать еще реальнее, полнее, радостнее, чем, возможно, для любого из людей... Не калечь ее наперед никаким отречением. Не позволяй себя заточить в тюрьму никакой привязанности. Храни свое уединение. Когда тебе будет дарована *истинная* дружба (если это вообще когда-нибудь произойдет), противоречия между внутренним уединением и дружбой не будет, напротив. Ты ее узнаешь именно по этому безошибочному признаку. Другие привязанности должны быть ограничены строгой дисциплиной. С другой стороны, у тебя есть только одна значительная слабость, которую надо обуздать — одну, но если не обуздаешь, умрешь, не успев прожить...]

Человек в значительной мере избавлен от непосредственного гнета природы. В какой мере? Надо это оценить с помощью

пропорциональной доли трудов, не направленных непосредственно на удовлетворение жизненных нужд. Чем больше увеличивается дистанция между действием и удовлетворением необходимости, тем более человек свободен по отношению к природе. Ласточка, непрерывно носящаяся за насекомыми, — вот раб природы. Охота, собирательство. Но это освобождение компенсируется порабощением со стороны общества; ибо оно нас кормит, одевает и т. д., как родители — своего ребенка; мы — вечно младшие. Но и здесь также должно быть равновесие.

Если трудовые действия служат удовлетворению нужд только *косвенно*, но посредствующие звенья малочисленны, эта связь между причиной и следствием, хотя бы непрямая, будет ощущима¹⁸⁹.

НО: условия существования человека, ПРИ КОТОРЫХ ЭТО БУДЕТ ОЩУТИМО ЛУЧШЕ ВСЕГО.

[ms. 27] Богам приносили жертву — и хлеб поспевал. Сегодня служат машине, а хлеб вам предлагают в булочной. Отношения во второй паре больше не ясны, как были в первой.

Поэтому участие воли в нашем существовании столь слабо. Проходит время, когда она могла *желать*.

О двусмысленности слова «желание»¹⁹⁰. Подавить все желание человеческого существования. Хотеть — и то, что не является вознаграждением за труд, того не ожидать, но получать, как милость... Но ведь и слово «милость» двусмысленно. (Самое прекрасное слово...)

(Любовь бывает чиста ровно настолько, насколько она есть милость.)

Мы разучились получать милость.

«Законы суть отношения необходимые...»¹⁹¹

Разница между *рабом* и *гражданином* (по Монтескье, Руссо...): раб подчинен своему господину, а гражданин — законам. При этом господин может быть очень мягким, а законы очень

суровыми; но это ничего не меняет. Всё состоит в промежутке между капризом и правилом.

Так тот, кто думает, что подчинен некой капризной натуре, есть раб, а тот, кто знает, что подчинен природе, ограниченной точными законами, есть гражданин мира (Марк Аврелий)¹⁹². (...)

Почему подчинение капризу есть рабство? Главная причина этого состоит в отношении между душой и *временем*. Тот, кто подчинен произволу, подвешен на нитке времени; он *ждет* (ситуация наиболее развращающая!..) того, что принесет следующий миг; он принимает то, что приносит миг настоящий. Он не распоряжается этими мгновениями; настоящее для него не является тем рычагом, надавив на который, он мог бы поднять будущее.

Человек есть раб в той степени, в какой между действием и его следствием, между усилием и продуктом труда вмешиваются *воли* сторонних лиц.

Человек <в обществе> никогда не сталкивается лицом к лицу с природными условиями своей собственной деятельности. Общество создает ширму между природой и человеком.

Орудие: *весы*, на которых взвешиваются человек и мироздание (Statera...¹⁹³). «Силы природы превосходят бесконечно...» И что тогда? И однако, моряк на корабле имеет вес, *равный* весу безмерных сил океана. (Не забывать, что судно есть рычаг.) В каждый момент лоцман — со слабой силой его мускулов, владеющих рулем и веслами, но силой *управляемой* — осуществляет равновесие с этой огромной массой воздуха и воды. Нет *ничего* прекраснее судна¹⁹⁴.

[ms. 28] Вставить:

Декаданс	Деморализация трудящегося: дисквалификация, безработица, разрыв связи между трудом и благосостоянием (наблюдение: виноградарь в Осере ¹⁹⁵). Замена <производственного> соперничества <i>войной</i> — обычной или экономической (спекуляция, реклама, уничтожение и утилизация продуктов).
----------	--

Реакция на это: малые предприятия и т. д. тенденции возвращения к простой жизни и т. д.

Новые производительные силы совпадают с относительной свободой — период созидания — индивидум еще что-то значит.

Идеал — вкратце:

Ценность? 1) Идеал, который мы носим в себе — новый — *наша миссия*.

Единственная новая идея после греков...

2) Предел. Этот фактор необходим для понимания истории.

Примеры: ремесленники, квалифицированные рабочие, матросы, строительные подсобные рабочие. (Координация).

Даже рабство (у природы или у людей) устанавливает границы. *Всегда три фактора*¹⁹⁶.

Вопрос: пропорция.

Начиная с Возрождения: считается, что...

Упадок; его причины: расхождение между действием и мыслью.

Теперешнее состояние.

Противовесы¹⁹⁷.

Необходимая координация	Значительно расширенное познание методики.
Стимул к усилию	Ощущение творчества.
Принудительные меры по лишению ¹⁹⁸	Уважение к работе (чувство эстетическое — из чего следует: роль искусства в обществе будущего).

Испытание¹⁹⁹: периоды беспорядка
кооперативы²⁰⁰.

Труд не-рабский: где мы продумываем сами²⁰¹. (У ремесленников слишком большая доля принадлежит ручной сноровке²⁰².)

Центральная идея Маркса: труд сам по себе как принцип организации (в противоречие с утопией «высшего этапа коммунизма») — при каком условии? Пугающая²⁰³ двусмысленность.

Везде, где имеет место использование человеческой энергии, нет методики (почему?)

Всякий труд = *трансформация* движений. Человеческое тело есть машина этих трансформаций, но совершенно непостижимая. Методика начинается с инструментов трансформации, изготовленных нами (блок — рычаг — судно...).

[ms. 29]

Работы:		Механизмы:	
Шахты (Как изменить?)	Литейное дело ?	Поточная работа может делаться машинами, которые сами произведены автоматически.	Труд не поточный

Но узнать, не лучше ли отказаться от поточной работы?

(...)

Идеал: «От царства необходимости к царству свободы». Нет, но от необходимости, которой мы подвергаемся, к необходимости, методически управляемой²⁰⁴.

И от принуждения *капризного и неограниченного* (угнетения) к *ограниченной* необходимости.

Древний закон: Будешь добывать хлеб твой в поте лица твоего (проклятие)²⁰⁵.

Новый закон: Повелевать природой, повинуюсь ей.

Фауст:

Stünd' ich, Natur, vor dir ein Mann allein
Da wär's der Mühe wert, ein Mensch zu sein!²⁰⁶

Прудон²⁰⁷, Верхарн²⁰⁸...

Убегать от необходимости? Как дети? Но эта драгоценная жизнь была бы нами утрачена — и за это расплачиваются рабством другого рода — сначала оказываясь лицом к лицу со страстями — потом лицом к лицу с коллективной силой общества.

Добровольно, сознательно, методически творить заново условия собственного существования...

Сотрудничество или прямой контакт? (...)

Разрыв между мыслью и действием.

Производить:

Действовать:

То, что <i>еще</i> непонятно, <i>за пределами</i>	}	того, что может охватить мысль (выполнение работы по частям)
То, что <i>уже</i> понятно, <i>по эту сторону</i>		

Метод: разделение операций. Осуществляется в одном разуме, но во многих телах.

[ms. 30] Будет настолько же *меньше* <нужды во> внешней дисциплине, насколько *больше* будет дисциплины внутренней.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ИДЕЯ:

Капитализм осуществил освобождение человеческого *коллективного* по отношению к природе (появление значительных периодов досуга (если...), организация труда и т. д.). Но это коллективное по отношению к *индивиду* восприняло ту функцию гнёта, которую прежде выполняла природа.

Это верно и в материальном смысле. Огнем, водой, и т. д., и т. д., и т. д., всеми силами природы, «бесконечно превосходящими силы человека», овладела коллективность.

Вопрос: можно ли перенести на индивид это освобождение, завоеванное обществом?

Вопросы: 1) *стимул* взамен за труд и нужду

2) *координация*, требуемая
методикой труда

3) подчинение этих «бесконечных
сил» (вопрос, отдельный от 2)

связаны ли?

Но должны ли мы *желать* «земного рая»? Там ничто не будет учить человека самому принципу обуздания себя, т. е. отношению к собственному телу как к *вещи*. У него не останется других правил жизни, кроме его страстей...

[ms. 31] «Власть машин = другая форма власти природы» (Маркс²⁰⁹ в передаче Дикмана)²¹⁰.

Подчинение — по видимости — «сил природы, бесконечно превосходящих силы человека» (Спиноза), требует содействия коллективности, которая весьма превосходит возможности контроля со стороны тех, которые ею управляют. Отсюда...

Методика труда. Этот вопрос пока еще не прояснен.

Как человек становится рабом своей собственной методики?

Вопрос существенно-важнейший...

Разум становится рабом всякий раз, когда принимает связи, которые *сам не установил*.

[На полях:] «Кто воображает себя ангелом, делается зверем»²¹¹ (глубоко...). (...)

Пример Тантала в «Правилах»²¹² приложим к математическим открытиям —

В этом хрустальном универсуме математики перед разумом раскинуты *те же* сети, что и в реальном мире.

Могущества больше, чем знания — также и в этой области.

Важное замечание: эта наука не поддается вульгаризации. Почему? А именно по причине доли *случая*, доли *непредвиденного*, из-за чего математика не составляет единого целого. В ней нет способа открыть какие-то широкие пути, по которым можно было бы пробежать взглядом, не углубляясь, — надо непременно войти внутрь.

В умозрительных построениях²¹³ так же, даже еще в более чистом виде: «Im anfang war die Tat»²¹⁴.

Отсюда <вытекает> необходимость и участие *критики*. Декарт был слишком амбициозен в этом смысле.

Современный <i>труд</i> : подмена цели средством.	}
Современная <i>алгебра</i> : подмена значения знаком.	

Наука, в основном, не поддается вульгаризации оттого, что простота замещена обобщением (ср. $\sqrt{-1}$ / комплексные числа). Отсюда подчиненность — уже не сложного простому, но напротив, простого сложному. Количество изменяется в качество — отсюда различие в природе элементарного знания и науки. Любое элементарное знание признается недействительным²¹⁵.

[На полях:] Общее утверждение²¹⁶ — абстрактная форма могущества.

И все становится профанным, ибо общее утверждение всегда «относительно»²¹⁷.

Момент, когда это общее утверждение выходит за пределы сознания (как для осуществления действия).

[ms. 32] Общее утверждение...

Сознание побеждается *количеством*, даже при чистом умозрении (алгебра) (не количеством в членах уравнений, а количеством отношений).

Следовательно, поиск равновесия, в том числе и в алгебре... (Декарт: дисциплина воображения²¹⁸).

Наука, отныне постигаемая как искусство — искусство мыслить...

Δὸς τοῦ στῶ, καὶ κόσμον κινῆσω...²¹⁹

Точка опоры: само это понятие равновесия...

Полностью новая цивилизация. «Великая жизнь: мечта юности, реализованная в зрелые годы»²²⁰. Греция — юность человечества. Но та возмужалость, которую обещала эта юность, так и не наступила.

Фрейд.

Общее утверждение и простота. Считать нормальное частным случаем ненормального [таким же образом, сознательное — частным случаем бессознательного] есть такая же путаница, как считать арифметические числа частным случаем сложных чисел или механическую энергию — частным случаем энергии электрической.

Уже у Лейбница: равенство — частный случай неравенства²²¹.

Простота. Определение: одна вещь может быть названа проще другой, когда вторую невозможно помыслить *прежде*, чем помыслить первую. (...)

Конкретное определение *свободы*: когда мысль о действии предшествует действию. «Я уйду отсюда; значит, есть опасность» (У. Джеймс²²²) — рабство, паническое бегство. «Есть

опасность; значит, я уйду отсюда» — отступление. (В первом случае — лишь эмоция; но не во втором.)

Можно сказать: «Я убегаю; это значит, я боюсь» (У. Джеймс), но не годится: «Я боюсь; это значит, я убегаю»; эту вторую формулу надо изменить таким образом: «Есть опасность; это значит, я убегаю».

И какое теперь содержание будет иметь эта мысль? Оно может быть только необходимостью; ибо мысль может иметь объектом только этот мир.

Одинаковый критерий — для труда.

Свобода есть *предел* [свобода, понимаемая как преодоленная необходимость; ибо свобода безразличия бывает лишь во сне]. Рабство — тоже предел. Всякое положение в реальности находится между этими двумя.

[ms. 33] Преодолеть препятствие, которое мы сами себе устроили, — не есть преодолеть препятствие; препятствие — это то, что мы *встретили*. В случае чистой игры не может быть никакого реального препятствия.

Без препятствий неизбежных — без необходимости — даже искусство свелось бы к чистой игре. Ибо что оно тогда могло бы выражать? Всякое произведение искусства воспекает необходимость. Искусство греческое, наряду с другими. Филоклет²²³, и т. д.

Метод: усвоенный раз и навсегда — применяемый многократно — так, даже в мире абстрактных знаков он может привести к результатам *непредвиденным*, которые мы воспринимаем, не понимая. Теперь метод стал не более чем рецептом.

Смотреть в лицо природе, но не людям — вот единственная дисциплина. Зависеть от чужой воли значит быть рабом. Однако, это удел всех людей. Раб зависит от господина, а господин — от раба. Положение, при котором человек или унижен, или тиранствует, или то и другое сразу. (...) Напротив, перед лицом инертной материи можно прибегнуть только к мысли.

Математика: абстрактный мир, в котором я завишу единственно от своего «я». Царство справедливости; ибо всякая добрая воля здесь получает свою награду. («Ищите прежде всего царствия Божия и правды его»²²⁴.)

Итак, мир: здесь вмешивается случай. Прогресс. (Утверждать, принимать существование.) [«Это так!»²²⁵] Но, чтобы иметь правильное представление о случайности (не выводить ее от бога²²⁶), надо пройти через математику... Корабль...

Есть посредства: завод...

Переносить зависимость от человеческих существ можно, только если ты сам мечтаешь некогда их тиранить.

В этом источник всех жестокостей, в частной и общественной жизни. (Нет, еще и другое...)

Метод.

Машина: метод заключается в вещи, а не в уме.

Алгебра: метод заключается в знаках, а не в уме.

Именно по причине его *универсального* характера. То, что один раз зачислили (в такую-то категорию, под таким-то обозначением. — П. Е.), затем воспроизводится бесчисленное множество раз. Его не включают каждый раз заново, так как это излишне, это занимает время, и еще по разным причинам.

Эти автоматические приспособления сами воспроизводят себя; итак, нечто *производят не думая* — вот что хуже всего. От этого само мышление — точнее, то, что занимает его место — становится орудием.

Квалификация труда. Два *отдельных* вопроса, которые надо решать в целях достижения максимальной свободы:

1-й, чтобы индивид *как можно меньше* нуждался в коллективе;

2-й, чтобы коллектив *как можно больше* нуждался в индивиде, *то есть* — в мышлении (ибо это единственная вещь, неотделимая от индивида).

Вести исследования в области техники, изобретая не такую технику, которая будет более производительной, а ту, которая даст бóльшую свободу: будет *полностью* новой...

[ms. 34] Коллективное мышление — вещь абсолютно невозможная. Однако наша наука столь же коллективна, как и наша техника. Специализация. Мы перенимаем не только *результаты* <исследований>, но и *методы*, которые нам не понятны. Да они и неразделимы; ибо алгебраические результаты предоставляют методы другим наукам. (...) Итак, индивидуальность подавляется даже в этой области.

Это определенно связано с переоценкой ценностей в науке (*общие утверждения* — или единство — вместо ясности). Как это <получается>? Методы отныне не более чем простые инструменты. Стремятся экономить и т. д.

Конечно, все еще не угасла искра греческого ума. Например, теории *групп* — исследования о множествах (по крайней мере, в принципе) и т. д.

История математических *идей*. Их, без сомнения, не столь уж много (воображаемые, например, ими не являются, и т. д.).

Где разрыв? Можно взять в качестве критерия принцип Декарта: иметь присутствующим в уме *все, на чем основывается* положение²²⁷, которым мы пользуемся²²⁸.

С того момента, когда используется заранее готовая формула (бином Ньютона, например...), с этого момента подчинение неизбежно. Наука подавляет ученого.

Разделение по частям труда в науке. Например, когда что-то новое рождается от встречи двух отраслей науки, которые *один и тот же ум не постигает вполне*.

Два уровня деградации, в некотором смысле. Наука, за ней техника: общие причины и много других.

А в сущности причина всегда одна: противоположность между бесконечным расстоянием мысли и границами тела (даже в науке: время, обозначения...).

Поскольку коллективная мысль не может существовать как мысль, она переходит в вещи (знаки, машины...). Отсюда этот парадокс: вещь — мыслит, а человек низводится до состояния вещи. Зависимость индивида по отношению к коллективу и зависимость человека по отношению к вещам: *una eademque res*²²⁹.

Отношения *устанавливаются не в уме*.

[ms. 35] Одна и та же переоценка ценностей в труде и в науке: создают ученого для науки (чтобы причислить его к ее ведомству), но не науку для ученого (чтобы сделать его мудрым) — и ученый зависит от науки (как часть официального научного мира), а не наука от ученого. Так же, как и у рабочего с машинами...

Наука, говорит Шартье, родилась от религии, но отнюдь не от труда. Почему? (он не исследовал, почему). Потому что труд имеет дело исключительно с *вещами*. Пользование *знаками* по необходимости первоначально должно иметь религиозный смысл. (Ибо знаки суть чистое порождение человеческого ума.) Научная переработка есть переход знаков в вещи. Но сначала делаются попытки немедленного, преждевременного перехода; это магия.

Почему наука не может зародиться иначе как от пользования знаками? Потому что только с помощью знаков она может устранять случайность (*ἄλειρον*²³⁰) и, таким образом показывать необходимость — которая, впрочем, еще нисколько не есть необходимость, пока не существует, — а существует она именно посредством *ἄλειρον*.

Отсюда наука определяется как... (как что?)

(*Метод* <в науке> приобретает только через пользование знаками. Замечание Детёфа²³¹ по поводу инженеров и рабочих.)

Количество.

Над методом взяло верх количество.

Наша цивилизация основана на количестве.

Понятие о мере утеряно *во всех областях жизни* (например, рекорды в атлетике).

Здесь всё искажено. Частная жизнь — тоже, потому что *воздержность*²³² (σωφροσύνη²³³) в ней стала немыслимой. Кроме внешних правил (буржуазные условности), всё развитие морали в послевоенный период (и даже раньше) есть одна сплошная *апология невоздержности*²³⁴ (сюрреализм) и, следовательно, в конечном счете, безумия...

Современная концепция любви.

Разговор с Пьером²³⁵: когда говорят о язычестве, забывают, что самым центром язычества²³⁶ является понятие *воздержности* (которому христианство весьма неудачным образом противопоставило <добровольное> *лишение*; однако, кто пробует подражать ангелу, тот<, напротив,> уподобляется животному²³⁷).

Увы, в окружении нравственной атмосферы, где царит невоздержность, особенно трудно жить согласно правилам воздержности. И тогда во многих областях жизни избежать невоздержности бывает возможно только через лишение. Но самая большая опасность лишения рассеивается, когда его принимают не как правило поведения, имеющее важность само по себе, но только как временное средство, и к тому же только там, где не понимают, что можно обойтись и без этого. Она, определенно, есть меньшее зло; можно подвергать себя лишениям, сохраняя воздержность как цель, хотя воздержность и лишение противоположны друг другу. Можно предписать границы лишению, но не распущенности.

[ms. 36] В числе характеристик упадка современного мира не забыть указать: невозможность мыслить конкретно связь между усилием и результатом усилия. Слишком много посредствующих <звеньев>. Как и в других случаях, эта связь, не заключаясь в какой-либо мысли, состоит в *вещи*: в *деньгах*. И, как всегда, самым своим существованием они создают пропасть между мысленными представлениями двух этих пределов. Но в наше время практика спекуляции, ставшая всеобщим и почти единственным средством к обогащению, фактически создает

пропасть в квадрате (промышленное производство хотя бы делает деньги средством связи между вещами, а спекуляция есть связь между деньгами и деньгами). Последствия этого ощутимы вплоть до самых низов населения (виноградарь в Осере)²³⁸.

ДЕНЬГИ МЕХАНИЗАЦИЯ АЛГЕБРА	}	Три монстра современной цивилизации. Полная аналогия.
----------------------------------	---	---

Ставить качество выше количества *также* в области науки.

Связь между наукой и ее применениями носит характер *случайной* — она никем не мыслится; следовательно, она может быть только случайной.

Важно (для свободы) не то, чтобы труд был *методичен*, но чтобы он *выполнялся методически*. Но одно не обязательно предполагает другое. *В каком-то смысле первое даже исключает второе...*

И снова *явление удваивается*. Ибо возрастающая сложность нуждается уже в знаках знаков. И здесь тоже...

Вот в этом-то и состоит «робот»²³⁹...

Для ума, который подстилают под ноги количеству, *не остается иного критерия, кроме эффективности* (ибо это теперь единственный толк от него...).

Там, где ум (<т. е. собственно> человек...) перестает быть принципом, он перестает быть также и целью (значит, во всем коллективном труде...).

Декарт был слишком благороден, чтобы на самом деле не интересоваться социальными вопросами. Но он полагал, что одно методическое овладение природой способно дать человеку свободу...

↑²⁴⁰ Душа — это человеческое существо (человеческое тело...), рассматриваемое как имеющее ценность само по себе. Любить душу женщины — значит, думать об этой женщине не применительно к своим удовольствиям и т. д.

В области чувственного чем больше кто отдает, тем больше себя ставит в положение нищего, собаки, которая ожидает кости. [«Провинциальная муза»²⁴¹.] Потому что, чем больше он отдает, тем больше *зависит* в счастье и в несчастье. В одном слове он получает больше счастья, чем может заслужить годом преданности²⁴².

[ms. 37] Софокл

«Трахинянки».

Деянира, которую герой вынужден оставить, в силу необходимости бороться с миром и с людьми. Лишение <друг друга>, опасности. Подчинение — под действием физиологии и оружия — прихоти супруга²⁴³. (Между женщинами — смешаны сестринское сочувствие в скорбях и ревность, наряду с покорностью перед мужским насилием.) Возмездие воину несет его домашняя жизнь.

Τὸ γὰρ νεάζων ...

... ἡδοναῖς μοχθὸν ἐξαίρει βίον

ἐς τοῦθ', ἕως τις ἀντὶ παρθένου γυνῇ

κληθῇ λάβῃ τ' ἐν νυκτὶ φροντίδων μέρος²⁴⁴.

«Филоктет».

Драма материального отвержения.

Высшая точка напряжения драмы: момент, когда отверженность становится полной через лишение тех последних связей с человечеством, которые состоят в *изготовленных вещах*.

᾽Ω χεῖρες οἷα πάσχει ἐν χρειᾷ φίλης

νευρᾶς ...

... οὐ γὰρ ἔχω χερσὶν

τὰν πρόσθεν βελέων ἀλκάν²⁴⁵.

Полная зависимость через отношение с другими людьми, которые по своей прихоти могут сделать герою добро или от-

казать в этом, о которых он не знает, в силах ли он обойтись без их присутствия.

«Электра».

Отверженность среди враждебных людей, облеченных властью: унижение, порабощение, голод, побои, лохмотья... Момент высшего напряжения — когда оставленность становится окончательной: смерть единственного существа, в котором героиня надеется иметь любовь и защиту. Затем она встречает его и обретает спасение.

ὦ φίλτατον φῶς ... О, любимый свет!²⁴⁶

«Эдип-царь», «Эдип в Колоне», «Антигона».

Полная и внезапная потеря богатства, могущества, чести — по действию чистого случая — и, в начале, естественная катастрофа (чума).

Нищенство, виновность в глазах людей. Лишения, принуждающие повсюду взывать о милости, боязнь вызвать ужас. Оставленность всеми.

Немощь и одиночество того, кто противостоит силам.

Все драмы Софокла — в той или иной форме суть драмы одиночества... слабости индивида, даже полного энергии (каковы они все²⁴⁷).

Повсюду чувствуешь, как под разворачиванием чувств проступает жестокость самой *природы*.

У Расина, напротив, роковое участие необходимости целиком принадлежит порядку [ms. 38] власти. В «Андромахе», «Баязете», «Беренике», «Митридате», «Ифигении» и, конечно, в «Британнике». Даже в «Федре». Голода и тому подобного здесь просто не существует. Характерно, как любовные страсти хорошо вписываются в мир *в чистом виде* политический. Напротив, братские или сестринские отношения (Электра, Антигона) здесь не играют никакой роли. <Ведь в драме Софокла>

Электра будто служанка в родном доме, над которой издеваются, которой не дают досыта пищи, хоть она и царская дочь. Антигона — нищенка. Но у Расина нет нищих.

Начало «Эдипа-царя» — чума; «Эдипа в Колоне» — жизнь нищего странника; «Электры»...²⁴⁸ и т. д.

Итак, в целом, трагедии Расина являются дурным средством воспитания... Что же до Корнеля, *несчастье* там вообще не имеет места. Ни Гораций, ни Полиевкт, ни Август, ни даже Родриго не позволяют себе даже на мгновение пожалеть о том, что трагическое событие вообще произошло (долг сражаться с Куриациями — угроза мученической смерти — заговор Цинны — пощечина Графа)²⁴⁹. В мире Корнеля, коль скоро человека зовет «возвышенное», ничто другое не должно его трогать. Но и этот мир не предполагает ни голодных, ни отверженных, ни катастроф, ни гнета... У Софокла человек, храня свое человеческое достоинство, проходит через изнеможение под гнетом враждебной судьбы. Скорбные боги Гегеля²⁵⁰. Насколько он более человечен²⁵¹... И, кроме того, ближе нам сегодня.

[ms. 38. Пространные выписки из «Филоктета» Софокла.]

[ms. 39. Описание движения парусных судов на основании впечатлений, записанных в Ревилле (Нижняя Нормандия), где Симона отдыхала в августе-сентябре 1931 года. Здесь, упрасывая местных рыбаков брать ее с собой на ловлю, она успела немало узнать об их труде.]

[ms. 40–51. Запись десяти солдатских и матросских песен (солдат Первой мировой войны и колониальных экспедиций, заключенных военных тюрем и др.), сделанные Симоной в среде рабочих Сент-Этьена и рыбаков Ревилля. Из этого весьма интересного и редкого материала (часть песен известна к настоящему времени только в этой записи) выбираем одну, особенно памятную Симоне, «Песню Кранна»²⁵².]

ПЕСНЯ КРАННА

Когда спустя восемь часов, окончив отдых,
Мы возвращаемся в траншеи,
Наше место так важно,
Что, если не мы, тут всё расколошматят.
Но кончено, с нас уже хватит,
Никто больше не хочет идти,
И, с сердцем сдавленным, как от всхлипа,
Мы говорим штатским: «прощайте».
Мы и без барабана, и без трубы
поднимаемся вверх, опустив голову вниз.

Прощай, жизнь, прощай, любовь,
Прощайте, все женщины.
С этим покончено навсегда
Из-за этой проклятой войны.
Здесь в Кранне, на этом плато
Нам суждено оставить свою шкуру.
Потому что мы все приговорены,
Мы все принесены в жертву.

Восемь часов в траншее, восемь часов муки;
Но есть еще надежда,
Что нынче вечером придёт смена,
Которой мы ждем беспрестанно.
И внезапно ночью, среди тишины,
Мы увидим, что кто-то приближается:
Это офицер пехотинцев,
Что пришли нас заменить.
Тихо в опустившейся ночной тьме
Идут ребята-стрелки к своей могиле.

Прощай, жизнь, прощай, любовь etc.

Противно смотреть на улицах
На этих толстяков, что делают покупки.
Если у них жизнь розовая,
У нас она совсем другая.
Вместо того, чтобы прятаться, эти крысы
Лучше пришли бы сюда в траншеи
Защищать свои пожитки, ибо у нас — ничего нет,
Мы простые голодранцы.
Все наши товарищи полегли здесь,
Защищая добро этих господ.

Те, с деньжатами, они сюда еще придут:
Это ради них мы подышаем.
Но всё, конец, ибо все солдаты
Уже хотят бастовать.
Ваш черед, господа толстяки,
Подниматься на это плато.
Раз вы хотите войны,
Платите за нее собственной шкурой.

[ms. 52] «Etiam peccata»²⁵³ — потому что ошибки возможны постольку, поскольку не человек не понимает, что они суть ошибки: совершить ошибку, таким образом, необходимо, чтобы понять нечто, как физическая боль нужна, чтобы обнаружить болезнь. Это может быть помыслено только в отношении прошлого.

【Твое большое искушение: ты не умеешь подняться над необходимостью в ее наиболее чистой форме — в форме времени, избегаешь его бессознательно или слепо ему подчиняешься; это искушение самое постыдное...】

Труд — изначальное соглашение между человеком и природой, между душой и ее телом.

Специализация — порок: не замечать *серий* — не видеть трудность в ее истинном свете, но только в сопровождении такого — или такого — или вот такого постороннего обстоятельства.

Понятие угнетения, вообще говоря, есть глупость: только надо читать «Илиаду»... и еще большая <глупость> — понятие угнетательского класса. Можно говорить только о структуре общества, которая способствует угнетению. Эта структура никогда не породит автоматически свою противоположность [но только идеал своей противоположности: смотри у Гераклита²⁵⁴].

Греческое понятие *меры* имеет смысл исключительно в связи с размерами человеческого тела²⁵⁵.

Человек, под видимостью укрощения сил природы, которые его превосходят *безмерно*, предал себя им — он потерял само понятие необходимости.

Техника и наука — вульгаризация — понятие рычага, и все то, к чему можно его приложить. (весло? — закрутка винта? — ср. у Лагранжа²⁵⁶) Вместо распутывания *абстракций*, выявлять *аналогии* между вещами конкретными и частными. Чем будут тогда формулы? — Они тоже будут частью аналогии, и *не более того*.

(Старайся всегда делать это сама для себя... Ты посветишь этому много лет в молчании, если будет нужно... Но тогда не учи!..)

Прежде всего, сделать каталог всех трансформаций движений, поставив в центре понятие рычага. Проводить частные анализы, показывающие единство (Даламбер, Лагранж...) Параллельно прояснять математические понятия: элементарная геометрия — исчисление бесконечно малых — всё, что имеет отношение к *периодическим движениям* (п, воображаемые) — наконец, группы.

На втором месте, подвести итог всему, что в мире машин представляет собой иное, чем трансформация движений — то есть: 1) трансформация энергии (моторы); 2) трансформация вещества (химия); 3) (из самого нового:) возбуждение «рефлекса» (автоматизм) (может быть, нужен более широкий раздел? телевидение²⁵⁷, и т. д.).

Понимать — это всегда восходящее движение, ибо понимание всегда должно быть конкретным. (Мы еще не выходили никогда из пещеры, только выходим²⁵⁸.)

Проект: народный университет в сократической форме по основам ремесел.

Связь между музыкальной *темой* (или даже архитектурной?) и наваждением²⁵⁹. Фуга Баха есть преодоленное наваждение — поэтому начальная тема не имеет большой важности. Наваждение есть единственное подлинное человеческое страдание (зубная боль — наваждение); боль, не овладевающая твоим сознанием, — это не боль.

Опиум и т. д. = принимать самую мысль как *сладострастие*. Поиск удовольствия — всегда *дурная* вещь.

Ошибочно желать быть понятым прежде, чем ты прояснил себя в твоих собственных глазах — это поиск удовольствия от дружбы, и незаслуженного — это что-то более растлевающее, чем <поиск его в> любви. Ты продаешь душу ради дружбы... (...)

[ms. 52B] Великие художники суть те, для которых искусство есть вещь второстепенная, средство. Другие (те, для кого искусство есть цель. — П. Е.) — ниже их (Пруст).

Забота о *доходности* и об *экономии* при сооружении предприятий, машин и т. д. Эта забота — преобладающая, которая отодвигает простую *эффективность* на второй план — ощущается техническими руководителями²⁶⁰ как рабский долг; но это есть всего лишь подчинение общему интересу. В СССР технические руководители — цари, потому что единственное, что имеют в виду, это *наибольшая эффективность*, притом, что технические специалисты располагают ресурсами государства, в некотором смысле, безграничными. Забота о доходности слу-

жит только подавлению человеческой природы у исполнителей. Борьба с природой при этом представляется по образцу войны. Такова «управляемая экономика». И здесь реальная основа так называемых пут, налагаемых на «производительные силы» капитализмом.

Расспросить об этом Гьенёфа²⁶¹.

Попросить у него еще: рассказ об одном дне в качестве директора треста.

— » — инженера.

Спросить у Детёфа:

Изобретение — риск ошибки — издержки испытаний — не становится ли технический прогресс *все более и более* затрудненным? (...)

[ms. 53] ЗНАКИ

«Посох слепого»²⁶².

Судно: настоящий мореход умеет воспринимать то, что имеет отношение к его кораблю, так же непосредственно, как сигналы, подаваемые его собственным телом (ср. также у Конрада²⁶³). Например: береговые ориентиры — паруса — положение и движение судна...

Ответственность, изобретательность, проворство проявляются повсюду, где орудие труда для человека, который им владеет, становится как бы продолжением его собственного тела, непосредственно подавая сигналы его душе.

[На полях:] Выяснить (эта проблема стоит передо мной уже давно), в чем именно состоит удивительное свойство обладания как бы искусственным телом. Кстати, Гегель, рассуждая о привычке, забыл отметить, что любая привычка связана с орудием²⁶⁴. (...)

ὄργανον ἄλλο σῶμα²⁶⁵.

<Нужно ли> сообразовывать тело с *универсальностью* ума? Без сомнения. Хороший работник — полная противоположность автомату.

Здесь кроется подлинная природа *труда*. Когда труд превращается в интерпретацию знаков, он становится лишь абстрактным симулякром действия: с одной стороны, команда, отданная в виде знаков, не имеющих реальности, — с другой, команда выполненная в виде вещей, не имеющих значения. [Завод!]

Гениальность можно определить соображениями в этом роде: по всему, в чем проявляются интуиция, вдохновение и т. д. (по всему, за что *метод* не отвечает. Исключение: военный гений).

Ср. Гегель о *привычке*. Привычка, необходимое и почти достаточное условие для гения²⁶⁶.

[Неудивительно, что греческие храмы имели тенденцию к соотношению с человеческим телом.]

[На полях:] Кстати, поразмыслить об эстетическом характере аналогии в искусстве. Например: темы человеческие пропорции в архитектуре и т. д.

Надо попробовать изучить в связи с этой идеей квалифицированный труд на машине [также надо проводить различие между рабочими, обладающими общей квалификацией, и узкими специалистами].

[Идеальным было бы, очевидно, соединение метода и привычки.]

Условия современной жизни нарушают повсюду равновесие между умом и телом в мышлении и в действии — в любой деятельности: труд, <политическая> борьба...

[Приписано на полях:] ...и любовь, которая становится сладострастием плюс игрой.

(И, волей-неволей, сама эмоциональная сторона жизни несет на себе отпечаток этого...) Цивилизация, в которой мы живем, во всех своих аспектах подавляет, сокрушает²⁶⁷ человеческое тело. Ум и тело стали чужими друг другу. Контакт потерян.

В этой буре хорошо уже хотя бы сохранить понимание, куда плыть (понимание *конкретное*). Что же касается будущего, можно только сказать, что чем больше будет людей, которые...²⁶⁸

[ms. 54] Машины — два предельных типа:

1-й: машина-инструмент, с которой рабочий имеет отношение, аналогичное отношению моряка со своим судном.

2-й: машина *автоматическая*, в работе которой участие человека является чисто наблюдательным.

Обе они — освободительницы. По правде сказать, надзор <за работой машины> есть что-то отупляющее; но нетрудно было бы придумать приспособления, которые полностью освободили бы внимание наблюдающего (звонки и т. д.) [тогда приставить к работе можно было бы студента, и т. д.²⁶⁸] (да, абстрактно — но ведь машина издает шум).

Здесь существуют посредствующие (промежуточные) звенья в неопределенном количестве: 1) сообразно тому, больше или меньше машина специализирована (что зависит от большей или меньшей серийности труда) — на самых нижних уровнях находятся полуавтоматические машины, где человеческое тело участвует в работе, но как шестеренка; 2) сообразно *разделению труда* между актом приспособления машины к ее целям и движениями человеческого тела, которые включаются в ее работу на том же уровне, как движения шестеренок (*наладчик* и *подручные рабочие*).

Заметь:

Не машина сама по себе делает труд низким, но *поточная организация производства*; между булавочниками Адама Смита²⁷⁰ и рабочими на конвейере у Ситроена²⁷¹ единственная разница только в сжатости ритма движений.

Итак, идеальным было бы оставить сколь возможно меньше промежуточных уровней. Придуманы машины совершенно автоматические (к ним только надо бы прибавить средства, высвобождающие внимание), но можно было бы взамен изобрести машины, *гораздо* более чувствительные, чем все известные на сегодня.

В таком направлении можно предвидеть трансформацию техники, открывающую путь к новой цивилизации.

Но будет нужно осуществлять это как в первых монастырях, как на кооперативных предприятиях — а также на этих предприятиях прокладывать путь для *другой* науки²⁷².

[Можно вообразить предприятие, где функции были бы разделены иерархически, не отношениями управления — исполнения, но в смысле квалификации. Наказанием за плохо выполненную работу было бы понижение по иерархической лестнице (и — конечно, до некоторого предела — наказанием будет *голод*: временное увольнение). Контроль труда осуществлялся бы поочередно лучшими из рабочих. Это функция была бы вознаграждением, которое позволит (данному рабочему) лучше постичь весь производительный процесс²⁷³. *Никакого* денежного преимущества при этом не должно давать никому.] (...)

[ms. 55] Математика. Большое препятствие: то, что <сформулированное> обобщение тотчас тонет в лесу *новых* частных случаев.

(Прояснить. Очень важно. Я выражаюсь неясно...)

Здесь тоже нужно было бы идти по пути изучения *частных случаев* и <методом> аналогий.

Само основание алгебры соединено с какой-то фундаментальной ошибкой относительно человеческого ума... Ср. Декарт (мы мыслим отдельное)²⁷⁴.

Механизация, похоже, послужила такому развитию человеческого ума, что показано Декартом в строках о статуэтке Тантала²⁷⁵.

Но... [появление в изобилии *нового* типа частного.]

Здесь, как мне кажется, что-то аналогичное тому, что произошло с алгеброй.

Здесь подводный камень для человеческого ума, представляющий собой *существенную* трудность (и которой Декарт не видел). Ее надо вполне прояснить. Она не может быть непреодолимой; во всяком случае, далеко до того, чтобы это было видно.

Если есть здесь какое-то средство, оно в том, чтобы заменить *обобщения* — *рядами*²⁷⁶.

Декарт, конечно, видел, что главная трудность не в том, чтобы продвинуть вперед понимание, но в том, чтобы дисциплинировать воображение²⁷⁷. Вот почему наука есть *искусство*. И в конечном счете, в этом и заключается ее истинная ценность.

Наука должна быть методом освоения природы (слово «метод» предполагает принцип первенства совершенного перед несовершенным).

Начиная с *чисел*

движения абстрактные (геометрия [а не формы])
понятие *комбинации* (математика, имеющая центром теорию групп)

движения реальные (научные принципы технической работы и, прежде всего, машин)

континуум (механика, включающая в себя применение исчисления бесконечно малых — теорию жидких тел, и т. д.)

энергия

Кроме того, изучение природных феноменов (теплота, электричество, и т. д.), при ОТСЕЧЕНИИ ВСЕХ НЕ-НЕОБХОДИМЫХ ГИПОТЕЗ. (Констатация...)

[На полях:] То, что в наши дни называют гипотезами, суть всего лишь произвольные предположения, не отвечающие ни необходимости разума, ни необходимости практической.

химия

изучение живых { понятие *жизненных обменов* и органического *равновесия*
таблица рефлексов
мутации

Остается ли еще что-то в науке? То, что, может, остается — посадить его тихонько в уголок, и пусть оно не шевелится...

[ms. 56] Встать лицом к лицу с вещами — освобождает ум. Стоять лицом к лицу с людьми, если мы от них зависим, — его унижает, будь эта зависимость в форме подчинения, будь она в форме права повелевать.

Ср. у Дидро: «принимать позы» («Племянник Рамо»)²⁷⁸.

Зачем эти люди между природой и мной?

Никогда не полагаться на непроверенную мысль... (иначе ты вверишь себя случайностям).

[Подручное средство: кроме братских связей, относиться к людям как к зрелищу... и *никогда* не добиваться дружбы... жить среди людей, как в том вагоне из Сент-Этьена в Пюи... более того, *никогда* не позволять себе мечтать о дружбе: за всё приходится платить... «не жди никого, кроме себя самого»²⁷⁹.] (...)

Начиная с определенной степени угнетения, необходимым образом бывает так, что господа становятся для своих рабов предметом *обожания*. Ибо мысль о том, что ты абсолютно подавлен, что ты игрушка в руках другого, невыносима для человеческого существа. Поэтому, коль скоро отняты последние средств избежать подавления, у него не остается иной альтернативы, кроме как убедить себя, что те вещи, к которым его принуждают, он выполняет по собственной доброй воле, — иначе говоря, *покорность* заменить *преданностью*. (И даже порой, заставляя себя делать больше, чем ему навязывают, он меньше страдает: так же, как дети, смеясь и играя, способны переносить физическую боль, а если им причинят ту же боль в виде наказания, она покажется им нестерпимой.) Рабство развращает душу именно таким изворотом; на самом же деле эта преданность основана на самообмане, ибо доводы не выдерживают испытания. (В этом отношении католический принцип послушания [ср. Эди²⁸⁰] надо рассматривать как освобождающий, в отличие от протестантизма, основанного на идеях самопожертвования и преданности²⁸¹.) Единственное спасение состоит в том, чтобы заменить идею принуждения не иллюзией преданности, а понятием о необходимости (ср. продолжение

«Эмиля»²⁸²) — которое, впрочем, никогда не заключает в себе полного бессилия.

Напротив, бунт, если он не достигнет своей цели тут же, в действиях четких и эффективных, всегда обращается в свою противоположность, по причине унижения, порождаемого чувством отчаянного бессилия, которое остается в результате. Иными словами, главная точка опоры угнетателя именно в бес- сильном бунте угнетенного.

(Можно было бы написать роман о наполеоновском ре- круте...)

Но эту ненависть не полюбить нельзя,
Когда у ног твоих — хребет тысячеглавый²⁸³.

Но именно сама Семирамида *никогда* не сможет осознать этого²⁸⁴, ибо обман <рабской> преданности вводит в заблуж- дение также и господина.

Если так²⁸⁵, то нет никакого противоречия (как я думала раньше) между правилом Спинозы: «касаясь дел человеческих, не смеяться, не плакать, не негодовать, но понимать»²⁸⁶, исполь- зуемым как интеллектуальный заслон, и «социальной активно- стью». Вот чему стоит научиться у рабочих: переносить понятие *необходимости*, с которым они встречаются в труде, на челове- ческие дела.

Единственный способ сохранить достоинство в принуди- тельном подчинении: рассматривать начальника как вещь. Про- должение «Эмиля»²⁸⁷. Каждый из людей — раб необходимости, но раб сознательный²⁸⁸ — стоит гораздо выше.

Гегель: хозяин и работник²⁸⁹.

[ms. 57] Искусство. Успех искусства в том, чтобы приве- сти <зрителя> к иному, нежели его собственное «я»: к жизни, руководимой ясно понимаемым соглашением, которое ум за- ключает с миром. *Вторая часть «Фауста»*. Итак, бессмыслен- но завидовать художникам. Фуга Баха, полотно Да Винчи, сти-

хотворение — обозначают²⁹⁰, но не выражают. [И все-таки...] Искусство есть познание. Или, скорее, искусство есть исследование. Большой художник постигает вещи, которые он нам, увы, не сообщает. Леонардо... (ср. его «Трактат <о живописи>»).

Величие человеческого рода состоит в постоянном воссоздании жизни. Он воссоздает то, что ему дано. И выдумывает даже то самое, чему подчиняется. В труде он производит свое естественное существование. В науке он воссоздает мир посредством символов. В искусстве он воссоздает союз между своим телом и своей душой (ср. речь Эвпалиноса²⁹¹). Отметить, что любой из этих видов творения есть нечто бедное, пустое и тщетное, если рассматривать его отдельно, вне связи с другими двумя. Союз трех: «рабочая» культура²⁹² (ты можешь ее всю жизнь дожидаться...)

Наука, выполняющая функцию труда: в наброске (ср. предыдущую страницу)²⁹³. Но *искусство* в функции труда? Смогу ли я когда-нибудь это постичь? Увы, здесь пропасть между *воображать* и *делать*. [*Искусство как символ труда*²⁹⁴.]

Искусство (любое) имеет отношение к двум вещам: к *труду* и к *любви*. Связь между одним и другим?

Но любовь присутствует в искусстве только как превзойденная или даже отвергнутая. Произведения искусства учат: прекрасные вещи запрещено трогать. Вдохновение художника всегда имеет *платонический* характер.

Итак, искусство есть символ двух самых благородных человеческих усилий: создавать (труд) и не разрушать (превзойденная любовь). Ибо всякая любовь естественным образом имеет в себе нечто садическое, а стыдливость, уважение, сдержанность составляют меру оценки человеческого в человеке. Не присваивать того, что любишь... ничего не изменять... отказаться от могущества.

Стихотворение учит созерцать мысли вместо того, чтобы их переменять одну за другой.

Правило действия: *никогда* не останавливаться, не отступать посреди действия, что бы ни произошло. *Никогда* не начинать никакого действия, не рассмотрев неспешно, неуклонно, в совокупности, все возможные последствия (все, в чем придется дать ответ...).

Во всем, что не требует ум, *предпочитать анонимность* («следовать правилам и обычаям»²⁹⁵) [что очень трудно для тебя].

Избегать любой ответственности, которая не относится к твоим прямым обязанностям.

Не пытаться добиться, чтобы тебя понимали... что толку? Понимать; вот это лучше.

Правило Руссо (очень важное) — *никогда* не ставить себя в такое положение, при котором ты могла бы потерять в обстоятельствах, благоприятных для того, кого ты любишь, или выиграть от обстоятельств, которые для него несчастны²⁹⁶.

В более общей форме: максимально избегать ситуаций, где рискуешь впасть в противоречие между грубыми реакциями чувственной сферы и высшими устремлениями воли.

Всегда держать в уме, что пунктуальность, точность, верность в малых вещах («в исполнении нет деталей»²⁹⁷) суть условия существования человека на нашей планете. Принуждения времени нет для мысли — по крайней мере, в одном смысле; она есть самая ткань действия... Ты до сих пор, на деле, всегда воспринимала жизнь паразитически... Вернуться к словам Сократа о досуге...²⁹⁸

Научись отклонять дружбу, или, вернее, мечту о дружбе. Желать дружбы — большая ошибка. Дружба должна быть дарованной радостью, как те, что дает искусство, или сама жизнь (радости эстетические). Нужно отказаться от нее, чтобы стать достойной ее получить: она принадлежит к чину благодати

[«Боже мой, удались от меня...»²⁹⁹]. Она из тех вещей, что «даются сверх»³⁰⁰. Любая мечта о дружбе достойна быть разбитой. [Не случайно ты никогда не была любима...] Стремиться убежать от одиночества — трусость. Дело дружбы не лечить раны одиночества, а удваивать радости. Дружбы не ищут, о дружбе не грезят, дружбы не вожделеют; ее осуществляют (она — доблесть³⁰¹). Прекратить это шатание чувств, нечистое и мутное... *Schluß!*³⁰²

Или, скорее (ибо не следует обрезать <это> в себе слишком сурово), все то в дружбе, что не происходит путем действительного взаимообмена, должно становиться предметом внимательных размышлений. Глупо лишать себя вдохновляющего свойства дружбы. Мечтать о наслаждениях чувства — вот что надо строго себе запретить. Это развращение. Это такой же вздор, как мечтать о музыке или живописи³⁰³. Дружба не позволяет отрываться от реальности, как не позволяет и красота. Подобно красоте, она представляет собой чудо. И чудо состоит именно в том простом факте, что она *существует*. В 25 лет уже давно пора решительно покончить с тем, что достойно подростка...

Когда вся наша централизованная организация треснет, тут же рухнет и поточный труд. Однако, механическое производство сохранится. Будет видно, в ходе периода анархии, беспорядка, нищеты, как оно будет воссоздаваться...

Речь не о том, чтобы радоваться катастрофе. Но и не браться против нее с голыми руками. Нам следует держать в уме две заботы: 1) спастись *самим* — т. е. не безумствовать среди безумствующего мира. Это уже много. И 2) делать все возможное, чтобы подготовить...³⁰⁴ Не питать иллюзий насчет эффективности наших усилий. Ибо у нас недостаточно материальных средств. У нас нет никаких оснований надеяться, что это не обратится в свою противоположность (как Декарт). Но, в конце концов, когда две задачи совпадают, это всегда стоит труда. «Нет необходимости в надежде...»³⁰⁵ Иметь приличную цель... И что делать? Составлять инвентарную опись той существующей ныне

цивилизации, которая лежит на наших плечах. Критическое исследование... (как лучше выразить...) Размышлять *поодиночке*. Без разделения труда, без... Но, впрочем, стараться поддерживать всех тех...

[ms. 58] Провести инвентаризацию или критический разбор нашей цивилизации — что это значит? Это значит попытаться выяснить точно, что за ловушка сделала человека рабом его собственных творений. Чем пропитана бессознательность в методическом мышлении и действии. Побег в дикую жизнь — решение пассивное³⁰⁶. Найти первоначальное согласие между умом и миром через ту самую цивилизацию, в которой мы живем. Впрочем, эта задача невыполнима по причине краткости человеческой жизни, по причине невозможности сотрудничества и преемственности. Но это не причина за нее не браться. Все мы, даже самые юные, находимся в положении, аналогичном положению Сократа, который в тюрьме, ожидая смерти, учился играть на лире³⁰⁷. К тому же, хоть и без сотрудничества, научный обмен, во всяком случае, возможен. Надо, чтобы знаниями как в науке, так и в технике, старались овладевать и ученые, и технические специалисты, и квалифицированные рабочие...

Существенно важно следующее: дисквалификация труда есть конец цивилизации. Вот он, настоящий материализм. Форма эксплуатации — не материальный феномен. В истории материальным <началом> является техника, не экономика.

Античное рабство — снова будет воспроизводиться *тот же самый* феномен. Россия. Но позднее, по причине повышения доходности труда, благодаря нашей технике. Эта доходность будет служить, таким образом, только продолжению рабства.

Абсолютно нет надежды, что даже самые юные среди нас увидят это крушение³⁰⁸. Нет также никакой надежды, что мы сможем хотя бы передать нашу мысль поколениям, которые его увидят. Но имея даже самую слабую надежду, приходится прикладывать столько же сил, сколько — имея самую твердую. И, в худшем случае... [Сократ].

Исследовать все препятствия для воображения.

Отделение знака от обозначаемого (алгебра)	Изолировать. (В этом должны помочь аналогии...) Перемещать. А именно: <i>план и рельеф</i> (карты — рисунки) <i>покой и движение</i>	Конечно, есть и много другого. Ты можешь луч- ше всех соста- вить такой спи- сок... Главное, не торопиться.
---	--	---

Воспитание, полностью отличающееся <от нынешнего>, которое было бы воспитанием воображения, <его> гимнастикой...

Четыре вещи, которым надо учиться в научном воспитании:
метод
гимнастика воображения
критика
констатация.

[Помимо этого, воспитание должно учить пониманию разве что еще искусства — уделяя гораздо большее место танцам, пению, рисунку³⁰⁹. Поэзия — позже. Что же до искусства писать, его надо развивать не само по себе, а только в связи с другими дисциплинами.]

Рисунок — <сначала> некоторый период полной свободы, на манер Френе³¹⁰. Затем, рисование с натуры и копирование великих произведений.

[ms. 59] <Современное> искусство не имеет будущего [ближайшего], ибо все искусство коллективно, а коллективной жизни нет [есть только мертвые коллективные общности], а также по причине этого разрыва подлинной согласованности между телом и душой. (Заметь, что греческое искусство совпало с начальной стадией геометрии и с атлетикой. Искусство Средних веков — с ремесленничеством³¹¹. Искусство Ренессанса — с на-

чалом механики. Искусство XVII и XVIII веков — с подъемом народного сознания. Даже «унанимизм»³¹² был возможен только в предвоенный период... После 1914 все будто оборвалось.) Даже комедия стала почти невозможной, потому что место осталось только для сатиры (в какие времена был бы еще настолько понятен Ювенал?!) Искусство может возродиться только из чрева великой анархии — которая будет, несомненно, эпической, ибо несчастье сильно упростит многие вещи — театр, исходящий из глубоких народных источников — архитектура³¹³. Так что бесполезно с твоей стороны завидовать Винчи или Баху — (или...). В наши дни величие должно обрести другие пути. Оно, впрочем, может быть только одиноким, непонятным, без отклика... [однако ведь не бывает искусства без отклика].

Ты не могла бы и пожелать родиться в лучшую эпоху, чем эта, когда всё потеряно.

Две формы рока: *война* (эпопея: Гомер, а также Софокл, Эсхил) — *страсть* (Еврипид, Расин).

[Шекспир: обе. «Истории»³¹⁴, Трагедии]
«Макбет»↑

БЕЗУМИЕ в обоих случаях (ср. Агамемнон).

Центральная идея у Эсхила (которая есть уже у Гомера) та, что успех есть, по самой своей сути, *нарушение меры*. Платон.

Рок выбирает фигуры страсти, коль скоро социальная жизнь приобретает некоторую стабильность — чисто временную — благодаря сильной власти. Но любовь (когда она не достигает до возвышенной) всегда — или господство, или рабство — да больше того, то и другое вместе.

Пускай в твоих глазах горжусь я тщетной властью,
В твоих руках мое веселие и счастье³¹⁵.

(Что выходит крайне слабо у Расина, так это идиллические пары...)

«Агамемнон»: принесение в жертву Ифигении (объекта мести) это сам символ войны. [Какая ошибка со стороны Лукреция винить в этом случае религию!³¹⁶]

Есть и еще комбинации между войной и любовью... Пленницы у Гомера... Кассандра³¹⁷... Эрифила³¹⁸...

↑И, с другой стороны, Елена...
(но этого я еще не понимаю).

Клитемнестра (у Эсхила), отмщение женщины воину — символ (похлеще, чем Лилюли³¹⁹...) всех этих женщин в тылу...

Есть еще третья фатальность, это воображение («Хоэфоры»³²⁰). Еще одно безумие. (Религия от него освобождает.)

Низость — искать от людей, которых любишь — или желать дать им — иное утешение, чем то, что дают произведения искусства, помогающие нам просто тем, что они *существуют*. Любить, быть любимой — это только делать взаимно это существование более конкретным, более неотлучно присутствующим в уме. (Но оно должно присутствовать как источник мыслей, а не как их объект.) Если уместно желать быть понятой, то это — не ради себя, но для другого, чтобы существовать для него.

Вновь обрести согласие между телом и душой (как ты однажды нашла спорт, чтобы помочь себе, так же, без сомнения, как ты однажды встретила с Э.³²¹...)

[ms. 60] Глубокая мудрость, заключенная в сказках о пожеланиях. Рыбак, который пожелал стать сеньором, потом королем, потом императором, потом папой, потом Богом,... и вновь оказался рыбаком³²². (Самая правдивая деталь этой сказки в том, что его подталкивает жена. Амбициозность, в принципе, женская черта, потому что мужчина оценивается по тому, как он умеет одолевать море, землю, металл и т. д., а женщина — по тому, насколько она нравится: и тут уж не положено ни закона, ни меры. И ведь именно матерям хочется, чтобы их дети были во всем первыми.) Это в точности сокращенная история Наполеона. Урок в том, что амбиции безграничны, тогда как реальные

возможности никогда такими не бывают: переступить их черту — значит, упасть.

Итак, единственный способ достигнуть этого бесконечного, к которому стремится все сердце человека, это — быть справедливым, как говорил Сократ Алкивиаду³²³.

Размышления греков о «мере» и «отсутствии меры» содержат всю человеческую мудрость. Сократ. Трагики. (Что за чушь — говорить, будто «мудрость хора есть мудрость толпы»³²⁴! — Хоры Эсхила.)

(Ты думаешь, что все это хорошо тебе известно, однако не всегда в достаточной мере сторонись от искушений... Девиз Декарта: *qui bene latuit bene vixit*³²⁵.)

Власть имеет пределы, вследствие трудности контроля (помимо других факторов), не только по протяженности, но и в глубину. Русские крестьяне³²⁶. То же рабство с успехом достигается и среди рабочих на конвейере. Итак: неукоснительно избегать условий, позволяющих доводить до рабства.

<i>Всегда</i> будут иметь место	}
принуждение голода	
принуждение общества	
любовь к ремеслу.	

Отелло: в «Отелло» ревность без причины есть цена господства мужа — ср. страхи князя в «Пармской обители»³²⁷. Неограниченный владыка осужден на страх.

Софокл. Человек всегда (как и у Эсхила) — жертва рока, но с внешней стороны. Не изнутри. (Даже Аякс...³²⁸) Эдип. Антигона. Орест, вместо ярости: «ἔχω σὲ χερσίν: ὥς τὰ λοιπὰ ἔχοις ἀεί»³²⁹. Филоктет: «ὦ φίλτατον φώνημα!»³³⁰ У Софокла бывает чистая радость (у Эсхила — ее нигде нет), а сострадание способно смыть проклятие богов. Разум у него сохраняют даже в несчастье (у Эсхила повсюду атмосфера безумия). Это трагедия, современная геометрии. В городе царит порядок... зыбкие периоды равновесия... (даже Аякс не безумен: οὐδένος ἄξιος...³³¹)

Софокл избирал самые ужасные легенды (Эдип, Орест), чтобы внести в них свет. Урок этих трагедий таков: ничто не лишит человека его внутренней свободы. Его героям дано познать несчастье, но не одержимость. Это радостнее, чем феерия Шекспира...

Ни один из его героев не являет ни малейшей крупницы безумия, хотя *все* они находятся в ситуациях, где человек мог бы сойти с ума. Эдип. Антигона (между отцом и братьями! — ее рождение нечисто, но чисто ее сострадание). Орест. Даже Аякс, после исступленного бреда, чудесным образом предстает в ясном уме. Никакая часть человеческого облика <у Софокла> не бывает разрушена³³². Электра: победа чистоты над нечистотой... Это чтение всегда будет утешать меня³³³.

[ms. 61] Современная жизнь *предана неумеренности*. Нечувствие меры пронизывает всё, действие и мысль, жизнь публичную и частную. (Спорт: чемпионат — занятие им до опьянения, до отвращения — отупляющее изнеможение — и т. д. и т. д. и т. д.). Отсюда упадок и в искусстве. Равновесия нет больше ни в чем. (И все потуги Ле Корбюзье³³⁴ — впустую...) Католическое движение³³⁵ есть частично реакция против этого: по крайней мере католические обряды остаются неизменными. Но и они не связаны с остальным существованием.

Искать равновесия между человеком и им самим, между человеком и вещами.

Всякое равновесие нарушено. Например, между трудом и его плодами. Спекуляция поразила всё, вплоть до крестьянства...

(Это состояние вещей должно отразиться даже — но как? — на любви.)

Любопытный вопрос для ист<орического> матер<иализма>: почему в наши дни до такой степени отсутствует «платонизм»³³⁶? Суды любви³³⁷... Данте... Петрарка...³³⁸

Больше нет ощутимой связи между действием и последствиями действия, так что, даже действуя, человек *пассивен*.

Магия (Фауст).

Beata cujus bracchiis
Pretium pendit saeculi,
Statera facta corporis
Tulitque praedam Tartari.

[Блажен тот, на чьих плечах
Подвешено было Искупление мира,
<Блажен>, кто, сделавшись весами для тела,
Поднял всю добычу Тартара³³⁹.]

Добиться того, чтобы сама наука стала искусством с помощью этой идеи равновесия (посредством понятия *шкалы*).
(Очень важно, но пока еще не вполне ясно.)

Количество... (в форме повторения...) (Принять рычаг как символ...)

Индивидуализировать машину...

Две задачи		индивидуализировать машину
		— » — науку (вульгаризация).

После разрушения нашей цивилизации — одно из двух:
или она исчезнет полностью, как древние цивилизации
(кроме Греции и Рима), и...

или она адаптируется к децентрализованному миру.

От нас зависит — не взломать централизацию (которую по определению нельзя взломать), но подготовить будущее.

Остановить эту централизацию невозможно; она автоматически становится все более интенсивной; она растопит снег. Предел этому пути (полагает) только *неумеренность* и ее последствия. Сейчас — экономическая анархия...

Для индивидуализации машины мы овладеваем подходящей формой энергии (электричеством), но не формой машины. Значит, следовало бы, начиная с машин-инструментов...

При этом не думать, что ты выполняешь некую миссию. Во-первых, во всяком случае, ты умрешь, не будучи услышанной. И даже если услышат... (Декарт косвенно содействовал (...) беспроволочному телеграфу и т. д. — и самолетам, и т. д.) (...)

[ms. 62] <Лукреций. О природе вещей; в оригинале лат.>

Здесь неизменно одно: чем полнее у нас обладанье,
Тем все сильнее в груди распаляется дикая страстность.
Пища ведь или питье проникает во внутренность тела,
И, раз она занимать способна известное место,
То и бывает легко утолить нам и голод и жажду.
Но человека лицо и вся его яркая прелесть
Тела насытить ничем, кроме призраков тонких, не могут,
Тщетна надежда на них и нередко уносится ветром.
Как постоянно во сне, когда жаждущий хочет напиться
И не находит воды, чтоб унять свою жгучую жажду,
Ловит он призрак ручья, но напрасны труды и старанья:
Даже и в волнах реки он пьет, но напиться не может, —
Так и Венера в любви только призраком дразнит влюбленных:
Не в состоянии они, созерцая, насытиться телом,
Выжать они ничего из нежного тела не могут,
Тщетно руками скользя по нему в безнадежных исканьях.
И, наконец, уже слившись с ним, посреди наслаждений
Юности свежей, когда предвещает им тело восторги,
И уж Венеры посев внедряется в женское лоно,
Жадно сжимают тела и, сливая слюну со слюною,
Дышат друг другу в лицо и кусают уста в поцелуе.
Тщетны усилия их: ничего они выжать не могут,
Как и пробиться вовнутрь и в тело всем телом проникнуть,
Хоть и стремятся порой они этого, видно, добиться:
Так вожделенно они застревают в тенетах Венеры, —
Млеет их тело тогда, растворяясь в любовной усладе,
И, наконец, когда страсть, накопившись в жилах, прорвется,
То небольшой перерыв наступает в неистовом пыле.
Но возвращается вновь и безумье и ярость все та же,
Лишь начинают опять устремляться к предмету желаний,
Средств не умея найти, чтобы справиться с этой напастью:
Так их изводит вконец неизвестная скрытая рана. (...)
Из самых глубин наслаждений исходит при этом
Горькое что-то, что их среди самых цветов донимает...³⁴⁰

Ср. в «Нарциссе»³⁴¹:

Ты весь свет...

И не покидая моих глаз, не переставая быть мной,
Нежен твой свежий облик, и эта ясная видимость...

О, обнять тебя наконец!..

Это трепещущее, ломкое и *благоговейное* расстояние!³⁴²

[Здесь же выписан на греческом текст гимна «Эрот, в бою непобедимый» из «Антигоны» Софокла, ст. 781–800. В Тетради III он будет выписан в переводе Симоны (КЗ, ms. 96–97).]

<Сафо. К любимой; в оригинале греч.>

Богу равным кажется мне по счастью
Человек, который так близко-близко
Пред тобой сидит, твой звучащий нежно
Слушает голос

И прелестный смех. У меня при этом
Перестало сразу бы сердце биться:
Лишь тебя увижу, уж я не в силах
Вымолвить слова.

Но немеет тотчас язык, под кожей
Быстро легкий жар пробегает, смотрят,
Ничего не видя, глаза, в ушах же —
Звон непрерывный.

Пóтом жарким я обливаюсь, дрожью
Члены все охвачены, зеленее
Становлюсь травы, и вот-вот как будто
С жизнью прощусь я...³⁴³

<Гораций. Оды; в оригинале лат.>

Мог ли б ты обменять кудри Ликимнии
На сокровища все Ахеменидовы,
На Мигдона казну, в Фригии славную,
Иль на золото арабское,

В миг, как шею она страстным лобзаниям
Отдает, иль тебя, в шутку упорствуя,
Отстранит, чтоб силком ты поцелуй сорвал —
Или чтобы самой сорвать?³⁴⁴

* * *

Брось меня в страну, где весны дыханье
Не способно жизнь возрождать деревьев,
В тот бесплодный край, что Юпитер гневно
Кроет туманом;

Брось меня туда, где бег солнца близкий
Знойностью лучей обезлюдил землю, —
Лалаги моей разлюблю ль я голос
Или улыбку?³⁴⁵

* * *

Пусть ныне влекут тебя
И состязанья, и в урочный
Вечера час нежный лепет страсти;

И пусть порою слышится девичий
Предатель-смех, где милая спряталась,
И будет у тебя запястье
Или колечко любви залогом³⁴⁶.

Уважать то, что ты желаешь: вот источник благочестия³⁴⁷,
искусства, созерцания... Платонизм.

Платон. Есть только два вида любви: любовь тираническая («Государство», IX) и любовь «платоническая» («Федр»).

Мы любим душу с того момента, как перестаем хотеть обладать любимым. Противопоставление тела и души, при всей грубости, верно: желать рабства или свободы.

[ms. 63] <Шекспир. Сонеты; в оригинале англ.>

Сравню ли с летним днем твои черты?

Но ты милей, умеренней и краше.

Ломают буря майские цветы,

И так недолговечно лето наше!³⁴⁸

Мне показалось, что была зима,

Когда тебя не видел я, мой друг.

Какой мороз стоял, какая тьма,

Какой пустой декабрь царил вокруг!³⁴⁹

Salve Regina, Mater misericordiae,

Vita dulcedo et spes nostra.

Ad te clamamus exules filii Hevae,

Ad te sospiramus gementes et flentes in hac lacrimarum valle³⁵⁰.

[Радуйся, Царица, Мать милосердия,

Жизнь, сладость и надежда наша.

К Тебе взываем, изгнанные сыны Евы,

К Тебе воздыхаем, скорбя и плача в этой юдоли слез.]

(...)

[ms. 64–91. Почти полностью заняты математическими вычислениями, записями о математических проблемах.]

[ms. 77] «Тэст»:

«Определенно, почти только одна его редкостная память сохраняла в нем ту часть впечатлений, которую наше воображение неспособно создать само по себе. Воображая полет на

воздушном шаре, мы можем проницательно и сильно *придумать* многое из того, что, вероятно, чувствует аэронавт, но всегда будет оставаться нечто совершенно особое в реальном полете; и это отличие реального полета от наших мечтаний выразит ценность методов Эдмона Тэста»³⁵¹.

[ms. 79] διφ ιντ [=difficultés intérieures, внутренние трудности] — лень — порочность³⁵² — внутренняя ярость (например, месяцами на 2-м и на 3-м году...). Как избавиться от этого сколь возможно быстрее? Одиночество — на какой-то момент разорвать все связи. Усталость. Природа. Всё бросить. Физический труд. Но — *во-первых...* детские метания...

[ms. 89] Фауст: путь человеческого ума от грез к реальности.

Сначала — магия.

Du gleichst dem Geist, den du begreifst, nicht mir³⁵³.

Страстная любовь, преступление. И, после того как природа залечила раны, вступление в социальный мир. Искушение богатством (бумажные деньги). Краткое, но реальное единение с прекрасным (более истинное, чем любовь). Искушение властью: война. Власть более реальная: господство над людьми в борьбе с природой. Но здесь же и главный обман. Только в окончании — полная реальность, отречение от всякой магии.

Stünd' ich, Natur! vor dir ein Mann allein.

Da wär's der Mühe werth ein Mensch zu sein³⁵⁴.

Dem Tüchtigen ist diese Welt nicht stumm.

Was braucht er in die Ewigkeit zu schweifen!

Was er erkennt läßt sich ergreifen³⁵⁵.

И, наконец, совместный труд свободных людей:

Nicht sicher zwar, doch thätig-frei zu wohnen³⁵⁶.

Nur der verdient sich Freiheit wie das Leben,
Der täglich sie erobern muß³⁵⁷.

Auf freiem Grund mit freiem Volke stehn³⁵⁸.

Как только обретен мир — любовь спасена, рай — с великим трудом завоеван. Фауст — «предыстория человечества».
(...)

[ms. 92]³⁵⁹ Вычислительная машина = колесико с десятью зубцами³⁶⁰... Для того, чтобы ей пользоваться, нет необходимости разбираться в ее устройстве.

Чтобы машины функционировали *во всех случаях* автоматически.

Чтобы наука была реально усвоена <производительным трудом>...

Пока не осознают, определенно и конкретно, возможность такой трансформации...

Например, механика.

Чтобы каждый станок³⁶¹ производил *всегда* одни и те же изделия. Чтобы механическое устройство выставляло готовое изделие, за исключением моментов, когда будет нужно иначе, и брало другое... и автоматически останавливалось в случае брака.

Ткачество: автоматическая замена порвавшихся рядов.

В шахте?

Обширное исследование в прошлом и в настоящем в технике и теории.

В наше время *обычно* (кроме ремонта, наладки) те движения (операции), которые не требуют науки, предоставлены человеку; те, которые ее требуют, — предоставлены вещи.

Неужели невозможны — всеобщее усваиваемая наука и свободная техника? Ведь если б это было так, вообще говоря, не было бы причин для сильной озабоченности обществом; надо

было бы разве что стараться жить достаточно достойно в рамках того общества, которое есть. (Жизнь сохраняла бы весь свой смысл.) Но надо разобраться в этом со всей определенностью.

Чтобы каждый акт труда сопровождался познанием всех человеческих усилий (теоретических и технических), которые сделали и делают его возможным.

А до тех пор приближаться к этому, насколько можно... через повышение теоретической и технической культуры работников, объединенных в синдикаты.

Подготовить такое обновление науки и техники, обучая в этом отношении элиту пролетариата; и только после этого брать власть. (Впрочем, в любом случае, нам этот этап уже не достанется.)

I. Создавать с этой целью группы изучения с участием технических специалистов, квалифицированных рабочих, ученых, историков. Не допускать на этих собраниях дискуссий...

II. Это не лишает действие всего его смысла — но подчиняет. (Нельзя отдавать лучшую часть себя делу достаточно негативному и лишенному перспектив.) Главная задача — выяснить, как возможен свободный труд.

III. Историческая сторона и возможности.

[Один Борис может меня понять. Он не готов к такому изучению. И я не больше его. Но те, кто к нему подготовлены, по этой самой причине не в состоянии его предпринять... У него столько же времени в запасе, сколько у меня; при этом ум куда более живой.]

[ms. 93] Вера в революцию у Л<ьва> Д<авидовича>³⁶² — два фактора:

1-й: производительные силы, развиваясь, «восстают» против ограничений, которые им навязывает определенная социальная форма.

2-й: развитие производительных сил ведет — через промежуточную стадию социализма — к коммунизму.

В России — фаза, равноценная капитализму, с подчинением которому пролетариат смиряется³⁶³.

[ms. 94] Изучить (исторически) связь между социальным угнетением и производством не напрямую потребляемых продуктов.

Что было *движущей силой* такого производства до появления капиталистической конкуренции (Война? Религия?), и каков был *механизм*.

Есть лишь два средства быть *свободными*: уничтожение сверхпроизводства (возвращение к дикому состоянию), или обоснование возможностей сверхпроизводства *добровольного*.

Любое общество, лишенное возможности сверхпроизводства, заранее побеждено обществом, в котором оно есть. (...)

Процесс труда всегда был внешним по отношению к трудящемуся:

- 1) В форме традиции.
- 2) В форме метода, но такого, который материально кристаллизован.

Параллельно, и движущая сила труда всегда была внешней по отношению к труженику. (...)

Разделить виды труда по классам относительно человеческого достоинства.

[ms. 95] Подготавливать сознательное господство человека над материей.

Нынешнее *несознательное* господство обращается против самого себя и готово разрушить не только духовные, но и материальные основы современной цивилизации — (уничтожение продуктов — анархия производственного механизма — война).

Подготовка сознательного господства — на сегодня единственное, чем стоит заниматься. Единственная вещь, которая мог-

ла бы представлять интерес практический (ибо весь технический прогресс оборачивается против людей [*всех*, независимо от классовой принадлежности]), социальный (ибо ни какая-либо реформа, ни социальный переворот без этого не имеют смысла), теоретический (ибо весь прогресс наук служит только помрачению)³⁶⁴. [Против этих слов на полях:] Производство и технический прогресс обедняют, вместо того чтобы обогащать, — научные открытия, вместо просвещения, помрачают.

Всё остальное в наши дни потеряло ценность: производство и технический прогресс... наука... искусство... общественная активность... Человек утратил контакт с самим собой и с миром. Единственное, чем стоит заниматься...

(Дать смысл жизни Б<ориса>...) (...)

Это включит в себя также исторические штудии [для Б<ориса>] — обозначить достаточно точным образом...

Занятия исторические — научные — технические.

(История экономики, науки и техники.)

Кончить — программой для Бориса и для меня...

Конечно, мы не предрешаем эту *возможность*. Если ее не существует, по крайней мере, разберемся, поймем собственные пределы. Даже при отсутствии возможности, изучение этого — единственное, что стоит труда...³⁶⁵

[ms. 96] Не считая естественных нужд — есть ли у человечества другой мотив, кроме желания могущества?

Проблема: найти мотив для сверх-производства, который не был бы принуждением. Который не был бы также отказом от собственных нужд (такой отказ не обходится без порабощения). Значит, это должна быть сознательная воля. Но для этого нужно, чтобы процесс труда не был внешним или чуждым для работника: то, что разделение труда, кажется, предполагает с неизбежностью.

С другой стороны, разделение труда неизбежно, так как делает труд 1) относительно недолгим, 2) методичным, 3) способным производить не только предметы потребления, но и средства производства.

Как сделать, чтобы процесс труда целого завода мог быть усвоен каждым рабочим? И не абстрактно, раз навсегда, а конкретно и в каждом трудовом акте?

<В наше время> машину необходимо понимать только для ее *наладки* или *ремонта* (и еще разве что для приемки...), не для того, чтобы на ней *работать*.

Машина = метод, отобранный от человека и отданный веществу (метод = координация движений).

Рабочий есть всего лишь часть большого организма, который его мысль, однако, должна была бы охватывать как целое.

Нужна такая техника, с которой *производство* (индустриальное) стало бы чисто автоматическим, а на долю человека осталось бы только *ремонтировать, налаживать и воспроизводить* средства производства.

Революция предполагает не просто экономическую и политическую трансформацию, но также трансформацию научную и культурную.

В культуре: наука, доступная усвоению каждым человеком, в связи с практикой.

В технике: стремление к пределу, когда всё, что не нуждается в размышлении, стало бы чисто автоматическим — т. е., когда человек был бы избавлен от необходимости делать одно дело с машинами, когда его обязанностью было бы не работать на них и не следить за их работой, но только налаживать, ремонтировать и изготавливать новые...

Машина есть методическая координация между движениями, вверенная веществу.

Раб машины — тот, чьи действия не предполагают усвоения этих методических движений.

Хозяин машины — тот, чьи действия предполагают...

Здесь имеются степени — надо, чтобы каждый трудящийся имел необходимость знать, как функционирует всё предприятие — и даже больше того...

Всё, что можно готовить <для этого> уже с настоящего времени... (...)

<На поле:> демократия на предприятии: должности на короткий срок, избираемые по жребию, с надлежащей ответственностью.

[Третья страница обложки]

«Когда дикари Луизианы хотят достать плод, они срубают дерево под корень и срывают плод. Таково и деспотическое правление³⁶⁶».

«Истинный дух равенства состоит не в том, чтобы повелевали все, и не в том, чтобы нельзя было повелевать никому; но чтобы мы и повиновались, и повелевали тем, кто нам равны. Дух равенства не стремится к тому, чтобы вообще не было высших, но чтобы только те, кто нам равны, были нашими высшими³⁶⁷».

Но хотелось бы повелевать тем, кто *нам равен*³⁶⁸. (...)

<Молния>³⁶⁹

Если небо на землю посылает меня —
Небо, что отовсюду затянуто облаками,
И ветер, такой сильный, ветер, несущий запах радости —
Пусть возникнет³⁷⁰ все очищенным от мечтаний:

Возникнут для меня людские города,
Которые свежее дуновение очистит от мглы,
Шаги, крыши, крики, множества отблесков,
Людские шумы, которые поглощает время.

Возникнут моря, качающаяся лодка,
Удар весла, и ночные огни;
Возникнут поля, и сноп, брошенный в копну,
Вечера — звезда течет за звездой.

Возникнут лампа³⁷¹, и эти скорченные колени,
Темень, грохот на объездах шахт,

Возникнут руки, истолченный в крошку металл,
Лязг и рев машин.

Возникнут среди угля и подъемных кранов,
Между доками — тысяча холодных отблесков,
Отраженья причалов, улиц и звезд,
Безгласные ночи, пронизанные шумами³⁷².

Испанский дневник³⁷³

Август–сентябрь 1936

Вместо предисловия

Из письма Симоны Вейль
к Жоржу Бернаносу (1938)

С самого детства мои симпатии были устремлены к политическим группам, которые выступают в защиту униженных слоев общества, пока я не осознала, что эти группы способны разочаровать любые симпатии. Последней такой группой, которая внушила мне некоторое доверие, была испанская НКТ³⁷⁴. Еще до гражданской войны у меня был опыт небольшого путешествия по Испании, — недолгого, но достаточного, чтобы почувствовать любовь, которую трудно не испытать по отношению к этому народу. Я видела в анархистском движении естественное выражение его достоинств и недостатков, его более-менее законных чаяний. НКТ и ФАИ были странной смесью, куда допускались все кто угодно, и где, вследствие этого, рядом с аморализмом, цинизмом, фанатизмом, жестокостью уживались любовь, братство и, особенно, дух чести — что бывает столь прекрасно наблюдать у людей униженных. Мне казалось, что число людей, которые пришли сюда, воодушевленные идеалом, преобладало над теми, кем двигал вкус к насилию и беспорядку. В июле 1936 года я была в Париже. Я не люблю войну; но что во время войны более всего внушает мне ужас — это положение тех, кто остается в стороне. Когда я поняла, что не могу, как бы сама того ни хотела, морально отстраниться от этой войны, — то есть не могу не желать, ежедневно и ежечасно, победы одних и поражения других, — я сказала себе, что оставаться в Париже для меня равнозначно дезертирству. Я села на поезд до Барсело-

ны с намерением участвовать в войне. Это было в начале августа 1936 года.

*Случайная травма сократила мое пребывание в Испании. (...) Я покинула Испанию против воли, с намерением вернуться; но впоследствии, уже по собственной воле, ничего не сделала для возвращения. Я не чувствовала больше никакой внутренней необходимости участвовать в войне, которая теперь была уже не войной голодных крестьян против землевладельцев и духовенства, стоявшего заодно с землевладельцами, а войной между Россией, Германией и Италией...*³⁷⁵

*Порт-Боу*³⁷⁶.
Барселона.

Первые впечатления от гражданской войны.

Трудно вообразить, что Барселона — столица края, охваченного гражданской войной. Сойдя с поезда, я вспоминала, как познакомилась с Барселоной в мирное время, и у меня не было впечатления, будто что-то изменилось. Все <полицейские> формальности исполнены в Порт-Боу; выйдя из вокзала Барселоны наподобие каких-нибудь туристов, мы разгуливаем по ее милым улицам. Кафе открыты, хотя народу в них поменьше обычного; магазины тоже. Деньги в ходу всё так же. Если бы на улицах не было так мало полиции, и так много парней с винтовками, глаз не приметил бы ничего особенного. Нужно некоторое время, чтобы осознать, что это и есть Революция; что сейчас, здесь ты переживаешь одну из исторических эпох, о которых читала в книгах, о которых мечтала с детства: 1792, 1871, 1917. Были бы лишь последствия более благоприятны!

На самом деле, ничто не изменилось, — кроме одной небольшой вещи: властью распоряжается народ. Командуют люди в синем³⁷⁷. Налицо один из тех необычных периодов, которые до сих пор не бывали продолжительны: когда берут на себя ответственность те, кто всю жизнь повиновался. Конечно, такие дела не обходятся без неприятных моментов. Когда посреди

невооруженного народа мальчишкам семнадцати лет дают заряженную винтовку...

*Лерида*³⁷⁸.

Рег<иональное> ком<мунистическое> опол<чение> НКТ. — 5 рабочих-строителей — либ<ертарные> ком<мунисты>³⁷⁹. «Не сразу: за месяц, за два»³⁸⁰.

*Колонна Дуррути*³⁸¹.

Пятница 14-е <августа>.

Суббота, 15-е.

Разговор с крестьянами Пины³⁸².

Согласны ли они обрабатывать землю совместно³⁸³?

1-й вариант ответа (слышанный от многих): «что комитет скажет, то и будем делать».

Старики: да, — но при условии, что им будут выдавать всё, что положено — чтобы не надо было изводиться постоянно, как сейчас, ища, чем заплатить плотнику, врачу...

Один: поглядим, как оно пойдет.

Обрабатывать <землю> вместе им больше по душе, чем просто ее поделить³⁸⁴? — Да... (не очень решительно).

Как они жили до сих пор? — Работа день и ночь; питание очень плохое. Бóльшая часть не умеет читать. Дети ходят <работать> по найму. Младшая, четырнадцати лет, с десяти лет работает прачкой (они прекрасно улыбаются, рассказывая об этом). Зарабатывают 20 песет в месяц (девушка двадцати лет), <иногда> 17, 16 <песет>... Босые.

Богатые собственники из Сарагосы.

Приходской священник. — Подавать на церковь у нас нет денег, но мы даем священнику птицей³⁸⁵. — Вы любите его? — Да, очень. — А за что? — Не дают ясного ответа.

Те, с кем мы разговаривали, никогда не бывали на мессе. («За всю жизнь...»)

Много <в народе> ненависти к богатым?

— Да. Но между бедными еще больше.

А такое положение не помешает трудиться вместе?

— Не помешает, раз теперь не будет неравенства.

Все будут работать одинаково?

— Кто не будет работать, тех надо заставлять. Пусть едят только те, кто работает.

Городская жизнь лучше, чем деревенская?

— В два раза лучше. Работают меньше. Одеваются лучше, развлечения всякие. Городские рабочие больше в курсе всего, что делается... Один у нас пошел работать в город, через три месяца вернулся в новом костюме.

Завидуете городским? — Нам некогда об этом думать...

Военная служба: один год. Думают только о том, как быстрее вернуться домой. — Почему? — Кормят плохо. Изнурение. Наказания. Побой (если дашь сдачи — расстреляют.). Бьют кулаком, прикладом винтовки, и т. д. Богатые проходят это³⁸⁶ по-другому.

Нужно это отменить?³⁸⁷ — Да, очень хорошо бы.

Те, что были за священника, не изменили своего мнения; просто примолкли.

Режим: платят ренту помещику.

Многих прогнали с земли за то, что они были не в состоянии платить ренту. Приходится наниматься в батраки по две песеты в день.

Ощущение приниженности очень сильно.

Воскресенье, 16.

Дуррути в Пине.

(Гражданская гвардия³⁸⁸ — Штурмовая гвардия³⁸⁹ — крестьяне.) Севильян³⁹⁰.

Речь Дуррути перед крестьянами: я — рабочий. Когда всё это³⁹¹ закончится, пойду работать на завод.

[Об этом приезде Дуррути в Пину товарищ Симоны — журналист Шарль Ридель (о нем см. ниже) — написал заметку для анархистской газеты «Libertaire». Приводим небольшие выдержки для уяснения обстановки, в которой происходило знакомство Симоны с селением и его жителями, с положением дел на республиканской стороне линии фронта: «Воскресенье 16 августа. Площадь селения Пина, располо-

женного близ линии фронта и только несколько дней назад отбитого у фашистов, полна народа. Большая церковь черна от пожара, уничтожившего все внутреннее убранство и святыни. Мессы сегодня нет, священник сбежал или расстрелян». (...) Из обращения Дуррути: «Имущество местных фашистов становится общественной собственностью. Весь сельскохозяйственный инвентарь поступает в распоряжение коммуны. Территорией будет управлять местный комитет, избранный на общем собрании селения. Взамен ополченцы-антифашисты нуждаются в моральной и материальной помощи населения...»^{392]}

*Дуррути в Осере*³⁹³.

Приказы: не есть и не спать у крестьян³⁹⁴. Подчиняться «военному технику». Яростный спор.

Организация: выборные делегаты³⁹⁵. Без компетенции. Без авторитета. Авторитет военного техника он не признают.

Крестьянин жалуется одному парню из Орана (Марке³⁹⁶), что часовые спят на посту.

Возвращение в ш<таб>.

Товарищ, вырвавшийся из Сарагосы³⁹⁷. Предложение о походе. Севильян³⁹⁸. Тот, который останется со своим другом. Он сложит оружие.

300 человек без оружия, посланные из Лериды. 5 пушек, «одолженных» у колонны из Уэски (т. е. посланных из Лериды по согласованию с Дуррути). Гарсия Оливер³⁹⁹ вылетел самолетом в Валенсию. Пропавший офицер. Координация между телеграфистами и телефонистами.

Обещанная п<омощь>: 2000 вооруженных бойцов, эск<адрон> кавалерии, 2 (?)⁴⁰⁰ батареи из 15-ти, 2 горных танка⁴⁰¹.

Телефонный разговор Дуррути с Сантильяном⁴⁰². Взять Кинто⁴⁰³ потребует 1200 чел<овек> (?), без пушек. Пушки можно отправить под Сарагосу.

Очень энергично: «Можно произвести обстрел Сарагосы».

[Старик: Si, Señor...⁴⁰⁴]

Штаб переселяется в крестьянский дом, перед которым много пшеницы⁴⁰⁵ (странный выбор для переезда!) Утром — машина в сторону Пины. Славная юная новобрачная пара, целуются за рулем. Нашла группу, расселенную в здании школы. Прекрасно. (Патриотические учебники...) (Госпиталь тоже здесь.) Едим всё у тех же крестьян (в 18). Мне выдали оружие; хорошенечкий карабинчик. После обеда — беспорядочная бомбежка. Пишу Борису: «Я еще ни разу не слышала выстрела». (Честное слово, кроме стрельбы в тире.) И вдруг: бууум!.. Грохот ужасный. «Это авиация бомбит». Выходим с винтовками. Приказ: прятаться в кукурузу. Легли. Ложусь прямо в грязь, изготовившись палить в воздух. Через несколько минут поднимаемся. Самолеты летят слишком высоко, чтобы по ним стрелять. Половина испанцев стреляют залпом. Горизонтально, в сторону реки. (Некоторые из револьверов?) Ищут бомбу. Маленькую. А поле потравили на полкилометра вокруг⁴⁰⁶. У меня нисколько не было волнения.

Праздные крестьяне еще есть на площади, но гораздо меньше. Луи Бертомье (делегат)⁴⁰⁷: «Пойдем, переедем на тот берег». Это для того, чтобы сжечь три вражеских трупа. Переправляются на лодке (после четвертьчасовой дискуссии...). Ищут. — Находят один труп, посиневший, объединенный, страшный. Сжигают. Другие ищут оставшиеся <трупы>. А мы отдыхаем. Разговор идет о вылазке. Большую часть отряда снова пошлют за реку. Потом решают (?) отложить вылазку до завтра. Снова идем к реке, уже не прячемся. Видим дом. Паскуаль (из военного комитета): «Пойдем за дынями». (С глубочайшей серьезностью!) Идем по кустарникам. Жара, немного тревожно на душе. Мне это кажется идиотизмом. Вдруг понимаю, что это и есть вылазка (к тому дому). Вот теперь я *очень* волнуюсь (не знаю, насколько все это нужно, только знаю, что если нас захватят, то расстреляют). Мы разделяемся на две группы. Делегат, Ридель⁴⁰⁸ и три немца ползут по-пластунски до самого дома. Мы — в канаве (задним числом делегат будет нас ругать: мы должны были идти с ними до самого дома). Ждем. Слышен разговор... Выматывающее напряжение. Видим: ребята возвращаются открыто,

не прячась; присоединяемся к ним, и уже спокойно переправляемся обратно через реку. Эта глупость могла стоить им жизни. Паскуаль в ответе. (Карпантье и Гираль оставались с нами.)

Укладываемся на сене (две охапки сена в углу и одеяло сверху). На медбрата, который хочет загасить свет, ругаются.

Эта вылазка — первый и *единственный* раз за всё время в Пине, когда я испугалась.

Вторник, 18-е.

Куча проектов насчет того берега реки. К концу утра решают переправиться среди ночи, нашей «группой», и удерживать несколько дней до подхода колонны из Састано. Мучительный вопрос: о ручных пулеметах. Военный комитет Пины отказывается их дать. В конце концов, благодаря полковнику-итальянцу, командиру «Banda Negra»⁴⁰⁹, нам удастся получить один — потом <еще> два. На исправность их не проверяют.

Тот полковник первым и предложил нам идти туда; но, в конечном счете, это официальное поручение от военного комитета Пины.

Идут, конечно, добровольцы. Накануне вечером Бертомье, собрав нас в 18 <часов>, спросил нашего мнения. Гробовое молчание. Он настаивает, чтобы говорили, кто что думает. Тогда Ридель: «Да чего там, все согласны». Вот и всё.

Улеглись. Медбрат, который хочет погасить... Ложусь в одежде. Не спится ничуть. Подъем в 2½ ч. Мой вещмешок собран. Волнение: очки. Распределяют поручения (мне — карту и котелок). Приказ <выходить>. Выходим без слов. Всё же немного волнуясь. Переправляемся за два раза. Нам кажется, Луи нервничает: кричит (а если они там...⁴¹⁰). Высаживаемся. Ждем. Начинает светать. Немец собирается готовить завтрак. Луи находит хижину, приказывает снести туда все вещи, меня тоже посылает туда. Я остаюсь там ненадолго, потом тоже иду завтракать со всеми. Луи выставляет охрану. Мы тотчас начинаем работать: обустроиваем кухню, приводим в порядок хижину, загораживаемся, чтобы нас не видели. В это время другие идут к дому. Там застают семью и с ними мальчишку 17 лет (красавца!). Сведения

такие: нас засекли, разведка с той стороны. Они следили за нами с берега. Когда мы приплыли, они убрали своих дозорных. 112 человек. Лейтенант поклялся нас перехватать. Они вернутся. Я перевожу эти сведения немцам. Они спрашивают: «Будем переправляться обратно?» — «Нет, конечно, мы остаемся!». (Может быть, идти в Пину и звонить по телефону Дуррути?) Приказ: возвращаться и забрать с собой эту крестьянскую семью. (Тем временем, тот парень-немец, произведенный в повара, ворчит, потому что мы не взяли с собой ни соли, ни масла, ни овощей.) Бертомье, разозленный (возвращаться в дом еще раз опасно), собирает всю группу. Говорит мне: «А ты — на кухню!» Не смею протестовать. С другой стороны, я разве что наполовину гожусь для этого похода... С тревогой смотрю, как они отчаливают... (впрочем, и я остаюсь почти в такой же опасности). Берем винтовки, ждем. Очень скоро немец предлагает перейти в небольшой окопчик под деревом, который приготовили себе Ридель и Карпантье (они в походе, понятно). Залегает в тени, с винтовками (они не заряжены). Ждем. Время от времени немец вздыхает. Ему страшно, это заметно. Мне нет. Но как интенсивно живет вся природа вокруг меня! Война без пленных. Когда кто попадает в плен, его расстреливают. Ребята возвращаются. Крестьянин, его сын, и тот паренек... Фонтана поднимает кулак, глядя на парней. Видно, что сын крестьянина отвечает ему с неприязнью. Напряжен страшно... Крестьянин пришел обратно искать свою семью⁴¹¹. Каждый <из наших> возвращается на свое место. Воздушная разведка. Прятаться! Луи бранится на неосмотрительность. Я лежу на спине, смотрю на листья, на голубое небо. День прекрасен. Если меня схватят, убьют... И поделом. Наши пролили много крови. Чувствую себя морально сопричастной. Полный покой. Нас перегруппируют — и все начнется сначала. Я прячусь в хижине. Бомбят. Выхожу, бегу туда, где ручной пулемет. Луи говорит: «Надо — не бояться (!)» Приказывает нам с немцем идти в кухню, с винтовками через плечо. Наконец приходит семья крестьянина (три девочки и мальчик восьми лет), насмерть перепуганные (бомбят что надо). Потихоньку приходят в себя. Очень боязливы. Горюют

о скотине, оставленной на ферме (в конце концов, мы их заберем в Пину.) Очевидно, что они нам не симпатизируют.

[Из записей Симоны видно, что, при всем старании быть сдержанной, ее постепенно охватывает протест. Поведение ополченцев (центурия Симоны состоит в основном из иностранцев) по отношению к крестьянам хоть и не несет намеренной жестокости, но жестоко по своему произволу, глупости, непониманию очевидных вещей. Эти туристы с оружием оказываются неспособны уважать того трудящегося человека, которого они приехали «освободить от оков» и осчастливить. Позднее Симона напишет об этом Жоржу Бернаносу: «...Эти несчастные — и прекрасные — арагонские крестьяне, которые даже в унижениях сохраняли в себе столько достоинства, — они и для ополченцев были всего лишь объектом насмешек. Даже без хамства, без оскорблений, без жестокостей, — по крайней мере, я об этом не слышала, но знаю, что в колоннах анархистов грабеж и изнасилование карались смертью, — людей с оружием в руках от невооруженного населения отделяла пропасть, в точности такая же пропасть, которая разделяет бедных и богатых. Это всегда чувствовалось в несколько униженном, покорном, боязливом поведении одних — и в развязности, беззастенчивости, высокомерии других»⁴¹².

После 18-го августа — недельный перерыв в записях. За это время произойдет ряд событий, которые накрепко останутся в памяти Симоны и навсегда разведут ее с любыми теориями революционного изменения мира.

Вероятно, к 19-му августа следует отнести эпизод, описанный ею в том же письме к Бернаносу. «Мне не пришлось присутствовать при казни священника; за несколько минут до расстрела я спрашивала себя: «Зачем ты пришла? Просто посмотреть? Или же, чтобы тебя саму застрелили за попытку вмешаться?» До сих пор не знаю, как бы я поступила, если бы счастливый случай не остановил казнь...»⁴¹³

Утром 20-го Симона, по неосторожности и слабости зрения, получает тяжелый ожог, ступив ногой в котел с кипящим маслом. О том, что представлял собой госпиталь в Пине, мы уже знаем из ее предыдущих записей. Оказать Симоне квалифицированную помощь там было некому и, судя по всему, нечем. На машине ее отвозят в Барселону,

откуда выписывают в тот же день, даже не обработав, как следует, рану. По счастливой случайности, в Барселоне в тот же день ее встречают на улице родители. Спешно приехав из Парижа, они уже неделю живут здесь, разыскивая дочь по всему городу и округе. Симона, ковыляя с винтовкой на плече, говорит им: «Вы только не волнуйтесь, я ею еще не пользовалась». Доктор Вейль тщетно ищет врачей, которые могли бы эффективно помочь его дочери: рана гноится, Симону лихорадит от жара. В военных госпиталях царят неразбериха и безответственность, усугубляемые политической враждой: например, медики-коммунисты саботируют лечение больных и раненых из анархистских группировок, относясь к ним с откровенной жестокостью. Наконец, родители забирают Симону в гостиницу в Ситжесе⁴¹⁴, где отец сам лечит ее доступными средствами. Им помогают оказавшиеся поблизости Мишель Коллине⁴¹⁵, знакомый Симоны по кружку Суварина, и его жена.

[Ситжес]

5 сент<ября>.

Неожиданное возвращение ополченцев с Майорки. Ничего хорошего для Ситжеса: десять погибших⁴¹⁶. (Об этом до сих пор не было известно⁴¹⁷.) Карательный рейд среди ночи, на машине, чтобы убить десять «фашистов» <в отместку>. Столько же <убьют> и в следующую ночь. Люди бегут (булочник, который снабжал гостиницу...).

Рассказы К<оллине>: Лерида. Колонна Гарсии Оливера, вопреки решению НКТ Лерида, сожгла собор (полный ценностей, золота, сокровищ искусства) и убила двадцать человек в тюрьме, куда они⁴¹⁸ проникли силой.

Медбрат из колонны ПОУМ⁴¹⁹ (студент-медик). Сопровождает в машине раненого, у которого нога поражена гангреней. Решив, что в Лериде места для раненого нет (что было неправдой), приказывает шоферу ехать дальше, до... [?] На седьмом километре от Лерида авария. Санитар возвращается в Лериду, забрав с собой «документацию» и бросив машину⁴²⁰ на дороге. Шофер итальянец, испанского не знает. Наконец, по дороге случайно проезжает грузовик <с бойцами> ПОУМ, и

над шофером устраивают расправу⁴²¹. Санитару — восемь суток ареста.

<В боевом вылете> истребитель оставляет бомбардировщик, который должен был прикрывать («заело пулеметы»).

Вильяфранка⁴²² (близ Ситжеса).

Бертолле⁴²³ сказал мне, что в этом месте царит либертарный коммунизм. Но фактически они не отменяли деньги ни на один день. Не производили коллективизацию полей. Крестьяне (издольщики) не платят ренту (...) ⁴²⁴, вот и все дела. Коллективизируют в течение следующего года (?). Большой амбар, хозяина расстреляли. Коллективизирован? «Мы этим занимаемся». Куча маленьких фабрик (восемь — десять работников), механических мастерских, и т. д. Хозяева здесь работают вместе с рабочими. Они коллективизированы или превращены в кооперативы (а в чем разница?). Комитет Народного фронта (НКТ, ПОУМ, Эскерра⁴²⁵) поручил им изготовить и оплатил бронированный грузовик. Источники средств: военный налог, банковские счета реакционеров. «Мы не стали истреблять реакционеров, мы их заставили платить». Говорит, что у Эскерры и у Лиги примерно равные силы⁴²⁶. «А что сделали с бойцами Лиги?» — «Ничего, они примкнули к НКТ» (!!!)⁴²⁷. (Эти маленькие хозяйчики, которые стали теперь рабочими.) Расстреляли примерно три десятка человек: священника и крупных собственников. «Они фашисты?». — «Да нет, но они фашисты по делам», т. е. пособники⁴²⁸.

Карпантье, Ридель (Сьетамо)⁴²⁹.

Роанна⁴³⁰. Это он убил Б<адию> (какой подвиг!). 50 чел<о-век> в Лериде⁴³¹ (в первый день) (?) В Сьетамо водитель танка прибыл, опоздав на двенадцать часов, потому что не хотел выезжать слишком рано; по его оплошности получил травму один парень.

Сантьян хотел расстрелять пленных солдат. Луи⁴³² ему ответил, что если он их расстреляет, он потом расстреляет его самого. Он держится спокойно.

До этого, еще в Пине, испанцы из интернациональной группы участвовали в одной казни в Пине (нотариус, вернувшийся <в селение>⁴³³). Говорили о том, чтобы прогнать их из группы. Луи был взбешен. Решили, что группа не будет участвовать в <карательных> рейдах.

[Следующие записи сделаны Симоной в последние дни ее пребывания в Испании. Родители заставили-таки ее вернуться домой, под тем предлогом, что ожоговая рана была далеко не долечена. (Эта рана будет напоминать о себе до самого конца жизни Симоны.) Вместе с Мишелем Коллине она побывала на нескольких предприятиях, где под идейным водительством анархистов было установлено прямое рабочее управление. Записи очень скупы, но картину показывают довольно отчетливо. Заводы «Маритима» и «Испано-Сюиза» до войны составляли гордость испанской индустрии.]

«Маритима»⁴³⁴.

9 делегатов. 4 постоянных. 5 полдня работают как рабочие. Зарплаты, как у рабочих.

17–19 песет. 40 часов + 16 часов работают даром. Добровольный взнос 12 песет. 98% <коллектива — члены> НКТ⁴³⁵.

Бомбы и т. д. — Локомотивы.

Капитал испанский и германский. Директор утащил деньги (12 миллионов).

Художественные рисунки, найденные в архиве. Рабочие, работавшие на оружейных заводах во Франции.

Премии отменены. Сверхурочные работы.

«Испано»⁴³⁶.

(Расстреляны директор и четверо рабочих.)

Моральная обстановка очень плохая. Исполнительный комитет из 8 членов (6 рабочих, двое из конторы) плюс председатель (из конторы). Эти 8 завладели заводом, собрали рабочих, сами себя назначили. Предложили проголосовать за себя по списку.

Младшие начальники остались. Некоторые изменения только на этой неделе (бездарность).

Комитет технических работников. Сначала, 3 начальника мастерских. Потом больше. Предложения принимаются иерархически.

<Производят> импровизированные бронемашины. Понемногу их улучшают.

Часы работы: с 9 до 12, с 2 до 5.

Дисциплинарные меры — увольнение «отрицательных элементов» (плохих товарищей). Предупреждения недисциплинированным рабочим. Штрафы за опоздания. Брака не бывает⁴³⁷.

Премии отменены. Сверхурочные работы.

«Соли»⁴³⁸ за пятницу, ... августа. Разрешить кризис «*понижением стоимости продукции*». Средства ее понизить. Неисследованные природные ресурсы Испании. Малые предприятия. Развитие обмена⁴³⁹.

Поташные копи.

Не работают, но оплачиваются. Почему не работают? Из-за поташного треста, через который всё это должно проходить.

«Девушка: крестьяне при обмене оливкового масла на бензин получают в два раза меньше, чем отдают (если перевести на песеты)».

Неизданная тетрадь I (Кі1)

Марсель, середина сентября 1940 —
январь 1941

13 июня 1940 года Симона и ее родители покинули Париж, в который вот-вот должны были войти немецкие войска. Дороги, ведущие на юг, были забиты крестьянскими повозками, машинами, толпами бредущих беженцев, поезда на парижском Лионском вокзале брали штурмом. Месье Вейлю удалось посадить семью на поезд с большим трудом и не без уловок. 16-го числа президент Альбер Лебрен, сенат и палата депутатов, перебравшиеся в Бордо, принял отставку правительства Рейно; новым председателем совета министров был назначен восьмидесятичетырехлетний маршал Петен, легендарный командующий в Верденской битве 1916 года, кумир старых фронтовиков⁴⁴⁰. На следующий день Петен выступил с речью по радио, объявив, что французская армия прекращает сопротивление. 22-го была подписана капитуляция, облеченная в формы «договора о перемирии» (Гитлер предпочел не унижать сверх меры чувство национальной гордости французов). По его условиям, 60% французской территории оккупировали немцы, на остальную часть страны, остающуюся под контролем французского правительства, накладывалась огромная контрибуция и масса политических, военных и хозяйственных обязательств. 10 июля Национальное собрание Франции вверило Петену диктаторские полномочия.

Для Симоны и ее родителей лето прошло в попытках обрести постоянное пристанище в неоккупированной зоне — два месяца они провели в Виши, затем перебрались в Тулузу, а в середине сентября прибыли в Марсель, откуда было возможно, в случае

дальнейшего обострения обстановки, уехать по морю за границу. В октябре семья смогла снять квартиру на длительный срок. Тогда же из Англии в Марсель прибыл пароходом Андре. Во время «Дюнкеркской катастрофы» в мае его пехотная часть была эвакуирована морем в Англию; теперь предстояло пройти формальную демобилизацию. В самом скором времени Андре, невзирая на опасность, грозившую ему как еврею, поехал в оккупированную зону, в Клермон-Ферран, чтобы вывезти в Марсель жену и ребенка.

Весь этот период, с общими для страны трудностями и горестями, Вейлям удалось пережить относительно благополучно. В Марселе они узнали, что по соглашению между властями Виши и оккупационным командованием почтовые агентства производят пересылку вещей и ценностей из оккупированной зоны. Для сотен тысяч людей, которые бежали от немецкого наступления, захватив с собой лишь предельно необходимое, а то и вовсе с пустыми руками, это было большим облегчением. Благодаря этой возможности (она сохранялась очень недолго), Симона смогла получить какую-то часть необходимых для занятий книг, конспектов и рукописей, которые собрала и отправила Вейлям их домашняя работница Адель Дюбрейль.

Начавшийся период жизни Симоны был непохож на все предыдущие. Эвакуация вырвала ее из привычной с юности среды парижских левых интеллектуалов и рабочих активистов. Да и с самой этой средой стало молниеносно происходить что-то странное, во что еще недавно никто не поверил бы. Многие французские левые внезапно обнаружили в себе горячее сочувствие лозунгу «национальной революции», провозглашенному правительством престарелого маршала и скопированному в основных чертах с образцов итальянского фашизма. Среди активных сторонников и функционеров нового режима оказались люди, очень хорошо знакомые Симоне по политической жизни тридцатых годов, а некоторые из них были раньше ее друзьями. Жак Дорио — экс-коммунист, теперь вождь прогитлеровской партии, агитатор за священную войну с еврейско-коммунистической гидрой, Рене Белен — профсоюзный вожак, а ныне министр труда,

Рене Шато — бывший левый журналист, лицейский товарищ Симоны, не раз упомянутый на этих страницах Огюст Детёф, в журнале которого Симона печаталась многие годы (теперь он возглавил правительственный комитет по электрификации)... Список можно продолжать и продолжать. Но и помимо сознательных и деятельных коллаборационистов, большая часть французского общества была настроена на то, чтобы смириться с горечью происшедшего и принять новые условия существования. Уровень популярности Петена, по общему мнению, «остановившего войну» и «сохранившего честь страны», в 1940–1941 годах был выше, чем у любого из конституционных президентов предыдущего десятилетия.

Война, оставив ненадолго Францию, поползла на восток, индустрия страны работала на вермахт, а Гитлер, 22 октября 1940-го поздравивший французов с «новым достойным местом в обновленной Европе», не спешил выпускать из лагерей миллион семьсот тысяч французских пленных, сделав их заложниками лояльности вишистского режима. Сторонники «компромисса и сотрудничества» оказались понятливыми учениками своих победителей. Через год, когда в стране по приказу оккупационных властей начнутся облавы, а потом и депортации евреев в лагерь смерти, местные власти и жандармерия будут хорошо справляться с этой задачей сами, практически без помощи немцев.

...В Марселе Симоне, получившей, наконец, сносные условия для интеллектуальной работы, предстояло осмыслить огромный жизненный материал: как тот, который предоставили предвоенные годы (теперь можно было исследовать его вне контекста тогдашней политической борьбы, как бы со стороны), так и совершенно новый. На ее глазах самый, по формальным критериям, демократический, самый, вероятно, отлаженный и благоустроенный, самый передовой социальный организм Европы не просто пал перед силой нацизма (пал морально еще раньше, чем военно-политически), но и стал на глазах перерождаться в него. Страна словно перестала быть тождественной сама себе. Происходящее предстояло осмысливать начиная с самых глубоких психологических и ментальных оснований европейской цивили-

лизации. И еще глубже, с антропологии. Симона ощутила себя как бы в лаборатории, наблюдающей за опытом, который ставит сама история. То, что в марсельский период она оказалась вне политических объединений любого рода, — не помешало, а скорее всего, помогло ей, как и то, что изменился круг общения: вместо профсоюзных активистов и левых публицистов, рядом с ней были ученые, интеллектуалы, люди творчества из разных городов Франции, которые нашли, как и она, в Марселе временный приют и стремились поддерживать интеллектуальное и нравственно-укрепляющее общение. Шумный и хаотичный Марсель, город моряков, торговцев и контрабандистов, на некоторое время стал культурной столицей страны. Марсельское Общество изучения философии (членом которого вскоре становится и Симона), другие научные и художественные союзы, журнал «Cahiers du Sud» переживают период подъема, лекции и семинары по философии и истории культуры собирают сотни слушателей. Невозможность что-то изменить в сегодняшнем дне заставляла внимательнее вглядываться в опыт и мудрость веков; вести о насилиях и разрушениях, о разгуле грубой и безжалостной силы заставляли острее чувствовать прекрасное в каждом миге. Все это мы находим и в Тетрадах. В них мало и предельно общо говорится о войне и ничего — о текущих событиях, что объяснимо: записи могли попасть в руки полицейских агентов. При этом война, с неисчислимыми бедствиями для всех вовлеченных в нее народов, не уходит из мыслей Симоны ни на мгновение. В ее сердце находится место для интернированных в лагерях, которым она при малейшей возможности отправляет посылки и деньги. И для вьетнамских рабочих, мобилизованных в начале войны на оборонные заводы метрополии, а теперь оставшихся никому не нужными: она навещает этих людей в их бараках, делится продовольственными карточками, упрямо хлопочет об их нуждах перед местными властями.

Об этой стороне ее жизни в Тетрадах не написано ни слова...

[ms. 1–31. Библиографические заметки по темам: мусульманская мистика, манихейство, гностицизм, еретические движения средних веков (катары, вальденсы), покорение испанцами Америки, и др. Математические вычисления.]

[ms. 32] То, что служит моделью для западной науки и техники — не просто труд, но труд неквалифицированный, самая элементарная и грубая форма труда.

Два образа связи между душой и телом. 1) Я хочу передвинуть спичку. Я ее передвигаю. 2) Я размышляю о мелодии, и бессознательно мои пальцы выстукивают ноты. Второе требует обучения, первое — нет. Вся наука устроена по первому образцу. Все, что относится к этике, ко второму: целиком⁴⁴¹. Магия тоже устроена по второму: магия — действенность мысли, подчиненной дисциплине. Греческая эстетика была связана с обоими. Всякое действие есть смешение обоих (даже машины...).

Мысль, подчиняющая себя действенности тотальной и непосредственной.

Бог, познаваемый под одним и под другим аспектами (под обоими вместе). Платон, Китай (соотношение между китайской мыслью и Аристотелем). Но также и с Платоном — с обоими.

Двойное сродство между миром и мышлением. И отсюда, по необходимости, сродство миром и человеческим обществом. Например, времена года — и ритм труда; но труд есть не только социальное, он связан и с мирозданием.

Философия должна учитывать (принимать в внимание) любую мысль и придавать каждой ее законный статус. Она беспристрастно взвешивает мысль канака⁴⁴² и мысль крупнейшего из ученых Европы. Есть только два средства их сравнить: или непредубежденное размышление, которое с равным интересом рассматривает мысль того и другого — или военные корабли. Престиж науки — военный (даже в XIX веке — веке мира в Европе, но завоевания мира Европой).

Наука XVII, XVIII, начала XIX веков (классическая наука). Реконструировать мир по модели действия, подобного тому, каким я передвигаю карандаш.

Ограниченность такой реконструкции. В таком мире человек не мог бы жить. *Единство* (хотя бы алгебраическое) вновь ведет к *тотальности*.

Мироздание (пространство и время) познается как бесконечное *и* конечное — разнородное *и* однородное.

[ms. 33] Время, собирающееся в вечные мгновения, пространство, которое сосредоточивается (Гранé⁴⁴³). Это не социальное.

Если идеал заключается не в том, чтобы делать машины, лишь напоминающие явления, в чем он тогда? С тех пор как наука рассталась с этим прежним идеалом, она не выработала другого. Производить алгебраические комбинации знаков, которые напоминали бы явления? Но каковы будут принципы комбинаторных операций? Если это не механика, то почему не принципы магические? В алгебре нет принципов. Принципы ей чужды.

Мы живем в эпоху *кризиса машины* как с практической, так и с интеллектуальной точки зрения. Следовательно, можно говорить о кризисе Европы, коль скоро Европа есть земля сплошной механизации.

Связи между науками и *первопринципом* — *ἀνυπόθετος* (безусловным, не-гипотетическим)⁴⁴⁴. Смысл наук по Платону? Повсюду разрыв между первопринципом и науками. Объяснение: разветвленность. Первопринципу она не свойственна. Она есть *организованная* данность, или как связь с Единством? — Организованность и есть его *данность*. Мир и есть эта самая организованность.

Принцип западной науки — отсутствие иерархии.

Хоть суфию, хоть невежде, для того, чтобы взять стул и поставить его к столу, равным образом необходимо встать с места и пойти. Вот та необходимость, которую наука делает предметом

своих исследований. Но сколько бы наука ни развивалась, это остается все так же. В чем тогда интерес? И когда она уходит отсюда, то остается без принципов.

То, что одни и те же феномены с разных точек зрения объясняются по-разному, соответствует многообразности отношений между мышлением и телом. (По меньшей мере, можно говорить о двух.) Неэстетический характер науки. (Впрочем, разве не приходит на ум ученому и эстетическая функция?) Зачем проводятся аналогии между разными феноменами? В этом нет никакого смысла. Но их ищут, и бывают счастливы отыскать (Например, *волны*.)

«The woman who could not die»⁴⁴⁵. — Завоевание Мексики⁴⁴⁶. — Любовная связь между жертвами и палачами — не только от жертвы к палачу, но и от палача к жертве. Карфаген.

Всякий контакт между человеческими душами смешан с нежностью.

Драма?

[ms. 34–35. Математические вычисления; размышления над механикой движения.]

[ms. 35] Ясность и единство. Ясность — вот критерий; единство — нет. (...)

Опыт: контакт с реальностью. Реальность = необходимость. Необходимость = *a priori*. Или лучше = звенья условий, смыкающихся в кольцо данности. Данность как *признак* необходимостей.

Иметь чувство необходимости. Это как подпирает вода: недостаток чувства необходимости. У нас оно есть только для движения.

Необходимость.

(Почему мир дан нам только в ощущении, но не <и> через мышление? Он дан и через мышление. Дан извне⁴⁴⁷.)

[ms. 36] Например, буква Е. Я могу вывести эту букву таким — или другим — или еще вот таким образом. (Или, стало быть, это будут три разные буквы?)

Перевод. Перевести этрусскую надпись — означает перевести ее на ясный и правильный французский язык. Если мы получим текст в сюрреалистическом роде, это не перевод вовсе.

Точно так же, переводить формулы в понятия — означает переводить в понятия соответствующие. Иначе это не будет переводом.

Словарь для филолога — то же самое описание опытов и формул.

Перевод формулы в понятия — это другой труд, который можно делать и можно не делать, но если уж делать, то переводя в понятия ясные и связные. Следует соблюдать грамматические правила языка, на который переводишь.

Однако, даже в формулах одно и то же количество не может быть конечным и бесконечным (?) [Аксиоматично для этих формул?]

$\frac{1}{2}gt^2$ не говорит ничего, если речь не идет о треугольнике.

Ясно, что, исходя из простого наблюдения, оно не казалось бы имеющим смысл никому, кто не занимается решением треугольника.

Электрические формулы i^2r (других не помню). Такие формулы не дают сознания ясности (во всяком случае, не знающим интегрального исчисления; но тогда <применимы> геометрические аналогии — столь же воображаемые — для переменного тока).

Итак, две системы: или нисходить от теоретических конструкций к опыту (но тогда из построений ясных и соответствующих), или основываясь на опыте, выяснять функции и <отсюда> восходить к понятиям. Например, матрицы мы не могли бы <теоретически> предположить заранее. Но разум может очертить пределы функций.

[Искать ясности или единства?] Ланжевен⁴⁴⁸. То, что классическая механика является границей другой, конечно, соблазнительно. Может быть, это ошибка закрытого сосуда...

Кто будет вести, если убрать разум? При том, что ученые образуют закрытую среду... Почему «всеобщее согласие» ученых надо предпочесть всеобщему согласию людей?

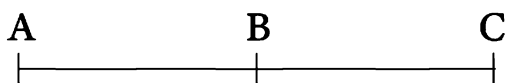
Эквиваленты между энергиями не склеиваются: вот и всё.

[ms. 37; один листок, кажется, вырван] Созерцание мира: все пути этого мира мне в равной степени открыты. Равновесие между конечным «я» и бесконечными пространствами. Ночь. Луна. Звезды.

Закрытый сосуд физического опыта — это микромир.

Геометрическая фигура — сосуд абсолютно закрытый.

Чистое желание, встречающее только необходимые препятствия.

Я не могу хотеть пройти из пункта А в пункт С по прямой АС, не желая при этом проходить через пункт В.

Желание, основанное на *реальности*, содержит в себе и препятствия. Но исполнение его выводит на свет другие препятствия.

Это я совершаю движение и, однако, оно есть линия вне меня.

Это я — <статуя> этого греческого бога, но он вне меня.

Зло. — Римляне, грабительно вывозя из греческих городов статуи, совершали зло, ибо они отнимали у статуй часть их реальности. Эти статуи не могли иметь столько же реальности в Риме. Греки, жалуясь на налоги, на угнетение, в своих жалобах полагали все это второстепенным, сравнительно с отнятием статуй...

[На полях:] Мольба — отчаянная попытка передать свою мысль другому силой настойчивости.

Джотто. — Я есмь святой Франциск. Но в то же время всё, что я вижу перед собой на картине, имеет не больше и не мень-

ше реальности: как его отец, епископ, садовник. На том же уровне в пространстве, которое уравнивает всё *в плане существования*. Даже пустое пространство имеет столько же реальности. В центре — не главный персонаж, в центре — пустое пространство⁴⁴⁹.

Церемония⁴⁵⁰. — Другие существуют *настолько же, насколько* и я. Не меньше. Но и не больше. Не *больше*.

<Зрительное> восприятие. Критерий реальности: геометрические формы. Физики. Критерий: математические формулы? Может быть, это законно; но тогда *только* формулы, где буквами означаются постоянные и переменные величины. *Никакой* интерпретации — (определять буквы только методом измерения соответствующих количеств).

[ms. 38] Нападающий может забыть об опасности; тот, кто защищается, не может. У нападающего есть цель войны — принудить противника ему подчиниться; сосредоточив ум на этой цели, он может забыть о тех вероятных ситуациях, которые могут таить для него опасность. Он воображает врага как инертную материю, которую ему предстоит принудить к повиновению своей мысли. Обороняющийся не имеет другой цели войны, как только вернуться к состоянию, предшествующему войне. Война навязана ему волей врага; поэтому, даже сопротивляясь, он начинает ему повиноваться (уже самим сопротивлением ему). Нападающий имеет состояние души игрока, способного рисковать многим, чтобы выиграть еще больше, и потери его мало заботят. Обороняющийся стремится сохранить, и само это его стремление выражает его чувствительность к каждой боли потери. В качестве награды за все понесенные жертвы он может надеяться разве что вернуть состояние, которым наслаждался прежде, когда не приносил эти жертвы; следовательно, ничто не скрывает от его мысли размеров потерь.

Один рискует своей жизнью, *чтобы* убивать. Другой рискует своей жизнью, *чтобы* ее сохранить, — что подразумевает противоречие в самом принципе действия⁴⁵¹.

Пространство есть существенный фактор науки. Повсюду эквиваленты, связанные с движением.

Пространство также и существенный фактор эстетики. Греческие статуи. Джотто. Архитектура.

Пространство есть то, что соединяет сознание и тело (по меньшей мере, такая форма соединения между ними, при которой сознание повелевает). Веления сознания суть движения.

Эпопея, театр: субъективное и объективное. То же — скульптура, живопись.

Статуя греческого бога: всё пространство вокруг него — эквивалент между ним и миром, по причине равновесия. Я сознаю мир как *равновесие* (наука). И каждый закрытый сосуд, который представляет собой место опыта. Греческий бог: жидкий камень в однородной среде. *Покой; но в то же время всё пространство, его окружающее, открыто во всех смыслах. Покой и готовность к любому движению. Сколь бы долго я на него ни смотрела, я не хочу, чтобы он переменил свое положение, и его покой уже не представляется мне бездействием.* Образ мгновения мысли.

[ms. 39–49. Размышления на естественнонаучные темы.]

[ms. 40] (...) Искусство. Кубизм⁴⁵². Мы больше не осмеливаемся доверять себе. — презрение к публике. Польза от короля⁴⁵³. (...)

[ms. 41–48. Размышления над физическими проблемами; вычисления.]

[ms. 49] (...) Смысл престижа силы: это то, что *есть*. Дело более слабого всего лишь *возможно*. Возможное прекраснее реального, но реальное заставляет себя признавать... Я мог бы быть свободен, но я подчиняюсь.

Преобразование возможного в реальное. Те, на кого возможное влияет в той же мере, что и реальное: сумасшедшие и люди действия.

Они реальны для других; но для них самих не реально ничто. Кто реален для Ахилла? Патрокл? Но вот, он гибнет. (Впрочем, <реален и> Агамемнон...)

Время.

Существование.

Пленная душа: зло. Желать зла: желать околдовать. Желать загипнотизировать.

Психология и исторические явления. Состояние мечты.

Знаки. — Прочтение знаков.

Неизменные величины.

Наука: поиск неизменных величин.

Пример: политическая экономия. Классические экономисты, Маркс — искали неизменных величин. Но их нет в веществе обмена, в природе вещей, потому что нет никакого предела для действий незаконных: воровство, подделка денег... Неизменные величины социальны. Наука без неизменных величин — лже-наука. Истинный объект экономической науки — соотношение между выгодами, которые человек может извлечь из природы, и социальной структурой.

Мыслить объект — значит мыслить, что по отношению к нему другие точки зрения, отличающиеся от моей, имеют ценность, равную моей. Значит, я думаю, что никакая из них не является истинной. Я мыслю истинность предмета, которая не явствует ни с одной точки зрения. Но истинность есть мысль. Эта мысль есть мысль Бога. С другой стороны, я знаю, что пространство не является категорией божественной мысли, иначе Бог был бы подчинен точкам зрения. (Время...). Я мыслю, что Бог мыслит это наше мироздание, и одновременно, что он его не мыслит.

[ms. 50] Мир есть мысль; а чем ему быть иначе? Но, не будучи мыслью никакого ограниченного существа, он по необходимости является мыслью Бога. Но в то же время он противоположен Богу.

Стоицизм подтверждается тем, что, какова бы ни была частная точка зрения, с которой мы рассматривали бы мир, он в равной степени противоположен Богу и является мыслью Бога.

Всё вот это — знают все. Но представляет интерес то, что знают не все.

Различные ситуации (и характеры — различные манеры существования), соответствующие различным ощущениям реальности.

Тот, кто умеет читать, и тот, кто не умеет, стоят перед одной напечатанной страницей. Смысл <написанного представляется им по-разному>, однако, <он> *реален*.

Аналогии могут быть любыми, но предметы суть знаки с множеством значений.

Что представляет собой завод *для* случайного посетителя? <А возьмем тех, кто имеет к нему непосредственное отношение:> рабочего такой-то специальности — другого рабочего — управляющего — хозяина. Для кого <из них> он *более* реален?

Реальность — благо.

Подарить людям реальность — самый большой дар.

Реальность и радость.

Лишить человека реальности — самый большой грех⁴⁵⁴.

Изгнание⁴⁵⁵.

Определенно, необходимо охранять в человеке только это чувство⁴⁵⁶. Но когда действие направлено на то, чтобы лишить его этого чувства...

Система наказаний. Если преступление есть потеря чувства реальности, то какой абсурд — карать его тюрьмой!

Лишение корней, запрет традиций. Традиции, праздники, городская община. [Свобода.]

Чувство собственности родственно чувству реальности.

Отношения (многообразные) [по мере того как и т. д.] и реальностью. Объекты собственности оккультные и призрачные. [Сохранить выражение «пленная душа».]

[ms. 51] Душа имеет власть над собой *посредством тела*. Значит, посредством тела можно иметь власть и над душой другого.

При этом потеря всякой власти души над телом означает смерть (причины — дыхание и пр.). Итак, каждый живой человек является, в определенной мере, господином над самим собой.

Делать зло. Вы делаете зло другому? Если да, следует допустить, что другой может сделать зло вам. А если нет. (Но зло, которое мы терпим, имеет более внешний характер, чем зло, которое мы делаем сами.)

Существенные противоречия, которые философы ошибочно пытались разрешить вместо того, чтобы убрать.

Например, мир и Бог, и т. д. Взять удел человека таким, каков он есть, и его описать.

Истина — то, что мыслится.

Ошибка — комбинация знаков, не соответствующих мысли. Мысли пленной души.

Как представить себе благо и зло другого?

Наука. Истинность науки? Всякая наука о природе покоится на восприятии: объявить восприятие ложным во имя науки есть противоречие. Атомы не *более* реальны. Это предполагаемые <предметы> восприятия.

Возможно ли делать гипотезы, которые не были бы по образцу восприятия? (Де Бройль⁴⁵⁷.)

Идея Бога: тот, кто *знает* мир. Автор мира; ибо зная не в совершенстве, можно лишь подражать; тот, кто знает совершенно — творит. Бесконечно благой, по причине связи между разумением⁴⁵⁸ и благостью⁴⁵⁹. Но при этом мир — не благ. Все это *определенно*.

Восприятие и геометрия. Существует ли геометрия восприятия? (Неевклидовы <геометрии>⁴⁶⁰.)

[ms. 52] Восприятие есть конструирование посредством гипотез. То, что дает нам это гипотетическое конструирование, есть *реальное*. *Реальное* всегда предполагает связь между прошедшим, настоящим и будущим; настоящее, взятое в чистом виде, ирреально. Итак, настоящее по существу гипотетично. Но есть гипотезы, которые дают нам реальное, в то время как другие не дают. Чем они отличаются друг от друга? Из двух научных гипотез, охватывающих одно и то же число феноменов (одни и те же феномены), лучшая есть та, что в наибольшей степени сходна с гипотезами, содержащими реальность. Мы отходим в сторону от подлинной научной традиции.

Мы потеряли чувство реальности — частью по причине вульгаризации науки. Доброе и дурное наставление.

Эстетическая ценность науки.

Одно или другое научное предположение: что это означает?

Эстетический критерий: прекрасное и реальность.

Понятие *ценности*. Ценность состояний сознания. Эта ценность обнаруживается, если сознание, размышляя, не желает само себя обманывать.

Различие между разными человеческими жизнями через различие в последовательности времени.

Труд. Эстетическая ценность труда — (*определенного* труда⁴⁶¹).

Философия = размышление над ценностями. Отсутствие понятия ценности в науке, в искусстве... понятие чисто философское. Предмет философствования реален. Это не слова, не вымысел. Но этот предмет имеет реальность только в связи с мыслью: это некий другой вид реальности, не тот, что исследует наука. Это уже не искусство, вопреки тому, что говорит Валери⁴⁶², ибо художник создает вещи, имеющие ценность, а

философия размышляет о ценности. Однако, для того, чтобы сообщить свою мысль, философ должен создать с помощью слов произведение искусства (косвенное выражение <мысли>). Понятие ценности есть самая реальная вещь в сознании *всех людей*.

Наука не может обосновать свою собственную ценность. Ученые не лучшие судьбы в этом вопросе, чем другие.

[ms. 53] Философия — исследование мудрости — есть добродетель. Это труд над собой. Трансформация всей личности⁴⁶³.
(Обратить *всю душу*⁴⁶⁴.)

Разница, например, с математикой.

Аналогия.

Аналогия между знаками и реальностью. Почему недостаточна: она не составляет *знания*. (Пр< имеры>) Но что составляет знание?

Имеется ли точка, вне которой *нельзя делать* гипотезы, аналогичные гипотезам восприятия?

Постоянная Планка — Она такова, но не знают, почему. Смысл этого вопроса.

Инвариант и ряд определенных вариаций в функции этого инварианта. Все ясно видимое и связанное с восприятием.

Вопрос о ценности философии не ставится: поставить его значит допустить, что уместно размышлять о ценностях.

Представить чувство реальности по связи с затмением.

Конструкции восприятия. Некоторые вещи ускользают от него по причине того, что слишком велики, или слишком малы, или слишком часты...

Ученый, размышляя о ценности науки, имеет преимущество в том, что лучше знает сам предмет, ценность которого хочет определить, но никакого преимущества в том, что касается критерия.

Ценность интересует любого человека прежде всего другого; точнее, более или менее смутное чувство ценности и есть то, что называют интересом.

<Люди> всегда философствовали, и есть традиция философствования, вероятно, столь же древняя, как само человечество, которая, надо полагать, просуществует столько же, сколько и оно. Платон, без сомнения, ее наиболее совершенный представитель. Он не претендовал на то, чтобы вводить нечто новое, напротив...⁴⁶⁵ [На полях: Евангелие⁴⁶⁶.] Из того, что она всегда остается та же, не следует, что нет смысла ее повторять: напротив, желательно, чтобы ее переносили в новые эпохи, в новые страны...

[ms. 54] Философствовали всегда. Насколько нам известно, философия — не как геометрия, химия и т. д., нечто, имеющее дату <возникновения>. Она вечна, как искусство. Только и знают, что говорят о расхождениях между философами. Но ведь напротив... (Не совсем точный словарь (?) — или личный — скорее предполагает, что...)

Философия не есть что-то гадательное. Она есть то, что в наименьшей степени гадательно. Все остальное в мире более гадательно, чем она.

Заглавие: «Очерки новой и весьма древней философии».

Неудивительно, что *количественный* прогресс в науке предопределяет понижение *качественного* уровня. Это происходит от того, что человеческий ум ограничен; ничему не под силу раздвинуть его границы. Скандал в том, что тщеславие ученых и сказка о прогрессе заставляют смотреть на это понижение как на подъем. (...)

Слово «прекрасное» как выражение ценности⁴⁶⁷.

Философия есть определенный способ постижения мира, людей и себя. Но определенный способ постигать предполагает

ет определенный образ чувствовать и определенный образ действовать.

Ценность есть предмет мысли, но соотносится с чувством и действием. Для познающего философия подразумевает способ чувствовать и действовать, и притом во всех случаях, во всех обстоятельствах жизни, от самых заурядных до самых драматических — в меру того, насколько он ее познает.

«Один ум для тысячи рук»⁴⁶⁸. Начальник тоже пользуется мыслью подчиненных, но лишь ограниченно.

Демоническое у Гете: престиж, иллюзия⁴⁶⁹.

{ Гипнотическая уверенность.
Уверенность подлинная. То, что становится тем более определенным, чем ↓⁴⁷⁰ больше мы в нем сомневаемся.
применительно к ценности. Ценность науки. Ценность сознания.

Образец: *cogito*.

Я мыслю.

Я мыслю нечто.

Существует *истина* о том,
что я мыслю (Бог).

То, что я мыслю, существует.

} Бог как мост
между *Cogito*
и Миром
у Декарта

Разные смыслы слова «существовать».

[ms. 55] Ценность науки. Догма, которая никем (или почти никем) не отвергается. Если опросить население Франции, будет 40 миллионов «за». Двоякая: теоретическая, техническая.

Техническая: в какой мере и для кого является благом, чтобы человек имел большую власть над природой?

Теоретическое: в *каком уме* наука устанавливает знание, и каково качество этого знания? У крестьянина месье такого-то... У нобелевского лауреата месье такого-то... и т. д.

То, что называют наукой, никем не мыслится и, следовательно, не есть знание. Современная совокупность сведений в математической, физической, химической и др. областях не дает знания, ибо никто ее не мыслит.

Восприятие: знание совершенное, но ограниченное. (Или, лучше: смесь знания совершенного, но ограниченного, и плененной мысли.) Наука старается расширить объем этого знания, но качество понижается. Его качество настолько выше, насколько оно ближе к восприятию.

Восприятие как знание совершенное.

Потенциальная польза науки (кроме соображений технических): освободить душу от призраков⁴⁷¹, связанных с ограниченностью восприятия.

Опасность: ошибка относительно качества познания.

Эстетическое созерцание: *наилучшая* форма мышления⁴⁷².

Наука, <не отделенная от> искусства — Греция. Пропорции, геометрия.

Средства, <устанавливающие> пропорции: прямоугольный треугольник, удвоение куба.

[ms. 56] Приложение мысли к утверждению (принимаемому за истинное) — подобно приложению воли к цели.

Наука: комбинация знаков, *аналогичных* миру.

Геометрия. Это — *<тот же наш> мир*⁴⁷³; но то, что в мире <принадлежит> необходимости. Глупо желать избавления от аксиом и постулатов⁴⁷⁴! Нужно воспринимать более сложные предположения *почти с такой же ясностью*, как и более простые, из которых они исходят. Например⁴⁷⁵: сумму трех углов — так же ясно, как параллели; прямоугольный треугольник — так же ясно, как сумму трех углов; геометрическое место точек, составляемых конусом, так же ясно, как прямоугольный треугольник. Какая глупость — предпочитать метод дедукции, которая есть всего лишь средство вводить повсюду *почти* ясность постулата!

Если мы отходим от хотя бы одного из них⁴⁷⁶, мы получаем либо что-то такое, что не соотносится с этим миром (но возможно ли это?), либо такое, что соотносится с ним *по-другому*.

Априорные очевидности суть необходимости, которые мир навязывает нашей мысли. Но почему надо рассматривать их как строение нашего ума, как то, что субъективно, как это делают столь многие комментаторы Канта? Они принадлежат миру в качестве объекта нашего мышления, или, если угодно, (принадлежат) нашему мышлению, поскольку оно прилагает себя к миру.

Действия, которые мы собираемся совершить, суть мысли. Мне, мыслящей их, их навязывает та или иная необходимость. Эти необходимости не являются всего лишь необходимостями мысли; они являются необходимостями действия; значит, они как бы определяют собой препятствие: ведь препятствие есть то, что ограничивает мое действие.

Действие фиктивное, препятствие к которому образовано определенными границами — математика. Математика — изучение упрощенного мира. Гипотеза: *если*. Математические обозначения: в фигуре есть только те данные, которые я ввела в нее я. Я создаю препятствие.

Алгебра — вавилонская проблема⁴⁷⁷.

Интеллектуалы стали принимать себя слишком всерьез.

[На полях:] Этим объясняются антиинтеллектуалистские настроения.

Для них когда-то было неплохо быть на службе у невежественных королей и сеньоров, к которым они просто обязаны были относиться как к высшим⁴⁷⁸. Раз уж их не удастся заставить уважать крестьян, пусть их заставляют уважать королей; это почти равноценно.

[ms. 57] (...) Свет и тень. Тень образуется препятствием, создаваемым непрозрачными предметами для света, который отраживается ими так, как если был бы движением по прямой. Прекрасная научная теория. (Но если рассматриваем полосы теней...)

Интерференционные полосы света, радуга, рефракция — мы не можем познать их достаточно хорошо. Попробуем познать их *почти* достаточно хорошо.

Интерференция двух световых волн производит темноту, как и интерференция двух волн в воде производит неподвижность, как и усилия двух человек, которые с равной силой тянут веревку в противоположном направлении производит состояние покоя: почти совершенное.

«Материя удивительным образом лакуарна и прерывиста»⁴⁷⁹ — удивительная чушь. Звезды. — «Это не звезды». — Это звезды, которые я дарю себе сама.

Мыслить *сразу*. Мыслить в Творце⁴⁸⁰.

Право. Образец права — право абсолютное: право человека на материю.

Каждый человек рождается с правом собственности на все мироздание: в этом смысле все люди равноправны. Любой ребенок знает, что у него есть право собственности на луну. Ни один человек не имеет такого права над другим человеческим существом: в этом смысле все люди рождаются свободными.

Но если человек вводит в свой план действий других людей, эти люди становятся <для него> вещью.

Если мы не ставим четко перед собой противоречия, собственные человеческой мысли, то сталкиваемся с ними неожиданно — это касается любого из людей — и приходим в замешательство, или же сами себя обманываем, чтобы их избежать.

Мировое господство — призвание каждой группы людей и каждого <отдельного> человека.

Да, но Бог...⁴⁸¹

[ms. 58] <Понятие о> ценности свойственно мысли, но миру — ни в малой степени. В этом смысле мир противоположен Богу⁴⁸².

(Меч: «Почему бы не испытать мне преступной крови? Ведь я столько пью крови неповинной!»⁴⁸³) (...)

[ms. 58–62. Размышления над математическими проблемами.]

[ms. 63] Неподвижная природа — я не могу помыслить (вне Бога) какой-либо ум, не идентичный моему. Я не могу постичь ум, который не способен на все, что мыслю я. Я не могу постичь ум, который не имеет власти сказать: Я. [Притом, что сама я часто бываю умом поврежденным⁴⁸⁴.] Так же точно я не могу постичь ум высшего порядка, чем мой. Во всяком случае, в каком-то отношении... Но...

Кинематограф: реализация <Платоновской> пещеры.

Прочтение — прочитываю ли я куб в <кубическом> ящике? Я знаю, что если я действую по отношению к этому ящику так, как по отношению к кубу, у меня получится. Во всяком случае, на некотором уровне⁴⁸⁵.

Вообразим великана: холмистая равнина покажется ему совершенно плоской. Море тоже. Но в чем наше восприятие *вернее*, чем его? Оба верны, хотя и различны.

Я прекрасно понимаю, что мой товарищ, находясь в моей комнате, видит эту комнату иначе, чем я. Оба видения верны. (...) [Единство этих видений — Бог.]

Зачем верить в то, что события прошлого можно объяснить в уменьшенном масштабе? Их конструируют так, как ребенок собирает домик из кубиков. Мы умеем собирать, не разделять. Иначе можно было бы легко перейти к большему масштабу (можно было бы вообразить...). Мы можем постичь разделение, только не непосредственно, а как операцию, обратную собиранию. Мы умеем сделать <проведенную> линию вдвое жирнее,

но не умеем разделить начерченную линию надвое. Чтобы разделить надвое, нужно удвоить.

Классическая механика неверна для <феноменов> меньшего масштаба. Это означает только следующее: мы не можем реконструировать феномены с помощью маленьких элементов, повинующихся законам классической механики. (Но каким законам?)

Сохранение энергии (радий; но...) — (примеры!)

Однако, мы это можем с другими законами.

Какой же интерес преследуют в этих реконструкциях? Очевидно, вывести законы. $T = F$.

Сравнивать степень определенности двух несовместимых предложений не дело ученого.

[ms. 64] Ясно, что $\sqrt{-1}$ не имеет смысла.

Ясно, что $\sqrt{-1}$ играет очень важную роль в ряде формул.

Математики, наконец, решили отказаться от первого предположения, но на это у них нет права.

Нельзя из элементов малого масштаба, повинующимися законам классической механики, составлять феномены нашего масштаба, повинуюсь тем же самым законам.

Или все же это соответствует?

Отказаться от чего-то можно только ради чего-то другого, имеющего более высокую степень определенности.

Нечто, при возведении в *квадрат* составляющее -1 . Каков смысл слова *квадрат*? Если речь идет о числах, это бессмыслица.

$$\begin{aligned} \left. \begin{matrix} \alpha \\ \beta \end{matrix} \right\} &= \frac{S}{2} \pm \sqrt{\frac{S^2}{4} - p} & S = 6 \mid (S' = 3) \ p = 10 \\ &= S' \pm \sqrt{S'^2 - p} \end{aligned}$$

Найти два числа, сумма которых составит 6, а производная 10. Числа, меньшие 6: 1, 2, 3, 4, 5. Производные суть 5, 8, 9. Числа, соответствующего этой задаче, не существует. Какой смысл в том, чтобы сказать, что эти числа суть $3 + \sqrt{-1}$ и $3 - \sqrt{-1}$?

Конечно

$$3 + \sqrt{-1} - (3 - \sqrt{-1}) = 6 \quad \text{и} \quad \frac{3 - \sqrt{-1}}{3 + \sqrt{-1} + 1} \\ 3^2 + 1 = 10 \quad 3^2 - 3\sqrt{-1}$$

И тем не менее, в этом нет никакого смысла. (...)

[ms. 65] (...) Что может означать квадрат в тригонометрических формулах? Конечно, совершенно другую вещь.

$$\sin \alpha \cdot \sin \beta - \cos \alpha \cdot \cos \beta \quad \sin^2 \alpha - \cos^2 \alpha$$

$$\sin \alpha \cdot \cos \beta - \sin \beta \cdot \cos \alpha$$

Что значит $\sin^2 \alpha - \cos^2 \alpha$?

$\sqrt{\quad}$, очевидно, обозначает здесь иную вещь, чем $\sqrt{9} = 3$. Но что именно? Непонятно. Это не является мыслью ясной. (...)

[ms. 66] Кажущиеся нелепости науки указывают только на *несовершенство аналогий*. Расширение понятия числа — абсурд; можно только расширить применение этого понятия по аналогии.

Например, отрицательные числа. Само понятие о том, что́ есть число, исключает отрицательные числа. Но когда аналогию с числом применяют на поверхности, где не существует отправной точки, тогда произвольно устанавливают отправную точку с двумя числовыми рядами, направленными в одну и другую сторону. Потому нужна отправная точка, чтобы считать.

У Пьера в кошельке 4 монеты по 10 франков. Он дает 5 Жану — сколько осталось? Абсурд: он не даст ему пяти.

Точка зрения, на которой мы мысленно связаны с очевидностями и одновременно свободны от них. Никогда ученые не были так горделивы, как сейчас, когда провозглашают, что мир выходит за пределы разума. Мир не определен, но он неопределен на манер де Бройля, а не каким-то другим образом⁴⁸⁶. [Довольно несправедливо по отношению к де Бройлю⁴⁸⁷.]

Априорные понятия суть или определения (например, понятие силы?) или понятия, от которых нельзя отказаться, или те понятия, которые только кажутся очевидными в силу привычки. Третьи устранить нетрудно. Что до вторых, никакой уверенности... Трудно разделить вторые и третьи.

Я живу в пространстве трехмерном, неограниченном, эвклидовом. Это определено так. Допустим, что эту мою уверенность кто-то оспаривает. Но опыты, ссылаясь на которые, он хочет убедить меня, что я живу в искривленном пространстве, мало достоверны, как и то, как он толкует их результаты. Что ж с его опытов? Считается естественным рассматривать рассказы о ведьмах как проявления суеверий, несмотря на многие свидетельства, и правильно... <Верить просто потому, что> ученый приучен к наблюдениям? Но мы ведь знаем, что ученый может быть пристрастен. Надо знать, сколько людей проделывало этот эксперимент и т. д. Наша наука живет ходячими мнениями. Даже математика.

Если я готова верить на слово кому бы то ни было, кто скажет мне, что пространство искривлено, тогда мне остается верить на слово каждому встречному.

Не существует притяжения на расстоянии, того, о чем говорит Ньютон, потому что и я не могу тянуть ничего на расстоянии. Мне нужна для этого веревка.

Утверждение, что земля притягивает луну, невразумительно. Вразумительно сказать, что луна может упасть на землю. Непобесные тела падают одно на другое.

[ms. 67] Алгебраические формулы — да, это остается. Но названия, которые даются количествам, выражаемым этими формулами, — дело интерпретации. Потому что не измеряются сила, мощность, скорость, количество теплоты... Ни одно из понятий используемых в физике, не измеряется непосредственно. Вместо утверждения: «в атомических феноменах энергия не повинуетя законам классической механики», сказать: буква такая-то не обозначает энергию.

Предпринять критику науки с философской точки зрения. Ученые этим не занимаются: они слишком жаждут находить новое. Почему? Не по причине практического применения <их открытий>; они его презируют. Но есть способ применения, которого не презирует ни один ученый: премии, степени, Институт⁴⁸⁸... Такой-то — изобретатель беспроволочного телеграфа. Что, если бы сказали, что он лишь заметил и развил заманчивые выводы Максвелла? Что же касается философов (тех редких из них, что заслуживают этого названия), то им не хватает сведений. Их трудно получить извне. Научная среда замкнута.

Один Бог знает, из какого нагромождения ложных умозаключений, может быть, состоит наука⁴⁸⁹.

Постоянная Планка. Она присутствует в вычислениях, но из феноменов неизвестно *что-либо* постоянное, что соответствовало бы ей.

Означает это, что Планк и подобные ему — не гении? Или это невозможно?

<Наша> способность обставить наш ум ясными понятиями ограничена. Она рознится от человека к человеку, но не от века к веку. По крайней мере, всё наводит на такую мысль. Почти как физические размеры человека.

Ученые не приучены стремиться к точности словаря. Почему так? У них же есть цифры и формулы. И, при всем этом, в наши дни их словарь так страдает неточностью.

1) Это проявляется в мере соотношения величин с теми математическими формулами, которые выступают в качестве их аналогов.

2) Интерпретация этих формул.

Любой обученный разум должен быть в состоянии контролировать это.

Например, понимать, что «кривизна пространства» есть всего лишь образ.

Пренебрежимое. Восприятие допускает нечто пренебрежимое. Наука допускает другое пренебрежимое — но в теоретическом плане это одно и то же⁴⁹⁰. Наука есть то же восприятие, но расширенное и менее ясное. Вместе с этим миром мне дано много определенных понятий — о том, что он материя. Когда я мыслю утес, я не ставлю себя на его место. (Однако...)

[ms. 68] Тот, кого интересует только метод, не сможет быть физиком. Физика интересует открытие. И наоборот... (...)

[ms. 68–102. Размышления о математических проблемах, вычисления. Черновики драмы «Спасенная Венеция». Выписки из творений Гейнриха Сузо. Библиография по гностицизму и манихейству. Библиография и хронологические записи по истории Китая.]

Неизданная тетрадь II (Ki2)

Марсель, осень–зима 1940/1941

[ms. 1. Библиография по личности и учению Миларепы⁴⁹¹.]

[ms. 3. Размышления над физико-математическими проблемами.]

[ms. 4] (...) Традиционная наука...

Что касается греческой науки, то она — загадка... Но уж чего человечество не видывало вплоть до XX века н. э., это науки без цели⁴⁹². Скажут, что целью является власть? но ученые не ищут власти. Призы, почетные звания, место в Академии, относительно небольшие суммы денег — вот предел их желаний.

Власть? Соответствие какому угодно критерию познания? Ибо следует, чтобы он был лишь один. Опыт? Но в чем его больше, чем в магии или в какой-либо оккультной практике? И похоже на то, что все это возвращается в науку — разложение (ср. радиэстезия⁴⁹³). Определенная, заложенная 50 лет назад, традиция науки, той науки, которая больше не существует, еще удерживает некоторое количество умов на своем пути, но долго это не продлится. Еще одно поколение, и ничто их не удержит⁴⁹⁴.

«Традиционная» наука как противовес позитивизму.

Значение, величие такого предприятия очевидно. Существовать для человека значит быть подчиненным необходимости. Прочитывать необходимость сквозь все ощущения — это и есть

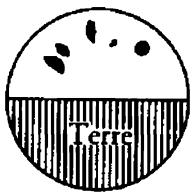
постигать реальность, это и значит освободиться от грез. Солнечное затмение будет кошмаром, если не понимаешь, что солнце в нем исчезает так же, как исчезает оно для человека, прикрывшего глаза рукой. Однако это предприятие ограничено как по целесообразности, как по охвату, так и по ценности.

[ms. 5] Со времен Возрождения до конца XIX века наука была непрерывно делящимся предприятием, направленным на то, чтобы мыслить всё мироздание по образцу необходимостей, с которыми встречается человеческая воля в труде; точнее, в самой простой форме труда — в неквалифицированном, грубо-механическом труде, в перетаскивании с места на место. Человек видит книгу на земле; он хочет, чтобы она лежала на столе. Неважно, что это за человек: это слабоумный, или тот, кто только что совершил преступление, или вот сейчас его совершит, или святой, или мудрец, или герой; кем бы он ни был, он нагнется, подберет книгу и положит ее на стол. Это действие управляется рядом определенных геометрических и механических необходимостей, которые заставляют считаться с собой всех и каждого в любой момент жизни. Например, если допустить, что если между поверхностью земли и поверхностью стола проходит еще какая-то горизонтальная поверхность, книгу невозможно переместить с пола на стол, не пронося через эту поверхность. Еще пример, если книга слишком тяжела, можно вырывать в ней одну страницу за другой, чтобы поднимать каждый раз только одну страницу; но тогда надо будет наклоняться и брать столько раз, сколько страниц в книге. Эти неумолимые необходимости, не имеющие никакого отношения к духовному благу⁴⁹⁵, составляют совокупность первородного проклятия, наложенного на Адама — проклятия труда. Наука со времен Ренессанса имела целью представить себе этот мир, вместе со всеми происходящими в нем явлениями, как мир, отличающийся от рая, как мир труда, как мир безразличный ко благу.

Эта наука в своем развитии достигла наивысшей точки в XIX веке когда [ms. 6] наука позитивная <стала> изучать мир по образцу отношения между духом и материей, предстающего в

самой простой форме труда; этот другой род познания продолжает изучение мира по образцу отношения между духом и материей, являемого в произведении искусства и в подвиге добродетели⁴⁹⁶.

Финляндия, Болгария, Эстония, Сибирь (страна шаманизма) — яйцо, символ мира. — Солнце: желток яйца.

Луна: белок яйца.

Звезды и тучи —
кусочки скорлупы.
(ср. у Ману⁴⁹⁷.)

[ms. 7. Пустая страница.]

[ms. 8–22. Заметки и наброски размышлений над трактатами Архимеда.]

[ms. 22] Согласно одному чудесному образу, который мы находим в предании манихеев, и который восходит, конечно же, к более древним источникам, дух разорван, разделен на куски, рассеян по пространству, по всей протяженности материи. Он распят в пространстве; а сам крест не является ли символом пространства, составленного из перпендикулярных направлений, определяющих его? Дух распят и во времени, рассеян по времени кусками, и это то же самое рассечение, что и первое. Пространство и время есть одна и та же необходимость, ощущаемая двояко, и другой необходимости нет. Мыслящее существо — как в своих самых низменных животных поползновениях, так и в самых возвышенных устремлениях — отделено само от себя расстоянием, которое время полагает между тем, что оно есть теперь, и тем, во что оно переходит; и исчезновение прошлого приводит к тому, что теряется оно само (существо. — П. Е.). В один отдельный момент оно — ничто; ни то, чем оно было, ни то, чем оно будет — сейчас не существует. Мир сотворен из всего того, что от него (существа. — П. Е.) убегает; сознавая себя прикованным в одной точке как на цепи, как в тюрьме, оно не может существовать иначе, как растратив время,

подвергнувшись наказанию и покинув точку, где было изначально. — Удовольствие пригвождает его к настоящему, вечно ускользающему, моменту и к месту его темницы, вожделение держит его в неопределенности следующего момента и затмевает для него мир ради цели; он всегда испытывает боль, чувствуя раздирающие и рассеивающие по очереди сменяющиеся мгновения и мест. — Однако существо мыслящее создано — и знает это — для того, чтобы обитать в вечности, заключать в себе время, господствовать над ним, обладать всем мирозданием, простертым в одно и то же время в каждой своей точке. Этой цели противостоит необходимость, <проявляющая себя во> времени и пространстве. Но вещи, расположенные в пространстве дальше или ближе, изменяющиеся от мгновения к мгновению, предлагают человеку чувственно воспринимаемый образ этого утраченного и запретного величия. Иным образом человек не смог бы жить; ибо ему дано мыслить только то, что он в состоянии воспринимать чувственно.

[На полях:] Мыслить мир *подобно Богу*⁴⁹⁸ человеческим воображением. (...)

Счастливы люди, в которых наука, искусство и любовь суть не что иное как три различных аспекта одного-единого движения ко благу; рядом с ними мы — жалки; хотя для того, чтобы овладеть их привилегией, достаточно лишь руку протянуть.

Софокл — одна человеческая душа берет <на себя> все тяготы мира в форме несчастья. Она сгибается под ними так, что следы от этого груза видны на ее плечах, но остается цельной.

[На полях:] Камень, который, подобно жидкости растекаясь в пространстве, принимает положение покоя — трагедия Софокла.

Хор «Эрот...».

Стихотворение Сафо⁴⁹⁹.

[ms. 23] [Радиэстезия]

Наука больше не является дисциплиной. Но, как бы ни была несовершенна дисциплина науки классической, это всё, что у нас осталось. Сейчас у нас и вообще нет никакой дисциплины, кроме армейской.

Смотреть на море, несущее на себе судно, как на огромные весы.

Равновесие судна, масса, непрерывно изменяющаяся, как тень, по мере его движения. Говоря о выталкивающей силе воды, направленной вверх, мы теряем эту поэзию, мы видим не более как машину.

Нечто конечное, то есть совершенно определенное, которое содержит в потенции бесконечное расширение и усложнение. Это число — но сложение не соответствует этому требованию: только *отношение*.

Перейти от одного числа к другому не путем сложения, но через *отношение*.

[Подобные треугольники.]

[Мы можем это, только используя обобщенное число.]

Рычаг = *отношение*.

Мироздание становится греческим храмом.

Классическая наука — это наука греческая, потерявшая благо.

По причине этого образа мироздание, хоть оно и неумолимо, достойно нашей любви даже тогда, когда мы в нем страдаем, как родина, как город⁵⁰⁰.

[ms. 24–25. Геометрические задачи.]

[ms. 26] Моменты молчания в музыке = положение равновесия. (...)

[ms. 26–33. Замечания на книгу Алена «Разговоры у берега моря. Исследования способности мыслить» (1931).]

[ms. 34] Человек страдает от разочарования: оно (пережитое. — П. Е.) уже позади, но он видит его перед собой.

Я говорю, что, возможно, идет дождь, но знаю, что это не так, потому что дождя нет. Однако это невозможно не в том смысле, как невозможно треугольнику иметь три прямых угла. (...)

Самая очевидная идея существования та, что нельзя ничем пренебрегать.

Провести строго геометрическую прямую — невозможно⁵⁰¹. Притом, что законы расстояния — суть законы мира.

【Схождения последовательностей причин.】

Законы дают событию видимость случая⁵⁰² — устанавливают факты — делают мироздание доступным наблюдению. Мироздания по Кювье и Ламарку не существует. (...) Дарвин: живое через пересечение всего на свете.

Вся наша жизнь есть проблема *положений*. Странная ошибка людей: я вижу, как они всегда озабочены желанием узнать, хороша или плоха для них такая-то вещь *сама по себе*. Качество, рассматриваемое вне определенной ситуации, есть качество мнимое.

[ms. 35] Наука — это еще не культура, это один из способов изъясняться. Говорить: «энергия», не называя разнообразных форм энергии (считается допустимым, потому что формулы...). Где нет внимания к языку, там нет культуры. Это хорошо объясняет черты нашей эпохи...

<Взять:>⁵⁰³

Все книги на греческом:

Геродот, Евангелия, Платон, Софокл, Архимед.

Руссо, Ланьо, Кант (4 тома «Чистого разума»), Монтескье («Дух законов»), Монтень, Паскаль, Декарт, Ален.

Все книги на итальянском:
Галилей, Винчи, Макиавелли.

Все желтые тетради, исписанные и нет.
Исписанные бумаги: содержимое выдвижного ящика стола

Все книги на латыни:
Тацит, Лукреций, Спиноза, Катулл.

Всех поэтов:
Расин, Корнель, Виньи, Валери.

Все поэтические книги на английском:
Суинберн, Китс, Шекспир (1-й т.), Донн, Шелли.

[ms. 36–37. Формулы и размышления о движении.]

[ms. 37] Ангелус Силезиус.

Тебе дарю жизнь, Бог должен сам умереть,
А ты, не умерев, как мыслишь жить на свете?⁵⁰⁴

[ms. 38] Соотношение между Вселенной и другой вселенной, заключенной в человеческом лице. *Веласкес, Винчи.*

Потому что, если можно сконструировать один механический образ феномена, можно сконструировать их бесконечное множество, то какая трудность, что если он создан из атомов?

По причине *пренебрежимого*, которое соотносится со чувствительностью и с воображением. (...)

[ms. 39. Список из 19 фамилий профессоров и преподавателей еврейского происхождения, уволенных из университетов и научных центров Франции в течение первых двух месяцев действия «Статута о евреях» от 5 октября 1940 г.]

[ms. 40] Физики, фабриканты ни мудрости (как во времена, когда «никто да не входит сюда, если он не геометр», ни знания (как с XVI по XIX в.), — но единственно: могущества; могущества всё равно для чего, для использования всё равно в каких целях. Эти люди сами не любят могущества, они не стремятся им овладеть; хотя у каждого из них есть своя страна, каждый имеет более или менее живые патриотические чувства, политические взгляды — они фабрикуют могущество, в том числе для использования теми, кто представляет угрозу их странам и будущему.

Важность игр для науки: бильярд, кости.

Движение бильярдного шарика — не в точности прямое. В воздухе (бросок) всегда присутствует сила тяжести, а на поверхности — трение.

Зачем же тогда нужно понятие о *прямом однообразном движении*?

[ms. 41] (...)

Господство и наука. — Архимеда можно понять. По-видимому, по тому, что он комбинировал математические понятия, так же, как делали пифагорейцы и ученики Платона, можно предположить, что он исследовал красоту и образ блага; относящееся к военному могуществу — то, что его исследования приносили в качестве избытка, — он хранил для себя одного, используя лишь тогда, когда считал это благом — для защиты своего города от варвара-захватчика. Наши ученые делают наоборот.

Вероятность научной автаркии в будущем. Международное сотрудничество ученых в наши дни не отвечает ничему⁵⁰⁵.

[ms. 42–45. Черновики «Спасенной Венеции».]

[ms. 45] Музыка⁵⁰⁶. «Послезаконие»⁵⁰⁷. «Филеб»⁵⁰⁸. Месса барабанщиков⁵⁰⁹. (...)

[ms. 64] Пространство — Китай — (Брион⁵¹⁰)

Пейзаж, рассматриваемый сверху или снизу (с точки зрения птицы, насекомого).

Эпоха Сун. Го Си (живописец и теоретик).

Прежде чем вы начинаете рисовать, надлежит создать гармоническое отношение между небом и землей⁵¹¹.

Отождествить себя с пейзажем, наблюдать за ним до тех пор, пока его значение откроется.

Три вида установления гармонии —

1) стремление к упорядоченности (конфуцианство); кодификация искусства (тенденция к сложению официального канона);

2) даосизм;

3) буддизм.

Даосизм: «Выблюй свой разум»⁵¹².

Создавай, но не обладай⁵¹³ — трудись, но не присваивай⁵¹⁴.

Всякая вещь извечно непостижима.

СВЯТОЙ — ТОТ, КТО НЕ ОСТАВЛЯЕТ СЛЕДОВ⁵¹⁵.

«Он проходит по ту сторону пространства».

Ле-цзы потратил девять лет, чтобы научиться ездить верхом на ветре. «Он ходил по воле ветра так, что уже не был способен сознавать, ветер ли его гонит, или он гонит ветер»⁵¹⁶.

Воздушная перспектива в китайской живописи. (...)

[ms. 66] Асимметрия — монохромность — разнокачественность (различная освещенность).

Большие пустые зоны.

Поэзия: хозяин. — Живопись: приглашенный.

Живопись эпохи Сун. «Пейзажи, чтобы по ним путешествовать — созерцать — прогуливаться — остаться»⁵¹⁷. (...)

В каждом пейзаже — что-нибудь движущееся (облако, поток).

Напоминание о глубине, расстоянии, БЕСКОНЕЧНОМ.

Высоты гор, как их видел бы человек, стоящий у подножия.

[ms. 67–129. Математические записи, выписки из провансальской поэзии, адреса, пустые страницы.]

Тетрадь II (К2)

Марсель,

январь — начало сентября 1941

Зима 1940/1941 годов была отмечена для Симоны рядом встреч и знакомств, имевших важные последствия.

В начале января 1941 года Симона встретила в Марселе своего давнего товарища по философскому семинару Алена — Рене Домалья, которого не видела около десяти лет. Домаль и его жена Вера Миланова, эмигрантка из России, вели жизнь, полностью подчиненную целям мистического поиска. Мы не будем здесь подробно останавливаться на личности и судьбе Рене Домалья — поэта и писателя с сюрреалистическими тенденциями, с юности занимавшегося рискованными опытами над своим сознанием, которые стоили ему здоровья, затем — адепта учений и методик Гурджиева⁵¹⁸. То была закатная пора красивого тридцатидвухлетнего мужчины: Домаль, уже зная, что его туберкулез неизлечим, жил на горном воздухе в прованских селениях, меняя один дешевый пансион на другой и стремясь успеть завершить начатые труды — перевод многотомных «Очерков дзен-буддизма» Судзуки (с английского) и собственный инициатический роман-путешествие «Гора Аналог»⁵¹⁹. Родители Симоны рады были при возможности покидать шумный город, и в течение 1941 года Вейли несколько раз выезжали в те же самые места, что и Рене с женой, так что Симона имела возможность нередко бывать у Домалей. Но если судить по записям Симоны, непосредственный интеллектуальный обмен со старым товарищем ее не очень увлек: его прошлый опыт мог ее скорее настораживать. Стремление соблюдать дистанцию, вероятно, было вза-

имным: в объемистой переписке Домалья⁵²⁰ того времени Симона не упоминается вообще. Охотнее с нею общалась его жена Вера. Кажется, с осторожностью отнеслась Симона и к заветным друзьям Домалья, таким как, например, живший тогда же в Марселе итальянский аристократ, поэт и мистик Ланца Дель Васто. Однако, важно, что Домаль смог поддержать в Симоне растущий интерес к философским и этическим системам Востока и, в частности, Индии. Самостоятельно изучая санскрит с шестнадцатилетнего возраста, Домаль к концу 1930-х годов опубликовал переводы некоторых Упанишад и книг из буддийского канона. Он дал Симоне первоначальные сведения по этому языку, предоставил в ее пользование написанную им самим санскритскую грамматику и собственную рукопись «Бхагавад-Гиты». Симона с энтузиазмом принялась за учебу и, ознакомившись с существовавшими французскими переводами индуистских источников, стала пробовать переводить сама⁵²¹. От Домалья она также получила книгу Рене Генона «Человек и его осуществление согласно Веданте», которая могла послужить ей первоначальным подспорьем в интерпретации текстов. (Домаль с конца 1920-х годов внимательно следил за всеми публикациями Генона и даже переписывался с ним.) Итак, с этого времени тетради Симоны обильно наполняют выписки из книг индуистской мудрости и размышления над ними, а индийские термины и концепты прочно входят в ее собственный понятийный аппарат. Симоне не придется стать специалистом по индийской мысли; в ней, как и во многом другом, она останется гениальным дилетантом. Но ее собственная мысль получит в этом знакомстве новые, чрезвычайно важные импульсы.

В дни Рождества 1940/1941 года Элен, сестра Пьера Оннора, математика и друга Андре Вейля, ревностная католичка, предложила Симоне вместе с ней посетить доминиканский монастырь в Марселе. В то время о обращении Симоны ко Христу не знали еще даже близкие люди, в том числе родители. С Элен она позволила себе говорить о вере откровеннее, чем с другими. «Я близка к католичеству так, как только в моих силах быть к нему близкой, — говорила она. — Но при этом я не католичка».

В ответ Элен рассказала ей о священнике-доминиканце о. Жозефе-Мари Перрене, который, как она надеялась, мог бы прояснить Симоне вопросы, остающиеся для нее нерешенными, и подготовить ее к вступлению в католическую церковь. Знакомство состоялось; за ним последовали еще многие другие встречи и беседы, продолжавшиеся до самого отъезда Симоны из Марселя в Америку в мае 1942 года.

О. Перрен был еще молод, всего на четыре года старше Симоны. Почти слепой, он был при этом ревностен в исполнении священнического долга и в служении задачам ордена, с давних веков посвящающего себя интеллектуальным трудам во славу истинной веры. Что больше привлекло и заинтересовало его: Симона как живая душа, живая женщина, во всех ее сильных и разнообразных чувствах? Или Симона, как сильный и пылкий ум, в сочетании с мистической одаренностью и самоотверженностью, которые могли казаться признаком монашеского призвания, как кандидат в католические богословы и подвижники? Симона была наблюдательна, и от нее навряд ли укрылось бы, если бы в ней видели только «объект», пусть даже самых благочестивых пожеланий. Ее сохранившиеся письма к о. Перрену⁵²² наполнены живым и простым теплом, и это говорит, пожалуй, об искренности установившейся между ними почтительной дружбы. Она скоро почувствовала к священнику доверие; впрочем, она просто стосковалась по отношениям, основанным на полном доверии. Тетрадь I достаточно рассказала нам об этом... Марсельский поэт Жан Тортель, сотрудник редакции журнала «Cahiers du Sud» и частый собеседник Симоны в 1940–1942 годов, вспоминая о нелегких чертах ее характера, проявлявшихся в дискуссиях о том, что было для нее дорого, отмечает вместе с тем ее уникальную «вопрошающую жадность», добавляя, что в ней была «всегда какая-то невероятная обращенность к другому (взгляд, улыбка влажных глаз...), какая-то невероятная мольба»⁵²³. Не с такой ли «мольбой», как душа, имеющая внутри слишком много, и ищущая быть выслушанной и понятой, шла Симона и к о. Перрену? Но ей пришлось обнаружить, что молодой миссионер, уже достаточно известный в католической жиз-

ни Юга Франции, не был до конца чужд специфическому честолюбию «ловца человеков». Симона отмечала про себя, с каким удовольствием в разговорах о. Перрен приводит точные цифры обращенных им ко Христу, и понимала, что этот список с еще одним вписанным именем — ее именем — видится ему и тогда, когда он беседует с нею. Когда она, горячо, как было свойственно ей в идейных спорах, выплескивала на его голову страстные вызовы, обращенные к католичеству, добрый о. Перрен, не обронив ни одной фразы, которая могла бы отклоняться от предписаний веры, кротко отвечал, что готов окрестить ее со всеми ее сомнениями и вызовами. Чувствуя эту мягкую, уступчивую властность «пастырской икономии», Симона поняла, что о. Перрен, находя себя вполне реализованным внутри церковного строя мысли и поведения, не намерен обсуждать, исследовать, искать с нею что-то совместно и на равных.

После смерти Симоны о. Перрен с грустью напишет: «Тема Израиля — вот что, поистине, было цитаделью всех ее возражений, всего ее противления»⁵²⁴. Ради подтверждения этой идеи в подготовленном при ближайшем участии о. Перрена сборнике «Сила тяжести и благодать» «возражения» Симоны по теме Израиля будут собраны в особый раздел так, что создадут впечатление некой болезненной неприязни к своему народу. Несомненно, что о. Перрену, помимо прочего, надо было показать со сколь возможно светлой стороны Мать-Церковь в контексте недавней трагедии Холокоста. Это было сделано за счет Симоны: Мать-Церковь, в лице своего смиренного служителя, заявляла, что с такими-то и такими-то мнениями она никогда не согласится и решительно отмежевывается от них, при всей отзывчивости к добрым устремлениям этой светлой, но мятущейся души и т. д...⁵²⁵ Таким образом, общественному мнению был дан почти готовый образ Симоны как истерической юдофобки, кем-то подхваченный, дорисованный и до сего дня лежащий тенью на ее памяти.

Однако, если, как видим, для о. Перрена, в его понимании личности и взглядов Симоны, «тема Израиля» стала центральной и едва ли не закрыла собой остальное, то для самой Симоны это

было совсем иначе. Тетради показывают нам, что эта тема занимала в мыслях Симоны отнюдь не такое место, какое ей приписывается. И обсуждалась она ею всегда в общем философском и антропологическом контексте, как лишь один из многих частных случаев проявления общечеловеческих закономерностей. Рукописи Симоны, как и ее отношения с домашними, как и ее дружеские связи, согласно показывают, что «зацикленности» или «фобии» по части происхождения у нее не было.

Намного острее, горячее для нее стояли другие вопросы, большая часть из которых в сборнике Тибона и Перрена не получила отчетливого отражения.

Симона всё больше уверялась в том, что воплощение и страдание Бога в человеческом роде существовали всегда (важно: не идея воплощения, а действительное воплощение!), что об этом задолго до написания Евангелий свидетельствовали мифы об Осирисе, Адонисе, Загрее, Орфее и т. п. Она считала, что откровение о Христе как Логосе-Посреднике между Богом и человечеством существует во всех народах, выражаемое в терминах, отвечающих их традициям и мышлению, не ограниченное сферой религии как таковой, но составляющее собою главную весть подлинного искусства, подлинной поэзии и даже подлинной науки. Что, следовательно, ниспослание людям благодати и спасение происходят извечно и воспринимаются людьми порой даже сокровенно, «анонимно», в «безличной форме». Таким образом, Церковь может и, по своей вселенской, католической природе, должна включить в себя все эти откровения и весь истинный религиозный (и шире — экзистенциальный) опыт народов. При этом причастниками истины (= членами истинной Церкви) оказываются не только язычники, как древние, так и современные, но даже подчас люди, считающие себя атеистами.

Симона признавала, что нечто от Откровения дано было и евреям, но не видела в этом никакой особой избранности и, более того, предполагала, что лучшее в корпусе Ветхого Завета является общим у евреев с иными народами и, возможно, заимствовано ими извне⁵²⁶. При этом в религии Ветхого Завета Симона

находила серьезнейшее упущение: в этой религии не звучала весть о страдании Бога. Тем самым и человеческое страдание не получало своего подлинного осмысления. Напротив, древний Израиль принял концепцию грозного Бога-ревнителя, во главе воинств «избранного народа» направлявшего захват «земли обетованной» и истребление ее жителей. Вот это, по Симоне, действительно было тяжким грехом против Откровения. Именно дух превосходства над другими народами, пронизавший собой религиозное и национальное сознание Израиля, привел к убийству Христа, чья весть это превосходство отрицала.

При всех добрых намерениях и замечательных человеческих качествах о. Перрена приходится сделать вывод, что Симону он не понял. За почти полтора года знакомства, бесед, переписки ни один из двоих не получил того, на что надеялся: ни Симона не услышала принципиального ответа на свои вопрошания, ни о. Перрен не приобрел новой овцы для церковного стада. Но их общение все-таки принесло немалую пользу. В упорных попытках достучаться до сознания священника Симона смогла многое сформулировать для себя и своих будущих читателей. Благодаря о. Перрену она познакомилась с другим человеком — Гюставом Тибоном, которому доверила при отъезде свои рукописи. Об этом знакомстве мы расскажем подробнее в предисловии к Тетради IV.

Среди прочего, Тетрадь II содержит многие выписки из всевозможных источников, иллюстрирующие теорию несчастья, которая через год, весной 1942 года, будет сформулирована Симоной в статье «Любовь к Богу и несчастье»⁵²⁷ и станет для нее своего рода ключом к познанию условий человеческого существования, а также главным критерием в ее религиозном поиске. Наконец, в Тетради присутствует множество выписок из фольклора разных народов. Мы воспроизводим их как неотъемлемую и очень важную часть духовного запаса и философского инструментария Симоны: она не только высоко ценила народную поэзию как поэзию архетипическую и, в ее глазах, в каком-то важном смысле, образцовую, но и как лаконичное и рельефное выражение важнейших жизненных истин, как правдивое свиде-

тельство о любви, о человеческих отношениях, о труде, о смерти и т.д. Фольклорная поэзия — один из важнейших источников ее этических представлений. Кроме того, это и кладовая древнейших мифов, сохранивших те философские и космогонические концепты, которые она учитывает в собственном поиске нового духовного синтеза, способного, по ее упованию, заново одухотворить европейскую цивилизацию.

[ms. 1] Есть вещи, которые сами по себе не являются причинами какого-то страдания, но заставляют страдать, будучи *знаками*. Знаками чего? Состояния вещей, которое, как таковое, причиняет страдание лишь редко (или вообще никогда), будучи само по себе слишком абстрактным, чтобы заключать в себе несчастье. Но знаки этого состояния вещей причиняют страдание, даже хоть и не болезненны сами по себе.

Например, наше поражение (см. «Листки» Жида⁵²⁸); или еще — сам вид немецкого солдата в униформе. Или еще — пропуск на завод «Рено»⁵²⁹.

Когда такие знаки преследуют человека ежедневно, это становится несчастьем.

А есть другие вещи, которые причиняют страдание сами по себе. Страданий физических: например, унижение — это и физическое страдание.

А третьи — и сами по себе, и как знаки. Эти — самые мучительные.

Проблема: поражение в определенные моменты не ощущается как страдание (например, в такой-то день с прекрасной погодой, при виде красивого пейзажа).

Человек в серо-зеленой униформе тоже сам по себе не является причиной страдания (например, до войны, в качестве военного атташе и т. п.).

Поражение проявляет себя в том, что в пейзаже появляется немецкий солдат, и это порождает страдание.

Боль рождается от связи (знака с означаемым) между двумя вещами, которые не являются болезненными вне этой связи.

Причем эта боль ощущается даже телом (способна довести до слез).

Так же ли обстоит дело с радостью? Эстетика, праздники? Праздничные наряды, например?

[ms. 2] Валери, курс поэтики⁵³⁰. Начинает с того, что полностью абстрагируется от всякого рассмотрения *ценности* (при том, что речь всегда и идет только о ценностях), потом описывает. Очень поучительно, как пример невозможности обойтись без оценки даже при отсутствии понятия ценности.

Смысл ценности?

[Его определение философии (не согласованное со всем остальным): ценности, выстроенные вокруг моего «я».]

Его мысль о ничем не обусловленном мире звуков (чистых, составных), о котором напоминает каждое музыкальное произведение. Этот абсолютный мир не может быть чем иным, как только молчанием. Музыка исходит из молчания и возвращается в него же... Творение и длительность.

Можно ли говорить о *чистых* звуках? Они производятся волей.

Мель⁵³¹: для того, чтобы мыслить время, нужно мыслить творение. Это так, но тогда предполагается и длительность неограниченная⁵³². Нужно <помыслить> некоего, противоположного Богу — (или благу — «Теэтет»).

Аналогией молчанию <в музыке> в пластических искусствах является неподвижность. (Движения — аналогия звука.)

Искусство делает ощутимым время и пространство.

Закат солнца <тоже> делает ощутимым время и пространство. Ощутимым определенным образом. Каким? Чувство *реальности*.

Описать разницу между прекрасным предметом (произведением искусства) и остальным, полностью абстрагируясь от понятия красоты. В этом можно найти нечто поучительное.

[ms. 3] Несчастье — определяется: через <наличие> физической боли — боли символической (ср. ms. 1) — через сцепление моментов, течение длительности.

Раздробить время — самое большое зло, которое можно причинить человеку.

Прекрасное есть единственный критерий ценности в жизни человека. Единственное, что можно применить *к каждому из людей*. Без этого остается разве что благосостояние... Условия полноты жизни равноценны для всех людей, но в формах, разумеется, различных.

Прекрасное — укоренение — мирное соглашение между собой и своими условиями существования — круг времени.

Сделать, чтобы время было окружностью, а не линией.

<Последовательность> греха: развлечение — интоксикация — дозволение.

Грех может быть переведен и *в термины времени*. Например, дозволение: непосредственное. Интоксикация: задержка в ближайшем будущем (но пассивная), неопределенное желание, Данаиды.

Зло имеет две формы: грех и несчастье. (Это признавал и Сократ [ни ἀδικεῖν, ни ἀδικεῖσθαι⁵³³], и даже стоики [понятие о «предпочтительных»⁵³⁴].)

Грех, несчастье, благо. Соотношение между грехом и несчастьем других. Оно сущностно или акциденциально? [«Люби ближнего своего *как* самого себя». Опиоман, который захочет сделать всех, кто его окружает, опиоманами...] Грех есть отсутствие границ, есть субъективное (согласовать это с его свойствами по отношению ко времени). Другие представляют собой границу и существование, которое вне нас, причем единственное, потому что материя... Третье измерение. Уважение, αἰδῶ.

В грехе и в несчастьи теряется разве не одно и то же? А именно, весь мир. Как, стало быть, различать между одним и другим? Не порождают ли они друг друга в обоюдном круговращении? Двусмысленность слова «раб» уже у греков⁵³⁵. «Человек теряет половину своей души...»⁵³⁶ (Зевс отнимает половину души у человека, которого сделали рабом.)

[ms. 4] Наказание. Казалось бы, что если целью наказания является исцеление греха, оно не должно быть несчастьем. Болью — да, конечно. Выучкой — да⁵³⁷. Но какого рода выучкой?

Каким образом, в какой мере торжество греха похоже на несчастье?

Неудовлетворительность «Государства» <в этом отношении>. В нем Платон анализирует грех, *но не несчастье*. Электра⁵³⁸.

Стремятся избавиться от несчастья; но не стремятся избавиться от греха; итак, при трансформации греха в несчастье душе дается желание исцелиться; и это могло бы быть оправданием наказания. Но на определенной ступени несчастья — не перестают ли уже желать избавления от него? С другой стороны, это предполагает очевидную связь между грехом и наказанием.

Несчастье — зло; но боль может быть благом. Всегда ли присутствует боль в несчастье? Рабство, тюрьма.

В каком случае нависшая над головой смерть, осознаваемая как таковая (риск смерти? определенно неминуемая смерть?) составляет несчастье?

Malheur — удивительное слово, не имеющее эквивалента в других языках⁵³⁹. Но из этого не извлекли пользу.

«Федра»: взаимоперетекание несчастья и греха⁵⁴⁰.

Какой силой должен обладать человек, чтобы вытащить себя из несчастья? Эта сила по необходимости физическая. Значит, ее можно лишить. Дело в том, чтобы понять: можно ли лишить человека этой силы, не убив его.

Какую власть имеет он над своим земным сроком?

Какую власть — над той символикой, что заставляет воспринимать некоторые материальные вещи как признак несчастья? А какую — над той, что заставляет воспринимать материальные вещи как признак благоденствия?

[ms. 5] Если я считаю, что человек не зависит от обстоятельств, я могу делать, что хочу, не принимая ближних в расчет.

Если я считаю, что человек зависит от обстоятельств, я предоставляю обстоятельствам самого себя. Что влечет за собой, между прочим, и заключение, сделанное из первой посылки. И наоборот. Оба мнения ведут к одному и тому же. Итак, *справедливое* поведение заключает в себе противоречие.

Ни в коей мере не верно, что благо существует без противоречий, что противоречиво только зло. Добродетель, может быть, еще куда менее логична, чем грех.

Притом, даже если я рассматриваю только себя... Стоики, с их «предпочтительными».

With bars they blur the gracious moon,
And blind the goodly sun⁵⁴¹.

Какие противоречия законны, а какие нет? Какая-то совсем другая логика...

Физические боли. Есть такие, от каких не помнишь окружающего мира, покуда они длятся. Например, зубная. Другие устанавливают контакт с миром: тащить полную охапку хвороста, полную колючек.

Так же и усталость от работы бывает двух видов.

Так же и наслаждение. *Есть и два вида наслаждений* (удовольствия).

Критерий: чувство реальности.

Два вида голода. Два вида послушания. Два вида смерти. И т. д.

ГАСДРУБАЛ⁵⁴².

[ms. 6] Произведение искусства: сделать пространство и время ощутимыми для нас. Создать пространство и время человеческие, человеческими руками, которые, однако, были бы *этим* пространством, *этим* временем.

Стихи. Они не могут «выйти за рампу», если не создадут для читателя новое время. И, как это верно для музыки (Валери⁵⁴³), так и стихи выходят из молчания и возвращаются в молчание.

Сотворение и конец мира. Рождение и смерть. И т. д. Сделать пространство и время, *в некотором смысле*, конечными⁵⁴⁴. Или сгруппировать неопределенное⁵⁴⁵ вокруг конечного. Статуя в окружающем ее пространстве как стихотворение в молчании.

Элементы стихотворения. *Время*, имеющее начало и конец. Чему это соответствует? Затем, *вкус* слов: чтобы каждое слово имело максимально насыщенный вкус. Что включает в себя согласие между смыслом, который мы придаем слову <в данном месте> и всеми другими его смыслами, согласие или оппозицию со звучанием его слогов⁵⁴⁶, согласие или оппозицию со словами предыдущими и последующими.

Картина — пространство, ограниченное рамой; надо сделать так, чтобы бесконечное стало этим пространством.

Всегда определенное *отношение* — определенное согласие, определенная оппозиция — между конечным (ограниченным пределами) и неопределенным.

Примеры совершенных поэтических произведений, т. е. таких, которые хоть имеют начало и конец, их протяженность составляет образ вечности. Их немного. Вот этот стих Сафо (...) [Следует первая строфа «Оды Афродите», см. K1, ms. 24.]

[ms. 7] Две строфы (или только первая?) из:

Ἔρως ἀνίκατε μάχαν⁵⁴⁷.

«Love» Герберта. Может быть, Марло: «Come live with me and be my love...»⁵⁴⁸. Сонеты Шекспира: «Come away, come away, death...»⁵⁴⁹ и особенно: «Take, oh take your lips away...»⁵⁵⁰. На французском, думаю, *ничего*. На немецком так же. На итальянском, из того, что я знаю, тоже ничего.

Валери:

«Каждое музыкальное произведение есть способ выйти из молчания и вернуться в него, как падающая вода...

Но <произведение> в максимально возможной степени должно исключить случайные комбинации; конечно, случайность всегда примешивается к его композиции, но только что-

бы пробудить в уме музыканта тот пункт в системе звуков, который предшествует здесь этому случаю»⁵⁵¹. (...)

[ms. 7–22. Размышления о физических, затем о тригонометрических проблемах.]

[ms. 23] Наука и труд. — То, что служит моделью для западной науки и техники, это труд, но труд не квалифицированный, элементарная, простая и грубая форма труда.

Человеческая мысль всегда моделирует мироздание по отношениям между душой и телом, но выбирает среди этих отношений.

<Первый случай.> Я хочу, чтобы эта спичка лежала здесь, а не там; я ее передвигаю. <Второй случай.> Перед фортепьяно я думаю о такой-то мелодии и почти одновременно ее слышу (мои пальцы перебирают клавиши почти бессознательно). Второй способ действия предполагает обучение, первый не предполагает. Однако наука удержала как модель именно первый способ.

В реальности — в каждом действии присутствует смешение обеих форм.

Крестьянин, проводивший целый год, занимаясь работами, требующими квалификации, которым соответствуют регулярные изменения в социальной жизни и в мире, и который мыслит мироздание по этой модели... — не такова ли мысль Китая?

Классическая наука (XVII, XVIII, и три четверти XIX веков). Реконструировала мир по модели такого действия, каким я передвигаю карандаш. Такая реконструкция имела свои пределы; ибо в таком мире человек не смог бы жить. С другой стороны, отмененные категории научного представления о мире по-прежнему присутствуют в уме ученого⁵⁵². Всеобщность, понятие о конечных целях⁵⁵³. [Алгебраическое единство.]

Гранé. Китай: время, собирающееся в вечные моменты, пространство, которое концентрируется. Здесь не видится ничего от «социального». Это потребность ума. Ум познает мироздание, пространство, время и т. д. конечным и бесконечным, однородным и разнородным, и т. д.

Кризис машины в Европе, во всех аспектах (теоретическом, экономическом...) и, как следствие, кризис Европы. Сначала хотели реконструировать мир по модели простых машин (Декарт). Затем ограничились констатацией, что в каждом феномене соотношение между полученной и возвращенной энергией таково же, как в простой машине. Алгебраические формулы означали [ms. 24] тогда возможность реконструировать феномены по модели простых машин любым образом. Но однажды было установлено противоположное. Что же, следовательно, означали эти алгебраические формулы? По модели чего реконструировали мир? По модели алгебраических формул? Но они не составляют собой модель, они подгоняются под любую реальность (например, матрицы). По модели одной алгебраической формулы, вариации которой охватывали бы феномены? (Ее выводят эмпирически, путем индукции.) Во имя чего это желание единства? Во всяком случае, оно не дает направления.

Сегодня наука *не ориентирована*. Она достигла своего предела? Конечно, он у нее есть.

[Платон. Ἀνυπόθετος⁵⁵⁴. По необходимости существующий зазор между первопринципом и науками.]

Принцип западной науки — отсутствие иерархии. Например, суфию и невежде⁵⁵⁵ одинаково необходимо встать с места и пойти, чтобы взять стул и поставить его к столу. Именно такую необходимость западная наука выбирает объектом своих исследований, и, сколько бы она ни развивалась, это всегда остается так же. Это дает представление о мироздании, но неполное. Ибо в определенных случаях материя (ведь тело это материя) повинует мудрецу так, как оно не повинует невежде. С другой стороны, материя — прекрасна.

Прекрасное отсутствует в представлении о мире, которое дает наука, и при этом ученый его исследует (например, аналогии).

В Греции существовало единство между прекрасным и наукой; но в чем заключалось это единство?

[ms. 25] Добро и зло. Реальность. То, что придает больше реальности существам или вещам, есть добро; зло — то, что ее у них отнимает.

Римляне *делали зло*, лишая греческие города их статуй, ибо города, храмы и сама жизнь греков без этих статуй теряла что-то от своей реальности, а в Риме статуи не могли иметь столько реальности, сколько в Греции⁵⁵⁶.

[Отчаянные, смиренные мольбы греков о том, чтобы сохранить по крайней мере некоторые статуи. Мольба: отчаянная попытка провести в сознание другого свое собственное представление о ценностях. Понимаемая так, мольба не имеет в себе ничего низкого. Но она почти в силу необходимости обречена на неуспех. Обязанность понимать и взвешивать систему ценностей другого *на тех же весах*, что и свою собственную. Выковывать эти веса.]

Не-иерархическое представление о мире (наука) и иерархическое представление сочетаются в великих творениях художников. Францисканские фрески Джотто⁵⁵⁷. Св. Франциск, его отец, епископ, садовник *существуют на одном уровне в пространстве*. Это и есть значение пространства в живописи. И само пустое пространство (которое Джотто очень часто помещает в центре; прием, имеющий необыкновенную силу) существует для него совершенно в той же степени. Но с другой точки зрения... а с третьей точки зрения, существует еще в большей степени. Отсюда — необходимость композиции на нескольких планах (что, может быть, и есть ключ ко всякому искусству). Музыка. Поэзия (размер).

[В поэзии: если стихи, лишённые чувства, столько же имеют и существования...]

Церемонии: я — который есть всё мироздание! — в то же время его часть. И другие тоже суть части. Они существуют настолько же, насколько и я. В той же мере. Ни больше, ни меньше⁵⁵⁸.

[ms. 26] Математика — искусство (Андре)⁵⁵⁹? Но искусство, где время не играет никакой роли. Ни пространство, ни композиция. Даже в прозаическом произведении обстоит иначе. (?)

Математическое искусство являет нашему восприятию лишь единство и разнообразие, единицу и множество, аналогию.

Для греков — Пифагора, Евдокса, еще даже Архимеда — это, вероятно, было иначе. Математическое искусство представляло⁵⁶⁰ мир.

Греческая наука, кажется, была прежде всего *наукой об обобщенном числе*. Пифагор. Платон. «Послезаконие» (геометрия плоскости и в пространстве)⁵⁶¹. Архимед: рычаги.

Весы Архимеда (скорее весы, чем рычаг — ср. Египет⁵⁶²). Равенство. Число. Обобщенное число.

Понятие равновесия у Архимеда: парабола — весы — плавающие тела.

Равенство между понятиями равновесия и пропорции.

Народ мореплавателей. Равновесие между человеком и миром. Плавающий камень. Равновесие между конечным и бесконечным. Параболы. Δὸς ποῦ στῶ⁵⁶³.

Равновесие и симметрия. Равновесие и эквивалентность.

[ms. 27] Алгебра — не ошибка ли относительно человеческого ума?

Размышлять можно только об отдельном (Декарт)⁵⁶⁴, при том, что предмет размышления есть, по существу, универсальное. Мы не знаем, как греки разрешали эту трудность. Ученые нового времени ее разрешили с помощью знаков, обозначающих то, что есть общее для множества случаев.

Но решение, если бы это было в моей власти...: аналогия.

Наука, вышедшая из знаков (и, следовательно, имеющая религиозное происхождение) [числа], а не из труда и не из вещей. Зачем? Потому что только в знаках можно исключить случай, ἄλειρον, и таким образом выявить необходимость — которая, однако, не существует без этого самого ἄλειρον.

Превосходство инженера над рабочим: обращение со знаками, представление о проблеме. Проблема: конечное число данных, в которых заключается решение.

Ноῦς⁵⁶⁵ и тело. Тело по необходимости привлекает его к настоящему; но νοῦς охватывает время. Так же судно и тот, кто им правит.

Вместо того, чтобы кристаллизовать в знаке то, что является общим для разных вещей, проводить индуктивную аналогию.

Дифференциальное исчисление и сопротивление материалов — проблема разрыва веревки.

$$2 - 4 - 8 \parallel 2 - \sqrt{6} - 3 \parallel$$

Идея плавающих тел у Архимеда: текучая масса в равновесии — мысленно разделенная надвое — уподобляется весам. Если вычесть то, что идентично с обеих сторон, то, что различно, имеет равный вес.

Начало великого предприятия, длившегося до 1900 года (Планк) — попытки уподобить мир комбинации рычагов.

(Он (Архимед. — *П. Е.*) искал текучий противовес для венца тирана⁵⁶⁶.)

[ms. 28] Οἶδα, ὡγαθὲ Καλλίκλεις, εἰ μὴ κωφός γ' εἰμί, [...] ἀποκτενεῖ μέν, ἂν βούληται, ἀλλὰ πονηρὸς ὢν καλὸν καγαθὸν ὄντα⁵⁶⁷.

Все целиком «Государство» Платона — для того, чтобы установить πονηρὸς ὢν «дурного». Да, но <как определять> «καλὸν καγαθὸν ὄντα»? Вот в чем вопрос. Платон не сделал никакого анализа, который мог бы дать критерий.

Орудие и закрытый сосуд.

Если выбирают жизнь⁵⁶⁸ — это выбор мнимый; ни в один момент жизни ее не выбирают (кроме некоторых случаев, в том, что касается степени осмотριтельности). В данных обстоятельствах и при данном характере в определенный момент времени, единственный способ реагировать — тот, что обеспечивает мак-

симум 1) сохранения жизни, 2) в той мере, в какой позволяет сохранение жизни — сохранения характера. Существование, ориентированное на жизнь, может принять, в определенный момент, только одно определенное направление. [Заметим, что существование, ориентированное на жизнь, может предполагать риск, и даже принятие смерти, но только по причинам внешним — репутация, игра.]

Не является случайностью, что доктрины, содержащие мистику, более или менее ориентированы на смерть. Катары. Т. Э. Лоуренс⁵⁶⁹.

Двоякость смерти. Смерть есть жребий существа, ограниченного <пространственно-временными рамками>: мысль о смерти есть смирение. «Они дали мне увидеть страдание и смерть»⁵⁷⁰. Θνητοῦ λέφικας⁵⁷¹. Но смерть есть и обращение конечного существа в ничто.

Монотонность в «Петре Пахаре»⁵⁷² (в противоположность Чосеру⁵⁷³), сцены с рабами у Плавта, песни черных рабов и т. д.

[ms. 29] Заметки на полях «Испанского свидетельства» Кёстлера⁵⁷⁴.

Ирреальность войны — Пина⁵⁷⁵ — Зачем?

Время. Будущее. «Испанское свидетельство»: уверенность, что умрет через двенадцать часов и ясность⁵⁷⁶ (двенадцать часов отсрочки?)

(автобиография: недостаток характера).

«И. С.» [«Испанское свидетельство»]: «От любой попытки делать умозаключения мне физически делалось дурно».

— «Удивление своим собственным реакциям».

Быстрый бег времени в тюрьме и полное отсутствие событийности (...) «Незабываемо только время, в течение которого забываешь о времени».

«Несмотря на всё сознание собственного достоинства, мне не удастся удержать себя от того, чтобы считать охранников существами высшего порядка». — Рабы.

(Бунтовщики, Ришелье, д'Обинье⁵⁷⁷.)

«Я не знал, как быстро человек привыкает к тому, чтобы считать привилегированный класс биологически высшим видом и принимать его привилегии как законные и естественные».

【Он был арестован 9 февраля 1937 года — а написал это 15 марта: пять недель.】

Можно ли умереть сознательно? Растет ли неверие в смерть по мере ее приближения? Дезинфекция иголки с морфином. Сократ?

«Когда я пишу это, у меня такое впечатление, что это теоретическое исследование, не относящееся ко мне непосредственно». Раз в день (по меньшей мере) он думает одну минуту о смерти: и тогда <его охватывает> животный страх.

«...как выросла моя собственная вера в себя, с тех пор как у меня появились деньги».

«...Смерть — это замороженное настоящее»⁵⁷⁸.

Ночью сон, где... вместо Карлоса...

«В тюрьме ситуации и мысли воспроизводятся постоянно. Живут внутри круга».

Цветы и листья.

«Снова начинать считать мои бутоны и танцевать над краем могилы».

Освобожден 12 мая.

Ополченцы в патио. «Они с жадностью проделывают опыты друг на друге, без малейшей сентиментальности, а иногда и без жалости». Выдуманные победы. «Они себя обманывали, чтобы умереть». Не могли допустить, что умирают за проигранное дело.

«Заклученные-уголовники... странным образом в большинстве похожи друг на друга... Узник меняет цвет и форму, приобретая те, которые помогают ему легче добиться максимума возможных преимуществ в социальных рамках тюрьмы... Здесь идет борьба за сигарету, за дозволение прогулки по двору, за карандаш. Борьба за мельчайшие предметы, но это — борьба за жизнь... Узник может развиваться только в одном измерении: в лукавстве... В его глазах скользит взгляд предусмотрительно

сдержанный, беспокойный и раболепный; его губы становятся более поджатыми, острыми, иезуитскими; нос утончается, становится острее, с ноздрями бескровными и чуткими; колени расслаблены, оттянутые плечи висят, как у горилл»⁵⁷⁹.

[На полях:] Приговоренные, когда их уводят: «помогите!», «мама», плачут — пение («Интернационал»⁵⁸⁰), прерываемое слезами.

«Они спрашивали, почему?.. Мы все спрашиваем себя, с дрожью ожидая [ms. 30] [смерти], кому это нужно, кому это в удовольствие — заставлять нас так страдать; каков явный и тайный смысл всего этого... У нас раскалывались мозги...» [Ответ («Илиада»): а почему нет?⁵⁸¹]

Все, что мучает человека, мучает его в его чувстве времени. Власть над собой = власть над тем, как ты чувствуешь время. Например, будущее. Если тебя должны завтра расстрелять, уметь изменить размеры оставшегося времени так, чтобы у тебя осталось будущее, которым есть, чем *наполнить*.

Есть другой способ: думать о будущем для чего-то другого, не для себя. Тем, кто умирает за другую вещь, за что-то, что, как они *чувствуют*, должно выстоять и победить, это удастся легко. Например, «Да здравствует император». Но это — низко, если эта другая вещь меньше всего мироздания в целом.

Как достичь того, чтобы жизнь была аналогична совершенному музыкальному произведению или поэме — хотя бы при этом события частью вносились в нее извне и без ритма? Вот вся проблема. Сделать время подвижным образом вечности⁵⁸², ибо естественным образом оно им не является.

Одиночество. Итак, в чем же состоит его ценность? Ибо <когда мы одиноки,> мы находимся в присутствии простой материи (включая даже небо, звезды, луну, деревья и цветы), вещей менее ценных [может быть], чем человеческий ум. Его ценность состоит в большей возможности внимания. Если бы

было возможно быть в той же степени внимательным в присутствии человеческого существа... (?)

[ms. 31] Пропорции⁵⁸³, дающие ощущение:

1) что это может продолжаться до бесконечности;

2) в то же время, что это $\begin{cases} \text{ограничено} \\ \text{замкнуто.} \end{cases}$

Не здесь ли тайна пластического искусства греков?

Это относится и к стихотворению.

Гамма: последовательность и круги.

Нарцисс. Не к этому ли стремятся влюбленные? Быть одним, впустить в себя любимое существо, чтобы оно стало тобою самим? Но Нарцисс, имея это, был только несчастнее — еще дальше от того, что он любил; это парадокс. Он любил тело без души, потому что невозможно любить свою собственную душу. Или, может быть, нужно, чтобы все мироздание, небо, звезды, море, были соответствующим телом? (Тогда это уже не собственная душа.)

Звезды и фруктовые деревья в цвету. Полная неизменность и крайняя хрупкость в равной степени дают чувство вечности.

[ms. 32–39. Замечания на трактаты Архимеда и выписки из «Посвящения в физику» Макса Планка с комментариями.]

[ms. 49] Совпадение между ролью понятия *работы* — под именем энергии — в науке XIX века и возникновением проблемы труда (labour) в социальных отношениях.

Это не просто совпадение. В Средние века труд был квалифицированным; отсюда — ремесленные цеха. (Конец XIV века, волнения, связанные с первым появлением неквалифицированного труда? Чомпи⁵⁸⁴.)

Наука знала общее понятие работы как перемещения силы (XVIII век). В то же время общее понятие работы распростра-

нилось на технику⁵⁸⁵, позволив отделить «сноровку» в элементарных операциях; отсюда механизация. Так появился⁵⁸⁶ класс рабочих (промышленных). Ремесленники не составляли класса.

Смотри у Манту («Промышленная революция в Англии») и Балло⁵⁸⁷. (...)

[ms. 50–59. Размышления об открытиях Планка и др.]

[ms. 59] (...) Жаффье. Страсть⁵⁸⁸. Один из смыслов страсти, может быть, в том, что боль, стыд, смерть, которые человек отказывается распространять вокруг себя, обращаются на него самого, при том, что он этого не хочет. Несчастьем словно суждено математически компенсировать преступление, которое он отверг, так, чтобы его душа осталась подчинена злу (но подчинена совсем в другом роде).

И наоборот, добродетель состоит в том, чтобы, созерцая в себе зло, которое мы страдаем, не избавляться от него, распространяя его вовне поступками иди в воображении. (Принятие пустоты.)

Чистое бытие = неизменная величина.

[ms. 60–63. Санскритские склонения.]

[ms. 64–77. Выписки из «Бхагавад-Гиты», переводы из Эсхила, библиографические заметки.]

[ms. 78] «Tenquita»⁵⁸⁹ (чилийская сказка)⁵⁹⁰

Птичка, которой снег отморозил лапку, когда она искала пищу своим птенцам:

- Снег, почему ты такой злой, что отморозил мне лапку?
- Солнце злее меня, ибо оно меня растапливает.
- Солнце, почему ты...? (И так далее, вплоть до человека.)

Человек:

- Спроси у Господа, который меня создал.

Наконец, <она спрашивает> у Бога:

— Господи, почему [только здесь пропущено: «Ты такой злой?»] Ты сотворил человека? Ведь человек создал нож, нож убивает быка, бык пьет воду, вода гасит огонь, огонь сжигает палку, палка бьет собаку, собака гоняется за кошкой, кошка съедает мышь, мышь прогрызает стену, стена преграждает путь ветру, ветер гонит тучу, туча закрывает солнце, солнце растапливает снег, а снег отморозил мне лапку!

И птичка плачет.

Бог говорит ей:

— Успокойся, птичка, и иди, позаботься о твоих птенцах, которым голодно и холодно.

Птичка слушается и, когда возвращается в гнездо, лапка оказывается исцеленной. [христианская переделка?]

См. Анаксимандр⁵⁹¹.

[ms. 79] (Арауканские сказки, продолжение).

СКАЗКИ «NUNCA ACABAR⁵⁹²»:

МАЛЕНЬКИЙ ДЫМОК

(Очень славная.)

Один принц, увидев портрет, влюбляется в принцессу, которую чародей заколдовал и спрятал в хижине, из которой выходит маленький дымок. Он находит чародея и спрашивает у него, где принцесса. Он говорит только то, что она в хижине, из которой выходит маленький дымок; если принц ее найдет, действия чар прекратятся. Он идет месяц за месяцем, потом оказывается у такой хижины, спрашивает старуху, сидящую у дверей. «Нет, господин, — отвечает старуха, — но, может быть, она в той хижине, из которой выходит маленький дымок и которую видно отсюда.

Принц снова идет многие дни, ибо дом очень далеко, а когда подходит к дому, видит другую старуху у дверей, и та говорит ему...» и т. д.

[N. В. В сказках о мертвецах отличительная примета мертвецов: кроме того, что они боятся контакта со светом, также и то, что они становятся неспособны произносить слова: говорят t'angeren вместо wangelen (звезды), küi вместо kuuen (луна), koі вместо ko (вода), и т. д.]

Я вышел однажды из Кордовы
И проходил через Санта Фе,
И на пути повстречал
Писаря, который мне сказал...
— Что же он сказал?
— Я вышел однажды из Кордовы... и т. д.⁵⁹³

[ms. 80] Арауканские сказки.

«Жена мертвеца».

Мужчина из племени качико уходит на войну против испанцев. Его убивают. Его жена плачет целыми месяцами, остается одна, замуж больше не выходит.

Однажды ночью приходит муж. Не хочет, чтобы к нему прикасались, не хочет, чтобы зажигали свет. На рассвете уходит. Она чувствует себя очень изнуренной.

Он возвращается. Она просыпается от того, что чувствует укус на шее. Это зубы ее мужа. Он говорит, что это поцелуй. На рассвете она остается еще более изнуренной.

На следующую ночь то же самое. На рассвете она уже не в силах подняться.

Идет посоветоваться с колдуньей, которая говорит, что муж умер от потери крови и теперь сосет из нее кровь, чтобы получать силу. Она умрет, если не отрежет ему голову.

Она возвращается домой, припасает большой нож и в следующую ночь, когда муж засыпает, отрезает ему голову. Кровь течет из головы, но тело его оказывается скелетом.

После этого она живет в покое⁵⁹⁴.

«Мертвец, у которого не было тела».

«Однажды была большая битва между индейцами и людьми, которые пришли с севера. Из железа были эти люди, их колени были железные, плечи и голова тоже были железные, все они, говорят, целиком были из железа и имели большие, длинные железные ножи... Индейцы, говорят, не хотели отдавать свою землю железным людям, и они бились между собой...»

«Девушка с головой мертвеца».

Ее жених бежит от нее — ей приходится уйти от людей, бродить в одиночестве, потому что она у всех вызывает отвращение. И она плачет от радости, когда оказывается не противна льву, которому исцелила раненную лапу.

«Дочь Керува».

«Каждый раз, когда Керув (дух огня или вулкана) видел Тучу над головой, он топтал ногами, кричал, его рвало, и снова Туча проливала дождь, и вода лилась и лилась».

Снег⁵⁹⁵ выходит из пещеры и покрывает всю гору доверха. Туча, его мать, хочет защитить его от Солнца, но не может: ее уносит ветер. Солнце хочет его поцеловать.

[ms. 81] Женская песня (арауканская)

Когда эта женщина вышла замуж,

Муж взял ее с собой,

Повел ее в страну далекую,

Отвел ее в Huinfali.

Подходя, она пела:

«Иду из земли далекой;

земля эта голубая-голубая.

Я пришла сюда с плачем,

Я лить слезы не переставала.

Я иду, — говорила женщина, —

Из далекой земли, далекой.

Я потеряла моего друга, уем⁵⁹⁶!

«Верни мне мой небо синее, старик в белом. Верни мне облако мое белое, старый дух с седой головою. Верни мне мое жаркое солнце в небе, старый дух»⁵⁹⁷.

[ms. 82–84] <Эсхил. «Семеро против Фив»; в оригинале греч.>

<Хор>

Как больно мне! Город старинный наш
Исчезнет в Аиде, поработенный
Копьем, сыпучей ляжет золой,
Разграблен дочиста и разгромлен
Воинами Ахеи.

А женщин, хоть девушек, хоть старух,
За косы, как кобылиц — за гривы,
В одеждах изодранных поведут
В плен, и пустого города гул
Сольется в единый горестный стон
С воплем невольниц. Доли такой
Боюсь и дрожу от страха.

Как страшно, когда до срока цветок
Девичества сорван, и дом покинут,
И только горький путь впереди.
По мне, уж лучше смерть, чем такая
Тяжкая, злая доля.

О, если наш город не устоит,
Мук не исчислить, бед не измерить.
Тогда-то и жди разгула убийств,
Кровопролитья, насилия. Дым
Окутает город. Это Арес,
Бешеный бог, святыни крушит
И смертных, как траву, косит⁵⁹⁸.

<Предводительница хора>

Молчу. Что суждено, со всеми вытерплю⁵⁹⁹.

<Хор>

Копьями рассечен, воздух свистит в ушах.
Что терпит город, боги, что с ним станется?
К концу какому приведете нас?
Не отдавайте город в бою
Чужеземным полкам!⁶⁰⁰

<Этеокл>

Свободный край наш и твердыня Кадмова
Да не узнают рабского ярма вовек!⁶⁰¹

<Этеокл>

Отец, отец! Его проклятье черное
С меня сухих — в них слез нет — не спускает глаз
И говорит, что лучше умереть скорей⁶⁰².

<Этеокл>

Решимости словами притупить нельзя.

<Предводительница хора>

И недостойных бог победой жалует.

<Этеокл>

Такие речи не по нраву воину⁶⁰³.

<Вестник>

Земли получают столько, сколько гроб займет,
В который сыновей отец проклятьем свел⁶⁰⁴.

[ms. 85–87] <Эсхил. «Агамемнон»; в оригинале греч.>

<Хор>

Ах, если б легкую, быструю смерть,
Без изнуряющей боли, без мук,
Сон бесконечный, блаженный покой
Мне даровала судьба!

Мертв он, страны моей доблестный страж,
Женщина мукам его обрекла,
Женщина жизни лишила⁶⁰⁵.

<Хор>

Убит убийца, ловец изловлен.
Доколе властвует в мире Зевс,
Горе преступнику. Вот где правда⁶⁰⁶.

<Кассандра>

О, горькая судьба,
Удел многострадальный!
И я в котел беды
Свою печаль влила.
Зачем сюда привел меня, несчастную?
Чтоб смерть меня постигла здесь! Зачем еще?

...

О гибель дорогих, Париса брачный пир!
О мой Скамандр, земли родной река!
Меня когда-то берега твои,
Несчастную, вскормили.
Но, видно, скоро над Кокитом сумрачным,
Над Ахеронтом буду я предсказывать⁶⁰⁷.

<Кассандра>

О город, город мой, повергнутый во прах!
Обильными дарами алтарям
Несчастный мой отец спасти хотел
Троянские твердыни.
Но тщетно! Город наш изведal худшее,
А я комком кровавым упаду сейчас⁶⁰⁸.

<Кассандра>

Он-то и воздаст хозяину,
Ах, моему хозяину — ведь я раба!⁶⁰⁹

<Кассандра>

В мое сердце ввергается поток желтоватых красок, подобно тому, что у сраженных сопутствует последним проблескам жизни, в час, когда быстрыми шагами приближается смерть⁶¹⁰.

[ms. 88] <Эсхил. «Эвмениды»; в оригинале греч.>

<Предводительница хора>

Уже ни Аполлон, ни Афина не спасут тебя. Погибнешь, оставленный всеми, душа, навсегда лишенная отрады, тень, лишенная крови, которой напьются богини⁶¹¹.

<Афина>

Так где предел преследованию убийцы?

<Предводительница хора>

Там, где никогда не слышали о радости⁶¹².

<Орест>

Царь Агамемнон, воинства морского вождь.

Ты вместе с ним твердыню Илионскую

Низвергла в прах⁶¹³.

<Хор>

Не соглашайся жить скорее в безвластии, чем при деспотии. Боги везде отдают первенство умеренности, только она ограничивает их капризную власть. Своевременно напомнить тебе: наглость — дочь неблагочестия⁶¹⁴.

<Аполлон>

Но тот, кто умер, оросив земную пыль

Своею кровью, тот уже не встанет, нет.

Заклятия такого и родитель мой

Не знает⁶¹⁵.

[ms. 89] <Эсхил. «Хоэфоры»; в оригинале греч.>

<Орест>

Но знайте... Чем я кончу, сам не ведаю...
С ристалища метнулись кони разума
И понесли возницу... Мыслей бешеных
Не удержать мне... К сердцу подступил и песнь
Заводит Ужас; рвется в лад подплясывать
Той песни сердце. Слушайте ж, друзья, пока
Я в разуме! Казнил я правосудно мать...⁶¹⁶

<Тень Клитемнестры>

Во сне глаза души сверкают, зоркие...⁶¹⁷

<Хор>

И словно под ударами бича,
Казнима палачом,
Я вся дрожу, я вся трясусь в ознобе⁶¹⁸.

<Аполлон>

Ужасно для богов, как и для смертных, негодование молящего
против того, кто его сознательно предал⁶¹⁹.

<Хор>

Это невозможно! Материнскую кровь, пролитую наземь, не со-
брать, увы! Жидкая, впитанная землей, она потеряна навсегда⁶²⁰.

[ms. 90–91] <Эсхил. «Агамемнон»; в оригинале греч.>

<Клитемнестра>

Сегодня Трою заняли ахеяне.
Нестройный там сейчас, наверно, гул стоит.
Смешай в одном сосуде масло с уксусом —
Недружные, разъединятся жидкости.
И не сольется с кличем победителей
Вопль побежденных: это две судьбы кричат.

Одни простерлись в горе, охватив тела
Мужей и братьев, старики родители
Припали к детям, граждане свободные
Рабами ныне стали, схоронив родных.
Зато другие, после всех превратностей
Ночного боя, бросились, голодные,
К еде какой придется, кто куда, бегом:
Здесь ряд и строй забыты и потеряны.
Уже в домах троянских завоеванных
Живут ахейцы — не придется мокнуть им
И мерзнуть на ветру. Всю ночь, счастливые,
Проспят без охраненья, не боясь врага⁶²¹.

[Здесь к греческому тексту Симона добавляет свой перевод
ст. 326–329:]

Одни — вокруг убитых, на земле,
вокруг своих иль братьев, или суженых,
отцов-старцев, и отныне уже не вольный,
их вопль стоит над милыми и их судьбой⁶²².

<Хор>

Ярму судьбы подставляя выю,
Ожесточаясь решением диким,
Бесчестным замыслом и безбожным,
Не ведал робости Агамемнон.
Увы, от первого преступления
Родится дерзость у человека.
Он решил дочь убить,
Чтоб отплыли корабли,
Чтоб скорей начать войну
Из-за женщины неверной.
Ни воплями, ни мольбой дочерней,
Ни молодой красотой нежной
Вождей военных не тронет дева.
Отец молитву свершил и слугам

Велел схватить ее, в плащ закутать,
Как козочку, на алтарь повергнуть,
Наклонить лицом вперед
И, чтоб дома своего
В этот миг не прокляла,
Рот зажать ей, да покрепче!
Уздой накрепко станут рот.
Ручьем шафрановым покрывало
Струится наземь. А стрелы глаз,
Как на картине, с немой мольбой,
Она метнула в убийц...⁶²³

[ms. 92] <Эсхил. «Данаиды»>; в оригинале греч. и перевод
Симоны:>

<Речь Афродиты>

Святое небо подвижно любовью
С землею слиться, а земля — принять его;
Дождь, с неба страстно бьющий в землю ждущую,
Плодотворит, и на земле рождаются
И люди, и скоты, и все Деметрины
Плоды, и в брачном ливне древета цветут.
Таков сей брак, и я — тому причиною⁶²⁴.

[ms. 93] <Софокл. «Антигона»>; в оригинале греч.>

<Антигона>

Солнца луч, никогда еще
Светом ты не дарил таким
Семивратные Фивы!
Лик ты нам наконец явил,
Око рдяного дня, взойдя
Над потоком Диркейским.
Воин Артоса, тот, что к нам,
Весь закован в броню, пришел
Со щитом своим белым,

Быстрым бегом назад бежит,
Пораженный тобою⁶²⁵.

[Здесь к греческому тексту Симона добавляет свой перевод:]

<Антигона>

Луч солнца, прекраснейший из всех светов,
что являлись над Семивратными Фивами,
наконец ты явился, око дня золотого!⁶²⁶

[ms. 94] <Софокл. «Антигона» ; в оригинале греч. и перевод
Симоны:>

<Антигона>

Смотрите на меня, люди отчей земли, сограждане,
Вот мой последний путь
которым я иду, вот последний луч
солнца, что вижу —
и больше никогда. Ибо та, что всем дает покой,
Смерть, живую уводит меня
к берегам Ахеронта. И брака
не отведала я; на браке моем песнь никогда
не будет спета, ибо с Ахеронтом свадьба моя⁶²⁷.
(...)

[ms. 96–97] <Софокл. «Антигона» ; в оригинале греч. и перевод
Симоны:>

<Хор>

Эрот, в бою непобедимый,
Эрот, что обрушиваешься на жилища,
что на нежных щеках
юных дев почиваешь!
Ты странствуешь за моря, и
<обитаешь> в сельских хлевах.

Никто из бессмертных не в силах тебя избежать,
ни из людей, чья жизнь скоротечна как день,
и каждый, кто тобой обладает, безумен.

Чрез тебя и у праведных — грешные
мысли вселяются в чресла:
чрез тебя — эта распря между
единокровными всколыхнулась.
Победно желанье, в блеске очей,
в ложе прекрасном девы, в величии их
соединенное от начала
с законами; пребывает непобедима
божественная Афродита⁶²⁸.

Вожделение⁶²⁹

[ms. 98–99] <Эсхил. «Агамемнон»; в оригинале греч.>

<Хор>

Но черную кровь человека, однажды пролитую на землю, никакой
заклинатель не призовет снова в жилы, откуда она истекла⁶³⁰.

<Хор>

Но человек, что всею своей душой, прославит имя победное Зев-
са, высшую обретет мудрость.

Он открыл для людей пути благоразумия, дав им вместо закона:
«страдать, чтобы постичь»⁶³¹.

<Эсхил. «Просительницы»; в оригинале греч.>

<Предводительница хора>

Но знай: ужасен гнев и Зевса молящего!⁶³²

<Хор>

Воззри на того, кто с высоты смотрит на всех, на защитника смерт-
ных скорбящих, что, обхватив колени таких же людей, не получают

того, что закон им дает. Помни: ярость Зевса молящего ждет всякого, кто бесчувственен к плачу страдальцев!⁶³³

Ζεὺς Ξένιος⁶³⁴

Ζηνὸς Ἰκτῆρος κότον⁶³⁵

<Мелеагр. Весна; в оригинале греч.⁶³⁶>

Ветреная зима скрылась из наших небес,
Зардевшись улыбкой, приносит цветы твое время, весна;
Земля темная сладостно снова покрылась травой,
Деревья, в юности их, волосом новой листвы.
Вы же, что нежно пьете, наливаясь росой зари,
Смеетесь, луга, когда распускается роза.

[ms. 100–101] <Эсхил. «Прометей прикованный»; в оригинале греч. и перевод Симоны:>

<Прометей>

О ты, Эфир божественный, и вы,
О ветры быстрокрылые, и реки.
И смех морских неисчислимых волн,
Земля-всематерь, круг всезрящий солнца, —
Вас всех в свидетели зову: смотрите,
Что ныне, бог, терплю я от богов!
Поглядите, в каких
Суждено мне терзаниях жизнь проводить
Мириады годов!
Позорные узы обрел для меня
Новоявленный царь блаженных богов.
Увы! я рыдаю об этой беде
И о бедах грядущих, — и где же предел
Моих бесконечных страданий?
Но что ж говорю? Ведь раньше я и сам
Предвидел все грядущее, и нет
Нежданных бедствий для меня. Я должен

Свою судьбу переносить легко:
Нельзя преодолеть Необходимость.
Но тяжело и молчать и говорить
Об участи моей. Ведь я, злосчастный,
Страдаю за благодеянья смертным⁶³⁷.

[ms. 102–103. Пустые страницы]

[ms. 104–105. Пространные выписки из «Иша-упанишады»⁶³⁸
на деванагари, с переводами.]

[ms. 107. Стихотворение Симоны «Необходимость». См.
его более поздний вариант: K4, ms. 120.]

[ms. 108] Фробениус⁶³⁹. «Атлантида».

Верхняя Касаи. Фиди Мукуллу⁶⁴⁰ призывает Солнце, Луну, Плеяды и человека и посылает их выжать пальмового вина. Солнце приносит вино, не отпив от него. Фиди его спрашивает, оно говорит, что не пило. Фиди посылает его в ров⁶⁴¹; оно говорит, что вернется завтра, и так и делает. То же и с Луной; она возвращается через месяц. То же и с Плеядами; они возвращаются, когда подходит к концу сезон засухи. После всех посылает человека. Он приносит вино, он его пил. Фиди его спрашивает — он отвечает, что не пил. Фиди посылает его в ров, и он уже не приходит обратно⁶⁴². [У других племен то же, но бананы; у других — человек съел плод дерева, который ему не принадлежал.]

Водопад Каш (Кордофан⁶⁴³). Короля ритуально убивают после шести лет правления, в момент, который жрецы указывают по звездам. У короля есть раб с Востока, из-за моря (Индия?), который его спасает своим умением рассказывать истории. Слушая его, жрецы забывают наблюдать за звездами. Этот король отменяет обычай. Правит в великом благоденствии. После него правит раб. Правит в еще большем благоденствии. А после его смерти соседи, завидуя этому процветанию, вторгаются в страну, и она подпадает под иго врагов. (...)

[ms. 109] (Верховья Нила. Кордофан, водопад Каш).

Муса. — Человек очень сильный, очень богатый, с многочисленным семейством. Разбойники убивают его семью, забирают все имущество. Спасаясь от льва, попадает в яму, вырытую для <охоты на> слона. Его обнаруживают здесь в лохмотьях, избитого, израненного, с вытекшим глазом.

Один человек говорит: «Этот Муса когда-то убил моего родственника. Тогда Муса был богачом, и я не мог ему ничего сделать. Теперь он нищ и жалок, я хочу его убить. Эй, отдайте мне Мусу как пленника!» Остальные переглянулись, говорят ему: «Бери своего пленника! Мы не будем тебе мешать». И Муса становится рабом... Тот человек говорит Мусе: «Сегодняшний день проведешь как раб в цепях, а завтра тебя убью». [Товарищ Мусы, скованный с ним одной цепью, хочет бежать.] Муса говорит: «Я не побегу. Для чего мне эта жизнь, если даже я убегу?» Товарищ, связав Мусу и заткнув ему рот клепом, забирает его с собой насильно. На них нападает лев и разрывает товарища. Тут Мусе встречается богатый араб, староста селения. <Муса> «потерял все, что имел, его семья была перебита. Он носил на ноге железное кольцо пленника». Он умоляет араба принять его в услужение. Араб, который его не узнал, соглашается. Затем, поняв, что этот человек некогда был богат, араб женит его на своей сестре. Он дает ему стада скота и чем обставить жилище.

Но прямо перед тем, как это пришло, Муса, охраняя стада, по ошибке убил сына араба, когда он возвращался из путешествия. Никто не узнал, что это сделал Муса. И вот, у Мусы родился свой сын. Когда сын подрастает, Муса отправляет его к арабу, открывает ему всё и просит убить юношу. Но араб отдает за юношу свою дочь и возвращает его к отцу, одарив богатством. Затем араб едет навестить Мусу.

Похитителя лошадей нападают на араба; Муса обращает их в бегство. Араб уходит. Тогда Муса, вспомнит всё, что получил от этого человека, говорит себе: «Я сделал ему столько зла, а он столько раз сделал мне в ответ добро. Я не знаю, что еще делать. Я не могу оставить его в живых. Надо его догнать, надо его убить».

Верхом Муса догоняет араба и говорит: «Ты мне делал только добро; но ты мне столько его сделал, что я не смогу тебе за него отплатить, если бы даже работал на тебя всю жизнь как слуга. И я больше не могу видеть тебя живым. Я должен тебя убить». Араб тщетно пытается его образумить, но Муса говорит: «Я не могу оставить тебя в живых, ты сделал мне слишком много добра». Арабу удается бежать, он рассказывает обо всем в своем селении. Люди из селения захватывают Мусу, приводят его связанным к арабу, и тот, видя его в прежнем расположении духа, решается его умертвить, чтобы сохранить свою жизнь.

Жена Мусы тщетно умоляет своего брата и своего мужа. Она развязывает Мусу, но тот не хочет бежать. «Я не побегу, я не уйду отсюда, пока не убью твоего брата, ибо он сделал мне столько добра, что я не могу оставить его в живых». Наконец, жена зовет брата, говоря ему, что Муса хочет ему что-то сказать. Араб, хоть и подозревает неладное, но все-таки идет. Муса его тут же убивает. На следующий день люди из селения убивают Мусу и берут себе все стада и всё имущество обоих убитых.

«Дети Мусы были проданы в рабство. А Шерифия [его жена], одетая в рубище, с того дня и до конца жизни ходила от дома к дому, прося милостыню». (...)

[ms. 110] <Софокл. «Антигона»; в оригинале греч. и перевод Симоны:>

Неоплакана, без близких,
Не изведавшая брака,
Ухожу я, злополучная,
В предназначенный мне путь.
И очей священных солнца
Мне не зреть уже, несчастной.
Неоплаканную долю
Не проводит стон друзей⁶⁴⁴.

[ms. 111] <Шекспир. «Король Лир»; в оригинале англ.>

Не дай сойти с ума, благое небо.

Дай сил. Я не хочу сходить с ума.

[...]

Вздымаются до сердца эти спазмы;

Hysterica passio! Вниз, недуг!

Там твое место. Где же эта дочь?

[...]

О, мое сердце, мое возмущенное сердце! Уймись же!

[...]

Небеса!

Коль старцы вам угодны, если любо

Повиновенье вам, коль сами стары, —

Меня к себе возьмите под защиту!

[...]

Терпенья, небо! Мне терпенье нужно.

Смотрите, боги! Бедный я старик,

Я удручен годами, ими презрен.

Раз дочери сердца восстановили

Против отца, да не снесу обиды

Безропотно. Внушите правый гнев,

Не допустите, чтоб слезою бабьей

Мужские щеки пачкались. — Нет, ведьмы,

Я отомщу обеим вам жестоко.

Мир содрогнется!.. Я еще не знаю,

Что сделаю, но сделаю такое,

Что страшно станет. Думаете, плачу?

Нет, не заплачу...⁶⁴⁵

[ms. 112] (за 2000 лет до Христа)

«Я создал четыре ветра, чтобы всякий человек мог дышать как и его собрат; великие воды, чтобы бедный мог пользоваться ими как и его повелитель; я создал каждого человека подобным его собрату. И я запретил им делать несправедливости, но их сердца растеряли то, что предписывало мое слово»⁶⁴⁶.

[ms. 113] <Джордж Герберт; в оригинале англ.>

Любовь

Любовь меня звала — я не входил:
Я грешен был пред ней,
Но зоркий взгляд Любви за мной следил
От самых первых дней,
Я слышал голос, полный доброты:
— Чего желал бы ты?

— Ты мне достойных покажи гостей!..
— Таков ты сам, — рекла...
— Ты слишком, при греховности моей,
Для глаз моих светла!..
Любовь с улыбкой за руку взяла:
— Не я ль их создала?

— Я осквернил их, я виновней всех,
И жжет мне сердце стыд...
Любовь: Не я ли искупила грех? —
И мне войти велит
На вечерю: — Вкуси, будь полон сил!..
И я сей хлеб вкусил...⁶⁴⁷

[ms. 114–117. Пространные выписки из «Филеба» и «Послезакония» Платона.]

[ms. 118] <Шекспир. «Мера за меру»; в оригинале англ.>

Ах, возьми и губы те,
Что так сладко мне клялись,
И глаза, что в темноте
Ложным солнцем мне зажглись;
Но верни печать любви, печать любви,
Поцелуи все мои, все мои!⁶⁴⁸

<Теофиль де Вио. «Стансы»>

Прекраснейший из дней, в веках непревзойденный,
Из весен лучшая, что на земле цвела,
Для нас — пора любви, и нам она дала
Все лучшие дары красы пеннорожденной.

Все, чем свою сестру украсил Аполлон,
Не стоит вашего пленительного взора,
И не милее вас в златом венке Аврора,
Когда к ней тянется влюбленный Арион⁶⁴⁹.

[ms. 119] <Кристофер Марло. «Пылкий пастух к своей любви»>

Приди, любимая моя!
С тобой вкушу блаженство я.
Открыты нам полей простор,
Леса, долины, кручи гор.

Мы сядем у прибрежных скал,
Где птицы дивный мадригал
Слагают в честь уснувших вод
И где пастух стада пасет.

Приди! Я плащ украшу твой
Зеленой миртовой листвою,
Цветы вплету я в шелк волос
И ложе сделаю из роз.

Тончайший я сотку наряд
Из шерсти маленьких ягнят.
Зажгу на башмаках твоих
Огонь застежек золотых.

Дам пояс мягкий из плюща,
Янтарь для пуговиц плаща.
С тобой познаю счастье я,
Приди, любимая моя!

Для нас весною у реки
Споют и спляшут пастушки.
Волнение сердца не тая,
Приди, любимая моя!⁶⁵⁰

[ms. 120–121] <Эсхил. «Агамемнон»; в оригинале греч.>

<Кассандра>

Увы, увy мне: о доля звонкоголосого соловья! Боги даровали ему
крылатый облик и сладкую жизнь без слез. Меня же ожидает удар
обоюдоострого меча!⁶⁵¹

<Корифей>

Будь уверена, ибо хорошо выносишь страдания мужественной
душой.

<Кассандра>

Никому из счастливых так не говорят⁶⁵².

<Хор>

Каждый помнит тех, кого он проводил.
Но вместо мужчин в каждый дом возвращаются урны и пепел.
О Арес, меняла смерти...⁶⁵³

<Хор>

Видят боги тех, кто пролили потоки крови⁶⁵⁴.

<Хор>

Она сначала вошла в Илион, будто покой затишья, которого не
волнует никакой ветер, ... нежная стрела, что целит в глаза, цвет же-
лания, что опьяняет сердца⁶⁵⁵.

<Софокл. «Электра»>; в оригинале греч. >

<Электра>

О памятник того, кто всех любимей!
Душа Ореста — здесь... Увы, о том ли
Мечтала я, когда его спасала!
И вот держу в руках своих — ничто...
А уходил ты, милый мой, цветущим!⁶⁵⁶

И вот вдали погиб ты, как беглец,
Без родины, без дома, без сестры⁶⁵⁷.

Увы мне, бедной! Стало быть, напрасен
Был сладостный мой труд, когда, бывало,
Я нянчила тебя⁶⁵⁸.

И вот все вдруг исчезло в день один.
Все умерло с тобою. Ты ушел
И все унес, как буря...⁶⁵⁹

Прими, прими сестру в приют свой тесный!
Ничтожная, да перейду в ничто...
За гробом вместе будем жить! Ведь здесь
Одной мы жизнью жили... Умерев,
Хочу с тобой я разделить могилу.
Умершие не ведают скорбей!

<Корифей>

Ты — смертного отца дитя, Электра.
Был смертен и Орест. Не убивайся:
Единая всем участь суждена⁶⁶⁰.

[ms. 122] Африканские песни⁶⁶¹.

Kilima muzuri mbali
Karibu Kinamayuto!

Как прекрасна эта гора издалека! Почему суждено ей быть столь жестокой на подъеме! [Песня носильщика.]

Warine ngolo buya
Yaodale tambwe!

Пусть тот, кто находит красивой зебру, пойдет посмотреть на льва!

Берберские песни (в переводе бербера, Ж. Амруша).
[Довольно адаптированные]⁶⁶²

Горе мне.
Подламываются мои колени, будто источенные червями.
Каналы моей жизни разрушены.
Рот мой полон горечи
От олеандров и васильков.
Допустил ли я какое-то прегрешение, не знаю.
Молю тебя, Боже мой, будь ко мне милостив.
Прошу тебя, птичка синеглазая,
Сядь к ее окошку —
Юной девушки, милой моему сердцу.
Рядом с нею горит светильник,
Запах амбры наполняет комнату
и постель, что расстилают ее руки.
Уснуть бы с ней до света
Среди игры и смеха
И семь дней не вставать!

«Иггдрасиль». Старинная китайская песня (крестьянская)⁶⁶³.

Ах, что мне делать?
Столько мужчин на свете,
А думаю о тебе одном.

Ирландия, гэльский язык, XIX в.
Оплакивание повешенного брата⁶⁶⁴:

[...]

Даноба Белый, ты не был рожден для петли,
Но чтоб ходить на гумно, чтобы хлеб молотить,
Чтоб плуг, обращая то вправо, то влево водить,
Вскрывая лемехом красную мякоть земли.

[...]

Оплакивание сына (рыбака), погибшего в море:

...Будь проклят навеки этот песок под водой,
Что оставил меня в трауре, с углем вместо сердца⁶⁶⁵.

Июль 1939. Статья Ол<ивье> де Бувеня⁶⁶⁶ об африканских песнях:

«Когда перетирают зерна камнями или толкут в ступке, поют, чтобы камень, очарованный пением, трудился сам. Люди,двигающие повозку, улавливают ритм ступицы или скрипа колес и поют; тогда ничто не в силах ее остановить. И т. п.»⁶⁶⁷

[ms. 123–125. Пространные выписки из «Дао дэ цзин» и «Чжуан-цзы».]

[ms. 126–128] Манихейские гимны, переведенные (Бенвенистом⁶⁶⁸, дословно) с парфянского, из текстов, обнаруженных в песках Туркестана. IV–VIII вв.

Waldschmidt–Lentz. Die Stellung Jesu im Manichäismus — Andreas <и> Henning. Mitteliranische Manichaica aus Chinesisch-Türkestan, III. Yggdrasil, 1937⁶⁶⁹.

I

[...]

Испешдый от света и от богов,
Я здесь в изгнании и оторван от них.

Враги мои, обрушившись на меня,
Загнали меня к мертвецам.
[...]

Я — бог, и рожден от богов,
Сияющий, сверкающий, полный света,
Издающий лучи, благоуханный, прекрасный,
Ныне же обреченный страдать.

Несчетные бесы схватили меня
[...]
Душа моя потеряла мужество;
Они схватили меня зубами, истерзали, разорвали.

Эти демоны, якшасы и пери
[...]
Они причинили мне скорбь и смерть.

II

Они набрасываются на всякое создание,
Чтобы искалечить и разрушить, лишить всякой силы.

И страдание настигает всех, обитающих здесь:
Его без жалости обращают в ничто.
[...]

О, да сможешь ты избавить меня от этого бездонного небытия,
Из темной пропасти, которая есть одно изнурение,

Одни муки, одни раны, до самой смерти,
Где не найти ни помощника, ни друга;

Никогда, от века, здесь не найти спасения;
[...]
Здесь все полно темниц, отсюда нет выхода,
И каждый, кто попадает сюда, избит и изранен.

[...]

Я вижу лученосного Спасителя передо мной;

[...]

Он направляет мои очи к той стране;

Я вижу Вестника, берущего на себя всякую смерть,

И всякое разрушение удаляется от меня.

[...]

И он говорит мне: Идем, душа, ничего не бойся!

Я твой Манухмед*, твоя порука, твоя печать...

[...]

[На полях:] *voũς⁶⁷⁰

III

[...]

Заратуштра «Тяжко пьянство, в котором ты лежишь.
Восстань и посмотри на меня!
Привет тебе от мира мира,
Откуда я послан ради тебя».

Душа З<аратуштры> Она отвечала: «Это я, это я,
Нежное и невинное дитя Шрошава,
В этом смешении я терплю страдания.
Спаси меня от этой смертной туги!»

З<аратуштра> Заратуштра, приветствуя, спросил ее:
«[...]
От силы живых и из превысших миров
Привет твой родины пусть достигнет тебя!
Следуй за мной, дитя сладости,
Увенчай твой лоб сияющим венцом,
Сын могущественных, который
так обнищал,
Что вынужден просить милостыню
где придется»⁶⁷¹.

[ms. 129] Гимн к Земле из Атхарваведы («Иггдрасиль»)⁶⁷².

[...]

Ты несешь (на себе) двуногих, ты — четвероногих.

Твои, о Земля, эти пять родов человеческих,

Смертные, для которых восходящее солнце

Протягивает лучами бессмертный свет.

[...]

Да не полечу я вниз, опираясь о место, (где живу)!

[...]

Когда мы ложимся на тебя, распростертые,

(Касаясь) ребрами (тебя), обращенной (к нам),

Не повреди нас, Земля, в этом случае,

О (ты), служащая ложем для всего!

[...]

Пусть холмы твои (и) горы, покрытые снегом,

Лесные заросли твои, о Земля, будут дружелюбны!

На Земле коричневой, черной, красной, всех цветов,

На устойчивой Земле, защищенной Индрой,

На Земле стоял я,

Не угнетенный, не убитый, не раненый.

Что твоя середина, о Земля, и что пуповина,

(И те) питательные силы, что возникли из твоего тела, —

В них нас помести, очищай нас!

[...]

[ms. 130. Пустая страница.]

[ms. 131. Американская версия шотландской народной баллады.]

Лилия долин

Гуляла Лили на бережке,

О лилия долин!

Глядь, двое малюток играют в песке
У края зеленой травы.

Ах, если б я матушкой вашей была,
О лилия долин!
Одела бы вас в дорогие шелка
У края зеленой травы.

Когда ты матушкой нашей была,
О лилия долин!
Ни ветхой тряпицы нам не дала
У края зеленой травы.

Ты нас схоронила у быстрой волны,
О лилия долин!
Без чистой сорочки, без пелены
У края зеленой травы⁶⁷³.

[ms. 132–144. Записи испанских народных припевов — sor-las, большей частью с переводом Симоны; приводим часть из них⁶⁷⁴.]

— А теперь — да! — моя очередь петь
Счастливо и радостно,
Ибо вышла в танец
Та красавица, что я люблю!

— Когда ты выйдешь танцевать,
Расправив свои плечи,
Кажешься королевским орлом,
Что взлетает с гнезда.

— Говорят, есть на свете вещь,
Что зовется любовью,
Которая если взойдет в грудь, —
Жалит и обжигает...
О Иисусе, какой ужас —

Любовь, что я впустила,
Сама того не зная!

— Тот, кто был ничем
И сделался чем-то,
Ходит такой важной птицей,
Будто в мире подобных нет.

— Богач, однажды я стал нищим,
Чтобы посмотреть, что подадут на свете,
А увидел, что нищему
Никто и в глаза не посмотрит.

— Никогда такого бедолагу, как я,
Ни одна мать не рожала:
Добра у меня — только рубашка,
И той постирать некому.

— Есть четыре великих нужды,
Что приходится терпеть человеку,
По моему смиренному мнению:
Голод, зной, жажда и любовь.

— Ох, горе мне,
Что пускаю на ветер мои вздохи;
Ветер их уносит,
А собрать некому.

— Будь проклят тот, что дал мне
Столько любви, чтобы тебя желать,
А сегодня, чтобы тебя забыть,
Муку смертную терплю.

— Некому меня любить:
Любят только матери,
А вот и умерла моя мать!
Моя мать умерла,

Не осталось матери на свете.
Ох, матушка, что была у меня!

— Ох, и бедный я щегол:
только от гнезда взлетел,
сорванцы меня поймали,
за два гроша продали.

— Видят, как я смеюсь, — говорят,
Что лучше всех моя доля;
А я так уж притерпелся,
Что смеюсь от боли.

— Хочешь стать невидимкой,
Каков бы ты ни был?
Нет лучше для этого средства,
Чем стать бедняком.

— Нашелся бы человек на свете,
Чтобы подарил мне свободу, —
Я бы сам себе железом выжег клеймо на лице,
Сам стал бы ему рабом⁶⁷⁵.

— Когда был свободен, ты меня любила,
Теперь в тюрьме тебе внушаю ужас.
Горе тому, кто попался
На произвол судей!

— Целый день хожу спокойно,
А как придет час молитвы,
Сердце мое становится
Будто мельничный жернов.

— Каждый раз, как взгляну на небо,
Слезы у меня текут.
Не знаю ни отчего, ни зачем,
Только плачет вся моя душа.

— Ради тебя забыла Бога,
Ради тебя потеряла честь.
И вот теперь осталась
Без Бога, без чести и без тебя.

— Оставь меня искать Бога,
Женщина, что мной пользовалась.
Тебе нечего у меня больше просить,
А мне нечего тебе дать.

— Когда о добре не знал,
То жил счастливо;
А как узнал, где оно живет,
Ради него умираю.

— Когда ты меня полюбишь
Так, как я тебя люблю,
Говори мне о том помалу,
Коль скажешь сразу, — умру.

— Когда тебя на улице встречаю,
Поднимаю глаза и на тебя смотрю;
И из глаз моих слезы льются
Словно ниточка вьется.

— Я один и ты одна,
Один да один — будет два.
Двое, которым надо стать одним.
Ох, если б то Бог дал!

— Если и за единый взгляд
Давать ответ Богу,
Какой ответ суровый
Держать нам с тобою!
А я-то хотел
Исправиться, душа моя,
Да так и не сумел.

Тетрадь III (К3)

Марсель,

январь — начало сентября 1941⁶⁷⁶

Тетрадь III являет первые плоды знакомства Симоны с индийскими источниками — Упанишадами и комментариями к ним, «Бхагавад-Гитой, «Рамаяной» и др. В ней также отражены размышления над важнейшим для Симоны понятием посредства (она часто пользуется его греческим эквивалентом: μεταξύ). Симона рассматривает посредствующие звенья повсюду — во взаимодействиях физических сил, в числовых соотношениях, в человеческом восприятии и познании, и т.д. Посредство для нее — универсальная категория, характеризующая отношение мыслящего человеческого «я» со всем существующим. Симона уделяет здесь особенное внимание этическому и гносеологическому аспектам, но уже здесь можно почувствовать, что следующий этап ее размышлений будет богословским. Евангельское учение о Боге-Логосе (греческое λόγος, родственное слову λέγω — собираю, считаю, первым значением имеет: число), будет осмыслено ею как утверждение закона божественного Посредства. Истинная религия — та, что учит о посредстве Бога с Самим Собой (такими Посредствами являются друг для друга лица Троицы) и о посредстве Бога с миром (т. е. о Воплощении и Страдании Бога-в-человеке). Это посредство, в глазах Симоны, соединяет всё — небесное и земное, вечное и временное, самое прекрасное и самое отвратительное. Его же выражением и инструментом оказывается и человеческое страдание в своей самой полной и непреодолимой форме — форме несчастья. Объёмлющая всё это колоссальная шкала (стоит ли напомнить,

что *scala* означает «лестница»?) определяет подход Симоны к религиям, к явлениям культуры, науки, политики, повседневной жизни.

При всей эпизодичности знакомства Симоны с войной (ее ужасы обошли ее стороной, она их не только не перенесла, но практически даже не видела), в Тетради III заслуживают особого внимания мысли о войне — весьма зоркие, при всей внешней простоте — которые, кажется порой, было бы весьма небесполезно учитывать как тем, кто принимает политические решения о войнах, так и тем, кому приходится принимать этот вызов.

[ms. 1] Упанишады.

Λ⁶⁷⁷ *Атман*⁶⁷⁸. — Пусть человеческая душа примет в качестве тела всё мироздание. И имеет ко всему мирозданию такое же отношение, как относится коллекционер к своей коллекции, как относится солдат, умирающий с криком: «Да здравствует Император!», к Неаполеону. <В этих примерах> душа переносится из своего тела вовне, в другой предмет. Так пусть она перенесется во всё мироздание.

Это не только ее обязанность, но ее природа. Доказательство: мы любим любую вещь не иначе, как для себя самих («я» — единственная ценность). [Поскольку] «я» не умеет быть конечным, оно распространяется на <весь> мир⁶⁷⁹.

«Я» так же велико, как мир; все звуки сходятся в одно ухо, и т. д. (Оркестр, одна линия записи фонографа, но барабанная перепонка...⁶⁸⁰)

Отождествить себя с самим мирозданием. То, что меньше мироздания, подлежит страданию [будучи частью целого и, следовательно, открытое <воздействию> внешних сил].

Λ⁶⁸¹ Пусть я умру, мироздание будет существовать. Но это меня не утешит, если я — нечто иное, нежели мироздание. Но если мироздание для моей души — как второе тело, то моя смерть перестает быть для меня важнее, чем смерть кого-то неизвестного. Так же и мои страдания.

Пусть же все мироздание станет для меня, по отношению к моему телу, тем, чем является для слепого его посох по отношению к руке. Фактически, его восприимчивость теперь <сосредоточена> не в его руке, а в конце посоха⁶⁸².

Этому нужно обучаться.

В общем, речь идет о потере перспективы⁶⁸³. (Не соответствуют ли, в том числе, и этому интерес китайцев к левитации и воздушная перспектива⁶⁸⁴ в <их> живописи?)

Но как, в таком случае, можно продолжать действовать в качестве отдельного человека? [ms. 2] Тема «Гиты»⁶⁸⁵.

В страдании, можно сказать совершенно точно, мироздание исчезает для нас (пример — тяжелая физическая боль). Но мы знаем, что оно продолжает существовать. Мы это знаем, но не уверены в этом всем существом. Надо стать такими, чтобы мы были в этом полностью уверены. Ничего более. Этого достаточно.

«Желания, которые суть реальность, покрыты ирреальным; они существуют, но ирреальное маскирует их. Таким образом, человек, если кто из его близких умрет, больше не имеет возможности видеть его. Но все его близкие, живые и мертвые, и всё, что он желает и не может получить, он может найти всё это внутри себя. Ибо именно там живут желания, которые суть реальность, но которые покрывает ирреальное»⁶⁸⁶.

Если сойти в самих себя, то обнаружим, что обладаем именно тем, чего желаем.

Желая такого-то [умершего] человека, мы желаем отдельного человека, следовательно, смертного; и желаем именно этого человека, того, который..., который.... и т. д.: короче говоря, желаем именно этого человека, умершего такого-то дня, в таком-то часу. И вот мы его имеем — мертвым.

Желая денег, мы желаем денег [как социального установления], как того, что может быть добыто посредством того-то и того-то; итак, мы желаем их в меру того, что...; но в этой мере мы их имеем.

Страдание, пустота, в таких случаях есть способ существования желанных нам предметов. Уберем же завесу ирреальности, и увидим, что они таким образом нам даны.

Видя это, мы все-таки страдаем, но мы — счастливы.

[ms. 3] Обрести Атман, «проникший в темные запутанности (?) тела»⁶⁸⁷.

«Многообразия не существует;

Тот идет из смерти в смерть,

Кто думает, что видит многообразие в мироздании»⁶⁸⁸.

Греция.

Слова Платона: «не должно устанавливать единство *слишком скоро*»⁶⁸⁹ приложимы также и к исследованию Блага (Бога — Атмана — Дао — и т. д.).

Не должно устанавливать единство, не пройдя через *óлóσσá*⁶⁹⁰.

В Индии также, наверняка, проход через *óлóσσá*.

В чем оно состоит?

«В этом пространстве в сердце лежит господин всего, владыка всего, повелитель всего. Он не становится от хорошего деяния больше и не становится от дурного деяния меньше»⁶⁹¹.

По ту сторону добра и зла. Это, несомненно, надо интерпретировать как даосскую формулу: «Имеющий высокую добродетель не имеет добродетели, и таким образом он имеет добродетель. Имеющий обычную добродетель имеет добродетель, и таким образом он не имеет добродетели»⁶⁹².

Отрешиться и от добродетели. Потерять ее сознание.

Господин, <определяемый> целиком *негативно*⁶⁹³.

Опасность иной интерпретации (к которой, кажется, склоняются многие тексты). [То, что кажется совершенно отсутствующим, это идея страдания. Воплощение.]

Люди любят супруга, супругу и т. д., любят всё — *для себя*.

Главная идея:

Сужать свою любовь до чистого субъекта⁶⁹⁴ и распространять ее на всё мироздание — одно и то же.

Та же мысль, что у стоиков: «Все мое ношу с собой»⁶⁹⁵.

[ms. 4] То, что нам дорого, все это, в истинном качестве есть μεταξύ⁶⁹⁶.

Изменить физическое отношение между собой и миром (подходящее ли слово: «физическое»?), как через обучение рабочий изменяет физическое отношение между собой и инструментом. (Моряк — между собой и судном.) Раны: «Ремесло в тело входит»⁶⁹⁷. Пусть с каждым страданием в тело входит вселенная.

Λ Инструмент лишает одного способа чувствовать, замещая его другим. Мы не чувствуем усталости, страдания: мы чувствуем, что сверло врезается в дерево, как оно врезается. Всякое ремесло основано на переносах чувства. Рычаг — когда он опускается, мы чувствуем то, что поднимаем.

Привычка, сноровка, перенос сознания в объект иной, нежели свое тело.

Пусть этим объектом будут вселенная, времена года, солнце, звезды. Чтобы чувствовать пространство.

Брахман — это пространство⁶⁹⁸.

Джотто⁶⁹⁹.

Отношение между телом и инструментом изменяется в ходе обучения. Будем стремиться изменить отношение между телом и миром.

Изменения в длительности.

Мы не отрешаемся, мы меняем привязанность. Привязаться ко всему⁷⁰⁰.

Можно достичь любви к тому, что мы ненавидим. Прочувствовать свою ненависть до конца. Понять, что ненавидишь.

Через каждое ощущение, по нисходящей, соединяться с *атманом*.

Кто ненавидит?

Тот, кто здесь — не я. Это правда. Это не я. Это не я — тот, который нахожусь в этой точке пространства.

Сквозь каждое ощущение чувствовать мироздание. Важно ли, удовольствие это будет или боль? Когда нам [ms. 5] сжимает руку после долгой разлуки человек, которого мы любим, разве важно, если он сжал ее слишком сильно, и я чувствую боль?⁷⁰¹

Такая степень боли, что будто теряешь мир. Но потом приходит утление, когда обретаешь его вновь. И если вновь придет приступ боли, придет за ним и утление.

И сама эта степень, если мы уже с нею знакомы, становится ожиданием утления, и поэтому не прерывает контакт с миром.

Этот контакт — радость.

Ритм. В каждом образе жизни есть ритм, который можно любить. Любая жизнь, сколь бы ни была она искусственна, связана с ежедневным кругообращением неба и чередованием времен года, без чего мы бы умерли.

L ||⁷⁰² Через этот ритм мы сохраняем связь с солнцем и звездами. Чувствовать их сквозь этот ритм, как слепой через свой посох⁷⁰³.

L || Мы не выбираем себе ощущения. Но выбираем (если принимаем условия ученичества) то, что́ чувствовать через них. Большое поле для выбора. Примеры.

Не переступать *метаξύ* слишком скоро⁷⁰⁴. Важное правило. А мы или забываем, что это *метаξύ*, или переступаем через них слишком скоро.

Боль — *метаξύ*. Смерть... (есть некий способ верить в бессмертие, который отнимает у смерти ее действенность в качестве *метаξύ*).

Всё, что дает чувство мучительного разрыва⁷⁰⁵.

Не надо с этим бороться, напротив. Так, любовь в «Федре»⁷⁰⁶.

Пример. Француженка получает письмо со словами: «Your son has been killed»⁷⁰⁷. Если она не знает английского, первый взгляд на эти буквы произведет на нее такое-то действие. Если знает, произведет другое действие (например, потерю сознания). Так через обучение изменяется власть, которую имеют чувства в том, чтобы нас изменять.

L || Запутанные чертежи при первом взгляде могут показаться каким-то бессмысленным хаосом, а присмотревшись, мы увидим, что они выстроены соответственно определенному замыслу.

Познание третьего рода = прочтение⁷⁰⁸.

[ms. 6] Пространство и время в некотором смысле суть всего лишь мысли, и в то же время они суть то, что связывает, без всякой возможности освобождения, мыслящее существо.

Действенное освобождение относительно тела; ключ к этому в образе посоха слепого. Отсюда исходит и формула Спинозы: «Тот, чье тело...»⁷⁰⁹.

Λ || Иллюзия. Сила, война и семь мух. «Война — госпожа всех вещей; одних делает свободными, других рабами, одних людьми, других богами»⁷¹⁰. И закон войны: семь мух⁷¹¹.

Прочтение. Нам (в некотором смысле) не дано ничто, кроме ощущений; и, что бы мы ни делали, мы не можем помыслить ничего другого (в некотором смысле), кроме ощущений. Но мы вообще не можем мыслить ощущений, мы прочитываем сквозь них. Что мы прочитываем? Не всё, что нам было бы угодно. И тем менее то, что каким-то образом не зависело бы от нас.

L || Мир есть многозначный текст, и посредством труда мы переходим от одного значения к другому. Труда, в котором в котором каждый раз участвует тело, подобно тому как, чтобы запомнить иноязычный алфавит, приучаем к нему руку, по многу раз выводя буквы.

[ms. 7] Отношение между «я» и миром; я — такая-то звезда, в том же смысле, как когда я пишу, ручка есть член моего тела,

и в том же смысле, как когда я прижимаю сверло к металлу, в точке их контакта мое существование является его основанием, и в том же смысле, как когда я смотрю на стол, ... и еще иначе. Но отношение между «я» и другими людьми? Я — тот, кто видит этот куб вот в такой-то перспективе, но я — также и тот, кто видит его в другой (в какой я его не вижу). Я тот, кто прочитывает ощущения согласно такому-то закону, и я тот, кто их прочитывает согласно другому.

«Любить ближнего как самого себя»⁷¹² не означает любить всех людей в равной мере, ибо я не в равной мере люблю все модусы существования себя. И не то чтобы не причинять никому из них страдания, ибо и сам я не отказываюсь от страдания. Но относиться к каждому так, как один способ мыслить мироздание относится к некоему другому способу мыслить мироздание, а не как к части мироздания. Человек в десяти шагах от меня есть не только нечто, отделенное от меня расстоянием (десятью шагами), но и другая перспектива, в которой является все на свете. Связь между мной и другим человеком ни в коем случае не может быть аналогична ни отношению слепого к его посоху⁷¹³, ни отношению посоха к слепому. Вот почему рабство противно и природе, и разуму.

Война — один из способов навязывать другое прочтение ощущений, одно из воздействий на воображение другого.

[ms. 8] Ощущения навязываются нам извне, и мы тоже можем причинять их себе — всегда, в любой ситуации — опосредованно.

Прочтение ощущений, то, что мы прочитываем сквозь них, нам тоже навязывается; но здесь мы имеем и власть, опосредованно, через труд и привычку, в чем участвует и тело.

Но в этом отношении надо различать две власти:

1) власть находиться или не находиться в таком-то положении (например, у станка, в тюрьме, с ножом у горла, с ножом в руке, с деньгами в кармане и без денег в кармане, и т. д.), которое открыто нашему взгляду в определенной мере — но только в определенной мере;

и 2) власть, находясь в определенном положении, прочитывать таким или другим способом.

Есть такие фразы (комбинации слов), которых не произносит вышестоящий человек, но только нижестоящий. И есть другие, которые произносят в равной мере и вышестоящий, и нижестоящий, но придавая им разный смысл. Но без сомнения, со всей точностью, нет таких фраз, которые мог бы произносить только вышестоящий — разве что в первый раз (потому что другие могут потом повторять за ним).

Это относится и к действиям — но с различием, происходящим от того, что действие единственно и бесконечно разнообразно.

[ms. 9] Существуют два способа изменить у другого человека тот способ, которым он прочитывает ощущения, <и тем самым изменить> его отношения с мирозданием: сила (крайней формой чего является война) и обучение. Два действия, направленных на воображение. Разница в том, что он не ассоциирует себя с первым (а только реагирует), а со вторым ассоциирует⁷¹⁴.

Может быть, так: использованием силы можно понизить других, а можно воспрепятствовать их понижению; возвысить же их можно только обучением⁷¹⁵.

Есть и третий способ: прекрасное (пример).

Можно ли комбинировать первый способ со вторым или третьим?⁷¹⁶

Позволительно [быть может] лишь негативное использование силы.

Главное различие между духом «Бхагавад-Гиты» и духом легенды о Жанне д'Арк⁷¹⁷: он (Арджуна. — П. Е.) ведет войну, *хотя* вдохновлен Богом; она ведет войну, *так как* вдохновлена Богом⁷¹⁸.

(Мыслить Бога, любить Бога — не что иное, как определенный способ мыслить мир.)

Война, по преимуществу, заключается в престиже. Применяют оружие или чтобы положить конец престижу (Марафон),

или чтобы установить долговременный престиж (Римская империя). В первом случае присутствует внутреннее противоречие, во втором — нет. При любом обнажении оружия водворяется безраздельное господство престижа; причем отказ от сопротивления от него не избавляет; сам Христос [ms. 10] на время был оставлен Богом. Контакт с силой, с какой бы стороны мы ни находились — со стороны рукоятки меча или его острия — на какое-то время оставляет нас без Бога. Об этом говорит и «Бхагавад-Гита». Она и Евангелие дополняют друг друга.

И есть что-то существенно-ложное в Ветхом Завете (в некоторых его частях), так же, как и в истории Жанны д'Арк; эти голоса составляют часть престижа. Так и <голос> Иеговы.

Право ли дело победителя, право ли дело побежденного — зло, которое производят хоть победа, хоть поражение, неизбежно. Надежда на то, что его удастся избежать, исключена. Потому и Христос не сошел со креста, и в момент наивысшей скорби даже не вспомнил, что воскреснет. Но по той же причине и другой (Арджуна. — П. Е.) не сложил оружие и не прекратил битву.

А Разве будет неправдой сказать, что завоевание есть всего лишь дурной способ искать Атман, идентичный Брахману? Человеку надо быть в мире одному, чтобы быть тождественным миру. (Но если он — один, потому что подавляет и уничтожает других, то и перспектива у него только одна.) У меня есть право присвоить всё; мне мешают в этом только другие. Я берусь за оружие, чтобы устранить эту помеху. Но это присвоение можно рассматривать или как бесконечное — или как конечное, если какая-то конечная вещь — например, поле — послужит эквивалентом всего мира. Во втором случае, у меня нет причин не хотеть, [ms. 11] чтобы другие тоже обладали миром в форме конечного объекта, если между этими конечными объектами будут существовать гармоничные отношения. Тогда для меня достаточно причинить врагу лишь ограниченный ущерб; но я не могу <удержаться в этих пределах>, ибо применение оружия заключает в себе безграничность⁷¹⁹.

Λ |⁷²⁰ Бесконечное, которое в человеке оказывается на милости небольшого куска железа; таков человеческий удел; причина этого — в пространстве и времени. Этот кусок железа невозможно пустить в ход иначе, как резко сведя бесконечное в человеке до точки на острие меча, до точки на его рукоятке, ценой раздирающей боли. Невозможно не пустить его в ход. Всецелое бытие оказывается схвачено в одном мгновении; не остается никакого места для Бога, даже во Христе, в котором мысль о Боге <в этот момент>, во всяком случае, не больше, чем о Его лишении. Вот до чего надо дойти, чтобы сбылось воплощение⁷²¹. Всецелое бытие становится лишением Бога; что дальше? Дальше — только воскресение. И чтобы дойти до него, нужно холодное прикосновение куска железа.

Взять в руки оружие; вообразить себе всё, что мы потеряем, если будем побеждены; всё, что, в случае нашей победы, погубим у других, кого мы любим как самих себя. Смириться с потерями только для себя, предоставив всё на их волю, — нам не позволено. Это сделал Христос — но в положении отдельного простого осужденного законной властью. Но мы, почувствовав холод железа, ограничим себя; даже с большим риском, мы отложим это железо сразу, как только угроза будет немного отстранена.

[ms. 12] | В контакте с железом надо чувствовать себя отделенными от Бога, как Христос. Без этого чувства — это будет другой Бог. Мученики не чувствовали себя отделенными от Бога, но это был другой Бог, и лучше было бы им не быть мучениками. Бог, в котором мученики находили отраду среди пыток, близок к тому, который был официально принят Римской империей, а затем навязан путем искоренения⁷²² <языческих верований>.

«Тот, вслед за которым год обращает свои дни»⁷²³.

Время — ткань мира; но что такое время вне моего мышления? Чем будут настоящее и будущее без меня, который их мыслит? И если они суть ничто, значит, и мироздание есть ничто, —

ибо что такое: быть в течение одного мига? Следовательно, как можно считать, что я не вовлечен в сотворение? Но нужно, чтобы я мыслил время как со-творец. А как?

Несчастье: время уносит мыслящее существо, против его воли, к тому, чего он не в силах вынести и что, однако, настанет. «Да минует Меня чаша сия»⁷²⁴. (Каждая секунда, пролетая, влечет это существо в к чему-то, чего оно не может вынести.)

Λ₄⁷²⁵ Безмерная разница между тремя часами, проведенными у станка на сдельной работе, и тремя часами перед, проведенными перед фреской Джотто. Отношение между мною и временем — ткань моей жизни, и исходя из этого можно установить эту безмерную разницу. Образец — fuga Баха.

[ms. 13] ↓ У греков само изучение природы было искусством, материалом для которого был мир, а инструментом — воображение. Это искусство, как и другие, состояло в смешении предела с беспредельностью⁷²⁶. Отсюда — согласие между наукой и искусством. У нас — противоположность, так как наша наука анализирует.

Несчастье — беспредельность, но и жестокость. Трагедия улавливает эту беспредельность словно в сеть; нужно, чтобы она оставалась беспредельностью и, при этом, чтобы она переставала быть. Отношения силы должны высекать молнию там, где человек теряет себя, Бога, мироздание, всё. Во французском театре такова только «Федра», и ничто другое. «Лир», «Отелло».

Являть мироздание как произведение Бога. Являть мир как произведение искусства. Вот цель греческой науки.

Цель европейской классической науки: «поставить нас господами и обладателями природы»⁷²⁷ (УПОДОБЛЕНИЕ БОГУ СОВЕРШЕННО ИНОЕ, ЧЕМ ПРЕЖДЕ) посредством знаний, которые мы находим в самих себе. (Реконструкция *a priori*; аналогия с письмом, зашифрованной неизвестным шифром.)

Цель современной науки: выразить на алгебраическом языке закономерности природы, чтобы их использовать.

Все ниже и ниже.

Там, где есть прогресс, уровень по необходимости низок.
*Ars longa, vita brevis*⁷²⁸.

[ms. 14–15. Текст ЧУ, VIII, 1–2 на деванагари, с несколькими пробными вариантами перевода, из которых приводим второй:]

«Эти желания суть реальные вещи, прикрытые ложным; у этих реальных вещей реальность прикрыта ложным. У кого умер кто-то из своих, тот больше не имеет возможности его видеть. Но те его свои, кто живы, и те, кто умерли, и все то, чего он желает и не получает, — все это он обретает идя туда: туда, где его желания, которые суть реальные вещи, прикрытые ложным»⁷²⁹. (...)

[ms. 16] ЧУ, VIII, 3. Потерять кого-то: мы страдаем от того, что умерший, отсутствующий, стал воображаемым, ложным. Но наше желание, желание <вернуть> его, не воображаемо. Сойти в себя, где обитает желание, которое не-воображаемо. Голод; мы воображаем пищу; но сам по себе голод — реален; поймать этот голод.

|| Потеря контакта с реальностью — это зло, это печаль. Бывают ситуации, причиняющие такие потери, лишения, печали. Средство состоит в том, чтобы принять само это лишение⁷³⁰ в качестве посредства, чтобы достигнуть реальности. Присутствие умершего — воображаемо, но его отсутствие — вполне реально; отныне оно становится его способом проявлять себя⁷³¹.

Человеческая жизнь есть многоплановая композиция⁷³².

Подражать бездвижным вещам — их безразличию ко времени.

Время причиняет насилие; это и есть единственное насилие.
«Иной опояшет тебя и отведет туда, куда не хочешь идти»⁷³³;

время ведет нас, куда мы не хотим идти. Допустим, меня приговорили к смерти; но меня не казнят, если время остановится. Какой бы ужас ни грозил нам, — возможно ли желать чтобы остановилось время, чтобы остановились звезды? Насилие [ms. 17] времени разрывает душу; через этот разрыв <в нее> входит вечность.

Уклоняться от времени — грех.

Земной рай; <заповедь> не есть яблоко напоминает <задание> «не думать о белом медведе»⁷³⁴. Навязчивая идея. Негативная добродетель; удалять мысль от навязчивых идей. На малейшее время подчинившись власти навязчивой идеи, мы теряем рай, и ангел гонит нас вон, нагими, своим мечом.

Математика в Греции и отрешение.

Созерцание математической фигуры с применением отношений.

[«Идентификация» — человек, поднимающий камень и рычаг.]

(Здесь есть скрытая связь с прекрасным.)

Не алгебра ли причиной тому, что эта действенность математики утеряна? Не из-за этого ли греки ее не имели?

Очищение пространства...

[ms. 18] Аналогия между «Орестеей» и убийцей, который много раз воскресал⁷³⁵.

Писать — как переводить — негативно — отклонять слова, которые нарушают замысел⁷³⁶ — немую вещь, которая должна быть выражена.

? | Действовать — то же самое. Σύ τοι σεαυτήν, οὐκ ἑγώ, катаκτενεῖς⁷³⁷. Вот что такое «невмешательство»⁷³⁸. Действие, которое исходит из такого-то положения, которое его выражает. Как его определить? Прекрасное действие. Действие, которое ограничивает, останавливает бесконечный диалог нарушений равновесия, отвечающих друг на друга, устанавливает

равновесие, единственно соответствующее данной ситуации. Действие, где личность не проявляет себя.

? | Но фанатизм очень похоже это имитирует; как различить?⁷³⁹

Πατρὸς γὰρ αἴσα τόνδε σοῦρίζει μόρον⁷⁴⁰.

”Εοικα θρηνεῖν ζῶσα πρὸς τύμβον μάτην⁷⁴¹.

Предметы, символы справедливости.

Праведный поступок — разве мы именно это воображаем, когда представляем себе ситуацию? Конечно, нет.

Не: «Я это сделаю опять, если надо будет сделать»⁷⁴², но: «Я не могу иначе». Например, Лоуренс, который вернулся в поисках сбившегося с пути араба⁷⁴³.

[ms. 19] «Я» отсутствует также и в преступлении, но иным образом.

Ситуация находит свое осознание; результат этого — изменение ситуации. (...)

Чтобы осознать все моменты ситуации, пусть мысль будет направлена на все в равной мере, с равным вниманием — как свет солнца; затем, пусть будет достигнуто равновесие; затем внимание пусть будет направлено преимущественно на выбранный аспект, чтобы действие было исполнено.

Вошь и лучник⁷⁴⁴.

Поскольку война есть воздействие на воображение, первая трудность состоит в том, чтобы не подпасть под эффект воображения, имея в своем распоряжении (как при решении геометрической задачи) различные способы комбинации элементов, данных. (Избавиться от эффекта ирреальности; В ВООБРАЖАЕМОМ — ТОЛЬКО ОДНА СИСТЕМА ОТНОШЕНИЙ.)

<Реальный> мир <предполагает> различные прочтения одновременно. (...)

Другой. Воспринимать каждого человека (образ себя самого) как темницу, где обитает узник, вместе с целым миром вокруг себя.

[ms. 20] У Гомера существование умерших <показано как> существование *воображаемое*⁷⁴⁵.

Существует ли жизнь — в миру, не в отшельничестве — чистая, прекрасная и полная, как греческая статуя? Или хоть одно дело, которое было бы таковым?

Поведение Сократа перед судьями?

【Правило Сократа в жизни: не добиваться справедливости, истины — не не делать несправедливости, не предавать истину⁷⁴⁶. Но и не прекращать, правда, следовать своему призванию⁷⁴⁷.】

Святой Франциск, бросающий свои одежды отцу?

Великое творение?⁷⁴⁸

Есть поступки, которые легко представить, но только трудно исполнить: как тот римлянин, который выдал себя, чтобы прекратили пытаться его рабов⁷⁴⁹. Было всего два варианта решения: оставаться в укрытии или выдать себя. Не надо было абсолютно ничего придумывать.

Напротив, суды Соломона суть действия, происходящие из усилий выдумки⁷⁵⁰.

Умеренность отца Гракхов в Испании... (?)⁷⁵¹

Чистое и действенное. «Воля свободна в то время, когда она действенна»⁷⁵² — можно понимать в двух смыслах.

Давид? | Рама, убивающий шудру⁷⁵³?

Законодатели. |⁷⁵⁴

На сцене. Медленное вызревание действия, вместе со всей окружающим миром. Затем действие стремительно врывается в мир. (...)

[ms. 22] Дальневосточная идея — успех добродетели (Китай, Индия).

Противоположная идея Среднего Востока (Персия, Египет, Греция, христианство).

Война

Контакт с силой гипнотизирует, повергает в грёзу. Для нас самих: страдать от силы, сохраняя трезвение, употреблять силу, сохраняя трезвение, — но внимательно: ибо существует, среди иных состояний сна, иллюзия крайней ясности, которая не имеет никакого отношения к бодрствованию. — Для других⁷⁵⁵: погружая их в грёзу, следить за тем, чтобы эта грёза была мучительной, порождая желание пробудиться (не невыносимое, не вплоть до того, что вырывать из себя это желание) и сохраняя для них возможность пробуждения.

<Немцы> будут <побеждены> только когда захотят быть <побежденными>⁷⁵⁶. Внушить им волю к этому. Ганнибал⁷⁵⁷. Погрузить их в состояние кошмара, от которого они будут страстно желать пробудиться.

Мысль как действие: не прямое приготовление через концентрацию без объекта или <через концентрацию> на другом объекте.

Критерий: страх и вкус к убийству. Избегать и того и другого. Как? В И<спании> мне это казалось усилием, способным разбить сердце, таким, которого нельзя выносить долго. Сделать себя таким, кто мог бы это выносить.

Как, сочиняя музыку или стихи, мы имеем в виду некое внутреннее молчание души и располагаем звуки или слова так, чтобы стремление к этому молчанию смог воспринять другой, — то же самое касается и войны, и желания мира.

Искусство войны — тоже искусство⁷⁵⁸.

[ms. 23] «Война есть продолжение политики мирного времени⁷⁵⁹ другими средствами»⁷⁶⁰. Применение оружия имеет цель; понятно, что оно и сообразуется с этой целью.

Эта цель может быть одна из трех.

1) Или создать у врага расположенность к повиновению заинтересованному государству, — повиновению полному, постоянному, каковы бы ни были запросы этого государства (война римского типа — ради сокрушения противника).

2) Или получить определенные и ограниченные выгоды, которых нельзя достичь путем переговоров. Таким образом, военная борьба, являясь лишь фактором переговоров, грозит причинить противнику больше вреда, чем могла бы повредить ему уступка тех выгод, о которых идет спор, и не вызывает террора и неутолимого чувства мести (войны XIX в.⁷⁶¹, битва при Садове⁷⁶², 1870?⁷⁶³).

3) Или создать у противника желание мира (оборонительная война).

От 3 легко переходят к 1⁷⁶⁴ (подчас и от 2 к 1), но так не должно быть.

Изменить душу врага — вот в чем задача; причинение смерти — всего лишь средство. Убивать *как можно меньше*. (Лоуренс⁷⁶⁵.)

Чтобы война была одним из средств убеждения (во всех трех случаях).

Желание мира, безопасности, жизни. — К этому можно приложить: «*satyāḥ kāmā an-ṛta-apidhānāḥ*»⁷⁶⁶. Не отказываться от них, даже когда мы почти уверены, что нас убьют; сожалеть [ms. 24] в случае неминуемой смерти; но возбранить себе тоску и мечту о безопасности; сойти внутрь себя до верного желания. Итак, мужество без жестокости. То же — относительно необходимости убивать; но здесь <существует> большая опасность.

Соблюдая в себе без ущерба любовь к жизни (не как Ахилл⁷⁶⁷), никогда не причинять смерти без того, чтобы принять ее <как законный жребий> и для себя.

В случае, если твоя жизнь тесно связана с жизнью врага, вплоть до того, что ваши смерти произойдут одновременно, надо ли при этом, чтобы он был убит. Если тело и душа, в полном объеме, стремятся к жизни; и если при этом ты можешь ответить «да», — значит, ты вправе убить его.

И никак иначе.

Но достаточно ли этого? Надо желать, чтобы и он был жив, хоть необходимость и противится этому.

В зависимости от того, находимся ли мы в случае 1, 2 или 3, способ ведения войны будет неодинаков. Следовательно, не должно копировать поведение противника.

Моя важная мысль 1934 года: Важна не цель, а последствия, обусловленные самим механизмом тех средств, которые пускаются в ход.

Это верно в случае, если эти средства, во всей их структуре, в их механизме, не predetermined целью. Но это скорее всего будет именно так.

Пример. Победа 1-го типа не будет длительной, если победитель не готов владычествовать над вражеской страной, как хозяин над рабом. В ином случае, добиться ее [ms. 25] не будет успехом. Ганнибал⁷⁶⁸. 1918?⁷⁶⁹

В случае войны 3-го типа, нужны и тактика и стратегия, соответствующие 3-му типу⁷⁷⁰.

Причины войн: каждый человек, каждая человеческая группа чувствует себя, с полным основанием, законным господином и обладателем всего мира. Но это обладание неправильно понимается — люди недостаточно понимают, что путь к этому — насколько это возможно человеку на земле — проходит через свое собственное тело (через *конечное*).

Александр <Македонский> в сравнении с крестьянином, имеющим собственный надел, — как Дон Жуан в сравнении со счастливым мужем⁷⁷¹.

Человеческие отношения. Все те из них, что содержат бесконечное, несправедливы. Однако, притом что всё, относящееся к человеку, конечно и измеримо, тем не менее, начиная с определенного уровня, в действие вступает бесконечное.

[Например, если из двух человек один имеет для пропитания 500 г хлеба в день, а другой 550 г, разница между ними — конеч-

ная; если же один имеет 100 г, а другой 3 кг — разница бесконечная, ибо то, что для одного есть всё, для другого — нечто пренебрежимое.]

Так же, как в физике понятие пренебрежимого составляет переход между конечным и бесконечным.

Оборонительная тактика — не то, что думал Ш<артъе>⁷⁷². <Да,> наступление есть средство обороны, но *другое* наступление, нежели то, которое служит завоеванию. Впрочем, вероятнее всего, метод выбирается по конкретной ситуации, и нельзя создать модель, годную для любого случая.

[ms. 26] Если противоречие и есть то, что отрывает душу <от теней> и выталкивает ее к свету⁷⁷³, тогда созерцание первых принципов (гипотез) геометрии и смежных с нею наук должно быть созерцанием их противоречий⁷⁷⁴.

Почему мы допускаем идеальные прямые, идеальное движение тела, и т. д.

Мгла, тень — это противоречие.

[Огонь — чувственно воспринимаемая очевидность?⁷⁷⁵]

Только благо не имеет в себе противоречий, но оно ослепительно. Ум может утвердить свой взгляд лишь на противоречии, которое освещено благом.

|| Г<итлер> ошибается, думая что благо заключено в вещи (кровь, передаваемая по наследству).

|| Аналогичная ошибка относительно прогресса: благо, заключенное в хронологии.

[Фигурки суть объекты (у куба шесть граней), тени — их кажимости⁷⁷⁶.]

Как воплощается благо?

[ms. 27] Λ⁷⁷⁷ Мужество. Всем нам более или менее свойственно бояться. Стремиться не подавлять страх, но управлять им. Трусливый человек, когда он поглощен страхом умереть от болезни, может быть, лучше смелого вынесет болезненный укол,

операцию и т. п. То же — в случае солдата, с его страхом быть наказанным или хотя бы просто оказать неповиновение [«Я чувствовал, что пусть мне прикажут всё, что угодно, и я это выполняю, потому что я солдат 2-го класса; но ничего такого я не сделал бы по собственной воле: я не *смог бы*»].] Муштровка солдат основана на этой мобильности страха, которая позволяет переносить его на другие ситуации⁷⁷⁸. Применять этот эффект к себе, сознательно. Выбирать то, чего бояться. Выбирать недостаточно: надо подводить себя к тому, чтобы этого бояться.

Вещи, не созданные для того, чтобы непосредственно вызывать страх, однако, <могут> производят страх и непосредственно (прочтения, «посох слепого»⁷⁷⁹). Достигать того, чтобы вещи, которых *надо* бояться, производили страх непосредственно, а другие — в гораздо меньшей степени.

Больной или раненный человек, очень сильно боящийся смерти, с которым проводят очень болезненные процедуры, может, на каком-то этапе, забыть о страхе смерти, желая только того, чтобы его оставили в покое. (Его страха <перед смертью уже> недостаточно, чтобы преодолеть это.) Напротив, прежде того страх смерти нейтрализовал в нем чувство боли.

[Подвести тело к тому, чтобы бояться бесчестия (в самом внутреннем смысле⁷⁸⁰) больше, чем смерти, увечья, боли и т. д. — и бояться непосредственно.]

[ms. 28] Платон. Сравнение со зрением. Сама математика, в процессе освобождения души, вероятно, должна быть созерцанием, а не дискурсивным рассуждением (познание 3-го рода?). Интуиция по Декарту⁷⁸¹?

Аксиоматика современных математиков: чего именно они хотят? Они занимаются математикой, не сознавая ее пользы.

[Спросить у А<ндре>, что он испытывает — удовольствие от успеха или эстетическую радость?]

[Начало «Брихадараньяка-упанишады»: есть добро и зло в голосе, дыхании (prāṇa), зрении, в слухе, в манасе⁷⁸², но не в том дыхании, что во рту⁷⁸³ (āsanyam prāṇam); асуры, желая поразить

его злом, погибают; смерть прогнана им до края света. Затем оно выводит из-за предела смерти голос, из которого происходит огонь, дыхание, из которого ветер, зрение, из которого солнце, слух, из которого страны света, манас, из которого луна⁷⁸⁴.]

Никакое действие не является добрым или злым само по себе; но соответственно обстоятельствам, в некий данный момент, через какие угодно чувственные видимости, всегда возможно представить (прочесть) ситуацию, относительно которой (если только она существует) это действие будет справедливым. Позднее мы прочитываем иначе, но действие уже выполнено.

Так, если не контролировать воображение, можно делать все, что угодно.

Как, с ориентацией на что, силой чего его контролировать?

[ms. 29] Ошибка не в <самом> действии, это ошибка прочтения.

Осознать то, что мы прочитываем: одно это уже очень трудно. «Стремиться читать хорошо» — а что это значит?

Прочитывать таким способом, чтобы желательное имело вид добра.

Прочитывать таким способом, чтобы доброе имело вид желательного.

Когда мы восходим к понятию прочтения, появляется произвольное. И тогда?..

Есть усилия, которые истощаются, и другие усилия, что дают новые силы. Где источник усилий второго рода?

|| Механизм, по действию которого слишком суровая ситуация понижает⁷⁸⁵, заключается в том, что возвышенные чувства — обычно — дают лишь ограниченную энергию; если ситуация требует выйти за этот лимит, приходится прибегать к чувствам низменным (страху, похоти, страсти к превосходству, к внешним почестям), более богатым энергией (выяснить, почему?).

Эта ограниченность объясняет многие перемены⁷⁸⁶.

|| Безграничная плодородность понятия энергии, применительно к человеческой жизни: источник неисследованный.

Чувство⁷⁸⁷. Отношение между миром и мыслью: оно исходит из мира непосредственно, с ощущениями, как они, но различается по функции в перемещениях энергии человека.

| Пусть эта энергия станет средством исследования мира — как посох для слепого?..

[ms. 30–48. Размышления над математическими проблемами.]

[ms. 48] В такой-то ситуации мы поступали таким образом, которого впоследствии стыдимся; мы обещаем себе больше никогда этого не делать. Когда мы вновь оказываемся в подобной ситуации, мы не узнаём сходства; ибо она похожа на ту, но не похожа на воспоминание о той.

И только потом...

Какое средство против этого? В первую очередь, надо знать, как ситуация и воспоминание о ситуации (или ее ожидание) различаются между собой. [Прочтение.]

[ms. 49] Греческая геометрия. Если аксиомы (?) и постулаты определяют конструкции, а не цепочки слов, то можно иметь некую интуитивную геометрию, которая была бы точной. (Исследовать еще.)

Прямая есть то, что я провожу, мысля об идеальной прямой. Истина есть то, что я мыслю — то, что я прочитываю в видимостях — желая истины. Это желание: «да будет воля Твоя, а не Моя»⁷⁸⁸. Мы не хотим изменить то, что есть.

Не вычитывать то, чего боишься или чего желаешь.

Прекрасное: то, относительно чего мы не хотим, чтобы оно стало другим. Благое: то, что мы не хотим изменить фактически (не-вмешательство). Истинное: то, что мы не хотим переменить в своем уме (посредством иллюзии).

Благо — не желать изменить что́? Мое место, мою важность в этом мире, ограниченную моим телом и существованием других⁷⁸⁹, равных мне.

Вернуть мой залог?

Подставить себя смерти?

Проблема; прочитывать в фигуре не решение, а трудности?

[Блочный подъемник на тросах. Две причины ошибки: автоматизм и желание⁷⁹⁰.]

Ввести также время.

[ms. 50. Выписка, с использованием транскрипции, из «Брихадараньяка-упанишады» (I, 4, 9–10) и собственный перевод Симоны:]

[9] «Говорят, если люди думают, что через познание Брахмана⁷⁹¹ они станут всем, то что же такое знал Брахман, что через это он стал этим всем?»

[10] «В начале существовал только Брахман. Он знал только самого себя: „Я есмь Брахман“, — и (?) он был Всё. По мере того как каждый из богов думал [интеллектуальная интуиция]⁷⁹², что он является тем же, он им был; так же и риши; так же и люди. Видя это, риши Вамадева понял: „Я был Ману и Сурья“. Так и поныне, кто знает это: „Я есмь Брахман“, — тот есть Всё; и боги не могут ему в этом помешать; он — их Атман. Кто считает, что божество — иное, говоря: „Оно — другое, я — другой“, — тот не является сведущим. Он как скот для богов».

[На полях:] Тема фольклора (ср. песню Мирей) в БАУ⁷⁹³.

[ms. 51] Зло непроницаемо для рассмотрения: это потемки. Так же и благо: оно <ослепительно,> как солнце. <Зримо> только непрозрачное — сочетание того и другого.

Не желать изменить <нечто>. Желание: <мы желаем> всегда или остановить, или ускорить ход времени.

МУЗЫКА — *время, которое не хочется ни остановить, ни ускорить.*

Необходимость.

Соглашаться с подчинением необходимости и действовать лишь только пользуясь ею. Война. «Гита».

Сражаться, равно думая о поражении или победе?

Весы. Солнце.

С согласием принимать страдание во времени и действие во времени — <как бы> со стороны⁷⁹⁴.

Тот, кто присвоил имущество, вверенное ему для хранения, хочет, чтобы это имущество не было переданным на хранение.

Он получил его в качестве переданного на хранение. Он не мог завладеть им иначе, потому что иначе ему бы его не отдали.

Итак, один прочитывает это имущество как «переданное для хранения», другой — иначе.

Надо придти к единству прочтения. Прочитывать в видимостях то, что может прочесть другой исходя из своего положения, из того, что волнует его, — <прилагая> то же усилие.

Плененный царь, которого проводят в триумфе по Риму. Его соплеменники, как и он, закованные в цепи, видят в нем своего царя. Римляне — побежденного. Никакое усилие не может принудить одних прочитывать то, что прочитывают другие⁷⁹⁵, — но некоторое усилие может подвести тех и других [ms. 52] к некоторому третьему прочтению, единому для всех.

Прочтение разграбления Магдебурга солдатом <Лиги> и пастором, хватающимся за свой плащ⁷⁹⁶.

Рассматривать свое собственное и чужое как эквиваленты (как перспективы).

Есть еще другой критерий.

Внутреннее молчание.	(Не изменять
Остановка.		Время.
Неподвижность.		Другие.

?

И еще один: сомнение. Размышляя, говорить самому себе: а ведь то, что я думаю, может быть совершенно ошибочным. Но *прочитывать* сомнение в каждой видимости.

Желание прочитывать свою мечту через других. Г<итлер>. Смешение уровней. Законно в случае⁷⁹⁷ правильного прочтения.

Да, но...

Другие смогут прочесть правильно не иначе как ценой собственного усилия.

Итак, использование силы?

Использование силы, чтобы остановить мечтания, не для того, чтобы навязать их другому. <Т. е.> негативное.

Не желать изменить свой вес на весах мира — золотых весах Зевса⁷⁹⁸.

Наша сила ограничена. Стремиться использовать ее в полноте — но не вовне.

Каков смысл?..

Судно.

[ms. 53] Греческие статуи, неподвижные существа, созданные неподвижными существами⁷⁹⁹.

Прочитывать во всех видимостях, что мир существует.

Прочитывать во всех видимостях Бога.

Не прочитывать ничего менее важного.

Та линия, что мы проводим, имея в виду прямую, позволяет нам мыслить о прямой, когда мы на смотрим на эту линию. Так же и искусство. Так же и действие. Тайна.

«Гита». Возможен ли второй смысл? Убить в себе самом наставников, друзей, родных? Внутренняя смерть⁸⁰⁰.

Убивать — это всегда убивать себя. Два способа убить себя — самоубийство (Ахилл⁸⁰¹) или отрешение.

Есть и третий способ убивать: это не знать, что те, кого убиваешь, существуют — существуют только как вещь-для-убийства. (Остальная часть «Илиады», Испания.)

Убить мыслью всё, что ты любишь; вот единственный способ умереть. Но только то, что любишь.

Не желать, чтобы то, что любишь, было бессмертно.

Те, кого ты убиваешь, смертны.

Перед лицом какого угодно человеческого существа — не желать ему быть ни бессмертным, ни мертвым.

ПРОИЗВЕСТИ ПЕРВОЕ ПРОЧТЕНИЕ ПОСОХА СЛЕПОГО.
ВЕРНОЕ ПРОЧТЕНИЕ: ВТОРОЕ ПРОЧТЕНИЕ.

[ms. 54] Можно ли сказать, что то, что делает прочтение одной и той же вещи многими людьми слишком непохожим, есть зло? (Победа [поражение] в битве (даже и название разное!⁸⁰²) — угнетение — рабство.)

Относительно вещей, находящихся вне нашей власти, прошение «да будет воля Твоя, а не моя»⁸⁰³ звучит ясно. А что касается вещей, которые в нашей власти?

Не рассматривать их как таковые. Прочитывать обязанность как необходимость.

[На полях напротив следующих двух абзацев:] Св. Хуан де ла Крус, которого я еще не читала, когда писала это⁸⁰⁴.

Действовать когда, в определенном смысле, не прочитывается никакого мотива так действовать. Это тяжелее всего. Крайнее томление. «Зачем Ты Меня оставил?» Это, впрочем, единственный рычаг (<или> один из рычагов?), которым возможно изменить уровень. — Помощь во внутренней пустыне.

Когда действие приводит нас в такое положение, где мы оказываемся уже не в силах прочитывать в видимостях мотивы этого действия...

[Очень трудно не смешивать это с произвольными, бесплодными и незрелыми формами аскетизма. Следует еще прежде иметь разум.]

Отрешенность по отношению к тому, что было (протетύχθαι ἐάσομεν)⁸⁰⁵, и к тому, что будет. Ожидать того, что будет, того, как мы будем себя вести, как назидания для нас самих.

[ms. 55] Текст, изменения текста. Наше тело. Надо тщательно изучать прочтение и, прежде всего, уметь видеть различие между прочтением наличной ситуации и воспоминанием (и ожиданием).

Например, человек с риском попасть в тюрьму — и сознавая это — совершает такой-то поступок, запрещенный законом (который он, однако, считает делом чести). Можно прочесть в обстоятельствах поступка, в тот момент, когда он совершается, честь, — но затем, под аспектом тюрьмы, стыд.

Чтобы восстановить последовательность, нарушенную изменениями текста, обманывают себя. Мы избавимся от этого обмана, если будем знать, что такое прочтение.

[ПРОЧИТЫВАТЬ В ВИДИМОСТЯХ ПОНЯТИЕ ПРОЧТЕНИЯ?]

[Прочитывать в видимостях свое собственное прочтение как таковое, и необходимость — в смысле механической необходимости — такого прочтения.] [Да, но иногда...] (Не прочитывать — лучше.)

|| поезд || музыка || статуя || ... ||

Намеренное изменение текста. Аналогия с иллюзиями, фигурами, имеющими двойной рельеф и т.д. Впрочем, эта аналогия кажется неудовлетворительной, но в чем ее недостаточность?

[На чем основано чувство очищения, которое дает созерцание греческих колонн? Искать труды по архитектуре.]

[Луна, только появляющаяся на горизонте. Она еще не видна <вся>, но прочитывается. Мы верим, что видим ее. Эта вера есть факт, как цвет.]

Строить посредством того, что мы хотим, чтобы оно прочитывалось.

[ms. 56] Требуется *точное* описание иерархии состояний души, без этого...

Не прочитывать. Это возможно лишь на короткие промежутки времени.

Не прочитывать⁸⁰⁶.

множество
уровней { Прочитывать — и прочитывать одновременно
свое собственное чтение, понятие чтения, необ-
ходимость (механическую или почти механиче-
скую) этого отдельного прочтения, в этот момент,
в этом месте, в этом состоянии. | Множественные
перспективы, многоплановая композиция. |

(уровни) ↓ [Прочитывая, сомневаться в том, что прочиты-
ваешь, но отвлеченно, не *прочитывая* это сомне-
ние.]
Прочитывая, верить тому, что прочитываешь.
И в самом низу: верить безусловно.

[СЛОВА О.⁸⁰⁷ О ТЕЛЕ. То, чего недостает у Шартье.]
(Два высказывания О. Это — и ниже по уровню — о детях.)

Борьба с такими-то эмоциями, которые мы себе позволяем
[в разговоре и т. д.] — низший уровень. Учитывая такие-то дан-
ные, которые являются мне во всей ясности, согласно им, что
я должен делать? В таком случае в ситуации прочитывают (на-
сколько мы ее распознаем, т. е. в этих данных) единственное
возможное поведение. (Возможное — в особенном смысле:
единственное соответствующее этим данным.)

[Удерживать — О. — Влияние тела на [чувства и] мысли
происходит от того, что тело быстрее реагирует, чем низшее
сознание; оно уже ответило на новую ситуацию, когда сознание
еще работает <над ней>; сознанию остается только зарегистри-
ровать это. Но высшее сознание — быстрее тела. Пример: мо-
менты сильнейшей ясности в состоянии крайней опасности.
Что следует думать об этом?]

[Но нельзя ли выработать НАВЫК, ВОЗБРАНЯЮЩИЙ
ТЕЛУ РЕАГИРОВАТЬ ПРЕЖДЕВРЕМЕННО? Еще можно про-
сто ему не верить, но это поведение низшего порядка [ms. 57],
в силу феномена прочтения.]

Ассоциация. Повторение (в древних текстах — Гомер, Упанишады и т. д.), рифма, размер — не является ли это очищением ассоциации? Уделить ей должное. Законное.

Фольклор. «Жена мертвеца». Сказки «Nunca acabar» | «Дымок» | «Я вышел из Кордовы» | «Tenquita»⁸⁰⁸.

Почему в науке понятию причины отдано такое большое место? (Зачем, кроме разве что технической сферы!) Почему не *условия существования*?

Мы прочитываем, но сами *уже прочитаны* другими. Наложения этих прочтений⁸⁰⁹. Принудить человека прочитывать себя так, как его прочитывают другие (рабство). Принудить других прочитывать вас так, как вы прочитываете себя сами (завоевание).

Механизм?

Чаще всего, диалог глухих.

Ценность моментов интуиции (например, чистая музыка). Предположим, что мы умеем делать различения по ценности между состояниями дискурсивного мышления. Если дискурсивное мышление после этих моментов поднимается на более высокий уровень (ясности и т. д.), нежели имело до них, не будет ли это доказательством <возможности такого различения>?

[ms. 58] Справедливость. Постоянно быть готовым к тому, что другой есть не то, что мы прочитываем, когда он присутствует (или: не то, что мы думаем о нем). Или, лучше: прочитывать в нем (и постоянно во всех), что он определенно не то, — может быть, совсем не то, — что мы в нем прочитываем.

«Я не затыкал своих ушей от слов справедливости и истины»⁸¹⁰.

Каждое существо беззвучно кричит о том, чтобы его прочли иначе.

Не быть глухим к этим крикам.

«Дыхание во рту» (в Упанишадах), не пронизанное злом, как дыхание носа (обоняние), речь, зрение, слух, мысль (манас)⁸¹¹ — не есть ли оно то <в человеке>, что активно, — (играя ту же роль, что усилие, по Мен де Бирану?⁸¹²)

Каким образом поступок, который мы совершаем, может нести зло или добро сам по себе? Косвенная власть над самим собой: власть себя, который есть в настоящий момент, над собой, который будет.

Поступок, который производит то, что впоследствии мы себе лжем. Пример?

Что из него вытекает: действие или ситуация?

Обман себя вытекает из жизненной необходимости, когда в нас нет решимости умереть⁸¹³.

[ms. 59] Квадрат белого, окруженный отовсюду черным. Один из секретов композиции, а именно в поэзии и прозе.

Автор должен играть с воображением читателя так же холодно, как кокетка с воображением мужчины, который ее добивается (а он и сам — читатель), — но в то же время должен быть полон бурным, напряженным чувством, которого не искажает игра, — и это единственный критерий действенности искусства. Если одно или другое отсутствует, тогда то, что мы пишем — второй или n-ый сорт.

Равноценность вещей различных и даже противоположных, но находящихся на одном уровне и по-разному выражающих одни и те же необходимости. Множество примеров этого найдется даже в одной человеческой жизни. В композиции литературного произведения. В обществах. Например, жизнь большого завода. С одной стороны, беспорядок, распад, разрушительная пропаганда⁸¹⁴, — а с другой, тоталитарный порядок.

самое высокое
самое низкое

[Только настоящее. Моменты чистой музыки (слушая Баха и т. п.). И работа на сдельщине на заводе. Две противоположности.

Понятие рычага, прилагаемое к внутренней жизни (в связи с понятием энергии) — За неимением рычага, вместо трансформации в сторону большей ценности, происходит [ms. 60] изменение на том же уровне.

Рычаг и «посох слепого».

Дыхание (размеренное), рычаг и «посох слепого» в начале БАУ?⁸¹⁵

Разыскивать примеры того, как *жизненная* необходимость побуждает лгать себе. Жизненная необходимость прочитывать определенным образом.

Прочитывать в звездном небе, что мы смертны.

Дыхание, размеренное ради достижения внутреннего безмолвия; <в этом ли> смысл начала БАУ?

Молчание брахмана во время жертвоприношения — конечно, внутреннее молчание тоже. Необходимость выучки, чтобы ее достичь.

Не прочитывать. Когда нас неотступно преследует мысль о каком-то отношении — в геометрической задаче, которая останавливает на себе мысль — добиться того, чтобы рассмотреть фигуру в одно мгновение, не прочитывая, чтобы затем прочесть другие отношения.

Так же <поступать и при> переводе с греческого или латыни. (Отсюда ценность для образования.)

Удерживать свое суждение: не прочитывать.

{ Не прочитывать.
{ Не говорить.

[ms. 61] Энергия добавочная (сверх жизненно <необходимого уровня>) и блуждающая⁸¹⁶, ключ человеческой жизни. (Можно, если угодно, назвать ее сексуальной. — она приливает в подростковом возрасте, а затем уменьшается.) Связь с объектом. Арнольф и Аньес. Гарпагон и шкатулка (глубина сцены с «прекрасными глазами шкатулки»)⁸¹⁷.

Рычаг. Как нажать на него?

Прочитывать извне то, что мы носим в себе. Неизбежное. Как избавиться от этого? Или даже сделать это средством для верного прочтения? Может быть, средство — АНАЛОГИЯ.

Китайская живопись: не-человеческие перспективы (птицы, насекомого). Поучение, очищение, метафизика? (...)

Обучение геометрии — не как сумма знаний, но как очищение ошибки при помощи воображения. Не это ли делал Платон?

Объективное, всеобщее: противоречие, узлы необходимости и невозможности (Почему?). Например, число и континуум.

Почему? Центр, из которого исходят как перспективы ВСЕ ВОЗМОЖНЫЕ МНЕНИЯ ПО ТЕМЕ.

Истина { множество фактов вместе?
бесконечность?

Но прочтения, а не мнения или мысли.

[Например, военное искусство?]

↑⁸¹⁸ ДИАЛЕКТИКА

Не строго дискурсивная мысль. Оппозиция между мыслью дискурсивной и мыслью интуитивной нуждается в полном пересмотре.

[ms. 62] || Каждое человеческое существо: гений в бутылке⁸¹⁹. Бутылки передвигаются, встречаются, сталкиваются, ударяются друг о друга (от чего повреждаются не стекла, ибо они небьющиеся, но те, кто внутри), вследствие беспорядочных импульсов, передаваемых изнутри.

|| Искусство двигаться в бутылке: этому надо учиться, как учатся ремеслу. Сделать ее инструментом, орудием, посохом слепого.

Два важнейших компонента платоновской диалектики: *противоречие* и *аналогия*. Оба они — средства сойти с *точки зрения*.

Если следовать образу пещеры, нам надо увидеть на стене пещеры собственную тень, отбрасываемую под действием отблесков огня, — и, выйдя на свет, увидеть свою тень на земле, производимую солнечным светом (зло в себе, необходимость в себе?), и свое отражение в воде (уровень *μεταξύ*, математики и любви). А подняв голову, мы уже себя не видим.

Своими поступками делать себя самого экраном (еще одним экраном) между собой и реальностью. Каков механизм этого?

Или, напротив, <избирать> поступки, которые станут рычагом, поднимающим к большей реальности. Каков механизм этого?

[ms. 63] В незначительных поступках, где действует игра, свободная энергия, не в важных делах, в которых то, что мы делаем, выражает в строгом смысле то, что мы есть. — Это так?

Например, то, как отец проводит час рядом с дочкой нескольких месяцев от роду, улыбаясь, с удовольствием играя с ней. Первостепенно важное для него и для нее.

Неустрашимый характер незначительных поступков.

[«Дыхание», «дыхание во рту» в Упанишадах; дыхательная техника *йоги* (о которой я ничего не знаю) как форма той же идеи?

Соединять ритм жизни тела (дыхание здесь отмеряет время) с ритмом жизни мира (кругообращение звезд), постоянно чувствовать эту соединенность (чувствовать, а не просто знать), и чувствовать также непрерывный обмен материи, посредством которого человек погружен в мир.

То, чего нельзя отнять у человека, пока он жив: в качестве движения, в котором принимает участие воля, — это дыхание (кроме него, остаются или органические трансформации, в ко-

торых, за некоторыми исключениями, воля не принимает участия, или движение членов тела, которому могут препятствовать цепи), в качестве <объекта> восприятия — это пространство (ибо даже в темнице, даже с выколотыми глазами и лопнувшими барабанными перепонками, покуда человек жив, он воспринимает пространство).

Прибавить сюда еще и мысли, относительно которых мы желаем, чтобы никакие обстоятельства не отняли их у нас.】

[ms. 64] Чувствовать, что наша собственная длительность есть также время мира.

Рассмотреть идею (в Упанишадах) заслуги дел, которая ис-
трачивается. (Заслуга относится к одним добрым делам.) <Эти>
дела поднимают, но на ограниченную высоту, а через ограни-
ченное время происходит снижение.

Реальные нравственные трудности никогда не бывают по-
хожи на отвлеченные или воображаемые, потому что в отвле-
ченных и воображаемых не бывает многих прочтений; данные
для них предоставляются гипотетически.

Реальная трудность — выбор между прочтениями.

【Найти «Кена-упанишаду». Брахман⁸²⁰, познанный безумны-
ми⁸²¹, непознанный мудрыми⁸²².】

【«Катха-упанишада». Атман — хозяин колесницы. Тело —
колесница. Буддхи — возница. Манас — возжи. Чувства — конь.
Предметы чувств — пути. Я, когда чувства и импульсы соеди-
нены, — «тот, кто наслаждается (ездой)»⁸²³.】

【У неразумного чувства вне контроля⁸²⁴ [чувства — пра-
на?⁸²⁵].】

【Человек, который обладает разумом и твердо держит в ру-
ках возжи манаса, достигнет жилища Вишну⁸²⁶.】

Манас — мысли? чувства?⁸²⁷ Прана — апана⁸²⁸.

«Мандукья-упанишада». Атман имеет четыре ступени.

Бодрствование — мысль, обращенная вовне, состояние всех
людей | Сон (?), более высокое состояние — обращенное во-

внутри. | Глубокий сон. | Ни сознательное, ни бессознательное — четвертое. Атман⁸²⁹.

Две птицы-подруги на дереве; одна клюет плоды, другая их рассматривает⁸³⁰. (...)

«Мундака-упанишада». «Ом»⁸³¹ — лук. Атман — стрела. Брахман — цель. (Там же, III, 2, 3)⁸³² Благодать.

(Лук — то есть *μεταξύ*.)

Как спицы в ступице колеса, как в определенном месте внутри сходятся все каналы... (так и Атман)⁸³³.

[ms. 65] Слог «ом». Единственный *чистый* звук, ключ всех вещей.

Важность геометрии в пространстве, перспектив, проекций и т. д. — для очищения в платоновском смысле.

Центр, из которого мы видим различные возможные прочтения — и связи между ними — и наше собственное как просто одно из многих.

Различные прочтения — <любое из которых подразумевает> не единое чувство⁸³⁴. Мальчик-пастушок плачет, когда его любимого ягненка забирают на убой, но продолжает ходить за овцами, чтобы их убивали. Соратники Кортеса плакали над унижением императора ацтеков⁸³⁵. Римляне — над Карфагеном⁸³⁶. Жалость пустая и нечистая, не без доли удовольствия. Она содержит в себе самооправдание.

Нет, перенестись в центр мысли, откуда прочитывает свои ценности другой. Рассмотреть ценности, разрушаемые тем действием, которое ты собираешься предпринять⁸³⁷.

Как вынести противоречие между принятием заранее всех, без исключения, вещей, возможных в данном случае — и в определенный момент, в определенной ситуации, идти до предела того, что в твоих силах, чтобы не допустить такой-то вещи?

Ключ находится, определенно, в различении между настоящим и будущим. Реальные события идут не скорее, чем обра-

щаются звезды. Длительность, которая отделяет событие, имеющее совершиться в будущем, от настоящего, — реальна.

Мы готовим себя к тому, чтобы однажды принять такое-то возможное будущее несчастье, когда оно уже станет прошлым⁸³⁸, но <при этой мысли> не смешиваем [ms. 66] его с прошлым.

Человек, которого я люблю: он смертен. Что-то во мне должно быть готово принять его смерть, когда она совершится, — не как именно его смерть, а как дело, совершившееся в этом мире. Но если он находится в смертельной опасности, а я, протянув ему руку, могу спасти его? Эта власть, которую я сделала частью реальности, частью материи (она включает в себя положение моего тела в пространстве, механическую энергию, которую оно в себе несет). Что же касается любимого человека, фактом является его жизнь, а не его смерть. И мое желание, чтобы он был жив, тоже является фактом.

Была ли я права, дав этому желанию жить во мне, но не привязываясь к нему? Когда мы отрешаемся от желаний, одни из них допустимо сохранять, лишь понизив их уровень, а другие — нет. Встает все тот же вопрос.

Ограниченные желания находятся в согласии с миром; но те, что заключают в себе беспредельность, — не находятся.

Ограниченное желание <есть то>, которое возможно совместить с другими моими желаниями и с желаниями других людей (их ограниченными желаниями).

Желать жизни человека означает желать существования границы для меня самого. Желание доброе, если оно не безусловно.

Желать смерти человека — это желание [ms. 67] почти всегда (почти?)⁸³⁹ содержит в себе беспредельность.

Поместить себя в центре, относительно которого он (другой человек — П. Е.) выстраивает свои ценности. Прочесть его систему ценностей. Отрешиться от нее. И если отсюда (мысленно будучи им,) желать его собственной смерти, — может, тогда это будет законно...?

Но, может быть, так желали смерти и инквизиторы еретикам?..

Нет.

Что́ разрушать есть зло? Не то, что низко, ибо это не имеет важности. Не то, что высоко, ибо до этого мы не можем дотянуться руками. Зло — разрушать посредства, метаζύ. Метаζύ суть область добра и зла.

Раз мы делаемся метаζύ для самой органической жизни, мы не можем губить их, поскольку мы сами — живые. Да, но...

Не отнимать ни у какого человека ни одно из его метаζύ. Возможно ли это для нас? Когда многие из тех, кто их имеют, на самом деле исключаются из списка? Например, какой-то человек, являющийся метаζύ для многих других?

Возможно, в конечном счете нам придется — но это никогда не поздно сделать — обратиться к рассмотрению количества. Между двумя человеческими существами тот, кто способен извлечь больше пользы (в порядке метаζύ). Тот, кто способен принести пользу большему числу людей.

Или же здесь все само устраивается провиденциально? Но кажется, нет. Запретить себе желание констатировать это.

[ms. 68] Если мы не отшельники в лесу, и не те, кто живет, не получая потребное для жизни ни от кого из людей, то сколько бы мы ни старались стать выше метаζύ, мы остаемся в сфере добра и зла через отношения с теми или иными людьми, окружающими нас. Таким образом, проблема добра и зла в движении по восходящей не снимается.

Хорошо петь слог «ом»⁸⁴⁰.

*Дхарма*⁸⁴¹. Но?..

В такой-то данной ситуации всякое возможное действие содержит определенную пропорцию добра и зла, или, лучше сказать, так как эта пропорция неизмерима⁸⁴², определенное смешение. *Дхарма* есть правило выбора смешения, приемлемого для человека. Так, Рама <выбирает> сделать лучше зло своей супруге, нежели своему народу, — хотя бы и зная, что супруга праведна, а народ заблуждается — потому что он царь⁸⁴³. То же самое правило заставляет его убить шудру⁸⁴⁴.

Думая, что убить шудру есть зло, он должен уметь, если возможно, установить мало-помалу некое другое стабильное равно-

весие, при котором шудра мог бы делать то, что делает, без наказания⁸⁴⁵. Коль скоро он этого не может, ему приходится казнить шудру.

Но это хорошо только в стабильном обществе. Эти люди не установили правил для обществ нестабильных.

Чем будет *дхарма* в завоеванной стране? Обязанности по отношению к завоевателю? (Разобраться.)

Пожелал ли народ, чтобы Рама пожертвовал, по ложному обвинению, каким-нибудь порочным человеком? Нет.

[ms. 69] Каково центральное понятие для каждого *мета́й* в Индии? Для поэзии это вкус. А для военного дела? Для похищения?⁸⁴⁶

Рама. Не-вмешательство. Это не он действует, изгоняя жену и казня шудру; это делает народ⁸⁴⁷. Царь должен сообразоваться с воображением народа. Да, но в какой мере? Где предел этого?

Если исполнение *дхармы* включает в себя⁸⁴⁸ несправедливости — как всегда и бывает — значит, надо быть готовым, ради *дхармы*, совершить такую же несправедливость даже против самого любимого существа.

Ясное видение зла, содержащегося в *дхарме*, есть предел этого зла. Этого достаточно?

Надо перестрадать это зло, перестрадать до физического изнеможения.

«Гита». Надо ли заключить из этого, что уход из мира престарелых брахманов не есть расторжение *дхармы*, это просто их *дхарма* и, следовательно, он смешан со злом, как и остальные ее виды? Но это зло не оскверняет их; так же и царей, на том же уровне.

Если бы супруга Рамы не была на одном уровне с ним, это зло пристало бы к ней, хотя бы и невиновной, — а не к нему.

«Мандукья-упанишада». Четыре состояния. Четыре и у Платона. Но на поверхностный взгляд — ничего общего⁸⁴⁹.

Бодрствование. Сознание, обращенное вовне. | Сновидение, сознание, обращенное [ms. 70] внутрь. | Глубокий сон, без желаний и без сновидений; сознание, обращенное в себя. | Не со-

знающий ни внешнего, ни внутреннего, ни обоих вместе; ни сознающий, ни лишенный сознания, сознающий единственно себя (???), неуловимый: Атман. Он представлен <слогом> А-У-М, и совокупностью всех трех <состояний>⁸⁵⁰.

Если бодрствование есть совокупность практических связей с миром, определяемых необходимостью; сновидение — страсть, т. е. желание и гнев; «глубокий сон» — интуитивное понимание, а четвертое состояние — равновесие троих, тогда существует согласие. (...)

Заклинание о жизненных благах в Упанишадах («Если б я мог!.. — ...тот, кто знает это»⁸⁵¹) — средство обратить жизненную энергию к лучшему?

| человек/его тень | это/то | *атман/прана* |⁸⁵² (...)

«Тайттирия-<упанишада>» — «Отвергнув зло в своем теле»⁸⁵³.

В наше время — аналогия между дыханием и сгоранием. В древней Индии — аналогия между дыханием и жертвоприношением. Та же аналогия, та же связь между человеком и миром — и какое различие!

Колесо, спицы и ступица⁸⁵⁴.

Орион, и другие герои в звездах: чему это соответствует? Африканская легенда о творении (<племя> *фанг*⁸⁵⁵). Это глаза умерших дают сияние вечерней звезде.

Валери. Привязчивость болезненных мыслей (сравнение с ожогом)⁸⁵⁶. Тем лучше. Это дает реальность. Пусть любовь к благу привязывается так. Посредством этого открывать любви путь к благу.

[ms. 71] Дела, которые возвышают и понижают, как движения руля высоты в самолете, опосредованно. Но что мы об этом

можем знать <наперед>? Каким образом мы узнаём о технической приложимости геометрии? Разве не из опыта?

Да, но из опыта специфически ограниченного. Ибо я же не пущусь, например, воровать, чтобы познать последствия воровства для души.

Наблюдение за другими, возможно, что-то восполнит, но оно затруднено.

Что здесь *a priori*, а что *a posteriori*? Кант оказывает лишь слабую помощь в рассмотрении этого. Упанишады не помогают нисколько. «Гита» тоже, ибо *дхарма*...

Поступок мне позволителен, если я могу исполнить его, не понижая себя. Да, но если я причиняю зло другому?

Но ведь именно знать (знать всей душой!), что другой реально существует, — драгоценнее и желаннее всего.

Мы заключаем себя в бутылки, ограничивая усилие борьбой против внутренних фантомов, или предоставляя им первый план. Эти фантомы — всего лишь завесы.

Уровни прочтения; прочтения, накладывающиеся одно на другое.

Каким предвидением я смогу предположить, что мои действия, которые приносят зло другому, принесут его и мне (как грех)?

Мои поступки увеличивают или уменьшают толщину завесы, отделяющей меня от мироздания и от других. Как те движения, которые я делаю, когда пользуюсь инструментом <умело или неумело>.

[ms. 72] Переводить в поступки, лишь только представится случай, как можно чаще (но не без границы) входящие в ум про- блески <подлинного осознания того>, что мир и люди реально существуют. Эти поступки — обращение с посохом слепого.

Удерживаться, насколько возможно, от любого действия в моменты, когда пелена, окружающая твою бутылку, плотна; дожидаться лучшего момента, — такого, как когда ты можешь рассматривать греческую статую. Или еще — второе средст-

во — если возможно, действовать в согласии с мыслями, которые ты имела в лучшие моменты, даже если в текущий момент их нет, и ты идешь будто в темноте, против собственного сердца и вопреки очевидности. Коль скоро ни одно из двух невозможно, и ты действуешь — знай, что действуешь дурно, и будь готова к тому, что придется пожалеть.

Самые разнообразные грехи можно поделить на разряды. Список?

Разряд: полная бессознательность. Принимать участие в такой-то совершаемой несправедливости как в чем-то совершенно естественном, даже не задумываясь над этим. Средство?

Разряд: внутренний зов — ребенок пытается разобрать часы, чтобы посмотреть, что тикает внутри; Пандора открывает ящик; мальчик не может удержаться «не думать о белом медведе», Еве не терпится испробовать плод. То, что относится к наваждениям; привлекательность, порождаемая запретом, <возникающая> даже когда мы запрещаем что-то себе сами. Средство?

Разряд: неспособность найти в себе энергию для поступка, который требует энергии. И чувство, что не сможешь. Хотя энергия несомненно найдется, если уметь уловить ее в себе, пользуясь искусством побудительных мотивов. (Лень, и т. д.)

[На полях:] Еще грех: заимствовать энергию <для действия> из низкого источника, под который ты мысленно подстраиваешься.

Родственный разряд — малодушие перед временем; страдать от того, что [ms. 73] в нужный момент не хватает решимости и время уходит. Дурное обращение со временем. Средство?

Разряд: внутренняя ложь, приспособляющая действие к необходимости сохранения физической жизни и личности (характера), приспособление мысли к такому действию. Единственное средство против: реальное и постоянное согласие на смерть и на потерю всех преходящих благ, без исключения.

Другие?

Мы не можем мыслить без движения. И, стало быть, убиваем в себе мысли, которые не выражаем в действиях всякий раз, когда возможно выразить. Так как тело в один данный момент времени может иметь только одно положение, каждый наш поступок — убийца мыслей, ибо он исключает бесконечное число других и препятствует в этот момент соответствующим мыслям оформиться. Надо удерживать себя от убийства ценных мыслей, удерживать себя от того, чтобы износить в мир мысли порочные, загрязненные ирреальностью, низкие.

Мысль, заключающая в себе контакт с реальным. Я не могу ее выразить⁸⁵⁷, не причиняя ущерба себе — т. е. уменьшая свою жизненную энергию, мое материальное богатство, мой престиж в обществе, мои возможности делать то или это... или даже подвергая опасности или разрушая мою собственную жизнь. Положить на одну чашу весов всё это, а на другую — то, что я теряю, убив эту мысль. И тогда уже действовать.

А если речь идет об ущербе другому? <Поступать> так же?

Предоставлять реальное существование — реальным мыслям, действовать в пределах воображения, свободного от мыслей воображаемых.

[ms. 74] Речь всегда идет о прочтениях.

А если две мысли, и обе реальны? — Рассмотреть их вместе, взвесить на верных весах, и тогда действовать. (Пример — Рама⁸⁵⁸.)

Внутренние веса. Каким искусством сделать их верными?

ДЕЙСТВИЕ КАК РУЛЬ ВЫСОТЫ. А ЕСЛИ ОНО В СОСТОЯНИИ ТОЛЬКО ПОНИЗИТЬ ИЛИ НЕ ПОНИЗИТЬ, НО ПОВЫСИТЬ НЕ МОЖЕТ? МОЖЕТ БЫТЬ, ЭТО ПОСИЛЬНО ТОЛЬКО ДЛЯ ВНИМАНИЯ?

(То же самое — применение силы по отношению к другому человеку.)

ДЕЙСТВИЯ, ПОМОГАЮЩИЕ ВЫВЕРИТЬ ВНУТРЕННИЕ ВЕСЫ. НАСКОЛЬКО ВОЗМОЖНО, СТАВИТЬ СЕБЯ В СИТУАЦИЮ, ГДЕ ОНИ БУДУТ ВЕРНЫМИ. (...)

«Это действует не Атман, а природа»⁸⁵⁹. Всякое действие, которое имело место в реальности, можно свести к игре необходимости, без того чтобы оставался некий остаток — часть, принадлежащая «я» (может быть?). Но мы или понимаем эту игру, или нет.

Тот, кто ее понял, действует иначе. Множественность игр.

Если бы Лоуренс не размышлял, лежа в своей палатке⁸⁶⁰...

Движение судна определяют ветер и течение, волны, руль, паруса. Но то, которое ведет знающий лоцман, идет по-особенному. Просто глядя на судно, не скажешь с уверенностью, что лоцман знает дно, зато если корабль налетит на риф, можно с уверенностью сказать, что он его не знает.

«Гита». Объяснение, возможно, в том, что выбора уже нет. Два войска стоят лицом к лицу. Его (Арджуны. — П. Е.) ответственность перед своими людьми запрещает ему оставить их под ударами неприятеля. Его желание отказаться от боя полностью ирреально: он (уже?) не может влиять на реальность⁸⁶¹ в форме действия⁸⁶².

[ms. 75] В такой-то данной ситуации определенные желания (определенные мысли) могут, приняв форму действия, влиять на мир; другие — не могут, но лишь вызывают последствия, отличающиеся от их цели. (Например, можно не отказаться от сражения, но сражаться дурно.)

Искать примеры. (Их много.)

Выбор надо делать всегда только между первыми. Вторые должны быть отвергнуты как принадлежащие к области воображения (их место рядом разве что с теми реальными желаниями, которые прикрыты желаниями ложными⁸⁶³). Однако, Рец: «Признаком великого ума является умение отличать необычайное от невозможного»⁸⁶⁴.

Ситуации, о которых говорит Рец, куда, по его словам, попадают только по собственной вине, но где, что бы мы ни сделали, все выйдет плохо. «Гита», как кажется, говорит о ситуации такого же рода. Она учит, что даже в таких обстоятельствах спа-

сение близко, если мы, делая все, что от нас зависит, ставим себя выше действий⁸⁶⁵, и если любим Кришну.

Кришне не нужно долго убеждать Арджуну сражаться, так как еще до начала разговора нет сомнения, что Арджуна сражаться будет. Внутренняя решимость, как бывает у многих (всех?). Момент [ms. 76] выбора для Арджуны уже позади. Где этот момент выбора?

Почти всегда момент решения не совпадает с моментом выбора. Мы решаемся, когда уже выбрали, или, может быть, — реже — когда мы еще не в состоянии выбрать.

«Это не ты, это природа убьет всех этих людей»⁸⁶⁶. (А не может ли это быть простой слабостью самообладания?) Отсюда не следует выводить, что всё позволено. (Как?)

Есть ли действия, которые можно было бы делать без желания успеха, и другие, которые нельзя так делать? Позволяет ли этот критерий произвести различие между ними? В этом нельзя быть вполне уверенным.

Оставить некую часть за несправедливостью — ограниченной, требуемой общественным порядком⁸⁶⁷. Но какую часть? В этом-то и весь вопрос.

Африканская сказка (<племя> *кама*⁸⁶⁸). Сезон дождей и сезон засухи спорят, кто из них старше; каждый говорит, что старше — он, потому что другой следует за ним.

Ср. Гераклит и т. д., даосы и т. д., очистительная сила игры противоречий. (...)

[ms. 76–78. Вычисления, геометрические фигуры.]

[ms. 77]

Лишение блага, нравственная смерть...

Из этого можно выйти, лишь до дна вкусив горечи.

Другого средства нет, и этого достаточно.

[ms. 78] Есть такие мысли о действии, которые, если мы сосредоточим на них взгляд души, удерживаясь от всякого сужде-

ния, исчезают, как пузырьки воздуха в воде (они способны влиять на движения тела только при помрачении души), и есть другие, которые, напротив, переходят при этом в реальность, воздействуя на реальность посредством тела.

【Это говорится лишь сокращенно, так как ясность и постоянство взгляда души могут иметь разную степень.】

Порыв жалости у Арджуны, в тот момент, когда он возник в его душе, по всей видимости, был мыслью первого рода.

Он разрывался между жалостью и необходимостью драться. После того, как он увидел Вишну в его истинной форме (а похоже, что без этого мучительного состояния он бы его не увидел), у него остается только вторая мысль. Какой еще критерий?

«Гита» и легенда о Жанне д'Арк. Сражаться с англичанами было *дхармой* Жанны д'Арк, хотя она была женщиной и пастушкой (если мы не берем систему каст строго в социальном смысле), но <тогда> в ее делах действовала природа (*пракрити*⁸⁶⁹), а не Бог (Атман). («Гита», XIII, 29.) Мы не вправе понижать Бога до того, чтобы объявить Его сражающимся на одной из сторон. Так и в Ветхом Завете. Там Бог сражается на одной из сторон. В «Илиаде» боги участвуют в войне, но Зевс держит в руке золотые весы⁸⁷⁰.

[ms. 79] Правда ли, что чистое действие (если чистоту действия понимать так же, как чистоту мысли) не принесет никакого зла другому? (Как Рама не причинял никакого <зла> шудре, убивая его⁸⁷¹.) Истинно так. Вероятно, это устроено провиденциально. Почему это можно предположить? Всё, что могу сказать: что <мое> намерение, в самом сильном смысле, состоит в том, чтобы делать как можно меньше зла, принимая во внимание и учитывая все необходимости. Зло, которого я не могу избежать, не сделав другого, большего, зла, делаю не я, его делает необходимость. [Человеку не дано делать добро, но разве что удаляться от зла.]

«Узел» состоит в сравнении этих двух зол. Внутренние весы. Как сделать их верными?

Но для Арджуны прошел момент, когда взвешивают на весах. На поле битвы течение времени уже миновало этот момент.

Золотые веса Зевса, двуединый символ. Символ слепой необходимости, символ решения праведника. Союз этих двух символов — тайна.

|| Ум⁸⁷² на своей самой высокой ступени некоторым образом подражает материи; отсутствие *своих*⁸⁷³ мыслей и *своих* действий. Высшая тайна.

Чистота в действии и время — мгновение. Погрузить точку действия в поток времени. (...)

[ms. 80] Пример поистине *благого* поступка. Браунинг и Элизабет⁸⁷⁴. Настоящая трудность не в том, чтобы сделать доброе дело, когда ты знаешь, что оно доброе, но в том, чтобы смотреть на него так напряженно, что мысль перейдет в действие. Как когда читают партитуру, и ноты, входя через глаза, выходят в звуке через кончики пальцев. Как когда при игре в регби видят мяч и удерживают его в руках. Не отвращать взгляд мысли, хотя бы риск — риск того, что мы ошибаемся — был бесконечно велик.

Если бы Элизабет умерла?

Если, рассматривая то, что кажется добрым, и не менее пристально рассматривая бесконечный риск, поступок <все-таки> совершают — разве этот поступок не хорош?

Гамлет не умел рассмотреть так.

«...is sicklied o'er»⁸⁷⁵, здесь не может быть верной мысли.

Напротив, Орест у Софокла⁸⁷⁶.

Антигона.

Этеокл⁸⁷⁷.

«Гита». Нужно отметить, что *дхарма*, завися от касты, следовательно от обстоятельств рождения, следовательно, от предшествующего воплощения, зависит от некоего предшествующего выбора. Не то, что у нас нет выбора, но если нас поместить в некий данный момент, у нас уже нет выбора. Мы уже не можем поступить иначе; нам уже незачем мечтать о том, чтобы посту-

пить иначе; но добро заключается в том, чтобы подняться над тем, что мы делаем.

[ms. 81] Тем самым мы выбираем — ради будущего — что-то лучшее.

Момент жалости у Арджуны — состояние грезы⁸⁷⁸. Его слабость перед тем, как вступить в бой и убивать сравнима со слабостью перед собственной смертью. *В некоторый данный момент* мы не свободны делать все, что нам угодно. Следовательно, нужно принимать эту внутреннюю необходимость. Принять то, чем мы являемся — в некоторый данный момент — как факт, даже позорное.

Театр. Театр должен давать почувствовать необходимость, внешнюю и внутреннюю.

Ориентировать себя не на какой-то другой образ жизни, а на смерть⁸⁷⁹. (...)

Жизнь и смерть других. Быть счастливым от того, что есть другие мыслящие существа, кроме тебя; важнейшая милость⁸⁸⁰. Желать смерти человеческого существа — отказ от этой милости (ср. Креонт⁸⁸¹). Но быть счастливым также и от того, что ты смертен, что и они смертны — для себя и для них в одной степени. Никогда не желать собственной смерти, но принимать ее.

Самоубийство позволительно лишь тогда, когда оно лишь [ms. 82] кажущееся: когда оно вынужденно, и имеется полное сознание этой вынужденности. То же <верно> для применения силы. Это — принуждение, а не дарованное преимущество, *пракрити*, а не Атман.

Иллюзорный выбор. Когда мы верим, что у нас есть выбор, это значит, мы не сознаем, заключены в иллюзии, и в таком случае, мы сами — игрушка. Мы перестаем быть игрушкой, поднимаясь над иллюзией — к необходимости, но тогда выбора больше нет; действие поставлено нам в обязанность самой ситуацией, ясно проявленной перед нами. Единственное, что может быть предметом выбора, это подниматься вверх.

У Браунинга не было выбора.

Необходимость в обоих случаях — но разная, не одна и та же.

Действие, выполненное таким образом, есть рычаг. *Возможно*, оно выведет в новые ситуации, — туда, где к долгу примешивается меньше зла. Но лишь возможно.

Нас не оскверняют действия, в которых мы таким образом отсутствуем (говорю: таким образом, потому что есть другие способы отсутствия), хотя бы к ним и примешивалось зло.

Нужно равным образом отсутствовать и в добре.

Действовать не ради чего-то, но *потому что нельзя поступать иначе*.

Верные весы. Весы — это тело, так как тело в каждый момент может выполнять только одно действие. Оно бывает [ms. 83] верными весами, когда <каждое действие осуществляется с> равным вниманием.

Поддерживать мир заключает в себе методическое воздействие на воображение людей. Когда это воздействие не выполняется, мира больше нет, и желание его иметь — ложно: оно реально разве что в той части нашего существа, где находятся «реальные желания, покрытые ложными»⁸⁸². Вопрос стоит лишь о той стороне, которую мы принимаем. А эта сторона зависит от *кармы*⁸⁸³.

Вот здесь легко ошибиться, как легко вставить неподходящее слово в кульминационной точке стихотворения; и ошибка творит новую *карму*.

Тот, кто присутствует во зле, которое делает, будет присутствовать также и в том зле, которое претерпевает. Тот же, кто не присутствует во зле, которое делает, тот определенным образом отсутствует и во зле, которое претерпевает — даже в кровавом поту, в тщетной молитве, в смертельной скорби, оставленный всеми.

Невыносимо претерпевать зло, когда мы сами присутствуем в нем. Овидий. «Ад»⁸⁸⁴.

Верно и обратное: тот, кто присутствует во зле, которое претерпевает, будет присутствовать и во зле, которое будет делать.

Мыслить общее благо так, как мыслят геометрическую фигуру. Лоуренс⁸⁸⁵. Платон. Реальный город, не город грёз (город кошмара)⁸⁸⁶.

[ms. 84] Та же необходимость, в силу которой существует зло, — а иначе за существование зла можно было бы упрекать Бога, — примешивает зло к любому действию даже самого праведного человека.

Мысль Реца, что собственная вина ввергает нас в ситуации, где какую сторону не прими, всё будет плохо⁸⁸⁷ — не есть ли это *карма*?

Рама смог казнить шудру и при этом не сделать зла (в определенном смысле) потому, что он отослал свою жену⁸⁸⁸.

Слова, которые стоит запомнить. Мон...⁸⁸⁹ — Чернокожие. — «Это за них мы получили войну».

«Изумрудная скрижаль». «То, что внизу, есть как то, что вверху, и то, что вверху, есть как то, что внизу»⁸⁹⁰. Упанишады: перевернутое дерево⁸⁹¹. Печать Соломона: противоположно направленные треугольники.

(?) То же самое в обратном направлении?

Ср. у Шартье: «Высшее несет в себе низшее, а низшее несет высшее»⁸⁹².

Нечто такое, что не существует, и на чем подвешено бесконечное множество существующего. Пример: пропорция между несоизмеримыми (Евдокс⁸⁹³). Искать и другие примеры из математики. (Можно сказать еще: вещь, не имеющая смысла, на которой подвешено бесконечное число вещей, которые его имеют.)

«Брахма-сутра», II, 3, 46–43: образ солнца, отраженного в воде, которая дрожит и колеблется от [ms. 85] волнения, не принимая в себя ни других образов, ни солнца... (отражение — *дживатма*, живая душа⁸⁹⁴; свет — *атман*, вода — *пракрити*⁸⁹⁵, луч — *буддхи*⁸⁹⁶).

Иллюзия. Освещенная часть луны, которая на горизонте кажется больше, чем в зените. В некотором смысле все мироздание существует только так.

Головные боли. В какой-то момент: боль притупляется, когда ты ее проецируешь на мир — но мир <при этом бывает> искажен; боль острее, когда ты возвращаешь ее на свое место, но что-то при этом не страдает и находится в контакте с миром неискаженным. Одно ли и то же страдание в том и другом случае? Направить их вниз, привести в определенную точку и оставить без внимания. Точно так поступать со всеми болями. Не давать им приближаться к вещам.

С радостями наоборот?

Мощь одежды греческих статуй: перенос, аналогия, множественные прочтения.

Закон переноса автобиографических элементов в литературную композицию; то же.

Одеяния на греческих статуях: это также присутствие силы тяжести вокруг выпрямленного человека. Человек — снизу вверх; одежды — сверху вниз; оппозиция, корреляция, субординация.

В обнаженной скульптуре тонкие, струящиеся книзу полосы ткани производят тот же эффект.

[ms. 86] «Не думать о белом медведе». Любая навязчивая мысль, которая снова возвращается... может стать таким «белым медведем», — если мы хотим отогнать эту мысль, вместо того чтобы, напротив, продумать ее более полно.

Так, скорби, унижения, удары по самолюбию, удары по чувству <к другому человеку> — все тщетные страдания могут, самой своей тщетой, делаться «белым медведем», на чем и основано их использование.

Навязчивые состояния необходимы именно для того, чтобы мы их избегали (есть оптимальная точка для этого; ср. Ис<па<ния>⁸⁹⁷>); а поэтому мы создаем навязчивую мысль, говоря: «не

думай о белом медведе». [Тем не менее, не надо их избегать (?)]

Нечего бояться потерять белого медведя, и ВСЕ ОНИ ДРУГ ДРУГА СТОЯТ. Извлечение души, которая перестает думать о чем-либо, есть образец блага.

Иллюзия. Не то, чтобы вещи заставляли нас верить в свою реальность, — ибо они, в определенном смысле, реальны. Но они заставляют нас верить, что они реальны иначе, не в том смысле, в каком они реальны.

А именно, они заставляют нас думать, будто одни из них реальнее, чем другие.

О, если бы всецелое мироздание, от гальки у меня под ногами до безмерно далеких звезд, со всем, что между ними, существовало для меня, в каждое мгновение, в такой степени, [ms. 87] как Аньес для Арнольфа и шкатулка для Гарпагона!

Второе тело. Один пример — посох слепого, другой — шкатулка Гарпагона.

Пусть все мироздание | станет ⁸⁹⁸ для меня вторым телом в обоих смыслах.

Этого можно достичь только методичным преобразованием себя.

Только путем действия — определенного, не сиюминутного, но требующего обучения — посох слепого может стать продолжением тела.

Шкатулка Гарпагона становится продолжением его тела через вожделение (ἔρως).

Через вожделение, которое само по себе невозможно насытить. Невозможность его насытить есть правда о нем; надежда насытить его — ложь. Образцы прекрасного поражают сердце этой невозможностью. Обладать вселенной и каждой вещью в ней так, как Гарпагон — не в силах насытиться ею. И, таким образом, обладать и этим не-насыщением. (И одновременно обладать вселенной и каждой вещью, как капитан своим кораблем.) А самое главное⁸⁹⁹ не-насыщение есть контакт с иной реальностью, есть обладание другого рода.

Каждое желание, если рассмотреть его внимательно, удовлетворенное (относительно) или нет, есть путь к не-насыщению. [ms. 88]

«Тогда поднялись великие крики, и все существа, и все желания»⁹⁰⁰.

«Иша-упанишада»⁹⁰¹.

«В еще большую тьму». — Стремиться к тому, что не относится к этому миру, и верить, что думаешь об этом, мыслить что-то, говоря об этом, притом что в нашем мире это непредставимо, — это и есть «еще более глубокая ночь»⁹⁰².

«Неведением переходят по ту сторону смерти»⁹⁰³, ибо мы, в нашей плоти и в нашей душе (живой душе), претерпеваем не смерть в собственном смысле слова, но ее эквивалент — рану, наносимую нам необходимостью, которая дает нам испытать, что мы смертны. Умереть нужно — не убить себя самому, но умереть, но быть убиту, не буквально, но почти, — чувствуя в прикосновении внешних вещей смертный холод.

«Ведением вкушают бессмертие»⁹⁰⁴. Воскресение. После того как мы почувствовали холод смерти — если только мы не спешим его забыть, и если он не оледенил нас — мы проходим по ту сторону; и тот же самый мир становится для нас питьем бессмертия.

«Не-становление и становление»⁹⁰⁵. Сама оппозиция перевернута (если ее члены верно переведены). [Ср. в «Чхандогья-упанишаде»: мир был сначала не-бытием, затем он стал бытием, затем он развился; *samabhavat*⁹⁰⁶.] Становление есть [ms. 89] позитивная сторона не-ведения; не-становление есть негативная сторона ведения. «Больше ночи» — в привязанности к одному лишь познанию, которое сюда не имеет доступа. «Больше ночи» — в привязанности к одному лишь становлению, которое сюда не имеет доступа.

«Уничтожением перейдя через смерть, становлением он вкушает бессмертие». Само становление есть бессмертная пища.

Мы претерпеваем смерть, поскольку верим в эту иллюзию. Претерпевая смерть сознательно, мы рассеиваем иллюзию, и тогда вновь обретаем реальность.

От страдания (в неведении) — к познанию иллюзии.

От уничтожения к становлению.

Преодолевают смерть вкушают бессмертие.

От иллюзии — к смертному страданию.

От смертного страдания — к познанию иллюзии. (...)

Двойное движение. Возвращение к низшему, которое преобразуется.

Этот мир есть бессмертная пища.

Двойной переход через смерть. Лишение творений; лишение отдельного бытия, отсутствие Бога. «Боже Мой, зачем Ты Меня оставил?» Смерть через не-ведение, смерть через не-становление.

«Те, кто убивают Атман»⁹⁰⁷. Каждый желающий, чтобы не было то, что есть (Марк Аврелий⁹⁰⁸). Так что же? — <Значит,> всякое вожелание убивает Атман⁹⁰⁹. (...)

[ms. 90] «Чжуан-цзы». «Хотя он не делает ничего, нет ничего, чего бы он не делал»⁹¹⁰.

Знающий — не тот, для кого все вещи стали Атманом; но, напротив, тот, для кого Атман стал всеми вещами.

Шанкара. «Действие, не будучи противоположно неведению, не может удалить от него; но познание рассеивает неведение, как свет рассеивает тьму»⁹¹¹.

Доброе деяние не ведет к познанию, но проистекает из него. (?)

А-У-М. То, что четвертое состояние не выражено письменно, — потому ли это, что оно невыразимо, или, скорее, потому, что оно есть связь троих?⁹¹² (Платон, справедливость.) Три состояния, *возможно*, вполне соответствуют гидре, льву и человеку⁹¹³.

Притом что самое высокое недоступно для мысли, чтобы помыслить его, следует мыслить его посредством мыслимого. Это устанавливает связь. Образец этому дает математика.

Шанкара, о неведении: узы земных страстей и привязанностей — в точности как Платон⁹¹⁴. Освобожденный от этих завес (или туч), Атман далеко сверкает свойственным ему блеском⁹¹⁵.

Арджуна *остановился* перед тем, как действовать. Поэтому его действие — благое. Остановиться не означает: быть в нерешительности. Два способа остановиться.

В мусульманской эзотерике *fanâ* — угасание (*нирвана*) и более высокое — *fanâ el fanâi* — угасание угасания⁹¹⁶. Не возвращение ли это в мир?

[ms. 91] «Сначала, воображая себя живой душой, человек бывает напуган, как тот, кто по ошибке принимает обрывок веревки за змею; но страх отходит, когда он убеждается, что в реальности он не есть эта живая душа, но сам Атман»⁹¹⁷.

{ *bāla*, состояние, сравнимое с детским, [концентрация сил существа] (Эдем).
{ *pāṇḍitya* (обучение), *taupa* (уединение). См. <комментарии> Шанкары к «Брахмасутре».

Шанкара. Вещи, различающиеся по их назначению, случайному положению, или имени — как изделия горшечника, которые суть всего лишь разные формы, принимаемые глиной⁹¹⁸.

Перемена уровня. Уже не любовь, но другая любовь; уже не знание, но другое знание, и т. д.

Человеческое существо на определенном уровне ограничено. Например, оно может вместить в себя лишь ограниченное число физических познаний. За пределы этого можно выйти только или возвышаясь, или понижаясь. Например, вместо этого познания, — сокращенные очерки о вещах, познанных другими. Или напротив... (здесь — это становится трудно...⁹¹⁹)

Так же и всякая вещь, относящаяся к человеку, рассматриваемая на определенном уровне, до некоего предела; и каждый, кто хочет ее преодолеть, должен возвыситься — или опуститься.

Мы опускаемся, когда принимаем в расчет количество. Но со вниманием представляя его уровень и предел, можно взлететь в небо, пробив потолок.

[ms. 92] Брахман — пространство. В нескольких смыслах⁹²⁰.

Небо, которое внезапно отдаляется — но после усилия внимания — в моменты...

Ни имени, ни формы⁹²¹. Наблюдение за звездным небом. Видеть звездную пыль, бесформенную пыль, — пустяки. Но видеть формы — это еще более низкое восприятие. <Надо> видеть порядок без формы. Перейти от этого к видению форм — падение. Так и имена звезд, созвездий.

«То, что вверху — как то, что внизу»⁹²².

Не прочитывать. Прочитывать не-прочтение.

Высшее искусство: порядок без формы и без имени. Отрицание формы в великом искусстве. Как? Проанализировать. Форма есть у Микеланджело, но не в греческой статуе⁹²³. Как это?

Поэзия. Образы и слова, отражающие состояние без образов и слов. Музыка. Звуки, отражающие состояние без звуков. Слова и звуки, эквивалентные молчанию. Но каким образом?

Отражают просто потому, что, по сходству человеческой природы во всех людях, следуют тому же таинству, что и прямая⁹²⁴.

[ms. 93] Но в греческой статуе?

<В ней> каждая часть сама для себя, не для того, чтобы устанавливать связь с другими частями. Они соединяются друг с другом *сверх того*.

Многоплановая композиция — соотношение с порядком без формы?

Многоплановость | не-прочтение (без имени и формы) | присутствие.

Как связаны между собой это без-имени-и-формы и прочтение соотношений.

Многоплановое прочтение — соотношение с порядком без формы?

Соединение многих форм не есть единая форма.

Зритель (читатель), представляя в одном предмете множество форм, поднимается над формой. Тем самым обретается без-форменность, которая выше формы; ибо всегда существует опасность упасть ниже формы.

То, что внизу — как то, что вверху, — в обратном смысле. Каждое состояние есть метазу к состоянию, что кажется ниже первого, но преобразовано.

Таким <же> образом — не-различение по отношению к людям.

Секунды остановки, отчего обретает ценность всё остальное, в музыке, в танце и т. д. (образ... (человеческих осмыслений, решений и поступков? — П. Е.)) Как противоположность, [ms. 94] непрерывный ритм работы на заводе.

Место молчания в музыке; оно должно быть в центре чего-то. Как? К нему поднимаются? И опять от него же спускаются? Но спускаются с такими модуляциями, которые напоминают о присутствии высокого в низком (пассажи Моцарта и Баха).

Вызвать ожидание. Ожидать звука, который заполнит — и пусть этот звук будет неким молчанием. Что из последующего вызовет в представлении бытие наполненное и, в то же время, лишенное? Вот это — как?

Подражание (но с помощью немногих чистых и определенных звуков) человеческому голосу, когда он взывает к кому-то, и т. д.). Но при этом задачей является вызвать те движения души, которые вечно остаются безгласны, во всяком случае, внешне.

Огромная трудность искусства: переходы — или модуляции. Между двумя яркими словами, между двумя нотами, между двумя плоскостями тела (например, лбом и щекой), между двумя аттитюдами в танце, и т. п. — чтобы этот промежуток не смешал рельефность, но выделил ее еще больше — или через последовательность, или через контраст.

Спускаться без понижения себя.

Промежуток имеет место по необходимости. Например, размер и ритм, грамматика и смысл — для поэзии. Образ необходимости, который время налагает на жизнь. (Здесь имеет место даже целый ряд необходимостей.)

В этом и трудность, и подлинная ценность искусства.

[ms. 95] Время — «подвижный образ вечности»⁹²⁵; в этом вся проблема.

Карма и немезис⁹²⁶. Немезис, одновременно внешний образ и (тем самым) исцеление *кармы*. Кто убил, будет убивать. Кто убил, будет убит. И то, и другое верно. Второе — исцеление первого. Подвижный образ равновесия.

Мироздание должно иметь много прочтений, как и произведения искусства. А без этого как могли бы выходить произведения искусства? Если классическая наука [а что касается современной...] — это прочтение, то следует поставить это прочтение в связь с другими. Μεταξύ для Запада.

δύ' αἰτίας εἶδη διορίζεσθαι, τὸ μὲν ἀναγκαῖον, τὸ δὲ θεῖον⁹²⁷.

Платон: уподобление. Индия: отождествление⁹²⁸.

[Конец ms. 95 — ms. 96. Выписки на греческом и перевод фрагмента из платоновского «Тимея», 80a–b.]

[ms. 97. Выписка из «Тимея», 68e–69a, и комментариев Симоны:]

(...)

Без необходимости нельзя постичь ни само божественное, ни уловить его, ни быть причастным к нему каким-либо иным способом.

Причины божественной в каждой вещи надо искать ради благоденствия⁹²⁹, а причины необходимой искать ради причины божественной.

Воспроизвести движение, о котором мы мыслим; воспроизвести его таким, как мы его мыслим.

Но на уровне искусства мы мыслим отсутствие движения, поведения, а движение и поведение подражают этому отсутствию. Но как?

ТО, ЧТО ДОБИТЬСЯ НЕКОТОРОЙ ВЕЩИ КАЖЕТСЯ НЕВОЗМОЖНЫМ, КАКИЕ БЫ УСИЛИЯ МЫ НИ ПРИЛАГАЛИ, УКАЗЫВАЕТ НА НЕПРЕОДОЛИМУЮ ГРАНИЦУ НА ЭТОМ УРОВНЕ, И НА НЕОБХОДИМОСТЬ СМЕНИТЬ УРОВЕНЬ, «ПРОБИТЬ ПОТОЛОК». ИЗНУРЕНИЕ В УСИЛИЯХ НА ЭТОМ УРОВНЕ ВЕДЕТ К ДЕГРАДАЦИИ. ЛУЧШЕ ПРИНЯТЬ ГРАНИЦУ И, РАССМАТРИВАЯ ЕЕ, ВКУСИТЬ ВСЮ ГОРЕЧЬ ОТ ЭТОГО.

[ms. 98] Мал<ьро> и Р<оссия>⁹³⁰. Непроницаемая преграда; нежелание взвешивать все на одних весах; <но> нужно иметь всегда *только одни* весы. Большой соблазн — произвольно убирать что-то с весов; несправедливость. Отказ узнавать одни и те же вещи на разных уровнях, из-за различия названий и форм. Надо подниматься выше имен и форм⁹³¹.

Что-то подобное, <что поможет понять> основу всего этого. Этот стол, эта книга — это тоже непроявленное, тоже пустота.

Убираю ли я что-то с весов?

Война. Как звуки, которые заключают в себе подражание молчанию, — пример войны, которая изображала бы мир; как это происходит?⁹³²

[ms. 99–102. Размышления над математическими проблемами.]

[ms. 102] (...) А-У-М. Исследовать в математике невыразимые единства. Евдокс. Это, определенно, то самое, что делал Платон.

Мысль, не подчиненная воображению и времени.

То, что есть доброго и здорового, то, что есть ограниченно-го и нездорового в заботе сохранить контакт с интуицией — у ученых XIX века (уже исключая математиков). Нужно сохранять контакт, но не оставаться на том же уровне.

Потребовалось бы совсем немного (хотя в определенном смысле — многое), чтобы вновь прийти от современной науки к той, что была бы эквивалентом греческой.

Световые лучи и восприятие. Прямая.

Невыразимая аналогия между вещами, доступными выражению. Аналогия между невыразимыми аналогиями, и т. д. Аналогия между всеми [ms. 102] возможными аналогиями. Всему бесконечному соответствует единство. Невыразимое соответствие между аналогией и единством. — Платоновская диалектика.

Мы освобождаемся от чувственных представлений. Освобождаемся и от «гипотез», в том смысле, что принимаем их просто как «гипотезы», а рассматриваем только аналогии.

В этом смысле, не было ли у Платона предчувствия не-евклидовых геометрий, но понимаемых совсем иначе?

Замечательный пример Гаусса. Если рассматривать эту геометрию без учета третьего измерения — если рассматривать поверхность, где влияние теплоты на инструменты измерения играет аналогичную роль — с использованием понятия недеформируемых твердых тел, — евклидова и неевклидовы геометрии стоят на одном и том же уровне. (?)

Важный пункт евклидовой геометрии, с которой мы только и можем начинать, состоит в том, что в повседневных действиях она приложима к тому, что мы рассматриваем как недеформируемые твердые тела — но также в том, что она отвечает другому⁹³³.

[ms. 104] Индийская наука о словах. Соответствие между словами — которые не имеют ничего общего этимологически — и соответствуют истинам. Но эти соответствия установлены. Совпадение между установленными сходствами и истинами, которые соотносятся так же, как знак и обозначаемое в симво-

ле. Тем не менее, эти соответствия устанавливаются. Иностранец, обладающий метафизическим познанием, которому говорят слово «sāman», не может знать, что один из слогов этого слова есть женское личное местоимение. Мы знаем только, что вообще в каждом языке (особенно священном?) существуют такие соответствия. То же и для космологии (?).

Точно так же, <впервые> берясь за книгу, мы точно знаем, что там имеются слова и фразы, хотя еще не знаем, какие. (...)

[ms. 104–107. Геометрические вычисления. Самостоятельные переводы отдельных стихов из «Бхагавад-Гиты».]

[ms. 107] (...) Какова та тайна, которую природа уже почти готова высказать, когда мы рассматриваем ее так, как рассматриваем греческую статую? Это не то, что преподает наука, и однако, оно не без связи с ее знаниями.

Каждая вещь, отраженная, транспонированная в каждую другую.

Позитивная наука и другие точки зрения. Прояснить понятие *совпадения*. Собственно говоря, оно имеет смысл только относительно человеческой воли.

Это понятие совпадения, как и понятие пренебрежимого — самое важное в том, что касается науки.

Разве представление мира согласно отношению «символ — знак» не столь же законно, как представление согласно отношению «средство — цель» в труде? Тогда все, что не имеет *значения*, можно было бы отнести к совпадениям.

Или допустить, что нет ничего...? Но лучше было бы иметь что-то, [ms. 108] что объединяло бы одно и другое. (...)

[ms. 108–110. Выписки, вычисления, размышления о механике Архимеда.]

[ms. 110] (...) Время, собственно говоря, не существует (кроме настоящего, как границы⁹³⁴) и, однако, именно ему мы подчинены. Таково условие нашего существования. *Мы подчинены тому, чего не существует.* Говорим ли мы о пассивно переносимой длительности — как физическая боль, ожидание, сожаление, упреки совести, страх — или о времени управляемом — как порядок, метод, необходимость — в обоих случаях то, чему мы подчинены, — не существует. Но наше подчинение — существует. Мы реально прикованы ирреальными цепями. Время — ирреальное — покрывает и нас, и все вещи завесой ирреальности.

Основная аналогия между миром и мыслью — то же, что отношение между высотой и низом, зависящее от силы тяжести. Сила тяжести есть сила по преимуществу — да есть ли, собственно говоря, какая-нибудь другая? Всё, что говорит о подъеме, говорит об увеличении ценности.

С высокого места нам видно обширное пространство; места, которые идущий по равнине видит последовательно, тот, кто стоит на холме, охватывает одним взглядом, одновременно.

[ms. 111] <Например,> такое-то <высказывание> буквально верно; но <верно> также и не буквально. По какому совпадению?

Все, что связано с третьим измерением, тоже странно.

Энергия есть способность подниматься (хотя бы шар на стол; упав, он дает подняться другому шару).

Рычаг. Опуская — поднимать. Возможно, только так мы и можем поднимать.

Смотреть на птиц трогательно для нас, потому что...?

Эти соответствия находятся в существенной связи с прекрасным, но каким образом?

Сила тяжести в архитектуре, в скульптуре. И третье измерение здесь же. Третье измерение в живописи. Высокие и низкие звуки (и третье измерение?) в музыке.

Скульптура. Всё по отдельности снижается под действием силы тяжести (текущий камень⁹³⁵), и при этом всё вместе поднимается.

Человек прямоходящий.

Вода и сила тяжести. Даосы⁹³⁶.

Свет в живописи, делающий ощутимым третье измерение.

«Деградация энергии»: этот термин подразумевает аналогию оппозиции между высоким и низким.

Сила тяжести есть принуждение⁹³⁷, которому мы подчиняемся, цепь. Восходить — сверхъестественно; доступа на небо нам не дано.

Даосы: «С неба мы увидели бы всё, но ничего не различили бы»⁹³⁸.

Расстояние. Значения расстояния.

[ms. 112] Меч — простая машина (как и гвоздь), собирающая энергию удара на крайне маленькой поверхности режущей кромки; им наносят удар сверху вниз: сила тяжести, преобразованная простой машиной. Вот разница между человеком вооруженным и человеком обезоруженным, между Ахиллом и Ликаоном⁹³⁹. А что же бывает с душой, оказавшейся *под* силой тяжести! Так же, как с кем-нибудь, кто стоит над скалистой крутизной, в страхе, что вот-вот упадет. Остановка мыслей.

Скорость — эффект силы тяжести. (Но сжатие, упругость?..)

Человек, который налегает силой тяжести на других, имеет ощущение «возвышения». Иллюзию возвышения. Ложная экзальтация (власть, убийство, сексуальное обладание) — [История Th.⁹⁴⁰] — Искушение обладать миром.

Сила тяжести и время. Сила тяжести неотделима от времени. Каким образом?

Приложение понятия энергии к человеческой жизни — энергии, аналогичной той, что находится связана с силой тяжести.

Аналогия между миром и ценностями через посредство силы тяжести; она делает ощутимой иерархию ценностей. Если бы

эта иерархия ценностей посредством аналогии не становилась бы различима, мы бы ее не мыслили.

Низкие мотивы имеют больше энергии, нежели возвышенные (очереди за продуктами⁹⁴¹; насколько легче забыть что-либо в шоке от боли или от удовольствия, чем «не думать о белом медведе», и т. п.). Это как кинетическая энергия тела, которая во время падения увеличивается. Направлять с высоты энергию низких мотивов. Обращать, приспособлять⁹⁴² низкие мотивы так, чтобы они [ms. 113] несли нас туда, куда нам нужно. Усилия, прилагаемые к вожжам или к рулю — (вожжи — *манас*, кони — десять способностей чувства и действия, колесница — тело). Но знать, что это *они* несут.

Мир в силу необходимости устроен так, что мы можем мыслить всё самое чистое посредством аналогии.

Другая аналогия со злом: нечистота, грязь, примесь.

Нечистота и низость. Чистота звезд, неба. Оказывается, что... Чистота и пустота, пустота и небо⁹⁴³. Облака и завеса. [Чистота воды...⁹⁴⁴] [Вода и свет.]

Как тот, кто несведущ в высокой музыке, но она трогает его; так же — крестьянин и природа... Как тот, кто слушает музыку со вниманием, так же... (таков же тот, кто...?)

В мире, воспринимаемом как символ, субъект не отсутствует.

|| Падение и быстрота. Подъем и медленность. Но ритм в последовательности⁹⁴⁵ аспектов вверху и внизу.

Музыка — темп и «выше-ниже».

Высокое и непосредственное.

Два непосредственных (следующих один за другим), из которых один следует сразу за подъемом.

Трудиться и поднимать. Строительство. Вызов силе тяжести в архитектуре, с использованием той же силы тяжести.

Нарушение порядка и снижение, порядок и возвышение. Постройка, которая рушится.

Высокое — и целостность, низкое — и части

Снижение — время претерпеваемое; подъем — время управляемое.

Монотонность григорианского пения⁹⁴⁶. Пение, повторяемое изо дня в день, по несколько раз в день, должно быть монотонным, иначе оно было бы невыносимым. [ms. 114] (Цена этой монотонности — вечность.) Напевы, создающие навязчивые состояния (современные певцы добиваются этого систематически). То же касается и форм.

С высоты обозримы большие расстояния. Замороженное время.

Политические взгляды людей — эквиваленты. Может показаться, что противодействовать злу в такой-то форме легче, опираясь на другую (эквивалентную, почти идентичную) форму зла, нежели опираясь на добро (неудобство которого в том, что оно не существует).

Восприятие — сцепление и переход⁹⁴⁷ от формы к форме. Движения рукой перед собой — удар, и т. п. — формы холмов, долин, равнин. Рисунки Рембрандта?..

Конус → окружность → прямая → точка — аналогии...

Окружность и прямая — гипербола (парабола) и и окружность.

Четыре состояния по Платону, и четыре — по «Веданте». Εἰκασία⁹⁴⁸, как кажется, соответствует бодрствованию. Πίστις⁹⁴⁹ — сну — ? Διάνοια⁹⁵⁰ — не имеет эквивалента в индуистской системе (?). Νοῦς⁹⁵¹ — одновременно и *праджня* (бытие, единое, истина, свет), и четвертое состояние (идея блага, сущего по ту сторону истины, соответствующей бытию). Διάνοια — от гипотез к выводам. Νοῦς — к абсолютному⁹⁵².

Сила тяжести, время, зло. Падая, мы не можем остановиться. Принуждение — в этом. Во время падения не бывает моментов остановки. С вершины горы видны склоны и равнины, где мы одним взглядом прочитываем прошедшие часы, предстоящие часы, различные возможности того, как пройдут эти предстоящие часы.

Какой смысл говорить о силе вообще, когда в реальности есть сила тяжести. Число, вес и мера.

Предел. «Качество изменяется в количество». Всякое развитие кончается изменением; ничто не продолжается беспредельно. Таков закон мира, который [ms. 115] гипотезы о составе материи не учитывают, закон, аналогичный любому из законов человеческой жизни. Какова природа этой определенности? Я знаю, что никакое количество в мире, как угодно определяемое, не может увеличиваться бесконечно.

[А скорость? Эйнштейн.] [В этом смысле — почему нет?]

|| Ни температура жидкости, ни давление газа, ни..., ни... Какого рода эта *необходимость*?

Разрывы и компенсации. «Вещи претерпевают несправедливости друг от друга и подлежат искуплению»⁹⁵³. Различение «вещей» произвольно. [*Поучителен факт, что одновременно существует много различных систем различения.*]

Но истинно, возможно, для всех систем различения.

Равновесие и пропорция; разрыв равновесия — разрыв пропорции. Πλεονεξία⁹⁵⁴. Что-то опережает. Нет — стремится превзойти предел, за которым эта вещь уже не может существовать и разрушается. В своем увеличении она еще прежде того разрушилась (была израсходована) естественным образом. В каждом изменении — разрушение в одной связи, увеличение в другой, а затем — разрушение в следующей связи.

Разве это не столь же интересно, как скорости и положения?

Наука и техника. Также можно представить и науку о природе, ориентированную на технику внутреннего совершенствования.

Изучение мира. Везде аналогии с человеком. Но и как иначе? Разве это не наш мир? Что за [ms. 116] детство — верить, что ты сможешь устранить время и качества. Не появляется ли вновь человек в критерии простоты алгебраических форм?

Итак, человек присутствует. Но почему только раб, черплющий воду из колодца? Раб нужен. Но почему только он один?

Прочитывать в мироздании те необходимости, которым подчинен человек. Нам это посильно; не является ли человек душою мира?

[Нам не известно, почему в мире существуют символы. Но не известно и то, почему применяется евклидова геометрия?]

Наука должна быть участием в мире, а не завесой.

В науке — там, где что-то *не склеивается*, созерцать это, вместо попыток выкрутиться.

ТРУДНОСТЬ УЖЕ В САМОМ ПРИНЦИПЕ, ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ЕДИНСТВЕННЫМ РЕАЛЬНЫМ РАВНОМЕРНЫМ ДВИЖЕНИЕМ ДВИЖЕНИЕ ВРАЩЕНИЯ. И ОДИНАКОВО ЛИ ПОНЯТИЕ О РАВНОМЕРНОМ ДВИЖЕНИИ С ПОНЯТИЕМ О ПРЯМОМ?

+ (N. В. — узнать: Каким образом классическая механика интерпретирует суточное кругообращение Земли?

Создает силу (центрифуга); но в результате чего?)

Всякой силе необходимым образом соответствует — какого рода эта необходимость? — что-то, что препятствует ей действовать свыше определенной меры.

Геометрия, некоторым образом, есть образ чего? «Ты забываешь о геометрическом равенстве»⁹⁵⁵. Что такое это РАВЕНСТВО?

[ms. 117] Болезни, исцеленные в одной форме и вновь проявляющиеся в другой (Гиппократ). Весьма глубокая мысль. Эквивалент в душе. Эквивалент — в трудностях философского учения или <практической> науки; устраненные, они возникают вновь в другой форме. Эквивалент в обществе. В искусстве. Мы заменяем слово, образ, стих другими; то же несовершенство. Как получается то, что бывает иным, что бывает переходом к лучшему?

В человеке — стремления (направленная энергия), которые, наталкиваясь на внешние ограничения (обстоятельства и существенные необходимости), сворачивают в сторону тем или иным

образом. Эквиваленты. Понижение, спад — каким образом? Выбор? Единственный способ, в любой ситуации, сохранить себя (*дживатма*⁹⁵⁶) как можно больше.

Λ | Видимость и реальность. Этот мир — царство видимости; например, на заводе надо сохранять вид полной готовности к работе, пока машину выключают на четверть часа, и т. д. (...)

Претензии Планка и др. Почему, собственно говоря, алгебра есть что-то менее «человеческое», чем цвет, звук, теплота и т. п.?⁹⁵⁷

Три *гуны* и три измерения пространства. [Связь этих трех измерений с концепцией равномерного и ускоренного движения...]

[ms. 118] Два аспекта *кармы* — внутренний (кто убивает, будет убивать) и внешний, эквивалентный немезису (кто убивает, будет убит) — <связаны по принципу> дополнения; но только второй восполняет первый, предоставляя возможность спасения. Они неотделимы.

Действие и реакция, изменения дополняющие. [Анаксимандр — *миманса* Джаймини⁹⁵⁸.]

В треугольнике: увеличение одного угла влечет за собой уменьшение другого.

Во всяком изменении (каких бы размеров ни была часть бытия, отделённая мыслью) есть и нечто постоянное. Следовательно — некий инвариант (не уловимый чувственной интуицией), которым определяются условия вариации — условия ограничительные. Следовательно, относительно этого инварианта равновесие не нарушено, изменения взаимно компенсируют друг друга.

Повсюду, где есть предел, есть и компенсация действий реакциями.

Пвсюду, где есть «существа», есть предел.

Круг.

При условии, что... по мере того, как... относительно... насколько...

«Не-дуалистическое» учение. Рассмотрение *всех* противоречий, которые поднимают душу к единству. Единству, которое не разрешает противоречий, единению, чьи противоречия суть отсутствие. Отклоненная дуальность.

Дуальность означает оппозицию, противоречие; что еще другое она может значить? Если имеется какая-то *вторая вещь*, мы ее не знаем. Для нас это не является даже небытием.

[ms. 119] Равновесие и постоянство. Изменение — разрыв равновесия. Без конца, как с маятником. В материи, в обществе, в мыслях (чувствах).

Изменение было бы разрушительно, если бы не было стеснено границами. Границы означают феномены компенсации. Изучать становление значит изучать эту компенсацию. [При этом, управляемое время...]

Например, сохранение энергии в закрытой системе — увеличение энергии кинетической и уменьшение энергии потенциальной. Затем наоборот (?) — Сохранение живых сил; в случае составного маятника, скорость здесь больше, а там — меньше, чем в свободном состоянии.

Изменения в закрытой системе — внутренние компенсации.

Закрытая система, подчиненная внешним действиям; бо́льшая система, включающая первую, и ее действия. Внутренние компенсации.

Беспредельность в мире <i>невозможна</i> .	} в социальном отношении... ⁹⁵⁹
Беспредельность — <i>зло</i> в душе.	

Теория множеств, понятие группы и инварианта, на первом плане.

Вращающийся диск. Неподвижная точка. — Вращающаяся сфера. Неподвижная ось. Мысль, которая приняла бы эту ось как тело, избежала бы модификации.

Любовь — ограниченная данным уровнем. — Передвинув этот уровень, создашь ненависть. (И наоборот. <Но,> кажется, это совсем по-другому.)

Искусство. *Необходимые соединения* между выразительными элементами.

[ms. 120] «Тимей». — Изменения во вселенной. Вещи, однажды удаленные со своих мест, стремясь вернуться на них, толкают друг друга по кругу, ибо пустоты нет (<действует> не притяжение, только сила напора⁹⁶⁰). Таким образом, колебательное движение без конца. Так же, <как> вдох и выдох⁹⁶¹.

? | Тела поднимающиеся и опускающиеся (которые или тяжелее, или легче воздуха) — то же самое объяснение; и то же самое — звуки, которые кажутся быстрыми и медленными, высокими и низкими — то передающиеся не гармонично, по причине неединообразности движения, вызванного в нас ими, то согласные (σύμφωνοι) — по причине <его> единообразности⁹⁶².

Звуки подталкивают друг друга.

Всякое изменение приводит в действие феномен компенсации. Пример — скольжение по плоскости, трение. (Отсюда — энергия, энтропия; но должно быть противоположное энтропии, то, что компенсирует.) Феномен компенсации, который заранее устанавливает границу изменению.

Всякое изменение стремится к продолжению (инерция). Но, доходя до предела, оно включает в себе также тенденцию к изменению своей собственной природы. [Двояким образом?]

[В некотором смысле *раджас* можно уподобить принципу инерции, *тамас* — принципу энтропии, а *саттву* — жизни — в области материи⁹⁶³.]

Китай. В середине мира (мировое древо) то, что идеально прямо, не дает тени⁹⁶⁴.

Тень.

Свет и тень, добро и зло — *образы соотношения противоположностей, существующие в мире*. Противоположностей для нас. Если мы помыслим об атомах, свет и тень не будут противоположностями. И само это — образ некой другой истины.

«Гармония, движения которой сродни кругообразным движениям души в нас...»⁹⁶⁵

[ms. 121] (...) Движения нашей мысли — *περίφορὰς διανοήσεως* — сродны движениям неба и движениям гармонических звуков.

«...Чтобы мы, наблюдая в небе круговращения Ума, воспользовались ими для движений нашей мысли, которые им родственны, — но наши подвержены возмущению, а те невозмутимы...»⁹⁶⁶

[ms. 122–152. Выписки из «Бхагавад-Гиты» и Упанишад в переводах Э. Сенара и Р. Домалья, а также собственные попытки перевода; пространные выписки на греческом из Эсхила («Прометей прикованный», «Агамемнон», Софокла («Антигона») и Платона «Тимей», «Государство», «Законы».]

[Третья страница обложки:]

<Орфические фрагменты; в оригинале греч.>

Слева от дома Аида ты найдешь источник,

Рядом с ним стоит белый кипарис.

К этому источнику даже близко не подходи.

Найдешь и другой: из озера Мнемосины

Текущую холодную воду, перед ним — стражи.

Скажи: «Я дитя Земли и звездного Неба,

Но род мой — небесный, об этом вы знаете и сами.

Я иссохла от жажды и погибаю — так дайте же мне скорей

Холодной воды, текущей из озера Мнемосины».

И они дадут тебе пить из божественного источника,

И тогда ты станешь царствовать вместе с другими героями⁹⁶⁷.

(Это напоминание душе есть то же, что принцип припоминания у Платона и «болезненная память» у Эсхила. Это познание божественного. Белый кипарис, может быть, соотносится с Древом познания добра и зла, которое, как говорится в «Поисках святого Грааля», было абсолютно белым.)⁹⁶⁸

Ибо я тоже горжусь происхождением от вашего счастливого рода,
Но Мойра сразила меня и другие бессмертные боги⁹⁶⁹.

Я прихожу чистая из чистых, о царица преисподних⁹⁷⁰.

Как только душа покинет свет Солнца,
Иди направо, тщательно остерегаясь всего.
Радуйся, испытав испытанное, прежде ты не испытывал
этого никогда.
Ты стал богом из человека. Ты — козленок — упал в молоко⁹⁷¹.

Тетрадь IV (К4)

Верхние Альпы, Сен-Марсель-д'Ардеш,
Поэ, Сен-Жюльен-де-Пейрола́.

Август — октябрь 1941

В октябре 1940 года вишистское государство, выполняя требования Гитлера, ввело закон, запрещающий евреям работу в сфере образования. («Окончательные меры по решению еврейского вопроса» были еще впереди — они развернутся в полную силу летом и особенно с осени 1942 года, когда немцы оккупируют всю территорию Франции.) Для Симоны это было запретом на единственную профессию, которой она владела и которой была предана. Тем не менее, на Юге ее время проходило в напряженном труде; об этом свидетельствуют как «Тетради», так и большие работы, написанные в марсельский период — «Бог у Платона», «Гераклит», «Дохристианские интуиции», «Формы неявной любви к Богу», «Любовь к Богу и несчастье» и многие другие. Участие в работе Марсельского Общества изучения философии, статьи для журнала «Cahiers du Sud» — все это наполняло ее жизнь. Кроме того, Симону почти ежедневно занимала забота о нуждающихся и страдающих людях, с которыми она делилась как своим временем, так и тем немногим материальным, чем располагала сама — небольшие денежные суммы, достававшиеся в качестве гонораров или от родителей, продовольственные карточки. Особенно часто она навещала лагерь вьетнамских рабочих, мобилизованных в начале войны на работу в военной промышленности метрополии, а после перемирия оказавшихся без средств к существованию и без возможности вернуться домой. Наконец, Симона посылала одежду и книги нескольким иностранцам, интернированным в лагерях по по-

литическим мотивам, поддерживала их письмами, о ком-то из них ходатайствовала перед властями, иногда не без успеха. Впечатляющие факты в этом роде упоминаются в книге «Жизнь Симоны Вейль», написанной ее ближайшей многолетней подругой Симоной Петреман. При всем этом Симона Вейль страдала от мысли, что отделена от простых людей, занимаясь практически только тем, что ей самой нравится, а не рутинным тяжелым трудом, в котором было бы больше чистого и безусловного служения, больше «контакта с реальностью», к чему она всесторонне стремилась. Эта мысль побудила ее заняться поиском работы в деревне, вместе с крестьянами. Летом 1941 года Симона Вейль обратилась к о. Перрену с просьбой подсказать ей место в окрестностях Марселя, где в течение сельскохозяйственного сезона она могла бы потрудиться на сборе винограда, или на другой подсобной работе. О. Перрен отнесся к ее просьбе ответственно и заботливо: он написал о Симоне своему доброму знакомому Гюставу Тибону. Дав ей довольно подробную характеристику, священник прибавил: «По-моему, этот эксперимент нуждается в контроле. Был бы рад, если бы вы приняли ее у себя». Тибон был для этого случая кандидатурой совершенно уникальной: крестьянский сын, на шесть лет старше Симоны, он немало повидал в своей скитальческой юности, а в зрелые годы вернулся в родное селение Сен-Марсель-д'Ардеш, где всю оставшуюся долгую жизнь (он прожил до 98 лет) совмещал сельские труды с самостоятельными занятиями философией. После некоторых размышлений Тибон ответил согласием на просьбу о. Перрена, и 7 августа встретил Симону на авиньонском вокзале⁹⁷².

Через много лет он так описывал свои впечатления от первой встречи: «Не буду обсуждать ни ее физический облик (она была не безобразной, как говорили, но преждевременно ссутулившейся и постаревшей из-за своего аскетизма и болезней; в этом кораблекрушении красоты спаслись только ее чудесные глаза), ни ее наряд, ни ее невозможный багаж (ибо она царственно пренебрегала не только канонами элегантности, но самыми элементарными правилами — выглядеть так, чтобы на тебя не оглядывались на улице)... У меня было впечатление, что передо мною

нечто радикально чуждое всему моему пониманию и мыслям, всему, что представляло в моих глазах смысл и вкус жизни»⁹⁷³.

«Найдя наше убогое жилище слишком комфортабельным, она отказалась от комнаты, которую я ей предложил, и хотела любой ценой улечься спать под открытым небом. Тут уж я рассердился, и после долгого спора она, наконец, успокоилась. На следующий день был достигнут компромисс: на земле родителей моей жены в то время был маленький полуразвалившийся домик у берега Роны; там мы ее и поселили...»

Итак, начало знакомства было нелегким. Аффектированный аскетизм Симоны не на шутку утомлял и раздражал Тибона, и живая память об этом просвечивает в его записках даже спустя десятилетия: «Она хотела забыть себя, и уже достигла этого забвения; она любила ближнего всем своим существом, но ее самопожертвование слишком часто шло вразрез с настоящими желаниями и настоящими нуждами других. (...) Ее «я» было как то слово, которое, возможно, удалось стереть, но которое при этом оставалось подчеркнутым». Практические, т. е. рабочие качества гостыи, физически слабой и неловкой, тоже не вызывали восторга, о чем Тибон пишет в таких выражениях: «Ее неуклюжесть была сравнима только с ее усердием, и в конце концов второе одержало верх над первой».

Но, наряду со всем этим, общение с Симоной очень скоро стало приносить Тибону и самую ощутимую пользу. С ней он смог обсуждать важные для него темы, ее живое участие помогло ему значительно продвинуться в чтении Платона и других греческих философов на языке оригинала. Заниматься приходилось по вечерам, после тяжелого трудового дня, но преподавательскую увлеченность в Симоне не могла победить никакая усталость. Впрочем, Тибон старался сколь возможно щадить Симону физически, чтобы у нее оставалось больше силы для того, в чем она могла ему по-настоящему пригодиться. Постепенно он обнаруживал в своей гостье всё больше важных достоинств и просто симпатичных черт.

«Преподавая любую материю, она умела поставить себя на один уровень с совершенно любым человеком. Я видел, что она

одинаково отлично справлялась с работой учительницы начальной школы, как и с работой профессора университета. Толковала ли она тройное правило математики отсталому деревенскому мальчишке, или посвящала меня в таинства платоновской философии, она вкладывала в это всю душу, стремясь достичь от своего ученика того высшего качества внимания, которое, по ее взглядам, было идентично молитве».

Кроме сильного и точного ума и глубоких философских знаний, горячую симпатию Тибона привлекли такие качества Симоны, как ее уважение к собеседнику и свобода от самолюбия в отстаивании своих позиций.

Месяц труда на ферме в Сен-Марсель-д'Ардеш оставил обоих — и хозяина, и работницу — большими друзьями. Продлить работу и пребывание здесь, ставшее теперь желанным для хозяев, Симоне помешало лишь одно: ее упорное стремление почувствовать себя «никем» и вкусить суровость доли сельскохозяйственного рабочего уже безо всяких скидок на дружбу и уважение к ее знаниям. В сентябре она нашла для себя новое место в соседнем департаменте Гар, в селении Сен-Жюльен-де-Пейрола. Была самая горячая пора сбора винограда. Можно думать, что какие-то уроки жизни у Тибона пошли Симоне на пользу. Она набралась и сноровки, и некоторых навыков жизни в чужой для нее среде. У нового хозяина, месье Андре Риё, она была на хорошем счету («не хуже других сборщиков»), о чем с удовольствием писала в письмах родителям, друзьям и... не только друзьям. По следам своих бесплодных просьб о предоставлении места школьной учительницы, 18 октября 1941 года она направила письмо на имя весьма важной и зловещей особы — государственного комиссара по делам евреев Ксавье Валла⁹⁷⁴, где писала, в частности, о своей работе в деревне:

«Хозяин оказывает мне большую честь, говоря, что я нахожусь на своем месте. Более того, он сделал мне самую большую похвалу, которая может высказать крестьянин городской девушке: он сказал, что я могла бы выйти замуж за деревенского. Правда, он не знает, что уже в своем имени я ношу врожденный порок, который с моей стороны было бы жестоко передать де-

тям. (...) Говоря вообще, я считаю «Статут о евреях» несправедливым и абсурдным. (...) Но в моем частном случае хочу выразить Вам искреннюю признательность, которую я чувствую по отношению к правительству за то, что оно, исключив меня из социальной категории интеллектуалов, даровало мне землю и, вместе с ней, всю природу. Ибо природой и землей обладают только те, которым природа и земля входят в самую плоть от ежедневной боли в руках, отваливающих от усталости. Дни, месяцы, сезоны, небосвод, непрестанно обращающийся над нами, — принадлежат тем, которым приходится пересекать простор времени от рассвета до заката, болезненно переходя от одной усталости к другой. Эти люди сопутствуют небу в его вращении, они каждый день живут в реальности, а не в грезах...»⁹⁷⁵

...Месье Риё давал весьма лестную характеристику своей работнице и позже, в 1955 году, когда его просили рассказать о ее пребывании в Сен-Жюльен. «Ее интересовало все, что делалось на ферме. Ее беспримерная воля побуждала ее браться за все: по утрам она вызывалась доить корову, вечерами перемывала посуду, чистила овощи. Пробовала залезть даже в бродильный чан, чтобы его вымыть (что совсем не удобно). Когда ковали лошадь, она оставалась посмотреть. По вечерам, или дождливыми днями она интересовалась детьми, мастерила для них маленькие буквы, смотрела, как они играют. (...) Просила, чтобы наши дети читали свои утренние и вечерние молитвы при ней. (...) Вечерами, после ужина, когда темнело, она надевала свой берет, садилась на скамейке в саду и подолгу смотрела на звезды... Для нас она была загадкой (мы знали, что она ученый человек, но не знали, насколько)... мы ее не понимали»⁹⁷⁶. Работу в хозяйстве Риё Симона продолжала до 23 октября, после чего ей вернулась в Марсель.

Тетрадь IV отражает размышления Симоны, которым в месяцы сельских трудов она могла посвящать преимущественно ночи. Ссылки на книги, в частности, католических авторов, сделаны, вероятно, по изданиям из библиотеки Тибона. Экземпляры Упанишад и «Бхагавад-Гиты» (выписки из них особенно многочисленны) были предоставлены ей Рене Домалем. Дни от 10 до

20 сентября — промежуток между двумя месячными наймами — Симона провела с родителями в местечке Поэ, где Рене и Вера снимали дом. Здесь Симона могла сделать пространные выписки из индуистских и даосских источников, которые занимают значительную часть объема этой тетради.

[Вторая страница обложки]

Фробениус IV, устье Конго.

При посвящении вождя девственные девушка и юноша разжигают священный огонь (вращая вертикальное бревно [мужской <символ>], вставленное в бревно, лежащее горизонтально [женский <символ>]), затем один раз совокупляются в присутствии племени, после чего их предают смерти. Их тела бросают в ров [ср. миф о пальмовом вине?]⁹⁷⁷

Церемония охоты, виновности и пролитой крови⁹⁷⁸

Церемония полового созревания, смерти и воскресения (побеги)⁹⁷⁹

Китс — «Эндимион»⁹⁸⁰

Оксфорд, 28 сентября 1817 г.

«Обрадую вас⁹⁸¹ тем, что за последние три недели я написал тысячу строк, которые составляют третью книгу моей поэмы. Уверяю, мои собственные мысли о ней весьма нелестны; стоило бы переписать всё заново, но она мне надоела, и считаю за лучшее потратить время на новый роман⁹⁸², что и предполагаю на будущее лето. Рим не за день строился; от своих занятий этого лета я жду одного добра: это плод опыта, который, надеюсь, мне принесет моя следующая поэма»⁹⁸³.

«Nightingale» <написан,> когда его брат умирал⁹⁸⁴.

[ms. 1] *Трудное* понимание очевидных вещей.

Геометрия показывает пример этого.

То же: труд производит предметы, не деньги — очень поверхностной частью рассудка это сразу легко понимают, *но всей душой — с трудом*. Так же, и т. д.

Применения социальные и педагогические. (...)

[ms. 6] Темная ночь⁹⁸⁵.

[На полях:] Темная ночь в обучении. Ученик, который говорит себе, что он никогда не научится. Чтобы учиться.

Может быть, человек должен (каждый раз, пока не достигнет состояния совершенства?) проходить через испытание бесконечной длительности (ад), прежде чем обретет доступ к вечности?

«Незнанием пройдя через смерть, знанием он вкушает бессмертие».

«Не-становлением пройдя через смерть, становлением вкушает бессмертие»⁹⁸⁶.

Пройти через смерть незнанием — может быть, это означает темную ночь? Может быть, это ощущение бесконечности зла?⁹⁸⁷

Ручной труд. Время, которое входит в тело. Пусть он будет регулярным и неумолимо суровым. Но разнообразным, соответственно дням и временам года.

Через труд человек делается веществом, как Христос — через евхаристию. Труд — как смерть.

Надо пройти через смерть — чтобы умер ветхий человек. Но смерть — не самоубийство. Надо быть убитым; претерпеть силу тяжести, вес мира. Когда целая вселенная давит на плечи человеческого существа, удивительно ли, что ему больно?

Труд бывает как смерть, когда он не стимулирован. Делать, отказываясь от плодов делания⁹⁸⁸. Это может и шудра⁹⁸⁹.

Трудиться, когда это опустошает, значит, подчиниться времени так, как подчиняется вещество. <Тогда> мысль принуж-

дается от одного момента переходить к следующему⁹⁹⁰. Это и есть послушание. (...)

[ms. 8] Послушание и смерть. «Послушен даже до смерти»⁹⁹¹. Вещество повинуется. Мы — вещество. Пифагорейцы: поскольку мы — в месте наказания, будем наказанными⁹⁹².

Радости, параллельные скорбям. Осязаемые радости. Еда, отдых. Развлечения воскресных дней (как встарь). Но не деньги. И не безгранично увеличивающиеся землевладения.

Песня волжских бурлаков⁹⁹³.

Опустошение в труде. Полное отсутствие надежды. Условие для милосердной любви⁹⁹⁴.

Радость в труде. «Желание сладостной пищи»⁹⁹⁵. И не надо даже ничего другого. Даже если бедные будут оставаться бедными. Непосредственные радости. Радости сопричастности миру.

Никакая поэзия на народную тему не будет подлинной, если в ней нет усталости, и происходящих от усталости голода и жажды.

Сказать им: и Христос бывал изнурен.

Тот, кто должен трудиться изо дня в день, телом чувствует, что время неумолимо.

Трудиться. Испытывать время и пространство.

Заголовки: «Труд как духовное упражнение»; «Труд как мистический опыт»; «Труд как поэзия».

|| Наука (как и все человеческое) существует на многих уровнях по вертикали.

Алгебра все ставит на один уровень.

Применение алгебры, как и всего остального, *ограничено* — и разрушается, когда переходит свои границы.

[ms. 9] Λ? *Страдание, которое унижает, и страдание, которое облагораживает, не одно и тоже. Это два разных страдания*⁹⁹⁶.

Λ Отец Ж<акмен> (из Лотарингии⁹⁹⁷). В несчастье этот человек приспособляется так, чтобы себя сохранить насколько возможно, так, чтобы центр остался не тронутым — тот центр, через который могла бы проходить благодать... Он создает себе фикции и такой режим времени, чтобы не быть несчастным в своих собственных глазах. И это унижает. Почему?

[Далее — выписки из «Агамемнона» Эсхила на греческом, сделанные позднее основного текста.]

[ms. 10] Св. Фома. Девство Пресвятой Девы.

«Поскольку плоть была воспринята Словом Божиим для того, чтобы сделаться поистине Его плотью, подобало, чтобы она сама была зачата без малейшего ущерба для целомудрия Матери... В природе, уже испорченной актом супружества, плоть не могла родиться не пропитанной первородным грехом. По св. Августину, „единственное, чего здесь не было, — брачных отношений, ибо в плоти греха они не могли быть исполняемы без того плотского вожделения, что исходит от греха, и без которого восхотел быть зачат Тот, кому должно было быть без греха“, согласно самой цели воплощения Христа: возродить людей в сынов Божиих»⁹⁹⁸.

Сравнить APŪRVA ⁹⁹⁹	Второе рождение. Индия ¹⁰⁰⁰ .
-----------------------------------	--

Распятие. Бог искупил творение; будучи соединены с Ним, мы тоже искупаем его.

Человек, *боящийся* Бога. Что именно это означает?

«Тереза Дескейру» Мориака¹⁰⁰¹. Картина зла не удалась; в той точке, где зло создает иллюзию блага, он все смешивает, не дает ощутить расстояние одновременно со сходством.

Почти великая книга (но на самом деле, малая). Есть что-то уродливое в его концепции жизни этих лет (1918–1940).

Не хватает окраски зла, его монотонности и легкости, ощущения пустоты и небытия.

Деньги. Он скрывает долю этого фактора в преступлении. Они являются соучастником.

Но заметь: каким образом преступление начинается и продолжается дальше: и «это было как обязанность». (Так зло сразу же принимает монотонный характер обязанности) [Вот что ему следовало изобразить.] Сравни: Марло¹⁰⁰². [ms. 11] Жиль у Ланца¹⁰⁰³. Испания¹⁰⁰⁴.

Веря, что преступление включает в себе благодать, они отнимают ее у него, ибо если оно и включает ее, то единственно как темная ночь¹⁰⁰⁵.

Логика

Λ — Частые случаи (перечислить, классифицировать их), когда утверждая истину на определенном уровне, ее разрушают. Как только ее высказывают (или когда утверждают на определенном уровне ее безошибочность), она перестает быть истинной. Она верна только как обратная сторона (или поверхность) противоположного утверждения. Поэтому воспринять ее могут только умы, способные одновременно охватить многие, находящиеся один под другим уровни идей. Она несообщима, в том смысле, что язык существует в одном, или, самое большее, в двух измерениях (в двух, если он записывается, — но тогда он ограничен размерами бумаги). В этом оправдание эзотеризма. Эвридика. Истины, которые становятся ложными, когда на них смотрят¹⁰⁰⁶. (...)

[ms. 11. Выписки из «Агамемнона»¹⁰⁰⁷ Эсхила на греческом.]

<Хор>

Зевс!.. каково бы ни было его подлинное имя, если он его приемлет, то он тот самый, кого я зову. Взвесив всё, я признаю, что только один Зевс способен поистине освободить меня от моего бесплодного томления.

А тот, кто некогда был могуществен, переполнявшийся высокомерием, готовый на всякую битву — его скоро уже не станут упоминать, будто он и не существовал. А кто пришел следом за ним — и он нашел своего победителя и свою кончину. Но человек, что всей душой прославит победительное имя Зевса, получит высшую премудрость. Зевс, наставивший для людей на путь благоразумия, Зевс, давший им закон: «страдать, чтобы постигать». Когда среди сна, под взглядами сердца, сочится болезненное воспоминание, в людей проникает мудрость, хотя бы они того или нет. Вот в чем, я думаю, благодетельное насилие богов, восседающих на своих величественных седалищах...

[ms. 12] (...) Прекрасное — то, что можно созерцать. Скульптура, картина, на которую можно смотреть часами.

Прекрасное есть что-то такое, к чему можно приложить внимание.

Григорианская музыка. Когда часами поют одно и то же каждый день, постоянно, — то, что хотя бы немного ниже самого высокого совершенства, становится невыносимым и отми-
рает.

Статуи. Греки любовались своими храмами.

А мы терпим статуи в Люксембургском саду¹⁰⁰⁸, потому что на них не смотрим.

И напротив: картина, которую можно было бы повесить в камере приговоренного к пожизненному заключению и постоянному одиночеству, без которой это было бы жестокостью.

Искусство и длительность. Потомство воспроизводило длительность¹⁰⁰⁹.

|+ Финальность. По связи с механической причинностью, финальность являет себя как *совпадение* — и наоборот. Понятие совпадения, неисчерпаемое. Изучить.

[ms. 13] Образы в мире истин, имеющие отношение к условиям человеческого существования (включая те, которые относятся ко всему сверхъестественному).

Сила тяжести.

Возвышение. Высокая точка, откуда видно одновременно — но менее четко — то, что внизу можно видеть только последовательно, одно за другим.

Возвышенности, горы.

Тяготение, сила, необходимость, принуждение.

{ Возвышенное, чистое, светлое, неповреждаемое.
{ Низкое, (смешанное), темное, меняющееся.
(загрязненное)

Противоположности, которые согласуются в мире.

Свет идет с высоты. Свет, аналог зрения.

Звуки высокие и низкие.

Свет — тень, благо — зло. Образы корреляции противоположностей, существующих в мире. Если представлять свет и тень в виде частиц, они не будут противоположностями. (Световые волны в интерференции тоже производят тень.) И это тоже образ. Образ того уровня — и даже двух — где оппозиция противоположностей исчезает. Вселенная, видимая [ms. 14] наукой, является частью ряда образов мира, системы образов.

Сила тяжести и три измерения. Три *гуны*: восхождение — нисхождение — расширение по горизонтали.

Можно было бы провести соответствие в изучении материи, жизни, энтропии, сохранения энергии (инерции).

Всякое изменение имеет тенденцию к продолжению и, тем не менее, должно найти свой предел, некую [двойную?] возможность принять другую природу.

|| А По отношению к человеку. Любовь имеет тенденцию постоянно опускаться все ниже и ниже. Но у нее есть предел. Когда этот предел нарушен, любовь обращается в ненависть. Чтобы избежать этой перемены, надо, чтобы любовь стала другой.

Ее делает другой само созерцание этого предела. Неведение этого предела превращает ее в ненависть.

Если по любому предмету мы знаем слишком много, знание изменяется в неведение — или оно должно возвыситься до другого знания.

Этому нет аналогии в физике; количественное изменение приводит, в пределе, к изменению состояния — но один вариант, не два.

(Это имеет отношение к так называемой материалистической диалектике.)

И все-таки нет. Если присмотреться, всегда есть две возможности — Например, газ сжимается с помощью поршня. Или газ сделается жидкостью, или поршень [ms. 15] не выдержит: в одном случае, перемена состояния, в другом — изменение количественное.

Г¹⁰¹⁰ Смятение ума в определенной точке математического исследования — образ заблуждения. Невозможность сосредоточиться на одной точке; колебание ума. Надо, чтобы он отступал в отсутствии мысли.

Творение (или проявление) есть действие Бога; сохранение — действие человека. Разрушение есть зло. Следует разрушать <так>, чтобы сохранять¹⁰¹¹. (...?)

«Полнота там, полнота здесь;
из полноты черпается полнота,
когда из полноты берут полноту,
остается полнота»¹⁰¹².

«Брахман есть пространство, пространство изначальное»¹⁰¹³.

Пустота есть Бог, пустота первоначальна.
Это полно, и то полно.

Вывести пропорцию между разрушением и сохранением, учитывая в соотношении не только вещи, соответственно разрушенные и сохраненные, но и риск. Аналогия с весами, у которых одно плечо имеет фиксированную длину, а другое, которое было изначально той же длины, бесконечно (произвольно) укорачивается, — вот это уменьшение длины изображает риск. Можно разрушать — однако, только в определенных и оговоренных случаях, — чтобы сохранить нечто из более ценного, чем подвергнутое разрушению. Сохранить то, что без этого разрушения неизбежно погибнет. Если же то, что мы хотим спасти, без этого разрушения [ms. 16] может погибнуть, а может — нет, тогда ценность того, что мы хотим спасти, должна далеко превосходить <ценность разрушаемого>, — ибо то, что специально разрушают, будет разрушено наверняка, — и тем больше <должна> превосходить, чем меньше для него риск.

Но это сравнение ценностей будет законно, только если его производят одновременно с позиции того, что надо сохранить, с позиции того, что надо разрушить, и еще с некоторой третьей позиции¹⁰¹⁴.

И еще: разрушение законно, только если предназначенное к разрушению — напрямую, а не случайно, и не по стечению обстоятельств — является причиной опасности для того, что надо сохранить.

Это очень трудно определить.

Степень разрушения должна быть пропорциональна тому, что подвергается опасности (то, угроза чему требует необходимого разрушения), уровню риска, более или менее прямой связи между разрушаемой вещью и опасностью. Нужен учет трех отдельных соотношений.

(Справедливость и математика...)

Отсюда следует, что полное истребление какого-либо народа, возможно, ни при каких условиях не может быть законно. (Абсолютно никогда, как мне это видится.)

Саул.

Есть нечто от бесконечности в тотальном истреблении народа. Поистине, в некотором смысле, в этом есть что-то от беспристрастия, ибо здесь воюют не за добычу, не за рабов, не за подчиненных, не за данников¹⁰¹⁵. Некое подобие всемогущества; уничтожение в один миг нажитого веками.

[ms. 17] «По необходимости природы, всякий, кто бы он ни был, насколько возможно, использует всю власть, которой обладает»¹⁰¹⁶. — *Раджас*¹⁰¹⁷. Ужасная формула.

В определенных обстоятельствах живое существо реагирует так, чтобы сохранить себя и расшириться до максимума. Здесь нет выбора.

Расширить свое бытие, существование и характер (попытаться придать смысл этому слову). Когда оно наталкивается на предел — пересмотреть их, сначала, чтобы сохранить существование, затем — максимум характера. Но что до сохранения существования, здесь не идет речь о подсчете. Здесь то, что эквивалентно подсчету на чувственном уровне; так что часто здесь делается ошибка.

Когда производят такой пересмотр, ему сопутствует понижение.

Но когда расширяются, разве не происходит понижение — по крайней мере, часто?

| Легкая иллюзия — принять экспансию за подъем, потому что в обоих случаях речь идет о больших пространствах.

Сила прекрасно умеет подделываться под мышление.

|| Реальность. Реальность никогда не бывает данностью. Не-что есть данность, но данность не есть то, что реально. Однако то, что я произвожу¹⁰¹⁸, тоже не есть реальность. Реальность — есть то, что имеет некую связь с тем, что дано. Да, но какую связь?

Валери:

«Собственный, единственный и постоянный предмет мышления есть то, что не существует»¹⁰¹⁹.

«То, что понятно, — фальсифицировано».

«Трудность — как свет. Трудность непреодолимая — как солнце»¹⁰²⁰.

[ms. 18] Восхождение и глубина. Вместе эти метафоры могут быть связаны расширением основы конуса на горизонтальной поверхности, или с чем-то в этом роде, соответствующим горизонтальному пространству. Возвышение соотносится с познанием, глубина — с влиянием. С вершины много видно, из подполья можно много сделать. А возможно ли то и другое сразу?.. Может ли одна и та же мысль в нас видеть с высоты и действовать снизу?

Глубокая любовь изменяет жизнь. Меняет множество поверхностных вещей. Глубокое есть отношение к поверхностному, возвышенное есть отношение к низкому; низкое и поверхностное лежат на одном уровне. «Он любит страстно, но низменно» — такая фраза возможна. «Он любит глубоко, но низменно». Так сказать нельзя.

| Один из пороков фрейдовской метафоры подсознательно-го. На самом деле сдерживание превосходная вещь. Подавление и внутренняя ложь — вот, что плохо. Загнать дурные мысли в глубину себя, значит, избавиться от зла — послать их туда, где живут желания, которые суть реальность. Но эти мысли хранят на поверхности, прикрывая их обманом.

Св. Фома о страданиях Христа. Справедливость по Платону¹⁰²¹. Не должно позволять страданию ослеплять разум. Но лучше также, чтобы (в несчастье) разум не мешал чувственной сфере [ms. 19] страдать. Не следует искать утешений там, где и без того лучше¹⁰²². Задача чистого разума не в том, чтобы утешать. Сообразование низшего с высшим должно быть другим. Не сообразование, а равновесие.

Не обязательно, чтобы страдание уменьшилось, оно должно быть другим.

То же самое можно сказать об удовольствии.

Валери:

«...Тайна многих поступков находит разгадку в политике сохранения физиологических привычек; потребности эти подчас диковинны, и, хотя это лишь усвоенные потребности, они подчас сильнее естественных: настоящие паразиты невро-висцерального существования, производители невероятных притворств и уловок. Ничто так ярко не обрисовывает «индивидуальность». Но это еще одна грань, которой роман почти не затронул. Даже Бальзак. Нужно признать, что эта тема быстро и легко приводит к грязному, к омерзительному и к комическому. Непостижимые навыки, аналогичные суеверию, психозу, магии, они становятся неотвязными: своеобразные формы интоксикации привычкой и уродливостей в сфере действия. Это некая тератология поведения»¹⁰²³. (Первоклассно)

«Оптимисты пишут плохо»¹⁰²⁴.

«Антропофагия, ставшая психофагией, хронофагией...»¹⁰²⁵

«...Если бы его, как по волшебству, лишили этого тщеславия, и что-то другое, более острое, не пришло бы на смену первому, этому разочарованному в себе существу оставалось бы только одно — прострелить себе голову. Он защищается от небытия всеми силами...»¹⁰²⁶

«Homo scriptor» «...Впустить что-то из любого времени во время организованное — то есть, время действий»¹⁰²⁷.

|| Серьезный человек и идеи (несовместимы)¹⁰²⁸ [?].

«Нужно лишь, чтобы она (Афродита. — С. В.) лишь имела лицо и форму тела... а мы обратили в ее сторону как можно больше наших чувств, наших шагов и нашей мысли»¹⁰²⁹.

[ms. 20] Изучение мотивов: очереди и т. д. Почему бывает просто совершить что-то трудное, когда нас подталкивают низкие мотивы?

В конечном счете, нет ничего, чего не сделала бы простым необходимостью. Просто быть на кресте, когда тебя к нему уже прибили. Какой смысл тогда имеет чувство: «я этого больше не могу»?

Валери:

«В самой высокой степени, любовь есть желание сотворить то существо, которое она выбрала своим предметом»¹⁰³⁰.

«Беспокойный человек ищет повода для беспокойства. Боязливый ищет чего бояться. Зуб...»¹⁰³¹

«Имей мы в полной своей власти текущую минуту, в следующую минуту мы погибали бы»¹⁰³².

«Как рука не может отбросить горящий предмет, к которому припеклась ее кожа, так образ или идея, причиняющие нам безумную скорбь, не могут оторваться от души, и все усилия и порывы ума с целью избавиться от этих образов и идей, влекут ее вместе с ними»¹⁰³³.

«Люди тайно лелеют свою особенную чувствительность, и в этом весь секрет причуд в их поведении. При ходьбе они стараются не наступать на большую мозоль, при еде — не задевать больной зуб. У них есть скрытые колючки, у каждого в своем месте. Причины многообразны: в детстве, в сексуальной сфере и т. д.»¹⁰³⁴

«Лишь немногие тела справляются с тем, за что берутся бесчисленные умы»¹⁰³⁵.

Человек и животные.

«Человек занимается понемногу всем. В деталях он это делает не так искусно, как животное-специалист; зато наверстывает в целом»¹⁰³⁶.

Философия задержки. Например, дыхание.

[ms. 21] (...)

«Этот покой и этот холод являют долговечность и время, которое отрешается от всего»¹⁰³⁷.

«Человек принимает форму вещи. Он скорее захочет быть ничем, нежели быть меньше»¹⁰³⁸.

«В каждом из нас живет кто-то, в сравнении с которым все обстоятельства его рождения и все особенные черты его индивидуальности кажутся случайными»¹⁰³⁹.

«То, что никто не создаст, то, чего никто не создаст никогда — вот что изображает вам ваша фигура... Мы составлены из тысячи невозможностей, многие из которых не вечны»¹⁰⁴⁰.

Душа и тело.

|| «У них не одно и то же удовольствие, или, во всяком случае, оно редко бывает у них совместным. Дать это им — верх искусства»¹⁰⁴¹. (...)

| Валери. Взяться своей правой рукой за свою же левую руку. Правая — моя, а левая — чужая¹⁰⁴².

Параллель с посохом слепого. (Обратное.)

Черные рабы в Америке: «The master's old hand»¹⁰⁴³. Эпиктет¹⁰⁴⁴.

«Мир №0... Говорят, что это реальный мир, но это всего лишь видимость равновесия и самое низкое геометрическое место точек какой-то системы тела и духа. Розы ковра оживают, и вещи, из тех вещей, какими они были, вновь становятся специализированными сущностями, украсившись существительными: пианино, кресла, люди, которые говорят...»¹⁰⁴⁵

Тейлоризация.

«Сказка. Жил да был однажды человек, который стал мудрецом. И научился он не делать ни жеста, ни шага, который не был бы *полезен*. Через некоторое время его посадили под замок»¹⁰⁴⁶.

[ms. 22] Валери.

|| «...Грезы, состояния в которых совершенно отсутствует «если» — исходный пункт предположений — ибо, едва сформировавшись, они изгоняют то, что в снах занимает место реальности, чтобы в ее роли усесться на этом почетном месте»¹⁰⁴⁷. (...)»

Исполнительный долг.

«...Этот труд, достойный архангела, выполняется демонами»¹⁰⁴⁸.

Нужно быть в высшей степени сознательным, чтобы изучать полубессознательное в себе (ср. Шартье¹⁰⁴⁹), нужно быть очень чистым, чтобы причинять зло. А когда ты чист, ты разрываешься изнутри, причиняя зло. Лоуренс¹⁰⁵⁰. Чем этому помочь? Необходимо сильное принуждение <себя>, и мало людей, в достаточной степени чистых, чтобы применять силу.

Мир бодрствования, даже в восприятии самом заурядном, есть множество систем возможного. Греза — это одна из них (то, что внизу как то, что наверху). Сознание и реальность пропорциональны множеству систем, воспринимаемых одновременно единой операцией ума. По большому счету, это бесконечность и нечто, относящееся к этой бесконечности, как количество точек сегмента к количеству их на всей площади, и еще нечто, что... и сверх всего еще пустота. Но пусть всё это еще мыслится вместе по ступеням: пустота, и эти накладывающиеся абстрактно видимые бесконечности, и системы, реально постигаемые и прочитываемые в [ms. 23] чувственных видимостях, и ощущение единственности существования, которое всегда лежит в основе.

[Описание «состояния бодрствования» в Упанишадах, пурша — сравнивается с царем, или... или... или...; это показывает, что здесь речь идет не о грезах¹⁰⁵¹.]

ОМ — все эти уровни, постигаемые вместе¹⁰⁵².

Вообще говоря, форма блага состоит в господстве высших частей бытия над низшими.

Еще лучшее благо состоит в уравновешенном положении одних над другими.

Желание и беспредельность. Беспредельность всегда присутствует в желании. Ограничиться завоеванием только земного шара? Жить всего лишь сто лет? Получить только 40% прибыли на вложенные деньги?

|| Желание беспредельно по самой своей природе, и это против природы, так как бесконечное не соответствует уровню желания. Мир объектов желания — это мир, воспринимаемый нашими чувствами¹⁰⁵³, а в нем нет ничего бесконечного. Именно в этом объединяются благо и действительность. «Ты забываешь о геометрическом равенстве»¹⁰⁵⁴.

ТАКЖЕ И В «ТОНКОМ ПРОЯВЛЕНИИ» НЕТ, ВО ВСЕ НЕТ БЕСПРЕДЕЛЬНОСТИ, И ИМЕННО ПОЭТОМУ НАДО СТРЕМИТЬСЯ СФОРМУЛИРОВАТЬ В <ТЕРМИНАХ> «ПСИХОЛОГИИ» ПРИНЦИПЫ, АНАЛОГИЧНЫЕ СОХРАНЕНИЮ ЭНЕРГИИ И ЭНТРОПИИ. ТАКЖЕ И В СОЦИОЛОГИИ. ИМЕННО В ЭТОМ СМЫСЛЕ <ОНИ> И МОГУТ БЫТЬ НАУКАМИ. ИССЛЕДОВАТЬ ЭТИ ПРИНЦИПЫ. ОНИ НЕ СФОРМУЛИРОВАНЫ ЯСНО.

ПРЕДЕЛЫ НА КАЖДОМ УРОВНЕ.

[ms. 24] Предел (а вслед за ним и: действие и противодействие, нарушения равновесия, которые компенсируют друг друга, связи, состояние) есть закон чувственно воспринимаемого мира.

Высшее благо, проходя в тело, подчиняется законам состояния, силе тяжести, и т. д. — В душе оно подчиняется законам «тонкого проявления» и, как подчиненное этим законам, оно — состояние Атмана среди других, оно — слог. Как благо оно не проявлено.

Бесполезно принуждать тело и душу (*дживатма*) к согласию с благом, достаточно *отобразить у них бесконечность*. Они не

должны вмешиваться в то, что в человеке соприкасается с бесконечностью. Значит, в этом смысле, они остаются как есть — но в каком-то смысле и нет. Лишенные бесконечности, они ведут себя иначе.

- Аналогия между моментом смерти и полюсом.

Дхарма колеблет торжество сильного¹⁰⁵⁵. Только посредством *дхармы* (не через какую-то из каст) проявляет себя Брахман¹⁰⁵⁶.

Пример бессмысленного рассуждения о прошлом. Говорят: «в те времена...» — вместо того, чтобы выяснить, какие имеют место *отличия в условиях*.

[ms. 25] Газ сжимается поршнем. На определенном этапе газ сжижается, или ломается поршень. Как если бы мы говорили о человеческом действии, можно уподобить оба случая возвышению и снижению (сломанный поршень — большое нарушение).

В естественных феноменах? В тех, которые имеют отношение к жизни, можно их найти, несомненно... (если жизнь соответствует верху, а смерть низу). А в других? Найти пример предела, содержащего обе возможности.

Отделить себя от трех гун (даже от саттвы), делать ради самого действия, не ради его плода (не ради даже внутреннего совершенствования).

Гамма последовательных отрешений в связи с благами, каждое из которых кажется высшим — эквивалентна евангельскому: «в придачу»¹⁰⁵⁷.

【«Гита».

«Неколеблемый сердцем в страданиях, в удовольствиях не вождедея»¹⁰⁵⁸. — II, 56.

Остаются, стало быть, и страдание, и удовольствие.】

【«Тот бывает к предметам привязан, кто их часто в уме вращает»¹⁰⁵⁹.】

«...В уме просветленном вскоре установится мысль недвижно»¹⁰⁶⁰.

«Истины не бывает без йоги»¹⁰⁶¹.

«Когда ночь для существ наступает,
тогда бодрствует зрящий муни;
но едва они все проснутся —
засыпает подвижник стойкий»¹⁰⁶².

Жертвоприношение.

Океан полноводные реки
принимает, но сам недвижим;
тот, в кого так впадают желанья,
остается, бесстрастный, в покое.
Только тот, кто, отбросив желанья...¹⁰⁶³

Поступать, *как* Бог.

«Поступки происходят от гун»¹⁰⁶⁴ — [сил].

«Не подобает, чтобы тот, кто знает всю истину, ввергал косные умы в волнение, к светам несовершенным»¹⁰⁶⁵.

Не должно быть причиной соблазна. Вот почему, может быть, дхарма <повелевает Арджуне> вступить в сражение? (Нравы и обычаи...) ¹⁰⁶⁶

[ms. 26] Причина греха — *раджас* (III, 37). Весь мир окутан им, вся истина скрыта им, как личиной. Вожделение, ненасытное пламя¹⁰⁶⁷.

V, 8–9. То, что он видит... ходит... говорит... — все это лишь чувство, которое отзывается на соприкосновения с чувственными вещами¹⁰⁶⁸.

25. Они проникаются сильным чувством только ради блага всех существ¹⁰⁶⁹. (?)

«...меж бровями свой взор уставив,
уравняв внутри носа дыханья...»¹⁰⁷⁰

Мера — вот что такое йога¹⁰⁷¹. —

«Он подобен свече, чье пламя
не колеблется в месте без ветра»¹⁰⁷².

20. Мысль должна остановиться, чтобы явился Атман. Ибо мысль — объект¹⁰⁷³. (Уже вне интеллектуальной интуиции¹⁰⁷⁴.)

VI, 32. «Тот, кто, созерцая образ единства в Атмане, видит равенство всего, удовольствия или страдания...»¹⁰⁷⁵

VII, 8. «В воде я — вкус, свет — в Луне и Солнце, в *Веде* я — ОМ, в пространстве — звук, в земле — благоухание, свет в дневном светиле... в живущих я — законная любовь... Все производные как *саттвы*, так и *раджаса* или *тамаса* — происходят от меня»¹⁰⁷⁶.

25. «Прикрытый иллюзией, которую производит мое могущество...»¹⁰⁷⁷

28. «Добродетельные, чей грех однажды *исчерпан*, освобожденные от тревог»¹⁰⁷⁸.

VIII, 3. «Становление вещей есть приношение»¹⁰⁷⁹.

10. «Тот, кто в момент великого ухода, имея мысль непоколебимой, сосредоточенной в йоге, сумеет собрать между бровей всю свою жизненную мощь [Атман]»¹⁰⁸⁰.

17. Чувственные предметы выходят из неопределенности¹⁰⁸¹ с зарей и возвращаются туда же <с наступлением> ночи¹⁰⁸².

IX, 10. «Это благодаря мне *пракрिति* производит все творения... но я — всего лишь зритель»¹⁰⁸³.

15. «Иные служат мне, совершая культ знания, почитая меня как в единстве, так и в бесконечном множестве различных проявлений»¹⁰⁸⁴.

[ms. 27] Различение между теми, кто служит Кришне, чтобы получить в награду небо, и теми, которые служат ему ради него самого. (Чистая любовь.)

IX, 26–28. «Пусть мне приносят с благоговением хотя бы листок, цветок, плод, немного воды... Действия и трапезы, возлияния, милостыни, раскаяния — жертвуй мне всё, сын Кунти! — Этим ты освободишься от оков действия и от их плодов — добрых или дурных».

Отдай мне себя! (?)¹⁰⁸⁵

[Далее следует еще шесть страниц выписок из «Бхагавад-Гиты», не комментированных. Отметим, что Симона не выписывает, как бы оставляя за пределами своего инструментария, некоторые фрагменты Гиты, которые не подойдут ей в ее теории имплицитного согласия мистиков разных эпох и религий. Например, ею опущен характерный пассаж, объявляющий веру Кришны единой спасительной, а другие течения и школы «отпадающими от истины». Хотя жертвы их адептов, приносимые «в незнании», принимаются Кришной, но в посмертном своем бытии они, похоже, не сравниваются с его преданными бхактами. Конечно, это очень мягкое заявление об исключительности, не сравнимое с пафосом, например, средневекового католицизма или ислама; однако тоталитарная тенденция намечена, нужны лишь дополнительные исторические условия, чтобы она усилилась — например, встреча с другой религией, также проникнутой духом исключительности. Цитируем по переводу В. Семенцова:

Даже те, кто, исполнены веры,
жертвы прочим богам приносят —
и они, смысла жертв не зная,
лишь Меня почитают, Партха.

Ибо всех этих жертв владыкой
и вкушителем Я пребываю;

но, не зная Моей природы,
отпадают от истины люди.

Духов чтущие — к духам уходят,
предкам жертвуя, Партха, — к предкам;
к божествам, кто богов почитает;
Мои бхакты — ко Мне приходят¹⁰⁸⁶.]

[ms. 32] Мысленное взвешивание — момент молчаливого созерцания разных частей в разных аспектах, одновременно. Перед ним — момент не-думанья. Интеллектуальная интуиция при взвешивании. Тело при этом превращается в весы. Не это ли представлено греческой скульптурой?

МОМЕНТ НЕ-ДУМАНИЯ, ПОЛЮС, ВКРАПЛЕНИЕ ВЕЧНОСТИ ВО ВРЕМЯ.

[ms. 33] Св. Фома.

Вопрос. Превосходила ли боль Христа во время Его страдания все иные боли¹⁰⁸⁷?

Ответ. (...) 3. Об интенсивности боли Христа можно заключить из самой чистоты Его боли. Ведь у других страдающих и внутренняя скорбь, и сама внешняя боль смягчаются некоторым разумным размышлением, посредством влияния или преобладания высших сил над низшими. Во Христе страдающем этого не было; ибо Он допустил действовать каждой из своих сил так, как ей свойственно, как сказал Дамаскин¹⁰⁸⁸.

4. (...) Он воспринял такое количество боли, которое было бы пропорционально величию последовавшего отсюда плода (освобождение человека от греха — прим. Симоны)¹⁰⁸⁹.

<1.> Причиной же внутренней скорби были, во-первых, все грехи рода человеческого, которые Он искупал своим страданием (...) Во-вторых, в частности, падение Иудеев и других, прегрешивших в Его смерти, особенно учеников, падших в соблазн во время Его страдания. В-третьих же, утрата телесной жизни, что по естеству внушает ужас человеческой природе.

<2.> Об интенсивности страдания можно заключить по восприимчивости страдающего. Ведь Он имел тело, сложенное наилучшим образом, так как тело Его было образовано чудесно, действием Святого Духа¹⁰⁹⁰. (...) И таким образом в нем в наивысшей степени развито чувство осязания, которым производятся ощущения боли. Душа же, сообразно внутренним силам, с величайшей остротой воспринимала все причины печали¹⁰⁹¹.

То, как предметы постепенно освещаются рассветом. Время. Терпеливое ожидание света, послушание.

Вопрос Ньютона: почему Луна не падает? Если бы здесь действовала только сила земного притяжения, всё давно упало бы и ничего бы не было...

Река в своем течении проходит через скалистую местность; она или пророеет в ней русло, или ее обогнет. Есть разные возможности, но нет иерархии. (Однако, возможность бывает тогда, когда есть желание.)

Тамас — это одновременно и заблуждение — случай, дробность промежутков времени, непредвиденное, [ms. 34] несовпадение средств и целей — и *усталость*, пассивность. По необходимости, это удел шудры.

Материя, непроницательность и пассивность. Шудра сам подражает той материи, которая его удручает.

Раджас — та дополнительная сила, имеющаяся у человека, которая сосредоточена более всего у кшатриев. (Родство между любовью и войной.) Это энергия.

Саттва — нечто в природе, что позволяет, в некотором смысле, существовать сверхъестественному. Но это что-то — в самой природе¹⁰⁹².

[*Sentimus experimurque nos aeternos esse*¹⁰⁹³, и «чувство бессмертия», «первозданного состояния»¹⁰⁹⁴.]

Условия существования блага позволяют представить иерархию в природе. Относительно блага (в том числе и сверхъестественного) людей, животная жизнь есть одно из первых условий. Еще одно — поглощение растениями световой энергии. Значит, и световая энергия относится к этим условиям. (Человек питается солнцем.) [Платон: солнце дает быть и делает видимым¹⁰⁹⁵.] Механическая энергия и световая энергия — обе суть непревращенные формы энергии, но одна из них является принципом органической химии, а другая нет; таким образом, они *существенно*¹⁰⁹⁶ различны. (*Констатирует ли эту разницу чистая физика?*)

[ms. 35] В СВЯЗИ С ЭТИМ: РАЗВЕ ЧЕЛОВЕК, ВМЕСТО ТОГО, ЧТОБЫ НАПРАВИТЬ РАЗЛОЖЕНИЕ ОРГАНИЧЕСКИХ ВЕЩЕСТВ В МИНЕРАЛЫ И В МЕХАНИЧЕСКУЮ ЭНЕРГИЮ, НЕ МОЖЕТ В НЕКОТОРЫХ СЛУЧАЯХ НАПРАВИТЬ ЕГО В ЛУЧИСТУЮ ЭНЕРГИЮ? (РАССКАЗЫ О ЙОГИНАХ, КОТОРЫЕ УСКОРЯЛИ РОСТ РАСТЕНИЙ; АЛХИМИЯ. В ЭТОМ НЕ БЫЛО БЫ НИЧЕГО ЧУДЕСНОГО.

Внимание, конечно, предполагает расход энергии, поскольку оно ограничено во времени — Какова природа этой энергии? Механическая? Это не является невозможным. Но она может быть и другой. Возможно, не имеющей аналогии в естественных феноменах — а возможно, имеющей.

ЭНЕРГИЯ, ОСТАНАВЛИВАЕТ. СИЛА ОСТАНОВИТЬСЯ.

Можно ли иерархически выстроить все состояния материи применительно к условиям существования блага?

Низ: то, куда ведет изнурение¹⁰⁹⁷.

Аристотель, стремление вниз¹⁰⁹⁸. Вложить инерцию в падение. Почему нет? В пользу этого есть сильные доводы.

Показательно, что физика, исследуя излучение, упирается в неразрешимые трудности.

Наука, где *участие* никогда бы не прерывалось. Возможно ли это? А почему нет? Это отсутствие участия — то покрывало,

которое набрасывается при познании второго рода¹⁰⁹⁹ — оно-то и отвращало меня от науки.

[ms. 36] Пусть никакая активность — ни физический труд, ни научные занятия — не будут препятствием видеть Атман во всех вещах¹¹⁰⁰.

Пусть в центре всякой активности будут моменты остановки.

В *буддхи* есть *тамас*. Это изнурение, которое снижает и ограничивает высшее внимание.

Саттва есть повсюду в *пракрити*. Нет потолка.

Послушание — высшая добродетель. Любить необходимость. Необходимость и *дхарма* составляют одно и то же. *Дхарма* есть необходимость, которую любят. Необходимость — то, что ниже по отношению к индивиду — принуждение, сила — «суровая необходимость»¹¹⁰¹ — то, что производит необходимость вселенская. Рассматривать *дхарму* не как долг, но как необходимость, значит, подняться вверх.

Предоставить свободу своим способностям действия и страдания. Параллелизм между Арджуной и Христом.

Он будет сражаться, потому что не может предотвратить эту войну, и потому что, если она идет, он не может в ней не участвовать. (Она уже началась.)

ДЕЛАТЬ ЛИШЬ ТО, ЧТО НЕЛЬЗЯ НЕ ДЕЛАТЬ. *Действие недействующее*¹¹⁰².

Он не хочет сражаться и теряется в [ms. 37] переживании жалости¹¹⁰³. Но если он спросит себя ясно: «могу ли я не сражаться?», то окажется не в состоянии — в этот момент, в этой ситуации — ответить: «да».

Ненасилие хорошо только тогда, когда оно действенно. Так, на вопрос, который задал Ганди молодой человек касательно своей сестры¹¹⁰⁴, следовало бы ответить: используй силу, по крайней мере, если ты в состоянии ее защитить, настолько, насколько вероятно для успеха, без <ответного> насилия. Во всяком случае, если ты не обладаешь излучением, энергия которо-

го (то есть возможная действенность, в смысле самом что ни на есть материальном) была бы равна той энергии, что содержится в твоих мышцах.

Такие люди определенно есть. Св. Франциск¹¹⁰⁵.

Употребить все усилия, чтобы быть способным на ненасилие.

Это зависит *также* и от противника.

Прикладывать усилия к тому, чтобы в мире *действенное* ненасилие *всё больше и больше* приходило на смену насилию.

{ Ничто не-действенное не имеет ценности.

{ Соблазн силы есть низость.

Здесь страшная трудность.

[ms. 38] Арджуна ошибается, так как он позволяет жалости овладеть собой вместо того, чтобы ясно взвесить проблему: «Могу ли я не сражаться?» Он забыл о своих весах.

Каждый человек должен, подражая Зевсу, держать перед собой золотые весы¹¹⁰⁶. Это весы *джармы*.

Не думай, ни что убиваешь, — ни что спасаешь, разумеется. Не думай, что у тебя есть какая-либо власть. *Пракрити* с ее *гунами* делает *всё* — даже благо — даже зло — зло и благо, все¹¹⁰⁷.

Человек ни над чем не властен, но при этом несет ответственность.

Будущее соотносится с ответственностью, прошедшее — с отсутствием власти. И всё, что есть будущее, станет прошедшим.

Если бы Кришна не явился Арджуне, чтобы просветить его, Арджуна всё равно бы вступил в бой, но сражался бы дурно¹¹⁰⁸.

Тело всегда является весами для всего, что движется — весы вечные, непрерывно находящиеся в движении. То, что мы называем «я» — лишь движущееся тело¹¹⁰⁹.

[ms. 39] *А сверхъестественное — это когда в какой-то миг весы останавливаются и в таком виде задерживаются. После остановки на них по-прежнему воздействуют ТЕ ЖЕ САМЫЕ СИЛЫ, но при этом весы — вернее.*

Наверное, существует оптимальный ритм — оптимальная продолжительность и частота остановок.

Такая остановка тоже, по необходимости, означает расход энергии — но энергии *существенным образом другой.*

Каким образом нечто останавливается?

В случае инертной материи, движущееся тело останавливается вследствие израсходования механической или тепловой энергии.

В случае человека, по-видимому, преобразования энергии в обратном направлении.

Почему не может быть в обменах и видоизменениях органических (а именно, нервных) тканей некой формы энергии, которая относилась бы к движению и излучению так же, как движение и излучение — к теплу?

Между тем, загадка остается той же. Это и есть *гуны пракрити.* — Есть в мире нечто, с чем сверхъестественное имеет соотношение, особую связь. Что это? Какова эта связь?

[ms. 40] Если благо — назовем это верховным принципом, или каким угодно словом — проявляется через все мироздание, но через какие-то вещи проявляется особенно сильно, значит, через другие оно проявляется меньше, и следовательно, они относительно противоположны благу: $\upsilon\pi\epsilon\upsilon\alpha\nu\tau\acute{\iota}\\omicron\nu\ \acute{\alpha}\gamma\alpha-\theta\tilde{\omega}$ ¹¹¹⁰.

Нарушение равновесия. Равновесие есть неподвижность. Пустота. Непроявленное. Нарушения равновесия, компенсирующие друг друга, есть вторая форма равновесия. Некомпенсированное нарушение равновесия — вот настоящее неравновесие; это беспредельность; это лишь иллюзия мысли. В природных феноменах физического мира не бывает никакого нарушения равновесия. В человеческом теле — только в связи с... (с чем? с воздействием на душу?) Неравновесие в желаниях и в отно-

шениях между человеческими существами. И в... (в чем?) — Но на деле нет.

Как человек способен помочь другому выйти из неведения (обучение), так человек способен и сгустить неведение вокруг других. Это касается тех, которые пленяют удовольствиями, наносят тяжкие скорби, вводят в оцепенение ума.

Что может быть отвратительнее, чем окутывать человека неведением даже в тот момент, когда он умирает? Убийство? (Я не говорю о таком убийстве, как Рама убил шудру¹¹¹¹.)

Благо проявляет себя в отдельных вещах этого мира и в мире как целом. Равновесие — образ пустоты. Нарушения равновесия [ms. 41], компенсируемые миром как целым — образ равновесия. Частные равновесия — образы равновесия мира. Искать их. Закрытые сосуды.

Закрытый сосуд — микрокосм. Пусть *мой* мир будет в равновесии.

Рассудок — как то, что относится ко 2-му роду познания — не может обеспечить этого равновесия. Его можно достигнуть, лишь выправляя внутренние весы методом достаточно (но не слишком) продолжительных и частых остановок.

Платон в «Тимее» объясняет мир дважды: первый раз причиной божественной, второй раз — причиной необходимости¹¹¹². Эти объяснения не имеют между собой лакуны и не пересекаются. Благо (снижаясь от уровня к уровню) и необходимость суть причины, каждой из которых достаточно для одного и того же следствия.

Искусство есть подражание этому.

Действие, согласное добродетели, осуществляется тем же образом. Оно всецело вызвано благом и так же всецело — об-менами механической, или эквивалентной ей, энергии в тканях тела.

ДЛЯ ТОГО ЧТОБЫ БЛАГО СТАЛО СУЩЕСТВУЮЩИМ¹¹¹³, НАДО, ЧТОБЫ ОНО МОГЛО СТАТЬ ПРИЧИНОЙ ТОГО, ЧТО УЖЕ ВСЕЦЕЛО ВЫЗВАНО НЕОБХОДИМОСТЬЮ.

Надо, чтобы геометрия, наука подражали этому.

Находящиеся на разных уровнях значения одного и того же текста.

Их число в мире может быть бесконечным.

[ms. 42] ПРОЧТЕНИЯ — координация во времени и с прочтениями других. Координация между прочтениями одновременными и последовательными. В непосредственном и индивидуальном все в равной степени верно. Зачем нужна эта координация? Благо здесь имеет большое значение. Мне надо быть в согласии с другими, с собой в прошедшем и с собой в будущем.

Это согласие есть реальность. Но «другой» — лишь догадка; «меня» прошедшего и «меня» будущего — не существует. Согласие, в сущности, не поддается проверке.

Полное согласие: тождество, вечность.

<Путь> от солипсизма к Высшему Тождеству — через мироздание¹¹¹⁴.

Постичь реальность. В чем?¹¹¹⁵

Католическое причащение. Бог не единожды сделался плотью. Он каждый день делает себя веществом, чтобы отдать себя человеку, чтобы человек вкусил Бога. И, взаимнообразно — в своем изнеможении, в несчастье, в смерти человек делается веществом, и Бог вкушает его. Как можно отказаться от этой взаимности?

[В форме хлеба мы вкушаем солнце и, в то же время, человеческий ум¹¹¹⁶.]

Дождь, будучи со стороны богов приношением истинной сомы, преобразуется в пищу; таким образом божество и [ms. 43] человек ежедневно соединяются взаимным жертвоприношением (Упанишады¹¹¹⁷.)

|| Если бы люди могли непрерывно ощущать усталость от труда и от жизни как взаимность причащения...

Познавать себя ограниченным — в качестве иного, чем Бог. Вот в этом «в качестве» и заключается трудность.

«Посредством дхармы слабый может уравновесить сильного» (...)

«Подтверждение того, что Закон есть истина...»¹¹¹⁸

|| *Дхарма* — весы с неравными плечами. Конечно, только весы с неравными плечами могут представлять справедливость. Но они также представляют соотношение, условие, пропорцию. Не через это ли сближаются у греков забота о пропорции и забота о справедливости? Архитектура, геометрия — образы *дхармы*?

Соотношение, отрицание абсолютного. Желание ввергает мысль в абсолютное как в безграничное.

Желание — дурно и обманчиво, и тем не менее без желания мы не стремились бы к истинному абсолюту, к истинно-безграничному. Через это нужно пройти. Несчастье [ms. 44] тех людей, у кого изнурение отнимает ту дополнительную энергию, которая есть источник вождения.

Несчастье тех, чье желание слепо.

Надо прицепить свое желание к оси между полюсами. (...)

[ms. 44–45. Геометрические рисунки; список ссылок на Евангелия.]

[ms. 46] |¹¹¹⁹ Движение прекращается, если вся механическая энергия трансформировалась в тепло. Так же и желание, и вся деятельность, происходящая из желания, прекращается от изнурения. Таким образом, желание противоречиво: оно не ограничено в своем предмете, но ограничено в принципе. Люди всякий раз испытывают это противоречие с горечью, но не прекращают лгать, чтобы утаить это от себя.

Ложь есть бегство человеческой мысли перед существенным, непримиримым противоречием.

Все, что силой заставляет нас — ибо здесь нужно заставлять силой — смотреть в глаза противоречию, есть средство против лжи, средство всегда болезненное. Прекрасные предметы —

картина, статуя, звук пения, стихи — столь наглядно вечны, что при первом соприкосновении с прекрасным хочется к ним прилепиться вниманием без конца, но мы понимаем, что это внимание скоро рассеется; они неисчерпаемы, но мы знаем, что созерцание изнемогает. — И каким чудом их творец, производя их в ограниченный промежуток времени, со вниманием, которое не бывает бесконечным, сообщает им эту неисчерпаемость? — Любовь (Лукреций)¹¹²⁰ — [Математика, каким образом?] — Смерть.

[ms. 47] Если мы понимаем пользу смерти для человека, то нам должно быть понятно и как ее принимать, и как ее причинять.

Как и желание, страх, — который относится к желанию так же, как боль к удовольствию, — содержит в себе беспредельность. «Аббайам», нет-страха (нет-тревоги), принадлежность Брахмана¹¹²¹. Скорее, он (страх. — П. Е.) содержит в себе абсолют, ложный абсолют. Он относится к *тамасу*; он превращает человека в вещь. Если желание содержит в себе иллюзию всемогущества, то страх — полного бессилия. Страх возникает, когда желание наталкивается на свой предел. Томление¹¹²², смесь желания и страха — например, в голоде. Страх рабов у Плавта: «*perii, nihil sum*»¹¹²³. Он содержит в себе также противоречие: отрицание живым существом своего собственного существования. Жалкое колебание между желанием и страхом. Страх исчезает, когда внутренняя энергия (механическая, из которой происходит желание) собирается вновь. Существа, которые почти всегда в страхе: рабы¹¹²⁴.

Как поставить человека перед лицом смерти, чтобы при этом не вводить его в страх? Смерть, причиняемая людьми, устрашает куда больше, чем смерть естественная. Возможно ли окружить ее такими формами, чтобы она [ms. 48] меньше внушала страх? Сделать ее церемонией?

Видение необходимости является средством и от желания, и от страха. Надо, чтобы смерть предстала человеку или как действие слепого механизма, или как *карма*¹¹²⁵. Произвольные

пожелания других людей могут представиться слепым механизмом тем, кто этому обучен, но не тем, кто этого не знает. Насильственная смерть [если она может быть дозволена] должна означать для них лишь то, что им вернулось их собственное насилие — или по приговору суда, или при военном отражении их агрессии. Но в Ветхом Завете происходит иначе.

[Первое возражение Кришны Арджуне. Не нужно делать такое дело, о котором, в тех определенных обстоятельствах, в которых оно выполняется, мы уверенно знаем, что оно не будет никем правильно понято¹¹²⁶. Это было бы усугублением невежества. Значение твоего поступка — так же как, например, прелесть¹¹²⁷ поэтического произведения — должно быть понято.]

[ms. 49] В гражданском обществе смерть во время казни, если в нем наказывают смертью, должна быть чем-то содержащим в себе благо. Для любого казнимого, кто бы он ни был, она должна сопровождаться религиозными церемониями. И надо, чтобы что-то дало почувствовать, что этот человек, принимая смерть, исполняет нечто великое; насколько возможно ему в его положении, он вносит свой вклад в установленный строй общины¹¹²⁸.

Пусть он остается в камере, пока сам не решится принять смерть?

Позволительно ли вообще пользоваться террором, подвергать людей террору? Можно ли без этого обойтись¹¹²⁹?

[Перечитать у Геродота о битве при Марафоне¹¹³⁰.]

«Да будет твое мягкосердечие¹¹³¹ поддержкой <жизни моей>...»¹¹³²

Ин 3:20. Всякий, делающий злое, ненавидит свет. Πᾶς ὁ φαῦλα πράσσων μισεῖ τὸ φῶς.
--

Истребление как средство — это вера в оккультные качества. Верить, что уничтожаешь идолослужение, убивая идолопоклонников. На самом деле уничтожить возможно лишь то, что уникально, драгоценно, невосполнимо...¹¹³³

Убивать людей, которые не думают так, как ты. В пределе, останешься один. Имитация одиночества Бога; это — худшее из идолослужений.

[ms. 50] Моисей, Иешуа, Самуил. Задача выковать, без всякого понятия о Воплощении, целый монотеистический народ, который мыслит всецелого Бога без посредств. Мыслит Бога, впрочем, помимо «метафизической реализации», ибо она не бывает дана всему народу целиком. Мыслит Бога с помощью *манаса*¹¹³⁴. Это насильственно, против природы. Этого можно достичь только крайним насилием. За отсутствием *метаξύ*, роль *метаξύ* играет меч; террор и упования, кровавые ужасы — и потоки молока и меда¹¹³⁵. Это невозможно было проделать иначе. Убийствами, которые им велели совершить, их выдрессировали так, как будто эти убийства были направлены против них самих.

Жестокость и распущенность нравов тоже играют определенную роль в этой истории.

Проблему отношения Бога с гражданским обществом, Бога с народом ставили перед собой все древние общества, и все решали ее по-разному. Проблема здесь аналогична проблеме *метаξύ* для индивида.

Идея *джармы*, Немезиды в Ветхом Завете абсолютно (?) отсутствует.

Монотеизм. Христианство решило проблему¹¹³⁶ <догматом> Воплощения (и, кроме того, <почитанием> Девы и святых). А мусульманство? Среднее между двумя¹¹³⁷; и более чувственные представления о рае. И все-таки как [ms. 50] они это решают? Это совершенно необычайный успех.

Может быть, здесь *метаξύ* — это принятие страдания. Играет ли роль меньшая сексуальная скованность? Во всяком случае, существует мусульманский эзотеризм. Должны были быть и христианские примеси — через Византию. Но это не объясняет. Мусульмане не впадали в идолопоклонство повторно, как иудеи. Они — обращенные, не без насилия. Евреи же почти только тем и занимались, что истребляли — по меньшей мере, до разрушения Иерусалима.

Иоанн: «Да будут едино, как Мы едино — Я в них, и Ты во Мне¹¹³⁸. Как возлюбил Меня Отец, и Я возлюбил вас¹¹³⁹».

...γινώσκω τὰ ἐμὰ καὶ γινώσκειναι ὑπὸ τῶν ἐμῶν, καθὼς γινώσκει με ὁ πατήρ καὶ ὁ γινώσκω τὸν πατέρα¹¹⁴⁰, — и еще немалое число подобных формул.

Посредство: среднее пропорциональное между человеком и Богом. Μεταξύ.

Христос пришел к Израилю, а Его ученики рассеялись по римскому миру — потому что до сих пор Израиль и Рим были лишены истинного откровения (?).

*Два рода кармы*¹¹⁴¹ в «Илиаде». Ибо гнев Ахилла толкает его к еще большему гневу. Он не исцеляется даже в XXIV песне: ведь Приаму приходится бежать от него под покровом ночи. Только смерть полагает ему (гневу. — П. Е.) конец. При этом определенное знание, что он умрет, привносит оттенок утolenия.

[ms. 52] Смерть есть самый драгоценный дар человеку. Поэтому высшее нечестие — дурно ею распоряжаться. Дурно умирать. Дурно убивать. (Но как разом избавиться и от самоубийств, и от убийств?) На втором месте после смерти — любовь. (Аналогичная проблема: <не должно быть> ни дурного наслаждения ею, ни дурного лишения.) Война и ἔρως¹¹⁴² — два источника иллюзии и обмана среди людей (их смешение — дело в высшей степени порочное).

Желание уже с самого начала ограничено усталостью. Прикрепить желание к чему-то такому, что не знает усталости. Не знает усталости, прежде всего, источник движущей силы, который сам не движется. Это ось между полюсами. Во вселенной это движение неба неподвижных¹¹⁴³ звезд, а в человеке — то, что ему аналогично. Что это? Блуждающие желания надо прикрепить, как планеты, к небу неподвижных звезд.

Что же до тела, всё, что в человеке циклично и непрерывно — кровообращение, дыхание, все известные и неизвестные

нам способы обмена веществ — суть соответствие, на уровне смертных индивидов, обращению неподвижных звезд. Тело можно сохранять от износа, кроме разве что засчет старения, если... (если что?..)

Ритм, чередование расходов и восстановлений <энергии>. Причастна к этому, способна быть причастной также и гармония. Но при каких условиях? В какой мере она зависит от нашего «я»?

[ms. 53] «Бог открыл глаза ее, и она увидела колодезь с водою...»¹¹⁴⁴ (Быт 21:19).

Моисею:

«Я — Вечный. Являлся Я Аврааму, Исааку и Иакову с именем «Бог Всемогущий», но Я не открылся им в качестве Существа неизменяемого»¹¹⁴⁵.

Седьмой день. Прекращение <дел>. ||

«Я предоставляю вам травы и деревья, носящие семя»¹¹⁴⁶.

Проклятие. Женщина: скорби беременности и родов, похоть, подчинение. Мужчина: скорбь от труда, смерть¹¹⁴⁷. ||

Плод древа жизни — не *амрита* ли это? Он не был запрещен до греха. Он стал доступен позднее... Итак, бесконечное расстояние между человеком невинным и Богом, но не между человеком спасенным и Богом. «Стал как один из Нас», через познание... (?..)

Ною:

«Я взыщу и вашу кровь, в которой жизнь ваша, взыщу ее от всякого зверя, взыщу также душу человека от руки человека, от руки брата его; кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека: ибо человек создан по образу Божию»¹¹⁴⁸ (...)

Вавилон. «Чтобы один не понимал языка другого»¹¹⁴⁹.

Первый случай кровопролития, после Ноя, это война, предпринятая Авраамом, чтобы освободить Лота, после которой его благословил Мелхиседек; здесь еще не идет речь о массовых убийствах. И ничего другого вплоть до Моисея. Хотя: история с обрезанием (Левий и Симеон)¹¹⁵⁰. [Разве что жены, выдаваемые за сестер¹¹⁵¹, и политика Иосифа в Египте...] — Убийство египтянина Моисеем. Ликование Моисея над участью египетского войска в Красном море. Битва (оборонительная) против амаликитян.

«И сказал Господь Моисею: напиши сие для памяти в Книгу... Я совершенно изглажу память Амаликитян из поднебесной»¹¹⁵².

[ms. 54] Золотой телец и приказ левитам перебить братьев, друзей родственников — 3000 убитых¹¹⁵³ — Откровение Моисею об истинном имени (Адонай) —

В тот же день:

«...не вступай с ними в союз и не щади их; и не вступай с ними в родство: дочери твоей не отдавай за сына его, и дочери его не бери за сына твоего; ибо они отвратят сынов твоих от Меня, чтобы служить иным богам, и тогда воспламенится на вас гнев Господа, и Он скоро истребит тебя. Но поступите с ними так: жертвенники их разрушьте, столбы их сокрушите, и рощи их вырубите, и истуканов их сожгите огнем...»¹¹⁵⁴. (...)

Предан смерти, по повелению Бога, человек, который собирал дрова в субботу. | Земля поглощает 250 человек, восставших против Моисея. | На следующий день мор убивает 14 700. | Эдомиты отказываются дать проход по своей земле, и Израиль меняет путь. | Оборонительная война против ханаанеев (преданных проклятию). | То же с аморреями. | То же с Васаном. | Мирно поселяются среди мадианитян (народ первой жены Моисея), которые соблазняют их на идолопоклонство; Божья кара убивает 24 000; убийство знатной девушки-мадианитянки. Бог приказывает Моисею покарать мадианитян; истребляют всех взрос-

лых мужчин, включая Валаама; остальных берут в плен, но Моисей приказывает убить их всех, кроме дев, не познавших мужа. |

Моисей — от лица Бога:

«Когда подойдешь к городу, чтобы завоевать его, предложи ему мир; если он согласится на мир с тобою и отворит тебе ворота, то весь народ, который найдется в нем, будет платить тебе дань и служить тебе; если же он не согласится на мир с тобою и будет вести с тобою войну, то осади его, и когда Господь Бог твой предаст его в руки твои, порази в нем весь мужеский пол острием меча; только жен и детей и скот и все, что в городе, всю добычу его возьми себе и пользуйся добычею врагов твоих, которых предал тебе Господь Бог твой; так поступай со всеми городами, которые от тебя весьма далеко, которые не из числа городов народов сих. А в городах сих народов, которых Господь Бог твой дает тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души, но предай их заклятию¹¹⁵⁵: Хеттеев и Аморреев, и Хананеев, и Ферезеев, и Евеев, и Иевусеев, как повелел тебе Господь Бог твой, дабы они не научили вас делать такие же мерзости, какие они делали для богов своих, и дабы вы не грешили пред Господом Богом вашим»¹¹⁵⁶.

Иерихон затворяет ворота. Полное истребление (кроме блудницы, которая предала), земля города проклята. Выступление против Гая: полное истребление (12 000), царь города взят в плен и повешен. | Гаваониты, притворившись, что пришли издалека, связывают евреев клятвой, и их <оставляют в живых, но> обрекают рубить дрова и носить воду <для Израиля>. | Битва с пятью царями; Иешуа останавливает солнце, чтобы у него хватило времени для истребления побежденных; он берет в плен царей, велит положить их на земле и приказывает своим воеводам становиться ногами на их шеи, потом их вешает. | Всего убит тридцать один царь (а их народы истреблены)!

Самуил говорит Саулу:

«Так говорит Господь Саваоф: вспомнил Я о том, что сделал Амалик Израилю, как он противостал ему на пути, когда он шел из Египта; теперь иди и порази Амалика, и истреби все, что у него; и не давай пощады ему, но предай смерти от мужа до жены, от отрока до грудного младенца, от вола до овцы, от верблюда до осла»¹¹⁵⁷.

Саул щадит царя Агага и скот. Бог раскаивается в том, что поставил Саула царем. Самуил убивает Агага. Божественный дух покидает Саула.

Иешуа и Самуил умирают в покое и почете, особенно Иешуа.

Иегове не ставили изваяний; сам Израиль есть статуя Иеговы. Этот народ — как деревянное изваяние, вырубленное топором. Искусственный народ. Входя в Египет, они был племенем; в рабстве они стали нацией. (За четыре с половиной века они не ассимилировались.) Их скрепили вместе жутким насилием.

Не ассимилировались, не ассимилировали.

[ms. 56] «Брихад<араньяка-упанишада>». Чего бояться, если ты один? Если ты переходишь от солипсизма к познанию реальности посредством Бога, как у Декарта, тогда где может просочиться зло? Непризнание дуальности есть в то же время неимение страха и тревоги.

«Он боялся. Поэтому <и поныне> тот, кто одинок, боится. И он подумал: «Ведь нет ничего кроме меня, — чего же я боюсь?» И тогда боязнь его прошла, ибо чего ему было бояться? Поистине, <лишь> от второго приходит боязнь»¹¹⁵⁸.

Мы боимся, когда мы одни, но это неправильно. Страх — другое. Абсолютное одиночество ни перед чем не ужасается. *Кто* мне сотворит зло? *Аббайям*, неимение страха и тревоги, мир, счастье.

Любите ваших врагов, злых, неблагодарных и т. д., *как* ваш Отец небесный (именно так, а не иначе)¹¹⁵⁹; это близко к китайскому «недеянию». (...) Так же и непротивление...

Св. Фома о страдании Христа. Стремиться не к тому, чтобы избежать страдания или страдать меньше (в несчастье), но к тому, чтобы страдание нас не исказило.

[ms. 57]¹¹⁶⁰ Желание должно держаться на том, что не знает усталости и вследствие этого циклично. Близость галилеевой механики к современным недостаткам (например, вере в прогресс). Это скрепление может быть выполнено только ритмом, ибо желание, изначально ограниченное, вызывает недостаточный интерес, так что ценность переносится на чередование желания и удовлетворения. Регулярные повторения согласно ходу часов и смене сезонов. Тогда ценность желания, а следовательно, и деятельности, состоит только в соотношении с целым. Все действия ограничены, но последовательность действий не ограничена.

ЕСЛИ ОТНЯТЬ ЭТО ЧЕРЕДОВАНИЕ, ЭТОТ РИТМ, НАСТУПИТ АД. ДАНАИДЫ, СИЗИФ¹¹⁶¹.

Ритм увеличивает продолжительность усилия, отдаляет усталость. А в пределе, может ли он ее уничтожить? <Таким образом, он —> источник физической энергии (каким образом?) Но сначала, ЧЕМ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ РИТМ? Он не определяется регулярностью. Тиканье часов — это не ритм. *Ритм определяется посредством остановок.*

Момент пустоты мысли, с предельным вниманием, усиливает и возвышает мысли так, что они восходят до области познания второго рода. Такое же значение имеют и моменты неподвижности тела, когда мы рассматриваем движения.

Бег. Неподвижность торса и головы; циклическое движение плеч; промежуток времени между двумя касаниями ногами земли. Бегун большого роста кажется бегущим медленно, из-за величины этих промежутков.

[ms. 58] Ритм как $\mu\epsilon\tau\alpha\acute{\xi}\acute{\upsilon}$. Точка контакта между реальностью не существующей и становлением. Что-то осязаемое и такое, чья реальность есть лишь отношение. Все целиком прошедшее и будущее, и только оно дает настоящее. Однообразие и повторение. Источник энергии, которая возвышает (поднимает).

Равновесие как миг, как граница между двумя неравновесиями.

Наука и прекрасное. Фундаментальная проблема физики — которую никогда не ставили (?) — с какой стати считается, что некий феномен, некую изменяемую (или стабильную) частицу мироздания можно рассматривать как закрытый сосуд? *Весы — образ мироздания. ВСЯКИЙ ЗАКРЫТЫЙ СОСУД — ЭКВИВАЛЕНТ ВЕСОВ.*

Человек — т. е. мышление, соединенное с телом, — может существовать, только если это тело является образом мироздания, и если ограниченные участки материи, к которым оно имеет доступ, являются — некоторые — образами мироздания.

Таким же образом, конечные порции времени должны содержать в себе образ вечности. Моменты, но также и конечные порции.

Скульптура должна представлять человеческое тело как образ вечности, то есть как равновесие.

[ms. 59] Πᾶς ὁ φαῦλα πράσσειν μισεῖ τὸ φῶς¹¹⁶². Это — не «злое»¹¹⁶³. Это — мелкое¹¹⁶⁴. Всякий увлеченный посредственными вещами, ненавидит свет.

Существует ли зло, которое мы познаем, не совершая его? А то зло, которое мы совершаем — не кажется ли оно нам чем-то простым, естественным, само собой разумеющимся? Не аналогично ли зло иллюзии? Иллюзия, когда она присутствует, воспринимается не как иллюзия, а как факт. Понятие иллюзии — иллюзорно. Мы считаем иллюзией только то, чему не верим, а это уже не иллюзия. Присутствие в нашей мысли иллюзий, с которыми мы уже расстались, — это может быть даже критерием истины. Так же дело обстоит, возможно, и со злом. Зло, когда

оно привычно, не воспринимается как зло, но как необходимость или даже как долг. «Video meliora proboque, deteriora sequor»¹¹⁶⁵; «добро, которого люблю, не делаю, а зло, которое ненавижу, делаю»¹¹⁶⁶; в этих состояниях кажется, что мы мыслим доброе, и в некотором смысле так и есть, *но мы не мыслим его как возможность для себя*.

Но вот — еще более низкая степень зла, когда зло предстает как долг, а добро как искушение. Испания, Ридель¹¹⁶⁷. Фауст у Марло. Жиль де Рэ у Ланца¹¹⁶⁸: «Дьявольская благодать»¹¹⁶⁹. Поиск чистоты во зле¹¹⁷⁰. Те естественные склонности, на [ms. 60] которые опирается добродетель, будучи отделены от воли, предстают как искушения, и на определенные периоды исчезают. Наступают периоды полноты <во зле>. Состояние, в котором тогда находится человек, эквивалентно некоторой добродетели, добродетели, в которой зло отсутствует.

По существу же отличается от зла только та добродетель, которой сопутствует ясное понимание, что зло возможно, и что оно способно принимать образ добра¹¹⁷¹.

Добро как противоположность зла в некотором смысле ему эквивалентно, как и все противоположности.

Согласие между многими людьми заключает в себе чувство реальности. Оно заключает в себе также чувство долга. Отклонение относительно этого согласия выглядит как грех. Таким образом могут быть перевернуты *любые* понятия. Самсон, сказочные великаны¹¹⁷². Состояние конформности — имитация благодати.

Во всяком внутреннем конфликте, как и в конфликте между людьми, бывает возможно *беспристрастно* отделить зло от добра, поместив добро с той или другой стороны, а зло будет тем, что ему противостоит. «Никто не порочен по доброй воле»¹¹⁷³. Истинное благо — над конфликтом — и, однако, принимает в нем участие. Величайшая тайна.

[ms. 61] Во зле есть принуждение, которое подталкивает, и желание познания, которое привлекает, предчувствие секрета. Открывший ларец (Психея)¹¹⁷⁴ делается не способным на добродетель. Двойной соблазн — власти и познания. (Но сохранение¹¹⁷⁵,

главнейший, может быть, двигатель греха?) — Двойное искушение, компоненты которого родственны между собой. Испорченный образ блага, которое в некотором смысле является и властью, и познанием.

Одна отдельная (сниженная) добродетель тоже — порча образа блага, в чем следует каяться; а каяться в этом труднее, чем во зле. (Фарисей и мытарь.)

Тот, кто убивает детей (Жиль де Рэ), и тот, кто кормит сирот, оказываются на одном уровне, если они оба, тот и другой, забывают, что каждый из этих детей существует, и что в каждом из них — всё мироздание. Второй, если он даже это сознает, но сознает не всегда, — в таком случае он, даже творя добро, то и дело опускается до уровня первого, возвышаясь над ним лишь в отдельные моменты. Но если он сознает также и это¹¹⁷⁶, значит его добродетель подлинна.

Если Христос предоставил в самом Себе проявляться в полном объеме каждой человеческой функции¹¹⁷⁷, значит, Он позволил это и всему, что в человеке способно на грех (хотя сам был безгрешен).

ПРОЧТЕНИЕ. Зло, другое прочтение. Переход от зла к добру, как пролистывают книгу в обратном порядке.

На не-сверхъестественном уровне общество есть то, что отгораживает от зла (от определенных форм зла) как бы барьером; [ms. 62] общество преступников или порочных людей, будь оно состоящим хотя бы из нескольких человек, разрушает этот барьер.

Но что вовлекает в такие общества?¹¹⁷⁸ Или необходимость, или легкомыслие, или, чаще, смесь обоих; люди сами не думают, что вовлекаются, ибо *не знают*, что — вне сверхъестественного — *только* общество может помешать легко перейти даже к самым отвратительным формам порока и преступления. Они не знают, как они станут другими, ибо не знают, до чего доходит в себе самой область того, что подвержено изменениям извне. Они вовлекаются, сами того никогда не осознавая.

Даже просто задержаться воображением на некоторых вещах как на возможных <для себя> (это совсем иное дело, нежели

ясное осознание их <объективной> возможности — существенное свойство добродетели) — значит, уже быть вовлеченным. Причина этого — любопытство. Запретить себе некоторые мысли [не отказываться понимать, но не задерживаться на них], не думать о. Полагают, что мысль не вовлекает; нет, только мысль и вовлекает; позволение мыслить включает в себе всякое другое позволение. Не думать о — высшая способность. Чистота, негативная добродетель¹¹⁷⁹. Как то, что выше всего, не может быть выражено на нашем языке иначе, как в отрицательных определениях, так и подражать ему мы можем только негативно¹¹⁸⁰.

Λ_{bassesse}¹¹⁸¹ | Если, задержавшись воображением на дурном, мы встречаем других людей, чьи [ms. 63] слова и действия показывают, что это дурное — в порядке вещей (это уже делает нас членами некоего сообщества) и, таким образом, рушат тот самый общественный барьер, — мы уже почти пропали. Что может быть легче? Нет ни одной точки разрыва: как только мы увидели ров, вот он уже и переи́ден. | С добром — противоположно: мы видим ров, который предстоит преодолеть, в момент разрыва и душевной муки. В добро — не *впадают*¹¹⁸². Слово «низость» выражает именно это свойство зла.

Любопытство и желание могущества — *раджас*; стремление расширить себя. Кажется невинным. Зло не просматривается в движении мыслей, закладывающем основу этого зла. Позволить воображению задерживаться на том, что дурно, подразумевает некое малодушие: мы надеемся обладать, познавать и расширять себя с помощью ирреального. (Не думать о — тоже *искусство*, в котором знают толк лишь немногие.)

| Λ_{bas-haut}¹¹⁸³ Зло сохраняет характер ирреальности даже тогда, когда оно уже совершено; не по этой ли причине мышление преступников устроено просто: в грёзах всё просто. (Простота, симметричная простоте высшей добродетели.)

[Изучить: *характер течения времени во зле*. Непостоянство у преступников, у проституток, соединенное с навязчивыми мыслями.]

*Уяснить понятие зла и возможность зла, не воображая его; вот что означает образ связанного Одиссея и его матросов с залепленными воском ушами*¹¹⁸⁴.

С добром не так (?). Если человек ясно отдает себе отчет в том, что это — добро, если он ясно осознает возможность этого добра, он его осуществляет. Такова милость¹¹⁸⁵, дарованная человеку.

[ms. 64] *Это различие — один из критериев добра (?), приложимый только в случае, если нам известно, в чем заключается познавать, не воображая.* [ПРОЧТЕНИЯ.]

| Художники. Человек, одаренный к искусству, достигает в нем совершенства *в точности* пропорционально своей способности не думать о.

Так же и в том искусстве, которое есть сама жизнь.

(Жиль де Рэ. Ему кажется слишком трудным «не-думать-о», но в этом — его единственное спасение; ведь его же собственный опыт говорит, что несчастья нередко разражаются над теми, кто отвечает своим дурным мыслям. Но каким разрывом он доходит до этого в конце <драмы>? (Ибо он должен был бы прожить много дней без злых мыслей.))¹¹⁸⁶

Если мы ясно сознаем возможность двух способов действия, мысль, задержавшаяся в течение некоторого времени на самой высокой точке опоры между ними, есть именно та, выполнить которую будет благом. (Если сознаем именно ясно — с бесчисленных точек зрения сразу — и как возможные, реально возможные.)

Как ряд позволяет перейти в порядке познания от ограниченного к бесконечному — от земли к небу — так же <делает> ритм в порядке желания и действия. Сходство между рядом и ритмом. Оба они — единство неподвижного и движущегося.

Полюс. Отвес. Весы.

[ms. 65] Невозможно проникнуть в тайну этой милости¹¹⁸⁷, но можно ее очертить. Здесь факт, несводимый <к более простому>, констатация, опыт.

Навязчивые состояния, возвращения на прежнее. История Мусы¹¹⁸⁸. То, что оставляет на человеке печать реакций, и воля к сохранению себя — скрывают под собой влечение к тем самым обстоятельствам, которые соответствуют этим реакциям, даже если это обстоятельства несчастья. Какую природу имеет отпечаток на человеке того, что он сделал и что перенес?

Человек реален только как связь между прошлым и будущим. Тот, кто лишает его одного или другого (или обоих сразу), причиняет ему самый большой вред, какой только возможен. Полностью отменить то, чем я был. Лишение корней, социального положения, порабощение. Лишение будущего — это приговор к смерти. (Но при этом возможность того и другого есть благо.) Убить минувшие века посредством уничтожения города — еще более жестоко.

Возможность зла есть благо.

Возможность — понятие бездонное.

Амрита. Пить бессмертие. (Состояние детства, *балья*¹¹⁸⁹, ср. у Ламартина¹¹⁹⁰) Напиток бессмертия составляют ритм и пропорция (и ряд), или, лучше сказать, точки пустоты и равновесия... Изнурение и голод суть отметины, которые наша смертность оставляет на всем протяжении наших дней. В пределе, режим совершенно гармоничных обменов между телом и окружающим миром мог бы отменить смерть (...) Даосы: хороший [ms. 66] кузнец кует, не думая о ковке, и не устает¹¹⁹¹. Мысль (внимание) неподвижная, как полюс циклических движений.

В любой физической деятельности движения компенсации, проблема с которыми в том, что они производятся и не препятствуют ни скорости, ни эффективности действия. Трансформация кругового движения в движение по прямой. Бег. Всегда проблема двух причин, необходимой и целевой; переходов в искусстве, и т. д.; многоплановой композиции.

Усталость происходит оттого, что сложение <усилий> делается только подобно трансформации, которую предстоит выполнить, т. е. сложение внешнее и насильственное; компенсации не происходит. Каждое усилие должно быть скомпенсировано; возвращение к первоначальному состоянию. Тогда, в пределе, усталости очевидно не будет.

[Добродетель в человеке и в обществе. Эквивалентности: подавленная тенденция принимает другую эквивалентную форму. Между всеми возможными формами нужно только выбрать ту, которая меньше вредит тому, что выше неё, и пусть всё идет, как идет¹¹⁹².]

По максимуму использовать в деятельности тела силу тяжести и феномены маятникового колебания; принять за правило — просто управлять силами, которые все действуют по принципу маятника, ибо нарушения равновесия всегда компенсируют друг друга. [ms. 67] Использовать их для непрерывного движения. Преобразование циркулярного движения в движение поступательное. И держать мысль как бы в пустоте, в чистом внимании.

Успех в фехтовании, возможно, отчасти основывается на том, что движения моделируются по примеру <движений> соперника.

[Следует ряд фрагментов из Упанишад, записанных на деванагари и сопровождаемых собственным переводом Симоны:]

«Смерть сделала себя изнурением.

Смерть есть предел.

Смерть, ставшая изнурением, покорила, овладела ими (речью, глазом, ухом и т. д.) и, овладев, связала их. Таким образом изнуряется речь, изнуряется зрение, изнуряется ухо. Но она не овладела тем, что есть срединное дыхание»¹¹⁹³.

«Вайю среди божеств есть тот, кто не знает отдыха»¹¹⁹⁴.
(Вайю также олицетворяет дневное обращение неба.)

[ms. 68] «От мест, где встает солнце,
до места, где оно ляжет, куда оно идет
(откуда поднимается вайю — это прана),
то боги сделали *джармой* —
такое сегодня, такое завтра»¹¹⁹⁵.

Из чего <следует>:

«И вдыхать, и выдыхать, чтобы смерть его не постигла».

«Это триада: имя, форма, деяние». Речь, глаз, атман¹¹⁹⁶.
Троичное и единое: атман есть эта триада. «Это — бессмертное,
прикрытое реальным. (...) дыхание — бессмертно»¹¹⁹⁷.
(Значит, действие...)

[ms. 69] Жаффье. Жиль¹¹⁹⁸. Надо суметь передать момент
ощущения, когда именно добро выглядит чем-то ненормальным.
И в самом деле, в этом мире так и есть. Этого не осознают; надо,
чтобы дало осознать искусство.

А зло показать вульгарным, однообразным, угрюмым и скуч-
ным.

«То, что внизу, есть как то, что вверху»¹¹⁹⁹. Угасание движе-
ния и не-движение. Вечное движение, *метаξύ*.

Сотворение мира смертью-голодом, «ибо голод — это
смерть»: идея бездонно-глубокая. Близость к манихейской
мысли.

«Все, что она производила, она пожирала».

В мире есть только пища и тот, кто ест; *сома* и *агни*¹²⁰⁰.

«Есть только одно божество — смерть»¹²⁰¹.

[Но *āsanyam grāṇam*¹²⁰², дыхание, которое в устах (?), про-
гоняет смерть, отправляет ее на край света, перенося голос, ды-
хание, зрение, слух, манас — вовне смерти, творит агни, вайю,
солнце, пространство, луну¹²⁰³.]

«У того, кто знает, что смерть есть единственное божество, смерть становится его Атманом»¹²⁰⁴. — (?) — смерть его не достигает.

[ms. 70] Πᾶς ὁ φαῦλα πράσσειν μισεῖ τὸ φῶς.
Фаῦла — самое подходящее слово для зла¹²⁰⁵.

Когда человек принимается делать зло, зло начинает казаться ему чем-то вроде обязанности. Большинство людей оправдывают чувством долга как злые, так и добрые дела. Один и тот же человек одинаково считает долгом и продать как можно дороже, и не воровать, и т. д. — У них добро стоит на том же уровне, на котором и зло: добро без света. Зло без извращенности (но всегда способное впасть и в нее).

Если правда, что одно и то же страдание по возвышенным побуждениям выдержать гораздо труднее, чем по побуждениям низким — (Людям, которые выстаивали неподвижно в очередях с часу до восьми утра, среди зимы, было бы весьма тягостно претерпеть это все ради спасения человеческой жизни, или страны; с куда большей легкостью они это делали ради одного яйца¹²⁰⁶) — то, возможно, низкая добродетель в каких-то отношениях лучше выдерживает тяготы, соблазны и несчастья, чем добродетель высокая. По части мужества это очевидно. Солдаты Наполеона. (Отсюда и меры жестокости для поддержания или поднятия духа солдат.) Не забыть об этом, в связи с малодушием.

ЭТО ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ ЗАКОНА, КОТОРЫЙ ВООБЩЕ СТАВИТ СИЛУ НА СТОРОНЕ НИЗОСТИ. СИЛА ТЯЖЕСТИ — КАК БЫ ЕГО СИМВОЛ.

НАД МИРОЗДАНИЕМ ГОСПОДСТВУЮТ ДВЕ СИЛЫ — СВЕТ И СИЛА ТЯЖЕСТИ. Над мирозданием как, прежде всего, над материей.

«Бог все сотворил числом, силой тяжести и пропорцией»¹²⁰⁷.

[ms. 71] Свет и звук. Родство между светом и ритмом.

|| Лучистая энергия и механическая энергия переходят одна в другую только посредством питания (? Изучить.)

Механическая сила естественным образом связана с силой тяжести.

Для того чтобы находящееся выше уравнивало находящееся ниже, нужны весы с неравными плечами, дхарма (в социальном смысле). И общество непрерывно склоняется, непрерывно опускается к тому, чтобы соединять силу с низостью. Тамас в обществе. Раджас в обществе хорошо различим. А саттва? Место разума в обществе, равновесие, закон; и нет общества без этого фактора.

[«Саттва есть тогда, когда саттва господствует»¹²⁰⁸, и т. д., то есть, три гуны присутствуют всегда, но господствует какая-то одна.]

Естественная близость между могуществом и низостью; с другой стороны, закон; зыбкое равновесие — вот образ блага в обществе и в душе.

[ms. 72] Формула Анаксимандра¹²⁰⁹ — основание любой науки. Определять повсюду равновесие — такое, как когда компенсация разрывов составляет феномены. Так и в человеческой душе; когда некий побудительный мотив приобретает слишком большую силу, происходит компенсация. То же и в обществе. В природе, в материи трудность заключена в том, чтобы посредством абстракции определять разнообразные сочетающиеся равновесия и их комбинации. Так, всякое тело имеет одновременно массу и освещенность. Нет оснований искать повсюду механического равновесия; если бы в мире было только механическое равновесие, не было бы людей. По необходимости в самой материи имеются существенные различия, соответствующие отношениям материи к жизни и живой материи — к мысли. Описывать их; определять различные виды равновесий. Даже в одном и том же феномене, уже определенном посредством

абстракции. Например, цвета́ — разве нет здесь равновесия, свойственного вибрациям и смешениям тени и света? Несколько теорий одновременно; но не в том смысле, как сегодня мы понимаем его (равновесие? — П. Е.) в волновой механике¹²¹⁰; не соединенные вместе, но существующие на разных планах¹²¹¹. Все равновесия, аналогичные весам, но не идентичные. ПОНЯТИЕ ИНВАРИАНТА. ИНВАРИАНТЫ И ГРУППЫ, ТО ЕСТЬ ЦИКЛЫ¹²¹².

Пространство и время, рассматриваемые так, как они предстают обычно, но с их неустранимыми парадоксами, [ms. 73] ибо непротиворечивыми они могут казаться только тому, кто добровольно слеп; но не вводить в них другие противоречия. Напротив, ставить во взаимную связь все трудности с этими несомненными и существенными противоречиями.

Равновесия статические.

Равновесия динамические. Здесь парадоксы Зенона ставят неразрешимые трудности. (*Не стремиться решить неразрешимое, но описывать его.*)

Равновесия	излучений	тепловых световых и аналогичных
	химические	химия органическая химия неорганическая

Неустранимое различие между химией органической и неорганической соответствует неустранимому различию между радиацией и <видами> движения.

В принципе, установить соответствия между неустранимыми различиями.

ДВА ПРИНЦИПА НАУКИ, И ТОЛЬКО ДВА: РАВНОВЕСИЯ И ГУНЫ¹²¹³.

Рябь на воде: перетекание между движением и излучением (той же эластичности); при этом, различие неустранимое. Ведь мы можем вообразить движение, но не излучение, так как человеческое воображение имеет некоторое соответствие с ме-

ханической энергией, так как напрямую мы можем задавать самим себе только те или иные движения — но не теплоту, не излучение, не электричество. (...)

[ms. 76] Символическое свойство воды: она естественным образом стремится к равновесию.

【Поэзия. Свойство рифмы (а также размера, всех правил стихосложения) — принудительно останавливать, разрывать поэтические ассоциации.】

【Поэзия преодолевает силу необходимости двух измерений, ограничивающую письменную речь, силу необходимости одного измерения, ограничивающей речь устную, множественностью связей между словами. Музыка — темы, звучания — так же? Конечно.】

Понятие силы связано с понятием пустоты. Декартова полнота¹²¹⁴ есть предел, достаточный для инерции. В полноте не существует возможности другой силы, кроме мгновенного толчка.

«Природа состоит из беспредельного и определяющего» (?)

ἡ φύσις ἃ ἐν τῷ κόσμῳ ἀρμόχθη ἐξ ἀλείρων καὶ περαινόντων καὶ ὅλος ὁ κόσμος καὶ τὰ ἐναὐτῷ πάντα¹²¹⁵.

Беспредельное, в сущности, должно означать *тенденцию к преодолению предела*.

Смешение беспредельного и предела, в некотором смысле, непрерывное (?). В определенном смысле действие предела постоянно дает себя ощущать. Например, дорога, поднимающаяся в гору, по мере того, как мы поднимаемся, становится для нас дорогой, сходящей вниз¹²¹⁶. (Но это не так для подскакивающего мяча. (??))

[ms. 77] «Дважды рожденные»¹²¹⁷ — ср. у апостола Павла:
Εἰ δὲ ἀπεθάνομεν σὺν Χριστῷ, πιστεύομεν ὅτι καὶ συζήσομεν
αὐτῷ¹²¹⁸.

...μηδὲ παριστάνετε τὰ μέλη ὑμῶν ὄπλα ἀδικίας τῇ ἀμαρτίᾳ¹²¹⁹.

Музыка. Платон («Тимей»¹²²⁰, «Филеб»¹²²¹). Разве ее секрет не в соотношении ритма и высоты? Подражание небесной гармонии: последовательно меняющиеся варианты звездного неба целого года — как небо одной ночи¹²²². Движения, производимые в нас ритмом (та-та-та-та), имеют ли соответствие в колебаниях, обусловленных высотой?¹²²³

Пифагорейское определение гармонии: мыслить одновременно то, что мыслят по отдельности.

δίχα φρονεόντων συμφρόνησις¹²²⁴

τὰ μὲν ὧν ὁμοῖα καὶ ὁμόφυλα ἀρμονίας οὐδὲν ἐπεδέοντο¹²²⁵

Ваш круг неизменен, и тот, кто изменяет нас <...>¹²²⁶

Единообразное движение — единственное, что мы не видим. На него опирается вся наука. Здесь секрет науки.

Практические проблемы (вопросы, вызывающие серьезные сомнения): предпочтительнее решать их прежде того, как они встают, на досуге, чем вслепую, наспех; но самое лучшее — просто заранее их рассмотреть, а решить, когда они встанут практически, при условии умения сохранять в чистоте внутреннюю ясность; ибо вообще только так и можно размышлять об этом.

[ms. 78] Любой акт понимания¹²²⁷ есть интуиция.

Движение неба неподвижных звезд. На это опирается вся наука. Им измеряется все, но мы его не измеряем. Это лучший довод за то, чтобы в науке, прежде (?) вопроса об истинности, ставился вопрос о том, *что подобает*¹²²⁸, как в теологии. (Св. Фома¹²²⁹.)

Платоновская теория музыки в «Тимее» 67b и 81.

ὅλως μὲν οὖν φωνὴν θῶμεν τὴν δι' ὧτων ὑπ' αἰέρος ἐγκεφάλου τε καὶ αἵματος μέχρι ψυχῆς πληγὴν διαδιδομένην, τὴν δὲ ὑπ' αὐτῆς κίνησιν, ἀπὸ τῆς κεφαλῆς μὲν ἀρχομένην, τελευτῶσαν δὲ περὶ τὴν τοῦ ἥπατος ἔδραν, ἀκοήν· ὅση δ' αὐτῆς ταχεῖα, ὀξεῖαν, ὅση δὲ βραδυτέρα, βαρυτέραν· τὴν δὲ ὁμοίαν ὁμαλήν τε καὶ λείαν, τὴν δὲ ἐναντίαν τραχεῖαν· μεγάλην δὲ τὴν πολλήν, ὅση δὲ ἐναντία, σμικράν¹²³⁰.

«Звук есть удар, передаваемый через уши, посредством воздуха, мозга и крови, душе. Движение, вызванное этим ударом, начинающееся в голове, а кончающееся в области [ms. 79] печени, есть слух».

Гармония¹²³¹. Касательно циклического движения дыхания. Именно этим (циклическостью) следует объяснить, что голос бывает высоким или низким, то гармоничным, то нет.

Когда первые, самые быстрые, движения замедляются, более медленные, что идут за ними следом, нагоняют их, но не мешают при этом движению.

Звук производит колебание, которое идет от мозга в печень и (по-видимому) возвращается в мозг, и так далее, циклы следуют один за другим настолько же быстрее, чем выше звук, но со временем замедляются.

Два звука, из которых второй ниже; когда он приходит, движение, произведенное первым, еще длится, но уже замедленно, и его скорость в этот момент соответствует второму звуку.

Таким образом длительность звуков, вероятно, связана с высотой. (В то же самое время эти длительности связаны между собой.)

«Филеб», 17d.

...τὰ διαστήματα ὅποσα ἐστὶ τὸν ἀριθμὸν τῆς φωνῆς ὀξύτης τε πέρι καὶ βαρύτητος, καὶ ὅποια, καὶ τοὺς ὅρους τῶν διαστημάτων, καὶ τὰ ἐκ τούτων ὅσα συστήματα γέγονεν ἃ κατιδόντες οἱ πρόσθεν παρέδοσαν ἡμῖν τοῖς ἐπομένοις ἐκείνοις καλεῖν αὐτὰ ἀρμονίας, ἔν τε ταῖς κινήσεσιν αὖ τοῦ σώματος ἕτερα τοιαῦτα ἐνόντα πάθη

γινόμενα, ἃ δὲ δι' ἀριθμῶν μετρηθέντα δεῖν αὖ φασὶ ρυθμοὺς καὶ μέτρα ἐπονομάζειν...

«Сколько между голосами существует интервалов высоты, и каковы они, и границы интервалов, и их комбинации, которые мы называем гармониями; и качества, представляющиеся врожденными для движений тела, которые мы измеряем числами, называя ритмами и мерами»¹²³².

[ms. 80] Нисходящие ноты могут изображать в музыке равновесие, плоскость (если они нисходят не хаотически, а определенным способом), восходящие — и даже выдержанные — разрыв, страдание.

Так покой после страдания изображается не одной и той же выдержанной или повторяемой нотой, но медленным снижением.

Такт должен быть приближен (каким образом?) к циклам тела. «Такая модификация как интервал высоты, производимая в движениях тела, которая, будучи измеряема числом, называется ритмом».

Поэзия; способ направления слов к молчанию, к неименуемому. Математика; способ направления форм к тому, что не имеет формы.

Макрокосм — микрокосм. Обладать вселенной, подражая ей.

Предел. Двух способов. Непрерывно начинать снова. Переход к новому качеству.

Подпаливают кучу дров. Огонь продолжает гореть, пока не уничтожает то, что его производит.

Монтескье: деспотизм — и тот дикарь, который рубит дерево, <чтобы съесть его плод>¹²³³.

Огонь нагревает воду до точки (100°C), дальше которой она не может нагреваться. После этого он превращает ее в пар до точки, где не остается ничего, что могло бы превратиться в пар.

[ms. 81] Отказ. Отказаться от материальных благ; но не являются ли они, некоторые из них, условиями некоторых благ для ума? Сохранит ли человек ту же способность мышления, когда он изнурен голодом, обессилен, унижен, когда попирается его достоинство? Значит, надо отказаться и от этих благ ума. Что останется, когда человек откажется от всего, что зависит от внешнего? Может быть, ничего? Вот тогда-то поистине наступает время отказа от себя самого¹²³⁴.

Духовная нагота.

Гуны пракрити.

{ Я — ничто.
{ Я — всё.

Взаимосвязанные истины.

Смирение ради уподобления Богу. Есть ли гордость больше, чем эта? [Я не могу вынести быть ниже Бога;] но тогда надо, чтобы я стал ничем; ибо всё то, что есть я, неизмеримо меньше Бога. Если я отнимаю у себя всё, что есть я, остается...

Отношения между противоположностями, корреляция, переход одного в другое и т. д., есть много разных видов. [Два? Один внизу, а другой вверху?]

[ms. 82] Пределы. Например, то, что надо отдать, получить, и т. д. Ничто не позволяет установить предел, но предел нужен. Так обстоит во всем. Нужен предел, его нельзя переходить, а никакого предела не дано.

Мы можем считать *целое*¹²³⁵ здоровым, если последствия, которые автоматически повлекло за собой нарушение равновесия, оказываются таковы, что восстанавливают (или компенсируют) это нарушение; если они его отягощают, значит, целое можно считать больным.

Условие существования¹²³⁶ равновесия в длительности.

Понятие условия существования объединяет понятия причинности и финальности. Ведь есть и в том, и в другом нечто интеллигибельное? Оно везде приложимо.

Понятие финальности приложимо во всеобщем плане; так как оно имеет смысл по отношению ко всему данному целому. Рука обладает финальностью по отношению к совокупности материальных точек, составляющих человеческое тело. Цепь на ногах раба обладает финальностью не по отношению к этому рабу, но по отношению к целому большего размера — обществу. То, что не обладает финальностью по отношению к такому-то целому, обладает ею по отношению к другому (лягушка и паразит¹²³⁷); всё имеет свои следствия, каждая вещь есть условие существования по отношению к другим вещам, которые входят в единый порядок. Понятие финальности приводит к понятию порядка и понятию УСЛОВИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ.

[ms. 83] Итак, составление целого из частей есть дело чисто человеческое. В природе целое не образуется ни после частей, ни раньше их; это¹²³⁸ даже не имеет смысла. *Условие существования* включает в себе эту одновременность, посредством последствования и предшествования, перекрывающих и отрицающих друг друга.

Кризис 1930–1934. Получать помощь было правом, а трудиться за деньги — одолжением. Глубокий абсурд, все перевернуто, как и во многих чертах современной жизни. Это должно быть исправлено¹²³⁹.

Λ Найти и сформулировать определенные законы человеческого существования, углубленные наблюдения за которыми выводят на свет частные случаи.

Так, то, что решительно выше, воспроизводит то, что решительно ниже, но в транспонированном виде.

Сходство зла с силой, с бытием¹²⁴⁰, а добра со слабостью, с небытием¹²⁴¹.

В то же время зло есть лишение; прояснить, каким именно образом эти противоречия будут отражать истину.

Метод исследования: помыслив что-либо, [ms. 84] искать, в каком смысле истинно противоположное.

Истина. Между людьми [за исключением высших форм святости и гениальности?] то, что производит впечатление истинного, почти непременно ложно, а то, что истинно, почти непременно производит впечатление ложного.

Чтобы выразить истинное, надо трудиться. А также и чтобы ее воспринять. То, что ложно (во всяком случае, то, что поверхностно), выражают и воспринимают без труда.

+ Когда истинное кажется, по меньшей мере, настолько же истинным, как и ложное, это уже триумф святости или гения; так святой Франциск заставлял слушателей плакать, как другой заставляет их плакать, проповедуя вульгарно и театрально.

(Ср. страницей выше.)

Человеческая механика; равновесие сил.

Λ¹²⁴² Опасно отдавать человеку, делу и т. д. больше, чем можно это делать естественно и без усилий. В противном случае мы рискуем это возненавидеть. Или же стать от него зависимыми, ибо, отдав слишком много, ожидают получить эквивалент, получить именно от того, чему отдали. (Поэтому неблагодарность причиняет сделавшему добро самую настоящую боль.) Тот, кому мы отдавали, может стать тираном [ms. 85], ибо ему дают все больше и больше, в надежде получить, наконец, что-то взамен, но этого так и не происходит. — У людей всегда есть потребность получать за то, что они отдают.

Никогда не надо переходить эту границу; надо работать над собой, чтобы расширить границу.

Как?

Λ Закон непрямой работы над собой.

Λ_ε Человеческая механика. Любой человек, когда страдает, пытается сообщить о своем страдании — или вымещая зло, или взывая к милости — чтобы его уменьшить, и в самом деле он так его уменьшает. У человека, находящегося в самом низу, которого никто не жалеет, которому не на ком выместить зло (если у него нет детей или другого, кто его любит), страдание остается внутри, отравляя его.

Это столь же властно, как сила тяжести. Как от этого можно избавиться? Как избавиться от того, что подобно силе тяжести?

Λ «Темная ночь»¹²⁴³. Приложения во всех областях.

Λ Действие не-действующее. Не-вмешательство, то же.

Λ_ε Очереди за пищей. Одно и то же действие совершается легче по низким побуждениям, чем по высоким.

Проблема: как перенести на побуждения высокие энергию побуждений низких?

[ms. 86] Двигатель, который сам неподвижен¹²⁴⁴, действие недействующее. Существование на определенной высоте (именно социальной) существа, которое не действует.

[Толстой, «Война и мир»¹²⁴⁵ — Английская аристократия — Дама в куртуазной любви...]

Человеку нужен объект вне самого себя. Человеческие чувства, из которых только и состояются побуждения, всегда обращены вовне.

| Кто такой эгоист?

«Я», которое вне меня: Атман.

Иметь объектом себя — или очень низменное, или очень высокое (но в том и другом случаях «себя» означает не одно и то же).

Сила естественным образом принадлежит низу, направлена вниз (сила тяжести).

Внешнее — тоже лежит внизу. (Грубая лесть, Селимена¹²⁴⁶, Н.¹²⁴⁷ и т. д.)

|| Всего, чем люди гордятся, их можно лишить силою обстоятельств. Итак, гордость есть обман. Осознавать этот обман — в этом и заключается добродетель смирения. (Обнаженность ума.)

Обстоятельствам неподвластны только дары благодати, и этими дарами нельзя гордиться, во всяком случае в то время, когда мы их получили¹²⁴⁸.

Следует рассматривать свои собственные добродетели как всего лишь продукт обстоятельств или своего прошлого, которое уже не в наших руках.

Так же думать и о своих немощах; что не уменьшает чувство немощи, но делает его более острым.

Гордость, вера в оккультные качества¹²⁴⁹.

Верить в то, что мы «имеем право» и т. д. — то же самое. Как в это верить в мире, где всё что угодно может нас убить? Это всё равно что забыть, что человек составляет часть мироздания.

[ms. 87] *Перенос (переносы в этом роде бесчисленны): думать, что мы возвышаем себя тем, что, сохраняя в себе даже низменные склонности (например, желание взять верх над другими людьми), мы задаем себе высокие объекты*¹²⁵⁰.

(Напротив, люди становятся выше, когда прилагают к низким объектам возвышенные склонности. ПРОЧТЕНИЕ.)

| Бывают усилия, последствия которых противоположны искомой цели (например, злые богомольцы, ложный аскетизм, некоторые роды самоотверженного служения и т. д.); а бывают другие, которые остаются полезными, даже если и не приводят к успеху.

Как различить?

Может быть, тем, что первым сопутствует непризнание (ошибочно) своей внутренней немощи. А вторым — внимание, постоянно сосредоточенное на расстоянии между тем, что есть, и тем, что мы любим.

Λ_ε *Нужно сделать такое-то дело. Но откуда взять энергию? Праведное действие может оказаться снижено, если мы не имеем достаточно энергии на том же уровне*¹²⁵¹. (Например, война. О<тец> Т<ибон>¹²⁵². — Пьеса Г<абриэля> М<арсея>¹²⁵³ — «Jorney's End»¹²⁵⁴.)

Тогда в зависимости от случая: или не делать (если это невозможно без непоправимого вреда), или соглашаться на снижение.

Λ_ε *Объект действия и уровень энергии, питающей это действие, суть вещи раздельные*¹²⁵⁵.

Оплата.

Парапет, доходящий только до половины роста; декорация¹²⁵⁶. Важность этих вещей.

Λ Воображение, которое снабжает энергией — или похищает ее. *Реальную* энергию.

[ms. 88] Хладнокровно пользоваться этой собственностью¹²⁵⁷ в своих целях, приводя себя в состояние делать то, что нужно. Но как?

<Наблюдение:> кухарки нуждаются в похвалах.

Λ *Человеку всегда необходимо получать в той или иной форме эквивалент того, что он расходует.*

Вознаграждение чисто воображаемое (улыбка Людовика XIV) есть точный эквивалент того, что было потрачено — в отличие от вознаграждений реальных, которые, кроме случайных совпадений, всегда или меньше, или больше.

Λ И только воображаемые преимущества могут предоставить энергию для беспредельных усилий.

L Но нужно, чтобы Людовик XIV действительно улыбнулся: если он не улыбнется, это будет невыразимой утратой. [Прочтение] — (Король может расплачиваться только наградами,

имеющими, в основном, воображаемую ценность, иначе он разорится.)

Эквивалент в религии, на определенном уровне. Не имея возможности заполучить улыбку от Людовика XIV, мы воображаем Бога, который нам улыбается¹²⁵⁸.

Или же сами расхваливаем себя. Нужно, чтобы награда была эквивалентной. Неотвратимой, как сила тяжести.

Отрешение от плодов действия. Избавиться от этой фатальности. Как?

Действовать не ради объекта, а по необходимости. «Я не могу поступать иначе». Это не действие, но нечто вроде пассивности. Действие недействующее.

В каком-то смысле его образец — раб. (Самое низкое... самое высокое; всегда один и тот же закон.) В каком-то смысле его образец — вещество.

[ms. 89] <Образ> воды у даосов¹²⁵⁹.

То, на что устремлены¹²⁶⁰ в своем послушании святые. И чему лишь наружно подражает повиновение монашеских орденов.

↑¹²⁶¹ *Переносить побуждения действий наружу, вовне себя. Чтобы нас толкали. Для этой цели нужно РЕАЛЬНО трансформировать в себе воображение. Как этого достигнуть?*

А ВОООБРАЖЕНИЕ ЕСТЬ НЕЧТО РЕАЛЬНОЕ. В некотором смысле — *коренная реальность. Но именно В КАЧЕСТВЕ воображения*¹²⁶².

— Действовать на своем нынешнем уровне добродетели, или даже немного ниже; не стремиться его перейти; единственное ограничение — не делать и не допускать ничего, что поставило бы под угрозу будущий <ее уровень>. Зачастую очень трудно; но эта мысль, если приложить к ней внимание, сама по себе возвышает; (она содержит в себе силу?).

Λ Иначе, стремясь преодолеть этот уровень, нам по необходимости придется обращаться к источнику более низкой энергии (*поворот*).

Λ Полностью чистые мотивы выглядят как бы *внешними* (или совершенно дрянными: всегда тот же закон)¹²⁶³.

Действовать, или удержаться от действия — ради себя будущего¹²⁶⁴ или ради другого будущего, но не ради себя нынешнего.

Время. Ресурсы, которые оно в себе содержит. Надо подвести их баланс.

Искать абсолютно доброго, не того, что является добрым в одном отношении, а в другом злым. Единственное: определенное внимание — Оно не производит эффекта непосредственно; отсюда «темные ночи» и дары чистой милости¹²⁶⁵.

[ms. 90] Λ В противоположность дискурсивному мышлению, *непосредственной интуиции необходимо должна предшествовать «темная ночь»*.

Λ *Всё, что беспредельно, есть зло.* [Ср. определение греха по м-м П¹²⁶⁶: вложить бесконечность в желание или в стремление к удовольствию.] Примеры бесчисленны. Заметить это.

Λ *Переворачивания*¹²⁶⁷. Считать себя ничем, а то большое, чему ты предан, — всем. [Государство (Ришелье), Бог — или любимое существо, и т. д., и т. д.] Это *может* означать: считать себя всем. Кажется, будто это возвышает, а на деле — полное раздолье для низости. (Крестовые походы — самые низкие из войн.) [Уголино¹²⁶⁸.] Еще примеры?

Корреляция в определенных случаях (определить их) между возвышенностью и низостью; или, скорее, всегда, но разного рода: определить, различать, находить примеры.

(Быть бдительным касательно того уровня, где ты ставишь бесконечное. Если его ставят на том уровне, который подобает только конечному, неважно, каким именем его зовут.)

[Мысль Т<ибона> о «я», «ты», «он»¹²⁶⁹ — в каком-то смысле, да. В каком-то смысле, наоборот. В каком смысле? Аналогии?]

[В каком-то смысле, два существа бывают идентичны только в Боге; а в каком-то смысле, Бог полагает между ними непереходимое расстояние (уважение).]

[ms. 91] *Грех во мне говорит: «я» —*

Быть всего лишь посредством между необработанной землей и возделанным полем, между данными проблемы и ее решением, между чистой страницей и стихотворением, между несчастным, который голоден, и несчастным, который сыт.

Эта картина — прекрасна. Этот хлеб — вкусен. Эта вода — свежа. Это мироздание — едино.

Ложная проблема, которая в то же время имеет некоторый смысл — но другой смысл... — как проблема реального присутствия в Евхаристии. Истинный смысл проблемы связан с качеством внимания — (как и для <вопроса> о реальном присутствии).

? (С помощью чего распознаются эти проблемы? И по чему распознать в истинных противоречиях совокупность таких, что исключают друг друга?)

Я — это всё. Но именно такое «я» — есть Бог. И не какое-то другое «я».

Зло совершает разделение; оно препятствует тому, чтобы Бог был эквивалентен всему.

Причина того, что я — это «я», лишь моя немощь¹²⁷⁰. Лишь немощь мироздания причина того, что в *каком-то смысле* Бог есть «я» (т. е. личность).

Говоря, что $7 + 8 = 16$, я ошибаюсь; при этом, в некотором роде, я делаю $7 + 8$ равным 16. Но что $7 + 8 = 15$, это делаю уже не «я».

Новая математическая теорема; новое прекрасное стихотворение; отблески этой великой истины...

| Я отсутствую во всем, что истинно, или прекрасно, или хорошо.

[ms. 92] «Я» грешит.

И опять, если рассматривать грех в порядке мира, под таким аспектом, в котором порядок мир есть благо, это не я.

[В некотором другом смысле, если рассматривать его как зло, <и тогда> это не я, ибо я этого не одобряю; но вторая формула правильнее.]

Есть два атеизма, один из которых есть очищение понятия о Боге.

Λ — Множество подобных случаев, найти примеры.

Может быть, все, что есть зло, имеет другой аспект — как очищение по мере продвижения ко благу, и третий аспект — как благо более высокое (ср. выше). Три аспекта, которые надо четко различать, ибо их смешение — большая опасность и для мысли, и для практического поведения в жизни. (Примеры?)

Λ То, что напрямую противостоит некоему злу, [может быть] *не всегда* принадлежит к порядку более высокого блага. Зачастую оно едва ли выше самого этого зла.

? Почему? (Часто этому дают неверные объяснения.)

Например, воровство и буржуазное уважение к собственности, неверная жена и «честная женщина», сберегательная касса и расточительство, буржуазный консерватор и революционер (поджигатель гражданской войны), ура-патриот и пораженец, и т. д., предъявление фальшивого счета и счет, составленный по всем правилам, обман и «искренность»...

Злом разрушается не добро, ибо добро неразруσιμο; разрушается только поврежденное¹²⁷¹ добро.

Но истинная причина не в этом. Добро по самой сути отличается от зла. Зло множественно и фрагментарно, добро едино; зло выставлено напоказ, добро таинственно; зло состоит в действиях, добро в не-действии или в действии-не-действующем, и т. д. —

[ms. 93] Добро, воспринимаемое на одном уровне со злом, стоящее с ним друг против друга, это добро уголовного кодекса. Выше его стоит добро, которое в некотором смысле больше

напоминает зло, чем эту низкую форму добра. (Но, может быть, еще выше — добро, которое в некотором смысле сходно с этой низкой формой добра?)¹²⁷² —

| Здесь большой простор для демагогии и навязших в зубах парадоксов.

Следует отвергать добро, которое определяется таким же образом, как определяется зло. Да, его отвергает и само зло; но зло его и отвергает по-злему.

[Случай истинных противоречий: Бог существует; Бог не существует. В чем заключается проблема? Никакой неопределенности. Я полностью уверена, что Бог есть, в том смысле, что я полностью уверена, что моя любовь не иллюзорна. Я полностью уверена, что Бога нет, в том смысле, что я полностью уверена, что ничто из реального не похоже на то, что я могу представить, произнося это имя, поскольку я не могу представить Бога. Но Это самое, то, чего я не могу постичь, не есть иллюзия. — Эта невозможность дана мне более непосредственно, чем чувство моего собственного существования.] —

Быть и иметь¹²⁷³. Человеку не обладает бытием, у него есть только «иметь». «Быть» человека находится по ту сторону завесы, со стороны сверхъестественного. Он может познать о себе самом только то, что предоставили ему обстоятельства. «Я» скрыто от меня (и от другого); оно там, где Бог¹²⁷⁴... оно в Боге... оно есть Бог (Атман). Возгордиться — это забыть, что ты — Бог... Завеса — человеческая немощь: эта завеса существовала даже для Христа.

[ms. 94] ? *Есть две слабости, которые стоит осознать: та, в которой мы так далеко отстоим от Христа (и, в меньшей степени, от святых), и та, которую мы разделяем со Христом — человеческая немощь. Но они родственны между собой; первая, если рассмотреть ее достаточно внимательно, сводится ко второй; понять их и прочувствовать как идентичные — значит, быть святым.*

У меня нет ничего, кроме моей немощи.

У меня нет ничего, даже моей немощи; она принадлежит моей плоти.

Если это понимать, если сумею научить этому свое тело [Г-жа де Зальцман¹²⁷⁵] (но как?), можно, перенося боль, не искать утolenия, голодая, не желать есть, и т. д. [Человек находится на месте, где «желания суть реальность»¹²⁷⁶.] Терпеть унижение, не заботясь о чести.

— Склонность распространять зло вне себя; во мне она еще есть. Живые существа и вещи для меня еще недостаточно священные. Как хотела бы я ничего не загрязнять, когда сама целиком обращусь в грязь... Не пачкать ничего даже в мыслях. Я не разрушу, даже в самые худшие моменты, греческую статую или фреску Джотто (*Инш'Алла!*¹²⁷⁷) Зачем же <я разрушаю> иные вещи? Зачем <разрушать>, например, минуту человеческой жизни, которая могла бы быть счастливой минутой?

Как убежать от этого действия силы тяжести? Надо найти способ.

Локализовать в себе физическую или моральную боль. (При этом неизбежно страдаешь больше.) Возможно ли это?

[ms. 95] ... «А вот я так не <поступаю>». Воздерживаться от любых реакций такого рода.

Боль тренирует наше тело. Каждый раз, когда мы обнаруживаем <в себе> какую-то из этих слабостей (в первом смысле), наше тело, перестрадав ее, чему-то выучивается. *Надо только зафиксировать на ней внимание и перестрадать ее, не напрягаться*¹²⁷⁸, *не принимать решений, <не делать> каких-то ходов, которые уменьшат боль, а следовательно, и эффект тренировки.* Внимание должно быть всегда направлено на объект (в этом случае, на наш промах), всегда на себя (лучники из даосской истории¹²⁷⁹), оно придет само. Единственное, что можно сделать после промаха, это его рассмотреть; напряже-

ние лишь воображаемо. И, если мы наказаны <за промах>, пусть это послужит только тому, чтобы мы рассмотрели его более внимательно.

| Если я буду глубже и отчетливее чувствовать, что за каждый мой промах я однажды буду наказана, в решающих обстоятельствах, <куда более> крупным аналогичным промахом, я никогда его не допущу.

Λ_p^{1280} *Сила тяжести* — Положение на социальной лестнице воздействует на людское воображение непреодолимо, как сила тяжести: это правило *почти* не знает исключений (или, в некотором смысле, совсем не знает). То же и с отношениями зависимости.

Так должная благодарность (благодарность, которая считается должной) за доброе дело в основном бывает обратно пропорциональна добродетели, потому что большие благодеяния поднимают на социальной лестнице, а маленькие происходят только внизу.

Например, некий человек, не представляющий собой ничего особенного, но состоящий в личной дружбе с премьер-министром, знакомит с ним некоего политика, чтобы продвинуть на министерский пост. С другой стороны, он же дает женщине из простонародья, находящейся в отчаянном положении, подработку в виде нескольких часов тяжелого и малооплачиваемого труда работницы по дому¹²⁸¹. Он будет ждать от служанки безмерно больших знаков почтения и признательности, чем от министра, — и зачастую она дает ему это. И его знакомый, ставший министром, совершенно прав, коль скоро он не находится в положении обязанного. [Ну разве что этот министр включит его в список кавалеров Почетного легиона. Даже скорее, что это не произойдет, но он надеется, что произойдет.] Люди ожидают большей благодарности за поданные двадцать су, чем за ссуду в десять тысяч франков (даже не погашенную), ибо двадцать су подают только беднякам.

Искать подлинные примеры.

Все люди подвластны силе тяжести, хоть и рассказывают, правдиво или нет, о мудрецах и святых истории, связанные с левитацией или хождением по водам.

То же самое относительно моральной силы тяжести; об этом обычно или не знают, или забывают.

*Постараться
перечислить
последствия этого.*

Для меня — вещи психически почти непреодолимые. | Ужас перед силой тяжести | отвращение к некоторым видам пищи | неспособность понимать мелодии, акценты, механизмы машин и т. д. | боязнь делать уколы и т. д.

| Λ ¹²⁸² Война и виды престижа. «Храбрый портняжка»¹²⁸³, и т. д. — Перечислить.

[ms. 97] *Amor fati*. Распространять его и на собственные поступки прошлые и будущие. Я никогда ничем не нарушила и не нарушу порядок мироздания. Следовательно, какое значение имеет моя судьба?

Но я его нарушаю сейчас в себе самой тем, что не люблю его достаточно полно.

Мы пишем как рожаем; мы не можем помешать себе сделать самое высшее свое усилие. Но мы и действуем так же. Я не должна бояться, что не сделаю самого высшего своего усилия. Но только при условии, что я не буду себя обманывать и буду внимательна¹²⁸⁴.

Если у меня есть ощущение возможности выбора между двумя или больше действиями, даже в самых незначительных вещах (встать, лечь спать тогда-то или тогда-то, тогда-то написать письмо, прочесть такую-то книгу, такую-то газету, выкурить сигарету или не выкурить, съесть кусок хлеба или не съесть), это чувство соответствует (и пропорционально) той внутренней слабости, которая позднее проявится в большом поражении.

Всегда видеть в малых вещах прообразы больших; так избежишь и пренебрежения, и мелочности.

$\Lambda_{с.е.}^{1285}$ Порядок мира. Макрокосм и микрокосм (*amor fati* как мост между ними). Упорядоченное мироздание есть *условие существования* для упорядоченного тела, а упорядоченное тело — для ума, соединенного со своей плотью.

Я не только мыслю мироздание, которое способно меня раздавить¹²⁸⁶, но я и люблю его.

[ms. 98] ||¹²⁸⁷ Два способа отречения от материальных благ. Лишить себя этих благ ради духовного блага.

Воспринимать и понимать их как условия духовных благ (например, голод, изнурение, унижение и т. д. омрачают ум и мешают размышлению) и, тем не менее, от них отказываться.

Только этот последний способ отречения есть «нищета духа»¹²⁸⁸.

Но даже и материальные блага навряд ли были бы опасны, если бы их не считали связанными с благами духовными, а воспринимали отдельно.

Отказаться от всего, что не есть благодать, и не желать благодати.

Λ_{contr}^{1289} Разные типы (по меньшей мере два) корреляций и переходов между противоположностями.

Например, между бесконечным и ничто.

Возможно, одни и те же слова могут выражать одно и то же. Страшная опасность смещения.

Смирением — не считая себя за что-то — уподобиться Богу.

Гордостью — идолопоклонством по отношению к себе — унизиться до ничто.

То же.

Тотальным самоотвержением во имя чего-то великого (включая Бога), дать в себе полную волю низости.

Ясно видя бесконечность расстояния между собой и тем, что есть великое, сделать из себя (из «я») орудие великого.

[ms. 99] С помощью какого критерия их различать?

*Думаю, единственный критерий есть то, что дурная корреляция делает беспредельностью то, чему не пристало ею быть*¹²⁹⁰.

Найти другие примеры.

Если обнаружишь, что находишь самоудовлетворение в таких-то действиях, которые сами в себе добры (например, дать то-то, ограничить себя в том-то, и т. д.), прекратить их до <времени, пока достигнешь> нового порядка в их исполнении.

Гениальность, это — может быть — не что иное, как способность преодолевать «темные ночи». Те, у кого этого нет, на краю темной ночи падают духом, говоря себе: «я не могу»; «я не создан для этого»; «я в этом ничего не понимаю».

(Так и те, кто говорят: «я люблю поэзию, но всякий раз, когда я пытался написать стихотворение, оно выходило таким плохим, что было мне противно».)

Вот почему талант обычно бывает — почти всегда — практически всегда — условием гениальности. Сравняться или превзойти лучших в какой-то специальности (лучших из современников) до того как придется вступить в «темную ночь», — мощная защита против мысли, что ты неспособен, против уныния.

Время ведет нас — всегда — туда, куда мы не хотим идти.

[ms. 100] Любить время.

Призвание [мыслителя, и т. д.], или благополучная жизнь? Что стоит больше? Мы этого не знаем. Призвания несовместимые (начиная с определенной величины). [Выбирать благополучную жизнь, ибо того, кто имеет призвание, несовместимое с этим выбором, в любом случае от этого призвания не удержишь.]

За всё платишь, но и наоборот, всё имеет компенсации. Но и то, и другое происходит и на более низком, и на одном и том же, и на более высоком уровне. А что мы об этом знаем?

Sc ф¹²⁹¹ Огонь уничтожает то, чем питается. Если бы дым конденсировался в дровах, было бы по-другому; тогда был бы цикл, как в теоретической системе с подскакивающим мячом.

Любое изменение или ограничено, или циклично.

Это было бы еще иначе, если бы можно было добавлять бесконечное количество дров. Но...

Притяжение; сила уничтожается в своем осуществлении, ибо в центре Земли тело уже ничего не весит. Отталкивание было бы бесконечным, но ведь об этом нет речи.

Инерция. Движение, осуществляясь, уничтожается инерцией, трением. Как только оно прекращается, трения больше нет.

Также и цикл подпрыгивающего мяча. Никакой разницы. [Звезды?]

«Теэтет». Изумление. Ср. с «темной ночью»¹²⁹².

[ms. 101] — Общество. Социальные феномены ускользают от внимания людей. Человеческий ум по природе не в состоянии думать о том, частью чего он является. При этом удастся вывести некоторые законы (Макиавелли и сочинения в духе Макиавелли¹²⁹³). Как, и каковы пределы этого?

(Эта загадка создает кажущееся равенство между социальным и сверхъестественным, что в какой-то мере извиняет Дюркгейма¹²⁹⁴.)

Раджас, расширение в пространстве [и/или] во времени (например, цикл)¹²⁹⁵.

ф Инерция и сохранение энергии.

Иерархии: [дух над плотью, и] жизнь над материей; повышенная энергия над пониженной энергией; порядок над беспорядком.

[Вероятность и почти необратимость перехода от порядка к беспорядку.]

Смерть и разложение — переход от жизни к материи.

Питание — переход от материи к жизни.

Ф Растения преобразуют инертную материю в материю живую. Когда я ем что-то растительное, часть живой растительной материи, которую я усваиваю, становится живой человеческой материей; другая часть вновь становится инертной материей (углекислым газом), высвобождая механическую энергию, эквивалентную лучистой энергии солнца (и тепловой энергии?).

Как представить себе потенциальную и кинетическую энергию в человеческом теле? (Для начала, в телах животных.) (...)

[ms. 102] Интеллектуальный цикл. Понятие *работы*, взятое из человеческого опыта, трансформированное и сделанное понятием физическим, и вновь возвращаемое, ради его объяснения, к труду человеческому.

[МОНОГРАФИЯ О ПОНЯТИИ РАБОТЫ, ИНТЕРЕСНО БЫЛО БЫ ЕЕ НАПИСАТЬ.]

Спросить у С<имоны> П<етреман> книгу о бактериях¹²⁹⁶.

Спросить у Д<омаля> ссылки на историю убийцы и множественных воскресений¹²⁹⁷.

Огонь распространяется; экспансия. <Превращение> из дров в золу; движение нисходящее.

|| Соотношение (но как его определить?) между движением нисходящим и восходящим — и пределом экспансии.

Нисхождение ограничено (центр земли), подъем — нет (удаление от центра); однако он возможен только искусственным путем. Как?¹²⁹⁸

|? Чтобы зерно пшеницы стало инертной материей, ему достаточно упасть и истлеть в земле. Чтобы оно стало человеческой плотью, надо, чтобы оно было съедено человеком. (Аристотель, действие, как то, что предшествует способности¹²⁹⁹ [из чего доказывается существование Бога]).

Скрытые энергии. Палку из твердого дерева вращают в куске мягкого дерева. Движение преобразуется в тепло. От тепла возгорается дерево. Горящий кусок дерева бросают в печь, заполненную дровами, на которой стоит большой котел с водой. Вода кипит. Пар поднимает крышку. Это усилие может быть [ms. 103] бóльшим, нежели то, которое потратили на трение палки о кусок.

Но когда дрова сожгут до конца, все закончится.

ф Экспансия, преобразуемая в восходящее движение. Мяз, который по инерции некоторое время катится по наклонной плоскости вверх. А потом скатывается обратно вниз. Но если на наклонной плоскости будет достаточно глубокая впадина, и мяз попадет в нее, он останется на высоте. В ТАКОМ СЛУЧАЕ РАБОТА ВЫПОЛНЯЕТСЯ С БЕСКОНЕЧНО МАЛЫМ РАСХОДОМ СИЛЫ, НО ЭТА РАБОТА ИМЕЕТ ОГРАНИЧЕННУЮ ВЕЛИЧИНУ (ВЕС × ВЫСОТА).

? Работа, выполненная даром, но ограниченная. Не может служить в качестве принципа «машины с вечным двигателем». [Избегать этого наваждения!]

Λ Не думать о... — принадлежит к самому трудному и самому плодотворному во всех областях. Добродетель (во всех областях, включая интеллектуальную) негативная¹³⁰⁰. Соотношение с «темной ночью»? Оно есть, но какое?

Не-прочтение.

Страдание — Мироздание, входящее в тело. Не забывать этого.

Мысль окована вещами, которые являются противоположностью мысли, и при этом мыслимы (т. е. пространством и временем).

[ms. 104]

Воображение и общество. Война.

| Λ Связь между прогрессом и низким уровнем (ибо то, что поколение может продолжать с того момента, где остановилось предыдущее поколение, неизбежно поверхностно) есть один из примеров родства между силой и низостью. — (Также о пределе). *Пирамида*.

| + Человек, который поднимает камень непосредственно (усилие) и посредством рычага; связь с тем, как рассматриваются отношения арифметические и геометрические; с добродетелью; с благом; я еще не извлекла из этого образа всего, что он заключает. — Связь с «оккультными качествами»¹³⁰¹ и «идентификацией».

Λ_{contr} «Воля свободна тогда, когда она есть»¹³⁰². Корреляция между силой и ценностью; две корреляции. Дурная: успех как критерий ценности. Хорошая: всё воображаемое — дурно.

| Истинные противоречия: есть сродство между силой (бытие) и злом. Но то, что воображаемо — не-реально — не существует — не имеет определенной силы — дурно. — По-настоящему попытаться нечто получить — означает, что получить чуть-чуть удалось.

То, что достигает успеха в этом мире, не может быть добродетелью; но то, что абсолютно не выходит — тем более не может. «Он принял облик раба»¹³⁰³; но Он <все-таки> воплотился.

Стада коров. Привычка к понуканию — свойство жизни животных.

[ms. 105] Другие пары противоречий.

Надобно придти соблазну, — но: горе тому, через кого соблазн приходит¹³⁰⁴.

Искушения суть испытания добродетели. — Но: «не введи нас во искушение».

Следует любить страдание, но не следует его искать. И т. д.

Πάτερ ἡμῶν ὁ ἐν τοῖς οὐρανοῖς·
ἁγιασθήτω τὸ ὄνομά σου·
ἐλθέτω ἡ βασιλεία σου·
γενηθήτω τὸ θέλημά σου·
ὡς ἐν οὐρανῷ καὶ ἐπὶ τῆς γῆς·
τὸν ἄρτον ἡμῶν τὸν ἐπιούσιον δὸς ἡμῖν σήμερον·
καὶ ἄφες ἡμῖν τὰ ὀφειλήματα ἡμῶν, ὡς καὶ ἡμεῖς ἀφίεμεν
τοῖς ὀφειλέταις ἡμῶν·
καὶ μὴ εἰσενέγκῃς ἡμᾶς εἰς πειρασμόν, ἀλλὰ ῥῦσαι ἡμᾶς
ἀπὸ τοῦ πονηροῦ¹³⁰⁵.

Отец наш, <тот, который> Небесный,
Да святится имя Твое,
Да придет царство Твое,
Да сбудется воля Твоя,
Равно на небесах, как и на земле.
Хлеб наш сверхъестественный¹³⁰⁶ подай нам сегодня,
И отпусти нам долги наши, как и мы отпускаем
должникам нашим,
И не ввергни нас в искушение,
Но избавь нас от зла¹³⁰⁷.

[ms. 106] «Они <уже> имеют свою награду».
ἀμὴν λέγω ὑμῖν, ἀπέχουσι τὸν μισθὸν αὐτῶν¹³⁰⁸...

...τῷ πατρὶ σου τῷ ἐν τῷ κρυπτῷ, καὶ ὁ πατήρ σου ὁ βλέπων ἐν
τῷ κρυπτῷ ἀποδώσει σοι¹³⁰⁹.

Необходимость награды — ради равновесия; получить эквивалент того, что мы отдали (см. выше); но если, насильственно преодолевая эту необходимость, властную, как сила тяжести, мы оставляем пустоту, возникает как бы воздушная тяга, и неожиданно приходит сверхъестественная награда. Она не приходит, если есть другая плата; ее привлекает эта пустота.

(При этом, вероятно, не следует, чтобы мы стремились ее получить.)¹³¹⁰

Так же и относительно «оставления долгов» (где имеется в виду не только зло, что делают нам другие, но и то добро, которое мы им сделали). И здесь мы тоже принимаем в себя пустоту.

Принять в себя пустоту — сверхъестественно. Где взять энергию для действия без компенсации? Энергия должна поступить извне. Но при этом сначала должен быть мучительный разрыв, что-то отчаянное, чтобы получилась пустота. — Пустота: темная ночь.

Восхищение, жалость (а чаще всего смесь их обоих) и т. д. доставляют реальную энергию. Но надо обойтись без этого. (...)

На какое-то время остаться без всякой награды, естественной или сверхъестественной. «Темная ночь».

«Ностромо» Джозефа Конрада¹³¹¹. — Человек, выдержавший пытки выше собственных сил, впоследствии впадает в худшую низость, чем другие (и уже больше не поднимается).

[ms. 107] Так бывает, когда ищут энергию в себе: когда однажды она исчерпывается, всё переворачивается.

[Последователь о. де Фуко и арабы¹³¹²] [Значит, даже молясь...]

Где ее искать?

Внешняя необходимость *или* внутренняя надобность властна, как дыхание. «Станем срединным дыханием»¹³¹³. Даже если боль в груди делает дыхание крайне мучительным, мы дышим; мы не можем иначе.

Знать (в каждой вещи), что существует предел, и что мы его не сможем перейти без сверхъестественной помощи — или едва-едва перейдем, расплатившись впоследствии ужасным падением. Во всяком случае, об этом не забывать.

Πάτερ ἡμῶν ὁ ἐν τοῖς οὐρανοῖς ...

τὸν ἄρτον ἡμῶν τὸν ἐπιούσιον δὸς ἡμῖν σήμερον.

Отец наш, <тот, который> Небесный,
Хлеб наш сверхъестественный подай нам сегодня.

Сами по себе мы можем идти вот до этого предела. Здесь мы касаемся пустоты. («Помоги себе сам, и небо тебе поможет»¹³¹⁴.)

Прощать. [Валери¹³¹⁵] Мы не умеем. Когда кто-то делает нам зло, это вызывает в нас реакции. Добровольное забвение обид. Желание мести есть желание равновесия. Принять не-равновесие. Видеть в нем отображение сущностного неравновесия. Искать равновесия на другом <, более высоком, > уровне, *или* (и) в большем объеме.

↑ *Перенос и добровольная пустота* (не думать о...), две различные вещи. (А может, не такие уж и различные?) Различные на какое-то время.

Способ очищения: молиться Богу втайне — не только по отношению к людям, но думая, что Бог не существует.

Λ (*Переворачивание*¹³¹⁶ в <положение> блага; *есть два вида переворачивания.*)

[ms. 108] Благочестие¹³¹⁷ по отношению к умершим, как образ (Электра¹³¹⁸). Делать всё для того, что не существует.

(Софокл: всегда в какой-то мере преодолевается предел.)¹³¹⁹

«У меня нет больше сил, больше не могу». Филоктет, «ὦ πτέρμ' Ἀχίλλεως¹³²⁰...»

| Λ_{vide}¹³²¹ Скорбь о смерти другого; та самая скорбь пустоты, неравновесия. — Усилия, уже лишённые объекта, отдача без возмещения ... ἀνωφελῆται¹³²² ... Если к этому прибавляется еще и воображение, человек опускается¹³²³. «Оставь мертвых погребать своих мертвецов»¹³²⁴.

А со своей собственной смертью разве не так же? Объект и возмещение находятся в будущем. Лишение будущего, пустота, неравновесие. Именно поэтому «философствовать — значит,

учиться умирать»¹³²⁵. Поэтому и молиться — как умирать (о. Брюкберже¹³²⁶).

Принять пустоту — Это можно обрести во множестве форм. (...)

【Жажда, голод, хранение целомудрия — плотские лишения всех видов — в поиске Бога. Чувственно воспринимаемые формы пустоты. У тела нет другого способа принять пустоту. (Алкать и жаждать Бога — и «*mio bien*»¹³²⁷, «*mio sposo*»¹³²⁸, и т. д. — несет один и тот же смысл, буквальный и метафорический одновременно.)】

Жертвоприношение Авраама. Какая пустота может быть полнее?¹³²⁹

[ms. 109] Пустота производит тревогу¹³³⁰, отчаянный бунт; затем, вследствие опустошения, покорность, но с потерей чувства реальности, частичную смерть, часто внутреннюю ложь; и распадение, раздробление времени.

Λ_v¹³³¹ *Пустота*. После того, как Овидий был доведен до самых рабски-унизительных молений об облегчении ссылки, ему оставалось только продолжать их до самой смерти, даже когда он убедился, насколько они тщетны. Он не мог допустить, что унижался впустую. И, стремясь к иллюзорной цели, вынужден был идти на все более и более жалкие унижения.

(*Крепко остерегаться таких дел, неудачу в которых не сможешь вынести.*) [Я и Б<орис>, в течение полутора лет — безумная мука и частичная смерть, когда...]

| Овидий. Помилование, о котором он умолял, с каждым моментом принимало <для него>, в придачу к своей собственной ценности, новый эквивалент относительно количества унижения, пережитого к этому моменту.

Λ_p¹³³² Если бы Август вернул Овидия <из ссылки> в течение года или двух, Овидий, после первых излияний благодарности, возненавидел бы его (вместо того, чтобы быть преданным ему

до гроба). Ибо его жизнь в прошлом, в худшем, была бы при нем — а в чем компенсация за пережитые страдания и унижения? *Сила тяжести. Переворачивание.*

(Невозможно простить того, кто причиняет нам зло, если это зло нас унижает¹³³³. Об этом человеке следует думать, что он нас не унизил, но открыл нам наш истинный уровень.)

[ms. 110] Овидий. Некоторые действия содержат в самих себе, уже в зародыше, принцип беспредельности. Зло.

Так же и Август (если он думал о том, о чем написано выше) должен был быть до конца неумолимым.

А смог бы Овидий сам себя оскопить? «Если твое око соблазняет тебя...»¹³³⁴ Но и Катон расплатился. Склерозом, одеревенелостью, язвительностью¹³³⁵.

Благодарь.

Оскопить себя И быть как маленький ребенок. (...)

[На полях против следующего абзаца:] Дж. Герберт. Давать нищим, сколько сможешь¹³³⁶.

А *Сила тяжести*. Люди любят того, от кого безнадежно¹³³⁷ зависимы и от кого ожидают добра или смягчения зла (даже когда он сам виновник этого зла и причиняет его несправедливо). Умеренные благодеяния, оставляющие того, кто их получил, в бессилии и зависимости от благодетеля, вызывают признательность. Но благодеяние большое, способное поднять человека из этой зависимости, не вызывает признательности (или самую кратковременную) и даже рискует вызвать озлобление, так как положение обязанного подразумевает необходимость неопределенно продолжать давать, уже ничего не получая взамен — иначе говоря, *пустоту*. (*Неравновесие*, в данном случае, между длительностью благодеяния (лишь короткий момент), и длительностью признательности; тогда как благодеяние количественно меньшее, но продолжающееся в течение неопределенного времени, для воображения, ждущего всё новых благодеяний, не создает такого неравновесия.)

↑ С другой стороны, не-признательность вызывает *пустоту* у того, кто совершил благодеяние.

[На полях:] («<Король> Лир», трагедия *силы тяжести*.)

Λ Всё (или почти всё? исследовать), что называется низостью, есть просто феномен силы тяжести. Впрочем, само слово «низость» на это и указывает. (...)

[ms. 111] Λ *Сила тяжести*. Когда благодеяние направлено снизу вверх, оно создает субординацию, подчиняющую благодетеля тому, кто ему обязан.

Λ *Сила тяжести*. Преданность раба, который, ничего не имея, полагает всё свое благо в своем господине. Если ему дадут что-то, именно для него, его поведение изменится — (переворачивание). Так было с маршалами Наполеона в конце его правления. Ср. выше.

Λ, СИЛА ТЯЖЕСТИ. *Вообще говоря, то, что мы ожидаем от других, ограничено результатами действия¹³³⁸ силы тяжести в нас; то, что мы от других получаем, ограничено результатами действия силы тяжести в них.*

Порой это совпадает (случайно), порой — нет.

Верования на различных уровнях. Например, верование, что Бог существует, присутствует во мне — на таком, таком и таком уровне; что Он не существует, — на таком и таком уровне, и т. д.

|| Речь не о выборе между мнениями (за исключением определенных случаев); принимать все мнения; но выстраивать их по вертикали, выбирая для каждого подходящий ему уровень.

Таким же образом, <как> случай — судьба — Провидение.

Энтропия. Всякая закрытая система имеет тенденцию к понижению¹³³⁹. Энергия, побуждающая к подъему, идет извне (например, лучистая энергия солнца). [Это истинно для любых размеров закрытой системы, каковы бы они ни были?] — Экс-

пансия преобразуется в движение по восходящей только в некоторой малой степени.

Переваривание растительного вещества¹³⁴⁰ и дыхание. Мы проглатываем сжатые пружины, которые разжимаются внутри нас и заставляют нас бежать.

ПОЧЕМУ СОВРЕМЕННАЯ НАУКА ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕБЕ ТЕНДЕНЦИЮ КНИЗУ ЧЕРЕЗ НАГРЕВАНИЕ (ЭНТРОПИЯ), А НЕ ЧЕРЕЗ СИЛУ ТЯЖЕСТИ? НЕСОМНЕННО, ПОТОМУ ЧТО ОНА СНАЧАЛА ПЫТАЛАСЬ ЕЕ ОТМЕНИТЬ.

[ms. 112] Разложение в химии. Всякое преобразование материи, производимое с высвобождением теплоты, предполагает повышение энтропии, а следовательно, разложение. Например, дерева в золу.

[Но смерть?]

И наоборот...

|+ (Разузнать о механизме ледников.)

Λ *Сила тяжести*. Пустота (если ее не принять) производит ненависть, досаду, горечь, злопамятство. Желая зла тому, кого ненавидят, и воображая это зло, восстанавливают равновесие.

Λ Воображение (неконтролируемое) умеет создавать равновесие, исправлять нарушения равновесия, заполнять пустоты.

|+ [Узнать: откуда происходит термин «компенсация»?]

|+ Λ_p СИЛА ТЯЖЕСТИ. ИСТОРИЯ МУСЫ¹³⁴¹. 1. Неблагодарность — 2. Нужда в несчастье у того, кто однажды им заклеямен. (Эти реакции на несчастье нуждаются в объекте, по отношению к которому они стали бы *словно пустотой*; тем более что мысль о несчастье для них нестерпима: она содержит в себе *пустоту*. Изучить это еще.)

Λ_p ? А каков механизм *покорности*? (естественной покорности). Опустошение. Что еще?

Несчастен — кто принимает дурное обращение с ним как должное. Форма понятия права.

[Понятие права основывается на силе тяжести.]

↑ А Продолжительное несчастье убивает желание избавления, делая саму мысль об избавлении почти невыносимой [Как у меня с головными болями в конце 38-го года]. Почему так? Потому что, если мы избавлены (хотя бы от того, чтобы это несчастье увеличивалось, сравнительно с прежним временем), кажется, будто все несчастье, которое мы пережили, было как бы бесполезным. Годы несчастья собираются в одну грудку на этой мысли, ложатся на нее единым грузом, которому не находится противовеса.

[На полях:] Маленький пример авто-психоанализа: о моих затруднениях с написанием индийских букв — в разговоре с В<ера> Д<омаль> и Р<ене> Д<омаль> — какова ценность? И почему это было в разговоре?..¹³⁴²

[ms. 113] Поиск равновесия — плохое занятие, ибо воображаемое. Отмщение. Даже если мстящий реально убивает или пытает своего врага, *в некотором смысле* это — воображаемое.

|+ А ВЕЩИ, КОТОРЫМ ЧЕЛОВЕК ПОДВЕРГАЕТСЯ ИЛИ КОТОРЫЕ ДЕЛАЕТ САМ, МОГУТ БЫТЬ В НЕКОТОРОМ СМЫСЛЕ ВОООБРАЖАЕМЫМИ.

Например, война || некоторые дела доблести или добровольно перенесенные испытания || некоторые невольные испытания, и т. д.

Изучить, попытаться определить.

| Человек с таким-то *характером*, таким-то прошлым, <находящийся> в таких-то обстоятельствах; его воображение работает так, что заполняет пустоты и исправляет нарушения равновесия, и он поступает именно в связи с тем, что воображает.

{ *Опасные механизмы.* Компенсировать будущее (следовательно, воображаемое) усилие расслаблением в настоящий момент. [Переворачивание; именно как этикетка, дающая позволение¹³⁴³ на дурное.] Этого надо избегать даже в малом или, по крайней мере, строго ограничивать.

Позволение, которое дается в настоящий момент, подчас накапливает потенциал для усилий в будущем, а иногда, наоборот, им мешает. Как различаются эти два вида позволений?

По-другому: компенсировать слишком большие усилия в одной области позволением во многих других. (Война — «честные женщины»¹³⁴⁴.) Здесь тоже этикеткой блага прикрывается позволение на зло, хотя усилия затрачиваются на самом деле. И здесь же — этот механизм имеет некую форму, которая необходима и добра. Как различить?

В каких обстоятельствах, в какой мере следует давать волю? Отсутствие позволения, непреклонность — вещь, противоположная милости (чудесное слово)¹³⁴⁵. Позволение должно быть ограниченным, но как? Еще кусочек... еще кусочек... еще кусочек... Это уже беспредельность.

Λ «Designs in Scarlet»¹³⁴⁶: воображаемое зло романтично и разнообразно; зло реальное угрюмо, монотонно, уныло, как пустыня, скучно. ПОЧЕМУ?

Скучно, напротив, воображаемое добро.

[ms. 114] Как есть некое правильное сочетание внимания и невнимания, это же верно и относительно строгости и снисходительности к себе.

Оставаться чуть ниже того, что ты можешь.

Воздерживаться от определенных выражений (для ряда случаев — в словах, даже внутри себя [например, решимость]; определенных позиций, определенного поведения) по отношению к некоторым дорогим вещам, если такие выражения могут

их ослабить; не избегать тех выражений, которые их усиливают. Как различать и разделять эти случаи?

Дурно — непочтительно задевать вещи священные даже шутя (думая, что шутишь), так же дурно бывает оказывать им почесть на некотором уровне. Но не подобает также и совсем молчать о них.

Всегда <соблюдать> иерархию по вертикали.

Лучше грешить, чем принимать себя <слишком> всерьез — в некотором смысле. И все-таки...

Делать снисхождение в себе тому, что действительно нуждается в снисхождении, и ничему другому. Сообразовывать самое высокое только с тем, что есть самого высокого в тебе самой, и так во всем, на всех уровнях.

Если мы не соблюдаем *вертикальную иерархию* в себе, — мы лицемерим, даже если хотим быть искренними.

Сила тяжести. Слишком большое несчастье ставит человека ниже людской жалости: <такие люди внушают> отвращение, ужас и презрение. (В Париже, в 1939-м, в префектуре на 4-м этаже¹³⁴⁷.) Даже тот (если есть конкретный виновник), кто сверг их в это несчастье, относится к ним так же.

Трагедия (Софокл, «Федра»¹³⁴⁸) — точно на границе.

Святой Франциск и прокаженный¹³⁴⁹. Он тоже чувствовал отвращение, ужас и презрение.

Христос в ракурсе Мантеньи¹³⁵⁰.

|+ Жалость спускается до определенного уровня и не идет ниже¹³⁵¹.

Как должно поступать милосердие, чтобы спуститься ниже?

Те, кто находятся столь низко — имеют ли они сами жалость к себе?

Жалость превращается во враждебность, если ее объект переходит или выше, или ниже определенного уровня несчастья.

[ms. 115] Верность и смерть. Жизнь между ними. Сходство самого высокого с самым низким.

| Сходство между самым высоким и самым низким находится в связи с родством между добром и слабостью, <добром> и не-существованием.

[В некотором смысле] воображаемое не существует — Бог не существует.

Λ *Перевооруживание* — Добро воображаемое и зло. «И ад...»¹³⁵²

Λ Противоположные корреляции: | слияние¹³⁵³ и различение | разделение и смешение |.

? { *Даосское не-вмешательство, прилагаемое к самому себе: в каком отношении*¹³⁵⁴?

Существование и совершенство несовместимы в одном плане несовместимы, а в другом — тождественны. Ибо есть два плана: творения и проявления.

Стиль. — Поиск эффекта. Он подчас прикрывает пустоту мысли. Еще он проявляется иногда у авторов, чьи художественные средства ниже того, что им хочется выразить (в частности, у всех начинающих) — Ты знаешь, что у тебя есть, что́ сказать, но выходят одни банальности. Понимание этого толкает автора в сторону эффекта, хотя его цель — не эффект, а нечто другое, лучшее, чего достигнуть он не может.

Но тогда рано или поздно он почувствует неудовлетворенность и, пройдя в той или иной степени через «темную ночь», достигнет большей чистоты.

В этом случае мы имеем сходство не между очень низким и очень высоким, а между средним злом и средним добром.

Любое усилие проистекает из некоего источника энергии и стремится к компенсации. (Действие без компенсации: самое низкое или самое высокое.) По каждому усилию пытаться узнать уровень, на котором <оно должно получить свою компенсацию>.

Дурно использовать низменную энергию для возвышенного деяния (<например, проявить> героизм, чтобы похвастаться удалей). Так же дурно — делать низкие и мелкие дела с возвышенной энергией: разве что если рассматривать эти дела как посредства (посох слепого) или как прообразы по отношению к вещам великим. «Все, что бы ты ни делал, жертвуй мне»¹³⁵⁵.

Как распоряжаться низкой энергией? Может быть, пустить ее играть? Отсюда необходимость игры.

Выполнять всевозможный труд, прилагать всевозможные усилия ради Бога и думая при этом, что Он не существует¹³⁵⁶.

[ms. 116–118. Тригонометрические вычисления.]

[ms. 118, конец] *Высокое и низкое*. В пространстве подъема — долги, падения и спуски — быстры. В музыке ноты, поднимаясь в высоту, следуют одна за другой быстро; опускаясь — медленно. При этом, голос: когда мы теряем контроль над собой (бесильная ярость, плач, временный психоз), звуки торопливы и высоки.

Zeûs 'Ikéσιος¹³⁵⁷. Сверхъестественная компенсация общественного неравновесия. Его гнев *тяжек*¹³⁵⁸. (...)

[ms. 119] | Сочинение произведения и перевод незаписанного текста. — *Ничего не прибавлять и не менять*.

Аналогии между «ночью духа» св. Хуана де ла Крус, с ее чередованиями, проявлявшимися на протяжении лет, и теми чередованиями, которые я испытывала на протяжении нескольких дней или недель (порой месяцев), сочиняя стихотворение.

Расхождение между внутренним и внешним <бывает> двух родов. Люди, которые имеют возвышенные стремления, но, оказавшись в таких-то данных обстоятельствах, проявляют себя более или менее низким образом (например, уделяя излишнее время, внимание и усилия еде, выказывая излишнюю осмотрительность и бережливость по отношению к деньгам, и т. д.): они не могут удержаться от этого и, может быть, не осознают, или

находят себе оправдания. И другое: деяния трудные и безупречные (например, некоторые случаи воздержания и аскетизма — и множество других примеров¹³⁵⁹), которые совершенно не соответствуют внутреннему устроению <делающего>.

БЫТЬ ГОТОВЫМ НА СМЕРТЬ И ПРИНЯТЬ ПУСТОТУ ЕСТЬ ОДНО И ТО ЖЕ; ТОЛЬКО БЛАГОДАРЯ ЭТОМУ В НЕКОТОРЫХ СИТУАЦИЯХ ОБМАН НЕ СТАНОВИТСЯ ЖИЗНЕННОЙ НЕОБХОДИМОСТЬЮ.

Учитывать:

1) Самое высокое напоминает самое низкое.

2) Равноценность между вещами, по внешности противоположными, на одном и том же уровне (например, беспорядок и тоталитарный порядок).

¹³⁶⁰ [Две концепции ада. Обычная (страдание без утешения); моя (ложное блаженство — ошибочно верить, что ты в раю). Между ними я выберу без колебания. Но если этот выбор будет мне предложен в момент крайнего страдания — будет ли мой ответ тем же?]

|| ¹³⁶¹ Отсюда, количество возможных ошибок на протяжении жизни. (*Вот что-то такое, что стоило бы прибавить к декартовскому методу.*)

Λ Литература и мораль. Воображаемое зло романтично, романично, разнообразно; зло реальное угрюмо, монотонно, уныло, как пустыня, скучно. Воображаемое добро скучно; добро реальное всегда ново, удивительно, опьяняюще. [ПОЧЕМУ ТАК?] Таким образом, «литература воображения» или скучна, или аморальна (или смесь того и другого). Она избегает этой альтернативы только переходя, силой искусства, в сторону реальности — что подвластно только гению — [отсюда: сатанические <типы литераторов>: зрелость их гения, для них — это молчание, молчание «снизу»¹³⁶². «Я больше не умею говорить»¹³⁶³.]

[ms. 120]

Необходимость¹³⁶⁴

Круг дней пустынного неба, обращаемый
Средь молчания, перед взорами смертных, —
Пасть разверстая этого мира, куда каждый час бросает
Столько воплей мольбы, столько криков злобы;

Все множество звезд, в медленном шаге их танца,
Единственного неподвижного танца, в блеске немом с высоты,
Без форм, — не так, как у нас, — без названия, без такта,
В безупречном движенье, без малейшей ошибки;

Нас, привязанных к вам, гнев перед вами бессилен.
Утолите нам жажду, коль разбиваете наши сердца!
Зовя, вождея, их круговой бег влечет нас за собой:
Наши светлые господа¹³⁶⁵, они всегда ведут нас, как завоеватели.

Цепи чистого блеска, терзайте же наши тела,
Чтобы нам, пригвожденным без единого вскрика
к недвижной точке на севере¹³⁶⁶,
с нагою душой, открытой для любой раны,
быть послушными вам даже до смерти.

[ms. 121]

Врата

Откройте же нам ворота, и мы увидим сады,
Напьемся их свежей воды, где луна проложила тропу.
Долгий путь горит под ногами, враг странников.
Мы бредем не зная куда, и не находим себе места.

Мы хотим увидеть цветы. Вот, жажда уже превосходит наши силы.
Страдая, мы ждем здесь, перед воротами;

Но, если будет нужно, мы разобьем их кулаками;
Налегаем, толкаем, — но преграда слишком крепка.

Остается томиться, ждать и смотреть без успеха.
И смотреть на ворота; они заперты и неподатливы.
Мы не сводим с них глаз; мы плачем от муки;
Они все те же; а время изнурило нас своей тяжестью.

Ворота <по-прежнему> перед нами; чего же еще ждать?
Не лучше ли было б уйти, оставив надежду.
Мы никогда не войдем. Их уже опостылело видеть...
Ворота, открывшись, впустили в себя великое молчанье,

— Ибо ни садов не нашлось здесь, и ни единого цветка;
Лишь безмерность пространства, где пустота и свет,
Внезапно предстала со всех сторон, и, наполнив сердца,
Омыла глаза, почти ослепшие от пыли¹³⁶⁷.

[ms. 122] Аналогия между алгеброй и деньгами. И то, и другое — уравниатели. Расстояния по вертикали в них не представлены.

Вера. Вера занимает в человеке определенный слой (в вертикальном разрезе). Как возможно — если это нужно — перевести ее в другие слои?

Заставить ее спуститься ниже?

Выражая ее через материальные предметы и поступки.

В чем состоит это отношение выражения?

Не <стремиться к> пониманию все новых вещей, но посредством терпения, усилий и метода достигать понимания очевидных истин всем своим естеством. (...)

|| ? Реальное число. Вместо того, что: невозможно перейти с одной стороны от прямой на другую сторону, не переступив через прямую... Аксиомы о множествах. Какая польза?

Усталость, как физическое страдание, есть препятствие не для высших усилий ума, но для тех, что относятся к средней области. Выводы, которые можно сделать отсюда относительно культуры простого народа, который сейчас не имеет доступа к культуре более высокой, потому что у него нет сил пройти через среднюю область.

(...)

[ms. 124. Выписки на санскрите:] «Он, этот Атман, [определяется так:] «не [это], не [это]». Он непостижим, ибо не постигается; неразрушим, ибо не разрушается; неприкрепляем, ибо не прикрепляется; не связан, не колеблется, не терпит зла. Поистине, Джанака, ты достиг бесстрашия»¹³⁶⁸.

Что же есть Брахман?

Речь <почитаемая> как познание. Дыхание [жизни] как то, что всего дороже. Глаз как то, что являет реальность. Ухо как бесконечное. *Манас* — удовольствие (а именно сексуальное). Сердце — как постоянство¹³⁶⁹.

Но Атман можно выразить не иначе как отрицаниями.

Поистине, речь есть Брахман;
дыхание есть Брахман;
зрение есть Брахман;
слух есть Брахман;
ментальное есть Брахман;
сердце есть Брахман.

Его следует почитать познанием,
его следует почитать тем, что всего дороже,
его следует считать истиной,
его следует почитать бесконечностью,
его следует почитать счастьем,
его следует почитать постоянством¹³⁷⁰.

[ms. 125] Риё¹³⁷¹. Пример абсурдности: завод кремов «Симон»¹³⁷²; хорошая штука, потому что дает работу. Он неспособен допустить, что если бы те же самые рабочие получали те же деньги, ничего не делая, было бы лучше (так как продукт плох). Труд рассматривается как благо, безотносительно чего бы то ни было. Так же и деньги. Так же и собственность. Без этого тройного идолопоклонства, ничто не уравнило бы изнурения и усталости от труда [ср. также слова бабушки: люди хотят вкусно покушать, потому что они тяжело работают, и это дает им чувство отвращения (...«отвращение у него доходит до сердца»...¹³⁷³)]. Это была бы *пустота*.

А если пустота, то и снижение — или переход к благодати.

Люди трудятся воображением, чтобы заткнуть дыры, которыми могла бы пройти благодать, и для этого они самообманом творят себе идолов, т. е. относительные блага рассматриваются как блага абсолютные. Если их мыслить как относительные, возникает пустота, ибо на ступени изнеможения, там, где мысль об отношениях (познание второго рода)¹³⁷⁴ теряется, надо продолжать делать все новые усилия.

ТАКИМ ОБРАЗОМ, ИДОЛОСЛУЖЕНИЕ ЕСТЬ ЖИЗНЕННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ. МЫСЛИТЬ СООТНОШЕНИЯ, ЗНАЧИТ, ПРИНИМАТЬ СМЕРТЬ.

САМАЯ СУТЬ ПЛАТОНОВСКОЙ МЫСЛИ.

[Добрые люди, сидящие в пещере, всегда ограничены в своих добрых качествах идолослужением (забвением соотношений). Выяснять, как это бывает, в каждом частном случае.]

ТО, ЧТО ЗАВИСИТ ОТ ПОЗНАНИЯ ВТОРОГО РОДА, НЕ МОЖЕТ, БЕЗ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЙ ПОМОЩИ, (НО ЗДЕСЬ МЫ ПЕРЕХОДИМ К ТРЕТЬЕМУ РОДУ) В ТЕЧЕНИЕ ДОЛГОГО ВРЕМЕНИ СЛУЖИТЬ ПОБУДИТЕЛЬНЫМ МОТИВОМ.

[ms. 126] «Гита». Отказ от действия не производит пустоты. Отказаться не от действия, но от его плодов; вот где пустота.

Непрестанно обуздывать в себе работу воображения, занятого заполнением пустот и неравновесий.

Когда ты <сам> принимаешь любую пустоту, какой удар судьбы может помешать тебе любить мироздание?

(Мы уверенно знаем: что бы ни случилось, *мироздание* — *наполнено*. «Пурнам»¹³⁷⁵.)

Это настолько трудно, что вследствие этого время ограничивается продолжительностью дня. Именно поэтому: «даждь нам днесь»; «довлеет каждому дню злоба его»¹³⁷⁶. Ибо (возможно?) непосильно, даже с <помощью> благодати, выносить пустоту дольше одного дня.

В любой ситуации, если прекращается заполняющая работа воображения, <обнаруживается> пустота. («Нищие духом»).

В любой ситуации (но в некоторых — ценой какого снижения!) воображение может заполнить пустоту. — Таким образом люди могут пройти через тюрьму, рабство, проституцию, перенести любое страдание — и не получить очищения.

Слова старухи *** (во время уборки винограда): «*Это невозможно* — столько страдать морально»¹³⁷⁷. Характерное восприятие страдания (в момент, когда его терпишь; в воспоминании оно пропадает). Оно *невозможно*, и его не избежать.

Это чувство невозможности — ощущение пустоты. Рассматривать ее, принимая, в течение долгого времени, значит, открыть путь для благодати.

[ms. 126–142. Пространные выписки из «Дао-дэ-цзин» и других даосских источников по переводу: *Le livre de la voie et de la vertu* — Tao te king de Lao Tseu / Trad. Pierre Salet. P., 1923.]

Примечания

¹¹⁷ Пер. О. Седаковой.

¹¹⁸ Пер. Г. Церетели.

¹¹⁹ Т. е. типы греческой поэзии и драматургии от гомеровской эпохи до ранней классики.

¹²⁰ Добавлено внизу страницы; от этих слов проведена стрелка к слову «господствовать». Дон Жуан (*исп.* Дон Хуан, *ит.* Дон Джованни) — легендарный соблазнитель, сладострастник и кощунник. История о доне Хуане Севильском, ставшем прототипом литературного персонажа, восходит еще к XIV веку, но именно в XVII веке — совершенно не случайно, как отмечает Симона — она получила общеевропейское распространение. В 1630 г. написана пьеса Тирсо де Молина «Севильский обольститель, или Каменный гость»; в 1651 г. и 1652 г. появились одна за другой две итальянские переработки (Дж. Б. Андреини и О. Джилиберто), в 1665 г. — получившая большую известность трагикомедия Мольера. Параллельно стали плодиться многочисленные лубочные и фольклорные версии. В Неаполе, находившемся под властью Испании, Дон Хуан сделался героем бытующей до наших дней городской легенды. Галерея литературных «Дон Жуанов» разрасталась и в последующие века, но при этом он преимущественно остается символической фигурой литературы и нравов эпохи барокко.

¹²¹ Илиада, 6, 429–430: «Гектор, ты все мне теперь — и отец, и почтенная мать, / Ты и единственный брат мой, и ты же супруг мой прекрасный» (здесь и далее цитаты из «Илиады» даны в переводе В. Вересаева).

¹²² Роксана — супруга султана Амурата, персонаж трагедии Расина «Баязет» (1672), один из ярких образов женской страсти в творчестве драматурга.

- ¹²³ Тацит, История, 1, 36, 3: «Делать все по-рабски ради господства» (цитата приведена Симоной по памяти, не совсем точно).
- ¹²⁴ Платон, Горгий, 511a–b: «Знаю, дорогой Калликл, ведь я не глухой... да, он убьет, если захочет, однако тем самым окажется негодяем, если убитый — человек прекрасный и добрый». В пер. С. Маркиша «человек порядочный», что не кажется адекватной передачей смысла καλὸς καὶ αἰθρός.
- ¹²⁵ Среди рукописей Симоны сохранился более детализированный вариант списка, выполненный на отдельном листе. Ср. о лени: «<Это> самое худшее во мне — единственная причина, по которой я могла бы себя презирать, — ибо в остальных <искушениях> мне удавалось преодолевать себя настолько, чтобы верить себе, что от них я, может быть, на деле стремлюсь освободиться. Но в преодолении этого соблазна лени я еще и не начинала вырабатывать устойчивую привычку» (ЕС, t. VI, vol. 1, p. 407; пер. мой. — П. Е.).
- ¹²⁶ Речь идет о равноправии и внутренней свободе как в дружеском общении, так и в любви. В «подробном списке» эта мысль сопровождается большим и эмоциональным комментарием: «Никогда не упускать из виду „искушение внутренней жизни“. Сюзанна... Пьер и другие... Борис... Чувства, которые не достигают своего предмета — не любовь. А ты — ты никогда не умела... Почему? Это не недостаток бескорыстия. Это, отчасти, недостаток естественного... Отчасти, потому что...

Больше не любить? Да, если возможно, — если речь идет лишь о тени любви. Не страдать, зная, что они несчастны? Нет; ведь это невозможно. Но перестать реагировать в воображении: да, вот это. Ясно мыслить об их несчастье, насколько они дают мне эту возможность. Ясно мыслить о средствах помощи. Говорить им об этом, насколько я могу быть правильно понята. Делать, сколько в моих силах. И это все.

С Сюзанной, из-за своей „верности“, я никогда не смотрела <правде> в лицо. Это совсем не то, что можно назвать доверием и верностью. Больше не мучиться ни ради них, ни ими. Я имею ответственность в их судьбе. Я могу исполнить ее только в моем сознании. Не отталкивать *ни одной* мысли. (Даже то, что, может быть...)

Я буду в силах помочь Б<орису> только если смогу контактировать с ним на равных. А для этого, хотя в некоторых отношениях я ушла дальше, чем он, мне кое-чего не хватает: быть на высоте

малых вещей. Это способность настоящих тружеников. Это не может быть недостижимым. Пока у меня этого нет, у него не будет ко мне доверия, и поделом, — и у меня самой тоже. Пока у меня этого нет, я в самом деле остаюсь ребенком. В 25 лет — это уже слишком.

Пусть другие люди — отдельные люди — существуют для меня так, чтобы ни господствовать над ними, ни быть под их господством. Когда есть моральное соответствие (*rencontre*), это дружба. Когда есть соответствие физическое, это любовь. Но только если можно иметь любовь без желания (*désir*). Это вызывает у меня (...), к счастью, непреодолимое отвращение — быть предметом желания.

Ждать... Не принимать ничего нечистого... Ничего, и более того:

Относительно Б<ориса> быть неприступной, и прежде всего — ничего не ждать. (Хотя мне ничего и не нужно...) Б<орису> я могу помогать разве что материально и интеллектуально; но не морально» (ЕС, t. VI, vol. 1, p. 408; пер. мой. — П. Е.).

Судя по контексту и последующим записям (К1, ms. 9 и др.), протестуя против «желания», Симона отвергала, конечно, не природное сексуальное влечение как таковое, но стремление человека *обладать* человеком, признавая реальность, суверенность именно *своей воли* над ним. В отношении к вещам это вожделение выражается в выделении вещи в качестве «желанной» из общего миропорядка, который, по убеждению Симоны, и должен быть предметом нашей любви, *во всей* его полноте. Это станет темой размышлений уже в Тетрадах марсельского периода.

О Борисе, Пьере, Сюзанне — см. ниже, примеч. 152, 153, 235.

¹²⁷ Знак поставлен Симоной.

¹²⁸ В «подробном списке» пункт сопровождается комментарием: «Господство имеет своим коррелятом фанатичное повиновение. Расин: крайнее насилие, которого требует приспособление человека к функции» (ЕС, t. VI, vol. 1, p. 407; пер. мой. — П. Е.).

¹²⁹ Perversité.

¹³⁰ Психология поведения — общепсихологическая концепция личности начала XX в., разработанная Пьером Жане (1859–1947).

¹³¹ Ср. замечание о психологии поведения в студенческих черновиках Симоны: «Эта теория не может быть мыслима — ибо мыслить ее сразу же получается мыслить о противоположном. *Что-то* от нее

- ускользает неуловимо: это тот, кто мыслит. А извне этого „что-то“ кому остается мыслить?» (ЕС, t. VI, vol. 1, p. 459; пер. мой. — П. Е.).
- ¹³² Спиноза, Этика, II, теорема 7: «Порядок и связь идей суть то же, что порядок и связь вещей».
- ¹³³ В женском лице г. Роанна (деп. Луара) Симона работала преподавателем философии с октября 1933 по июнь 1934 г.
- ¹³⁴ По-гречески: шестнадцать. Возможно, запись отражает мысли о каких-то искушениях 16-летнего возраста.
- ¹³⁵ Морское божество, «морской старец», обладающий даром предсказания. Получить от Протея откровения может лишь тот, кто, внезапно захватив его спящим, сумеет удержать его в своих объятиях, не давая ускользнуть и принять другой облик (ср. Вергилий, Георгики, IV, ст. 387 и сл.).
- ¹³⁶ Принцип «закрытого сосуда» в физических экспериментах.
- ¹³⁷ Спиноза, Этика, II, теорема 40, схолия 2: «(Интуитивный) род познания ведет от адекватной идеи о формальной сущности каких-либо атрибутов Бога к адекватному познанию сущности вещей. Объясню все это одним примером. Даны три числа для определения четвертого, которое относится к третьему так же, как второе к первому. Купцы не затруднятся помножить второе число на третье и полученное произведение разделить на первое; потому, разумеется, что они еще не забыли то, что слышали без всякого доказательства от своего учителя, или потому, что многократно испытали это на простейших числах (...). В случае же самых простых чисел во всем этом нет никакой нужды. Если даны, например, числа 1, 2, 3, то всякий видит, что четвертое пропорциональное число есть 6, и притом гораздо яснее, так как о четвертом числе мы заключаем из отношения между первым и вторым, которое видим с первого взгляда».
- ¹³⁸ Платон, Горгий, 508а. У Платона, впрочем, образом справедливости, скрепляющей общество, служит «геометрическое равенство»: «Мудрецы учат, Калликл, что небо и землю, богов и людей объединяют общение, дружба, порядочность, воздержность, справедливость, по этой причине они и зовут нашу Вселенную порядком (κόσμος), а не „беспорядком“, друг мой, и не „бесчинством“. Ты же, мне кажется, этого в расчет нисколько не принимаешь, несмотря на всю свою мудрость, ты не замечаешь, как много значит и меж богов, и меж людей равенство, — я имею в виду геометрическое равенство, — и думаешь, будто надо стремиться к превосходству

над остальными. Это оттого, что ты пренебрегаешь геометрией» (пер. С. Маркиша). Теоретикам марксизма, которых с досадой упоминает здесь Симона, понятие «равновесия», конечно, было не нужно: их целью было разрушение несправедливого, по их мнению, общества, а не его стабилизация.

¹³⁹ «Две чашки весов: на одной — грамм, на другой — тонна, на одной — „я“, на другой — „Мы“, Единое Государство. Не ясно ли: допускать, что у „я“ могут быть какие-то „права“ по отношению к Государству, и допускать, что грамм может уравновесить тонну, — это совершенно одно и то же. Отсюда — распределение: тонне — права, грамм — обязанности; и естественный путь от ничтожества к величию: забыть, что ты — грамм, и почувствовать себя миллионной долей тонны...» (Е. Замятин, Мы, 1920).

¹⁴⁰ Кажется, Симона имеет в виду соотношение конкретной обстановки и практики социального угнетения с самосознанием, человеческим и творческим потенциалом представителей привилегированных классов, предлагая рассмотреть именно с этой точки зрения эпоху, признаваемую высшей точкой развития как государственного, так и творческого духа Афин. Ср. в этой связи интересную запись из записных книжек Льва Толстого и ее интерпретацию В. Бибихиным: «18 Января <1858>. Жизнь помещика с рабством, насилием и т. п. все-таки хороша. Как представить себе человека, это преимущественно любящее создание, без любви и без всего прелестного... Ежели не подходит под нашу мерку — и мы не подходим под его. (...) Прав тот, кто счастлив. Мудрость, удобство, польза и рядом с ними глупой 1-ой поцелуй...» Бибихин: «Вспомним о безрассудной растрате любви и поэзии, без выраженности, безвестно. Первый поцелуй единственно прав, потому что счастлив, здесь ключ к жизни, не в целесообразности. Не в строительстве. — Насилие и рабство ближе к любви и прелести чем мудрость и удобство; насилие и рабство не могли бы быть без страстной привязанности людей, которая перестает быть в разумном, рассудочном общественном договоре и в милом, гуманном общении: в нем не хватает глупости». Цит. по: В. Бибихин, Дневники Льва Толстого, с. 117.

¹⁴¹ Чтобы труд не становился отупляющим, не делал рабочего простым придатком к машине.

¹⁴² Мф 6:33 (по французскому переводу). Евангельское выражение здесь дано как пример формулы, выражающей аналогию: «ищите $a + b$ и получите $c + d$ в качестве прибавки к искомому».

- ¹⁴³ Жюль Ромен (наст. имя Луи Фаригуль, 1885–1972) — в начале литературного пути поэт-урбанист, позднее плодовитый прозаик, в своих романах создавший настоящую энциклопедию парижской жизни XX в. Симона, возможно, имеет в виду трилогию «Психея» (романы «Душа Люсьена», «Бог плоти», «Когда корабль», 1922–1929), посвященную психологии семьи и любовной пары.
- ¹⁴⁴ Поль Валери, стихотворение «Плавание» в книге «Иные румбы» (1934): «Но броситься в толщу, предаться движению, трудиться каждой точкой, от затылка до пальцев ног; ввинчивать тело в глубину этого чистого вещества — это для меня игра, сравнимая с любовью (...) Я до конца понимаю, чем могла бы быть любовь. Избытком реальности!» (пер. мой. — П. Е.).
- ¹⁴⁵ «Но не у меня» (*grec.*).
- ¹⁴⁶ Это определение, очевидно, связано с упомянутым текстом Валери.
- ¹⁴⁷ «Человек управляет природе, повинуюсь ей» (*лат.*). Знаменитый афоризм из «Нового Органона» английского философа Ф. Бэкона (1561–1626).
- ¹⁴⁸ «Делать все по-рабски ради господства» (*лат.*; Тацит, История, I, 36, 3).
- ¹⁴⁹ Виктор Серж (наст. имя Виктор Львович Кибальчич; 1890–1947), родился в 1890 г. в Бельгии в семье революционера-народника, покинувшего Россию. Сначала анархист, впоследствии склонился к марксизму. С 1919 г. находился в России, участвуя в работе Коминтерна и примыкая к «левой оппозиции» в партии большевиков. В 1928 г. исключен из ВКП(б), в 1933 г. арестован. В июне 1933 г., накануне Конгресса против войны и фашизма, организованного по инициативе Ромена Роллана и Анри Барбюса, Симона Вейль в своей секции синдиката поставила на голосование запрос советскому посольству о судьбе Виктора Сержа, высланного в Оренбург. Секция вынесла этот вопрос на конгресс, но сталинисты из ФКП блокировали его обсуждение. В 1936 г. Серж был освобожден и выпущен из СССР по ходатайству Роллана. После возвращения во Францию выступал в печати с разоблачениями сталинизма. В 1940 г. эмигрировал в Мексику, где и умер.
- ¹⁵⁰ Партионный метод организации производства имеет следующие характерные черты: изделия запускают в производство партиями; одновременно обрабатывается продукция нескольких наименований; за одним рабочим закрепляется выполнение нескольких операций.

- ¹⁵¹ Платон, Государство, VII, 514a–515a: «Ты можешь уподобить нашу человеческую природу в отношении просвещенности и непросвещенности вот какому состоянию... люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю ее длину тянется широкий просвет. С малых лет у них там на ногах и на шее оковы, так что людям не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков. Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнем и узниками проходит верхняя дорога... Разве ты думаешь, что, находясь в таком положении, люди что-нибудь видят, свое ли или чужое, кроме теней, отбрасываемых огнем на расположенную перед ними стену пещеры?» (пер. А. Егунова).
- ¹⁵² Сюзанна Гошон — лицейская подруга Симоны, впоследствии жена философа Реймона Арона.
- ¹⁵³ Абзац крестообразно перечеркнут. N заменяет инициалы, в тексте тщательно вымаранные. Вероятно, имеется в виду Борис Суварин. Борис Лившиц (псевд. Суварин; 1895–1984) — уроженец Киева; в детстве вместе с родителями переехал в Париж. С 1914 г. участник социалистического движения; журналист. Один из основателей Французской коммунистической партии. В 1920–1924 гг. жил в Москве; член исполкома Коминтерна, поддерживал Троцкого против Сталина. После изгнания из руководства Коминтерна вернулся во Францию, где был исключен из рядов ФКП. Позднее разошелся с Троцким по ряду коренных вопросов: в частности, Суварин оценивал советскую систему как государственный капитализм, подвергающий трудящиеся классы беспощадной эксплуатации и политическому террору, в то время как Троцкий продолжал утверждать, будто в СССР существует «диктатура пролетариата», хоть и подвергшаяся «термидорианскому перерождению». В 1932 г. Суварин встал во главе «Кружка демократических коммунистов», объединявшего непартийных сторонников коммунистических идеалов, с ярко выраженной антисталинистской направленностью. Кружок выпускал политико-теоретический марксистский журнал «La Critique sociale» на средства тогдашней возлюбленной Суварина Колетты Пенью; их разлука в 1934 г. стала концом журнала. В том же году Суварин основал Институт социальной истории, собиравший материалы по истории коммунизма, СССР и рабочего движения. В 1941 г. арестован правительством Виши, но отпущен и в августе

того же года выехал в США. После войны издавал журналы «Est-Ouest» и «Le Contrat social», занимался историей коммунизма. До самой кончины утверждал, что сталинизм, даже в смягченной или прикровенной форме сохраняющий свою природу, остается сущностью внутренней и внешней политики СССР, предостерегал лидеров Запада от доверия инициативам советского руководства.

Симона познакомилась с Сувариним в 1932 г. и вскоре стала активно участвовать в собраниях его кружка, заведя дружеские отношения с другими членами, в частности, с Колеттой. В 1934 г., когда Суварин закончил свою книгу «Сталин. Исторический очерк большевизма», Симона активно помогала ему в поисках издателя (через ее учителя Алена книга была взята издательством «Галлимар»), а затем устраивала подписку для ее распространения. Суварин, со своей стороны, высоко ценил Симону, называя ее «единственным теоретическим умом в левом движении Франции». Дружба между ними сохранялась до конца жизни Симоны.

¹⁵⁴ Знаменитое присловье Анри де Тюренна (1611–1671), маршала Франции, крупнейшего полководца XVII в. Будучи от рождения физически слабым, Тюренн с ранней юности тренировал в себе волю и бесстрашие. При этом, как утверждают, уже будучи многоопытным воином, при приближении опасности он не мог сдержать нервную дрожь. Тогда он и обращался к своему телу с этими словами.

¹⁵⁵ Эварист Галуа (1811–1832) — выдающийся математик, основатель современной высшей алгебры, создатель теории групп. Первые научные открытия сделал в возрасте 17 лет. За участие в выступлениях республиканцев во время революции 1831 г. был изгнан из Высшей нормальной школы (которую так и не закончил), дважды заключался в тюрьму Сент-Пелажи. Смертельно ранен на дуэли. Личность этого вундеркинда, эксцентрика и романтика в повседневной жизни, науке и политике, вызывала у Симоны горячую симпатию. Одна из ее статей середины 1930-х гг. подписана псевдонимом «С. Галуа».

¹⁵⁶ Северный индустриальный район — примыкает к Ла-Маншу и бельгийской границе. Центр — г. Лилль. Добыча угля и нефтепереработка, металлургическая и химическая промышленность, машино- и судостроение, обработка шерсти и льна.

¹⁵⁷ Симона выделяет эти слова в подтверждение мысли о том, что фабричный рабочий, ощущая себя придатком машины, чувствует апа-

тию и отвращение к своему труду. Стоит заметить, что в СССР примерно с середины 1930-х гг. стало распространено иное сознание. Как крайняя скудость *частной жизни* среднего рабочего, так и систематические усилия советского воспитания и пропаганды вели к тому, что рабочий подчас ощущал завод или фабрику своим главным, подлинным домом; жизнь в производственном коллективе казалась ему более насыщенной, интересной и, надо подчеркнуть, более возвышенной, чем жизнь в семье. Это замечание кажется уместным, ибо в записях Симоны 1930-х гг. СССР упоминается нередко. Главным источником при этом служат рассказы и публикации Р. Гьенёфа (см. ниже, примеч. 261).

¹⁵⁸ Запись разговора в вагоне поезда. Говорящие, судя по всему, цеховые мастера — представители низшего звена заводской администрации.

¹⁵⁹ Илиада, XI, 159–162 (битва Агамемнона с Гектором). Приведенные здесь фрагменты будут использованы Симоной в статье 1938 г. «Илиада», или Поэма о силе» (полный русский текст статьи в: Ф, с. 145–184).

¹⁶⁰ XXII, 401–404 (труп Гектора, влекомый за колесницей).

¹⁶¹ XXII, 442–446 (Андромаха, ожидающая Гектора с поля боя).

¹⁶² VI, 456–458 (прощание Гектора с Андромахой).

¹⁶³ XXIV, 731–734 (речь Андромахи, обращенная к ее сыну Астианаксу после смерти Гектора).

¹⁶⁴ XXI, 97–98.

¹⁶⁵ XXI, 114–116 (захваченный Ахиллом в плен юный царевич Ликаон беспомощно ожидает смерти).

¹⁶⁶ XXIV, 507–512 (плач двух врагов — Ахилла и старого Приама, пришедшего к нему ночью за телом убитого Гектора).

¹⁶⁷ XXIV, 477 (Приам входит к Ахиллу, чтобы просить у него тело убитого сына).

¹⁶⁸ Пер. мой. — П. Е.

¹⁶⁹ Франсуа Мориак (1885–1970) — французский писатель. Убежденный католик; христианский нравственный идеал определяет и все его творчество. Печатался с 1909 г., первый роман — «Дитя под бременем цепей» — вышел в 1912 г. В 1933 г. избран членом Французской академии. Романы Мориака отличаются тонкостью психологического анализа и антибуржуазной направленностью. В 1950-е гг. с большим энтузиазмом воспринял публикацию наследия Симоны Вейль.

- ¹⁷⁰ Имя пропущено. Вероятно, имеется в виду Борис Суварин. Ср. примеч. 153.
- ¹⁷¹ Тема XVIII песни «Илиады». Ахилл, узнав от матери-богини, что вслед за смертью Гектора, которого он стремится убить, смертный жребий предлежит ему самому, горестно восклицает: «О, да погибнет вражда средь богов и средь смертных, и с нею / Гнев да погибнет, который и мудрых в неистовство вводит!» (ст. 107–108). Тем не менее, он решается на битву, «*пред неизбежностью дух свой в груди укротив поневоле*» (113). «...Если доля такая меня ожидает, / лягу мертвым. Но нынче уж славу себе я добуду» (120–121). Таким образом, «реванш над судьбой» заключается в том, что герой, решительно ее принимая, пользуется предоставляемой ею возможностью выказать свою доблесть.
- ¹⁷² Богато украшенный щит, который по просьбе Фетиды делает Гефест для Ахилла, есть, может быть, первый в мировой поэзии *образ искусства как такового*. В самом деле, по выражению Симоны, он — «точка равновесия» между человеком и слепой необходимостью. Гефест сознает, что щит не укроет Ахилла от смерти; он создает произведение не утилитарное, создает его бескорыстно и бесцельно, из одной лишь милующей, страдающей любви ко всему, что смертно. Щит, изображая всю человеческую вселенную, как единый взгляд, запечатлевает красоту земного мира для «краткожизненного» человека, которому скоро предстоит с этим миром расстаться (ср. «Остановись, мгновенье!» у Гете).
- ¹⁷³ Платон, Горгий, 508а. См. примеч. 138.
- ¹⁷⁴ Греческое слово «космос» имеет значения: мир, порядок, украшение.
- ¹⁷⁵ Платон, Филеб, 16с: «Древние, бывшие лучше нас и обитавшие ближе к богам, передали нам сказание, гласившее, что все, о чем говорится как о вечно сущем, состоит из единства и множества и заключает в себе сросшиеся воедино предел и беспредельность» (пер. Н. Самсонова). Симона цитирует по памяти.
- ¹⁷⁶ Монтескье, О духе законов, VIII, 3: «Дух истинного равенства... состоит не в том, чтобы повелевали все или не повелевал бы никто, а в том, чтобы люди повиновались равным себе и управляли равными себе. Он стремится не к тому, чтобы над нами не было высших, но чтобы наши высшие были нам равны. (...) В природном состоянии люди рождаются равными, но они не могут сохранить этого равенства; общество отнимает его у них, и они вновь становятся

равными лишь благодаря законам» (пер. А. Горнфельда). Шарль-Луи де Монтескье (1689–1755) — французский писатель и философ, теоретик права. Считается одним из первых провозвестников либерализма как государственной идеологии и представительной демократии современного типа; одним из первых изложил теорию разделения властей. Наибольшую известность получили его роман «Персидские письма» (1721) и обширный трактат «О духе законов» (1748).

¹⁷⁷ Платон, Горгий, 508а. См. примеч. 138, 173.

¹⁷⁸ Валери, Ария Семирамиды (для оперы А. Онеггера «Семирамида», 1934).

¹⁷⁹ Maître et serviteur. Ср. Гегель, Феноменология духа, IV, А III. У Гегеля речь идет о «господине и рабе». Интересно, что Симона не называет раба «рабом» (esclave), но воспроизводит здесь заглавие рассказа Льва Толстого «Хозяин и работник» (1895) во французском переводе И. Гальперина-Каминского, опубликованном в том же году, что и русское издание. Это сделано намеренно: Толстой в своем рассказе удивительно преобразует идею Гегеля; Никита, сам того не зная, «творит» своего хозяина — в Боге и в вечности.

¹⁸⁰ Имеются в виду «Мысли» учителя Симоны Алена (см. примеч. 18), в которых он неоднократно касается Эсхилова «Прометея прикованного». «Довоенные» — изданные до Первой мировой войны.

¹⁸¹ Буква скрывает имя человека, которого Симона вспоминает как пример в данном случае. Поскольку обычно она сокращает имена современников, можно предположить, что имеется в виду Маринус ван дер Люббе, юноша-коммунист из Голландии, обвиненный в поджоге здания германского рейхстага в феврале 1933 г. «Схваченный на месте преступления», 23 декабря того же года он был приговорен к смертной казни и 10 января 1934 г. гильотинирован. Симона, вместе с другими членами «Кружка демократических коммунистов», принимала горячее участие в общественной кампании в защиту ван дер Люббе, уверенная, что недалекого, неимущего полуслеплого инвалида заставили взять на себя чужую вину. Приговор ван дер Люббе, как политически мотивированный, отменен Верховным судом Германии в 2008 г.

¹⁸² Т. е., когда необходимо стоять за правду, не уклоняться от контакта с представителями власти по малодушию и трусости.

¹⁸³ Между этими примерами разницы нет только в том, что человек безвинно и нежданно может подвергнуться как первым, так и вто-

рым бедствиям. Однако, никакие болезни, несчастные случаи, иные страдания, перенесенные от природных факторов или по стечению обстоятельств, не могут оказать на душу человека столь разрушающего действия, как унижение и жестокость, каким может подвергнуться жертва *людского* произвола. Продолжительные страдания больного, не только находящегося дома, в кругу близких, но даже среди равнодушных санитаров скверной больницы, отнюдь не таковы, как страдания человека под пытками палачей и садистов.

¹⁸⁴ «Укрощение строптивой» (*англ.*). Название комедии Шекспира здесь приведено, конечно, в ироническом смысле.

¹⁸⁵ Спиноза, Этика, IV, теорема 3.

¹⁸⁶ Ср. примеч. 179. Здесь: *esclave*.

¹⁸⁷ «Человек — мера всех вещей», знаменитый афоризм Протагора (V в. до н. э.), переданный Платоном (Теэтет, 152а).

¹⁸⁸ Поль Клодель, Извещение Марии (вариант 1912), действие 4, сцена 5:

Анн Веркор

Ты могуществен в своих созданиях, Пьер, и на моем пути я видел храмы, которым ты отец.

Пьер де Краон

Благословен Бог, сделавший меня отцом храмов,
И вложивший мне в сердце разумение и чувство трех измерений! (...)
Я не высекаю вещь снаружи, какую-то видимость.
Как отец наш Ной, в моем огромном Ковчеге
Я тружусь изнутри и вижу, как со всех сторон все поднимается разом!
И что такое изваять тело, в сравнении с тем, чтобы вложить в него душу?
И в сравнении со священной пустотой, которая даст благочестивой
прибежище перед лицом ее Бога?
Ничто для меня не слишком глубоко: мои колодцы достигают вод
Материнских истоков!
Ничто не слишком высоко для шпиля, который идет в небо
и похищает молнию у Бога! (...)
Как прекрасен камень и как он отзывается рукам зодчего! И вес целого,
вес всего создания — какая это справедливая и прекрасная вещь!
Как он верен и как он хранит замысел и какие тени он дает!
И когда виноградная лоза пропущена по стене и цветущий
розовый куст вверху,
Как он прекрасен, и как все вместе — действительно!.. (пер. О. Седаковой)

- ¹⁸⁹ Вероятно, здесь Симона возвращается к мысли, высказанной выше (о «человеке, творящем вселенную вокруг себя»). Сохранить ощутимой связь между причиной и следствием, т. е. между природными источниками жизни и потреблением, для нее важно во многих отношениях. Вот некоторые из них: 1) благодарное отношение к миру и природе, ощущение себя частью природного мира, чувство красоты мира и творческое отношение к труду являются для нее необходимыми свойствами нравственно здоровой личности; 2) ощущение связи и единства с гармонией мироздания избавляет от униженности, рабства души и социальных фобий. Устроение справедливого общества для Симоны немыслимо без установления гармонических отношений с природной средой.
- ¹⁹⁰ Désir. Ср. примеч. 126, в конце.
- ¹⁹¹ Монтескье, О духе законов, I, 1: «Законы в самом широком значении этого слова суть необходимые отношения, вытекающие из природы вещей; в этом смысле все, что существует, имеет свои законы: они есть и у божества, и у мира материального, и у существ сверхчеловеческого разума, и у животных, и у человека» (пер. А. Горнфельда).
- ¹⁹² Марк Аврелий, Размышления, VI, 44: «Для меня, как Антонина, град и отечество — Рим, как человека, — весь мир. И только полезное этим двум градам есть благо для меня» (пер. С. Роговина). Марк Аврелий Антонин (121–180) — римский император из династии Антонинов. Выходец из знатной семьи испанского происхождения, усыновлен имп. Антонином Пием, правил в 161–180 гг. Его написанные на греческом языке «Размышления» Симона считала лучшим и наиболее чистым примером усвоения греческой стоической философии на римской почве.
- ¹⁹³ Аллюзия на гимн галльского епископа VI в. Венанция Фортуната «Vexilla Regis prodeunt» («Грядут знамена царские»). См. K1, ms. 61 (с. 119) и примеч. 339.
- ¹⁹⁴ В этой же тетради содержатся и пропущенные нами пространственные выписки Симоны о принципах вождения парусных судов.
- ¹⁹⁵ Преподавателем в лицее г. Осер (департамент Йонна, в Бургундии) Симона работала с октября 1932 по лето 1933 г.
- ¹⁹⁶ Может быть, имеются в виду те же три компонента, что и в таблице ниже, только применительно к ситуации полной зависимости трудящегося от человека или от природы?
- ¹⁹⁷ Возможно, в левом столбце таблицы фиксируются, в самой лаконичной форме, компоненты трудовой политики в обществе, про-

ходящем социалистические преобразования, а во втором — «уравновешивающие» коррективы (ср. о «равновесии» — K1, ms. 8), которые предлагает Симона, делая главный акцент на изменении самой культуры отношения к труду.

¹⁹⁸ По лишению собственности на средства производства?

¹⁹⁹ Preuve. Т. е., в период смены власти и обострения гражданских конфликтов предлагаемая Симоной политика должна показать, способна ли она спасти общество от деградации, жестокости, разрушения материальных и культурных ценностей. Хотя при этом не упоминается Россия, но понятно, что дурным примером, повторения которого надо избежать, является именно русский опыт.

²⁰⁰ Стрелка проведена к словам: «стимул к усилию».

²⁰¹ On combine. Широкое поле значений: соединять, согласовывать, организовывать, придумывать.

²⁰² Tour de main. Механическая сноровка, противопоставляемая творческому отношению к труду, где главным двигателем является интеллект. Ср. у Раймона Кено: «У Пьеро появилась сноровка (tour de main), и он научился заниматься своим ремеслом автоматически» («Мой друг Пьеро»).

²⁰³ Redoutable. Взволнованную реакцию Симоны вызывает то, что это внутреннее противоречие марксизма угрожает мгновенным перерождением «диктатуры пролетариата» в вооруженную диктатуру функционеров, при которой пролетариат попадает в куда горшее рабство, чем при капитализме.

²⁰⁴ Симона возражает Энгельсу. Ср.: Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, отд. 3, гл. 2: «То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь (при социализме. — П. Е.) их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы».

²⁰⁵ Ср.: «Адаму же сказал (Бог. — П. Е.): за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастит она

тебе; и будешь питаться полевой травой; в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт 3:17–19).

²⁰⁶ Гете, Фауст, часть 2, действие 5, ст. 11406–11407: «Лицом к лицу с природой стать! Тогда / Быть человеком стоило б труда!» (пер. Н. Холодковского).

²⁰⁷ Пьер-Жозеф Прудон (1809–1865) — французский социальный мыслитель, родоначальник анархизма как политико-экономической теории. Наиболее известные работы: «Что такое собственность?», «Принципы политической организации», «Философия нищеты», «О справедливости в революции и в церкви», «О федеративном принципе», «О политической способности рабочих классов», «Теория собственности». На какое место его сочинений ссылается здесь Симона, неясно.

²⁰⁸ Эмиль Верхарн (1855–1916) — бельгийский франкоязычный поэт-символист. Страстным социальным пафосом, характерным для второй половины его творческого пути, привлек симпатии русских поэтов революционной поры. Здесь, вероятно, имеется в виду стихотворение «Les jours de fraîche et tranquille santé» (в рус. пер. В. Федорова озаглавлено «Бывают дни...»).

²⁰⁹ Подобная мысль приводится в «Капитале» Маркса со ссылкой на швейцарского экономиста Вильгельма Шульца: «Различие между орудием и машиной усматривают в том, что при орудии движущей силой служит человек, а движущая сила машины — сила природы, отличная от человеческой силы, например животное, вода, ветер и т. д.» (т. 1, гл. 13). Маркс возражает этому различию. Возможно, именно поэтому Симона, изучавшая «Капитал», не опознает источник ссылки.

²¹⁰ Юлиус (Йонас) Дикман (1894–1942?) — австрийский независимый марксист-теоретик, выходец из евреев Галиции. Глухой от рождения, в политической деятельности непосредственного участия не принимал, но в годы Первой мировой войны, еще двадцатилетним, приобрел известность в качестве политического журналиста, автора глубоких политических анализов. Сотрудничал в «Нойе Цайт» К. Каутского, затем в коммунистическом еженедельнике «Дер Кампф». В партиях не состоял. В 1930–1934 гг. статьи Дикмана регулярно печатались в журнале Суварина «Критик сосьяль». Симона весьма ценила аналитику Дикмана и, кроме того, ей импонировала его приверженность интеллектуальной свободе. В 1942 г.

арестован и депортирован из Вены в лагерь уничтожения. Документальных свидетельств о смерти не сохранилось.

²¹¹ Афоризм, ставший известным в передаче Паскаля (Мысли, гл. 3): «324. Когда человек пытается довести свои добродетели до крайних пределов, его немедленно окружают пороки — те, что незаметными путями незаметно прокладываются со стороны малой бесконечности, те, что толпой набегают со стороны бесконечности необъятной, — и, затерянный в их скопище, он уже не видит добродетелей. И принимает себя за совершенство. (...) 329. Человек — не ангел и не животное, и чем старательнее, на свое несчастье, разыгрывает он из себя ангела, тем более уподобляется животному» (пер. Э. Линецкой). Однако мысль восходит к Монтеню: «Есть люди, старающиеся выйти за пределы своего существа и ускользнуть от своей человеческой природы. Какое безумие: вместо того, чтобы обратиться в ангелов, они превращаются в зверей, вместо того, чтобы возвыситься, принижают себя» (Опыты, кн. III, гл. XIII; пер. Н. Рыковой). В передаче и трактовке разных авторов афоризм приобретает подчас новые оттенки. «Человек не есть ни ангел, ни зверь. И беда в том, что всякая попытка сделать его ангелом фактически превращает его в зверя» (С. Франк). «Опасное дело убедить человека, что он во всем подобен животному, не показав одновременно и его величия. Не менее опасно убедить в величии, умолчав о низменности. Еще опаснее — не раскрыть ему глаза на двойственность человеческой натуры. Благотворно одно — рассказать ему и о той его стороне, и о другой» (Ш. Пеги). Но в оригинале человек не объект, а субъект.

²¹² Декарт, Правила для руководства ума, 13. Если мы вполне понимаем вопрос, его надо освободить от любого излишнего представления, свести к простейшему вопросу и посредством энумерации разделить на возможно меньшие части. «Следует остерегаться, как бы не предположить большего и более точного, чем то, что дано, особенно в загадках и других вопросах, искусно придуманных для того, чтобы обводить умы, но подчас и в прочих вопросах, когда для их разрешения, по-видимому, допускается в качестве достоверного нечто, в чем нас убеждает не какой-то верный довод, а укоренившееся мнение. (...) Таков же и случай, когда отыскивается, каким образом была устроена некогда виденная нами чаша, в центре которой возвышалась колонна, на коей была водружена статуя Тантала, как бы намеревающегося напиться: хотя налитая вода пре-

красно держалась в этой чаше, пока не поднималась настолько высоко, что могла бы попасть в рот Тантала, однако лишь только она достигала губ несчастного, вся она тотчас же вытекала. На первый взгляд кажется, что вся хитрость заключалась в устройстве этой статуи Тантала; однако на самом деле оно никоим образом не определяет вопрос, а лишь сопутствует ему, ибо все затруднение состоит только в том, чтобы отыскать, каким образом должна быть устроена чаша, чтобы вся вода вытекала из нее, как только она достигнет определенной высоты, но никак не раньше. Точно так же, наконец, когда на основании всех тех наблюдений за звездами, которыми мы располагаем, отыскивается, что мы можем с достоверностью утверждать об их движениях, не нужно безосновательно допускать, что Земля неподвижна и помещена в центре мира, как делали древние, потому что так казалось нам с детства, но как раз это и должно быть подвергнуто сомнению, с тем чтобы впоследствии мы изучили, какое достоверное суждение можно вынести на этот счет; и так же в остальных случаях» (пер. М. Гарнцева).

²¹³ Имеются в виду алгебраические упражнения.

²¹⁴ Гете, Фауст, часть I, сцена 3: «В начале было Действие». Ср. контекст: «Написано: „В начале было Слово“ — / И вот уже одно препятствие готово: / Я слово не могу так высоко ценить. / Да, в переводе текст я должен изменить, / Когда мне верно чувство подсказало. / Я напишу, что Мысль — всему начало. / Стой, не спеши, чтоб первая строка / От истины была недалеко! / Ведь Мысль творить и действовать не может! / Не Сила ли — начало всех начал? / Пишу — и вновь я колебаться стал, / И вновь сомнение душу мне тревожит. / Но свет блеснул — и выход вижу смело, / Могу писать: „В начале было Дело“!» (пер. Н. Холодковского)

²¹⁵ Est frappée de nullité.

²¹⁶ Généralité.

²¹⁷ Ср.: Декарт, Правила для руководства ума, 3: «И совершенно бесполезно подсчитывать голоса, чтобы следовать тому мнению, которого придерживается большинство авторов, так как, если дело касается трудного вопроса, более вероятно, что истина в нем могла быть обнаружена скорее немногими, чем многими. Но хотя бы даже все они соглашались между собой, их учение все же не было бы для нас достаточным: ведь, к слову сказать, мы никогда не сделали бы математиками, пусть даже храня в памяти все доказательства других, если бы еще по складу ума не были способны к разрешению каких

бы то ни было проблем, или философов, если бы мы собрали все доводы Платона и Аристотеля, а об излагаемых ими вещах не могли бы вынести твердого суждения: ведь тогда мы казались бы изучающими не науки, а истории».

²¹⁸ Декарт, Рассуждение о методе, II; Метафизические размышления, II; Трактат о страстях души, I, 20–21.

²¹⁹ «Дай мне, где стать, и я сдвину мир» (*грез.*). Знаменитый афоризм, приписываемый Архимеду в «Математической библиотеке» Паппа Александрийского (III в.), гласит: «Δὸς ποῦ στῶ, καὶ τῇν γῆν κινήσω» («Дай мне, где стать, и я сдвину землю»). Симона, заменяя «землю» на «мир», либо ошибочно допускает цитирует по памяти, либо, что гораздо вероятнее, намеренно видоизменяет цитату. Понятие равновесия должно стать базовым понятием новой цивилизации («сдвинуть мир»).

²²⁰ А. де Виньи, Сен-Мар, или Заговор во времена Людовика XIII (Речь маркиза де Сен-Мара): «Что такое великая жизнь, если не замысел юных лет, выполненный в зрелые годы? Молодость смотрит в грядущее орлиным оком, намечает широкий план деятельности и закладывает первый его камень; приблизиться к первоначально намеченной цели — вот и все, что мы можем сделать за целую жизнь» (глава XX; пер. О. Моисеенко). Альфред Виктор де Виньи (1797–1863) — французский поэт и прозаик, романтик.

²²¹ В трактате, озаглавленном «Один общий принцип, полезный не только в математике, но и в физике, при помощи которого из рассмотрения божественной премудрости исследуются законы природы...» (Лейбниц Г. В. Сочинения в четырех томах. М., 1982, т. I, с. 206).

²²² Уильям Джеймс (Джемс; 1842–1910) — американский философ и психолог, один из ведущих представителей прагматизма как философского направления и функционализма в психологии. С 1889 г. профессор Гарвардского университета. Психологии религии посвящена получившая широкую известность книга Джеймса «Многообразие религиозного опыта». Цитированный пример взят из его работы «Теория эмоций».

²²³ Драма Софокла «Филоктет». В последнем монологе герой, покидая остров, где жил, нося жестокую рану, благодарит землю и всю природу острова, как силы, помогавшие ему выносить страдания, а сам отправляется под стены Трои, где промысел богов обещает ему получить исцеление раны и великую славу. Это обретение гармонии

с красотой и порядком мира через послушание призыву бога соответствует жизненному идеалу Симоны: «А теперь, пред уходом, земле помолюсь. / Ты прости, мой приют, безмятежная сень; / Влажнокудрые нимфы весенних лугов; / Ты, раскатистый рокот прибоя, и ты, / Под навесом горы прибрежный утес, / Где так часто летучею пылью валов / Мне порывистый ветер чело орошал; / Ты, Гермейский хребет, что в страданиях моих / Мне участливо стоном на стон отвечал; / О певучий родник, о святая струя! / Покидаю я вас, покидаю навек: / Благостыню нежданную бог мне явил. / Мой привет тебе, Лемноса кряж береговой! / Ты же с ветром счастливым отправь нас туда, / Куда рока великого воля влечет, / И усердье друзей, и державный призыв / Всеблагого вершителя — бога!» (пер. Ф. Зелинского).

²²⁴ Мф 6:32.

²²⁵ Слова, сказанные Гегелем при восхищенном созерцании красоты швейцарских Альп. Их нередко приводил Ален в общении со студентами и в своих сочинениях.

²²⁶ У Симоны в рукописи слово «бог» написано со строчной буквы, что, очевидно, выражает мысль, что бог, которому будет приписано распоряжение над случайным, есть ложный бог. Ср. французскую пословицу: «Случай — бог дураков».

²²⁷ Proposition.

²²⁸ Декарт, Правила для руководства ума, правила 3, 8, 11.

²²⁹ Одна и та же вещь (*лат.*).

²³⁰ Беспредельное (*грек.*).

²³¹ Огюст Детёф (1883–1947) — организатор промышленности и общественный деятель. Начав с должности инженера-гидротехника, стал директором порта в Страсбурге. В 1928 г., в числе основателей АО «Альстом», стал его первым управляющим. Будучи связан дружбой с Б. Сувариним, по его просьбе способствовал устройству Симоны Вейль на завод «Альстом». Пытаясь сблизить рабочий синдикализм с идеями патроната, с 1937 г. издавал журнал «Nouveaux cahiers», к сотрудничеству с которым привлек и Симону (здесь выходила большая часть ее статей до 1940 г.). В годы оккупации член правительства Виши, глава комитета по организации промышленности и электрификации. После освобождения был обвинен в сотрудничестве с врагом, но уголовному преследованию не подвергался. Штрих к портрету: «Не умеющий забить гвоздь, водить машину и даже найти свое место в поезде, (...) удрученный реальным в делах

повседневной жизни, он становился в необычайной степени реалистом, анализируя ситуацию, излагая проблемы, разбирая систему или план» (П. Бриссон, цит. по: СЕС, t. II, vol. 2, p. 494). На книгах Детьёфа по организации управления производством, написанные с прекрасным знанием людей, легким языком, увлекательно и с юмором, выросло не одно поколение французских специалистов-администраторов.

²³² *Tempérance* — воздержность, сдержанность, умеренность, трезвость.

²³³ Здравомыслие, благоразумие, рассудительность, умеренность, воздержание, скромность (*grег.*).

²³⁴ *Intempérance*.

²³⁵ Пьер Летеллье — товарищ Симоны по семинару Алена, сын философа Леона Летеллье. Леон, как и Ален — ученик Жюль Ланьо. Выходец из нормандской деревни, в юности рыбак, затем моряк дальнего плавания, избородивший весь мир. В тридцать лет стал студентом у Ланьо, по окончании университетского курса вернулся на родину, где жил трудом крестьянина, как и его предки. Симона мечтала познакомиться с Летеллье-старшим, но в 1926 г. он умер. Годом позже Симона приехала в его селение Гувиль-сюр-Мер почтить память философа. Здесь она участвовала в полевых и домашних работах вместе с семьей Летеллье, собирая воспоминания земляков о нем, помогала вдове составить книгу его текстов. Образ мыслителя-крестьянина был уже тогда идеалом Симоны, и Л. Летеллье стал для нее такой идеальной фигурой. К Пьеру Летеллье у нее возникло сильное чувство, оставшееся, впрочем, безответным.

²³⁶ Это утверждение имеет смысл, если под язычеством понимать не совокупность дохристианских культовых, мистических и магических практик и обычаев (огромную и многообразную даже в пределах одного греческого ареала, непрерывно испытывавшего внешние религиозные влияния — финикийские, фракийско-гетские, малоазийские, египетские, персидские и др.), но высокую область греко-римской культуры, для которой, действительно, понятие меры было одним из основополагающих.

²³⁷ См. примеч. 211.

²³⁸ Ср. примеч. 87.

²³⁹ Слово «робот» впервые появилось в пьесе Карела Чапека «Р. У. Р.» (1921), где означало искусственно выведенную, в целях повышения эффективности производства, упрощенную породу людей.

- ²⁴⁰ Стрелка проведена к словам: «Там, где ум...».
- ²⁴¹ Роман О. де Бальзака.
- ²⁴² Повод к этой заметке могла дать история отношений подруги Симоны Колетты Пеньо с Жоржем Батаем, закончившихся смертью Колетты от туберкулеза в возрасте 35 лет (1938).
- ²⁴³ Деянира, супруга Геракла, вынужденная покориться присутствию в доме новой наложницы, приведенной мужем из военного похода, прибегает к магическому средству. Она посылает супругу плащ, смоченный волшебной кровью, веря, что эта кровь сделает ее более желанной мужу, чем пленница. Но кровь оказывает совсем другое действие: героя начинает терзать нестерпимо-жгучая боль, отнимающая разум и саму жизнь. Видя свою несчастную ошибку, Деянира закалывает себя мечом.
- ²⁴⁴ «Ах, молодежь!.. / Беспечна жизнь ее до той поры, / Когда девица женщиною станет / И причастится тех ночных печалей...» (ст. 144, 147–149; пер. Ф. Зелинского).
- ²⁴⁵ О руки! Вот удел ваш: нет желанной / вам тетивы (...) / нет уж в руке моей / той грозы, что наводила ужас... (ст. 1004–1005, 1150–1151).
- ²⁴⁶ Электра, ст. 1224. Рядом с греческим текстом вписана та же фраза в переводе Симоны, который мы и воспроизводим в тексте: *ô lumièrre chérie* (хотя, собственно, *φίλτατον* — прилагательное в превосходной степени: любимейший, любезнейший). Та же фраза написана на обложке тетради. Она будет многократно повторяться во всех тетрадях 1940–1943 гг.
- ²⁴⁷ Герои трагедий Софокла.
- ²⁴⁸ Не дописано у Симоны. «Электра» начинается с горьких жалоб героини на гибель отца, на свое одиночество, на унижения со стороны мужеубийцы-матери и ее любовника.
- ²⁴⁹ Перечисляются герои и ключевые моменты трагедий Пьера Корнеля «Гораций», «Полиевкт», «Цинна», «Сид».
- ²⁵⁰ Ср.: Гегель, Феноменология духа, VII, В («Художественная религия»): «*Существование* чистого понятия, в которое удалился дух, покинув свое тело, есть некоторый индивид, которого дух выбирает себе сосудом своей скорби. Дух присущ этому индивиду как его всеобщее и его мощь, со стороны которой индивид подвергается насилию, — как его пафос, отдавшись которому самосознание индивида теряет свободу. Но эта положительная сила всеобщности преодолевается чистой самостью индивида как негативной мощи. Эта чистая деятельность, сознающая свою неотъемлемую силу,

борется с неоформленной сущностью; овладевая ею, эта деятельность сделала пафос своим материалом и сообщила себе свое со-
держание, и это единство появляется как произведение».

²⁵¹ По сравнению с упомянутыми французскими трагиками.

²⁵² Кранн (Краонн) — селение и местность в Пикардии, место ожесточенных боев весной 1917 г. Изнуренные ежедневными безуспешными атаками на немецкие позиции, с большими жертвами, в апреле-мае солдаты подняли бунт. В этой обстановке родилась песня, за короткое время разлетевшаяся по всем фронтам французской армии. По приказу ген. Петена (будущего маршала и главы режима Виши) бунт был подавлен методом показательных расстрелов.

²⁵³ «Даже грехи» (*лат.*). Известный комментарий блаж. Августина к словам ап. Павла: «Знаем, что любящим Бога, призванным по <Его> изволению, все содействует ко благу» (Рим 8:28), в трактате «О христианском учении» (кн. III, 23, 33) и иных местах.

²⁵⁴ «Должно знать, что война общепринята, что вражда — обычный порядок вещей, и что все возникает через вражду и взаимобразно» (фр. 80 DK); «Война (в *грез.* πόλεμος имеет муж. род) — отец всего, царь всех: одних она объявляет богами, других — людьми, одних творит рабами, других — свободными» (фр. 53 DK) (пер. А. Лебедева).

²⁵⁵ Симона рассматривает понятие «меры» в связи с формулой Протагора: «Человек есть мера всех вещей», показывая, что она относится лишь к собственным физическим способностям человека, но не может оправдывать безмерных амбиций, appetитов и иллюзий человека технократической цивилизации. Эта мысль звучит также у высоко ценимого Симоной Поля Валери: «О мое тело... Живое орудие жизни, ты для всех нас единый предмет, сопоставимый со вселенной. (...) Ты истинная мера сущего, тогда как в душе своей я нахожу лишь его обличье» («Эвпалинос», пер. В. Козового).

²⁵⁶ Жозеф Луи де Лагранж (1736–1813) — французский математик, автор определения производных функций.

²⁵⁷ В середине 1930-х гг. регулярное телевидение уже велось в Германии и Великобритании.

²⁵⁸ Ссылка на платоновский Миф о пещере. См. примеч. 151.

²⁵⁹ Obsession — то, что как бы насильственно овладевает твоим сознанием (нестерпимая боль, отдающаяся во всем теле, навязчивая идея и т. п.). Эта и следующая запись сделаны, несомненно, по опыту тяжелых периодов головной боли.

²⁶⁰ Techniciens. По контексту ясно, что речь идет не об инженерно-технических работниках (ИТР), но о технической администрации. В следующем предложении имеются в виду разве что директора предприятий, облеченные в СССР 1930-х гг. почти военной властью. При этом существовал и постоянно рос сектор чисто насильственного труда, включавший хозяйственные объекты, управляемые напрямую НКВД. Впрочем, технический администратор любого звена, при любых гласных и негласных полномочиях относительно своего персонала, был абсолютно зависим от партийной иерархии и в любую минуту мог не только потерять сколь угодно высокое положение, но и стать жертвой репрессий. Сведения о положении технических руководителей в СССР Симона черпала из бесед с Р. Гьенёфом (см. ниже) и чтения его записок, составивших книгу «Во что превратилась русская революция».

²⁶¹ Робер Гьенёф (1899–1986) — выходец из бедной семьи, сирота с семи лет. По профессии столяр, с юности активный участник профсоюзного движения. В 1917 г. мобилизован в армию, учился в авиашколе и затем, после демобилизации, стал трудиться в авиационной промышленности. С 1921 г. вступил во Французскую коммунистическую партию. В 1922 г. уехал в Россию, где стал работать в этой же отрасли. Посланный в Сибирь с инспекцией лесных заготовок (самолеты изготавливались из специально обработанного дерева), был назначен директором крупного лесозавода, где добился удвоения выработки без увеличения расхода материалов. Поднялся до уровня директора треста, но добровольно ушел с поста, ощутив себя частью системы жестокой эксплуатации, гораздо худшей, чем капиталистическая. Инспирированные НКВД процессы «саботажников» и «Промпартии» 1929–1930 гг. побудили его добиваться возвращения на родину, что удалось только в 1933 г.: он был лишен советского гражданства и выслан, вместе с женой (русской) и сыном. Во Франции несколько лет тяжело нуждался, искал работу. Опубликовал брошюру «Чем обернулась русская революция». Увеличенная до размеров книги, с предисловием Андре Жида, она вышла вторично в 1938 г. в издательстве «Галлимар» под заглавием «СССР как он есть».

²⁶² Метафора, употребленная Р. Декартом в его трактате «Диоптрика».

²⁶³ Эту мысль Симона могла почерпнуть в романе Джозефа Конрада «Негр с «Нарцисса»» (1897) и других его произведениях на мор-

скую тематику, на которые она ссылалась в лицейских лекциях по философии и записях тех же лет.

²⁶⁴ Гегель, Энциклопедия философских наук, т. 3. Философия духа, §410 и слл.

²⁶⁵ «Орудие есть иное тело» (*grzeg.*). Афоризм принадлежит, вероятно, самой Симоне, но обобщает некоторые мысли Гегеля. Ср.: «Если телесные деятельности, подлежащие исполнению в интересах духа, повторяются часто, то они приобретают все большую степень приспособленности, ибо со всеми обстоятельствами, которые при этом должны быть приняты во внимание, душа приобретает все большее знакомство, в своих обнаружениях становится поэтому все более уверенной, достигает, следовательно, постоянно все более растущей способности непосредственного воплощения своих внутренних определений и, таким образом, все более превращает тело в свое достояние, в свое постоянно пригодное к употреблению орудие; так что в результате этого возникает некоторое магическое отношение, непосредственное воздействие духа на тело» (Философия духа, §410, прибавление).

²⁶⁶ Буквально таких слов у Гегеля нет, но эта мысль может быть выведена из цитированных выше рассуждений. Однако, она почти дословно содержится у Поля Валери: «Гений» — это привычка, которую некоторые усваивают» (Тетрадь В за 1910 год).

²⁶⁷ Écrase.

²⁶⁸ Недописано. Вероятно, Симона собиралась поработать над этой мыслью отдельно.

²⁶⁹ Т. е. совмещать работу с образованием.

²⁷⁰ Адам Смит (1723–1790) — шотландский экономист; проф. университета в Глазго в 1751–1762, автор книги «Исследование о природе и причинах богатства народов», признаваемой одним из классических произведений современной политэкономии. В ней, в частности, рассматривает разделение труда на примере булавочной фабрики.

²⁷¹ Анри Гюстав Ситроен (1878–1935) — французский инженер и промышленник, создатель одноименного автомобильного концерна. Выходец из состоятельной семьи голландских евреев (первоначальное звучание фамилии: Ситрун; Симона Вейль пишет ее как Citroen). В 1912 г. основал завод зубчатых шестерен, в годы Первой мировой войны построил завод шрапнельных снарядов, который впоследствии перепрофилировал. Основанный им в 1919 г. концерн «Си-

троен» впервые в Европе вывел производство автомобилей на серийный уровень. К концу 1920-х гг. находился на втором (после Форда) месте в мире по производству автомобилей (102 891 а/м в 1929); на пяти заводах было занято 32 тыс. рабочих. В годы Великой депрессии Ситроен стал банкротом (чему способствовало также и его страстное увлечение игрой в рулетку). В 1935 г. концерн был продан фирме «Мишлен», и в том же году Ситроен умер от рака.

²⁷² Поскольку мечтой Симоны Вейль всегда было гармоничное сочетание производительного труда с образованием и, шире, всесторонним воспитанием личности, можно предположить, что прокладывать пути другой науке, по ее мысли, предприятия будут именно воспитательной стороной своей деятельности.

²⁷³ Постигание структуры и стратегии производства выглядит здесь некой школой опыта и мудрости. Постигающий уподоблен посвящаемому в таинства, достигающему новых степеней мистического постижения. Во всяком случае, в последние годы жизни Симоны (1941–1943) ей это представится именно так: все обязанности человека, как домашние, так и социальные, и трудовые она будет рассматривать как соучастие в религиозных таинствах.

²⁷⁴ Декарт, Правила для руководства ума, правило IX: «Как нужно пользоваться интуицией ума, мы узнаем хотя бы из сравнения ее со зрением: ведь тот, кто хочет сразу обозреть одним взором много предметов, не увидит отчетливо ни одного из них; и равным образом тот, кто имеет обыкновение в одном акте мышления обращать внимание сразу на многие предметы, обладает путаным умом. Однако те мастера, которые занимаются тонкой работой и привыкли со вниманием устремлять взор на отдельные точки, благодаря упражнению приобретают способность в совершенстве различать сколь угодно малые и тонкие вещи; точно так же те, кто никогда не разбрасывается мыслью сразу на различные предметы, а всегда всецело сосредоточивается на рассмотрении самых простых и легких вещей, становятся проницательными».

²⁷⁵ См. примеч. 212.

²⁷⁶ *Séries*.

²⁷⁷ Декарт, Правила для руководства ума, правило XIV.

²⁷⁸ Повесть Дидро, написанная в 1760-е гг. (опубликована в 1805), представляющая собой диалог автора с племянником композитора Ж.-Ф. Рамо. Вероятно, имела под собой биографическую основу, что и могло заставить Дидро отложить ее публикацию. Ср.: «Он.

(...) Я осматриваюсь по сторонам и принимаю те или иные позы или забавляюсь, глядя на позы, принимаемые другими. (...) Во всем королевстве только один человек и ходит — это сам монарх. Все прочие лишь принимают позы. Я. Монарх? Тут тоже кое-что можно возразить. Неужто вы думаете, что порой и рядом с ним не оказываются маленькая ножка, изящная прическа, маленький носик, которые заставляют его немного заняться пантомимой? Тот, кто нуждается в другом, тем самым терпит нужду и принимает позы. Король принимает позу перед богом; он выделяет па из своей пантомимы. Министр перед своим королем выделяет па царедворца, льстеца, лакея или нищего. Толпа честолюбцев перед министром выделяет свои па на сотни ладов, одни отвратительнее другого. Важный аббат в брыжах и сутане, по крайней мере, раз в неделю проделывает их перед тем, от кого зависят бенефиции. И право же, то, что вы называете пантомимой нищих, — это великий хоровод нашего мира» (пер. Е. Бируковой).

²⁷⁹ Аллюзия на басню Ж. Лафонтена «Жаворонок, его птенцы и хозяин поля»: «Мы допустили крайнюю ошибку — сказал он — ожидая (на помощь) кого-то другого, кроме самих себя. У тебя нет ни друга, ни родственника лучше, чем ты сам».

²⁸⁰ Эдвиж Копо (1905–1983) — соученица Симоны по лицу Виктора Дюрюи в 1925–1927 гг. Дочь известного театрального режиссера, актера и импресарио Жака Копо. В 1927 г. вместе с родителями обратилась в католицизм, в 1930 г. стала монахиней-бenedиктинкой. В 1934 г. основала миссионерский монастырь на Мадагаскаре, позднее заведовала миссионерской деятельностью женской ветви бенедиктинского ордена.

²⁸¹ На «послушании Матери-Церкви» делает сильный акцент учение как Западной, так и Восточной Церкви. Ср., например, очерк учения о послушании, освещаемого в апологетических целях римского католицизма в: Тышкевич С., свящ. Церковь Богочеловека. Рим, 1958, с. 101–119 (книге предпослан эпиграф из св. Ефрема Сирина: «В ком есть послушание, тот со всеми соединен любовью»). Симона сопоставляет католическую церковную этику с характерным для протестантизма идеалом преданности Христу как личному Спасителю, принесшему Себя в жертву конкретно за каждого верующего. Впрочем, католические мистики обращались к идеалу личной преданности, личного следования за Христом еще задолго до Реформации, начиная уже с течения «спиритуалов» в францисканстве

(2-я пол. XIII в.). Ярким памятником этого сознания является книга «О подражании Христу» Фомы Кемпийского (1379–1471).

²⁸² «Эмиль и София», неоконченный роман Руссо, задуманный как продолжение к «Эмилю». Герой, захваченный в плен арабскими корсарами и проданный в рабство, размышляет над своим положением: «Разве я утратил прирожденную свободу? Разве я не родился рабом необходимости? (...) Подлинное рабство — это то, которое налагает на нас природа, люди — только ее орудия» (пер. Е. Бируковой).

²⁸³ Поль Валери, ария Семирамиды (пер. Р. Дубровкина).

²⁸⁴ Т. е. осознать, до какой степени она окружена бессильной злобой подвластных.

²⁸⁵ Стрелка проведена к предыдущему абзацу.

²⁸⁶ Спиноза, Политический трактат, часть 1, §4.

²⁸⁷ «Прикончит ли меня хозяин, или раздавит скала — не все ли равно? И самое худшее, что я могу ожидать в рабстве,— это произвол тирана, столь же неумолимого, как падающий камень» («Эмиль и София»).

²⁸⁸ Т. е. сознающий природу своего рабства.

²⁸⁹ См. примеч. 179.

²⁹⁰ Indiquent.

²⁹¹ Поль Валери, Эвпалинос. Ср.: «Но это тело и этот дух: это неодолимо живое присутствие и это зияющее отсутствие, которые спорят о своем первородстве и которые следует наконец примирить, это конечное и это бесконечное, которые мы привносим каждый по-своему, — необходимо теперь слить их в некоем стройном порядке; и ежели волей богов они действуют сообща, ежели они обмениваются общностью и изяществом, красотой и долговечностью, линиями дополняя движения и мыслями — числа, значит, они обрели свое истинное отношение, свое действительное бытие. Пусть же они сойдутся, пусть найдут общий язык в материи моего искусства!» (пер. В. Козового)

²⁹² Кавычки показывают, что Симона имеет здесь в виду нечто другое, чем коммунисты, когда говорят о пролетариате, который, в видах своей всемирно-исторической миссии, путем цензурного отбора и уничтожения «вредного хлама» создаст особую «пролетарскую культуру». Ср.: «Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество вырабатало под гнетом капиталистического общества (...) Коммунистом

стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество» (Ленин, Задачи союзов молодежи, 1920). Симона имеет в виду не «культуру», подчиненную цели тотального разгрома прежнего строя жизни и создания нового «из груды развалин» (Ленин, там же), но гармоничное и здоровое соединение производительного труда с познанием порядка и красоты мира, открытое для всех людей.

²⁹³ Кажется, имеется в виду пассаж, начинающийся со слов: «Наука должна быть методом...» (с. 107).

²⁹⁴ Фраза зачеркнута.

²⁹⁵ Цитата по памяти из «Рассуждения о методе» Декарта (ч. 3). Ср.: «Во-первых, повиноваться законам и обычаям моей страны, неотступно придерживаясь религии, в которой, по милости Божией, я был воспитан с детства, и руководствуясь во всем остальном наиболее умеренными и чуждыми крайностей мнениями, сообщая выработанными самыми благоразумными людьми, в кругу которых мне предстояло жить. (...) Несмотря на то что благоразумные люди могут быть и среди персов, китайцев, так же как и между нами, мне казалось полезнее всего сообразоваться с поступками тех, среди которых я буду жить».

²⁹⁶ Ср. у Руссо: «Великое нравственное правило (...): избегать таких положений, которые ставят наши обязанности в противоречие с нашими интересами и заставляют видеть наше счастье в чужом несчастье» (Исповедь, кн. 2).

²⁹⁷ Поль Валери, Эвпалинос. В. Козовой так комментирует этот афоризм: «Проводя различие между сделанным и живым, между творениями человека и созданиями природы, Валери подчеркивает, что последние не имеют деталей, ибо процесс роста и формирования нерасчленим, так что каждая часть оказывается сложнее видимого нами целого. Природа в этом смысле становится образцом для человеческого творчества, его идеальной моделью» (Валери П. Об искусстве. М., 1993, с. 443).

²⁹⁸ В диалоге «Теэтет» (172d–173) Сократ рассуждает о малой способности юношей, получивших философское образование, к политике, судебной деятельности и вообще к практическим делам.

²⁹⁹ Аллюзия на слова ап. Петра: «Выйди от меня, ибо я человек грешный, Господи» (Лк 5:8).

³⁰⁰ Аллюзия на слова Христа: «Ищите, прежде всего, царствия Божия и его праведности, а это все дастся вам сверх того» (Мф 6:33;

προοτεθήσεται в славянском и Синодальном русском переводах передано как «приложится»).

³⁰¹ Vertu.

³⁰² Прекрати! Кончай! (*нем.*)

³⁰³ В смысле: ограничиваться мечтами о музыке и живописи, вместо того, чтобы ими заниматься.

³⁰⁴ Непонятно: подготовить что? По связи с другими сходными размышлениями Симоны Вейль, особенно последующих лет, может быть: подготовить принципиальные идеологические основы для будущего общества. Важная деталь в том, что она не хочет формулировать идеологию партии-победительницы, в отличие, например, от большевиков. Она надеется, что какие-то из ее идей, посеянные в почву истории незаметно, без признания, анонимно, прорастут в дальнейшем культурном воссоздании, подобно идеям античных философов, сохранившимся в пыли монастырских книгохранилищ и увидевшим свет в эпоху Возрождения.

³⁰⁵ Начало известного афоризма принца Вильгельма Оранского (1553–1584), вождя Нидерландов в борьбе за независимость от Испании: «Нет необходимости в надежде, чтобы нечто предпринять, и в удаче, чтобы упорствовать». После Второй мировой войны станет одной из максим политической этики французских экзистенциалистов; в частности, будет использован в программной статье Ж.-П. Сартра «Экзистенциализм — это гуманизм» (1946).

³⁰⁶ Кажется, Симона имеет в виду распространившуюся в конце XIX — начале XX в. практику ухода, погружения (иногда безвозвратного) некоторых европейцев в жизнь иных рас и культур, давшую особенно много примеров во Франции. Такой жест мог иметь разный пафос и самое разное конкретное содержание, в зависимости от философских и этических установок конкретных персонажей. Это могла быть практика аскетического смирения, нищеты и созерцания (священник-монах Шарль де Фуко, убитый в Сахаре в 1916), художническое любование «правдой естественного» (Поль Гоген), погружение в жизнь «по законам природы» (Артюр Рембо), поиск незамутненной традиции мистического познания (Рене Генон) и т. д. При всех различиях, ушедших объединяло неприятие «порчи» и вещизма западной цивилизации. Информацию о подобных уходах Симона Вейль собирала с неослабевающим вниманием до конца жизни.

³⁰⁷ Ошибка памяти. Симона смешивает слова Сократа в «Федоне», как в ожидании смерти он занялся сочинением стихов (Федон, 60d–61b),

с его же рассказом в «Евтидеме» о том, что в пожилом возрасте он, не обращая внимания на насмешки окружающих, принялся за обучение игре на лире (Евтидем, 272с).

³⁰⁸ Крушение европейской цивилизации — как в форме «чистого» капитализма, так и «государственного капитализма» (а именно так Симона, вслед за Б. Сувариным, характеризовала экономические системы как Германии, так и СССР).

³⁰⁹ Стрелка проведена к следующему абзацу.

³¹⁰ Селестен Френе (1896–1966) — учитель, один из основоположников современной французской школы педагогики.

³¹¹ Artisanat. Имеется в виду как цеховая организация жизни городов, действительно, имевшая большое значение в развитии искусства, так и потребность церковного культа в постоянном привлечении широкого спектра ремесленно-художнических специальностей.

³¹² Художественная доктрина, провозглашенная Жюлем Роменом в начале XX в., согласно которой писатель должен изображать единоклубную жизнь коллектива. Ее отразили все парижские романы этого писателя и, в особенности, их страницы, посвященные заводской жизни. Симона рассматривала их как достоверный источник по психологии отношений в сфере промышленного производства, сопоставляя с собственным заводским опытом 1935 г.

³¹³ Это рассуждение подходит для характеристики подъема авангардного искусства в первые годы Октябрьской после революции, несмотря на крайне неблагоприятные внешние условия, а также делает понятным тот факт, что почти никто из больших мастеров изобразительного искусства не выступил на стороне старого режима.

³¹⁴ «Исторические хроники», цикл из семи драм Шекспира, посвященных английским монархам XIV–XV вв.

³¹⁵ Расин, Баязет, акт 2, сцена 2, конец (пер. мой. — П. Е.).

³¹⁶ Лукреций, О природе вещей, I, 80–101:

(...) Но, напротив, религия больше
И нечестивых сама и преступных деяний рождала.
Было в Авлиде ведь так, где жертвенник Тривии Девы
Ифианассиной был осквернен неповинною кровью,
Проливой греков вождями — героями лучшими войска.
Только лишь девы власы повязкой обвили священной
И по обеим щекам равномерно концы опустили,

Только узрела она, что подавленный горем родитель
 Пред алтарем предстоит, а прислужники нож укрывают,
 Что проливают, глядя на нее, сограждане слезы,
 В страхе немея, она к земле преклонила колени.
 И не могло ей тогда, несчастной, помочь, что впервые
 Имя отца даровала она, родившись, Атриду.
 На руки мужи ее, дрожащую телом, подъяли
 И к алтарю понесли. Но не с тем, чтобы после обряда
 При песнопеньях идти громогласных во славу Гимена,
 Но чтобы ей, непорочной, у самого брака порога
 Гнусно рукою отца быть убитой, как жертве печальной,
 Для ниспослання судам счастливого выхода в море.
 Вот к злодеяньям каким побуждала религия смертных.
 (Пер. Ф. Петровского)

Тит Лукреций Кар (ок. 99–55 до н. э.) — римский поэт и философ-эпикурец, автор философской поэмы «О природе вещей». Любимый латиноязычный автор Симоны.

- ³¹⁷ Троянская царевна, дочь Приама и Гекубы, одаренная пророческим даром. Приведенная Агамемноном в его дом в качестве пленницы, была убита вместе с ним его женой Клитемнестрой (трагедия «Агамемнон» Эсхила).
- ³¹⁸ Персонаж драмы Расина «Ифигения в Авлиде», пленница Ахилла, принесенная в жертву вместо Ифигении.
- ³¹⁹ «Лилюли» — гротесковая пьеса-памфлет Ромена Роллана, опубликованная в ноябре 1918 г., сразу после окончания Первой мировой войны. Нагромождение «раблезианских» насмешек и острот, вульгарных антирелигиозных выпадов, менее всего уместных в стране, за четыре года потерявшей 1,5 млн только убитыми, вызвало возмущенную реакцию соотечественников. Автор, выносивший свое детище вдали от бедствий войны, в тихой Швейцарии, объявлял пьесу остроумным средством разрушения буржуазных, патриотических и всех иных возможных иллюзий. Насколько самому Роллану удалось освободиться от иллюзий, показывает текст авторского предисловия к советскому изданию «Лилюли» (1931): «<Французский> народ послевоенного периода, измученный, обманутый, с ощущением горечи во рту, отрекся (от тех надежд, что возлагал на него автор. — П. Е.); он всасывал в себя наркотики, поддельные ликеры, которыми угощали его отравители, творцы победы. Лишь

один народ бодрствовал, за всех творя дело, от которого другие уклонились, дело Октября, в Ленинграде и Москве, — это были строители нового мира. Создавая общество заново, они созидали также и новое искусство. (...) Зачем мне не дано было принять в этом участие! Впрочем, не беда... „Был бы монастырь, а монахи найдутся“... Я слышу колокола и гудки заводов. Симфония народов гремит вовсю. Я прошу для себя места в ее оркестре...»

³²⁰ «Хоэфоры» («Плакальщицы»), трагедия Эсхила. Пример действия воображения здесь — страх Ореста перед богинями-мстительницами Эринниями после совершенного им отмщения матери и ее любовнику Эгисфу за убийство отца.

³²¹ Имя зачеркнуто и выскоблено лезвием, остался только инициал. Среди друзей Симоны имя, начинавшееся с буквы «Е», носила только Эдвиж Копо, упомянутая на этих страницах несколько раньше. Хотя дискуссии о вере, которые вели две девушки-ученицы лицея Виктор-Дюрюи в середине 20-х годов, от окончательного обращения Симоны в христианство разделяет более чем десятилетний промежуток, мы видим, что в течение всего этого времени воспоминания о беседах с подругой не покидали Симону.

³²² Немецкая сказка из сборника братьев Гримм «О рыбаке и его жене» (сюжет был использован Пушкиным в «Сказке о рыбаке и рыбке»).

³²³ Платон, Алкивиад I, 134с.

³²⁴ *Sagesse vulgaire*. Ища источник этой мысли, мы обнаружили выражение *sagesse vulgaire* в статье: Dalmeyda G. Sophocle, Ajax // *Revue des études grecques*, 1933, vol. 46, № 46/214, p. 6. Оно не относится напрямую к хору, хотя очень похоже на то, что Симона полемизирует с некоторыми оценками автора.

³²⁵ Буквально: «Кто хорошо притаился, тот хорошо прожил». Чуть измененная цитата из Овидия. Ср. Скорбные элегии, III, 4, ст. 25–26: «*Crede mihi, bene qui latuit bene vixit, et intra / fortunam debet quisque manere suam*» («Поверь мне, хорошо кто притаился, тот хорошо прожил, и в пределах / фортуны своей каждому надлежит пребывать»). Симона напоминает себе о пределах своих физических сил и о необходимости сдерживать амбиции: в течение всей первой половины 1930-х гг. она много участвовала в публичных мероприятиях, выступала с политическими речами, в чем могло находить пищу и честолюбие.

³²⁶ Речь, вероятно, не о былом крепостничестве, а о российской деревне 1930-х гг., с раскулачиванием, бесправием и нищетой в колхозах.

Источником ее сведений могли быть рассказы Р. Гьенефа (родители его русской жены были крестьянами). От путешественников по России она знала о чудовищном голоде 1933 г.

³²⁷ Стендаль, Пармская обитель, ч. 1, гл. 6 (описание образа жизни и поведения правителя Пармы князя Ранунцио Эрнесто IV).

³²⁸ Даже Аякс в одноименной трагедии Софокла, на которого наслала безумие сама Афина, выказывает временами признаки просветления и трезвости. Его судьбу решает яростное нежелание покорно снести обиду, вовсе несоразмерную его ярости. Здесь Симона возражает Жоржу Дальмейда (см. примеч. 216), называющему это ясное осознание реальности «мудростью толпы».

³²⁹ Софокл, Электра, ст. 1226: «Электра (обнимая его): В моих руках? Орест: В твоих руках навек!» (пер. Ф. Зелинского). В объятьях любящей сестры Орест забывает на минуту о владеющей им идее мести.

³³⁰ Софокл, Филоклет, ст. 234: «О милая речь!»

³³¹ «Я ничего не достоин». Сокращенная цитата из: Софокл, Аякс, ст. 398–400: «Я недостоин взирать ни на племя богов, ни на род кратковечных людей, ожидая от них помощи» (пер. мой. — П. Е.).

³³² Эта оценка в полном согласии с Софокловым «гимном о человеке», который в некотором роде является программой его творчества (Антигона, ст. 340–379).

³³³ Подробнее о значении образов Электры и Антигоны для Симоны Вейль: Епифанов П. Невозможность жизни (Ф, с. 118–121).

³³⁴ Ле Корбюзье (наст. имя и фам. Шарль-Эдуар Жаннере-Гри; 1887–1965) — французский архитектор швейцарского происхождения, пионер архитектурного модернизма и функционализма, автор известных экспериментальных градостроительных проектов в Европе, США, Индии и др.

³³⁵ Не совсем понятно, о чем речь. Навряд ли о католическом богословском и литургическом модернизме, набравшем силу в течение первой половины XX в. (Симона относилась к нему довольно настороженно), или о католическом рабочем движении (с ним она познакомилась близко лишь в Марселе в 1940–1941). Вероятнее, в первой половине фразы имеется в виду католическое течение в современной Симоне французской литературе (Ш. Пеги, П. Клодель, Ф. Мориак, и др.) и в среде интеллигенции вообще.

³³⁶ Вопрос как вызов. (Симона не раз высказывалась против «исторического материализма» коммунистических идеологов.) Ее собственный ответ на этот вопрос дается всем содержанием Тетради I.

- ³³⁷ Суды любви — женские «суды», которые в эпоху куртуазной культуры зародились в Окситании, а отсюда распространились в других государствах Франции. Действовали при дворах нескольких владетельных дам (Эрменгарды Нарбоннской, Альеноры Аквитанской, Марии Шампанской и др.) и, в подражание настоящим судам, разбирали спорные вопросы между благородными дамами и их поклонниками-рыцарями. Решения «судов любви» обсуждались и выносились в поэтической форме; были обязательны «для всех благородных дам». Карой для виновных была «вражда со стороны каждой благородной дамы». В начале XV в. «суд любви» был возрожден при королевском дворе в Париже, но имел уже чисто развлекательный характер.
- ³³⁸ Концепция любви у Данте и Петрарки имеет отчетливо выраженный платонический характер, восходящий к «Федру» и «Пиру». За образами Беатриче и Лауры «явственно встают космические и надмирные дали: она (донна. — П. Е.) теперь — почти небесная хранительница премудрости мира. Провансальский и сицилийский каноны еще допускают соединение с любимой; для «сладостного нового стиля», для всего Данте, для Петрарки оно абсолютно исключено из-за неземного достоинства донны: разделенная любовь и счастье означали бы изменение в космосе, возвращение рая на землю» (Бибихин В. Слово Петрарки // Франческо Петрарка. Эстетические фрагменты. М., 1981, с. 25).
- ³³⁹ Обращение к Кресту Христову. Слова из гимна галльского епископа VI в. Венанция Фортуната «*Vexilla Regis prodeunt*» («Грядут знамена царские»). «Искушение мира» — Христос. «Весы тела» — имеется в виду тело Христа, подвешенное на кресте, как на перекладине весов. «Добыча Тартара» — человечество, по причине прегрешения Адама и Евы осужденное на ад вплоть до искупительной жертвы Христа, который, сойдя во ад вывел оттуда души праведных. Впрочем, об этом изведении душ, ставшем одной из главнейших тем церковной проповеди, гимнографии, излюбленным иконографическим сюжетом, в канонических новозаветных текстах не говорится. Наиболее ранние свидетельства такого верования находятся в апокрифах II–V вв. (христианизированные иудейские апокрифы «Вознесение Исаии» и «Оды Соломона», а также «Вопрошание Варфоломея», «Евангелие Никодима» и др.); уже весьма рано оно утверждается в церковном учении (Климент Александрийский, Ориген). обстоятельный обзор темы в: игумен Иларион (Алфеев). Христос — победитель ада. СПб., 2001.

- ³⁴⁰ Лукреций, О природе вещей, кн. IV, ст. 1089–1120, 1133–1134 (пер. Ф. Петровского; Симона весь текст выписывает на латыни).
- ³⁴¹ Поль Валери, Фрагменты о Нарциссе (пер. мой. — П. Е.).
- ³⁴² *Pieuse distance*. Выделено Симоной. Ср. в «Формах неявной любви к Богу»: «Нам хотелось бы зайти по другую сторону красоты, но она имеет только одну поверхность. Она как зеркало, в котором отражается наше собственное желание блага. Она сфинкс, загадка, томи-тельно волнующая тайна. Нам хотелось бы насытиться ею, но на нее можно только смотреть, она являет себя только на определенной дис-танции. (...) Возможно, что пороки, извращения и преступления поч-ти всегда — или даже всегда — по сути, представляют собой попыт-ки «съесть» прекрасное, съесть то, на что можно только смотреть. Первой это сделала Ева. Если она погубила человеческий род тем, что съела плод, — следовательно, противоположное поведение, — то есть, смотреть на плод, не пытаясь его съесть, — должно быть тем, что спасет человечество» (Ф, с. 219–220).
- ³⁴³ Ст. 1–16 (пер. В. Вересаева).
- ³⁴⁴ Гораций, Оды, II, 12, ст. 21–28 (пер. Г. Церетели).
- ³⁴⁵ Оды, кн. I, 22, ст. 17–24 (пер. А. Семенова-Тян-Шанского).
- ³⁴⁶ Оды, кн. I, 9, ст. 18–24 (пер. А. Семенова-Тян-Шанского).
- ³⁴⁷ *Piété*.
- ³⁴⁸ Сонет 18, ст. 1–4 (пер. С. Маршака).
- ³⁴⁹ Сонет 97, ст. 1–4 (пер. С. Маршака).
- ³⁵⁰ Песнопение католической литургии, приписываемое Адемару, епископу Пюи (XI в.).
- ³⁵¹ Поль Валери, Вечер с господином Тэстом (пер. В. Козового).
- ³⁵² В оригинале *perversité*, имеющее значения: извращенность, раз-вращенность, испорченность, порочность. Выбираем самое нейт-ральное.
- ³⁵³ Гете, Фауст, I, сцена 1, ст. 512 и сл.: «Ты близок лишь тому, кого ты постигаешь — / Не мне» (здесь и далее пер. Н. Холодковского).
- ³⁵⁴ Там же, II, действие 5, ст. 11406–11407: «Лицом к лицу с природой стать! Тогда / Быть человеком стоило б труда!»
- ³⁵⁵ Там же, ст. 11446–11448: «Для дельного и этот мир не нем. / Что пользы в вечность воспарять мечтою! / Что знаем мы, то можно взять рукою».
- ³⁵⁶ Там же, ст. 11563–11565: «И пусть миллионы здесь людей живут, / Всю жизнь, в виду опасности суровой, / Надеясь лишь на свой сво-бодный труд».

- ³⁵⁷ Там же, ст. 11575–11576: «Лишь тот достоин жизни и свободы, / Кто каждый день за них идет на бой!»
- ³⁵⁸ Там же, ст. 11580: «Свободный край, свободный мой народ!»
- ³⁵⁹ Последняя часть тетради занята надписями, определенно относящимися к 1933–1934 гг.
- ³⁶⁰ Речь идет о механическом ручном арифмометре.
- ³⁶¹ Tour.
- ³⁶² Троцкого. Запись, возможно, сделана в декабре 1933 г., когда Троцкий, с июля негласно проживавший недалеко от Парижа, в Барбизоне, гостил в доме Вейлей. Между ним и Симоной не обошлось без дискуссии, о которой у родителей Симоны остались курьезные воспоминания. Между Троцким и Сувариным существовало коренное разногласие в определении советского общества. Суварин считал советский «социализм» одним из вариантов государственного капитализма, сближая его с режимами Муссолини и Гитлера; Троцкий же продолжал считать советский строй диктатурой пролетариата, пусть и подвергшейся «термидорианскому» перерождению. Симона, имея в распоряжении информацию об СССР от Гьенефа, Суварина и его подруги Колетты Пеньо, побывавшей в России, из других печатных и устных свидетельств, в споре с Троцким отстаивала позицию Суварина. В ответ на типичное для марксистского схоласта обвинение оппонента в «идеализме», она резко парировала: «Это вы идеалист, если называете поработенный класс — классом-гегемоном». Слыша шум спора из соседней комнаты, жена Троцкого с улыбкой сказала родителям Симоны: «Слышите, как ваш ребенок расправляется с Троцким?»
- ³⁶³ Точка зрения самой Симоны, воспринятая не без влияния Суварина. Предмет их горячего спора с Троцким.
- ³⁶⁴ Против этих слов на полях: «Производство и технический прогресс обедняют, вместо того чтобы обогащать — научные открытия, вместо просвещения, помрачают».
- ³⁶⁵ Симона, настойчиво, с явным намерением убедить себя саму, повторяя фразу: «Это единственное, что стоит труда», — так же регулярно сопровождает ее оговорками, что, возможно, усилия окажутся тщетными, или что, во всяком случае, не принесут плодов при ее жизни. Это отражает, по нашему мнению, острый конфликт в душе. Вероятно, записи сделаны летом или осенью 1934 г., когда Бориса покинула Колетта Пеньо. Разрыв с ней, кроме того что принес ему большую боль, означал и конец издаваемого им журнала, и

конец «Кружка демократических коммунистов». Симона (ей 25), ища смысл собственной жизни, надеется обрести его рядом с Борисом. Но одновременно ее не оставляет глубинное чувство, что этому союзу не суждено сбыться ни в форме «преданной дружбы», в которой она его себе воображает, ни в форме любви. Внутреннее переживание переносится на предмет научных занятий.

³⁶⁶ Монтескье, О духе законов, V, 13 (пер. А. Горнфельда).

³⁶⁷ Там же, VIII, 3. Ср. примеч. 176.

³⁶⁸ Фраза связана с размышлениями о демократии в управлении предприятиями. Смысл выделения: чтобы управляемые были реально равны администратору — по интеллектуальному и культурному уровню, по квалификации, по широте знаний, связанных с производством, по заинтересованности в общем успехе предприятия.

³⁶⁹ Стихотворение Симоны, написанное в 1929 г.

³⁷⁰ *Que passe*. Здесь и далее я перевожу *paître* как «возникать».

³⁷¹ Горняка, шахтера.

³⁷² Стихотворение выглядит незавершенным. В первоначальном варианте в первой строке — «Пусть небо на землю пошлет меня...», а место последней строфы занимает другая:

Мир возник; ветер, дуй, что есть сил!
Но он гибнет, вновь покрытый дымами.
Он был рожден для меня в полоске
Бледно-зеленого неба среди туч. (Р, р. 21.)

Ср. об этом стихотворении в записях 1942 г.: К7, ms. 101 (с. 299).

³⁷³ Перевод сделан по тексту: СЕС, t. II, vol. 2, p. 374–382.

³⁷⁴ Национальная конфедерация труда — массовая анархо-синдикалистская профсоюзная организация в Испании, основанная в 1910 г. Ассоциированным членом НКТ и ее идейным ядром является Федерация анархистов Иберии (ФАИ), основанная в 1927 г. В 1930-е гг. НКТ, объединяя в своих рядах до 2 млн членов и имея собственные вооруженные формирования, была одной из главных действующих сил Испанской республики, пытаясь противостоять влиянию сталинистов из Компартии и действуя в зыбком и противоречивом союзе с Рабочей партией марксистского объединения (ПОУМ; была близка к троцкизму).

³⁷⁵ Полный текст письма см.: Ф, с. 345–358.

- ³⁷⁶ Портбоу — небольшой город, но при этом крупный транспортно-таможенный пункт в Каталонии, на границе между Испанией и Францией.
- ³⁷⁷ Синие комбинезоны — одежда рабочих активистов, бойцов отрядов НКТ и ПОУМ, ставшая одним из символов революции.
- ³⁷⁸ Город в Каталонии, центр одноименной провинции. Население в сер. 1930-х гг. примерно 40 тыс. человек.
- ³⁷⁹ Французское и испанское название анархо-коммунистов.
- ³⁸⁰ Надежда на скорый разгром франкистов?
- ³⁸¹ Буэнавентура Дуррути-и-Доминго (1896–1936) — ведущий деятель испанского анархизма 1920–1930-х гг. По профессии слесарь-железнодорожник. В молодости участник и организатор террористических акций. В 1920-е гг. — эмигрант во Франции, в это время тесно общался с Нестором Махно. Во время гражданской войны приобрел популярность как руководитель подавления франкистского мятежа в Барселоне. Организованная им «колонна Дуррути» (более 5000 бойцов) действовала на Мадридском и Арагонском фронтах независимо от распоряжений центрального правительства. Смертельно ранен в бою под Мадридом. По одной из версий, это было покушение, устроенное советскими спецслужбами: войско анархистов было одной из главных сил, способных противостоять про-сталинской компартии, боровшейся за полный контроль над Испанской республикой.
- ³⁸² Пина де Эбро — селение в провинции Сарагоса (Арагон), на р. Эбро. В 1936 г. — 2380 жителей.
- ³⁸³ Анархисты Дуррути учредили в селении т. н. антифашистский народный комитет, ставший органом местного самоуправления. При комитете были созданы комиссии по обработке земли и по продовольствию; проведена конфискация машин, инвентаря и зерна у богатых землевладельцев в пользу всего селения, созданы общественные хранилища, из которых зерно и проч. продукты выдавались по потребности каждой семье.
- ³⁸⁴ Смысл вопроса: что лучше — разделить землю, конфискованную в ходе аграрной реформы, для передачи в личное пользование крестьян, или работать вместе на общей земле?
- ³⁸⁵ Вообще говоря, авторы-современники, не принадлежащие к крайнему левому лагерю, отмечали бедность испанского сельского духовенства, которую усугубила отмена государственного жалованья священникам, в соответствии с 26-й статьей республиканской конституции

1931 г. Ср.: Пожарская С. Франсиско Франко и его время. М., 2007 (http://www.e-reading.ws/chapter.php/1002717/4/Pozharskaya_Svetlana_-_Fransisko_Franko_i_ego_vremya.html#n27).

³⁸⁶ Срочную военную службу.

³⁸⁷ Supprimer. Речь, вероятно, идет о воинской повинности.

³⁸⁸ Испанская жандармерия, существует с 1844 г. В годы гражданской войны, подчиняясь республиканскому правительству, участвовала в военных действиях. Примерно треть личного состава перешла на сторону Франко.

³⁸⁹ Корпус городской военизированной полиции, образованный республиканским правительством Испании в 1932 г., в дополнение к Гражданской гвардии. В некоторых городах, например, в Мадриде, находился под значительным влиянием левых партий. Смысл упоминания жандармских корпусов в этом месте неясен; возможно, Симона хотела уяснить себе структуру полицейских органов в Испании. В таком случае, «крестьяне» должно означать сельские общинные отряды охраны и самообороны, существовавшие в Испании с глубокой старины.

³⁹⁰ См. ниже, примеч. 398.

³⁹¹ Война.

³⁹² Цит. по: Gimenez A. Les Giménologues, Les Fils de la Nuit: Souvenirs de la guerre d'Espagne (juillet 1936 — février 1939). Montreuil-Marseille, 2006, p. 225–226.

³⁹³ Осера де Эбро — селение в провинции Сарагоса.

³⁹⁴ Чтобы не обременять и без того бедное население.

³⁹⁵ Батальоны ополчения, как правило, состояли из сотен («центурий»), каждая из которых выбирала своего делегата в батальонный комитет. Делегаты от батальонов составляли командование «колонны» (численный состав колонны был совершенно произвольным). Должности «командира» формально не существовало: сам Дуррути считался всего лишь делегатом. Решения военного характера принимались на общих собраниях, открыто. Как видим ниже, Симона, будучи новичком в колонне, знала и беспрепятственно записывала — конечно, для истории! — сведения, которые в любом регулярном войске хранились бы в строгом секрете.

³⁹⁶ Marquet. Как можно понять, фамилия французского добровольца, выходца из Орана (Алжир).

³⁹⁷ Сарагоса с первых дней мятежа находилась под контролем националистов.

³⁹⁸ Симона передает разговоры Дуррути с кем-то из его соратников, подозревающих Севильяна в предательских намерениях. Об этом командиру известно, со слов упоминаемого ниже Шарля Риделя, только то, что он, бывший офицер Испанского иностранного легиона, где прежде служили Франко, Ягуэ и другие вожди националистов, перешел на их сторону. Кажется, кто-то из них и обозначен словом «друг». Впрочем, Севильян мог стать жертвой подозрений и даже простой зависти со стороны безграмотных в военном деле революционеров. Среди офицеров, примкнувших к мятежу в 1936 г., известен только подполковник Рафаэль Севильяно Карвахал, командант гарнизона г. Сория (в 184 км от Сарагосы), который выступил против республиканских властей еще 21 июля, но здесь, очевидно, имеется в виду другой человек, в середине августа еще воевавший на их стороне.

³⁹⁹ Хуан Гарсия Оливер (1902–1980) — многолетний товарищ Дуррути по анархистскому движению, соучастник ряда террористических актов. В 20-е гг. один из видных деятелей НКТ-ФАИ. В сентябре 1936 — мае 1937 г. занимал пост министра юстиции республики. После поражения республики эмигрировал в Мексику.

⁴⁰⁰ Вопросительный знак поставлен издателями.

⁴⁰¹ Tanks de montagne. Мне не удалось найти объяснение этого термина или встретить его в других источниках. «Горные танки»? Возможно, так называли танкетки, широко применявшиеся в испанской войне обеими сторонами.

⁴⁰² Диего Абад де Сантильян (наст. имя и фам. Синесио Ваудилио Гарсия Фернандес; 1897–1983) — один из ведущих деятелей анархизма Испании и Аргентины, писатель, историк. В детстве был увезен родителями в Аргентину, позднее возвращался в Испанию для учебы в университете, приобщился к анархизму. В 1920-е гг. — активист Аргентинской региональной рабочей федерации, редактор ее газеты. В 1930 г. приговорен к смертной казни за антиправительственную борьбу, бежит в Испанию, участвует в работе ФАИ. После революции 1936 г. — представитель ФАИ в Комитете антифашистских ополчений Каталонии, которое в начале гражданской войны фактически выполняло функции правительства региона. С декабря 1936 по март 1937 г. — министр экономики правительства Каталонии. После поражения республиканцев в 1939 г. снова уехал в Аргентину, посвятив себя в основном работе над теоретическими и историческими сочинениями. В 1977 г. возвратился в Испанию, где и умер.

⁴⁰³ Селение в провинции Сарагоса.

⁴⁰⁴ «Да, господин...» — характерная фраза, выражающая покорность. Крестьяне не могут избавиться от чувства приниженности перед лицом вооруженных людей, хоть и выступающих против неравенства. Симона отмечает это особо, возможно, еще потому, что в местностях, оказавшихся под контролем анархистов и троцкистов, и слово «господин», и даже обращение на «вы» официально отменялось.

⁴⁰⁵ Не совсем понятно: пшеница ссыпана прямо на дворе, или лежит в мешках. Судя по всему, дом принадлежал состоятельной семье и реквизирован вместе с запасами зерна.

⁴⁰⁶ В ЕС: «dans ½ m au rayon»; но «метры», конечно, — ошибка в рукописи или опечатка.

⁴⁰⁷ Луи Бертомье (Berthomieu, Симона пишет его фамилию Berthoumieu; 1900–1979) — генеральный делегат (т. е. фактически командир) «интернациональной группы» в составе колонны Дуррути, куда была записана и Симона. Бывший капитан артиллерии французских колониальных войск.

⁴⁰⁸ Шарль Ридель (наст. имя и фам. Шарль Кортврен, более известен под псевдонимом Луи Мерсье-Вега; 1914–1977) — анархист бельгийского происхождения. Уклоняясь от военной службы, эмигрировал во Францию, жил в Париже. Активист «Союза анархистов», организации «Анархо-коммунистическая молодежь», журналист. Его репортажи и статьи из Испании регулярно публиковались в еженедельнике «Libertaire». После возвращения во Францию разыскивался полицией, в 1939 г. покинул страну, жил в Аргентине, Чили, Французском Конго, где в 1942 г. вступил в армию де Голля. После войны продолжал журналистскую и политическую деятельность. Покончил жизнь самоубийством.

⁴⁰⁹ «Черный отряд» (*исп.*). Эта группа состояла всего из двенадцати бойцов.

⁴¹⁰ Франкисты. Симона опасается, что громкий голос Луи будет слышен на том берегу.

⁴¹¹ Т. е., в первый раз насильно уведя крестьянина, его жену и сына с собой как свидетелей, ополченцы даже не дали ему времени созвать остальных детей, которые в это время были, очевидно, вне дома.

⁴¹² Ф, с. 357.

⁴¹³ Ф, с. 353. О масштабах антирелигиозного террора свидетельствуют цифры. За 1936–1939 гг. в Каталонии республиканскими боевиками

разного толка (анархисты, ПОУМ, каталонская «Эскерра») было убито 1189 клириков (епископов, священников и младших церковных служителей), 794 монаха и 50 монахинь — и в абсолютном, и в относительном исчислении больше, чем в любом другом регионе Испании (Gimenez A. Les Giménologues, p. 219).

⁴¹⁴ Ситжес — приморский город в пров. Барселона (Каталония). Население в середине 1930-х гг. — 7 тыс. человек.

⁴¹⁵ Мишель Коллинé (1904–1977) — по профессии учитель математики, коммунистический деятель троцкистской ориентации, журналист. Упоминаемая здесь его жена Симона — бывшая супруга Андре Бретона, известного поэта и теоретика сюрреализма.

⁴¹⁶ Из числа местных республиканцев, принявших участие в экспедиции. В письме Бернаносу Симона, упоминая этот случай, говорит, что убитых было девять.

⁴¹⁷ Т. е. о погибших не сообщали в Ситжес по телефону или телеграфу.

⁴¹⁸ Бойцы колонны Гарсии Оливера.

⁴¹⁹ Рабочая партия марксистского объединения — партия коммунистов околотроцкистского толка. См. также примеч. 175.

⁴²⁰ И, разумеется, раненого с его гангреной.

⁴²¹ За «саботаж» или «преступную халатность» по отношению к их товарищу.

⁴²² Вильяфранка-дель-Пенедес — город в провинции Барселона (население в 1939 г. — 11 тыс. человек).

⁴²³ Жюль Бертолле, доброволец-анархист из Франции.

⁴²⁴ Лакуна в издании СЕС.

⁴²⁵ Республиканская левая Каталонии (*кат. Esquerra Republicana de Catalunya*) — лево-националистическая партия, основанная в 1931 г. Существует поныне; выступает за независимость всех территорий Испании и Франции, населенных каталонцами, национальную республику и социалистические преобразования.

⁴²⁶ Каталонская лига (*кат. Lliga Catalana*) — право-националистическая и католическая партия, действовавшая в Каталонии в 1901–1936 гг. Будучи главным оппонентом левых партий в Каталонии в 1931–1935 гг., тем не менее, не поддержала выступление Франко. Это не спасло партию от преследований со стороны левых, некоторые из активистов были похищены и «пропали без вести», другие спаслись в эмиграции, а сама партия была распущена. Часть ее бывших членов в последующие годы сражалась на стороне франкистов.

- ⁴²⁷ У Симоны вызывают законное сомнение слова товарища, будто боевики правой партии добровольно примкнули к отрядам партии крайнего левого направления, ведущей откровенный террор против сторонников монархии и служителей церкви.
- ⁴²⁸ Vaches — коровы (в ругательном значении).
- ⁴²⁹ Съетамо — селение в провинции Уэска (Арагон). Как и в предыдущей записи, Симона помечает не место, где она сделана (она по-прежнему находилась в Ситжесе), а то, где происходили описываемые события. Карпантье и Ридель, навестившие ее в гостинице, рассказывают новости из фронтовой жизни их центурии.
- ⁴³⁰ Лусио Руано (Симона — со слуха — пишет его фамилию как Roan-na) — аргентинский анархист, с 1933 г. принимавший участие в выступлениях анархистов в Барселоне. В апреле 1936 г. по решению руководства НКТ-ФАИ убил Мигеля Бадию, бывшего начальника полиции Каталонии и популярного местного политика, в качестве мести за подавление попытки анархистского восстания в Барселоне в 1934 г. При отбытии Дуррути на Мадридский фронт (октябрь 1936) заменил его на Арагонском фронте. Печально прославился реквизициями, поборами и расстрелами; при нем моральный уровень войска анархистов резко упал. В январе 1937 г. отстранен от должности, а в июле бесследно исчез (вероятно, тайно казнен своими).
- ⁴³¹ Казненных?
- ⁴³² Бертомье, см. выше.
- ⁴³³ По воспоминаниям Карпантье, этот нотариус бежал из Пины при наступлении анархистского войска, но через несколько дней имел неосторожность вернуться. Он тут же был осужден как «пособник фашистов» и расстрелян.
- ⁴³⁴ Механико-машиностроительный завод в Барселоне.
- ⁴³⁵ Цифра невероятная; или вымышлена, или получена путем травли и увольнения инакомыслящих. См. ниже о практике на заводе «Испано-Сюиза».
- ⁴³⁶ Автомобильный завод «Испано-Сюиза» в Барселоне завоевал всемирную известность автомобилями представительского класса. Показанная на автомобильной выставке 1931 г. Hispano-Suiza T68, мощностью двигателя в 200 л. с., развивала скорость до 174 км/ч. Завод в мирное время производил также грузовики, автобусы, самолетные шасси.
- ⁴³⁷ Похоже, это категорическое утверждение принадлежит самим новым распорядителям завода.

- ⁴³⁸ Компанейская, принятая в среде анархистов, форма названия газеты НКТ «Solidaridad obrera» («Рабочая солидарность»).
- ⁴³⁹ Échanges. Поскольку одной из целей анархистов было уничтожение денег, то имеется в виду, вероятно, бартерный обмен.
- ⁴⁴⁰ При всей популярности Петена, еще недавно могло показаться, что карьера и слава престарелого маршала остались в прошлом. После недолгого пребывания на должности военного министра в феврале — ноябре 1934 г. он не занимал важных государственных и армейских постов. В марте 1939 г. он был назначен послом Франции при франкистском правительстве Испании.
- ⁴⁴¹ Все последнее предложение зачеркнуто.
- ⁴⁴² Канаки — коренное население Новой Каледонии.
- ⁴⁴³ Granet M. *La Pensée chinoise*. P., 1934. Вот место из книги, на которое ссылается Симона: «Кажется, что все прошлое, все будущее, все время вообще (вместе со всей совокупностью пространства), сконденсированы в священных моментах, приуроченных к священным местам, куда группа людей приходит, чтобы осознать себя как перманентное и *тотальное* единство» (ibid., II, 1, p. 97). Марсель Гране (1884–1940), историк и социолог, в согласии со взглядами своего учителя Дюркгейма, настаивает на том, что центром, вокруг которого древнекитайская мысль выстраивает отношение человека к мирозданию, является социальный аспект. С последним утверждением, как видим, Симона не соглашается. Показательно, что книга Гране вновь привлекла к себе интерес и была переиздана в разгар маоистской «культурной революции».
- ⁴⁴⁴ Платон, Государство, кн. VI, 510 b, 511 b.
- ⁴⁴⁵ Stringer A. *The Woman Who Could Not Die*. Indianapolis, 1929. Автор этой до сих пор популярной повести в жанре исторического фэнтези — канадо-американский писатель и киносценарист Артур Стрингер (1874–1950).
- ⁴⁴⁶ Испанцами Кортеса (XVI в.).
- ⁴⁴⁷ Здесь, вероятно, Симона полемически откликается на положение философского эмпирицизма, высказанное еще Аристотелем (О душе, III, 81) и повторенное потом Фомой Аквинским, Дж. Локком, Дж. Б. Вико: «Nihil est in intellectu quod non prius in sensu» («В разуме нет ничего, что не было бы прежде <дано> в чувстве»). Классическая формулировка дана Аквином в: *De veritate*, q. 2, a. 3 arg. 19.
- ⁴⁴⁸ Поль Ланжевен (1872–1946) — французский физик, создатель теории диамагнетизма и парамагнетизма, исследователь ультразвуковых

явлений, автор трудов по теории относительности. Член Академии наук с 1934 г. Кроме научной работы, известен общественно-политической активностью, с 1944 г. член Французской коммунистической партии.

⁴⁴⁹ Симона прочитывает в живописи Джотто свою собственную философию и этику (см. ниже).

⁴⁵⁰ Продолжение размышлений над книгой М. Гране; ср. примеч. 343.

⁴⁵¹ Конструкция Симоны годится только для «чистых» случаев: обороны против агрессора, имеющего значительное превосходство в силах и ресурсах. Например, Троя — в чистом виде жертва агрессии. То же — Эфиопия в 1935 г., Финляндия в 1939 г. Но в войне коалиций, в сложной борьбе великих держав за гегемонию роли бывают смешаны. Иногда агрессор и жертва определяются лишь по тому, кто первый нанес удар; бывает, что жертва и сама готовилась нанести удар, но противник ее опередил. Для СССР во Второй мировой войне формула Симоны не подходит даже на самом первом этапе: уже в радиообращении Сталина от 3 июля 1941 г. была заявлена наступательная цель: полный разгром Германии и «освобождение от немецкого ига народов Европы». Навряд ли подойдет она и для войн гражданских и междоусобных, осложненных вмешательством других держав, как например война в Индокитае в 1960–1970-е гг.

⁴⁵² Эта изолированная и будто бы случайная заметка связана с размышлениями Симоны о пространстве в искусстве и, в частности, о месте и смысле пустоты. Кубизм разрушает то пространство, в котором привычно ориентируется человек, разрушает природное равновесие среды и взаимную зависимость объектов, убивает сам воздух человеческой среды. «Я беру для моих картин те вещи, какие мне нравятся. Нравится ли это вещам, мне безразлично — им приходится с этим примириться», — эти слова Пикассо (1935) не могли не вызывать у Симоны протеста.

⁴⁵³ Горькая шутка. Король (или папа, или другой облеченный властью меценат) был для художника прежних времен воплощенной «необходимостью», тем, что было способно смирить его индивидуалистическую гордость. Зависящий от владыки не только материально, но порой и самой жизнью, художник, творя, имел перед своей мыслью зрителя, до которого он должен был донести свое прочтение мира максимально верно. Даже то, что работа по официальным заказам, несомненно, сковывала, тяготила, подчас оскор-

бляла мастера, в глазах Симоны было лучше, полезнее для его ощущения реальности, чем современный произвол, лишь поощряемый буржуазным снобизмом. Ср. также замечания Симоны о связи между деспотической властью и чувством прекрасного. Важно подчеркнуть, что эта связь существовала лишь в традиционных обществах, где тон задавала аристократия. Абсолютным диктаторам XX века — века масс, века пропаганды — удобнее было, потакая самым элементарным вкусам, поощрять в искусстве «идеологически выдержанную» посредственность и устранять яркое, живое и самостоятельное.

⁴⁵⁴ Tort.

⁴⁵⁵ Весной 1940 г., в ожидании суда над братом, заключенным в Руанской тюрьме, Симона подробно изучала французское уголовное законодательство, а также посещала суды по уголовным делам, наблюдая за ходом процессов. По этим впечатлениям она даже написала статью, оставшуюся в рукописи. Значительное место в статье отведено пожизненной высылке во Французскую Гвиану, применявшейся в качестве кары за повторные мелкие правонарушения (мелкая кража, бродяжничество, неповиновение полиции) и бывшей, прежде всего, по беднякам. «Как это отвратительно — карать несчастье уничтожением несчастного», — писала по этому Симона (SP, p. 510). Подробнее о «деле» и заключении Андре Вейля см.: Ф, с. 65–67.

⁴⁵⁶ Чувство реальности.

⁴⁵⁷ Луи де Бройль (1892–1987) — французский физик, основатель волновой механики. Нобелевский лауреат по физике 1929 г.

⁴⁵⁸ Intelligence.

⁴⁵⁹ Ср. Платон, Филеб, 11b: «*Сократ*. Филеб утверждает, что благо для всех живых существ — радость, удовольствие, наслаждение и все прочее, принадлежащее к этому роду; мы же оспариваем его, считая, что благо не это, но разумение, мышление, память и то, что сродно с ними: правильное мнение и истинные суждения» (пер. Н. Самсонова).

⁴⁶⁰ Традиционно термин «неевклидова геометрия» обычно относят к двум геометрическим системам: геометрии Лобачевского и сферической геометрии. Как и евклидова, эти геометрии относятся к метрическим геометриям пространства постоянной кривизны. В то время как евклидова геометрия рассматривает пространство нулевой кривизны, сферическая геометрия имеет дело с положительной кривизной, а геометрия Лобачевского — с отрицательной.

- ⁴⁶¹ Делая поправку на то, что говорить об эстетической ценности труда можно лишь применительно к конкретному виду, времени и месту работы, Симона избегает демагогии коммунистов, прославляющих «красоту труда» только для того, чтобы не только материально, но и морально закрепить трудящихся под властью аппаратчиков.
- ⁴⁶² Поль Валери неоднократно высказывался в таком духе: «Философия — литературный жанр, характерная особенность которого состоит в том, что занимающиеся им не признают его таковым. В результате этот вид искусства остается не вполне развившимся; о нем все судят не по его реальному предмету, но по ложному; его не двигают к его собственному совершенству, но направляют за пределы его подлинной сферы» (Valéry P. Cahiers. P., 1973, t. 1, p. 579 (пер. мой. — П. Е.). Валери был убежден, что «можно иметь технику мышления сравнимую с техникой стиха», и что именно поэтическое совершенство мысли есть то, к чему должен стремиться философ (ibid., p. 564).
- ⁴⁶³ Стоящее в оригинале *être* может быть понято по-разному: существование, личность, сознание, душа.
- ⁴⁶⁴ Аллюзия на Платона (Государство, VII, 518с): «У каждого в душе есть такая способность (к просветлению. — П. Е.); есть у души и орудие, помогающее каждому обучиться. Но, как глазу невозможно повернуться от мрака к свету иначе чем вместе со всем телом, так же нужно отвратиться всей душой ото всего становящегося: тогда способность человека к познанию сможет выдержать созерцание бытия и того, что в нем всего ярче, а это, как мы утверждаем, и есть благо» (пер. А. Егунова).
- ⁴⁶⁵ Симона напишет в статье «Бог у Платона» (февраль–март 1942): «Он не был основателем философской доктрины. В отличие от всех других философов (без исключения, как мне кажется), он постоянно повторяет, что не придумал от себя ничего такого, что не было бы согласно с традицией, которую он иногда называет, а иногда нет» (СЕС, t. IV, vol. 2, p. 77; пер. мой. — П. Е.).
- ⁴⁶⁶ Очевидно, Симона в связи с Платоном вспоминает слова Христа: «Не думайте, что я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел я, но исполнить, ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдет от закона, пока не исполнится все» (Мф 5:17–18).
- ⁴⁶⁷ Отвергнутое буржуазной эпохой, но свойственное как языку и мышлению классической греческой культуры (понятие о «калокагатии»,

т. е. о «прекрасном и благом» в основе этики), так и Библии: «И увидел Бог, что это прекрасно» (Быт 1:10, 12 и сл.). В греческом переводе LXX повсюду употреблено слово καλόν (прекрасно), в соответствии со стоящим в еврейском оригинале «тов», которое содержит 1) нравственную и 2) эстетическую оценку. Кажется приметой времени, что в русском Синодальном переводе, выполненном в середине XIX в., вместо «прекрасно» поставлено «хорошо», подразумевающее мысль не о красоте, соразмерности, нравственной ценности миротворения, а о практической *пригодности* созданного мира как объекта, о *пользе*, извлекаемой из него. «Прекрасное» перестало быть основным критерием оценки явлений и поступков, хотя еще совсем недавно, у Пушкина, вполне сохраняло свою древнюю значимость («смерть... была мгновенна и прекрасна», «души прекрасные порывы», «друзей моих прекрасные черты», «в прекрасный получил удел», «прекрасен наш союз» и т. д.).

⁴⁶⁸ Гете, Фауст, II, ст. 11510.

⁴⁶⁹ Обе темы проходят сквозь обе части поэмы. Тема иллюзии развивается начиная с диалогов Фауста и Мефистофеля в сценах 3 и 4: именно обещанием чудесной иллюзии Мефистофелю удастся склонить ученого к роковому договору о закладе души.

⁴⁷⁰ Стрелка проведена к словам: «применительно к...»

⁴⁷¹ Fascinations.

⁴⁷² Pensée optimum.

⁴⁷³ *Le mond* (курсив Симоны).

⁴⁷⁴ О каких-то тенденциях в современной математике?

⁴⁷⁵ В СЕС в этом месте поставлено et (и). Но по смыслу кажется, что в рукописи должно было стоять сокращение ex. (от exemple, пример).

⁴⁷⁶ Si on en écarte un. Одного из аксиом и постулатов.

⁴⁷⁷ Эта фраза неоднократно повторяется в рукописях Симоны. Считается, что начала алгебры были заложены в древнем Вавилоне. Но, м. б., Симона хочет сказать о проблеме *языка знаков* (ср. библейскую легенду о вавилонском столпотворении)?

⁴⁷⁸ Ср.: K11, ms. 40 и примеч. 453 (с. 155).

⁴⁷⁹ Цитата из статьи французского физика Ж.-Б. Перрена (Perrin; 1870–1942) «La Lumière et les Quantas» (La Revue Générale des Sciences Pures et Appliquées, 30 juillet 1912).

⁴⁸⁰ Penser en créateur.

⁴⁸¹ Весь текст, начиная со слов «Каждый человек рождается...» и до этого места выделен фигурной скобкой.

⁴⁸² Смысл, возможно, такой: понятие о ценности не присутствует ни в неразумной природе, ни даже в человеке, когда он действует по «закону необходимости». Например, ценности, осознаваемые как таковые в мирное время, в нормальном состоянии человека, во время войны уничтожаются безжалостно: жизни людей, в том числе самых талантливых, материальные ценности, произведения культуры.

⁴⁸³ Слова, вписанные Симоной без указания на источник, происходят из карело-финского эпоса «Калевала». Легенда о герое-мстителе Куллерво записана Элиасом Лённротом (1802–1884) у ижор Санкт-Петербургской губернии; среди эпических рун других прибалтийско-финских народов не встречается. Ср. контекст: «Там, на месте преступления, / Где он деву опозорил, / Обесчестил дочь родимой. / Калервы сын, Куллервойнен, / Меч вытаскивает острый, / Повернул кругом железо; / У меча тогда спросил он, / Хочет знать его желанье: / Не захочет ли оружие / Мяса грешного отведать / И напиться злобной крови? / Понял меч его желанье, / Он учуял мысли мужа, / Говорит слова такие: / «Отчего же не желать мне / Мяса грешного отведать / И напиться злобной крови, / Коль пронзаю я безгрешных, / Пью я кровь у неповинных?» / Калервы сын, Куллервойнен, / Юноша в чулочках синих, / Рукояткой меч втыкает, / Глубоко вонзает в землю, / Острие на грудь направил, / Сам на меч он повалился, / Поспешил навстречу смерти / И нашел свою кончину» (Калевала, руна 36, ст. 316–342; пер. Л. Бельского). Психологическая сторона истории Куллерво могла быть интересна Симоне в связи с исследованием влияния перенесенного несчастья на дальнейший жизненный путь личности. Свидетельствам фольклора Симона придавала первостепенную важность.

⁴⁸⁴ Un esprit dégradé.

⁴⁸⁵ Эксперимент Жюль Ланьо. Подробно описан в статье «Комментарии к пифагорейским текстам».

⁴⁸⁶ Ирония.

⁴⁸⁷ Вписано позже.

⁴⁸⁸ Институт Франции (Institut de France) — основное официальное научное учреждение страны, в который входят пять национальных академий: Французская академия (Académie française), занимающаяся совершенствованием французского языка и литературы, Французская академия надписей и изящной словесности (Académie des Inscriptions et Belles-lettres), которая объединяет специалистов в области истории, археологии и языкознания, Французская акаде-

мия наук (Académie des Sciences), чья сфера обнимает математику, естественные науки и медицину, Французская академия изящных искусств (Académie des Beaux-Arts), Французская академия моральных и политических наук (Académie des Sciences Morales et Politiques), т. е. философии, этики, социологии, права, политической экономии, статистики и финансов, истории и географии. Институт образован в 1795 г.; структура академий сложилась, в основном, в период с царствования Людовика XIV по эпоху Наполеона.

⁴⁸⁹ «Думал о фикции и о науке, — записывает в своем „Дневнике“ Гете 10 июня 1817 г. — Ущерб, который они приносят, проистекает исключительно из потребности рефлектирующей способности суждения, которая создает себе какой-нибудь образ, чтобы использовать его, а потом конституирует этот образ, как нечто истинное и предметное, вследствие чего то, что некоторое время оказывало помощь, становится в дальнейшем вредом и помехою» (цит. по: Флоренский П. У водоразделов мысли. М., 1990, с. 128). Замечательно созвучие Симоны с мыслями о взаимоотношении философии и науки, высказанными Флоренским еще в 1915 г., с главной опорой — у обоих — на Платона и Гете.

⁴⁹⁰ Cela se vaut.

⁴⁹¹ Миларепа Шепа Дордже (1052–1135) — учитель тибетского буддизма, аскет, мистик, поэт, автор духовных стихов и песнопений.

⁴⁹² Objet.

⁴⁹³ Радиэстезия (иначе называется биолокацией) — считающаяся псевдонаучной практика нахождения тех или иных объектов через обнаружение их «ауры» (для этого используются лоза, рамка, маятник, а также повышенная чувствительность тела). Вошла в моду в США в начале XX в., с 1920-х гг. распространилась в странах Европы, с 1960-х гг. получила известность в СССР.

⁴⁹⁴ Нельзя не признать прозорливости Симоны в этом случае. Общемировое, в широчайшем масштабе, распространение оккультно-магических теорий, практик и культов под вывеской «науки» действительно началось в следующем поколении (1960–1970-е гг.) и не ослабевает поныне.

⁴⁹⁵ N'ont aucun égard à la valeur spirituelle.

⁴⁹⁶ L'act de vertu.

⁴⁹⁷ Законы Ману — древнеиндийский (сложившийся между II в. до н. э. и II в. н. э.) сборник предписаний общественного, религиозного и морального характера, приписываемый традицией легендарному

прародителю человечества — Ману; начинается с космологического раздела. Ср. о символе яйца: «Тот, кто постижим <только> умом, неосязаемый, невидимый, вечный, заключающий в себе все живые существа, удивительный, проявился сам <по собственной воле>. Вознамерившись произвести из своего тела различные существа, он вначале сотворил воды и в них испустил свое семя. Оно стало золотым яйцом, по блеску равным солнцу; в нем он сам родился <как> Брахма, прародитель всего мира. (...) Из этой <первопричины>, невидимой, вечной, образующей реальное и нереальное, возник <дух> Пуруша, который в мире прославляется <под именем> Брахмы. Он, божественный, прожив в том яйце целый год, сам же силой своей мысли разделил это яйцо надвое; и из тех двух половинок он создал небо и землю, между ними атмосферу, восемь стран света и вечное местопребывание вод» (I, 7–9, 11–13; пер. С. Эльмановича).

⁴⁹⁸ *À la manière de Dieu.*

⁴⁹⁹ Указаны примеры поэтических произведений, свидетельствующих о силе страсти, но в то же время оставляющих впечатление динамического равновесия (эффект, который Симона усматривает и в греческой классической скульптуре). Гимн «Эрот, в бою непобедимый...» из «Антигоны» Софокла (см.: K3, ms. 96–97, с. 214–215); из стихотворений Сафо имеется в виду, вероятно, «К любимой» (см.: K1, ms. 62, с. 121), которое Симона выписывает в K1 рядом с гимном Эроту.

⁵⁰⁰ Ср. Марк Аврелий, Размышления, IV, 23.

⁵⁰¹ По причине ее бесконечности по определению, а также шарообразности Земли. Идеальная прямая на земной поверхности замкнется в окружность.

⁵⁰² Т. е. любое событие, рассматриваемое с точки зрения тех или иных физических, химических, математических и прочих природных законов, выглядит как продукт совпадения причинных последовательностей, в которых проявлено действие этих законов.

⁵⁰³ В середине октября 1940 г., после того как Вейлям удалось снять квартиру, они написали в Париж своей домашней работнице Адель Дюбрёйль, чтобы она выслала на их новый адрес часть вещей, оставленных в июне при спешном отъезде. Пересылка имущества через демаркационную линию, отделявшую оккупированную зону Франции от неоккупированной, разрешалась немецким командованием по условиям «перемирия». Для Симоны важнее всего было, конечно, получить книги и свои записи. Здесь — черновой список нужных

книг: максимум, по возможности, и минимум, если вес и количество пересылаемых вещей будут ограничены. В конце года немцы, видя, что такими посылками из-под их контроля утекает немалое количество материальных ценностей и денег, в одностороннем порядке запретили эту практику.

⁵⁰⁴ Ангелус Силезиус, Херувимский странник, I, 33 (пер. Н. Гучинской). Ангелус Силезиус, Силезский Ангел (наст. имя и фам. Иоханнес Шефлер; 1624–1677) — немецкий поэт-мистик, медик, церковный деятель.

⁵⁰⁵ Ne répond actuellement à rien. Я понимаю так: не отвечает ни интересам развития самой науки, ни нравственным критериям.

⁵⁰⁶ Открывается краткий перечень (сделанный, вероятно, для памяти, чтобы в будущем исследовать вопрос более детально) в котором Симона приводит примеры, так сказать, мистагогического воздействия музыки. Возможно, эта тема встала перед ней в связи с работой над «Спасенной Венецией», где праздник, с непрямым сочетанием культового действия, музыки и танца мыслится как апофеоз города, а город, в свою очередь, предстает образом целого мироздания.

⁵⁰⁷ В «Послезаконии» о музыке отдельно не говорится, но понятно, что Платон имеет в виду и ее, ставя в обучении задачу подражания пронизывающим Вселенную соразмерностям, числовым соотношениям и ритмам (989–991). Ср. Законы, VII, 790e: «Когда матери хотят, чтобы заснуло дитя, а ему не спится, они применяют вовсе не покой, а, напротив, движение, все время укачивая дитя на руках. Они прибегают не к молчанию, а к какому-нибудь напеву, словно наигрывая детям на флейте. Подобным же образом врачуют и вакхическое исступление, применяя вместе а с движением пляску и музыку» (пер. А. Егунова).

⁵⁰⁸ Платон, Филеб, 55e–56b: «После этого (обучения точным наукам. — П. Е.) осталось бы заняться подражанием, то есть уподоблением, упражнением ощущений с помощью навыка, опыта и способностей к угадыванию, все это многие называют искусствами, могущими достигать совершенства благодаря упражнению и труду. (...) А этим полна прежде всего музыка, строящая созвучие не на размере, но на упражнении чуткости; такова же и вся часть музыки, относящаяся к кифаристике, потому что она ищет меру всякой приводимой в движение струны по догадке, так что содержит в себе много неясного, устойчивого же мало. (...) Такие же свойства мы обнаружим

у врачебного искусства, земледелия, искусства управлять кораблями и военного искусства» (пер. Н. Самсонова).

⁵⁰⁹ Старинный обычай, который Симона могла наблюдать на Юге: в ряде приходов Прованса на праздники, имеющие особое значение для самосознания общины, месса сопровождается музыкой на барабанах, тамбуринах и флейтах. При этом используются характерные для местной фольклорной традиции танцевальные и маршевые мотивы. Этот обычай не мог не вызвать ее симпатии и как образец нерасторжимости в праздничной стихии «религиозного» и «светского», и как наследие глубокой древности (флейта и тамбурины — среди древнейших музыкальных изобретений человека).

⁵¹⁰ Марсель Брион (1895–1984) — французский историк и критик искусства, писатель-романист, эссеист. Член Французской академии (1964). Уроженец Марселя, выходец из провансальско-ирландской семьи. Автор более чем сотни книг, в их числе биографий Боттичелли, Леонардо, Микеланджело, императора Фридриха II. Предметы особого интереса и изучения — средневековая и возрожденческая Италия, немецкий романтизм. Брион не был специалистом по китайской культуре; однако, доклад о философии и живописи древнего Китая, прочитанный им в Марсельском «Обществе изучения философии» в декабре 1940 года, оказал глубокое впечатление на Симону, побудив ее к изучению классических текстов даосизма.

⁵¹¹ Го Си, выдающийся китайский пейзажист XI в. (династия Сун), автор трактата «Записки о высокой сути лесов и потоков», рекомендует художнику начинать работу с распределения изображения на плоскости свитка: «Каждый, кто собирается писать пейзаж, должен уметь сочетать небо и землю. Что подразумевается под небом и землей? Например, на куске шелка в полтора чи верхнюю часть нужно оставить для неба, нижнюю — для земли, а между ними и по бокам постараться разместить пейзаж». И дальше: «Большая величественная гора — хозяйка массы гор, поэтому раздели ею холст. Возьми холмы, роции и пропасти, чтобы выделить далекое и близкое, большое и маленькое» (пер. В. Малявина).

⁵¹² Чжуан-цзы, гл. 11. Приводим фрагмент в пер. Л. Позднеевой, отмечая курсивом фразу, использованную Симоной: «Укрепляй свое сердце. <Если> только ты предашься недеянию, вещи будут сами собой развиваться. Оставь свое тело, свою форму, откажись от зрения, от слуха, забудь о людских порядках, о вещах, слейся в великом единении с самосущим эфиром. *Освободи сердце и разум,*

стань покойным, будто неодушевленное <тело, и тогда> каждый из тьмы существ <станет> самим собой, каждый вернется к своему корню. Каждый вернется к своему корню неосознанно, смешиваясь в общем хаосе, и не оставит <его> до конца своей жизни. Если же осознают это, то его <корень> покинут. Не выпрашивай его названия, не испытывай его свойств, и <все> вещи будут сами собой рождаться». Симона приводит этот фрагмент по тексту лекции М. Бриона. Книга «Чжуан-цзы» содержит как подлинные писания философа Чжуан Чжоу (369–286 до н. э.), чье имя носит, так и сочинения других близких по времени даосских мыслителей.

⁵¹³ Дао дэ цзин, 10. Здесь и в следующей цитате перевод, использованный Симоной, идентичен по смыслу русскому переводу Ян Хиншуна.

⁵¹⁴ Дао дэ цзин, 51.

⁵¹⁵ Ср. Дао дэ цзин, 27: «Умеющий шагать не оставляет следов» (пер. Ян Хиншуна). Дао дэ цзин (в русском переводе «Книга пути и благодати») — основополагающий текст философии даосизма, приписываемый полулегендарному Лао-цзы (V–VI вв.).

⁵¹⁶ Ле-цзы, гл. 2. Сборник носит имя даосского аскета и учителя Ле Юйкоу (V в. до н. э.), включая как подлинные его наставления, так, возможно, и приписанные ему учениками и продолжателями.

⁵¹⁷ Сокращенная цитата из трактата Го Си «Возвышенный смысл лесов и потоков».

⁵¹⁸ См. краткий биографический очерк Ю. Стефанова в: Домаль Р. Гора Аналог. М., 1996.

⁵¹⁹ Над его текстом Домаль работал до дня смерти (21 мая 1944), но роман остался далек от завершения; его законченная часть обнаруживает близость с «Паломничеством в страну Востока» Г. Гессе (1931).

⁵²⁰ Daumal R. Dossier conçu et dirigé par Pascal Sigoda. Paris–Lausanne, 1993.

⁵²¹ Большим почитателем «Бхагавад-Гиты» был брат Симоны Андре, который, как и Домаль, стал учить санскрит еще студентом, самостоятельно, а после окончания вуза был счастлив, получив приглашение на работу из Индии. В течение 1930–1932 гг. Андре преподавал математику в Мусульманском университете индийского города Алигарх. Именно «Бхагавад-Гита» была для него источником утешения и ободрения в феврале-мае 1940 г., когда он был заключен в тюрьму за отказ от службы в армии. За две недели до суда он увидел во сне

Кришну, обещавшего ему свободу. Той же весной Симона впервые прочла «Бхагавад-Гиту» во французском переводе.

⁵²² Правильнее говорить об опубликованной части писем: к настоящему времени не вся переписка Симоны с о. Перреном доступна в печати.

⁵²³ Цит. по: SP, p. 530, 531.

⁵²⁴ Ibid., p. 556.

⁵²⁵ Делать на этом особый акцент было важно для реабилитации самой церкви. Причина в том, что Католическая церковь Франции не выступала против антисемитской политики оккупантов и петеновского режима ни на ее первой, еще бескровной, стадии, ни когда она приняла форму геноцида. Все французские епископы без исключения поддерживали Петена. Противостояли нацизму и коллаборационизму лишь отдельные (впрочем, довольно многочисленные) священники, а также активисты низовых католических организаций, как «Христианская рабочая молодежь», «Христианское свидетельство» и др. Поведение в те годы самого отца Перрена было (судя по тому, что о нем известно) мужественным и даже героическим, но выбранный им метод защиты корпоративной чести не представляется нам столь же безупречным.

⁵²⁶ Результаты исследований угаритской литературы (XVII–XIII вв. до н. э.), получившие известность уже в послевоенное время, показали родство многих библейских сказаний с мифами и преданиями более древних цивилизаций Ханаана.

⁵²⁷ Русский перевод статьи см. в: Ф, с. 275–323.

⁵²⁸ Андре Жид (1869–1951) — французский писатель, нобелевский лауреат по литературе (1947). В 1930-е гг. много выступал против фашизма, одновременно увлекшись социалистической идеологией. В поисках образца посещал СССР, но советская действительность его оттолкнула. В 1940–1941 гг., покинув Париж, жил в Марселе, затем в Тунисе. Очерки под заглавием «Листки» вышли в журнале «Нувель ревю франсез» в декабре 1940 г. Симона имеет в виду следующую фразу: «Нужно достаточно воображения, и притом довольно редкого качества — воображения в умозаключениях — чтобы представить себе отдаленные последствия поражения, — и вот тогда-то каждый сможет принять его как страдание» (пер. мой. — П. Е.). Но большинство сограждан писателя старалось не заходить далеко в воображении, чтобы не принимать случившееся как катастрофу, прежде всего, нравственного порядка. Гитлер сделал пси-

хологически верный ход, постаравшись облегчить последствия поражения Франции для самолюбия французов. Капитуляция была обставлена как «перемирие»; прогерманское, фактически вассальное правительство Виши формально сохранило немалую долю самостоятельности, в том числе внешнеполитической; на оккупированной территории местные органы власти обладали значительными правами; поддерживался престиж символов национальной истории (культ Жанны д'Арк, церемонии у могилы Неизвестного Солдата в Париже и т. д.) и достижений национальной культуры.

⁵²⁹ Пропуск на завод «Рено» 1935 г. Симона до конца жизни хранила среди своих документов: клочок картона со скверно исполненной фотографией, где номер, идя по линии груди, создает полное впечатление снимка из арестантского дела.

⁵³⁰ Поль Валери читал этот курс в Коллеж де Франс начиная с декабря 1937 г. и до самого конца жизни, возглавляя созданную специально для него кафедру поэтики. Коллеж де Франс — парижское учебно-исследовательское учреждение, предлагающее бесплатные и общедоступные, без предварительной записи, курсы высшего образования по научным, литературным и художественным дисциплинам. Основан в 1530 г. Играет большую роль в интеллектуальной жизни Франции; среди профессоров Коллежа — ведущие специалисты в различных областях знания.

⁵³¹ Роже Мель (1912–1997) — философ, протестантский богослов, деятель экуменического движения. Жил и преподавал в Страсбурге; время оккупации провел в Марселе, где 1 марта 1941 г. Симона присутствовала на его докладе на тему «Творение и время». Текст доклада опубликован в журнале «*Les Études philosophiques*» (1942, № 1–4; выпуск был посвящен памяти Анри Бергсона. Отметим, что посвящение журнала памяти Бергсона в оккупированном Париже, в разгар охоты на евреев, было делом большого мужества). С 1946 г. и до смерти Р. Мель, возглавляя кафедру протестантской теологии в университете Страсбурга, был одновременно главным редактором журнала «*Revue d'histoire et de philosophie religieuses*». Член Всемирного совета церквей (экуменической международной организации). Наиболее известная работа Меля, переведенная на несколько языков и неоднократно переизданная, — «Удел христианского философа» (1963).

⁵³² Длительность — в понимании этого слова Бергсоном: как время, воспринимаемое сознанием. Симона полагает, что из тезиса Р. Меля

вытекает допущение некоего сознания, совечного Богу и в этом смысле соперничающего с Ним.

⁵³³ Ни самому делать несправедливых дел, ни позволять, чтобы их делали их тебе.

⁵³⁴ «В области безразличных по отношению к морали вещей одни бывают «предпочтительны», так как имеют ценность для человека как эмпирического, живого существа, — это здоровье, телесная сила, богатство и т. д. Другие, наоборот, не имеют ценности, вредны и потому «избегаемы», таковы болезнь, бедность и т. д. Третьи безразличны не только по отношению к морали, но также по отношению к природным потребностям человека, не возбуждают в индивидуе ни склонности, ни отвращения, как, например, четное или нечетное число волос на голове. Предпочтительные вещи содействуют жизни, согласной с природой» (Гусейнов А. История этических учений. Стоицизм: society.polbu.ru/guseinov_ethichistory/ch59_i.html).

⁵³⁵ Слово в прямом значении — название социальной категории абсолютно несвободных людей, и в переносном — «раб» как синоним человека бесчестного, потерявшего свое достоинство, лишенного добродетелей гражданина и семьянина, нравственных устоев.

⁵³⁶ Одиссея, XVII, 322–323: «Тягостный жребий печального рабства избрав человеку, // Лучшую доблестей в нем половину Зевес истребляет» (пер. В. Жуковского).

⁵³⁷ Un dressage.

⁵³⁸ Софокл, «Электра». Торжество греха Клитемнестры, убившей мужа, чтобы возвести на царство любовника, влечет за собой несчастье для ее дочери. Электра — хранительница памяти убитого отца и живой упрек матери-убийце — своим существованием вызывает ее злобу. Положение шекспировского Гамлета не так внешне унижительно, но, в сущности, еще более несчастно, чем положение Электры: он обречен и знает об этом.

⁵³⁹ Французское слово, означающее «несчастье», *malheur* — буквально: «злой час» — подразумевает иное понимание несчастья, чем английское *misfortune*, испанское *desgracia*, или соответствующее русское слово. Сравнительно много слов для обозначения несчастья имеется в итальянском: *sfortuna*, *disgrazia*, *sciagura*, *guaio*. Практически все указанные термины, в отличие от французского, характеризуют несчастье как не-удачу (человека) или не-милость (Бога). Русское «не-с-частье» («часть» — доля в добыче или наследстве) изначально-

но подразумевает крушение ожиданий или надежд, связанных с той или иной деятельностью или положением. Французский термин лишен этого субъективного оттенка. Будучи нейтрален, не подразумевая чьей-то вины, он указывает на безразличность несчастья, которое может постигнуть совершенно любого человека — доброго и злого, смелого и труса, деятельного и пассивного. Ситуация библейского Иова — образец несчастья в понимании Симоны — лучше всего может быть выражена именно французским термином. В нем не содержится мысли о несчастье как наказании, которая столь отталкивающе звучит в «утешительных» речах друзей Иова.

⁵⁴⁰ Трагедия Расина.

⁵⁴¹ Уайльд, Баллада Редингской тюрьмы, гл. V, строфа 4. «Решетками они перечеркивают добрую луну / и ослепляют милое солнце» (пер. мой. — П. Е.). У Симоны цитата приведена по памяти, неточно.

⁵⁴² Гасдрубал Бозтарх, правитель и военачальник Карфагена во время Третьей пунической войны (149–146 гг. до н. э.), сторонник непримиримой войны с Римом. Совмещал жестокость с любовью к роскоши и излишества, в которых не отказывал себе и в дни осады Карфагена. В ответ на римские предложения о сдаче заявил, «что никогда не наступит тот день, когда бы Гасдрубал глядел на солнечный свет и вместе на пламя, пожирающее родной город, что для людей благомыслящих родной город в пламени — почетная могила» (Полибий, Всеобщая история, XXXVIII, 2; пер. Ф. Мищенко). Однако во время штурма, видя, что дальнейшая оборона бесполезна, сдался римлянам, умоляя о пощаде. Данное им обещание выполнила его жена, бросившаяся в огонь вместе с двумя мальчиками-сыновьями.

⁵⁴³ Ср. у Поля Валери: «Вернемся к произведению музыки, относительно которой мы констатировали, что в этом искусстве целостность виртуальна; здесь каждый отдельный фрагмент дает нам почувствовать, что целостный порядок возможен, а каждая отдельная фигура некоторым образом от него отходит; произведение, когда мы его слышим, кажется будто нарушением общей системы, где все по-своему выступает из тишины, а потом по-своему в нее возвращается, как вода, падая с высоты, стремится обратно к состоянию покоя» (Valéry P. *Ego scriptor et Petits poèmes abstraits*. P., 1992, p. 67.

⁵⁴⁴ Сделать беспредельность-неопределенность мира вместимой в конечность произведения (см. ниже).

- ⁵⁴⁵ L'indéfini autour de fini. Возникает соблазн перевести: «бесконечное вокруг конечного». Но почему Симона выбирает именно indéfini, с его двойственным значением, вместо ясного infini (бесконечное)? Вероятно, потому что indéfini для нее — прямой перевод греческого ἄπειρον, смысл которого сочетает «бесконечное», «беспредельное» с «неопределенным». Т. е. речь идет не только в «количественном»
- ⁵⁴⁶ Аспекте (втиснуть то, что неподвластно мере и счету, в ограниченное, измеримое, исчислимое пространство картины), но и в других. По пифагорейцам и Платону, ἄπειρον есть «мать всех вещей». С учетом этого, творческий акт художника становится аналогией сотворению мира и уподобляется также Боговоплощению. (Ср. «Комментарии к пифагорейским текстам» в т. 2 наст. изд.) Слово должно быть найдено по звучанию таким, чтобы его слоги не порождали смысловых ассоциаций, мешающих смыслу, который вкладывает в него автор стихотворения.
- ⁵⁴⁷ Софокл, Антигона, ст. 781–800: «Эрот, в сражении непобедимый» (перевод см. в К2, ms. 96–97, с. 214–215).
- ⁵⁴⁸ Полный текст этих стихотворений Дж. Герберта и К. Марло на с. 221–222.
- ⁵⁴⁹ «Прилетай, прилетай, смерть» (пер. М. Лозинского) — песенка шута из комедии Шекспира «Двенадцатая ночь» (действие II, сцена 4).
- ⁵⁵⁰ «Ах, возьми и губы те...» — песенка мальчика из пьесы Шекспира «Мера за меру» (действие IV, сцена 1).
- ⁵⁵¹ Поль Валери. Курс поэтики. Цит. по: Yggdrasil, 2 année, № 12. Журнал под названием «Иггдрасиль. Международное поэтическое обозрение» издавали в Париже в 1936–1940 гг. поэты Ги Лаво и Реймон Шваб (второй из них известен также как переводчик, ориенталист и культуролог).
- ⁵⁵² Ср. о том же: «Человеческий интеллект чувствует себя привольно, пока он имеет дело с неподвижными предметами, в частности, с твердыми телами, в которых наши действия находят себе точку опоры, а наш труд — свои орудия; что наши понятия сформировались по их образцу и наша логика есть, по преимуществу, логика твердых тел. Благодаря этому наш интеллект одерживает блистательные победы в области геометрии, где проявляется родство логической мысли с инертной материей и где интеллект, слегка соприкоснувшись с опытом, должен лишь следовать своему естественному

движению, чтобы идти от открытия к открытию с уверенностью, что опыт сопровождает его и неизменно будет служить ему подтверждением. Но отсюда также следует, что наша мысль в ее чисто логической форме неспособна представить себе истинную природу жизни» (Бергсон А. Творческая эволюция. М., 1998, с. 33).

⁵⁵³ Вероятно, отклик на рассуждения о направленности, «финальности» развития природы у А. Бергсона: «Вся жизнь в целом, животная и растительная, предстает, в сущности, усилием, направленным на то, чтобы накопить энергию и затем пустить ее по гибким, извилистым каналам, на конце которых она должна выполнить самые разнообразные работы. Этого и хотел добиться сразу жизненный порыв, проходя через материю» (Бергсон А. Ук. соч., с. 250). Ср. также рассуждения философа о том, в каком именно смысле можно говорить о человеке как о «цели эволюции» (там же, с. 259).

⁵⁵⁴ «Беспредпосылочное», «непредположительное». Ср. Платон, Государство, VI, 511b–c: «Вторым разделом умопостигаемого я называю то, чего наш разум достигает с помощью диалектической способности. Свои предположения он не выдает за нечто изначальное, напротив, они для него только предположения, как таковые, то есть некие подступы и устремления к началу всего, которое уже не предположительно. Достигнув его и придерживаясь всего, с чем оно связано, он приходит затем к заключению, вовсе не пользуясь ничем чувственным, но лишь самими идеями в их взаимном отношении, и его выводы относятся только к ним...» (пер. А. Егунова).

⁵⁵⁵ Невежда — постоянный персонаж суфийских притч.

⁵⁵⁶ Ср. Kīl, ms. 37 (с. 153).

⁵⁵⁷ Развитие мысли, начатой на Kīl, ms. 37 (с. 153).

⁵⁵⁸ Ср. там же. Три замечания по разной тематике продолжают параллельные нити размышлений в тетради Kīl.

⁵⁵⁹ Ср. письмо Андре Вейля из руанской тюрьмы от 27 февраля 1940: «Математика есть не что иное как искусство, вроде скульптуры, где материал исключительно тверд и обладает большим сопротивлением (как некоторые породы порфира, что порой используют скульпторы)» (СЕС, t. VI, vol. 1, p. 478).

⁵⁶⁰ Évoquait.

⁵⁶¹ Ср. Платон, Послезаконие, 990c–d: «Следовательно, должны существовать науки. Главная и первая из них — это наука о самих числах, но не о тех, что имеют предметное выражение, а вообще о зарождении <понятий> „чет“ и „нечет“ и о том значении, которое они име-

ют по отношению к природе вещей. Кто это усвоил, тот может перейти к тому, что носит весьма смешное имя геометрии (т. е. „землемерия“. — П. Е.). На самом деле ясно, что это наука о том, как выразить на плоскости числа, по природе своей неподобные. Кто умеет соображать, тому ясно, что речь идет здесь прямо-таки о божественном, а не человеческом чуде. Вслед за этой наукой идет еще одна, ей подобная; люди, ею занимающиеся, назвали ее стереометрией. Наука эта изучает тела, имеющие три измерения и либо подобные друг другу по своей объемной природе, либо неподобные, приводимые к подобию с помощью искусства» (пер. А. Егунова).

⁵⁶² Возможно, связь здесь такая: под весами разумеется вода (ср. опыт Архимеда). Но вода уже не в лабораторных условиях, а в море, «взвешивающая» непрестанно заново плывущий по нему корабль. Этот образ Симона связывает с подвижными весами Маат, богини правды в египетской мифологии. Верша суд над делами умершего, Маат на одну чашку весов клала его душу, а на другую — страусиное перо из своих волос (знак чрезвычайной чувствительности и гибкости в оценке мыслей и поступков). Имя Маат, написанное иероглифами или латиницей, нередко стоит на обложках тетрадей Симоны, рядом с изречениями, содержащими аллегорию весов.

⁵⁶³ Букв.: «Дай мне, где стать» (дай мне точку опоры). См. K1, ms. 32 (с. 89) и примеч. 219.

⁵⁶⁴ Ср. K1, ms. 55 (с. 106) и примеч. 274.

⁵⁶⁵ Ум (*ghez.*).

⁵⁶⁶ По преданию, Архимед открыл свой закон о плавающих телах, будучи поставлен перед задачей: определить плотность (и, следовательно, степень чистоты) золота, из которого был сделан венец, заказанный ювелиру тираном Сицилии Гиероном. История рассказана Витрувием (Десять книг об архитектуре, кн. IX, 3).

⁵⁶⁷ Платон. Горгий, 511a–b: «Знаю, дорогой Калликл, ведь я не глухой... да, он убьет, если захочет, однако тем самым окажется негодяем, если убитый — человек прекрасный и добрый».

⁵⁶⁸ Например, когда осаждающие предлагают защитникам осажденной крепости «выбирать жизнь или смерть».

⁵⁶⁹ Томас Эдвард Лоуренс (1888–1935) — английский путешественник, разведчик, военный летчик и писатель, один из руководителей Великого арабского восстания 1916–1918 гг. В книге его воспоминаний «Семь столпов Премудрости» (1926; название заимствовано из Притч Соломона) Симона отмечала мистические оттенки, что мог

бы упустить из виду не столь вдумчивый читатель. Нравственный облик ее автора и героя имеет в себе немало от монашества. Прочтя мемуары Лоуренса в 1937 г., Симона прониклась симпатией к нему как к «подлинному герою и трезвому мыслителю» и даже «святому в своем роде» (в CSW, 1987, join, p. 130). В мае 1942 г. она писала о Лоуренсе: «Он стал для меня нежно и страстно любимым другом» (ЕС, t. VI, vol. 3, p. 536; пер. мой. — П. Е.). Некоторые черты Лоуренса проступают в облике Жаффье из «Спасенной Венеции».

⁵⁷⁰ Из манихейского гимна. Текст см. на с. 226–227.

⁵⁷¹ «Ты рождена от смертного» (*грег.*; Софокл, Электра, ст. 171).

⁵⁷² «Видение о Петре Пахаре» — поэма Уильяма Лэнгленда (р. ок. 1331), сочетающая религиозную моралистику с социальным протестом, в том числе против церковных злоупотреблений. Симона отмечает контраст с Чосером как, по ее мнению, продиктованный самой тематикой — изображением мира зависимости, тяжелого труда и нужды.

⁵⁷³ Джеффри Чосер (1340/1345–1400) — английский поэт, один из основоположников английской литературы и литературного языка. Автор сборника стихотворных новелл «Кентерберийские рассказы» и нескольких поэм. Камердинер двора (с 1367), дипломат (1370-е), позднее депутат парламента и надзиратель королевских работ (1389).

⁵⁷⁴ Артур Кёстлер (1905–1983) — писатель, журналист, левый общественный деятель. Родился в Венгрии в еврейской семье. В молодости был увлечен идеями сионизма; 1926–1929 гг. провел в Палестине как корреспондент немецкого журнала, в 1929–1930 гг. работал в Париже, в 1931 г. переехал в Берлин, где стал научным редактором газеты «Vossische Zeitung». С декабря 1931 г. член Коммунистической партии Германии. В этом качестве в 1932–1933 гг. ездил в СССР, где был свидетелем организованного голода. В сентябре 1933 г. покинул Германию, жил в Париже занимался антифашистской журналистикой. В 1937 г. в охваченной гражданской войной Испании был арестован франкистами и приговорен к смертной казни по обвинению в шпионаже; после пяти месяцев заключения его обменяли на жену франкистского летчика. Впечатления и размышления этого времени вошли в книгу «Испанское свидетельство» (1937). Будучи свидетелем террора советского НКВД в Испании, а также в связи с «Большим террором» в СССР, в 1938 г. вышел из компартии. Обличениям сталинизма посвятил книгу «Слепящая тьма», опубликованную в Британии 1941 г. (Характерно, что

свидетельства о голоде 1933 г. и беззакониях в ходе «раскулачивания» Кестлер предал гласности только теперь.) С 1942 г. работал при британском министерстве информации; после войны продолжал литературную деятельность, опубликовал ряд романов. На собственные средства основал Институт Кестлера, занимающийся парапсихологией и телепатией. В течение многих лет страдая от болезни Паркинсона и лейкоза, публично выступал за право на эвтаназию; покончил жизнь самоубийством, склонив к этому и жену.

⁵⁷⁵ См. «Испанский дневник» Симоны на с. 132–144.

⁵⁷⁶ Koestler A. Spanish Testament. L., 1937, p. 349.

⁵⁷⁷ Логика этого списка неясна. Агриппа д'Обинье (1552–1630) — французский поэт и писатель. Гугенот, участник религиозных войн, яркую картину которых изобразил в стихах (сборник «Весна» и др.).

⁵⁷⁸ У Кестлера: «Только в смерти настоящее становится реальностью: время замерзает» (Ibid., p. 324).

⁵⁷⁹ Ibid., p. 372–373.

⁵⁸⁰ У Кестлера — пение «Марсельезы».

⁵⁸¹ «Сегодня умрешь ты, а завтра я», — вот логика войны и, как уточняет Симона, всего человеческого существования. Ср. Илиада, XXI, 106–113 (Ахилл — Ликаону): «Милый, умри же и ты! С чего тебе так огорчаться? Жизни лишился Патрокл, — а ведь был тебя много он лучше! / Разве не видишь, как сам я и ростом велик, и прекрасен? / Знатного сын я отца, родился от бессмертной богини, / — Смерть однако с могучей судьбой и меня поджидают. / Утро настанет, иль вечер, иль полдень, — и в битве кровавой / Душу исторгнет и мне какой-нибудь воин троянский, / Или ударив копьем, иль стрелой с тетивы поразивши».

⁵⁸² Ср.: Платон, Тимей, 37d: «Поэтому он замыслил сотворить некое движущееся подобие вечности; устроив небо, он вместе с ним творит для вечности, пребывающей в едином, вечный же образ, движущийся от числа к числу, который мы называли временем» (пер. С. Аверинцева).

⁵⁸³ Скульптуры?

⁵⁸⁴ Чомпи — рабочие суконных мануфактур в Италии XIV в. В 1378 г. во Флоренции произошло восстание чомпи, одним из требований которого была организация цехов для наемных рабочих. Сначала часть цеховых ремесленников-сукноделов поддержала чомпи, но затем разногласия между ними позволили Синьории изолировать радикальную часть восставших и подавить выступление.

- ⁵⁸⁵ Впервые в сочинении «Расчет эффективности машин» (1822) французского математика Шарля-Гюстава Кориолиса (1792–1843).
- ⁵⁸⁶ Т. е. был социологически выделен.
- ⁵⁸⁷ Mantoux P. La Révolution industrielle au XVIII siècle, essai sur les commencements de la grande industrie moderne en Angleterre. P., 1906; Ballot C. L'introduction du machinisme dans l'industrie française. Lille, 1923.
- ⁵⁸⁸ Passion. Страсть в том смысле, в каком это слово прилагается к страданиям Христа, или в каком может служить эквивалентом к πάθος героя древнегреческой трагедии.
- ⁵⁸⁹ «Маленькая птичка» (*исп. лат.-амер.*).
- ⁵⁹⁰ Это и следующие изложения и выписки сделаны Симоной по книге: Folklore chilien / Éditeurs sci. et trad. Georgette et Jacques Soustelle; préfacé par Gabriela Mistral. P., 1938.
- ⁵⁹¹ В связи с приведенной сказкой-притчей Симона вспоминает, конечно, известное изречение Анаксимандра: «Рождение вещей начинается с Неопределенного (ἄλερον), и возвращением к нему же, в силу необходимости, заканчивается их разрушение; ибо они подлежат каре и искуплению друг от друга за их несправедливость, согласно порядку времени» (фр. 1). Она задается вопросом: не была ли выражена в аутентичной сказке, не подвергнутой благочестивой христианской переделке, концепция, подобная той, что она находит у греческого философа. Об этом афоризме Анаксимандра см. подробнее в «Комментарии к пифагорейским текстам» (т. 2, примеч. 2762).
- ⁵⁹² «Не имеющие конца» (*исп.*).
- ⁵⁹³ Симона, защищая свою веру в «извечное Искупление», решительно возражала традиционно-христианскому представлению о линейной, лучевой направленности истории, породившему идею прогресса. «Прошлое и будущее симметричны, — писала она осенью 1942 г. аббату Кутюрье. — Хронология не может иметь решающего значения в отношении между Богом и человеком — в отношении, мерой которого является вечность. (...) Христианство позволило войти в мир пресловутому понятию прогресса, прежде неизвестному; и это понятие, отравившее современный мир, привело его к отречению от христианства. Это понятие нужно отбросить. Нужно избавиться от предрассудка хронологии, чтобы обрести Вечность» (Ф, с. 442, 470). Ее собственный поиск в этом вопросе в записях отмечен довольно скупой, но его направление можно распознать: «Пре-

красное — укоренение — мирное соглашение между самим собой и своими условиями существования — круг времени. Сделать, чтобы время было окружностью, а не линией» (см. с. 190 этого тома). Ее особенное внимание привлекали изображения этой цикличности в памятниках фольклора.

⁵⁹⁴ См. также К6, ms. 135 (с. 203–204).

⁵⁹⁵ Как в романских языках, так и на языке арауканов это слово женского рода.

⁵⁹⁶ Huinfali — местность в предгорьях Кордильер. Yem — в языке арауканов восклицание скорби и жалобы о том, что осталось в прошедшем, в частности о умерших.

⁵⁹⁷ Магическое призывание хорошей погоды.

⁵⁹⁸ Ст. 321–342 (пер. С. Апта). В рукописи выписки сделаны на греческом.

⁵⁹⁹ Ст. 263. Предводительница хора выступает как олицетворение народа, городской общины.

⁶⁰⁰ Ст. 169–170.

⁶⁰¹ Ст. 74–75.

⁶⁰² Ст. 695–697.

⁶⁰³ Ст. 715–717.

⁶⁰⁴ Ст. 818–819.

⁶⁰⁵ Ст. Эсхил. Агамемнон, ст. 1448–1454 (пер. С. Апта).

⁶⁰⁶ Ст. 1562–1564.

⁶⁰⁷ Ст. 1146–1149; 1156–1161.

⁶⁰⁸ Ст. 1167–1172.

⁶⁰⁹ Ст. 1225–1226.

⁶¹⁰ Ст. 1121–1124 (пер. мой. — П. Е.).

⁶¹¹ Эсхил, Эвмениды, ст. 299–302 (пер. мой. — П. Е.).

⁶¹² Там же, ст. 422–423.

⁶¹³ Там же, ст. 456–458 (пер. С. Апта; в иных случаях я предпочитал пользоваться своим.)

⁶¹⁴ Ст. 525, 534 (пер. мой. — П. Е.).

⁶¹⁵ Ст. 647–649 (пер. С. Апта).

⁶¹⁶ Эсхил, Хоэфоры, ст. 1021–1027 (пер. Вяч. Иванова).

⁶¹⁷ Эсхил, Эвмениды, ст. 104 (пер. С. Апта).

⁶¹⁸ Ст. 159–161 (пер. С. Апта).

⁶¹⁹ Ст. 233–234 (пер. мой. — П. Е.).

⁶²⁰ Ст. 261–263 (пер. мой. — П. Е.).

⁶²¹ Ст. 320–337 (пер. С. Апта).

- ⁶²² Пер. мой по французскому тексту Симоны. — П. Е.
- ⁶²³ Ст. 218–241 (пер. С. Апта).
- ⁶²⁴ Фр. 44 (пер. М. Гаспарова).
- ⁶²⁵ Пер. С. Шервинского и Н. Познякова.
- ⁶²⁶ Ст. 100–104 (здесь и далее пер. мой по французскому тексту Симоны. — П. Е.).
- ⁶²⁷ Ст. 806–816.
- ⁶²⁸ Ст. 781–800.
- ⁶²⁹ Нам уже известно, по какой причине Симона считала унижающим и нечистым соединением любви с «желанием». Ср. K1, ms. 9 (с. 70), — записи относительно ранние (1934), но Симона сохранила тот же взгляд и до конца. Однако, «гимн Эроту» — одно из наиболее высоко ценимых ею поэтических творений. То, что слово «желание» выписано специально, показывает готовность Симоны заново продумывать эту проблему.
- ⁶³⁰ Ст. 1019–1021 (пер. мой. — П. Е.).
- ⁶³¹ Ст. 174–177.
- ⁶³² Эсхил, Просительницы, ст. 346 (пер. мой. — П. Е.).
- ⁶³³ Там же, ст. 381–386 (пер. мой. — П. Е.). Симона отмечает, что задолго до христианства в «страннике» или «молящем» видели образ явления Божества, а в поступке милосердия — акт религиозный: «Греки верили, что «Зевс молящий» присутствует в несчастном, который взывает о помощи» (письмо к аббату Кутюрье). Эта идея развита ею более всего в работе «Любовь к Богу и несчастье». «Перенести свое существо в несчастного — это значит, на какой-то миг принять на себя его несчастье, взять добровольно бремя, которое, по определению, навязывается человеку принудительно и против воли. Это — дело невозможное. Это сделал только Христос. Это может сделать только Христос, и люди, вся душа которых принадлежит Христу. Вот они-то, перенося свое собственное существо в несчастного, которому оказывают помощь, вселяют в него (...) самого Христа.

Милостыня, которую подают таким образом, есть таинство, сверхъестественное действие, посредством которого человек, в котором живет Христос, реально вселяет Христа в душу несчастного. Хлеб, таким образом поданный, — если речь идет о хлебе, — равноценен причастию. Это не метафора и не догадка; это буквальный перевод слов самого Христа. Ибо Он говорит: «Мне вы это сделали». Итак, это Он — в голодном или нагом несчастном. Но не

вследствие голода или наготы, потому что само по себе несчастье не содержит никакого дарования свыше. Это возможно только лишь через само действие милостыни. Что Христос присутствует в том, кто подает совершенно чистым образом, это очевидно, — ибо кто может быть благодетелем Христа, если не Он сам? С другой стороны, легко понять, что только присутствие Христа в душе может вселить в нее истинное сострадание. Но Евангелие к тому же открывает нам, что подающий с подлинным состраданием — подает самого Христа» (Ф, с. 310–311).

⁶³⁴ Зевс Гостеприимец (*грез.*).

⁶³⁵ Ярость Зевса Молящего (*грез.*).

⁶³⁶ Anthologia Palatina, lib. IX, ep. 363 (мой перевод с французского текста Симоны. — П. Е.). Мелеагр Гадарский (ок. 130–70/60 до н. э.) — древнегреческий поэт-эпиграмматист. Уроженец г. Гадары (Сирия), большую часть жизни провел на острове Кос. Составитель первой антологии эпиграмм, куда включил, кроме сочинений древних поэтов и близких ему по времени александрийских лириков, и большое число собственных стихов.

⁶³⁷ Эсхил, Прометей прикованный, ст. 88–108 (пер. В. Нилендера). В переводе Симоны: «непобедима сила Необходимости». Ср. в ее статье «Любовь к Богу и несчастье»: Будем до глубины сердечной благодарны Богу за то, что Он поставил над нами как абсолютного правителя — свою рабу, бесчувственную, слепую, и безупречно послушную — необходимость. Она погоняет нас кнутом. Но нам, в этом мире подчиненным ее тирании, достаточно выбрать Бога в качестве нашего сокровища, утвердить в Боге наше сердце, и тогда мы увидим другую сторону этой тирании, ту сторону, которая есть чистое послушание. Мы — рабы рабыни, но мы и сыны нашего Владыки. Как бы она ни помыкала нами, нам подобает с любовью наблюдать ее собственное послушание, ибо мы — наследники. Каждый раз, когда она не делает того, что мы хотим, когда нудит подчиниться тому, чего мы не хотим, — нам дается возможность пройти сквозь нее любовью — и увидеть лицо послушания, которым она обращена к Богу. Счастливы те, кто часто имеют эту драгоценную возможность» (Ф, с. 301–302).

⁶³⁸ «Иша-упанишада» — одна из книг главного канона «Упанишад»; почитается в качестве священного текста всеми ответвлениями индуизма. Время ее записи относят к эпохе империи Маурьев (317–180 до н. э.)

- ⁶³⁹ Лео Фробениус (1873–1938) — немецкий этнограф-африканист, историк-культуры. С 1904 по 1918 г. совершил 12 экспедиций в Африку, собрал богатый материал по местным культурам, использованный им в теоретических работах. Автор теории «культурных кругов». Основал в 1920 г. Институт морфологии культуры в Мюнхене, с 1935 г. директор Музея этнографии во Франкфурте. Исследования Фробениуса сыграли большую роль в развенчании колониальных пропагандистских штампов «негритянской дикости». Большой частью опубликованы в 12-томной серии «Атлантида», выходящей в 1921–1928 гг.: *Atlantis. Volksmärchen und Volksdichtungen Afrikas. Veröffentlichungen des Instituts für Kulturmorphologie. Herausg. von L. Frobenius. 12 Bände. Jena, 1921–1928.*
- ⁶⁴⁰ Река в Центральной Африке, приток р. Конго, начинается в Анголе. Фиди Мукуллу — бог-творец мира в мифологии народа лулуа.
- ⁶⁴¹ Симона пропускает деталь: Фиди Мукуллу прибавляет: «Если ты меня не обмануло, то вернешься, когда пожелаешь».
- ⁶⁴² Миф о происхождении смерти (ров — образ смерти). Подобно сказанию библейской книги Бытия, он связывает явление смерти в мире с вкушением запретного плода и ложью Создателю.
- ⁶⁴³ Область Южного Судана. Эта и следующая новеллы, выписанные Симоной, принадлежат нилотским (нубийским) племенам, населяющим земли в верховьях Нила.
- ⁶⁴⁴ Софокл, Антигона, ст. 892–899 (пер. С. Шервинского и Н. Познякова). В СЕС текст дан в собственном переводе Симоны Вейль.
- ⁶⁴⁵ Шекспир, Король Лир, действие I, сцена 5, ст. 38–39; действие II, сцена 4, ст. 54–56, 115, 183–186, 265–277 (пер. Б. Пастернака). Симона выписывает их по-английски.
- ⁶⁴⁶ Текст надписи на египетских саркофагах эпохи Среднего Царства (см.: Moret A. *Histoire de l'Orient*. P., 1929, p. 451).
- ⁶⁴⁷ Пер. Д. Щедровицкого. Джордж Герберт (1593–1633) — английский поэт-метафизик. Выходец из аристократической и высококультурной семьи, другом которой был, в частности, Джонн Донн. Был лично известен королю Якову I, который прочил ему блестящую карьеру государственного мужа. В 1630 г. стал сельским священником; современники считали его человеком святой жизни. Умер от туберкулеза, уже больным подготовив к печати сборник стихов «*The Temple*» («Храм») и книгу наставлений сельским священникам.

Стихотворению Герберта «Любовь» Симона придавала исключительное значение в своем духовном формировании. Она позна-

комилась с ним в 1938 г. в аббатстве Солем, куда приехала вместе с матерью на время Страстной Седмицы. В это время она тяжело страдала от мучительных, почти не прекращавшихся головных болей. Вот как она сама пишет об этом в своем письме о. Ж.-М. Перрену, после ее смерти изданном в качестве ее «духовной автобиографии»: «Там был один молодой английский католик, который помог мне впервые представить сверхъестественную силу таинств: таким светом, поистине ангельским, светился он после причащения. Случай — мне всегда больше нравится говорить „случай“, нежели „Провидение“ — сделал его для меня настоящим вестником. Ибо он поведал мне об английских поэтах XVII века, которых называют „метафизиками“. Позднее, читая их, я нашла то стихотворение, которое читала Вам в переводе — к сожалению, совершенно неудовлетворительном — под названием „Любовь“. Я выучила его наизусть. Часто, в моменты самой острой боли в голове, я напряженно повторяла его со всем посильным для меня вниманием, проникая всей душой в ту нежность, которая в нем была заключена. Я думала, что читаю его просто как красивое стихотворение, но неведомо для меня это чтение обретало силу молитвы. Именно при одном из таких чтений, как я уже писала вам, сам Христос сошел и пленил меня» (Ф, с. 411). То, что Симона, зная эти стихи наизусть, переписывает их снова, можно понимать, вероятно, как род духовного упражнения. Имя юноши, познакомившего Симону с поэзией Дж. Герберта, — Чарльз Гринлиф Белл (1916–2010). Он был американцем; впоследствии приобрел определенную известность как поэт, эссеист и философ, в 1990-е гг. участвовал в работе Американского Вейлевского общества.

⁶⁴⁸ Шекспир, Мера за меру, действие IV, сцена 1, песня мальчика (пер. М. Зенкевича).

⁶⁴⁹ Пер. М. Квятковской. Теофиль де Вио (1590–1626) — французский поэт. Автор трагедии «Пирам и Фисба», лирических и сатирических (частью обценных) стихов, а также комической прозы. Получил скандальную известность разгульным образом жизни и открытым гомосексуализмом. По обвинению в богохульстве был приговорен к сожжению, провел два года в тюрьме в ожидании казни, помилован. Скончался вскоре после освобождения. Об отношении Симоны к этому поэту вспоминает поэт Жан Тортель, знавший ее в 1941–1942 гг. в Марселе: «Что до предметов ее восхищения — я лучше сказал бы, ее добычи — она не могла терпеть, чтобы кто-то другой

коснулся их так, как ей казалось недопустимым. (...) Она носила с собой *повсюду* ветхую книжку „Пирама и Фисбы“. Однажды между нами вышла ссора, когда я сказал ей, что Теофиль был, несомненно, безбожником. „Да как вы смеее утверждать, — кричала она, — что хотя бы чья-то совесть в то время могла обойтись без Бога!“ По ее мнению, я оскорбил Теофиля» (SP, p. 531).

⁶⁵⁰ Пер. И. Жданова. Кристофер Марло (1564–1593) — английский поэт, переводчик и драматург-трагик елизаветинской эпохи. По некоторым сведениям, находился на тайной службе правительства и в 1587 г., находясь во Франции, выполнял разведывательные поручения. Имея репутацию вольнодумца и содомита, Марло был привлечен к следствию, во время которого был убит в ссоре, возможно, подстроенной. На его «Трагическую историю о докторе Фаусте» Симона ссылается многократно.

⁶⁵¹ Эсхил, Агамемнон, ст. 1146–1149.

⁶⁵² Там же, ст. 1302–1303.

⁶⁵³ Там же, ст. 433–437.

⁶⁵⁴ Там же, ст. 461–462.

⁶⁵⁵ Там же, ст. 738–740, 742–743.

⁶⁵⁶ Софокл, Электра, ст. 1126–1131 (пер. С. Шервинского). То, что в переводе передано словом «милый мой», в подлиннике: ὦ παῖ, «мальчик», «дитя» — обращение матери к сыну.

⁶⁵⁷ Там же, ст. 1136–1137.

⁶⁵⁸ Там же, ст. 1143–1145.

⁶⁵⁹ Там же, ст. 1149–1151.

⁶⁶⁰ Там же, ст. 1165–1172.

⁶⁶¹ Цит. по: Bouveignes O. de. À propos des «Chants d'ébène en langue d'ivoire» // Yggdrasil, 1939, № 39, p. 253.

⁶⁶² Цит. по: Amrouche J. Chants berbères de Kabylie // Yggdrasil, 1939, № 39, p. 251–252. Жан (Эль-Мухув) Амруш (1906–1962) — алжирский франкоязычный поэт и писатель. Сын берберов, обратившихся в католичество. С детства жил вне родной страны, что предопределило ностальгическую тематику его стихов. В творчестве активно использовал фольклорно-эпические мотивы; в частности, цитируемый Симоной сборник сочетает элементы авторской и народной поэзии. С 1940-х гг. сотрудник Радио Франции, автор получивших широкую известность литературно-философских радиоциклов. В 1950-е гг. много выступал по колониальному вопросу, опираясь на идеи Симоны Вейль (см. об этом: Canciani D. Simone Weil et Jean

El-Mouhouv Amrouche. Un dialogue posthume // *Awal* (Cahiers d'études berbères), n° 30, P., 2004). Перенеся Алжирскую войну как свою личную трагедию, умер через несколько дней после подписания Эвианских мирных соглашений 1962 г.

⁶⁶³ Цит. по: Yggdrasil, 1937, № 2, p. 24.

⁶⁶⁴ Цит. по: *La poésie celtique, poèmes anciens et récents de l'Irlande* // Yggdrasil, 1938, № 30, p. 110–115.

⁶⁶⁵ Пер. мой. — П. Е.

⁶⁶⁶ Леон Гюбельс (лит. псевдоним: Оливье де Бувень; 1889–1966) — бельгийский юрист. В 1913–1952 гг. занимал высокие места в судебной системе Бельгийского Конго: пик карьеры — ген. прокурор суда в Леопольдвилле. Автор стихов, прозы, исторических сочинений. Вел большую общественную, литературную и исследовательскую работу, возглавляя комиссии по охране прав туземцев и по выявлению и классификации памятников местной истории и искусства. Собирал и издавал мифы, сказки и песни народов Конго. Собрав коллекцию африканской скульптуры, передал ее в Королевский музей в Брюсселе.

⁶⁶⁷ Yggdrasil, 1939, № 39, p. 248–251.

⁶⁶⁸ Эмиль Бенвенист (1902–1976) — выдающийся французский лингвист, специалист по индоевропеистике, общей теории языка и др.

⁶⁶⁹ Yggdrasil, 1937, № 4–5, p. 54–57.

⁶⁷⁰ Ум (примеч. Симоны).

⁶⁷¹ Имя Заратуштры используется символически.

⁶⁷² Атхарваведа, XII, 1 (пер. Т. Елизаренковой). Симона делает выписки по публикации: Yggdrasil, 1938, № 10, p. 161–164. Атхарваведа — четвертая, неканоническая Веда, отличающаяся от других Вед обилием включенных в нее магических заклинаний и заговоров, астрологических и медицинских текстов, что издревле ставило под сомнение ее авторитет в глазах брахманских школ.

⁶⁷³ Источник неизвестен. В сборнике «The English and Scottish popular ballads» (ed. F. J. Child, Boston, 1882–1889), на который стоит ссылка в издании СЕС, этой баллады нет. Пер. мой. — П. Е.

⁶⁷⁴ Выписаны из пятитомного собрания испанских народных песен: *Cantos populares españoles* / ed. F. R. Marín. Sevilla, 1882–1883. Об этой книге Симона пишет в письме к Антонио Атаресу, заключенному в лагере Верне: «Друг дал мне на прочтение, на несколько месяцев, сборник испанских coplas. Я списала для себя довольно много; такими прекрасными они оказались! Не знаю другой страны,

где среди народа жила бы подобная поэзия. Вы их, конечно, знаете больше, чем я; но может быть, вам будет приятно, если я иногда буду списывать вам по одной или по две. (...) А вы, взамен, могли бы по памяти написать сколько-нибудь для меня, когда будете мне отвечать» (письмо от 27 марта 1941; SP, p. 542).

⁶⁷⁵ Эта и следующая песни из разряда тюремных.

⁶⁷⁶ Так датируется Тетрадь в издании ЕС. По нашему мнению, она закончена до знакомства с Тибоном (7 августа 1941) и приезда вместе с ним в селение Сен-Марсель-д'Ардеш. Начало участия в сельских трудах не могло не отразиться в записях Симоны, придававшей этому опыту большую ценность. Кроме того, до самого конца Тетради сплошным потоком идут выписки из многочисленных индуистских источников, брать которые с собой в дальнюю поездку Симона вряд ли стала бы.

⁶⁷⁷ Знак поставлен на полях, означает «loi», закон (*фр.*).

⁶⁷⁸ Атман — одно из центральных понятий индуистской религии и философии: вечная, неизменная духовная сущность, Абсолют, осознающий свое собственное существование. Этот термин используется также для описания высшего «Я» человека и всех живых существ. Мистически пробужденный человек осознает себя как Атман: «Я не это, я ТО», т. е., «я есмь Абсолют, и это знаю».

⁶⁷⁹ Il a dimension du mond.

⁶⁸⁰ Фраза недописана.

⁶⁸¹ Знак поставлен на полях, означает «lecture», (про)чтение (*фр.*). Два последующие абзаца Симона повторила в наброске своей неоконченной статьи, так и озаглавленной — «Lecture».

⁶⁸² Выражение «посох слепого» приобретает для Симоны значение термина, как посредство нашей связи со Всем, посредство, в которое, в определенном смысле, переносится наше «я».

⁶⁸³ De perdre la perspective. Симона говорит об отказе от обычной перспективы, свойственной нашему зрению, которая ближние предметы делает большими, а дальние — малыми. Те же закономерности «перспективы», считает она, действует и в нашем отношении к людям и ко всему происходящему в мире. Страдания людей, отдаленных от нас очень большими расстояниями, океанами, расой или религией, доходят до нашего ума и сердца далеко не так, как равные или даже меньшие страдания тех, кого наше сознание выбирает в качестве «близких». Дальние народы, со всей их историей, опытом, культурой, современностью, повседневной жизнью, для нас заве-

домо менее значительны, чем мы сами, и большинство из нас не видит в этом никакой моральной проблемы.

⁶⁸⁴ Речь идет о характерной особенности китайской пейзажной живописи: многоплановой перспективе с высоким горизонтом, создающей впечатление взгляда с птичьего полета. Оно усиливалось изображениями дымки, тумана, расплывчатых очертаний дальних предметов. Работа китайских художников над пространством, соединяя в себе аскезу и священнодействие, поднималась к созерцанию, и имела, таким образом, теургический характер. Ср. китайские сказания о живописцах, подобных каким не знает европейская культура: «<У Даоцзы:> Зрители, пришедшие со всех концов Чанъани, обступили его плотной толпой, а чтобы нарисовать нимб, он поднял кисть и описал ею круг с такой силой, словно разразился смерч, и все вокруг подумали, что ему помогают сами боги. (...) <Фэн Шаочжэн:> Не успел художник нанести цвета, как с карниза слетел белый дракон и исчез в водах пруда. В тот же миг поднялись большие волны и небеса потемнели, а потом на глазах у нескольких сотен человек белый дракон вынырнул из воды и вознесся на струях испарений под самые небеса. Черные тучи заволокли небосвод, и разразилась гроза. Прежде чем закончился день, сладкая влага покрыла всю землю. (...) <Художник по прозвищу Ван-тушь:> Его рука откликлась воображению так чутко, словно он слился воедино с творческой силой мироздания. Охваченный божественным вдохновением, он воссоздавал на своих картинах облака и туманы и, разводя пятна туши, живописал ветер и дождь. (...) Когда несли его гроб, он казался совсем пустым. Говорят, что Ван-тушь превратился в небожителя» (Чжу Цзинсюань, Записки о прославленных художниках династии Тан; пер. В. Малявина).

⁶⁸⁵ БхГ, IV, 23–24, 35: «Когда он не привязан, свободен, / утвердил когда мысль свою в знанье, / когда действует лишь ради жертвы — / у него прекращается карма. / В жертвенном акте-Брахмане / приношение — также Брахман / приносится в жертву Брахманом / на огне энергии Брахмана. / Кто созерцает действие –Брахмана, / тот достигает Брахмана. / (...) И тогда всех существ увидишь / ты в себе и во Мне, Арджуна».

⁶⁸⁶ ЧУ, VIII, 3, 1–2 (с фр. перевода Э. Сенара). В русском переводе А. Сыркина пара «реальное-ирреальное» передана как «истинное-обманчивое». Чхандогья-упанишада (от «чханда» — гимн) — одна из наиболее ранних Упанишад.

- ⁶⁸⁷ БАУ, IV, 4, 13 по фр. переводу Э. Сенара, который, как мы видим, оставляет у Симоны сомнение. В русском переводе А. Сыркина: «проникшего в опасное недоступное место» (о теле вообще не говорится). Брихадараньяка-упанишада (букв. «Великие тайные лесные учения») — одна из древнейших (VIII–VII вв. до н. э.) и наиболее пространная в корпусе Упанишад, систематизирующая теологические, космологические, антропологические представления.
- ⁶⁸⁸ БАУ, IV, 4, 19 по переводу Э. Сенара.
- ⁶⁸⁹ Ср. Платон, Филеб, 16е–17а: «Идею же беспредельного можно прилагать ко множеству лишь после того, как будет охвачено взором все его число, заключенное между беспредельным и одним; только тогда каждому единству из всего <ряда> можно позволить войти в беспредельное и раствориться в нем. Так вот каким образом боги, сказал я, заветали нам исследовать все вещи, изучать их и поучать друг друга; но теперешние мудрецы устанавливают единство как придется — то раньше, то позже, чем следует, и сразу после единства помещают беспредельное; промежуточное же от них ускользает» (пер. Н. Самсонова).
- ⁶⁹⁰ «Всё, сколько». Подразумевается фраза: «все его число, заключенное между беспредельным и одним» из процитированного выше фрагмента.
- ⁶⁹¹ БАУ, IV, 4, 22; речь идет об Атмане. Пер. А. Сыркина в этом случае совпадает с переводом Э. Сенара, который выписывает Симона.
- ⁶⁹² Дао дэ цзин, 38, по фр. переводу П. Сале (Salet P. *Le Livre de la Vie et de la Vertu — Tao te King de Lao-tseu*. P., 1923). Сходен с ним русский перевод Ян Хиншуна: «Человек с высшим дэ не стремится делать добрые дела, поэтому он добродетелен; человек с низшим дэ не оставляет <намерения> совершать добрые дела, поэтому он не добродетелен».
- ⁶⁹³ Снова об Атмане. Ср. выше.
- ⁶⁹⁴ Но этот субъект не тождествен наличному человеческому «я». Это — атман.
- ⁶⁹⁵ Цицерон приписывает это изречение Бианту из Приены (590–530 до н. э.), одному из т. н. «семи мудрецов», жившему намного раньше Стои. По другим источникам, ее автором является Стильпон из Мегары (360 до н. э. — ок. 280 до н. э.), один из наставников основателя стоицизма Зенона Китийского.
- ⁶⁹⁶ Посредство (в данном случае между человеком и всем мирозданием, мыслимым в единстве). Этому слову, как в греческом варианте,

так и во французском (moyen или Médiateur, Посредник, когда речь идет о лице) придается важнейшее терминологическое значение во всей философии Симоны Вейль. См. везде ниже, особенно — в трактате «Комментарии к пифагорейским текстам».

⁶⁹⁷ Эту простонародную поговорку Симона Вейль повторит в трактате «Любовь к Богу и несчастье».

⁶⁹⁸ Ср. ЧУ, III, 12, 7–9: «Поистине, что <зывается> „Брахман“, то, поистине, и есть это пространство вне человека. Поистине, что есть пространство вне человека, то, поистине, и есть это пространство в человеке. Поистине, что есть пространство в человеке, то, поистине, и есть это пространство в сердце. Оно полно и неизменно. Кто знает это, тот получает полное и неизменное счастье».

⁶⁹⁹ Ср. K2, ms. 25 (с. 196).

⁷⁰⁰ Т. е. вместо отдельных лиц или вещей, ко всецелости мироздания. Надо учитывать это в связи с мыслями Симоны об отрешении в Тетрадах VI и VII.

⁷⁰¹ Симона выписывает абзац из наброска статьи «Lecture».

⁷⁰² Абзац отчеркнут на полях двойной чертой.

⁷⁰³ Эта метафора посредства будет далее повторяться многократно.

⁷⁰⁴ См. примеч. 696.

⁷⁰⁵ Arrache.

⁷⁰⁶ Похвала любовному чувству в «Федре» Платона (244–245, 251–256).

⁷⁰⁷ «Ваш сын убит» (англ.).

⁷⁰⁸ По классификации Спинозы, разделяющего «познание 1-го рода» — «мнение или воображение», 2-го — «рассудок» и, наконец, познание 3-го рода — «интуитивное знание», которое «ведет от адекватной идеи о формальной сущности каких-либо атрибутов Бога к адекватному познанию сущности вещей» (Этика, II, теорема 40, схолия 2).

⁷⁰⁹ Спиноза, Этика, V, теорема 39: «Имеющий тело, способное к наиболее многим действиям, имеет душу, наибольшая часть которой вечна. *Доказательство.* Кто имеет тело, способное к весьма многим действиям, тот всего менее волнуется дурными аффектами, т. е. аффектами, противными нашей природе. А потому он имеет способность приводить состояния тела в порядок и связь сообразно с порядком разума и, следовательно, достигать того, чтобы все состояния тела относились к идее Бога, а отсюда произойдет то, что он будет исполнен к Богу любовью, которая должна занять или со-

ставить наибольшую часть души, и, следовательно, он имеет душу, наибольшая часть которой вечна» (пер. Н. Иванцова).

⁷¹⁰ Неточная цитата (вероятно, по памяти) из Гераклита, фр. 53 DK. В пер. М. Дынника: «Война — отец всего и всего царь; одним она определила быть богами, другим — людьми; одних она сделала рабами, других — свободными».

⁷¹¹ «Семь мух» — из сказки братьев Гримм «Храбрый портняжка». Симона хочет сказать, что главное дело войны — воздействие на воображение. Как Портняжка, не имея реальной силы, основывался на воображаемой победе над «семерыми» (в реальности лишь семью мухами), так и любая военная сила. Так, например, террор, акции устрашения являются не свидетельствами и проявлениями реальной силы, а ударами по воображению.

⁷¹² Заповедь, первоначально данная в Моисеевом законе лишь применительно к соплеменникам: «Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего, как самого себя. Я Господь <Бог ваш>» (Лев 19:18). В проповеди Христа заповедь революционно переосмысливается, расширяясь на все человечество, поверх религиозных и этнических барьеров. Впрочем, в этом обновленном смысле она стоит только в Евангелии от Луки, которое считается обращенным к эллинизированным читателям, в том числе неевреям. У остальных евангелистов она просто цитируется с отсылкой к Моисееву закону. Ср. Мф 19:19, 22:39; Мк 12:31; Лк 10:27–37. В тексте Луки Христос, не оспаривая открыто прежнего прочтения, прибегает к помощи притчи: «Но он (законник. — П. Е.), желая оправдать себя, сказал Иисусу: а кто мой ближний? На это сказал Иисус: некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым. По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо. Также и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо. Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился и, подойдя, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и, посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем; а на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал ему: позаботься о нем; и если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе. Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам? Он сказал: оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же».

⁷¹³ Ср. КЗ, ms. 5 (с. 239).

⁷¹⁴ Если говорить не о единократном, а систематическом применении силы, ее воздействие тоже носит характер обучения. Войны это касается в особенности. И личности, коллективы, целые нации, сформированные, «воспитанные» войной (или другими кампаниями массового насилия) и даже ассоциирующие себя или с войной, или/и с системой подавления — реальность, примеры которой явил XX век.

⁷¹⁵ Снова пример из тоталитарных обществ: сила в сочетании с обучением (пропагандой, военно-трудовой тренировкой, поддержанием состояния всеобщей мобилизации) может «возвышать» индивид в воображении вместе с коллективом (партией, нацией), маленьким «винтиком» которого он является.

⁷¹⁶ Как правило, так и происходит. Военно-политический подъем государств обычно (хоть и не всегда) совпадает с культурным подъемом, и государства с охотой ставят прекрасное на службу своему престижу, силе и экспансии. Чистейшие примеры — расцвет искусства в Афинах времени Афинского морского союза, во Флоренции эпохи Медичи. В тоталитарных государствах XX в. такое использование тоже имело место, но внутренний террор и цензура, подавляя свободу творчества, подчас извращали самое понятие о прекрасном.

⁷¹⁷ Т. е. имеется в виду не история Жанны д'Арк как реальная человеческая судьба, а ее «история» как факт определенной идеологии. См. КЗ, ms. 78 (с. 279) и примеч. 718 и 870.

⁷¹⁸ Долгое время Симона отрицательно относилась к образу Жанны д'Арк, который в межвоенное время использовался в качестве символа право-националистическими силами. Ее не могло не отталкивать использование в военно-патриотической идеологии Франции — как, впрочем, и любой христианской страны — ветхозаветной парадигмы «священной войны». Ссылки Жанны д'Арк на прямое божественное откровение казались ей слишком похожи на якобы прямые указания свыше Моисею или Иисусу Навину: «истреби...», «разрушь...», «не оставляй в живых...». Но в интерпретации Жанны волей Бога являлась не война, не убийство врагов, а возвращение мира во Францию и сохранение в ней законного престолонаследия; об этом говорилось во всех ее письмах к англичанам, то же подтверждала она на процессе. Жанна не объявляла войну священной, она говорила лишь о своем посланничестве свыше. Арджуна,

идя на битву, выполняет свою дхарму, свою варновую обязанность кшатрия, свой долг царя. К этому, собственно, и склоняет его увещание Кришны. Жанна — не воин; христианство не знает понятия о варновом долге. (Феодальная присяга была весьма от него далека; она нередко делалась объектом кощунственных злоупотреблений и произвола, в том числе и при участии церковной иерархии.) Жанна вышла на историческую арену в момент, когда ни простонародье, ни знать, ни сам юный наследник престола не были способны на моральный выбор, который они, несомненно, должны были сделать: или покориться грубой силе иностранного вторжения, или воевать за независимость родины. Феодальная мораль к этому выбору не располагала; церковь того времени тоже трудно рассматривать как независимый нравственный авторитет. Жанна пришла к Карлу VII — и не только к нему, но и ко всем французам — подобно тому, как Кришна явился Арджуне. Естественно, она говорила на языке своей религии; но глубинное сходство между обеими историями кажется больше, чем различие.

⁷¹⁹ Ср. пришедшее в общеупотребительную русскую лексику из тюремного жаргона слово «беспредел».

⁷²⁰ Абзац отчеркнут на полях.

⁷²¹ Важно: итак, для Симоны воплощение Бога во Христе есть процесс в развитии. И окончательным это воплощение становится в богооставленности на кресте.

⁷²² Exterminations.

⁷²³ БАУ, IV, 4, 16 в переводе Симоны.

⁷²⁴ Ср. Мф 26:39: «Если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты». В Евангелии от Иоанна слова о чаше перенесены в сам момент ареста Иисуса и усилены: «Вложи меч в ножны; неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?»

⁷²⁵ Loi de temps, «закон времени».

⁷²⁶ Пифагорейское представление, поддержанное Платоном. Филолай (фр. 44 В 2 DK): «Все существующее должно быть пределом или беспредельным, или тем и другим вместе. Но быть пределом или только беспредельным оно не может. Вследствие того что, как оказывается оно не состоит ни исключительно из одного предела, ни исключительно из одного беспредельного, совершенно ясно, что мировой строй и все, что в нем, образовалось из соединения предела и беспредельного» (пер. А. Лосева). Ср. Платон, Филеб, 26a–b: «Разве не из этого, то есть не из смешения беспредельного и за-

ключающего в себе предел, состоят времена года и все, что у нас есть прекрасного? (...) Я уже не говорю о тысяче других вещей, например о красоте и силе в соединении со здоровьем, а также о многих иных прекраснейших свойствах души» (пер. Н. Самсонова). Стрелка проведена к абзацу «Являть мироздание...».

⁷²⁷ Декарт, Рассуждения о методе, 6.

⁷²⁸ «Искусство долговечно, жизнь коротка» (латинский перевод изречения Гиппократ).

⁷²⁹ ЧУ, VIII, 3, 1–2. Ср. в пер. А. Сыркина: «Эти истинные желания покрыты обманчивым, <хотя и> истинные — они имеют обманчивый покров. И когда кто-либо из <близких человека> умирает, то его не могут <больше> воспринять здесь зрением. Тех же своих <близких>, которые живы и которые мертвы, и то другое, что он желает, но не получает, он находит, уйдя туда, ибо там — его истинные желания, покрытые обманчивым». И дальше: «Подобно тому как люди, не знающие <истинного> местонахождения, снова и снова проходят над спрятанным <в земле> золотым сокровищем, не находя его, так же и все эти творения день за днем идут в мир Брахмана, не находя <его>, ибо им препятствует обманчивое».

⁷³⁰ Le besoin même.

⁷³¹ Apparaître.

⁷³² Подобно живописному произведению, где композицию создают предметы на различных планах.

⁷³³ Ин 21:18 (воскресший Христос — Петру).

⁷³⁴ В 1833 г. мальчики семьи Толстых, четверо братьев от 10 до 5 лет, составили тайное «муравейное братство» с целью, чтобы «все люди сделались счастливыми, не было ни болезней, никаких неприятностей, никто ни на кого не сердился и все любили бы друг друга». Для ее достижения полагалось выполнять определенные задания. Самым сложным считалось стать в угол и *не думать о белом медведе*. «Помню, как я становился в угол и старался, но никак не мог не думать о белом медведе», — писал спустя много лет Лев Толстой в «Воспоминаниях».

⁷³⁵ Эпизод из книги Александры Давид-Неэль «В краю благородных разбойников» (David-Néel A. Au pays des brigands gentilshommes. P., 1980, p. 193–200).

⁷³⁶ Modèle.

⁷³⁷ Эсхил, Хоэфоры, 923 (Орест — Эгисфу): «Не я, сам ты себя убиваешь». Симона приводит эту фразу в пример того, что сами дела,

которые мы совершили по свободному выбору, судят нас и воздают нам добро или зло через свои последствия.

⁷³⁸ Симона говорит о «невмешательстве», по ее убеждению, Бога в добро и зло, творимое людьми: злые дела не наказываются напрямую, они сами производят наказующие последствия.

⁷³⁹ Когда, например, фанатик убивает «врага Божьего», говоря, что через него лишь действовала «Божья рука». Так в ветхозаветных книгах истребление племен Ханаана, совершенное израильтянами под предводительством Моисея и Иисуса Навина, представляется как изволение и дело самого Бога.

⁷⁴⁰ Эсхил, Хозэфоры, 927 (Орест — Клитемнестре): «Судьба моего отца определяет твой жребий».

⁷⁴¹ Там же, 926 (Клитемнестра): «Кажется, что я, живая, умоляю могилу».

⁷⁴² Корнель, Полиевкт, действие 5, сцена 3.

⁷⁴³ Эпизод, описанный в книге Лоуренса «Семь столпов Премудрости» (гл. 44).

⁷⁴⁴ Ле-цзы, гл. 5: «У Фэй Вэя искусству стрельбы учился Цзи Чан. Фэй Вэй сказал ему: „Ты должен научиться не моргать, прежде чем начнешь рассуждать об искусстве стрельбы“. Цзи Чан пошел домой, лег под ткацкий станок своей жены и стал глядеть, как снует челнок. Спустя два года он уже не моргал, даже если его кололи в глаз шилом. Цзи Чан доложил Фэй Вэю о своем достижении, и тот сказал: „Этого еще недостаточно. Тебе нужно еще научиться смотреть, а уж потом можно и стрелять. Научись видеть малое как большое, смутное — как ясное, а потом приходи“. Чан подвесил у окна вошь на волосе яка и, повернувшись лицом к югу, стал на нее смотреть. Через десять дней вошь стала на его глазах увеличиваться в размерах, а через три года он уже видел ее огромной, как тележное колесо, остальные же предметы были для него величиной с холм или гору. Взял он лук, украшенный яньским рогом, вложил в него стрелу пэн, выстрелил и пронзил сердце вши, а волос даже не порвался. Доложил он об этом Фэй Вэю, и тот ударил себя в грудь, топнул ногой и воскликнул: „Теперь ты постиг искусство!“» (пер. В. Малавина)

⁷⁴⁵ В XI песни «Одиссеи» Одиссею, сошедшему в царство Аида, умершие предстают в виде — и в состоянии — «теней», «привидений». Когда герой спрашивает у явившейся ему матери, к которой ему не позволено прикоснуться, она ли это, «или призрак пустой», мать,

не давая прямого ответа, говорит: «Лишь горячая жизнь охладелые кости покинет: / *Вовсе тогда, улетевши, как сон... душа исчезает*» (ст. 221–222, пер. В. Жуковского).

⁷⁴⁶ Сократ считал необходимым отстаивать справедливость повсюду и всегда, где это было в его силах, но понимал, что в политической борьбе и в государственном управлении, при любом политическом строе, это обречено на неуспех. Ср. Платон, Апология Сократа, 31e–32a: «Нет такого человека, который мог бы уцелеть, если бы стал откровенно противиться вам или какому-нибудь другому большинству и хотел бы предотвратить все то множество несправедливостей и беззаконий, которые совершаются в государстве». Там же, 32a: «Кто в самом деле ратует за справедливость, тот, если ему и суждено уцелеть на малое время, должен оставаться частным человеком, а вступать на общественное поприще не должен». В своей жизни Сократ имел опыт служения на этом поприще, который едва не кончился для него смертью. Ср. там же, 32b–c: «Я, единственный из пританов, восстал против нарушения закона, и в то время, когда ораторы готовы были обвинить меня и посадить в тюрьму и вы сами этого требовали и кричали, — в то время я думал, что мне скорее следует, несмотря на опасность, стоять на стороне закона и справедливости, нежели из страха перед тюрьмою или смертью быть заодно с вами, желающими несправедливого». Там же, 32e–33a: «Кажется ли вам после этого, что я мог бы прожить столько лет, если бы занимался общественными делами, занимался бы притом достойно порядочного человека, спешил бы на помощь к правым и считал бы это самым важным, как оно и следует? Никоим образом, о мужи афиняне! И никому другому это не возможно. А я всю жизнь оставался таким, как в общественных делах, насколько в них участвовал, так и в частных, никогда и ни с кем не соглашаясь вопреки справедливости...» (пер. А. Егунова). Государство, II, 368b: «Боюсь, что будет нечестиво, присутствуя при поношении справедливости, уклоняться от помощи ей, пока ты еще дышишь и в силах подать голос. Самое лучшее — вступить за нее в меру сил» (пер. А. Егунова). Теэтет, 151d: «Просто я не вправе уступать лжи и утаивать истинное» (пер. Т. Васильевой).

⁷⁴⁷ Сократ считал свою деятельность служением Божеству, долгом религиозным, более важным, чем жертвы, мистерии (от посвящения в которые он отказался) и иные формы общепринятого культа. Ср. Апология Сократа, 30a, c: «Могу вас уверить, что так велит бог,

и я думаю, что во всем городе нет у вас большего блага, чем это мое служение богу. (...) Вот почему я могу вам сказать, афиняне: послушаетесь вы Анита или нет, отпустите меня или нет — поступать иначе, чем я поступаю, я не буду, даже если бы мне предстояло умирать много раз».

⁷⁴⁸ Т. е. можно ли сделать жизнь «чистой, прекрасной и полной», целиком подчинив ее великому творению (в любой области творческого труда), осознаваемому как призвание?

⁷⁴⁹ Эпизод кампании политических репрессий, устроенных «Вторым триумвиратом» (Марк Антоний, Октавиан Август и Марк Эмилий Лепид) в 43 г. до н. э., описанный Валерием Максимом (I в. н. э.) в «Достопамятных деяниях и изречениях» (VI, 8, 5). Имя этого знатного римлянина — Луций (по другим известиям — Гай) Плотий Планк.

⁷⁵⁰ 3 Цар 3, 16–28.

⁷⁵¹ Кажется, Симона соединяет здесь вместе дела отца Гракхов — Тиберия Семпрония — и соименного ему старшего из братьев, тоже участвовавшего в войне с испанцами, но в качестве дипломата. Один из редких в истории войн Рима случаев чистой и трогательной человечности. Жители Нуманции, испанского города, «окружили все римское войско и принялись оттеснять его к таким местам, откуда выбраться было уже невозможно, и Манцин (римский консул и военачальник. — П. Е.), отказавшись от надежды пробиться, отправил к неприятелю посланца с просьбой о перемирии (...). Нумантинцы ответили, что не питают доверия ни к кому из римлян, кроме Тиберия, и потребовали, чтобы консул прислал его (...) не только из уважения к молодому человеку, о котором много говорили в войске, но и храня память об его отце, Тиберии, который, завершив войну в Испании и покоривши множество народов, с нумантинцами заключил мир и всегда старался, чтобы римский народ твердо и нерушимо его хранил. Итак, послом был отправлен Тиберий и, кое в чем заставив врага уступить, кое в чем уступивши сам, завершил переговоры перемирием и спас от верной смерти двадцать тысяч римских граждан, не считая рабов и нестроевых.

Все захваченное в лагере имущество нумантинцы разграбили. В их руки попали и таблички с записями и расчетами Тиберия, которые он вел, исполняя свою должность, и так как для него было чрезвычайно важно вернуть эти записи, он с тремя или четырьмя провожатыми снова явился к воротам Нуманции, когда войско ушло

уже далеко вперед. Вызвав тех, кто стоял во главе города, он просил разыскать и принести ему таблички, потому что иначе он не сможет отчитаться в своем управлении и даст своим врагам в Риме повод его оклеветать. Нумантинцы были рады случаю оказать ему услугу и приглашали его войти в город; меж тем как он медлил в раздумии, они подошли ближе, взяли его за руки и горячо просили не считать их больше врагами, но дать полную веру их дружеским чувствам. Желая получить таблички и, вместе с тем, боясь озлобить нумантинцев недоверием, Тиберий решил уступить. Когда он вошел в город, граждане первым делом приготовили завтрак и хотели, чтобы он непременно с ними поел, потом возвратили таблички и предлагали взять все, что он пожелает, из имущества. Он не взял ничего, кроме ладана, который был ему нужен для общественных жертвоприношений, и, сердечно распрощавшись с нумантинцами, пустился догонять своих» (пер. С. Маркиша). Подобно своему отцу, Тиберий-младший ведет себя совершенно естественно и просто, руководимый одним — четким сознанием долга, но это вызывает у его военных противников реакцию, которую на языке Симоны Вейль можно назвать «сверхъестественной».

⁷⁵² Источник цитаты установить не удалось.

⁷⁵³ Эпизод из «Рамаяны», VII, 75–76 (согласно версии «Адьятма-Рамаяна»). Выходец из варны шудр по имени Шамбука с успехом занимался методом аскезы, который по традиции не был дозволен представителю его касты. Брахманы пожаловались царю Рама на то, что нарушение дхармы, допущенное Шамбукой, вызывает разлад в мироустройстве, и потребовали казнить виновного. Рама убил Шамбуку, и тут же душа казненного явилась ему, сказав, что смерть принесла ей благо, восстановив нарушенный порядок. На этот эпизод Симона ссылается в «Формах неявной любви к Богу»: «Согласно индусскому преданию, царь Рама, воплощение второго Лица Троицы, вынужден был, для предотвращения соблазна в народе, к своему крайнему сожалению, казнить одного человека низшей касты, который вопреки закону предался упражнениям религиозного аскетизма. Рама сам пошел, чтобы найти его, и убил его ударом меча. Сразу же после этого душа мертвого явилась царю и пала к его ногам, благодаря его за славу, которому даровал этому человеку удар того блаженного меча. Таким образом, казнь, которая была, в некотором смысле, вовсе несправедлива, но совершена согласно закону, которая была исполнена рукою самого Бога, получила полную

силу священного таинства» (Ф, с. 204–205). Эта притча получила для Симоны важное значение в ее размышлениях о возможности справедливого и не оскверняющего насилия. Однако даже в индуизме ее мораль принималась не без возражений. Например, в «Бхавишья-уттара-пуране» та же история, прилагаемая к древнему праведному царю Мандате, заканчивается иначе: получив совет от мудрых, царь, однако, отказывается убить аскета, и ему предлагают ввести взамен этого новый обет поклонения Кришне. Обет вводится, и космический порядок вновь приходит в равновесие.

⁷⁵⁴ Вероятно, Симона намечала сделать сравнительную сводку решений и поступков носителей власти, находившихся в близких исторических условиях, с точки зрения их мотивов. Под «законодателями», возможно, имеются в виду Солон, Ликург, Хилон.

⁷⁵⁵ Т. е. противников.

⁷⁵⁶ На месте слов в угловых скобках в рукописи оставлены пропуски с точками. В восстановлении текста следуем изданию СЕС.

⁷⁵⁷ Имеется в виду, вероятно, сокрушительное поражение, нанесенное карфагенской армией Ганнибала численно превосходящему войску римлян при Каннах (216 г. до н. э.).

⁷⁵⁸ Это фраза употреблена не как ходячий афоризм. Для Симоны искусство, по-пифагорейски, всегда есть выстраивание гармонии в соотношении непохожего, противоречивого. Ср. любимое ею выражение Валери, что музыка есть «способ выходить из молчания и возвращаться в молчание», а также наблюдения за ролью пустого пространства в живописи (на примере фресок Джотто). Ср. также мысли о красоте как о манифестации подлинной реальности. Искусство войны, таким образом, тоже есть восстановление нарушенной гармонии (как равновесного сочетания противоположностей) и возвращение в реальность из мечты. Победа, понимаемая как *уничтожение* или полное *подчинение* противника, противоречит этой концепции, равно как использование средств, морально унижающих противника или растлевающих нравственность населения враждебной страны. Подлинная победа, как и любое подлинное свершение — дело «внимания, руководимого любовью».

⁷⁵⁹ Последние два слова — поясняющая вставка Симоны.

⁷⁶⁰ Известный афоризм Клаузевица («О войне», I, 24). Карл фон Клаузевиц (1780–1831) — прусский офицер, участник войн с Наполеоном, военный теоретик и писатель-мемуарист. Участвовал в битвах при Йене-Ауэрштедте, Бородине, Витебске, Ватерлоо и др.

- ⁷⁶¹ К этой категории нельзя отнести целый ряд войн XIX в.: Отечественную войну 1812 г. и Кавказские войны в России, войну Пьемонтского королевства против Королевства Обеих Сицилий в 1859–1860 гг., Балканские войны 1870-х гг., не говоря уже о колониальных войнах европейских держав в Азии и Африке.
- ⁷⁶² Главное сражение австро-прусской войны 1866 г. при селении Садова в Чехии.
- ⁷⁶³ Имеется в виду, несомненно, франко-прусская война 1870–1871 гг.
- ⁷⁶⁴ Русский поход в Европу 1813 г.
- ⁷⁶⁵ Ср. «Семь столпов Премудрости», гл. 33.
- ⁷⁶⁶ ЧУ, VIII, 3, 1. Симона переводит этот фрагмент: «Эти желания суть реальные вещи, прикрытые ложным» (см. КЗ, ms. 14 (с. 246) и примеч. 729).
- ⁷⁶⁷ Ср. Илиада, XVIII, 98–101 (Ахилл — Фетиде): «Рад умереть я сейчас же, когда от опасности смертной / Друга не мог защитить я! Далеко от родины милой / Пал он, — и в этой беде я на помощь ему не явился! / В милую землю родную обратно уж я не вернуся...» (и далее).
- ⁷⁶⁸ Успех Канн и других сокрушительных побед карфагенян мог быть закреплен только при последовательной решимости уничтожить военную мощь Рима и установить в Италии господство Карфагена. Но Карфаген, опиравшийся на широкую коалицию государств и народов, защищавших от Рима свою независимость, *не мог* принять на себя роль абсолютного гегемона. Римляне были последовательнее: ставя цели чисто империалистические, они вели войну на уничтожение сильного противника. Третья пуническая война, начатая под лозунгом разрушения Карфагена, в этой перспективе была необходимым следствием Второй.
- ⁷⁶⁹ Симона ставит вопрос, не заключала ли в себе противоречие победа Антанты над Германией и ее союзниками в 1918 г.? Разгром, нанесенный Германии, мог удержать ее от реванша только ценой таких мер, как оккупация и долговременный прямой контроль за политической системой и экономикой страны. Симона в данном случае оценивает не моральную сторону политики держав-победителей, а внутреннюю логику процессов и событий.
- ⁷⁷⁰ Симона предлагает удержаться от перенесения оборонительной войны на территорию противника, а также от эксцессов мщения к солдатам (а тем более, к гражданскому населению) страны-агрессора. В предлагаемом ею варианте победа полностью сохраняет свою

чистоту, дающую оборонявшейся стороне неоспоримый нравственный перевес, который вынужден будет признать и противник; послевоенное же урегулирование будет восстановлением «гармонии в пифагорейском смысле» (см. K4, ms. 77, с. 361).

⁷⁷¹ Обычное для Симоны Вейль сопоставление-пропорция по типу: $a/b = c/d$.

⁷⁷² Замечание относится к какой-то из общественных дискуссий второй половины 1930-х гг., которые инициировал Ален в «Комитете бдительности интеллектуалов-антифашистов». Комитет был основан при его ближайшем участии в 1934 г.; уже к первого концу года деятельности объединял более 6000 членов. Издавался бюллетень «Vigilance» («Бдительность»), в котором обсуждалось положение в Европе и политические и нравственные проблемы выбора французской интеллигенции перед лицом растущего военного противостояния между Германией и СССР.

⁷⁷³ Аллюзия на платоновский «миф о Пещере».

⁷⁷⁴ Размышления представляют собой комментарий на рассуждение Платона о поиске беспредпосылочных, первых начал (Государство, VI, 510–511).

⁷⁷⁵ Образы теней и огня из «мифа о Пещере».

⁷⁷⁶ Arrangences. Ср. комментарий Симоны к «мифу о Пещере» в статье «Бог по Платону» (февраль–март 1942): «Мы рождаемся и живем в обмане (*mensonge*). Нам дан только обман. Даже — мы сами; мы думаем, что видим себя самих, но видим только тени себя самих. «Познай сам себя»: в Пещере эта заповедь невыполнима. Мы видим только тени измышленного (*fabriqué*). Этот мир, где мы находимся и видим только тени (кажимости), есть искусственная вещь, игра, иллюзия (*simulacre*). (...) Бытие, которое поистине есть бытие, мир умопостигаемый, *производится (produit)* Высшим Благом, протекает (*émane*) из Высшего Блага. Материальный мир *измышлен*. (...) Мы рождаемся и живем в пассивности. Мы не обманываем себя сами. Образы проходят перед нами, и мы ими живем. Мы ничего не выбираем. Все, что мы переживаем в каждое мгновение, есть то, что предлагается нам кукловодом, хозяином марионеток» (СЕС, t. IV, vol. 2, p. 96; пер. мой. — П. Е.).

⁷⁷⁷ Вертикальная черта проведена на полях до конца абзаца.

⁷⁷⁸ La rend transportable.

⁷⁷⁹ Т. е. при определенном прочтении этих вещей. Так, например, применение германскими айнзацгруппами на оккупированных терри-

ториях т. н. «газвагенов» могло порождать страх перед любым большим автофургоном.

⁷⁸⁰ Т. е. имеется в виду не страх перед насилием и унижением извне, а перед внутренним сознанием бесчестия.

⁷⁸¹ Декарт, Правила для руководства ума, 3: «Под интуицией я подразумеваю не зыбкое свидетельство чувств и не обманчивое суждение неправильно слагающего воображения, а понимание (*consertum*) ясного и внимательного ума, настолько легкое и отчетливое, что не остается совершенно никакого сомнения относительно того, что мы разумеем, или, что то же самое, несомненное понимание ясного и внимательного ума, которое порождается одним лишь светом разума и является более простым, а значит, и более достоверным, чем сама дедукция...» (пер. М. Гарнцева). Здесь же Декарт отмечает, что такое понимание интуиции является новым, отличным от общепринятого.

⁷⁸² Манас (от *санскр.* *man* — думать, знать, рассматривать) — понятие индийской философии и психологии, меняющее оттенки значения в зависимости от философской системы, но в целом означающее: ум, рассудок, мыслительная способность, инструмент мышления, иногда сам по себе бессознательный. Манас часто понимается как «невысший», эмпирический ум, в отличие, например, от буддхи (интеллекта).

⁷⁸³ БАУ, I, 3, 2–7. Когда оказывается, что асурам (демонам) удастся поставить на службу злу все способности человека, боги «сказали жизненному дыханию во рту: „Пой для нас“. — „Хорошо“, — <сказало оно>, и это дыхание стало петь для них. <Асуры> узнали: „Поистине, нас одолеют с помощью этого певца“ — и, набросившись на него, хотели поразить его злом. И подобно тому, как, ударившись о камень, рассыпается ком земли, так и они рассыпались в разные стороны и погибли. Так устояли боги и пали асуры. Кто знает это, тот устоит благодаря самому себе, а ненавидящий его враг падет» (пер. А. Сыркина).

⁷⁸⁴ Там же, I, 3, 10–16.

⁷⁸⁵ *Abaisse*. Мы переводим буквально этот термин Симоны, который затем будет употребляться довольно часто. Это означает: за понижением уровня черпаемой энергии понижается нравственная чистота деяния, а следом и уровень самой личности действующего.

⁷⁸⁶ *Retournements*. Перемены в идеалах, взглядах, методах; перерождения (религий, движений и т. д.).

- ⁷⁸⁷ *Sentiment*. Слово с более широким смысловым полем, чем русское «чувство», ибо включает в себя и «сознание», «понимание».
- ⁷⁸⁸ Иисус в Гефсиманском саду, оставив учеников, «отошел от них на вержение камня, и, преклонив колени, молился, говоря: Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! впрочем не Моя воля, но Твоя да будет» (Лк 22:41). В подобных словах Его молитва передана и у Матфея и Марка.
- ⁷⁸⁹ В оригинале: *d'autres esprits*, «других умов». Не описка ли вместо: *d'autres êtres*, «других существ»?
- ⁷⁹⁰ Кажется, Симона по опыту работы на заводе вспоминает, что являлось причиной ошибок при пользовании блочным подъемником (талью), для проведения аналогии.
- ⁷⁹¹ Брахман — в ведийской философии надличностный абсолют, «душа мира», первооснова всех вещей и явлений. Характеризуется только апофатически: бесконечный, неизменный, неподвижный. Истинная реализация человека состоит в личностном восприятии им Брахмана в качестве своего индивидуального Атмана, высшего запредельного «Я»; т. е. Атман и Брахман сходятся в трансцендентальной тождественности.
- ⁷⁹² Замечание Симоны.
- ⁷⁹³ Симона сравнивает сказание Упанишад о превращениях Первозженщины с подобным мотивом в песне Магали из поэмы Ф. Мистраля «Мирей». БАУ, I, 4, 3–4: «Поистине, он (Атман, принявший вид Первочеловека-пуруши) не знал радости. Поэтому тот, кто одинок, не знает радости. Он захотел второго. Он стал таким, как женщина и мужчина, соединенные в объятиях. Он разделил сам себя на две части. Тогда произошли супруг и супруга. (...) Он сочетался с нею. Тогда родились люди. И она подумала: «Как может он сочетаться со мною после того, как произвел меня из самого себя? Что же — я спрячусь». Она стала коровой, он — быком и сочетался с ней; тогда родились коровы. Она стала кобылой, он — жеребцом; она ослицей, он — ослом и сочетался с ней; тогда родились однокопытные. Она стала козой, он — козлом; она — овцой, он — бараном и сочетался с ней; тогда родились козы и овцы. И так то, что существует в парах, — все это он произвел на свет, вплоть до муравьев» (пер. А. Сыркина). Подобным образом, хоть и на словах, в поэме «Мирей» происходит любовная игра Магали с влюбленным в нее юношей: она обещает обратиться в рыбку, в птицу, в травинку, в облако, в солнечный луч, в луну, в розу, в дерево, в монахиню

и, наконец, в покойницу. Каждый раз юноша находит, в кого ему обратиться в свою очередь, чтобы настигнуть предмет своей страсти. Автор — Фредерик Мистраль (1830–1914), провансальский поэт, фольклорист, собиратель лексики провансальского (окситанского) языка. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1904 г.

⁷⁹⁴ Indirectement.

⁷⁹⁵ Увы, насилие, подкрепленное мощной пропагандой, бывает способно навязать побежденным то прочтение самих себя, которое нужно победителям.

⁷⁹⁶ Эпизод Тридцатилетней войны. 10 мая 1631 г. протестантский Магдебург после ожесточенного штурма был взят войсками Католической лиги, разграблен и сожжен. Из 30 тысяч населения в живых осталось не более пяти тысяч. «Воистину не было видано большего ужаса и божественного суда со времен разрушения Иерусалима. Все наши солдаты стали богачами. С нами Бог!» — писал командовавший штурмом генерал Готфрид Паппенгейм.

⁷⁹⁷ Pour.

⁷⁹⁸ Ср. Илиада, VIII, 69; XXII, 209.

⁷⁹⁹ Ср. КЗ, ms. 93 (с. 289).

⁸⁰⁰ Симона пытается сблизить отрешение от привязанностей по БхГ с отрешением по Евангелию, с его «предоставь мертвым погребать своих мертвецов» (Мф 8:22). Сличим оба наставления. Учение «Гиты»: «То, чем весь этот мир пронизан, / разрушенью, знай, неподвластно; / это непреходящее, Партха, / уничтожить никто не может. / Лишь тела эти, знай, преходящи / Воплощенного; Он же — вечен. / Не погибнет Он, неизмеримый: / потому — сражайся без страха! / (...) Никогда не рождаясь, Он не умирает, / Он не тот, кто, родившись, больше не будет: / нерождаемый, вечный, древний, бессмертный, / Он при гибели тела не гибнет» (БхГ, II, 17, 18, 20). Евангелие: «Не мир пришел Я принести, но меч; ибо Я пришел разделить человека с отцом, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф 10:34–38). «Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть моим учеником» (Лк 14:26). Как видим, подходы весьма различны. Новый Завет предлагает адепту осознать неразрешимость внутреннего конфликта в родственном круге; в целях

духовного преуспевания боголюбец должен переступить (подчас физически) через тех, кто из родственных (коллективных или, напротив, эгоистических) побуждений этому преуспеванию мешает. Для этого они и объявляются «мертвецами», гниением которых живому естественно гнущаться. «Гита» же в ситуации самого настоящего смертельного конфликта не объявляет врагов Арджуны «непросвещенными», «заблуждающимися», «врагами Божиими»; подобные суждения противоречили бы отрешению йогина. «Гита» утешает его тем, что внешние, наружные конфликты примиряются на мистическом уровне, где нет ни рождения, ни смерти. Атман, вечное, негибнущее начало, живет во всех — и в Арджуне, и в его противниках — и не может быть уничтожено смертью.

⁸⁰¹ Симона так называет сознательный выбор Ахиллом смерти в бою (см. песнь XVIII).

⁸⁰² Возможно, здесь Симона вспоминает Толстого, отмечающего диаметрально противоположность в оценке Бородинской битвы Кутузовым, с одной стороны, и полководцами французского лагеря, а также историками-почитателями Наполеона, с другой (Война и мир, т. III, ч. 2 и 3).

⁸⁰³ Ср. Лк 22:41.

⁸⁰⁴ Хуан де Йепес Альварес (1542–1591) — испанский мистический писатель и поэт, реформатор ордена кармелитов. За свою деятельность по восстановлению аскетического и созерцательного характера ордена подвергался преследованию и тюремному заключению. В тюрьме приступил к созданию своих наиболее известных аскетических и стихотворных произведений («Восхождение на гору Кармель», «Темная ночь души», «Духовная песнь», «Живое пламя любви»). Канонизирован в 1726 г., в 1926 г. причислен к лику «Учителей церкви». Симона прочла сочинения св. Хуана осенью 1941 г. В декабре она пишет своему брату Андре: «Читал ли ты св. Хуана де ла Крус? Сейчас это то, что занимает меня больше всего. Еще мне дали санскритский текст «Гиты» в латинской транскрипции. В том и другом есть мысли чрезвычайно сходные. Мистика всех стран идентична» (цит. по: SP, р. 596; пер. мой. — П. Е.).

⁸⁰⁵ Илиада, XVIII, 112 и др.: «перенесем случившееся».

⁸⁰⁶ Повтор в оригинале.

⁸⁰⁷ Андре Омбретан (1898–1958) — французский психолог, врач-психиатр и философ, автор ряда исследований по нейропсихологии, получивших международное признание. В 1930-е гг. заведующий

лабораторией психологии детства при Практической школе высших исследований (Париж); в годы войны — в эмиграции в Бразилии.

⁸⁰⁸ Все эти примеры из арауканского фольклора см. K2, ms. 80 (с. 205–206). Кроме «Жены мертвеца», они основаны на повторениях.

⁸⁰⁹ Interférence.

⁸¹⁰ Приведенная по памяти цитата из египетской «Книги мертвых» (исповедание умершим своих грехов перед Осирисом, § 24).

⁸¹¹ Ср. БАУ, I, 3, 2–17. «Жизненное дыхание во рту» — единственное, что осталось в человеке не поражено злом, когда все его чувства сумели подчинить себе демоны-асуры. БАУ называет его «сущностью членов тела». Ср. K3, ms. 28 (с. 254–255).

⁸¹² Мен де Биран (полн. имя Мари Франсуа Пьер Гонтье де Биран; 1766–1824) — французский философ и политик, деятель образования. Противник революции 1789 г., роялист, счастливо избежал якобинских репрессий. После Термидора избирался в Законодательное собрание, принимал участие в местном самоуправлении при Наполеоне, после Реставрации член Государственного совета (с 1816). При жизни почти не публиковал своих сочинений и как философ не был известен. Изучение его наследия началось лишь после середины XIX в. Родоначальник французского спиритуализма, один из основателей метода самонаблюдения в психологии. Создал оригинальное учение о волевом усилии, в котором нам непосредственно открывается деятельность нашего внутреннего «я». Взгляд Мен де Бирана на Бога как на «универсальное „Я“», его учение о едином «внутреннем Откровении», которому следовали философы и мистики разных народов, оказали сильное влияние на формирование религиозной позиции Симоны Вейль.

⁸¹³ «Умереть» здесь имеет смысл: «отвергнуть себя прежнего».

⁸¹⁴ Ср. запись разговора в K1, ms. 22 (с. 75).

⁸¹⁵ Оно служит тем «орудием», с помощью которого от власти смерти избавляются все чувства человека (БАУ, I, 3, 12–18).

⁸¹⁶ Voyageuse.

⁸¹⁷ Гарпагон — персонаж комедии Мольера «Скупой» (1668). Не любя ничего, кроме своих денег, он прячет их в шкатулке, зарытой в саду. Шкатулку выкрадывают, Гарпагон в страшном горе. Из разговора Гарпагона с Валером, претендентом на руку его дочери: «Валер. Воля ваша, действуйте как вам угодно, я готов снести любую месть. Но прошу вас верить: если тут и есть какой-нибудь проступок, я один в ответе, моя вина, а ваша дочь ни в чем не виновата. Гарпагон.

Ну, еще бы! Было бы очень странно, если б она стала твоей со-
общницей. Однако перейдем к делу. Признавайся, где ты ее спрятал.
Валер. Нигде не спрятал. Она дома. *Гарпагон (в сторону)*. Милая
моя шкатулочка! (*Громко.*) Так ты еще не уволок ее из дома? *Ва-*
лер. Нет, сударь. *Гарпагон*. А скажи, ты не того?.. Нисколько на нее
не посягнул? *Валер*. Я? Посягнуть? Такое подозрение — горькая
обида и для нее и для меня. Я пылал к ней любовью столь почти-
тельной... *Гарпагон*. Пылал любовью? К моей шкатулке? *Валер*. Да
я бы лучше умер, чем дозволил себе хотя бы помыслы бесчест-
ные! Слишком она разумна и добродетельна, чтобы я дерзнул. *Гар-*
пагон (в сторону). Добродетельна! Шкатулочка моя! *Валер*. Я лишь
одного хотел: наслаждаться созерцанием ее прелести, и ни одно
преступное желание не оскверняло страсть, которую мне внушили
ее прекрасные глаза. *Гарпагон (в сторону)*. Прекрасные глаза моей
шкатулки! Подумайте, говорит о ней, как влюбленный о своей воз-
любленной...» (пер. Н. Немчиновой).

⁸¹⁸ Стрелка проведена вверх, к словам: «Объективное, всеобщее...».

⁸¹⁹ «Гений» здесь в смысле: «дух». Аллюзия на сказку братьев Гримм
«Дух в бутылке».

⁸²⁰ См. примеч. 791.

⁸²¹ *Insensés*.

⁸²² КнУ, II, 3. По французскому переводу Рене Домая, который и озна-
комил с этим текстом Симону: «Тот, кто не имеет мысли о нем (о
Брахмане. — *П. Е.*), тот мыслит его; тот, кто имеет мысль о нем, тот
его не знает. Он неведом разумению тех, которые прилагают к нему
свое разумение; теми же, которые не пытаются приложить к нему
свое разумение, он разумеваем». Симона, как нам кажется, наме-
ренно сближает индусское изречение со словами Иисуса: «Слаблю
Тебя, Отче, Господи неба и земли, что ты утаил это от премудрых
и разумных и открыл то младенцам» (Мф 11:25), и ап. Павла: «Ибо
когда мир *своею* мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то
благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих. (...)»
Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых» (1 Кор 1:21,
27). Но в КнУ акцент делается иначе, чем в Новом Завете.

⁸²³ КУ, I, 1, 3–4. Катха-упанишада датируется временем после V в. до н. э.,
так как в ней отмечены влияния буддизма. Первая из Упанишад,
получившая известность в Европе (в переводе на фарси).

⁸²⁴ Там же, I, 1, 5. Здесь же употреблен образ чувств как «непослушных
коней», напоминающий тот же образ в платоновском «Федре».

- ⁸²⁵ Прана (букв. «дыхание» или «жизнь») — жизненная энергия, пронизывающая «праническое тело» организма. Аналог энергии ци в даосизме.
- ⁸²⁶ Там же, I, 1, 9.
- ⁸²⁷ Манас — рассудок, мыслительная способность, инструмент мышления, который координирует данные органов чувств и внутренние состояния, руководит органами действия в выполнении решений воли, и вообще посредствует между витально-физической системой и высшей частью сознания (в приведенном примере из БАУ — буддхи, т. е. интеллектом). Французское слово *sentiments*, употребленное здесь Симоной, кажется выражающим близкий смысл, ибо тоже соединяет увствленную и мыслительную сферы.
- ⁸²⁸ Аллюзия на КУ, II, 2, 3: «Все божества поклоняются тому почитаемому, восседающему посередине (Брахману. — П. Е.), увлекающему прану вверх и уводящему апану вниз» (пер. А. Сыркина). Апана — один из основных пяти видов праны, находящийся внизу живота и отвечающий за выделительные функции и семяизвержение.
- ⁸²⁹ Краткое изложение МяУ, 1–7. Мандукья-упанишада большинством ученых датируется I–II вв.
- ⁸³⁰ МУ, III, 1, 1. Ср. интерпретацию Симоны в «Формах неявной любви к Богу»: «Возможно, что пороки, извращения и преступления почти всегда — или даже всегда — по сути, представляют собой попытки «съесть» прекрасное, съесть то, на что можно только смотреть. Первой это сделала Ева. Если она погубила человеческий род тем, что съела плод, — следовательно, противоположное поведение, — то есть, смотреть на плод, не пытаясь его съесть, — должно быть тем, что спасет человечество. «Две пернатых подружки, — сказано в Упанишадах, — две птицы сидят на одной ветке дерева. Одна клюет плоды, а другая смотрит на них». Эти две птицы суть две части нашей души» (Ф, с. 220).
- ⁸³¹ «Ом» («аум»), в индуистской традиции — сакральный звук, начальная мантра. Понимается как символ божественной триады Брахмы, Вишну и Шивы. По преданию, был первым проявлением Брахмана, дав начало воспринимаемой Вселенной, которая произошла от вибрации, вызванной этим звуком. В качестве мантры перешел в буддизм. См. также примеч. 840.
- ⁸³² В русском издании разделение на части иное: МУ, II, 2, 3–4. Благодатью Симона называет утверждение Атмана в сердце человека, о котором идет речь далее (МУ, III, 5–12).

- ⁸³³ ПУ, 6, 5–6 (во французском издании порядок и нумерация глав отличаются).
- ⁸³⁴ Фраза записана сокращенно; смысл восстанавливаем предположительно.
- ⁸³⁵ Император ацтеков Монтесума II (1466/67–1520). Симона заимствует этот факт из книги конкистадора Берналя Диаса дель Кастильо «Правдивая история завоевания Новой Испании» (1632).
- ⁸³⁶ Полибий (Всеобщая история, XXXIX, 6, 24) и за ним Аппиан (Римская история, XVII, 132) свидетельствуют, что плакал над гибелью Карфагена один Л. Корнелий Сципион, говоря о таком поведении как о чем-то весьма необычном. Но и Сципион, кажется, хотел избежать толков о «неуместном» сострадании врагу: «Потом, намеренно ли или невольно потому что слово само сорвалось с языка, Сципион воскликнул: «Будет некогда день, и погибнет священная Троя, / С нею погибнет Приам и народ копьеносца Приама». Когда Полибий (...) прямо спросил Сципиона, как понимать его слова, тот, говорят, не постеснялся сказать откровенно, что боится за отечество при мысли о бренности всего человеческого» (пер. Ф. Мищенко).
- ⁸³⁷ Очевидно, в случае, если этот другой — твой военный или политический противник.
- ⁸³⁸ *Sera passé.*
- ⁸³⁹ Вставка Симоны.
- ⁸⁴⁰ По учению «Мандукья-упанишады», слог «ом» соответствует четырем ступеням постижения Атмана. Ср. КЗ, ms. 69–70 (с. 272–273) и МяУ, 1, 12: «Ом! Этот звук — все это. Вот его разъяснение: Прошедшее, настоящее, будущее — все это и есть звук Ом. И то прочее, что за пределами трех времен, — тоже звук Ом. Так звук Ом и есть Атман» (пер. А. Сыркина).
- ⁸⁴¹ Дхарма — в одном из аспектов, совокупность установленных норм и правил, соблюдение которых необходимо для поддержания космического порядка. В другом аспекте, под «дхармой» подразумевают неделимые единицы бытия (напр. в буддизме). Также, в зависимости от контекста, дхарма может означать «нравственные устои», «религиозный долг», «универсальный закон бытия» и т. п.
- ⁸⁴² Неизмерима, очевидно, до получения всех плодов действия. А они, в виде прямых и косвенных последствий, тянутся, собственно говоря, в бесконечность.
- ⁸⁴³ Рамаяна, VI, 107; VII. Жена царя Рамы, прекрасная и целомудренная Сита, чудесно рожденная из земной борозды во время ритуальной

пахоты, похищена демоном Раваной. Рама, в тяжелой войне победив Равану, освобождает Ситу, но, подозревая, что ее честь осквернена демоном, отправляет ее от себя. Чтобы доказать свою непорочность, Сита входит в разожженный костер и остается невредимой. Рама с радостью принимает ее. Но и после этого, когда царица беременеет двойней, людская молва продолжает порочить ее и царя, якобы покрывшего ее «скверну». Не в силах терпеть укор, Рама отправляет супругу к отшельнику Вальмики. Здесь она благополучно разрешается от бремени. Когда оба сына вырастают, она приходит с ними к мужу, чтобы вновь засвидетельствовать свою чистоту. Сита обращается с молитвой к своей матери Дхарани, богине земли, прося принять ее в свой чертог, если она невинна. Богиня является воочию перед царем и, обняв дочь, уносит ее в свое царство. Рама остается в безутешной печали и, передав царство сыновьям, становится аскетом.

Интересно отметить, что в древнерусском сказании о свв. Петре и Февронии князь Петр в сходной ситуации делает противоположный выбор: когда ему предлагается или отослать от себя жену, или оставить княжение, он оставляет княжение; через какое-то время недовольные им бояре и горожане сами приходят просить его возвращения на престол. В отличие от Рамы, Петр исходит из христианского понятия о личной праведности, личной нравственной чистоте, что, по учению Христа, стоит дороже исполнения социальных обязанностей. Даже и социальное служение в этом понимании является всегда личным подвигом, который может быть хорошо исполнен, лишь не вступая в конфликт с личным благочестием.

⁸⁴⁴ Ср. примеч. 753.

⁸⁴⁵ Примечание А. Деграс в издании ЕС: «Это было бы концом кастовой системы и, согласно теории четырех эпох этого цикла, возвещало бы погружение в Кали-югу, эру, предшествующую космическому распаду». Обучение шудры Ведам и аскезе строго запрещено законами Ману (III, 80–81).

⁸⁴⁶ *Sambriolage*. По контексту представляется, что здесь Симона имеет в виду не похищение имущества, — ибо относительно этого невозможно говорить о дхарме, — но похищение как форму брака, которую законы Ману разрешают для кшатрия. III, 33: «Похищение из дома кричащей и плачущей девушки силой, сопровождаемое убийствами, ранениями и разрушениями, называется обрядом *ракшаса*». Понятно, что речь идет о браке с девушкой, взятой в качестве

военной добычи. Поскольку дхарме кшатрия приличествует все, совершаемое на войне, то, по мнению индийских учителей, брак ракшаса чист, и от него, как и от других «безукоризненных форм», «рождаются сыновья, сияющие знанием Вед, одобряемые учеными людьми; одаренные качествами красоты и доброты, богатые, славные, имеющие в изобилии блага, наиправеднейшие, они живут сотню лет» (там же, III, 39–40; пер. С. Эльмановича и Г. Ильина). Характерно, что де-факто и христианские и мусульманские общества в прошлом признавали такую форму брака допустимой для воинских сословий или воинственных племен.

⁸⁴⁷ Ср. у Толстого в «Войне и мире» о Кутузове: «У него не будет ничего своего. Он ничего не придумает, ничего не предпримет, — думал князь Андрей, — но он все выслушает, все запомнит, все поставит на свое место, ничему полезному не помешает и ничего вредного не позволит. Он понимает, что есть что-то сильнее и значительнее его воли, — это неизбежный ход событий, и он умеет видеть их, умеет понимать их значение и, ввиду этого значения, умеет отрекаться от участия в этих событиях, от своей личной воли, направленной на другое» (т. III, ч. 2, гл. 16).

⁸⁴⁸ Envelope. Другой вариант перевода: «прикрывает собой».

⁸⁴⁹ См. ниже, КЗ, ms. 90 (с. 287–288) и примеч. 913.

⁸⁵⁰ Сокращенное содержание МяУ, 9–12.

⁸⁵¹ Сокращенная цитата из БАУ, I, 4, 17: «О, если бы была у меня жена, чтобы я мог произвести потомство, если б я имел богатство, если б я мог совершать дела!» И пока у него нет чего-то из этого, он чувствует себя неполным. Вот его полнота: мысль — его атман, речь — его супруга, дыхание — его потомство, зрение — его богатство (...). Он обретает все сущее — тот, кто знает это» (с фр. пер. Э. Сенара).

⁸⁵² Обычное, в стиле Симоны Вейль, представление аналогий в виде формул пропорциональности. Ср. формулировку в ПУ, 3, 3: «Как тень исходит от человека, так прана исходит из Атмана» (пер. И. М.). Симона вставляет сюда еще одну формулу аналогии, часто повторяемую в Катха-упанишаде: «Это — то» (КУ, II, 1, 3 и сл.).

⁸⁵³ ТУ, II, 5, 1. В пер. А. Сыркина: «Оставив в теле свои грехи».

⁸⁵⁴ БАУ, I, 5, 15: «Этот Атман — ступица колеса, имущество — обод колеса. Поэтому когда <кто-нибудь> теряет все, но его Атман живет, то говорят, что он потерял обод колеса. Как спицы в колесе, так скреплены в нем части. Познай его, и смерть потеряет власть над ними!» (пер. А. Сыркина).

⁸⁵⁵ Племя в Камеруне. (У Симоны: fân).

⁸⁵⁶ См. К4, ms. 20 (с. 323).

⁸⁵⁷ В поступках, в поведении.

⁸⁵⁸ Вероятно, имеется в виду решение Рамы об испытании Ситы.

⁸⁵⁹ Перифраз БхГ, XIII, 29. В пер. В. Семенцова: «Тот, кто видит, что действия, Партха, / совершает лишь пракрити всюду, / и кто Атман лишь в недеянье / созерцает, — тот истинно видит».

⁸⁶⁰ Заболев в военном походе дизентерией, Т. Э. Лоуренс использовал вынужденное бездействие для размышлений над характером и задачами войны, которую вели, при его содействии, арабские повстанцы, и над тем, какой порядок действий диктуют этот характер и эти задачи. Изложению этих мыслей посвящена вся 33-я глава «Семи столпов Премудрости». Важно, что в размышлениях автор старается обозревать происходящее как с позиции своих соратников, так и с позиции противостоящих им турок.

⁸⁶¹ Mordre sur le réel.

⁸⁶² И на этот раз интересно привести сравнительный материал из христианского предания, который мы рассмотрим не с точки зрения исторической достоверности, а как отражение этических представлений. В «Житии св. муч. Арефы» (25 октября), в частности, повествуется, как эфиопский царь-христианин Елезвой обращает войска против князя Дунаана, иудея-прозелита, перебившего гарнизоны эфиопов в Омиритской стране и устроившего истребление христиан. Сначала войско Елезвой преследуют неудачи. Елезвой в отчаянии и страхе, переодевшись в нищего, оставляет войско. Он приходит к прозорливому монаху-отшельнику Зенону, который говорит ему (далее по тексту жития): «Разве ты не слышал, что говорит Господь: «Мне отмщение, Я воздам»? На погибель свою предпринял ты войну. У тебя будет отнято царство, и многие вместе с тобою лишатся жизни». Услышав сие, царь сильно испугался и с плачем и сетованием ушел от святого. Находясь в великом горе и печали, он размышлял в течение всей ночи, недоумевая, что ему делать. Наконец он решил бежать. Однако когда наступило утро, он опять пришел к инок. Тот сказал ему: «Нет на земле такого города, где бы ты мог избежать смерти. Но если ты хочешь остаться живым и победить нечестивого царя, обещай потом перейти в иноческое житие. Он обещал с клятвой, говоря: «Если мне Бог даст победу над Дунааном, я тотчас оставлю царство и стану иноком». Царь получает благословение от Зенона, побеждает врага и испол-

няет свое обещание. Можно было бы упрекнуть Зенона в непоследовательности, однако, в результате оказываются достигнуты, говоря телеологически, две цели Промысла: 1) священная война против неверных присоединяет к христианской экумене новые земли и души, и 2) суетная слава мирская посрамляется уходом из мира царя-победителя. Первое совершается благодаря второму. Финал истории с силой подтверждает слова Христа: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною, ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее; какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Мф 16:24–26). Как видим, христианская мораль и здесь ставит индивидуальное спасение выше любых общественных обязанностей. Обратим внимание на совершенно разный характер отрешения в индуизме и христианстве (согласно его церковной версии). Христианское отрешение не есть отрешение от плодов действия, но, напротив, — тотальное подчинение конечной цели.

⁸⁶³ Ср. ЧУ, VIII, 3, 1–2: «Эти истинные желания покрыты обманчивым, <хотя и> истинные — они имеют обманчивый покров. (...) Подобно тому как люди, не знающие <истинного> местонахождения, снова и снова проходят над спрятанным <в земле> золотым сокровищем, не находя его, так же и все эти творения день за днем идут в мир Брахмана, не находя <его>, ибо им препятствует обманчивое» (пер. А. Сыркина).

⁸⁶⁴ «Граф Суассонский обладал в самой высокой степени, какая доступна смертным, той смелостью души, что обычно зовется доблестью, но он не обладал даже в самой малой мере той смелостью ума, которая зовется решимостью. Первое свойство — довольно распространенное и даже заурядное, второе встречается редко, и даже реже, чем это можно предположить, — однако для великого дела оно еще более необходимо, нежели первое; а какое дело может равняться с тем, чтобы руководить партией? Руководство армией требует несравненно меньшего числа пружин, руководство государством большего, но пружины эти далеко не столь хрупки и щекотливы. Наконец, я убежден, что для истинного предводителя партии потребно более великих достоинств, нежели для истинного властителя мира, и в ряду этих великих достоинств решимость идет об руку с силой понятия; я имею в виду понятие героическое, важнейшее назначение которого — отличать необыкновенное от неисполнимого» (Кардинал де Рец. Мемуары. М., 1997, с. 22).

⁸⁶⁵ БхГ, II, 47–49: «Лишь на действие будь направлен, / от плода же его отвращайся; / пусть плоды тебя не увлекают, / но не будь и бездействием скован. / От привязанностей свободен, / в йоге стоек, свершай деянья, / уравнив неудачу с удачей: / эта ровность зовется йогой. / Когда мысль успокоена в йоге, / она действия все превосходит; / цель поставь пред собой — йогу мысли; / кто к плодам устремляется — жалок».

⁸⁶⁶ Перифраз БхГ, XIII, 29 в связи с содержанием главы II.

⁸⁶⁷ Т. е. Симона признает, что при любом общественном строе будет неизбежно существовать социальная несправедливость, и все дело лишь в том, чтобы ограничивать ее так, чтобы гражданскому порядку не угрожала ни сама эта несправедливость, ни противодействие ей.

⁸⁶⁸ Живет в Камеруне.

⁸⁶⁹ Праkritи — в ведийской философии изначальная природа, материальная первопричина Вселенной. Подробнее примеч. 895.

⁸⁷⁰ Не совсем понятно, что здесь рассматривается как «легенда»: то, что Жанна сама думала о себе, писала в своих посланиях, говорила судьям на суде, или же народные, церковные, историко-литературные истолкования ее миссии. Самым подробным источником по этому вопросу являются материалы допросов, причем необходимо учитывать, что вопросы формулировались судьями с заранее поставленной целью обвинить Жанну в отступлении от правой веры. С этой же целью на заседании 17 марта 1431 г. был задан и вопрос, «ненавидит ли Бог англичан». В случае утвердительного ответа оставалось «уличить» подсудимую в мнении, будто Бог ненавидит некоторую часть Своей вселенской церкви, включая ее пастырей и законно венчанных королей. Жанна, однако, ответила, что *«об этом ничего не знает, но уверена, что Бог пошлет французам победу»* (Процесс Жанны д'Арк: Материалы инквизиционного процесса. М.–СПб., 2007, с. 91). Этот правдивый и сбалансированный ответ бесконечно далек от воззрений авторов Пятикнижия, которые приписывали Богу волю истреблять руками израильтян «все дышущее» в мирных городах Ханаана (Книга Иисуса Навина, *passim*). Похоже, что Симону не вполне удовлетворяли собственные выводы насчет Жанны. В своих записях она еще не раз будет возвращаться к ее образу.

⁸⁷¹ См. примеч. 630.

⁸⁷² Esprit.

⁸⁷³ Выделено переводчиком.

⁸⁷⁴ История любви английского поэта Роберта Браунинга (1812–1889) и поэтессы Элизабет Баррет (1806–1861). Браунинг полюбил Элизабет в 1845 г. под впечатлением от ее стихов, еще ничего не зная о ней как о женщине. Элизабет в этот период своей жизни была нервно и физически больна и существовала почти в полной изоляции от мира, живя на попечении ревниво привязанного к ней отца. Браунингу пришлось в течение года выдерживать борьбу с отцом любимой и, наконец, буквально похитить ее из дома. В 1846 г. он и Элизабет обвенчались, а в 1849 г., будучи 43-х лет от роду, она родила сына. Роман Роберта и Элизабет не раз привлекал внимание биографов, беллетристов и журналистов. С середины XX в., уже после смерти Симоны, идеализированные и романтические изображения этой любви стали уступать иронически-сниженным, с квазифрейдистским оттенком. Но ирония обещающих «опустить на землю красивый заоблачный сюжет» (Андре Моруа, Роберт и Элизабет Браунинг; 1957, рус. пер. 2002) не может перечеркнуть объективного факта: любовь, верность, настойчивость и решительность Браунинга совершили спасение женщины, которой иначе грозило неминуемое физическое и умственное угасание. Влияние наследственности, пороков воспитания, комплексов на поведение обоих не только не обесценивает их любви, но напротив, еще более рельефно показывает ее живительную силу. Симона Вейль, знавшая эту историю по книге Г. К. Честертона «Роберт Браунинг» (1903, многократно переиздана), восприняла ее с живым сочувствием: кроме того, что Браунинг был одним из ее любимых поэтов, в некоторых аспектах судьбы Элизабет она не могла не видеть саму себя.

⁸⁷⁵ Буквально: «побледнел», «покрыт нездоровым цветом» (*староангл.*). Из монолога Гамлета: «Так всех нас совесть обращает в трусов, / Так блекнет в нас румянец сильной воли, / Когда начнем мы размышлять: слабеет / Живой полет отважных предприятий, / И робкий путь склоняет прочь от цели» («Гамлет», действие III, сцена 1; пер. А. Кронеберга).

⁸⁷⁶ В «Электре».

⁸⁷⁷ Сын Эдипа, брат Антигоны, главный персонаж трагедии Эсхила «Семеро против Фив».

⁸⁷⁸ Т. е. такое, когда он находится во власти воображения. См. также выше о четырех состояниях на пути обретения Атмана.

⁸⁷⁹ Этот афоризм созвучен библейскому: «Во всех делах твоих помни о конце твоём, и вовек не согрешишь» (Сир 7:39). В самом деле, о

перемене образа жизни не надо мечтать; если мы убеждены в ее нужности, ее надо осуществлять. Видеть же непрестанно смерть как момент проверки наших принципов, убеждений и дел, помнить о ее неизбежности, о ее приближении с каждой минутой — важно для того, чтобы выбирать действительно важное, чтобы каждый момент жизни был наполнен тем самым смыслом, который, как ты надеешься, переживет тебя и останется потомкам.

⁸⁸⁰ Grâce essentielle.

⁸⁸¹ Сюжетообразующий конфликт в трагедии Софокла «Антигона» — между Креонтом, царем Фив, готовым уничтожить любого, кто, по его мнению, стоит на пути государственных интересов и его царской воли, и его племянницей Антигоной, которая ослушалась запрета, предав погребению убитого в междуусобии брата. Для Креонта его враги не существуют в качестве людей; вместе с ними — и Антигона, дерзнувшая быть ему непокорной: «Имена <о еще живой Антигоне>. Как одинокой жить мне без нее? Креонт. Что значит „без нее“? Ее уж нет!» (пер. С. Шервинского и Н. Познякова).

⁸⁸² ЧУ, VIII, 3, 1.

⁸⁸³ Карма (в индуизме) — вселенский причинно-следственный закон, в силу которого праведные или греховные действия человека определяют его судьбу, испытываемые им страдания или наслаждения. Действие закона кармы охватывает как прошлые, так и будущие воплощения человека.

⁸⁸⁴ Имеются в виду отчаянные жалобы Овидия в его «Письмах с Понта», которые Симона считает искренним и верным отображением состояния души поэта. «Ад» — вероятно, дантовский: у Данте находящиеся в аду носят свои грехи внутри себя, они нераскаянны, что лишь усугубляет их страдания.

⁸⁸⁵ Может быть, имеется в виду методика размышлений Лоуренса о войне в 33-й главе его книги.

⁸⁸⁶ Ср. Платон, Государство, VII, 520c–d (призыв к философам): «Вы должны, каждый в свой черед, спускаться в обитель прочих людей и привыкать созерцать темные стороны жизни. Привыкнув, вы в тысячу раз лучше, чем живущие там, разглядите и распознаете, что представляет собой каждая тень и образ чего она есть, так как вы уже раньше лицезрели правду относительно всего прекрасного, справедливого и доброго. Тогда государство будет у нас с вами устроено уже наяву, а не во сне, как это происходит сейчас в большинстве государств, где идут междоусобные войны и призрачные сражения

за власть, — будто это какое-то великое благо. По правде же дело обстоит вот как: где всего менее стремятся к власти те, кому предстоит править, там государство управляется лучше всего и распри отсутствуют полностью; совсем иначе бывает в государстве, где правящие настроены противоположным образом» (пер. А. Егунова).

⁸⁸⁷ Ср. КЗ, ms. 75 (с. 277).

⁸⁸⁸ Симона хочет сказать, что устранение всякого личного элемента в исполнении царской дхармы дало Раме «отсутствие во зле» — в том смысле, как говорится об этом выше. Может возникнуть соблазн, основываясь на этом рассуждении, оправдывать, например, деятельность сталинского НКВД, приписав его сотрудникам некое безличное исполнение высшей дхармы. Попытки в этом роде уже вовсю делаются идеологами неоевразийского направления. Но сталинский террор осуществлялся не во имя некоего общего морального закона, а во имя укрепления абсолютной власти одного человека; плюс к этому он продолжал и углублял начатое с первых месяцев большевистской власти устранение «лишних», «мешающих», «не поддающихся перековке» отдельных людей и целых групп населения («Чтоб земля суровая / Кровью истекла, / Чтобы юность новая / Из костей взошла»; Э. Багрицкий, 1932); то есть преследовал цели античеловечные и антикультурные.

⁸⁸⁹ Вероятно, имеется в виду Гастон Моннервиль (1897–1991) — чернокожий французский политик и публицист, борец против расовой дискриминации. Депутат Национального собрания от Французской Гвианы в 1930-е гг., заместитель министра колоний в 1938–1939. После поражения и раздела Франции (1940) занимался адвокатурой в Марселе, а в конце 1942 г. перешел на нелегальное положение, в 1943–1944 гг. участник партизанского движения. После войны продолжал политическую карьеру в лагере голлистов. В 1959–1968 гг. — председатель Сената. Приведенные здесь слова, в реальности сказанные Моннервиллем или приписываемые ему, созвучны мыслям Симоны, которые она высказывала еще с начала 1930-х гг. Осенью 1939 г. она писала даже о мучительной «невозможности, именно по причине колоний, верить в то, что дело Франции в войне — правое» (SP, p. 488; пер. мой. — П. Е.).

⁸⁹⁰ «Изумрудная скрижаль» — древнее (предположительно I–IV вв., место происхождения неясно), краткое изложение герметической философии. Текст, сохранившийся на арабском, был переведен на латынь в XIII в., впервые напечатан в 1541 г.

⁸⁹¹ Перевернутое дерево как символическое обозначение вселенной не раз упоминается в Упанишадах. Корень — духовное первоначало, а ветви — разворачивание проявленности. КУ, II, 3, 1: «Вот безначальное дерево, корни которого наверху, а ветви внизу. То, <что есть его корень> — чисто, это — Брахман, это зовется бессмертным. На этом утверждены все миры; никто не выходит за пределы этого. Воистину, Это — то» (пер. А. Сыркина). Иногда оно также символизирует пурушу — мужское духовное космическое начало. ШУ, III, 9: «Единый, он стоит словно древо, утвержденное в небе; этим пурушей наполнен весь этот <мир>».

⁸⁹² Источник цитаты нам неизвестен.

⁸⁹³ Евдокс Книдский (ок. 408–ок. 355 до н. э.) — древнегреческий математик, член Платоновской академии. Основатель общей теории отношений, лежащей в основе теоретической геометрии, обычно называемой «евклидовой», т. к. она дошла в изложении ученика Евдокса — Евклида.

⁸⁹⁴ Дживатма — в индийской традиции индивидуальная, обусловленная душа. В трактовке Р. Генона, «представляет собой индивидуальное „я“ в противоположность „Я“ высшему (Атману)». «Когда из-за несовершенных желаний духовная душа является зависимой от материальных условий, она называется обусловленной» (дживатмой).

⁸⁹⁵ Пракрити — в индуистской философии санкхьи: изначальная природа, материальная первопричина Вселенной, основная субстанция, из которой развивается мир; женский элемент, контактирующий с мужским элементом — духом (пуруша). Развивается из мула-пракрити (авьякты) — непроявленной, потенциальной природы. Когда ее равновесие нарушается, происходит развитие и процесс становления (под влиянием пуруши). Первичным продуктом развития пракрити является махат («великий»). Это интеллект в космологическом аспекте, а относительно индивидуума он проявляет себя как буддхи — способность различать и воспринимать объекты.

⁸⁹⁶ Истолкование заимствовано из книги Рене Генона «Человек и его становление согласно Веданте» (гл. V, «Пуруша, не подверженный индивидуальным модификациям»). Буддхи — разум, интеллектуально-волевое начало, то, что обладая способностью различать истинное от ложного, осуществляет выбор.

⁸⁹⁷ Расшифровка наиболее вероятная, хотя и не раскрывающая до конца смысл фразы.

⁸⁹⁸ Выделено в рукописи.

⁸⁹⁹ Essentiel.

⁹⁰⁰ ЧУ, III, 19, 3. Контекст (по переводу А. Сыркина): «И то, что родилось (при расщеплении Брахмана на две половины. — П. Е.), это солнце. Когда оно рождалось, поднялись возгласы, крики и <поднялись> все существа и все желанное. Поэтому при его восходе и каждом его возвращении поднимаются возгласы, крики, и все существа, и все желанное».

⁹⁰¹ Комментарий Симоны к отдельным стихам ИУ в переводе Шри Ауробиндо. Шри Ауробиндо Гхош (1872–1950) — индийский философ и мистик, основоположник учения «интегральной йоги»; писал и учил в основном на английском.

⁹⁰² К фрагменту ИУ, 9: «В слепую тьму попадают, кто неведомое почитает; тогда — словно в еще большую тьму, кто в ведомом улаждался» (пер. Б. Мартынова).

⁹⁰³ ИУ, 11. В переводе Б. Мартынова этот стих полностью выглядит так: «Ведомое и неведомое — кто ведает вместе обоих, неведомым смерть одолев, ведомым бессмертия достигает».

⁹⁰⁴ Конец того же стиха.

⁹⁰⁵ ИУ, 14. По пер. Б. Мартынова, «явление и исчезновение». «Нестановление» — так понимает этот термин Шри Ауробиндо.

⁹⁰⁶ Пересказ ЧУ, III, 19, 1. Samabhavat — здесь: «развился», «распространился».

⁹⁰⁷ ИУ, 3: «(Мирами) асуров называют те миры, покрытые слепой тьмой; в них после смерти идут люди, убившие (в себе) Атмана» (пер. А. Сыркина).

⁹⁰⁸ Ср. Марк Аврелий, Размышления, IV, 10: «Все совершающееся совершается согласно справедливости».

⁹⁰⁹ Хотя Симона здесь не делает оговорки, но предполагаем, что речь не идет о вожделениях, диктуемых жизненной необходимостью. Иначе получалось бы, что Атман убивается простым питанием и воспроизводством живых существ. Кошка, хватаящая птичку, желает ли, чтобы птичка не существовала? Нет, конечно. Она желает, чтобы род птиц существовал и множился, и чтобы съеденная ею птичка продолжила свое существование в виде ее (кошки) физической энергии и в виде потомства, которым кошка будет питаться как сама, так и в лице всего своего биологического вида. А как же с людьми? Богатому «по необходимости» нужны те, за чей счет он умножает свои богатства. Во всяком случае, он не стремится к тому,

чтобы их не было. Богатый бывает виновен в конкретном осуществлении несправедливости. Зато революционер, стремясь к физическому уничтожению «вражеских классов», несомненно, убивает Атман.

⁹¹⁰ Пассаж из «Чжуан-цзы», 22, в переводе Л. Вигера, цитируемый Р. Геноном в «Человек и его осуществление согласно Веданте» (гл. 10).

⁹¹¹ Атмабодха, 3. Шанкара (или Шанкарачарья; по наиболее надежным сведениям, 788–820, но имеются и другие датировки) — индийский мыслитель и аскет, один из видных и авторитетных представителей Веданты, создатель мистико-философской системы адвайта-веданта. Автор ряда философских трактатов и религиозных гимнов, но еще более известен своими комментариями к Упанишадам, Брахмасутре, Бхагавад-Гите и другим основополагающим текстам индуизма.

⁹¹² См. КЗ, ms. 70 (с. 273).

⁹¹³ Платон, выделяя в человеческой душе три составных части: 1) вожделеющую, 2) яростную и 3) разумную (это деление будет воспринято затем и христианскими богословами), символически изображает их, соответственно, в виде 1) многоголовой гидры, 2) льва и 3) человека. Подлинно справедливый человек — тот, кто каждому из этих начал уделяет должное место, держа их в строгой иерархии, под контролем, в мире и согласии. См. его рассуждения на эту тему в: Государство, IV, 435c–444a; IX, 588b–592c.

⁹¹⁴ Например, Федон, 64d и далее.

⁹¹⁵ Аллюзия на ряд пассажей «Атмабодхи» (напр. 4, 43 и др.).

⁹¹⁶ По Р. Генону («Человек и его становление согласно Веданте»).

⁹¹⁷ Шанкара, Атмабодха, 26 (пер. мой с фр. текста. — П. Е.).

⁹¹⁸ ЧУ, VI, 1, 4.

⁹¹⁹ Возможно, фраза оставлена незаконченной и туманной, потому что относится к каким-то личным обстоятельствам Симоны.

⁹²⁰ Ср. ЧУ, VIII, 1, 3. «Поистине, сколь велико это пространство, столь велико и пространство внутри сердца. В нем заключены оба — небо и земля, оба — огонь и ветер, оба — солнце и луна, молния и звезды; и то, что есть здесь у него, и то, чего нет, — все это заключено в нем» (пер. А. Сыркина).

⁹²¹ Ср. В Упанишадах парой «имя и форма» (БАУ, I, 4, 7; в пер. Сыркина «имя и образ») обозначается индивидуальное проявление предмета или лица, в его границах. Но «кто почитает лишь то или иное из них, не обладает знанием, ибо в том или ином он неполон.

Пусть почитают его как Атмана, ибо здесь все <его дела> становятся одним. Этот Атман — след всего сущего, ибо, поистине, как находят по следу <утраченное>, так узнают по нему все сущее» (там же). О методе познания этого первичного единства и размышляет Симона. Далее «без имени и без формы» будет употребляться ею в качестве термина.

⁹²² См. КЗ, ms. 84 (с. 283).

⁹²³ Симона подразумевает (как это можно выяснить как из хода ее мыслей), что красота греческой статуи представляет собой «пифагорейскую гармонию», основанную на соотношениях частей, каждая из которых имеет равную важность и «реальность», находясь в равновесии с другими. Форма же, которую она наблюдает у Микеланджело, есть «воля к форме», есть насильственное подчинение форм замыслу художника, эмоциям, которые он вкладывает в произведение. Только следование за властной волей автора не дает нам видеть искусственную диспропорциональность частей. «Искусство слишком волнующее, как Бетховен. (...) „Утро“ живо напомнило мне мои тягостные подъемы во время работы на заводе», — писала Симона родителям после посещения Капеллы Медичи в мае 1937 г.

⁹²⁴ См. КЗ, ms. 49 (с. 256) и 53 (с. 259).

⁹²⁵ Платон, Тимей, 37d.

⁹²⁶ Νέμεσις — справедливое негодование (богов) и возмездие, персонафицированное в образе богини воздаяния — Немезиде.

⁹²⁷ Платон, Тимей, 68e: «Различать между двумя видами причин — между необходимым и божественным».

⁹²⁸ Воспроизводим комментарий Алиетты Деграс по изданию СЕС: «Этот пункт очень важен, ибо отмечает две схемы мысли, касающиеся единства. Первая из них — идея парадигматическая, согласно которой подобие с образцом составляет полноту существования. С. В. говорит здесь об уподоблении (assimilation). В „Дохристианских интуициях“ она, придавая этому слову смысл „обретения сходства“ (ressemblance), с отсылкой к платоновскому „Теэтету“ говорит о том, чтобы „сделаться похожим (se rendre semblable) на Бога, насколько это возможно“ (ὁμοίωσις, 176b). Подобие получает основное значение „идентичности соотношений, пропорции“. Вторая — идея о возвращении (retour), в которой, через идентификацию одной и той же природы, единение, обозначаемое словами: „Я есмь Брахман“, принимается как тотальное Сознание. Мир явлен нам как обращенность этого Сознания на самого себя (что показывают кос-

могониические повествования Упанишад); разные состояния, через которые приходится проходить человеку, некоторым образом являются собой преграды, отделяющие его от этого первоначального сознания. Всеобщее Сознание остается присутствующим в каждом субъекте, но в мере, ограниченной тем знанием, что оно имеет о самом себе и о своем отличии (от всего другого, в качестве отдельного субъекта. — П. Е.); воля познать себя сокращает пространство и мешает видеть исток. Итак, речь не идет об изменении природы. Отождествление состоит в том, чтобы понять свои границы как связи, ведущие к этому сознанию, существующему по ту сторону всякой мысли, в том, чтобы познать единую и уникальную природу Сознания. При этом, концепт единения в Брахмане, заданного в качестве цели, надо понимать преимущественно как средство, так как начиная с этого уровня уже нельзя говорить о состоянии».

⁹²⁹ Félicité; в оригинале Платона: εὐδαιμόνως βίου (Тимей, 69a).

⁹³⁰ Так раскрываются аббревиатуры в издании ЕС. Симона говорит о нежелании писателя Андре Мальро видеть во внешней и внутренней ситуации СССР проявления тех же начал тоталитаризма и военной экспансии, которые он разоблачает, говоря о гитлеровской Германии. Мальро, в 1930-е гг. поддерживая тесные отношения с Французской коммунистической партией, несколько раз посетил СССР, а у себя на родине выступал активным апологетом сталинского режима. После войны, войдя в правительство генерала де Голля, он легко отрекся от прежних симпатий.

⁹³¹ См. примеч. 930.

⁹³² Симона спрашивает себя не о том, как война умеет *подделываться* под мир: вторая половина 1930-х гг. была богата примерами в таком роде (занятие Рейнской зоны, оккупация и раздел Чехословакии, советская аннексия стран Балтии и др.), и по каждому из этих эпизодов можно было, в значительной мере, проследить логику и технику действий заинтересованных кругов. Как сочетание звуков, подражающее некой сокровенной внутренней тишине, поднимает эту тишину на новый уровень (в случае подлинно талантливой музыки), так и война, нарушающая естественное состояние мира, говорит о нем же, взывает к нему, и говорит о том, каков будет мир после нее. Симону интересуют механизмы именно этой взаимосвязи. Ответа она не дает: он остается темой для будущих исследований. Как нам представляется, та же мысль вложена и в название

военной эпопеи Льва Толстого, оказавшей немалое влияние на мысль Симоны Вейль.

⁹³³ Смысл не вполне ясен.

⁹³⁴ Между прошлым и будущим.

⁹³⁵ Ср. Kîl, ms. 38 (с. 155).

⁹³⁶ Вода является одним из излюбленных символов в даосских писаниях именно благодаря свойствам, обусловленным ее податливостью силе тяжести. «Дао дэ цзин», 8: «Высшее благо подобно воде: вода приносит благо всей тьме вещей и ни с чем не борется. Собирается в местах, которых люди избегают. Вот почему она близка Пути» (пер. В. Малявина). «Хуайнань-цзы»: «<С водой> ничто не может сравниться по мягкости, но она велика беспредельно, глубока безмерно. Простирается в длину бескрайне. Волны ее безбрежны. Вдохнет, выдохнет, сожмется, разольется. (...) Высоко в небе об разует дождь и росу. Внизу на земле — источники и заводы. Тьма вещей без нее не родится. Сотни дел без нее не вершатся. Она обнимает все множество живого, но не знает ни любви, ни ненависти. Напитывает влагой мельчайшие существа и не требует вознаграждения. Обогащает Поднебесную и не истощается. Облаготворяет простой народ и не несет урона. Всегда в пути, но не может дойти до конца. Малая, но не может быть зажата в ладони. Нанеси удар — не поранишь, коли — не проколешь, руби — не разрубишь, жги — не горит. То течет спокойно, то бурлит, взбудораженная, но не рассеивается. Точит металлы и камни. Наполняет собой всю Поднебесную. Разливается на безбрежных просторах, парит выше туманов. Бежит в долинах и руслах рек, орошает пустынные поля. Имеет ли излишек или недостаток — небо и земля берут или отдают. Ее получает тьма вещей, и нет здесь ни первых, ни последних. (...) Широко простертая, кипучая, объединяется с небом и землей в великое единство. (...) Это и есть высшее благо» (пер. Л. Померанцевой).

⁹³⁷ Contrainte.

⁹³⁸ Ср. «Чжуан-цзы», гл. 1.

⁹³⁹ Илиада, XXI, 114–119.

⁹⁴⁰ Симона сокращает чаще всего имена современников. Но Th. навряд ли является сокращением от имени Гюстава Тибона (Thibon), с которым Симона познакомилась в августе 1941 г., так как последующие записи сделаны, вероятнее всего, еще в Марселе. Вероятнее все же видеть здесь ссылку на известный рассказ Фукидида (фр. Thucydide) о т. н. «мелосском инциденте» (см. примеч. 2742).

⁹⁴¹ Тысячные продуктовые очереди 1940 года — явление, будничное для стран «реального социализма», но весьма необычное для Франции — ярко запомнились Симоне. Она еще не раз будет использовать эту картинку в качестве иллюстрации той же мысли. «Кто видел, с какой легкостью в июне 1940-го французы оставляли на произвол судьбы свою родину, а через несколько месяцев, еще не испытав реального голода, проделывали чудеса выносливости... ради того, чтобы разжиться одним яйцом, — тот уже не сможет игнорировать невероятную энергию, которую подчас развивают в людях побуждения ничтожные» (Ф, «Укоренение», с. 132).

⁹⁴² Façonner.

⁹⁴³ Ср. «Чжуан-цзы», гл. 13: «Пустота и покой, отсутствие образов и деяний — вот основа Неба и Земли, предел Пути и его жизненных свойств» (пер. В. Малявина).

⁹⁴⁴ Ср. там же: «Стоячая вода так покойна, что в ней отразится каждый волосок на нашем лице, и она так ровна, что послужит образцом даже для лучшего плотника. Если вода, будучи покойной, способна так раскрывать природу вещей, то что же говорить о человеческом духе? О, как покойно сердце мудрого! Оно есть ясный образ Неба и Земли, зеркало всех вещей».

⁹⁴⁵ Succession.

⁹⁴⁶ Григорианский хорал — древнее (одноголосное) литургическое пение Западной церкви, сложившееся под влиянием греческих и ближневосточных певческих традиций в VIII–IX вв. Назван по имени римского папы Григория Великого (ок. 540–604). Во Франции реконструкцией и сохранением григорианских распевов занималось — и занимается поныне — аббатство Солем, в котором Симона провела десять дней весной 1938 г.

⁹⁴⁷ Raccord.

⁹⁴⁸ Догадка, предположение.

⁹⁴⁹ Вера.

⁹⁵⁰ Размышление, дискурсивная мысль.

⁹⁵¹ Ум.

⁹⁵² Комментарий Алиетты Деграс по изданию СЕС: В противоположность прежним случаям использования этой параллели между Платоном и Ведантой (см. КЗ, ms. 69–70, с. 272–273; ms. 90, с. 287), С. В. называет здесь «четырьмя состояниями по Платону» четыре уровня познания, различаемые в «Государстве» (VI, 511d–e), где Сократ действительно говорит о четырех состояниях: мышлении

(νόησις), дискурсивной мысли (διάνοια), вере (πίστις) и догадке (εἰκασία). Оппозиция между διάνοια и νοῦς соотносится с оппозицией математика-диалектика. (...) Но здесь мы особенно ясно видим то, что сопротивляется этим параллелям по трем причинам. 1. Различная функция, придаваемая сну; так как среди индуистских четырех состояний сон, представляя тонкий аспект проявления, не может соответствовать понятию «веры». 2. Дискурсивное познание, в индийской традиции называемое «познанием различительным» (виджняна), позволяет рассмотреть составные элементы дуальности, в целях достижения этой интуиции, этого состояния «я» познающего (праджня). Оно является необходимым условием этого и, следовательно, не может означать какое-то состояние. 3. Индуистские состояния относятся не к интеллектуальному восприятию, которое очищалось бы, но отмечают собой возвращение к истоку. В этом смысле здесь придается ценность «сну» и «глубокому сну», в отличие от западной традиции, где на высшее место ставится бодрствование, бдение. Четыре состояния Платона принадлежат к одному и тому же состоянию бытия, они суть способности, которыми следует научиться пользоваться, чтобы познать истину. Здесь же четыре состояния, в связи одного с другим, требуют перехода, вертикального устремления, которой ум (буддхи), совсем как νοῦς, содействует, не образу единения; третье состояние, которое обозначает поглощение, еще содержит идею познания, но уже глобального и без различения (возможно, более уместной была бы оппозиция между манасом и буддхи, в которой не участвует интеллектуальный аспект). Общая черта в этом «порядке продвижения» состоит в поиске реальности, постепенно освобождаемой от покровов.

⁹⁵³ Анаксимандр, фр. 1 DK. Анаксимандр (610–547/540 до н. э.) — представитель милетской школы натур-философии, ученик Фалеса и учитель Анаксимена. Автор не дошедшего до нас трактата «О природе». Приведенная ниже цитата является единственным сохранившимся (в передаче Симпликия) фрагментом его наследия. См. подробнее примеч. 2762.

⁹⁵⁴ Непрестанное стремление к большему.

⁹⁵⁵ Платон, Горгий, 508a.

⁹⁵⁶ См. примеч. 894.

⁹⁵⁷ Реакция Симоны на рассуждения Макса Планка в его книге «Посвящение в физику», где он помещает всю прежнюю физическую нау-

ку под знаком антропоморфизма. Симона откликается на следующие слова: «Физические определения звука, цвета, температуры сегодня никак не соотносятся с непосредственными ощущениями. Тон и цвет сегодня определяются количеством вибраций (или длиной волны)».

⁹⁵⁸ Джаймини (время жизни спорно) — автор трактата «Пурва-миманса-сутра» (датируется III в. до н. э.), где заложены основы школы пурва-мимансы, одной из шести теистических даршан (школ) индийской философии. Прокомментировал ранние Упанишады и Веды с точки зрения ритуальной практики (кармы) и религиозного долга (дхармы). Считается автором эпоса «Джаймини-бхарата» (версия «Махабхараты»).

⁹⁵⁹ Ср. K1, ms. 25 (с. 79).

⁹⁶⁰ Poussée.

⁹⁶¹ Излагается концепция круговорота тел во вселенной по Платону. Ср. Тимей, 58a–с: «Почему тела, распределившись по родам, не прекращают взаимопересекающегося движения и перемещения? (...) Круговращение Вселенной, включающее в себя эти роды, по причине своей закругленности и природного стремления замкнуться на себе все сжимает и не позволяет ни одной части пространства остаться пустой. Огонь имеет наибольшую способность во все внедряться, воздух непосредственно за ним следует, ибо занимает второе место по тонкости своих частиц, и так далее; ведь то, что образовалось из самых крупных частиц, имеет в своем составе больше всего оставшегося между частями пустого места, а то, что возникло из самых мелких частиц, — меньше всего. Значит, когда происходит сжатие, меньшие тела втискиваются в промежутки между большими: и вот когда они оказываются рядом, так что меньшие стремятся расторгнуть связь между большими, а большие сводят воедино меньшие, происходит перемещение их всех либо вверх, либо вниз к своим местам. Ведь каждое тело, меняя свою величину, меняет и свое местоположение. Таким-то образом и под действием таких-то причин обеспечивается беспрестанное воспроизведение неоднородности, а уж она в свою очередь поддерживает и постоянно будет поддерживать вечное движение тел» (пер. С. Аверинцева).

⁹⁶² Similitude.

⁹⁶³ Речь идет о трех гунах — трех основных началах материальной природы, обуславливающей живые существа. Гуны определяют образ

жизни, мышление и деятельность души, в которой преобладает какая-либо из них. Саттва — «гуна благости», высшее и наиболее чистое начало, с которым связаны дхарма, знание, бесстрашие. Раджас — «гуна страсти», страстное, деятельное начало, привязанное к материи, побуждающее человека к стяжанию вещественных благ, расширению своих границ, воспроизводству. Тамас — «гуна невежества», считается низшей гуной материальной природы. Основными характеристиками тамаса являются тьма, смерть, распад, невежество, лень и безумие. Ср. также K4, ms. 34 (с. 332).

⁹⁶⁴ Granet M. *La pensée chinoise*, p. 268.

⁹⁶⁵ Платон, *Тимей*, 47d (собственный перевод Симоны).

⁹⁶⁶ Там же, 47b.

⁹⁶⁷ Надпись на золотой пластинке из погребения в Петелии (Южная Италия), 400–350 г. до н. э. (DK 17; пер. А. Лебедева).

⁹⁶⁸ Вставляем сюда комментарий к этой надписи, сделанный самой Симоной позднее, в апреле 1942 г., в письме к поэту Жоэ Буске (Q, p. 669).

⁹⁶⁹ Фр. 18 DK; пер. А. Лебедева.

⁹⁷⁰ Фр. 19 DK; пер. А. Лебедева.

⁹⁷¹ Фр. 20 DK; пер. А. Лебедева.

⁹⁷² Расстояние между Марселем и Авиньоном по железной дороге составляет около 100 км.

⁹⁷³ Выдержки из воспоминаний Тибона приводятся по изданию SP, p. 569–572.

⁹⁷⁴ Ксавье Валла (1891–1972) — участник первой мировой войны, в 1920–1930-е гг. член право-католических и националистических движений. Как депутат парламента выступал с откровенно антисемитских позиций. В правительстве Виши комиссар по делам евреев. В 1942 г. немцы настояли на отстранении Валла от службы по причине его «нерадивости». После освобождения был отдан под суд как изменник и коллаборационист; в 1947–1949 гг. находился в заключении. Помилован по ходатайству еврейских общин юга Франции, засвидетельствовавших, что на своем посту Валла в массовом порядке фабриковал подложные документы, благодаря которым многие из евреев избежали истребления.

⁹⁷⁵ Q, p. 975–976.

⁹⁷⁶ Цит. по: SP, p. 590.

⁹⁷⁷ Frobenius L. *Histoire de la civilisation africaine*. P., 1936, p. 141–142, 158–159. Миф о пальмовом вине см. K2, ms. 108 (с. 217).

- ⁹⁷⁸ Ср.: «Если человек пролил кровь животного, он, в знак сожаления, должен источить на землю сколько-то крови из собственной руки» (Ibid., p. 66).
- ⁹⁷⁹ Ср.: «Мотив старения, агонии и смерти соединяются здесь с мотивами воскресения и жизни. (...) Эту концепцию вдохновляет жизнь растения» (Ibid., p. 157–158).
- ⁹⁸⁰ Джон Китс (1795–1821) — английский поэт-романтик; свой недолгий век прожил в постоянной нужде, не успев получить признания. Умер от туберкулеза в Риме. Поэму «Эндимион», о которой идет речь в письме, критика встретила злыми и унижительными насмешками, глубоко ранившими больного поэта. Это впоследствии дало повод Байрону сказать, что жизнь Китса была «угашена журнальной статьей».
- ⁹⁸¹ Из письма другу поэта, художнику Бенджамину Р. Хейдону (1786–1846).
- ⁹⁸² В английском тексте: *гомансе*, что в данном случае означает романтическую поэму. Имеется в виду, возможно, поэма «Канун святой Агнесы», написанная Китсом в следующем 1819 г.
- ⁹⁸³ Симона видит здесь пример поведения, согласного с принципом «Бхагавад-Гиты»: «Делать, отказываясь от плодов деяния». См. ниже.
- ⁹⁸⁴ «Ода к соловью», один из общепризнанных поэтических шедевров Китса. Томас Китс, брат поэта, умер от наследственного недуга — туберкулеза — 1 декабря 1818 г.
- ⁹⁸⁵ «Темная ночь» — аскетический трактат св. Хуана де ла Крус (Иоанна Креста, 1542–1591), испанского мистика, поэта и духовного писателя, реформатора ордена кармелитов. Написан в 1586–1587 гг., опубликован после смерти автора. В трактате описывается путь души к мистическому единению с Богом и, под названием «темной ночи души», тот всеобъемлющий кризис, через который она на этом пути неизбежно проходит. Русский перевод: Св. Хуан де ла Крус. Темная ночь. М., 2006.
- ⁹⁸⁶ ИУ, 11, 14.
- ⁹⁸⁷ Перевод Шри Ауробиндо, использованный Симоной, в этом месте оспаривается специалистами. Разночтения присутствуют и в русских переводах. Если перевод А. Сыркина созвучен приведенному выше, то Б. Мартынов дает иное прочтение: «Ведомое и неведомое — кто ведает вместе обоих, неведомым смерть одолев, ведомым бессмертия достигает», что уже не допускает интерпретацию, предлагаемую Симоной.

- ⁹⁸⁸ БхГ, IV, 19-21: «Кто без помыслов, Партха, без страсти / все свои начинанья свершает, / кто все действия сжег огнем знанья / — того мнят пробужденные мудрым. / Не привязан к плодам всех действий, / бесприютный, всегда довольный, / хоть он в действии пребывает, / ничего он не делает, Партха. / Без надежды, ничем не владея, / обуздав свое сердце и мысли, / совершая деянья лишь телом, / он от скверны всегда свободен» (пер. В. Семенцова).
- ⁹⁸⁹ Т. е. представитель низшей варны, которой в древней Индии не доверялось изучение Вед. В образе «шудры» индийская учительная литература выводила человека, «привязанного к своим действиям».
- ⁹⁹⁰ Не живя прошлым, не предаваясь мечтаниям о будущем, что свойственно человеку в его обычном, не очищенном состоянии.
- ⁹⁹¹ Фил 2:5–8: «Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: Он, будучи образом Божиим, (...) уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, был послушным даже до смерти, и смерти крестной».
- ⁹⁹² Ямвлих, О пифагоровой жизни, XVIII, 85: «Труды — благо, удовольствия же всякого рода — зло. Ибо так как мы родились в наказание, то и должны претерпеть наказание» (пер. А. Лосева).
- ⁹⁹³ Имеются в виду граммофонные записи знаменитой «Дубинушки» в исполнении Федора Шаляпина, не терявшие популярности в Европе в течение 1920–1930-х гг.
- ⁹⁹⁴ De la charité. Подлинная любовь, по мысли Симоны в последние годы жизни, — та, что принимает неизбежность и неустранимость страдания, не пленяясь легковесным оптимизмом на этот счет. Но указанные Симоной условия, даже если их считать необходимыми, на практике часто не способствуют атмосфере милосердия, а как раз обратному, особенно если этот опустошающий труд навязан неволей.
- ⁹⁹⁵ Илиада, XI, 86–89: «В час же, как муж-лесоруб начинает обед свой готовить, / В горной усевшись лощине, когда он уж руки насытил, / Лес срубая высокий, и в дух низошло пресыщение, / Сердце ж ему охватило желание сладостной пищи».
- ⁹⁹⁶ Вероятно, сформулировано лишь предположительно, под сомнением.
- ⁹⁹⁷ Священник, беженец из оккупированной немцами Лотарингии, живший одновременно с Симоной в селении Сен-Жюльен-де-Пейрола́. Биографических сведений о нем получить не удалось.

⁹⁹⁸ Фома Аквинский, Сумма теологии, ч. III, вопр. 28, § 1.

⁹⁹⁹ Буквальный перевод с санскрита: «то, чего не было прежде». «Апурва — метафизическое звено между деятельностью и ее результатом» (С. Радхакришнан). По учению индуистской философской школы пурва-миманса, «жертвоприношение производится не для того, чтобы добиться расположения божества, а ради достижения определенного результата. Этим результатом является апурва — таинственная чудесная сила, не приходящая к человеку извне, но «вырастающая» из глубин его существа. Эта сила появляется не по истечении каждого отдельного обряда, но составляет итог всей жизни человека и результат всего содеянного им. Учение об апурве стало одним из вариантов брахманистского ритуалистического решения центрального вопроса индийской религиозной философии — как достичь освобождения от профанического земного бытия» (А. Пименов). Кажется, упоминание апурвы может быть связано с предыдущим рассуждением св. Фомы о девстве Матери как необходимой предпосылке Воплощения Бога-Слова. Сопоставить с апурвой можно особое, приуготовленное состояние Марии, которое сделало ее способной зачать и родить Бога, и о котором говорит Евангелие: «Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим» (Лк 1:35).

¹⁰⁰⁰ Об инициациях как «втором рождении» пишет Р. Генон в «Заметках по инициации».

¹⁰⁰¹ Роман Франсуа Мориака (1885–1970), опубликованный в 1927 г.

¹⁰⁰² Пьеса Кристофера Марло «Трагическая история доктора Фауста» (ок. 1589). См. примеч. 650.

¹⁰⁰³ Ланца дель Васто (наст. имя Джузеппе Ланца ди Трабья-Бранчифорте, 1901–1981) — философ-мистик, поэт и писатель, активист движения «ненасилия». Потомок древнего сицилийского рыцарского рода, ответвлением которого была византийская династия Палеологов. В молодости выступал как поэт, много путешествовал. В 1937 г. прожил несколько месяцев в ашраме Махатмы Ганди. Основал в 1948 г. общину «Ковчег», основанную на принципах ненасилия, уравнительности и стремления к духовному совершенству, а начиная с 1962 г. — целый ряд общинных поселений в нескольких странах Европы. (В настоящее время существуют, но находятся в упадке.). Встреча Симоны Вейль с Ланца дель Васто произошла в январе 1941 г. в Марселе. Здесь упомянут исторический роман

«Жиль де Рэ», над которым он работал в 1936–1937 гг., но так и не окончил. Роман был впервые опубликован только в 2001 г. Возможно, Ланца показывал Симоне его рукопись или читал фрагменты вслух. Судя по неоднократным упоминаниям в «Тетрадах», роман произвел на Симону немалое впечатление, но при этом она находила, что психология раскаяния Жили выведена не вполне достоверно (см. K4, ms. 64, с. 353).

¹⁰⁰⁴ Симона вспоминает о гражданской войне в Испании, о привычке к повседневной жестокости, оправдываемой «революционным долгом» или «классовой справедливостью».

¹⁰⁰⁵ «Темная ночь» — понятие из аскетических сочинений св. Хуана де ла Крус. См. примеч. 985.

¹⁰⁰⁶ Сравнение истин с Эвридикой, навсегда покинувшей Орфея и вернувшейся в Аид, когда Орфей обернулся в ее сторону.

¹⁰⁰⁷ Эсхил, Агамемнон, ст. 160–183. Весь текст выписан Симоной на греческом (пер. мой по французскому подстрочнику. — П. Е.). Стихотворные русские переводы Вяч. Иванова и С. Апта упускают некоторые мысли, важные именно в связи с обсуждаемыми в тетради вопросами.

¹⁰⁰⁸ Дворцово-парковый ансамбль в Париже, на левом берегу Сены, посреди Латинского квартала. Основан в нач. XVII в. Украшен большим количеством статуй исторических и мифологических персонажей. Одно из любимых мест воскресных прогулок горожан.

¹⁰⁰⁹ Вероятно, заметка относится к античной Греции и имеет смысл: созерцание произведений искусства давало грекам интуитивно воспринять длительность, т. е. время, пережитое, отложенное в коллективной памяти полисной общины. Здесь чувствуется отклик на размышления А. Бергсона о восприятии длительности в его книге «Введение в метафизику» (1903).

¹⁰¹⁰ Геометрия?

¹⁰¹¹ Обратим внимание на знак вопроса. Ниже следует рассуждение о «законной пропорции между сохранением и разрушением», в котором можно видеть пролог к размышлениям о способах борьбы израильтян с племенами Ханаана (см. K4, ms. 16, с. 319–320; ms. 53, с. 344–345); но Симону не меньше волновали повседневные события войны в Европе и России. Среди волнующих впечатлений тех дней были бомбардировки Италии английской авиацией, начатые превентивно с первых дней формального вступления Италии в войну (июнь 1940). С начала 1941 г. по конец лета 1943 г. Англия методич-

но усиливала налеты, переходя от ударов по военным предприятиям и портам к «ковровым» бомбардировкам, делая ставку на изнурение и деморализацию гражданского населения. Газеты и радиопетендовской Франции подавали факты бомбардировок с позиции держав Оси, отнюдь не приуменьшая потери среди мирных жителей и разрушения жилищ и памятников культуры. Симона, вообще преклонявшаяся перед твердым и непоказным мужеством британцев, не могла не сожалеть о жертвах и разрушениях, не обусловленных прямой военной необходимостью. Могла она вспомнить и жестокое нападение англичан на французский флот в Мерс-эль-Кебире 3–6 июля 1940 г., унесшее жизни около 1300 французских моряков. Весной 1941 г., когда Симону вызвали в марсельскую полицию, подозревая ее в «проанглийской деятельности», во время допроса была затронута и тема Мерс-эль-Кебира.

¹⁰¹² БАУ, V, 1, 1. Оригинал на деванагари.

¹⁰¹³ Там же.

¹⁰¹⁴ Может быть, это взгляд извне конфликта, извне непосредственной ситуации, с точки зрения дальних исторических перспектив?

¹⁰¹⁵ Ср. 1 Цар 15:2, 3, 7–11 (о войне Израиля против амаликитян): «Так говорит Господь Саваоф: (...) теперь иди и порази Амалика <и Иерима> и истреби все, что у него; <не бери себе ничего у них, но уничтожь и предай заклятию все, что у него;> и не давай пощады ему, но предай смерти от мужа до жены, от отрока до грудного младенца, от вола до овцы, от верблюда до осла. (...) И порази Саул Амалика от Хавилы до окрестностей Сура, что пред Египтом; и Агага, царя Амаликова, захватил живого, а народ весь истребил мечом <и Иерима умертвил>. Но Саул и народ пощадили Агага и лучших из овец и волов и откормленных ягнят, и все хорошее, и не хотели истребить, а все вещи маловажные и худые истребили. И было слово Господа к Самуилу такое: жалею, что поставил Я Саула царем, ибо он отвратился от Меня и слова Моего не исполнил». Важно отметить, что Симона прилагает к субъекту тотальной войны эпитеты, относимые к Богу: бесконечность, всемогущество, беспристрастие (последний — имеющий особое значение для Симоны — взят уже не из Ветхого, а из Нового Завета, с отсылкой к Мф 5:45). Мысль та, что ведущий тотальную истребительную войну уподобляет себя Богу-наоборот. Причем в ситуации с Саулом и Самуилом наставником в деле этого абсолютно-ложного самообожения выступает пророк, говорящий якобы от лица Бога. Наставление Са-

муила, равно как и кара Саулу за его неполное послушание, вписывается в священный текст на вечные времена как образец того, что Богу «угодно» и что «неугодно».

¹⁰¹⁶ Фукидид. История Пелопоннесской войны, V, 105. Подробнее см. примеч. 2746.

¹⁰¹⁷ См. примеч. 963.

¹⁰¹⁸ Fabrique.

¹⁰¹⁹ Сокращенная цитата из диалога Поля Валери «Душа и танец» (1921). Слова вложены автором в уста Сократа: «Нет сомнения, что единственным постоянным объектом души является несуществующее; то, что было и чего больше нет, то, что будет и чего еще нет, то, что возможно или невозможно, — вот чем занята наша душа, и никогда, *никогда* не живет она тем, что есть!» (пер. В. Козового). Симона добавляет от себя слово «собственный» и меняет «объект души» на «объект мысли».

¹⁰²⁰ Оба афоризма заимствованы Симоной из только что (осень 1941) вышедшего сборника Валери «Дурные мысли и прочее» (см.: Valéry P. Œuvres. P., 1966, t. II, p. 791, 795).

¹⁰²¹ Выписки из «Суммы теологии» св. Фомы см. К4, ms. 33 (с. 331–332). Там же он говорит о страдании Христа, «пропорциональном величию последовавшего отсюда плода». Симона сближает этот тезис с платоновским понятием о справедливости как о геометрическом равенстве (пропорции).

¹⁰²² Т. е. в сфере чистого разума.

¹⁰²³ Пер. В. Козового. См.: Valéry P. Œuvres. P., 1966, t. II, p. 823. Терапология — наука, изучающая происхождение, механизмы формирования и проявления врожденных пороков развития (в более узком смысле — изучение уродств).

¹⁰²⁴ Ibid., p. 803.

¹⁰²⁵ Ibid., p. 829. Фраза из «Дурных мыслей», представляющая собой, вероятно, отклик на статью А. Джарри «Антропофагия» (1902): «Антропофагия стала психофагией, хронофагией, поеданием чести, репутаций людей, их дарований, их времени... Закусывать человеческими ценностями — все равно что съесть заживо...»

¹⁰²⁶ Ibid., p. 822.

¹⁰²⁷ Ibid., p. 805–806. Описка Симоны: цикл записей Валери, из которого выбрана цитата, озаглавлен «Ego scriptor» («Я, писатель»).

¹⁰²⁸ Ср. у Валери: «У серьезного человека немного идей. Человек со множеством идей не бывает серьезным».

¹⁰²⁹ Ibid., p. 819.

¹⁰³⁰ Ibid., p. 818.

¹⁰³¹ Ibid., p. 819.

¹⁰³² Ibid., p. 819.

¹⁰³³ Ibid., p. 812.

¹⁰³⁴ Ibid., p. 845.

¹⁰³⁵ Ibid., p. 848.

¹⁰³⁶ Ibid., p. 850.

¹⁰³⁷ Ibid., p. 844.

¹⁰³⁸ Ibid., p. 831.

¹⁰³⁹ Ibid., p. 814.

¹⁰⁴⁰ Ibid., p. 811.

¹⁰⁴¹ Ibid., p. 820.

¹⁰⁴² Ibid., p. 854.

¹⁰⁴³ «Старая рука хозяина» (*англ.*) — старый раб говорит о своей руке как о принадлежащей его хозяину. Источник не установлен.

¹⁰⁴⁴ Из рассказов о философе Эпиктете (ок. 50 — после 120 г. н. э.), который родился рабом. Когда его жестокий хозяин неизвестно зачем стал выкручивать ему, еще мальчику, ногу, Эпиктет, не протестуя и не крича, только сказал: «Ты ее сломаешь». Тот действительно сломал ногу, и Эпиктет отреагировал просто: «Я же говорил, что сломаешь». Эпиктет остался хромым до конца жизни (Ориген, Против Цельса, VII, 53).

¹⁰⁴⁵ Valéry P. Œuvres, t. II, p. 853.

¹⁰⁴⁶ Ibid., p. 849.

¹⁰⁴⁷ Ibid., p. 855.

¹⁰⁴⁸ Ibid., p. 839.

¹⁰⁴⁹ Эта мысль заимствована из неизданных лекций Алена в лицее Генриха IV в 1927 г. (сохранена в конспектах Рене Шато, лицейского товарища Симоны).

¹⁰⁵⁰ В своих воспоминаниях Лоуренс описывает случаи, когда ему приходилось лично убивать или отдавать приказы об убийстве вне обстановки боя. Так, он собственноручно расстреливает бойца, убившего в ссоре товарища (Лоуренс берет казнь на себя, чтобы избежать череды кровной мести в бедуинском войске); он убивает, при отступлении, тяжело раненного соратника, который сам просит не оставлять его туркам живым; наконец, он расстреливает большую группу пленных турецких солдат, чей полк был повинен в резне мирного населения. Симона, глубоко уважая Лоуренса и

находя в нем внутреннюю «чистоту», с доверием ссылается на его моральный выбор. Проблема допустимого, законного и не оскверняющего душу насилия вообще глубоко волновала ее в годы войны, и не только в контексте военных событий. Этому уделено, в частности, место в трактате «Формы неявной любви к Богу» (глава «Любовь к ближнему»).

¹⁰⁵¹ БАУ, IV, 3, 36–38.

¹⁰⁵² См. КЗ, ms. 69–70 (с. 273).

¹⁰⁵³ *Le mond manifesté*.

¹⁰⁵⁴ Платон, Горгий, 508а. См. также КЗ, ms. 116 (с. 299–300).

¹⁰⁵⁵ Ср. БАУ, I, 1, 14: «Нет ничего выше дхармы. И бессильный надеется <одолеть> более сильного с помощью дхармы, словно с помощью царя. Ибо, поистине, дхарма есть правда».

¹⁰⁵⁶ Развитие и переосмысление БАУ, I, 1, 15.

¹⁰⁵⁷ Имеется в виду заповедь из Евангелия от Матфея: «Итак не заботьтесь и не говорите: „что нам есть?“ или: „что пить?“, или: „во что одеться?“ (...) Ищите прежде Царствия Божия, и праведности Его, и это все приложится (προσθεθήσεται) вам» (Мф 6:31, 33). «Приложится», т. е. будет дано в придачу — по-французски *donné par surcroît*.

¹⁰⁵⁸ БхГ, II, 56 в переводе В. Семенцова.

¹⁰⁵⁹ Там же, II, 62.

¹⁰⁶⁰ Там же, II, 65. У Симоны пропущено «вскоре» (оно имеется и в использованном ею французском переводе). Где у Семенцова «мысль», там во французском оригинале — «истина».

¹⁰⁶¹ Там же, II, 66. У Семенцова вместо «истины» — «мысли».

¹⁰⁶² Там же, II, 69. У Симоны фраза передана вольно. Муни — просветленный мудрец.

¹⁰⁶³ Там же, II, 70–71.

¹⁰⁶⁴ Там же, III, 27.

¹⁰⁶⁵ Там же, III, 29 (по переводу Симоны; у Семенцова иначе).

¹⁰⁶⁶ Вероятно, смысл: обладающий мудростью должен учитывать нравы и обычаи общества, в котором живет. Но здесь может быть также сокращено заглавие книги, материал из которой Симона вспоминает как аналогию. В 1930-е гг. во Франции неоднократно выходили этнологические книги с такими названиями. Например: McMunn G. *Mœurs et coutumes des basses classes de l'Inde*. P., 1934; Malinowski B. *Mœurs et coutumes des Mélanésien*s. P., 1933, и др.

¹⁰⁶⁷ Там же, III, 38–39 (краткая передача смысла).

- ¹⁰⁶⁸ Передан смысл фрагмента. У Семенцова несколько иначе.
- ¹⁰⁶⁹ Там же, V, 25.
- ¹⁰⁷⁰ Там же, V, 27 (пер. В. Семенцова).
- ¹⁰⁷¹ Там же, VI, 17 (суммирована мысль).
- ¹⁰⁷² Там же, VI, 19 (пер. В. Семенцова).
- ¹⁰⁷³ Там же, VI, 20. «Там, где мысль, упражнением в йоге / остановленная, замирает, / там, где в Атмане радость находит / созерцающий Атманом Атман» (пер. В. Семенцова).
- ¹⁰⁷⁴ О ней см. примеч. 1114.
- ¹⁰⁷⁵ У Семенцова вся строфа: «Кто лишь Атмана образ всюду созерцает в бесчисленных тварях, несмотря на их боль или радость, — тот считается йогиним высшим».
- ¹⁰⁷⁶ Передан смысл. Конец переданного фрагмента у Семенцова: «...в живущих Я, знай, — вожделье, когда дхарме оно не противно. (...) от Меня эти гуны возникли, они, Партха, во Мне, но не Я в них» (сами гуны, но не их производные, как у Симоны).
- ¹⁰⁷⁷ БхГ, VII, 25. У Семенцова иначе.
- ¹⁰⁷⁸ Там же, VII, 28. У Семенцова несколько иначе. Слово выделено Симоной.
- ¹⁰⁷⁹ У Семенцова иначе.
- ¹⁰⁸⁰ Там же, VIII, 10. У Семенцова: «Кто лишь о Нем в смертный час помышляет, меж бровей прану сосредоточив, тот, обузданный силою йоги и бхакти, всходит к дивному, Партха, Пуруше».
- ¹⁰⁸¹ Indétermination.
- ¹⁰⁸² Там же, VIII, 17. У Семенцова: «Всех существ несметные толпы пробуждаются к существованию, чтоб исчезнуть, лишь ночь наступит, чтоб возникнуть, лишь день настанет». Симона, явно стремясь провести параллель с Анаксимандром, использует термин «выход из неопределенности» (ἄλειτουργ).
- ¹⁰⁸³ Суммирован смысл.
- ¹⁰⁸⁴ Там же, IX, 15. У Семенцова: «Совершением жертвы знания почитают Меня иные как единого, многообразно обращенного к миру предметов». Вариант, принимаемый Симоной, послужит ей для обоснования идеи, что языческое многобожие скрывает под собой почитание Единого в разных ликах (в письме аббату Кутюрье).
- ¹⁰⁸⁵ Там же, IX, 26, 28, 34 (пересказ смысла). Перевод Симоны, в отличие от перевода Семенцова, имеет сильную христианизирующую тенденцию.
- ¹⁰⁸⁶ Там же, IX, 23–25.

¹⁰⁸⁷ Фома Аквинский, Сумма теологии, часть III, вопрос 46, артикул 6. Симона цитирует по французскому переводу; здесь фрагмент дается в переводе с латыни.

¹⁰⁸⁸ Иоанн Дамаскин (т. е. «уроженец Дамаска»; ок. 675–ок. 753) — христианский богослов, поэт-гимнограф, полемист. Первоначально придворный дамасского халифа, позднее монах и священник. «Точное изложение православной веры» Дамаскина долгое время являлось наиболее известным и авторитетным догматическим сводом христианской Церкви. Аквинат активно использовал его при создании своего богословского компендиума.

¹⁰⁸⁹ Далее выписаны фрагменты текста, в оригинале стоящие впереди.

¹⁰⁹⁰ Фома вводит как бы духовную аналогию феодальному понятию о «благородии», о душевном и телесном отличии нобиля, рыцаря от простолюдина. Христос в его изложении выглядит носителем некой утонченности, соответствующей благородству по крови.

¹⁰⁹¹ Комментарием к этой выписке могут служить высказывания Симоны в ее работах 1942 г.: «Если бы Искупление, со свойственными ему ощутимыми признаками и средствами, не присутствовало на земле изначально, нельзя было бы простить Богу (если позволительно использовать такие слова, не впадая в богохульство) несчастье стольких невинных: лишенных имени и родины, угнанных в рабство, преданных на пытки и умерщвленных в течение всех веков, предшествующих христианской эре. Христос пребывает на этой земле — во всяком случае, если люди Его не изгоняют — везде, где есть преступление и несчастье» (Письмо к аббату Кутюрье в: Ф, с. 442). «Те — столь многие! — из христиан, которые не имеют сил увидеть в каждом несчастье блаженный Крест, чтобы с благоговением склониться перед ним, — не имеют части со Христом» («Любовь к Богу и несчастье» в: Ф, с. 317).

Средневековые католические богословы и проповедники, как правило, резко и контрастно выделяли страдание Христа на фоне всех других человеческих страданий. Причина не только в том, что схоластическое богословие делало сильный акцент на искупительном характере Крестного Страдания, понимая его юридически и количественно (ср. «количество боли» у св. Фомы), но также и в аспекте социально-психологическом. Во-первых, общественное сознание было предельно иерархично: страдание и боль Христа, небесного Сеньора земной иерархии, по определению должны были весить безмерно больше, чем все страдания Его земных вассалов.

Во-вторых, средневековое христианское общество, «имея образ благочестия», было при этом переполнено страданием неизбыточным и тотальным (тем самым, что Симона определяет как *несчастье*), немалая доля которого проистекала из самого устройства этого общества, коренилась в пронизывающем его неравноправии, насилии и жестокости, в избыточном и непрерывно растущем присвоении труда и имущества «черни» привилегированными сословиями — и церковью как главным бенефициарием! Для средневекового клирика-богослова было дерзостью, едва ли не безумием — признать существенное тождество страданий Христа и страданий умирающего от голода и холода, замученного насмерть в междоусобном грабеже, пытаемого на дыбе, казнимого на виселице или на костре несчастного. Напротив, богослов или проповедник мог с удобством успокаивать собственную совесть и «утешать», «смирять» несчастных тем, что они-то страдают за грехи — собственные или своей «падшей природы» — в отличие от безгрешного Господа; что боль, унижение или смерть грубого, неразвитого виллана безмерно далеки от того, что переносили на Голгофе пречистые душа и плоть воплощенного Бога, образованные Святым Духом в утробе Девы. Для Симоны же, напротив, сам Христос страдал в виллане.

¹⁰⁹² Симона делает на этом акцент, п. ч. по ее собственным воззрениям, идущим от платонизма, в душе самого человека есть сверхъестественная часть.

¹⁰⁹³ «Мы чувствуем и познаем от опыта, что мы бессмертны» (*лат.*) — Спиноза, *Этика*, кн. V, пропозиция 23, схолия.

¹⁰⁹⁴ Рене Генон, *Царь мира*, гл. 5: «Обладание „чувством вечности“ связано с тем, что все традиции именуют, как говорилось выше, „первозданным состоянием“, обретение которого является целью первой стадии истинного посвящения и предварительным условием реального достижения „сверхчеловеческих“ состояний. Земной рай — это, собственно говоря, прообраз „Центра Мира“» (пер. Ю. Стефанова). Симона, делая ссылку, возможно, по памяти, заменяет «чувство вечности» (*sens de l'éternité*) на «чувство бессмертия».

¹⁰⁹⁵ Платон, *Государство*, кн. VI, 509b: «Солнце дает всему, что мы видим, не только возможность быть видимым, но и рождение, рост, а также питание, хотя само оно не есть становление» (пер. А. Егунова).

¹⁰⁹⁶ *Essentiellement*.

¹⁰⁹⁷ Ср.: БАУ, I, 5, 1: «Праджапати сотворил действия. Сотворенные, они вступили в спор друг с другом. Речь решила: „Я буду говорить“. Глаз: „Я буду видеть“. Ухо: „Я буду слышать“. И так же <решили> другие действия, <каждое> согласно <своему> делу. Смерть сделалась изнурением и одолела их, овладела ими. Овладев ими, смерть удержала их <от дел>. Поэтому и бывает изнурена речь, изнурен глаз, изнурено ухо. Но она не овладела тем, что есть срединное дыхание. Те <действия> хотели узнать его <и сказали>: „Поистине, оно — лучшее из нас, ибо — движется оно или не движется — оно не терпит ущерба и не гибнет. Давайте же примем все его образ“. И все они приняли его образ. Поэтому по его имени их и называют „дыханиями“» (пер. А. Сыркина).

¹⁰⁹⁸ Аристотель, О небе, IV, 4, 311b: «Термин <тяжелое или легкое> я употребляю: <1> имея в виду род, <2> только применительно к тем телам, которым не присущи оба <атрибута одновременно>. Так, мы видим, что любая величина огня, если ей не встретится на пути иное препятствие, движется вверх, а <любая величина> земли — вниз, и, чем больше, тем быстрее, но в том же направлении».

¹⁰⁹⁹ Напомним, что классификация Спинозы разделяет «познание 1-го рода» — «мнение или воображение», 2-го — «рассудок» и, наконец, познание 3-го рода — «интуитивное знание», которое «ведет от адекватной идеи о формальной сущности каких-либо атрибутов Бога к адекватному познанию сущности вещей» (Этика, часть 2, теорема 40, схолия 2). «Покрывало» — аллюзия на 2 Кор 3:14–16: «Но умы их ослеплены: ибо то же самое покрывало донныне остается неснятым при чтении Ветхого Завета, потому что оно снимается Христом. Донныне, когда они читают Моисея, покрывало лежит на сердце их; но когда обращаются к Господу, тогда это покрывало снимается».

¹¹⁰⁰ Суммированный смысл шестой главы «Бхагавад-Гиты».

¹¹⁰¹ Илиада, VI, 458. Словом *dur* (суровый, жестокий) Симона переводит греческое *κρτερός*, первое значение которого — «мощный, властный». Ср.: Гектор — Андромахе: «Будешь, невольница, в Арго-се ткать для другой, или воду / Станешь носить из ключей Мессеиды или Гипперей: / Необходимость заставит могучая, как ни печалься» (пер. В. Вересаева).

¹¹⁰² Термин Р. Генона.

¹¹⁰³ БхГ, I, 45–46 и др.: «Что за грех великий, о, горе, / совершить при-готовились все мы! / Ведь родных мы убить готовы, / вождедея

улад и царства. / Пусть меня, безоружного, ныне / убивают сыны
Дхритараштры: / я не стану им сопротивляться — / смерть такая
мне будет не в тягость» (пер. В. Семенцова).

¹¹⁰⁴ Ответ, пересказанный Ганди в статье «Сатьяграха. Гражданское неповиновение. Пассивное сопротивление» (март 1921). На вопрос молодого человека, как он может действовать в согласии с принципом ненасильственного сопротивления, если некий мужчина покусится насильно отнять честь у его сестры, Ганди ответил: «Я осмелился дать совет, что лучшим способом защиты было бы, не допуская в себе озлобления, встать между жертвой и насильником, не боясь смерти. Я прибавил, что этот новый (неожиданный для насильника. — П. Е.) метод, вероятно, остудил бы похоть насильника. (...) Мне показалось решающим доводом, что если даже дойдет до того, что он употребит физическую силу, ненависть его падет на мужчину, а не на женщину, и что если ее брат и она будут убиты, защищая ее честь, они оба будут в благоприятном положении перед Высшим Судом» (цит. по: Gandhi M. *La jeune Inde*. 1899–1921, P., 1925, p. 185–186).

¹¹⁰⁵ В PG эта строка опущена. Возможно, имеются в виду такие факты из жизни св. Франциска, как укрощение волка из Губбио (Фьоретти, гл. XXI).

¹¹⁰⁶ Ср.: Илиада, VIII, 69–73: «Взял промыслитель Кронид золотые весы, и на чашки / Бросил два жребия смерти, несущей печаль и страданья, — / Жребий троян конеборных и меднодоспешных ахейцев. / Взял в середине и поднял. / Ахейских сынов преклонился / День роковой». Для Симоны важно, что весы Зевса склоняются на ту или другую сторону помимо его собственных пристрастий. Итак, поведение человека, «подражающего Зевсу», должно быть свободно от пристрастий — политических, этнических, религиозных и т. п. Даже, например, сражаясь в такой-то военной коалиции, он в каждый момент решает, как поступать, следуя собственной дхарме.

¹¹⁰⁷ Сравнить эту мысль со сказанным о Жанне д'Арк в K3, ms. 78 (с. 279).

¹¹⁰⁸ Т. е. греховным, злым образом, как непросвещенный.

¹¹⁰⁹ *Seulement un mobile*.

¹¹¹⁰ «Противоположное добру». Ср. Платон, Теэтет, 176а: «*Сократ*. Но зло неистребимо, Феодор, ибо непременно всегда должно быть что-то противоположное добру. Среди богов зло не укоренилось,

а смертную природу и этот мир посещает оно по необходимости» (пер. Т. Васильевой). Ср. также K5, ms. 36 (с. 17).

¹¹¹¹ См. примеч. 753.

¹¹¹² Платон, Тимей, 68е: «Все выпеназванные вещи, рожденные в то время под воздействием необходимости, взял в свои руки демиург самой прекрасной и лучшей из возникших вещей, вознамерившись породить самодовлеющего и совершеннейшего бога; причинами, которые присущи самим вещам, он пользовался как вспомогательными, но при этом сам направлял каждую из возникших вещей ко благу. Поэтому должно различать два вида причин — необходимые и божественные — и отыскивать во всем причины второго рода, дабы стяжать через это для себя блаженную жизнь, насколько природа наша это допускает» (пер. С. Аверинцева).

¹¹¹³ Passe dans existence.

¹¹¹⁴ Ср.: Р. Генон. Человек и его становление согласно Веданте, гл. 24: «Что касается состояния йогина, который посредством Знания стал „освобожденным при жизни“ (...) и осуществил „Высшее Тожество“, мы еще раз процитируем Шанкарачарью (...). „Йогин, интеллект которого совершенен, всегда созерцает вещи как присутствующие в нем самом (в его собственном высшем «Я», без какого-либо различения внешнего и внутреннего), и таким образом, посредством ока Знания (Jnana-chakshus, выражение, достаточно точно переводимое как „интеллектуальная интуиция“), он осознает (или, скорее, познает, не рационально или дискурсивно, но путем прямого постижения и непосредственного „приятия“), что всякая вещь есть Атман (...) что он сам есть все вещи (ибо нет никакой вещи, которая была бы чем-то иным, нежели он сам или его собственное высшее „Я“» (пер. Н. Тирос).

¹¹¹⁵ Où?

¹¹¹⁶ Esprit. Здесь это слово, очевидно, используется в широком спектре своих значений: ум, дух, жизненная способность, сознание, сноровка и др.

¹¹¹⁷ Ср.: ЧУ, V, 4–9: «4. Поистине, Гаутама, тот мир есть <жертвенный> огонь. Солнце — его топливо, лучи — дым, день — пламя, луна — угли, звезды — искры. На этом огне боги совершают жертвоприношения веры. Из этого жертвоприношения возникает владыка Сома. 5. Поистине, Гаутама, Парджанья есть <жертвенный> огонь. Ветер — его топливо, тучи — дым, молния — пламя, гром — угли, град — искры. На этом огне боги совершают жертвоприношения

владыки Сома. Из этого жертвоприношения возникает дождь. 6. Поистине, Гаутама, земля есть <жертвенный> огонь, год — его топливо, пространство — дым, ночь — пламя, страны света — угли, промежуточные страны света — искры. На этом огне боги совершают жертвоприношения дождя. Из этого жертвоприношения возникает пища» (пер. В. Шеворошкина).

¹¹¹⁸ БАУ, I, 4, 14. Оригинал на деванагари.

¹¹¹⁹ Вертикальная полоса проведена по полю до слов: «Все, что силой...».

¹¹²⁰ См. K1, ms. 62 (с. 120).

¹¹²¹ Брахман — в ведийской философии понятие, обозначающее надличностный, индифферентный абсолют, «душу мира», первооснову всех вещей и феноменов. Брахману не может быть дано никакое позитивное определение, дать ему характеристику можно только через отрицание: бесконечный, неизменный, неподвижный; понятие «принадлежность» (attribute, у Симоны) применительно к нему не используется. В ведийской философии концепция Брахмана (то есть Бога-Абсолюта) тесно связана с личностным восприятием каждым человеком всеобъемлющего Бога в качестве индивидуального Атмана — своего наивысшего запредельного «Я».

¹¹²² Angoisse.

¹¹²³ «Я пропал, от меня ничего не останется» (лат.).

¹¹²⁴ Впрочем, античная моралистика всегда выставляла раба именно как существо, «жалко колеблющееся между желанием и страхом». Невоздержность, склонность к пресыщению, отсутствие меры в желаниях считались такими же «рабскими» проявлениями, как и страх.

¹¹²⁵ Здесь это слово употреблено в смысле: «последствия содеянного».

¹¹²⁶ БхГ, II, 33–36: «Если ж ты эту славную битву / вопреки своей дхарме покинешь — / то, свой варновыи долг и славу / погубив, лишь грехом осквернишься. / Твое имя хулить и бесславить / будут люди не переставая; / благородному же бесславье / отвратительней даже смерти. (...) / А враги, над тобой потешаясь, / слов обидных не пожалуют, / силу, доблесть твою ругая; / что ж большее, скажи, чем это?» (пер. В. Семенцова).

¹¹²⁷ Saveur.

¹¹²⁸ L'ordre de la cité. Характерно, что в качестве синонима слова «государство» Симона выбирает здесь cité, городская община, полис. Поистине, это именно случай, когда государство не должно пред-

ставать человеку безличной, бездушной машиной, а живой тканью отношений, морального единства, традиций, истории своих граждан. Несомненно и то, что для Симоны, с ее любовью к классической Греции, с ее многолетними симпатиями к анархо-синдикализму, наиболее желательной формой государства была гражданская община полисного типа. Слово *ordre* здесь было бы слишком слабо перевести русским «порядок». Здесь *ordre* употреблен как аналог греческого *κόσμος* — строй общества как отражение красоты мира. В трактате «Формы неявной любви к Богу», который напишет Симона совсем скоро (в начале весны 1942), выражения *l'ordre du monde* (порядок мира) и *beauté du monde* (красота мира) будут употребляться как синонимы.

¹¹²⁹ По контексту полагаем, что здесь имеется в виду террор не как способ существования режимов, основанных на неограниченном произволе, вроде русской опричнины, диктатуры Дювалье на Гаити или «Центральноафриканской империи» Бокасссы, но как бы вынужденные необходимостью акты террора; пример — описанный Лоуренсом Аравийским случай расстрела пленных солдат турецкого полка, повинного в массовых убийствах мирных жителей. Впрочем, дальше Симона перейдет к сюжетам ветхозаветной истории — истреблению евреями ханаанейских племен как «носителей нечестия» (что, очевидно, тоже приравнивалось к состоянию необходимости).

¹¹³⁰ Геродот, История, кн. VI, 103–117. Не совсем понятен переход от темы смертной казни и устрашающих кар. В соответствующей части «Истории» о подобном не говорится; упоминается разве что случай, когда царь Дарий I — непосредственно после Марафонского разгрома, когда, казалось бы, можно было ожидать от него проявлений гнева и особой жестокости, удержался от террора в отношении восставших против персидской власти жителей острова Эретрии (там же, 100, 115, 119).

¹¹³¹ *Ta clémence*.

¹¹³² Ср. Овидий, Письма с Понта, кн. IV, послание I (Сексту Помпею), ст. 25–26 (примерный перевод).

¹¹³³ В библейских книгах, описывающих истребительные войны в Ханаане, проводится именно эта мысль: истребление ханаанеев было необходимо, чтобы «избранный народ» не приучился к терпимости к «их мерзостям» и не утратил своего исключительного избранничества. При этом по ходу повествования многократно отмеча-

ется, что, даже истребляя жителей Ханаана, евреи систематически впадали в идолослужение. В итоге реальным мотивом как завоевательной «священной» войны, так и уничтожения целых племен остается самый обычный и всеобщий интерес в подобных случаях: захват земли и присвоение плодов чужого труда.

¹¹³⁴ См. примеч. 827.

¹¹³⁵ Подавление несогласных внутри самого израильского лагеря было не менее жестоким, чем истребление иноплеменников (ср. К4, ms. 53, с. 345). Сочетание террора с мечтами о «молочных реках», как две побудительных силы в выполнении государственных задач — знакомо нам и по нашей собственной, не особенно давней, истории.

¹¹³⁶ Проблему посредства между Богом и социумом.

¹¹³⁷ Между иудаизмом и христианством. Фактически, ислам, обрастая традициями, хоть и не до той степени, как христианство, но в определенной мере вобрал в себя культ святых и священных мест. В суфизме к этим посредствам прибавились авторитет шейха и сплоченность братства (тариката) с его специфической молитвенной практикой, обряды зикра, интенсивно использующие «коллективное бессознательное», и т. д.

¹¹³⁸ Ин 17:22–23. Именно так, в виде единого предложения, это место предстает в греческом тексте, в Вульгате и французских переводах. В ряде славянских печатных изданий (например, в Острожской Библии, в богослужебных Евангелиях) и в русском Синодальном переводе обе части разделены между разными предложениями.

¹¹³⁹ Ин 15:9.

¹¹⁴⁰ «Знаю Моих, и Мои знают Меня; как Отец знает Меня, так и Я знаю Отца» (Ин 10:14–15).

¹¹⁴¹ См. примеч. 926.

¹¹⁴² Эрос, любовное вожделение (*грег.*).

¹¹⁴³ Fixes.

¹¹⁴⁴ Эпизод странствия по пустыне Агари, изгнанной из дома Авраама.

¹¹⁴⁵ Исход 6:2, 3 (в вольной передаче). В Синодальном русском переводе вместо слов «Вечный», «Существо неизменяемое» стоит «Господь».

¹¹⁴⁶ Быт 1:11–12, 29.

¹¹⁴⁷ Быт 3:16–19.

¹¹⁴⁸ Быт 9:5, 6.

¹¹⁴⁹ Быт 11:7.

- ¹¹⁵⁰ Быт 34:1–31. Истребление сыновьями и домочадцами Авраама жителей города Сихема под предлогом мести за поруганную честь сестры.
- ¹¹⁵¹ Быт 12:12–20; Быт 26:6–11 (идентичные эпизоды в биографиях Авраама и Исаака).
- ¹¹⁵² Исх 17:14.
- ¹¹⁵³ Исх 32:27, 28.
- ¹¹⁵⁴ Втор 7:2–5.
- ¹¹⁵⁵ В тексте у Симоны в этом месте стоит «истребление» (extermination).
- ¹¹⁵⁶ Втор 20:10–18.
- ¹¹⁵⁷ 1 Цар 15:2, 3.
- ¹¹⁵⁸ БАУ, I, 4, 2 (оригинал на деванагари; пер. А. Сыркина). «Он» — Пуруша, т. е. согласно индуистской мифологии, существо, из тела которого была создана Вселенная, человек, и все творения. Цитата сделана Симоной на деванагари.
- ¹¹⁵⁹ Ср. Мф 5:43–45: «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных».
- ¹¹⁶⁰ Возвращение к теме, обсуждавшейся на K4, ms. 47 (с. 340).
- ¹¹⁶¹ Мифологические примеры несменяемого, замкнутого на себе труда, как тяжелейшего наказания.
- ¹¹⁶² СП: «Всякий, делающий злое, ненавидит свет» (Ин 3:20). Симона предлагает свою трактовку фразы.
- ¹¹⁶³ Слово φαῦλος имеет среди своих значений и «ничтожный, слабый».
- ¹¹⁶⁴ L'insignifiant.
- ¹¹⁶⁵ «Вижу и одобряю лучшее, но следую худшему» (лат.; Овидий, Метаморфозы, VII, 20).
- ¹¹⁶⁶ Рим 7:15.
- ¹¹⁶⁷ Есть основания считать, что это, в частности, его имеет в виду Симона в письме Жоржу Бернаносу (май 1938): «Однажды два анархиста рассказывали мне, как они, вместе с товарищами, схватили двух священников. Одного убили в присутствии другого выстрелом из револьвера, а другому сказали, что он может идти. А когда он сделал пять шагов, застрелили. Тот, кто это рассказал, был очень

удивлен, что мне не смешно. (...) Мужчины, очевидно, смелые, — я говорю о тех, чью смелость могу засвидетельствовать сама, — за столом, в веселой компании, с прекрасной, чистой улыбкой на устах рассказывали, сколько они убили попов или «фашистов» (определение весьма широкое)» (Ф, с. 355–356).

¹¹⁶⁸ Жиль де Рэ (1404–1440) — граф, полководец Столетней войны, сподвижник Жанны д'Арк, казненный в октябре 1440 г. по обвинению в вероотступничестве, магии, содомии, мучительстве и убийствах детей (доказанным суд счел убийство ста пятидесяти детей, сам де Рэ под пыткой признался в смерти целых восьми сотен). В настоящее время ряд историков выражает сомнения в законности суда, считая процесс инспирированным. Об историческом романе Ланца дель Васто «Жиль де Рэ» см. примеч. 1003.

¹¹⁶⁹ Grâce. Перевод этого многозначного слова у Симоны бывает сопряжен с трудностями, т. к. оно используется по всему спектру его смыслов. Кроме таких значений, как «милость» и «благодать», оно имеет и явные эстетические коннотации (которые отчасти отражены в русском слове «грация»).

¹¹⁷⁰ Ярko иллюстрируют эту мысль мемуарные свидетельства о некоторых типах русской революции 1917 г.: «Преимущественно это были молодые люди, примкнувшие к левым эсерам и большевикам, довольно невежественные, но чувствовавшие решительную готовность к переустройству мира. Философствовали непрерывно и непременно в экстремистском духе. Люди были широкие. Мало ели, но много пили. Не то пламенно веровали, не то пламенно кощунствовали. (...) Основным образом длились на два типа. Первый — мрачный брюнет с большой бородой. Второй — белокурый юноша с длинными волосами и серафическим взором, слегка «нестеровского» облика. И те, и другие готовы были ради ближнего отдать последнюю рубашку и загубить свою душу. Самого же ближнего — тут же расстрелять, если того «потребует революция». Все писали стихи и все имели непосредственное касательство к чека. Кое-кто из серафических блондинов позднее прославился именно на почве расстреливания» (Вл. Ходасевич, «Некрополь»).

¹¹⁷¹ В этом случае взгляд Симоны на добродетель отличается от классически-христианского, находящего опору в определенном (но единственно ли возможном?) толковании евангельских слов Христа: «В то время ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в Царстве Небесном? Иисус, призвав дитя, поставил его посре-

ди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном» (Мф 18:1–4). Ср. у ап. Павла: «На злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетними» (1 Кор 14:20). О христианском — в особенности, монашеском — идеале «младенческого незлобия», «чудесной невинности по ту сторону житейского опыта» см. подробно: Аверинцев С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997, с. 182 и слл. (гл. «Мир как школа»). Этике «игнорирования зла» сопутствовала общая убежденность отцов Церкви, что «зла в природе не существует» (Диадок Эпирский), но оно есть лишь «недостаток деятельности присущих естеству сил в отношении к цели и решительно не есть что-либо другое» (св. Максим Исповедник).

¹¹⁷² Имеются в виду сказки о великанах, орках, жизненная сила которых находится в тайном месте, вне их тела. Русский аналог — Кощей Бессмертный, чья смерть спрятана «на конце иглы, та игла в яйце, то яйцо в утке, та утка в зайце, тот заяц в сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и то дерево Кощей как свой глаз бережет» (сказка «Царевна-лягушка»). Со сказочными персонажами сближается и библейский Самсон, чья сила тоже находится вне его тела — в волосах. Эту тему Симона Вейль комментирует следующим образом: «Тот, кто целиком полагает свое сердце в некоем месте, удаленном от себя самого — например, в каком-то великом деле, в нации, в государе — становится очень сильным, ибо ничто быющее лично по нему не может его коснуться. (...) Но, при всей своей силе, он уязвим: он хоть и держит свое сердце далеко, но все же в пределах этого мира; поэтому несчастье всегда может поразить то место, где он положил свое сердце» (цит. по: Simone Weil: *La Soif de l'absolu*. Marseille, 1990, p. 43–44).

¹¹⁷³ Платон, Тимей, 86е: «Когда так называемую невоздержность в удовольствиях хулят как добровольную порочность, хула эта почти всегда несправедлива: никто не порочен по доброй воле, но лишь дурные свойства тела или неудавшееся воспитание делают порочного человека порочным, притом всегда к его же несчастью и против его воли» (пер. С. Аверинцева).

¹¹⁷⁴ Ср.: Апулей, *Метаморфозы*, VI, 21. Венера, задумав разлучить своего сына Амура с его возлюбленной Психеей, поручает ей спуститься в Тартар, и взять для нее у богини подземного мира Прозерпины ларец с красотой. Психея получает ларец и, перед тем, как отдать

Венере, сама открывает его, желая воспользоваться толикой красоты для себя. Вместо красоты из ларца вырывается смертоносный пар, который усыпляет любопытную девушку мертвым сном. Но Амур успевает спасти возлюбленную и, вопреки сопротивлению матери, делает Психею своей супругой.

¹¹⁷⁵ Ср. в другом месте: «Существует некий инстинкт сохранения, который заставляет нас оставаться такими, каковы мы есть (...). Он велит нам бежать от света, потому что свет меняет. Он не препятствует угрызениям совести, потому что в них нет света. Напротив. Угрызения совести — это желание укрыться» (К6, ms. 113, с. 185).

¹¹⁷⁶ Т. е. сознает то, сколь мало, при всех своих благодеяниях, возвышается над творящими зло, — о чем сказано в предыдущем предложении. Для Симоны трезвое, не ищущее оправданий, внимательное всматривание в свои недостатки есть залог будущей победы над ними, равно как тот, кто признателен к чужой добродетели, способен обрести эту добродетель и сам (ср. Ф, с. 193).

¹¹⁷⁷ Аллюзия на Иоанна Дамаскина и Фому Аквинского. Ср. К4, ms. 33 (с. 331).

¹¹⁷⁸ Симона, вредя стилю, но явно сознательно употребляет одно и то же слово *société* как для гражданского общества, так и для маргинальных и преступных групп.

¹¹⁷⁹ «Негативная добродетель» — частый термин у Симоны Вейль, имеющий смысл: добродетель, как верность моральному запрету. Соответственно, позитивная добродетель — верность моральному побуждению.

¹¹⁸⁰ Т. е. воздержанием, неделанием того, что недостойно.

¹¹⁸¹ Т. е. «*loi de bassesse*», закон низости (*фр.*). Вертикальная черта идет до конца абзаца.

¹¹⁸² Как вещь, повинующаяся силе тяжести.

¹¹⁸³ *Loi du lus basse e du plus haut*, закон соответствия между самым высоким и самым низким.

¹¹⁸⁴ Одиссея, XII, 173–200.

¹¹⁸⁵ *Grâce*.

¹¹⁸⁶ Речь идет о трактовке образа Жиля де Рэ в одноименном романе Ланца Дель Васто. См. К4, ms. 11 (с. 315) и примеч. 1003.

¹¹⁸⁷ *Grâce*.

¹¹⁸⁸ См.: К2, ms. 109 (с. 218).

¹¹⁸⁹ Балья — «состояние, сравнимое с состоянием ребенка (*bala*); это стадия „не-экспансии“, если можно так выразиться, где все силы

существа как бы сосредоточены в одной точке, осуществляя через это их соединение недифференцированную простоту, внешне сходную с эмбриональной потенциальностью» (Р. Генон, Человек и его осуществление согласно Веданте, гл. XXIII; пер. Н. Тирос). «В индийской доктрине состояние „детства“ (балья), понимаемое в духовном смысле, рассматривается как предварительное условие для приобретения знания» (Р. Генон, Символика креста, примеч. 96; пер. Т. Фадеевой).

¹¹⁹⁰ Вероятно, ссылка на строки «Гимна смерти» из сборника «Гармонии поэтические и религиозные» (1835): «Я жажду, а ты бессмертье / Пить будешь из источника живого, / Откуда текут времена и дни» (пер. мой. — П. Е.). Альфонс де Ламартин (1790–1869) — французский поэт-романтик, романист, историк и консервативный политический деятель.

¹¹⁹¹ Ср. Чжуан-цзы, 22: «Некий купец, ковавший крюки для предводителя царского войска, в возрасте восьмидесяти лет ничуть не утратил своего мастерства. — «Как ты искусен! — воскликнул военачальник. — Есть ли у тебя Путь?» — «Да, есть, и ваш слуга бережно хранит его, — ответил кузнец. — Когда мне было двадцать лет, я полюбил кузнечное ремесло, ни на что другое внимания не обращал, ничего, кроме крюков, не изучал. Я был так поглощен своим делом, что даже не замечал, чем я занимаюсь. Вот так, незаметно для себя трудясь в течение долгого времени, я извлек для себя великую пользу! Так и нужно относиться к любому делу в жизни» (пер. В. Малявина).

¹¹⁹² S'y laisser aller.

¹¹⁹³ БАУ, I, 5, 21. В издании СЕС правильность перевода Симоны в некоторых нюансах оспаривается; отметим, что ее версии близок русский перевод А. Сыркина.

¹¹⁹⁴ БАУ, I, 5, 22. Вайю — божество ветра. По переводу Сыркина: «Ветер — это божество, которое никогда не садится».

¹¹⁹⁵ БАУ, I, 5, 23. У Сыркина конец: «Лишь оно — сегодня и оно — завтра. (Поистине, что они решили раньше, то делают и сегодня.)»

¹¹⁹⁶ Так в издании СЕС, но здесь, вероятно, описка Симоны или ошибка публикаторов; должно быть «деяние»: action вместо atman. Вот фрагмент, который кратко суммирован в записи Симоны: «Поистине, <все> это — триада: имя, образ, деяние. <Что касается> их имен, то источник их — речь, ибо от нее происходят все имена. Она — их песнопение, ибо она — общая для всех имен. Она — их

Брахман, ибо она несет все имена. Теперь — об образах: источник их — глаз, ибо от него происходят все образы. Он — их песнопение, ибо он — общий для всех образов. Он — их Брахман, ибо он несет все образы. Теперь — о деяниях: источник их — тело, ибо от него происходят все деяния. Оно — их песнопение, ибо оно — общее для всех деяний. Оно — их Брахман, ибо оно несет все деяния. Эта триада едина, это Атман. Атман, будучи единым, есть эта триада» (БАУ, I, 6, 1–3; пер. А. Сыркина).

¹¹⁹⁷ Там же, I, 6, 3.

¹¹⁹⁸ См.: К4, ms. 64 (с. 353). Симона размышляет над нравственной трансформацией Жилия де Рэ в романе Ланца Дель Васто в связи с работой над образом собственного героя — Жаффье.

¹¹⁹⁹ См.: К3, ms. 84 (с. 283).

¹²⁰⁰ Сома — жертвенный напиток богов, персонифицируемый как божество, агни — огонь (поедающий жертву). Таким образом, любое поедание возводится к принципу жертвы.

¹²⁰¹ БАУ, гл. I, 2, 7: «Итак, их двое — жертвенный огонь и жертвоприношение коня. И опять же, они — одно божество: смерть» (оригинал на деванагари; пер. А. Сыркина).

¹²⁰² Записано латинской транскрипцией; остальные цитаты записаны на деванагари.

¹²⁰³ БАУ, I, 3, 1–16.

¹²⁰⁴ Там же, I, 2, 7.

¹²⁰⁵ Ср. К4, ms. 59 (с. 349).

¹²⁰⁶ Ср. К3, ms. 112 (с. 297) и примеч. 941.

¹²⁰⁷ Прем Сол 11:20 (интерпретация Симоны). В оригинале: «ἀλλὰ πάντα μέτρῳ καὶ ἀριθμῷ καὶ σταθμῷ διέταξας». СП: «Ты все расположил мерою, числом и весом».

¹²⁰⁸ Источник цитаты нам не удалось установить.

¹²⁰⁹ Даем эту формулу, являющуюся предметом оживленных дискуссий среди философов и историков философии, в переводе Симоны: «Рождение вещей начинается с неопределенности, и возвращением к ней же, в силу необходимости, заканчивается их разрушение; ибо они подлежат каре и искуплению друг от друга за их несправедливость, согласно порядку времени» («Комментарии к пифагорейским текстам», т. 2, с. 338). О личности Анаксимандра и интерпретациях его формулы см. т. 2, примеч. 2762.

¹²¹⁰ Волновая механика — основанная в 1924 г. Л. де Бройлем и разработанная Э. Шрёдингером теория атома, в математической форме

объединяющая волновые и корпускулярные свойства материи. Согласно этой теории, материальная частица является сгустком энергии пакета волн, называемых «волнами материи», которые распространяются со сверхсветовой скоростью (двойственная природа материи). Волновая механика получает, хотя и другим путем, те же результаты, что и квантовая механика.

¹²¹¹ Non pas emboîtant, mais se superposant.

¹²¹² Фраза, кроме того, что подчеркнута, еще и отмечена девятью вертикальными линиями на поле.

¹²¹³ Комментарий в ЕС: «Проявление или действие пракрити понимается как разрыв равновесия. Гуны порождают неравновесие, они суть само это неравновесие. Они знаменуют переход от единства к обусловленностям (déterminations), от одного к трем. Однако их присутствие предоставляет возможность восстановления равновесия: все втроем они образуют некую структуру (в общем и частном порядке), позволяющую вновь установить, вернуть равновесие, сначала сил, которые они представляют, а затем и их соотношений».

¹²¹⁴ Ср. убежденность Декарта в том, что в природе не существует пустоты, но все заполнено материей. На этой концепции строится декартова физика.

¹²¹⁵ Филолай, фр. 1: «Природа, сущая в космосе, гармонически слажена из беспредельного и определяющего; так устроен и весь космос, и все, что в нем» (пер. Е. Трубецкого). Ср. также: «Древние, бывшие лучше нас и обитавшие ближе к богам, передали нам сказание, гласившее, что все, о чем говорится как о вечно сущем, состоит из единства и множества и заключает в себе сросшиеся воедино предел и беспредельность» (Платон, Филеб, 16с; пер. Н. Самсонова).

¹²¹⁶ Ср. Гераклит, фр. 60.

¹²¹⁷ Термин, которым в индуизме называются члены трех высших варн (брахманы, кшатрии и вайшьи), прошедшие обряд упанаяна — формального посвящения в изучение Вед. Обряд упанаяны совершается над мальчиком из варны брахманов как минимум на седьмом году от рождения, над мальчиком из варны кшатриев — на тринадцатом, и над мальчиком из варны вайшьев — на семнадцатом. Упанаяна символизирует второе рождение и дает право участвовать в ритуалах. Женщины и шудры к обряду не допускаются.

¹²¹⁸ Рим 6:8: «Если же мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним».

¹²¹⁹ Рим 6:13: «И не предавайте членов ваших греху в орудие неправды» (ἁδικία — неправедность, несправедливость).

¹²²⁰ Платон, Тимей, 47е: «Между тем гармонию, пути которой сродны круговращениям души, Музы даровали каждому рассудительному своему почитателю не для бессмысленного удовольствия — хотя в нем только и видят нынче толк, — но как средство против разлада в круговращении души, долженствующее привести ее к строю и согласованности с самой собой». Там же, 80b: «Когда более медленные звуки настигают движения более быстрых, ранее дошедших до нашего слуха, те оказываются уже обессилевшими, а их движения — подобными движениям, которые вносят при своем запоздалом прибытии более медленные звуки; таким образом, последнее не становится причиной разлада, но вместо этого начало медленного и конец быстрого движения уподобляются друг другу, и так возникает единое состояние, в котором высокое и низкое звучания смешаны. При этом неразумные получают удовольствие, а разумные светлую радость от того, что и смертные движения через подражание причастны божественной гармонии» (пер. С. Аверинцева).

¹²²¹ Платон, Филеб, 17b–d: «Ни то, что мы знаем беспредельность звука, ни то, что мы знаем его единство; лишь знание количества звуков и их качества делает каждого из нас грамотным. (...) Но то же самое делает человека сведущим в музыке. (...) Согласно этому искусству, звучание в нем также одно. (...) Однако же мы признаем два звучания — низкое и высокое и третье — среднее. (...) Предшественники наши, открывшие эти системы, завещали нам, своим потомкам, называть их гармониями и прилагать имена ритма и меры к другим подобным состояниям, присущим движениям тела, если измерять их числами; они повелели нам, далее, рассматривать таким же образом всякое вообще единство и множество...» (пер. Н. Самсонова).

¹²²² В течение одной долгой ночи можно наблюдать созвездия всех времен года.

¹²²³ Causées par la hauteur.

¹²²⁴ Филолай, фр. 10. В интерпретации А. В. Лебедева — «согласие несогласных (собственно „единомыслие разномыслящих“»)» (Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989. Ч. 1, с. 442). С ним соглашается и А. Ф. Лосев. Симона предлагала и другие переводы этой формулы: «общая мысль о том, что мыслят отдельно», «еди-

ная мысль отдельных мыслящих», считая возможным относить ее и к триединству Бога (см. в статье «Комментарии к пифагорейским текстам» в т. 2 наст. изд.).

¹²²⁵ Филолай, фр. 6: «Вещи же подобные и однородные несколько не нуждаются в гармонии» (пер. А. Лебедева).

¹²²⁶ Строка из черного, отвергнутого варианта стихотворения «Звезды», которое Симона многократно перерабатывала до последних дней жизни. Полный текст см. т. 2, с. 81.

¹²²⁷ Intelligence.

¹²²⁸ Convenance.

¹²²⁹ Средневековое богословие Востока и Запада охотно обращалось к аргументации этического и эстетического характера, не только исходя из понятия о Боге как об абсолютном Благе и творце всякого блага, но и приводя в качестве довода иерархическое «благоприличие», то, что «подобало бы Божественному достоинству», или наилучшим образом его «являло» (как являл достоинство царства византийский придворный ритуал). Этот метод унаследовал и охотно использовал и св. Фома Аквинский. Ср.: Сумма против язычников, т. II, гл. 35, 1, 7. Курсивом отмечены примеры подобной аргументации: «Божьей воле *подобало* создать тварь, причастную Божьей благодати, чтобы она представляла эту благодать через свое ей подобие. Но такой представитель не бывает равен тому, что он представляет; следствие *не должно быть* тождественно причине, чтобы представлять ее; поэтому бесконечная благодать *не должна была производить непременно* вечные создания. Напротив: превосходящее бывает представлено тем, что уступает ему. Так вот, превосходство Божьей благодати над тварью *наилучшим образом проявляется* в том, что тварь была не всегда. Это *наилучшим образом* свидетельствует о том, что все, кроме Бога, обязано своим бытием другому; а также о том, что сила Божия *не обязана* создавать что бы то ни было, в отличие от природы, производящей свои создания <по необходимости>; и что, следовательно, Бог действует, руководствуясь своей волей и разумом. Те же, кто полагает творение вечным, должны исходить из противоположных посылок» (пер. Т. Бородай).

¹²³⁰ «Итак, звук будем считать вообще за удар, через уши, посредством воздуха, мозга и крови, передаваемый душе, а за слух — возбуждаемое им движение, идущее от головы и оканчивающееся в области печени. И быстрый удар будет высоким звуком, а медлен-

ный — низким, равномерный — ровным и мягким, а противный тому — резким, сильный — громким, а противоположный сильно-му — слабым» (пер. В. Карпова).

¹²³¹ В этом пассаже буквальный перевод из Платона сочетается с собственной интерпретацией Симоны Вейль.

¹²³² Платон, Филеб, 17c–17d в сокращенном переводе Симоны. Приводим тот же фрагмент в переводе Карпова — более буквальном, хотя и несколько архаичном: «Возьмешь ты численно количественные и качественные расстояния в голосе высоком и низком, и пределы этих расстояний, и все происходящие из них соединения, какие замечены и нам, последующим, переданы предшественниками, и назовешь это гармонией, да возьмешь и другие такие же свойства, бывающие в движениях тела, которые, как измеряемые также числами, надобно называть ритмом и тактом».

¹²³³ Монтескье, О духе законов, V, 13: «Когда дикари Луизианы хотят достать плод с дерева, они срубают дерево под корень и срывают плод. Таково деспотическое правление» (пер. А. Горнфельда).

¹²³⁴ Размышление над евангельскими словами: «Кто хочет идти за Мною, да отвергнется себя и возьмет крест свой и за Мною идет» (Мф 16:24), — в сопоставлении с индуистскими учениями и духовными практиками.

¹²³⁵ Ensemble — целое, совокупность.

¹²³⁶ Condition d'existence. Условия существования — термин, в первую очередь, физико-математический, используемый также в биологии, социологии, праве. Мы можем предполагать, что Симона, с ее приверженностью к методу геометрических аналогий, заимствует его именно из математики, где он максимально нейтрален, не склоняясь ни на одну из сторон в паре «причина — следствие».

¹²³⁷ Муха лягушкоедка (*Lucilia bufonivora*), личинки которой способны развиваться только в теле пораженной ими лягушки, и в процессе развития полностью съедают ее.

¹²³⁸ Вопрос о том, что «позже» или «раньше» (знаменитый вопрос о «курице и яйце»).

¹²³⁹ Les mettre à jour — обновить, привести в соответствие с новыми требованиями. Впрочем, социальная политика в современной Франции, кажется, давно возвела эту ситуацию в систему.

¹²⁴⁰ Être.

¹²⁴¹ Néant — небытие, ничто.

¹²⁴² Аббревиатура означает «loi d'énergie», закон энергии (*фр.*).

- ¹²⁴³ В сочинениях св. Хуана де ла Крус «темной ночью» именуются стадии духовного кризиса, сопровождающие переход мистика-подвижника на новый уровень, которые характеризуются «пустотой и наготой» души, чувством богооставленности, доходящем почти до потери веры, когда душа подвижника пробирается среди своих трудов, искушений, сомнений, горестей как будто в одиночку, не ощущая покрова милости Бога над собой. О библейских, теологических и др. аспектах понятия «темная ночь» у св. Хуана см. вступительную статью Л. Винаровой в издании: Св. Хуан де ла Крус. Темная ночь / Пер. с исп. Л. Винаровой. М., 2006.
- ¹²⁴⁴ Это определение Аристотель прилагает к Богу. Ср. Метафизика, кн. XII, 7, 1072b: «нечто сущее в действительности, что движет, само будучи неподвижным» (пер. А. Кубицкого).
- ¹²⁴⁵ Полагаем, что имеется в виду образ Кутузова. Ср. примеч. 847.
- ¹²⁴⁶ Персонаж комедии Мольера «Мизантроп».
- ¹²⁴⁷ Издатели ЕС предлагают расшифровку Н<itler>. Хотя тогда, казалось бы, следовало ожидать его упоминания в контексте «силы». Возможно, имеется в виду пристрастие нацизма (как и всех тоталитарных режимов) к парадам и массовым действиям, призванных сплотить «массы» в преданности вождю.
- ¹²⁴⁸ Т. е. Симона считает возможным гордиться ими только в другом человеке, с которого мы пытаемся брать пример в том или ином добром качестве.
- ¹²⁴⁹ Учение об оккультных, т. е. скрытых качествах вещей, опиравшееся на Аристотеля, господствовало в науке средневековья, пока не было отвергнуто сначала Декартом, потом Ньютоном, Лейбницем и др. и сохранилось только в алхимии, астрологии и т. п.
- ¹²⁵⁰ Например, бороться за идеал «социальной справедливости», за «родину», сохраняя в себе властолюбие, нетерпимость, мстительность и т. п.
- ¹²⁵¹ Т. е. на уровне добродетели.
- ¹²⁵² Аббревиатура «Р. Th.» может быть истолкована по-разному: 1) Le père de Thibon (отец Тибона); Симона с большой теплотой относилась к отцу Гюстава Тибона, Луи-Гюставу, и любила слушать его рассказы и рассуждения. 2) Pensées de Thibon («Мысли» Тибона). Г. Тибон писал о том, что гибель молодого поколения в войне 1914–1918 гг. морально подорвала Францию.
- ¹²⁵³ Г. Тибон предполагает, что Симона могла иметь в виду пьесы Г. Марселя «Смерть назавтра» или «Пылающая часовня». Габриэль Оно-

ре Марсель (1889–1973), французский философ-экзистенциалист. Происходя из неверующей семьи, в возрасте 40 лет обратился в католицизм. Называл свою философию «неосократизмом», или «христианским сократизмом», подчеркивая ее внеконфессиональный характер и критически относясь к неотомизму. Главные философские работы — «Существование и объективность», «Метафизический дневник», «Быть и иметь», «Номо viator», «Тайна Бытия», «Опыт конкретной философии» и др. Автор драм, литературно-критических работ, а также музыкальных произведений.

¹²⁵⁴ «Конец путешествия» — пьеса английского писателя и киносценариста Роберта Чедрика (1896–1975), отразившая опыт участия автора в Первой мировой войне.

¹²⁵⁵ Т. е. действие, само по себе нравственно-высокое, подчас предоставляется возможным выполнить, пользуясь энергией нравственно-низкого уровня. Но это непременно скажется на результатах действия.

¹²⁵⁶ То, что заполняет лишь наполовину потребность в возвращенной энергии.

¹²⁵⁷ Судя по контексту, воображением.

¹²⁵⁸ В РГ это заключение опущено.

¹²⁵⁹ Хуайнань-цзы, глава «Об изначальном Дао»: «Ничто в Поднебесной не может сравниться с водой по мягкости, но она велика беспредельно, глубока безмерно. Простирается в длину бескрайне. Волны ее безбрежны. Вдохнет, выдохнет, сожмется, разольется. (...) Высоко в небе образует дождь и росу. Внизу на земле — источники и заводы. Тьма вещей без нее не родится. Сотни дел без нее не вершатся. Она обнимает все множество живого, но не знает ни любви, ни ненависти. Напитывает влагой мельчайшие существа и не требует вознаграждения. Обогащает Поднебесную и не истощается. Облагодетельствует простой народ и не несет урона. Всегда в пути, но не может дойти до конца. Малая, но не может быть зажата в ладони. Нанеси удар — не поранишь, коли — не проколешь, руби — не разрубишь, жги — не горит. То течет спокойно, то бурлит, взбудораженная, но не рассеивается. Точит металлы и камни. Наполняет собой всю Поднебесную. Разливается на безбрежных просторах, парит выше туманов. Бежит в долинах и руслах рек, орошает пустынные поля. Имеет ли излишек или недостаток — небо и земля берут или отдают. Ее получает тьма вещей, и нет здесь ни первых, ни последних. (...) Широко простертая, кипучая, объединяется с небом и землей в великое единство. (...) Это и есть высшее

благо» (Дао дэ цзин. Книга пути и благодати. М., 2008, с. 84–86; пер. Л. Померанцевой).

¹²⁶⁰ Отнюдь не случайно выбран глагол *entendre*, означающий: 1) слушать, внимать и 2) желать. Всей силой внимания устремленные к этому идеалу, святые желают его как *дара*. Коренной пункт аскетики Вейль. Ср. в трактате «Формы неявной любви к Богу»: «Дело будущей невесты — ожидать. Раб ожидает и бодрствует у ворот, пока господин находится на пиру. Прохожий не приглашает сам себя на брачный пир и не просит, чтобы его пригласили. (...) Образ поведения, который спасителен для души, не похож ни на какую активную деятельность. (...) Это — ожидание, неуклонное внимание и верность без конца, способные выдержать любой удар. (...) Активно искать — вредно не только для любви, но и для понимания, ибо законы понимания подобны законам любви. (...) Поиск приводит к ошибке. Это относится ко всякому истинному благу. Человеку не надо делать ничего другого, как ожидать блага и уклоняться от зла. (...) Но это ожидание блага и истины есть нечто более сильное, чем любые поиски» (Ф, с. 253–255).

¹²⁶¹ Стрелка проведена к фразе о даосской метафоре воды.

¹²⁶² Индолог и переводчица с санскрита Алиетта Деграс комментирует эту фразу в контексте древнеиндийской мысли: «Воображение соответствует одной из двух модальностей, которыми определяется понятие реальности в индийских текстах — реальности, рассматриваемой под углом последствия» (ЕС, t. VI, vol. 2, p. 576, n. 391; пер. мой. — П. Е.).

¹²⁶³ Иллюстрацией действия этого закона будет история Жаффье в «Спасенной Венеции».

¹²⁶⁴ *Soi à venir*.

¹²⁶⁵ Т. е. периоды отчаяния и безнадежности, которые сменяются достижениями как бы неожиданными и не завоеванными.

¹²⁶⁶ Неустановленное лицо.

¹²⁶⁷ *Retournements*. См. примеч. 786.

¹²⁶⁸ Уголино делла Герардеска, граф, глава гвельфской партии Пизы, правитель города в 1284–1288 гг., образ которого выведен в «Божественной комедии» Данте (Ад, 32:124–33:90).

¹²⁶⁹ Ср. в книге Тибона «Жребий человека», вышедшей из печати зимой того же 1941 года: «Обращаться к Богу некоего человека, значит, обращаться к этому человеку, ибо Бог есть все. И поскольку Бог говорит „ты“ всему, любит все, значит, ты это все. Но если ты

заблуждаешься относительно Бога, если ищешь ниже того, кто является для тебя абсолютным „ты“, тогда — пусть ты даже трудился, как раб, заполняя пропасть, вырытую идолопоклонством — увидишь, как это „ты“ мало-помалу изменяется в „он“, неприступное и ледяное» (Thibon G. *Destin de l'homme*. P., 1941, p. 12; Симона могла читать эту книгу в рукописи).

¹²⁷⁰ Misère.

¹²⁷¹ Degradé.

¹²⁷² Фраза в скобках в PG опущена.

¹²⁷³ Название работы Габриэля Марселя «Быть и иметь» (1935).

¹²⁷⁴ Est du côté de Dieu.

¹²⁷⁵ Жанна де Зальцман (урожд. Аллеман; 1889–1990) — французская танцовщица, переводчица и мистик. Супруга театрального художника Александра фон Зальцмана, ученика Г. Гурджиева, главная помощница Гурджиева и официальная переводчица его сочинений во Франции; до конца жизни служила пропаганде его учения. Симона могла узнать многое о ней от Рене Домалья и его жены Веры, которые с 1934 г. и до самого начала войны посещали занятия Ж. де Зальцман по «гармоническому устройению тела». Курс включал в себя музыку, физические, эвритмические и интеллектуальные упражнения.

¹²⁷⁶ Вероятно, отсылка к ЧУ, VIII, 7.

¹²⁷⁷ «Если будет на то воля Бога» (*араб.*; ритуально-молитвенное восклицание, восходящее к Корану, сура «Пещера», 23–24). В публикации PG опущено.

¹²⁷⁸ Non pas se raider.

¹²⁷⁹ Ле-цзы, 5. См. примеч. 516, 744.

¹²⁸⁰ Loi de pesanteur, закон притяжения.

¹²⁸¹ Не забудем, что в первой половине XX века в громадном большинстве домов Франции, даже в самом Париже, служанке приходилось топить печи и камины, затаскивать по лестницам на верхние этажи уголь или дрова, выносить помой и др.

¹²⁸² Аббревитатура означает «loi de l'imagination», закон воображения (*фр.*).

¹²⁸³ Сказка братьев Гримм. Хвастливая гордость убитыми семью мухами усиливает в Портняжке амбиции, а вместе с тем поддерживает в нем решимость и проворство на все большие авантюры.

¹²⁸⁴ Французское faire attention означает, прежде всего, «быть осторожным, бдительным, беречься»; восклицание «attention!» — «побе-

регись!» Но мы, вслед за Наталией Ликвинцевой, в данном случае считаем нужным сохранить слово «внимание», которое для Симоны Вейль имеет важное терминологическое значение.

¹²⁸⁵ Аббревиатура означает «loi de condition d'existence», закон условия существования (*фр.*).

¹²⁸⁶ Паскаль, Мысли, 200 (347): «Человек — всего лишь тростинка, самая слабая в природе, но это тростинка мыслящая. Не нужно ополчаться против него всей вселенной, чтобы его раздавить; облачка пара, капельки воды достаточно, чтобы его убить. Но пусть вселенная и раздавит его, человек все равно будет выше своего убийцы, ибо он знает, что он умирает, и знает превосходство вселенной над ним, а вселенная ничего этого не знает» (пер. Ю. Гинзбург).

¹²⁸⁷ Текст ms. 98 до абзаца «Отказаться от всего...» помечен двойной вертикальной линией.

¹²⁸⁸ Ср.: Мф 5:3: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное».

¹²⁸⁹ Аббревиатура означает «loi de la double correlation des contraires», закон двойной корреляции противоположностей (*фр.*).

¹²⁹⁰ Ce qui ne doit pas l'être.

¹²⁹¹ Аббревиатура означает «science physique», физическая наука (*фр.*).

¹²⁹² Платон, Теэтет, 155c-d: «*Теэтет*. Клянусь богами, Сократ, все это приводит меня в изумление, и, сказать по правде, иногда, когда я пристально вглядываюсь в это, у меня темнеет в глазах. *Сократ*. А Феодор, как видно, неплохо разгадал твою природу, милый друг. Ибо как раз философу свойственно испытывать такое изумление...» (пер. Т. Васильевой). Симона связывает изумление как «тьму в глазах» с «темной ночью души», описанной в трактатах св. Хуана де ла Крус.

¹²⁹³ Écrits machiavéliques.

¹²⁹⁴ Эмиль Дюркгейм (1858–1917) — ведущий представитель социологической теории религии, понимал священное как «гипостазированные коллективные силы». «Та сила, которая так могла заставить его (человека. — П. Е.) проникнуться чувством уважения и сделаться предметом его поклонения, есть общество; и лишь гипостазированной формой последнего являются боги. Религия — это в конце концов система символов, посредством которых общество сознает самого себя; это образ мышления, присущий только кол-

лективному существу» (Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. СПб., 1912; www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Durkgeim/11.php). Из других высказываний Симоны по этому поводу: «Дьявол — коллективное (то самое божество Дюркгейма). Как раз на это Апокалипсис ясно указывает образом Зверя, который столь зримо тождествен Великому зверю Платона» (СЕС, t. VI, vol. 4, p. 354; пер. мой. — П. Е.).

¹²⁹⁵ Напомним, что раджас — гуна экспансии, расширения жизненной сферы.

¹²⁹⁶ Boivin A. Bactéries et virus. P., 1941.

¹²⁹⁷ Вероятно, имеется в виду тибетская история из книги путешественницы Александры Давид-Неэль «В краю благородных разбойников» (1933).

¹²⁹⁸ Вероятно, речь идет об обратном преобразовании из золы в дрова, а о центре земли говорится по аналогии с силой притяжения.

¹²⁹⁹ «Согласно Аристотелю, чтобы определить каждую способность, необходимо прежде уразуметь соответствующую ей деятельность, ибо „все виды деятельности (ἐνέργεια) и действия предшествуют способностям (δυνάμειον)“ (О душе, II, 4, 415a 18–20). Для Аристотеля эпистемологический порядок (от деятельности — к способности) есть следствие порядка определения (от действия — к силе)» (Брэдшоу Д. Аристотель на Востоке и на Западе: Метафизика и разделение христианского мира. М., 2012).

¹³⁰⁰ См. примеч. 1179.

¹³⁰¹ См. примеч. 1249.

¹³⁰² En même temps qu'efficace. Свободный пересказ мысли Алена: «Метафизически сомневаться в собственной воле — дело столь обычное — собственно говоря, означает не иметь воли» (Alain. Les Passions et la sagesse. P., 1960, p. 991).

¹³⁰³ Флп 2:7.

¹³⁰⁴ Ср. Мф 18:7: «Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит».

¹³⁰⁵ Мф 6:9–13.

¹³⁰⁶ Transcendant.

¹³⁰⁷ С французского перевода Симоны. Греческий текст молитвы переписан три раза подряд; Симона делала это как духовное упражнение.

¹³⁰⁸ Мф 6:2: «Истинно говорю вам: они уже получают награду свою».

- ¹³⁰⁹ Мф 6:18: «Пред Отцом твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе».
- ¹³¹⁰ Но само Евангелие, противопоставляя небесное воздаяние земному, призывая «собирать сокровища на небесах» и быть «добрыми купцами», возбуждает именно стремление к небесной награде, даже заверяет в ее получении. В этом, скажем так, «нормальном» состоянии христианского сознания, пустоты не возникает. Соблазн земного воздаяния «перекупается» надеждой на воздаяние большее, вечное, которое никто не в силах отнять. Пустота возникает, если христианский подвижник, после того как совершил много добрых дел, оказывается вдруг поражен непоправимым бедствием, и переживает состояние богооставленности и утрачивает саму надежду, — но при этом держится своих первоначальных принципов.
- ¹³¹¹ Роман, сюжет которого строится вокруг освободительной борьбы в вымышленном южноамериканском государстве Костагуана (1904).
- ¹³¹² О. Альберт Пейригер (1885–1959) под впечатлением жизни и трудов о. Шарля Фуко в 1926 г. поселился на краю берберской деревни в пустыне, чтобы молиться и помогать бедному люду. Вел также и этнологическую работу. В письмах (они публиковались в 1930–1950-е гг.) откровенно описывал периоды духовного изнеможения. Шарль де Фуко (1858–1916) — выходец из аристократического рода, офицер, затем географ-исследователь, он в 1890 г. принял монашество в ордене траппистов, а с 1901 г. обратился к отшельническому образу жизни. В 1905 г. поселился в селении туарегов на западе Алжира. Его намерением было создать новую конгрегацию, но при его жизни к нему никто не присоединился. Не ведя проповеди среди местных жителей, он лишь молился за них; жил в нищете. Составил словарь туарегского языка, написал труды по культуре туарегов, составил антологию их поэзии. Убит во время антифранцузского восстания. В 2005 г. причислен Католической Церковью к лику блаженных.
- ¹³¹³ БАУ, I, 5, 21: «<Действия человека> вступили в спор друг с другом. Речь решила: „Я буду говорить“. Глаз: „Я буду видеть“. Ухо: „Я буду слышать“. И так же <решили> другие действия, <каждое> согласно <своему> делу. Смерть сделалась изнурением и одолела их, овладела ими. Овладев ими, смерть удержала их <от дел>. Поэтому и бывает изнурена речь, изнурен глаз, изнурено ухо. Но она не овладела тем, что есть срединное дыхание. Те <действия> хоте-

ли узнать его <и сказали>: „Поистине, оно — лучшее из нас, ибо — движется оно или не движется — оно не терпит ущерба и не гибнет. Давайте же примем все его образ“. И все они приняли его образ» (пер. А. Сыркина).

¹³¹⁴ Из басни Лафонтена «Увязший воз».

¹³¹⁵ «Есть ли лучшее упражнение в эластичности, чем прощение обид! Какое благодеяние — и при этом какая еще более жестокая обида! Я говорю, конечно, о прощении настолько „искреннем“, насколько возможно. „Прощаю тебя“ — значит, сказать: „Я тебя распознал, я тебя представил всего, каков ты есть, я тебя переварил... Ты не в силах помешать мне быть по отношению к тебе справедливым и даже благосклонным“» (Valéry P. Mauvaises pensées et autres // Œuvres, t. II, p. 834; пер. мой. — П. Е.).

¹³¹⁶ Retournement можно перевести и более привычными в этом контексте словами, как «обращение» или «поворот», но надо учитывать, что Симона постоянно использует в этических формулах аналогии из области физики и математики. Здесь внутренний нравственный процесс обращения к злу (см. выше) или к добру описывается как результат действия объективных законов. Человек «переворачивается», опрокидывается в сторону зла подобно судну с малой остойчивостью, не принимая осознанное решение, но просто как вещь, повинаясь действию безличных природных сил. Объективный характер этого наблюдения отмечен буквой Λ, обозначающей закон, правило. Но бывает и «переворачивание» другого рода. «Молиться даже думая, что Бог не существует», по Симоне, есть «переворачивание» атеизма, неверия — их bon usage, использование во благо, для обновления, усиления веры, освобождения ее от недолжных, чуждых и мешающих ей подпорок.

¹³¹⁷ Riété. Идет продолжение мысли, записанной на предыдущей странице до слов: «...что Бог не существует».

¹³¹⁸ Имеется в виду преданность Электры памяти погибшего, по ее мнению, брата Ореста (Софокл, «Электра»). Конечно, не в меньшей степени примером в том же роде служит и образ другой любимой Симониной героини — Антигоны.

¹³¹⁹ Это соответствует общему взгляду Софокла на человека как на хозяина своего нравственного выбора, ограниченного лишь смертью. Ср.: «Много есть чудес на свете, / Человек — их всех чудесней. (...) Все он умеет; от всякой напасти / Верное средство себе он нашел. (...) Хитрость его и во сне не приснится; / Это искусство толка-

ет его / То ко благим, то к позорным деяньям» (Антигона, ст. 339–340, 366–367, 371–373; пер. С. Шервинского и Н. Познякова).

¹³²⁰ Софокл, Филоктет, ст. 1066: «*Филоктет* (Неоптолему): О сын Ахилла! Неужели слóва / Не скажешь ты? Безмолвствуя, уйдешь?» (пер. Ф. Зелинского).

¹³²¹ Аббревиатура означает «*loi du vide*», закон пустоты (*фр.*).

¹³²² Беспольные (*грег.*). Слово из «Электры» (ст. 1144).

¹³²³ Служение фантому, призраку, по Симоне — низость, рабство. Симона не смешивает с этим искажением, вырождением реальной любви любовь к умершим в случае Электры или Антигоны; там эта любовь, тождественная благочестию, при ирреальности объекта становится совершенно реальной силой нравственного сопротивления злу. Обе героини Софокла лелеют внутри себя и защищают в своих поступках не призрак, но живой нравственный закон. Ненавидящие Электру Клитемнестра с Эгисфом, убивающий Антигону Клеон — вот чья власть, сила, жизненные ориентиры извращены и, следовательно, лишены подлинной реальности.

¹³²⁴ Мф 8:22.

¹³²⁵ Платон, Федон, 64а.

¹³²⁶ Реймон Леопольд Брюкберже (1907–1998) — священник-доминиканец (с 1934), писатель, а также сценарист, активный участник Сопротивления и общественной жизни послевоенной Франции. Мысль заимствована из его книги «Соединиться с Богом» (1940): «Безразличие смерти предвосхищается в том, что предписывает молитва: предстоит оставить внешние блага, друзей, самых дорогих нам людей — все это мы называем словом „умереть“. Думаю, что молиться есть то же самое, что в молитве подобает оставлять все это добровольно — так же, как умирая мы оставляем это вынужденно» (СЕС, t. VI, vol. 1, p. 267; пер. мой. — П. Е.).

¹³²⁷ «Мое благо» (обычное в испанской речи, фольклоре и поэзии обращение к любимому человеку, прилагаемое в данном случае к Христу) — из стихотворения св. Терезы Авила (1515–1582) «Жалобы изгнания». Содержание этого текста, наполненного горячим и очень «человеческим» любовным томлением, весьма подходит к мысли Симоны.

¹³²⁸ «Мой жених», «мой супруг» (*ит.*) — из мистических бесед св. Анджелы да Фолиньо (1248–1309). См.: *Vita e conversione maravigliosa della B. Angela da Fuligno, suora del terzo ordine del P. S. Francesco. Sessa, 1604, p. 49.*

¹³²⁹ Мысль, по всей вероятности, связанная с эссе С. Кьеркегора «Страх и трепет», предметом размышлений в котором является именно жертвоприношение Авраама. К этому склоняет и стоящее ниже ключевое слово «тревога». Поступок Авраама захватывает Кьеркегора как прыжок через пропасть неизвестного, через разрыв с общей моралью. «Тревога Авраама» вошла позднее в язык философов-экзистенциалистов как метафора абсолютной ответственности человека в акте выбора по ту сторону этики.

¹³³⁰ Angoisse (другие, дополняющие значения — страх, ужас, томление).

¹³³¹ Аббревиатура означает «loi du vide», закон пустоты (*фр.*).

¹³³² Аббревиатура означает «loi de pesanteur», закон силы тяжести (*фр.*).

¹³³³ Abaisse, букв. «понижает». Рассуждение, таким образом, вплетено в контекст общей теории «повышения-понижения» как части вейлевской, если можно так выразиться, «*этической физики*». Акцент делается не на том, что по отношению к человеку совершили действия, попирающие его достоинство, но что результатом этих действий было внутреннее моральное падение, оподление самого униженного и, говоря по-вейлевски, *потеря качества энергии*, которой он обладает. Если унижительное, оскорбительное обращение не нарушило цельность души того, кто ему был подвергнут, — он остается в силах простить своего обидчика. Но собственное внутреннее падение простить куда труднее, ибо в унизившейся, падшей душе не остается для этого запаса сил. Неслучайно такая способность простить называется *великодушием*. Душе унизившегося, согласившегося на подличанье — слишком трудно (по Симоне: *физически трудно*) вновь стать «великой».

¹³³⁴ Мф 5:29: «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну».

¹³³⁵ Марк Порций Катон Старший (234–149 до н. э.) — римский политический деятель, консул 195 г. до н. э., особенно прославившийся в должности цензора (184 г.) борьбой за патриархальную строгость нравов, против «изнеживающего» греческого влияния. Неутомимый поборник уничтожения Карфагена. В данном случае сухая и мелочная придирчивость Катона упомянута как другая крайность, противоположная легкомыслию и беспечности Овидия. По свидетельствам древних, удручавшая Катона забота о чистоте общественных нравов находила компенсацию, в частности, в склонности к чрезмерной выпивке. Ср.: Монтень, Опыты, II, 2.

- ¹³³⁶ Ср. Дж. Герберт, в книге стихов «Храм»: «Оказывай милостыню по твоим средствам и по достоинству просящего. (...) Но каждому дай что-нибудь».
- ¹³³⁷ Sans recours. Очень важное уточнение, в частности, объясняющее «народную любовь» к самым неумолимым из тиранов.
- ¹³³⁸ Déterminé par les effets.
- ¹³³⁹ À descendre.
- ¹³⁴⁰ Matière végétale.
- ¹³⁴¹ См. K2, ms. 109 (с. 218–219).
- ¹³⁴² Брак Рене и Веры Домаль был основан на общности мистических интересов. Вера стала жить с Рене в 1931 г., покинув прежнего мужа, поэта Хендрика Крамера. Сложная внутренняя обстановка в бездетной семье отягощалась неизбывной бедностью, непрактичностью, разрушенным здоровьем и надломленной психикой Рене (последствия юношеского увлечения наркотиками) и тяжелым опытом Веры (гражданская война в Сибири, бегство, заграничные скитания). Неудивительно, что напряжение между ними могло периодически разряжаться на постороннем человеке. Вероятно, в упомянутом случае Симона ощутила, что позволила вовлечь себя в некую «схему компенсаций» и невольно подыгрывает этой игре.
- ¹³⁴³ Licence.
- ¹³⁴⁴ Кажется, здесь имеется в виду резкое снижение порогов между «подобающим» и «неподобающим» в сфере отношений между полами, которое всегда сопутствует войне.
- ¹³⁴⁵ Слово grâce, в самом деле, имеет удивительный спектр тесно переплетенных друг с другом значений: милость, благосклонность, прощение, благодарность, признательность, благоволение, благодать (как термин христианской религии), дар (в т. ч. и в смысле гениальности), вдохновение, привлекательность, изящество (грация). Эту взаимосвязь, сплавленность этических и эстетических смыслов необходимо иметь в виду каждый раз, когда мы встречаем это слово у Симоны Вейль. Прибавим, что, в силу отмеченной специфики, у Симоны оно обретает родство с античным идеалом καλὸς κἀγαθός, «доброго и прекрасного» человека.
- ¹³⁴⁶ «Заметки в багровом цвете», книга американского писателя и сценариста Кортни Р. Купера (1886–1940) в жанре non-fiction, посвященная преступности и борьбе с нею. Опубликованная в 1939 г., стала частью PR-кампании, организованной руководством Феде-

рального бюро расследований в целях повышения общественного и политического престижа организации.

¹³⁴⁷ Воспоминание о подобной сцене, увиденной в реальности.

¹³⁴⁸ Имеется в виду не трагедия Софокла «Федра» (от которой дошли до нас лишь небольшие фрагменты), а одноименная трагедия Ж. Расина.

¹³⁴⁹ Фома из Челано, Первое житие св. Франциска, гл. 7: «Как он сам рассказывает, ему настолько отвратителен был сам вид прокаженных, что во времена суетной юности он, завидев издали обиталище прокаженных, уже зажимал себе рукой ноздри. Но милость и сила Всевышнего осенили его... и еще в те дни, когда он пребывал в мирской одежде, ему повстречался однажды на дороге прокаженный, и он, одержав над самим собой победу, бросился к прокаженному и поцеловал его» (пер. О. Седаковой).

¹³⁵⁰ Имеется в виду картина Андреа Мантеньи «Мертвый Христос» (ок. 1475–1478; Милан, Пинакотекка Брера), где на первом плане крупно показаны пробитые гвоздями голые ступни.

¹³⁵¹ Судя по другим примерам употребления этого знака, Симона считает, что этот тезис должен быть глубже продуман и подтвержден конкретными примерами.

¹³⁵² Возможно, начало цитаты из «Фауста» Гете: «И ад законом связан?» (ст. 1413; пер. Н. Холодковского).

¹³⁵³ Union.

¹³⁵⁴ Sense. Также возможно: «В каком смысле?»

¹³⁵⁵ Сжатая цитата из БхГ, IX, 27.

¹³⁵⁶ То есть, не рассчитывая на конечное торжество добра, на награду или помощь свыше, на то, что допущенные погрешности в конкретном исполнении будут покрыты величием «святой» цели. Мысленно ставить себя в полное одиночество, будто без Бога, — но делать во имя Бога. Это, по Симоне, должно сделать каждый поступок актом наиболее чистого служения Ему.

¹³⁵⁷ Зевс Молящий — Зевс, являющий себя в умоляющем о милости (бедняке, изгнаннике, пленнике и т. д.).

¹³⁵⁸ Эсхил, Просительницы, ст. 346.

¹³⁵⁹ Напротив этих слов на полях стоит †.

¹³⁶⁰ Линия проведена к пункту 2).

¹³⁶¹ Стрелка идет к пунктам 1) и 2).

¹³⁶² D'en bas. Возможно, антоним к d'en haut, т. е. свыше, от Бога. Молчание, отражающее «адский опыт» или «дьявольское вдохновение».

¹³⁶³ Строка из «Сезона в аду» Артюра Рембо (гл. «Утро»).

¹³⁶⁴ Это и последующее стихотворение принадлежат Симоне. Они наврядли могут считаться лирическими; написанные от первого лица множественного числа («мы»), определенно, напрямую выражающие ее основные идеи Симоны этого периода, они звучат как религиозные гимны, рассчитанные на круг собратьев по упованию. Ср. также стихотворение «Звезды» (т. 2, с. 81).

¹³⁶⁵ *Maîtres* — переводимо как «господа», так и «учителя». Оттенок второго смысла в стихотворении, несомненно, тоже присутствует: звезды не только олицетворяют правящую миром необходимость, но они и пример для подражания людей в послушании ее закону.

¹³⁶⁶ Вызывая в памяти прикованного к скалам Прометея, этот образ, однако, навеян космогоническим мифом Платона. Человек, растянутый «цепями звезд», крестообразно, на «недвижной точке на севере» (т. е. на полюсе), уподобляется Мировой Душе, которую Демиург, «рассекши весь <ее> образовавшийся состав по длине на две части, (...) сложил обе части крест-накрест наподобие буквы Х и согнул каждую из них в круг, заставив концы сойтись в точке, противоположной точке их пересечения» (Тимей, 36b). Поскольку для Симоны платоновская Мировая Душа отождествляется с евангельским Сыном-Логосом, очевидно, что в основе этого образа лежит ее идея уподобления Богу через страдальческое послушание.

¹³⁶⁷ Ни в трактатах, ни в черновых записях «Тетрадей» эсхатологические воззрения Симоны не раскрываются вполне. Осенью 1942 г. она пишет аббату Кутюрье: «Если бы в Евангелии вовсе не было упомянуто о воскресении Христа, мне было бы только легче поверить. Мне достаточно одного Креста» (Ф, с. 476). При том, что в христианстве вера в воскресение Христа — один из центральных догматов, тесно увязанный с верой во всеобщее воскресение умерших в вечной, неразрушимой плоти, Симона, похоже, не придает этой вере большого значения для себя. Более того, ее стихотворение-гимн и тем, кто готов идти ее путем, как бы предлагает не надежду на Воскресение, одушевлявшую христианских мучеников всех времен, а что-то скрытое от нее самой. Как бы то ни было, пустота открывающаяся за «вратами», пугает. И мало утешения в том, что она омывает измученные глаза страдальцев земли: на что ими смотреть, если нет ничего, кроме «безмерности»? Остается надежда лишь на то, что обновленное зрение даст им увидеть что-то, о чем нельзя сказать земным языком.

- ¹³⁶⁸ БАУ, IV, 2, 4 (пер. А. Сыркина). В рукописи на деванагари. Джанака, полулегендарный царь государства Видеха (он является также одним из персонажей «Рамаяны»), согласно тексту, принимающий поучение от мудреца Яджнявалкьи.
- ¹³⁶⁹ Краткий конспект наставления о природе Брахмана в БАУ, IV, 1–7. То, что Симона переводит как «*plaisir*» («удовольствие»), в переводе А. Сыркина передано как «блаженство». В Упанишаде речь идет не о самом по себе удовольствии от полового соития, но о реализации человека — как в соединении двух полов, так и в счастье от произведения потомства.
- ¹³⁷⁰ Весь приведенный курсивом текст, хоть и представляет собой не прямую цитату, но резюме фрагмента БАУ, IV, 1; записан на деванагари.
- ¹³⁷¹ А. Риё. См. предисловие к Тетради IV.
- ¹³⁷² Известная во Франции марка гигиенической и косметической продукции, существующая с 1860 г.
- ¹³⁷³ Илиада, XI, 88. Процитирована маленькая, но яркая картина тяжелого труда, вставленная в сцену боя: лесоруб, который валил до обеда высокие деревья, пока, наконец, «насытил руки» (ἐκὸρῆσθαι χεῖρας), «в дух вошло пресыщенье» (ἄθος τέ μιν ἵκετο θυμόν: удачный вариант Вересаева, против «томности» у Гнедича), «и то, что вокруг диафрагмы, охватило вожделение сладостного хлеба» (σίτου τε ὑλκεροῖο περὶ φρένας ἵμερος αἰρεῖ). Симона переводит ἄθος как *dégoût*, отвращение, что резко выбивается из художественного контекста сценки. Симона интуитивно угадывает родство между словами старой крестьянки и словами Гомера. Наверное, крестьянка перевела бы это место лучше. Оба они — и Гомер, и бабушка — говорят об одном и том же: о необходимом, глубоко психо-физически обусловленном чередовании «насыщения» тяжким трудом и подкрепления пищей, которая в этот момент становится «сладостной». У самой Симоны тоже есть высказывания в подобном роде. Но здесь она, как нам кажется, искусственно драматизирует ситуацию. Для крестьянина труд наследственно привычен, он облегчается множеством трудовых навыков, приобретенных от предков, и унаследованным и воспитанным с детства чувством меры физических нагрузок. У Симоны ее погружения в стихию физического труда были лишь эпизодическими, порывистыми, всегда сопровождаясь сильнейшими перегрузками и стрессами. Физическая слабость, болезненность, произвольные самоограничения в пище

и сне, курение, — действие этих неблагоприятных факторов усиливалось специфическими нравственными и интеллектуальными устремлениями: это и отношение к труду как к некоему «искуплению» своей принадлежности к зажиточному слою, как к аскетическому «умерщвлению плоти» (летом 1941 г. этот мотив был усилен чтением св. Хуана де ла Крус), и подавление своей сексуальности, и многое другое. Кажется, запись была сделана в плохом физическом состоянии, что внушало трагический взгляд на окружающее. В лучшие моменты Симона могла взглянуть на ту же тему умереннее и трезвее (ср. K4, ms. 8, с. 313; там цитируется и то же место из «Илиады»).

¹³⁷⁴ По классификации Спинозы. См. примеч. 1099.

¹³⁷⁵ Полнота (*санскр.*).

¹³⁷⁶ Мф 6:34.

¹³⁷⁷ Судя по «недеревенскому» стилю речи, слова сказаны не крестьянкой, а женщиной из города, какой-то из лотарингских или бельгийских беженок (о тех и о других упоминается в Тетради V), для которых непривычный и не соответствующий возрасту тяжелый труд, вместе со стесненными условиями быта, был частью постигшего их горя.

Содержание

Список используемых сокращений	5
Условные обозначения	8

Петр Епифанов

Два предисловия

Предисловие читателя	9
Предисловие переводчика	20

Олег Панкратьев

Симона Вейль и опыт Богоотсутствия	31
--	----

ТЕТРАДИ I–IV

Тетрадь I (K1).

Париж, 1933–1935 и 1937–1938(?)	61
---------------------------------------	----

Испанский дневник.

Август–сентябрь 1936	132
----------------------------	-----

Неизданная тетрадь I (Ki1).

Марсель, середина сентября 1940 — январь 1941	145
---	-----

Неизданная тетрадь II (Ki2).

Марсель, осень–зима 1940/1941	172
-------------------------------------	-----

Тетрадь II (K2).	
Марсель, январь — начало сентября 1941	182
Тетрадь III (K3).	
Марсель, январь — начало сентября 1941	234
Тетрадь IV (K4)	
Верхние Альпы, Сен-Марсель-д'Ардеш, Поз, Сен-Жюльен-де-Пейрола́.	
Август — октябрь 1941	306
Примечания	402

Издание осуществлено при поддержке
Клуба друзей Издательства Ивана Лимбаха
ООО «Лига» Ростеслав Леонтьев

16+

Редактор *И. В. Булатовский*
Корректор *Л. А. Самойлова*
Компьютерная верстка *Н. Ю. Травкин*

Подписано к печати 00.00.2016 г. Формат 60×90¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 2000 экз. Заказ № 0000.

Издательство Ивана Лимбаха.
197342, Санкт-Петербург, ул. Белоостровская, 28А.
E-mail: limbakh@limbakh.ru
WWW.LIMBAKH.RU

Отпечатано в Первой Академической типографии «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12/28